SHOUT
SHARE
IT

-
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42

- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Эпилог
- Перечень форм Танзена
- Астучианский календарь

Александр Рудазов
Апофеоз

Глава 1

- Ла-ла-ла, ла-ла, ла-ла-а-а-а!.. Ла-л-ла-ла-а-а!..

Командор распевался с огромным удовольствием. Он обожал эти утренние минуты, когда оставался наедине с самим собой. Включал воду, ощущал, как бегут по телу горячие струйки, с наслаждением терся мочалкой и самозабвенно горланил.

Только здесь он мог делать это без всякого стеснения. В остальное время командор представал застегнутым на все пуговицы и не то что петь – громко говорить избегал.

Смыв мыло, он отдернул занавеску... и остолбенел. Его ванная комната куда-то исчезла. Пропали мраморные стены, пропала белоснежная раковина и шкафчик на резных ножках. Душевая кабина загадочным образом переместилась... куда-то. Она стояла на огромной арене, ввысь уходили ряды трибун, а на них восседали тысячи чудищ.

И увидев командора, они принялись аплодировать.

- Номер двенадцать, господа! – раздался звучный голос. – Выставляем оценки!

Растерянно прикрываясь мочалкой, командор перевел взгляд на ведущего. Рослого, идеально сложенного мужчину с красивым гордым лицом. Был он совершенно гол и парил в воздухе, стоя на как будто невидимом постаменте.

- Ваши оценки! – повторил он. – Помыслите их!

И оценки загорелись. Шестерки, семерки, девятки... значки все незнакомые, но каким-то образом понятные. Вот каждый зритель проголосовал – и ведущий ослепительно улыбнулся.

- Семь и две десятых! – объявил он. – Отличный результат! Отличный... но могло быть лучше! Могло быть! Сочувствую тебе, мой дорогой участник – ты старался, но твоя оценка недостаточно высока! Публика сказала свое слово!

- Но... что... – замямлил командор, все еще не отошедший от шока.

- Прощай! Спасибо за песню – ты был хорош, мне понравилось!

И под командором разверзлась земля. Он провалился вместе с кабиной, все еще сжимая лейку душа.

Из нее почему-то по-прежнему лилась вода.

Хальтрекарок раскланялся во все стороны. Он упивался восторгом толпы, упивался ее эмоциями. Весь Паргорон сейчас взирает на Темного Балаганщика и его кукол.

Жаль, повторить сегодняшнее представление не выйдет. В следующий раз будет уже неинтересно, эффект новизны пропадет. Идея очевидно одноразовая.

Поскольку в этот раз представлением был конкурс, по его окончании Хальтрекароку вручали подарки. Освященная временем традиция – игроки преподносят дары ведущему, чтобы он был милостив к ним и благосклонен.

К сожалению, от игроков, что избирает в круговерти миров Хальтрекарок, подобного не дождешься. Они обычно неблагодарны. Оказанная честь не радует их, а огорчает – одни плачут, другие сыплют угрозами, третьи всерьез пытаются убить его, Хальтрекарока. Глупые наивные существа.

И потому подарки ведущему вручали зрители. Ничего редкого или ценного – просто мелкие изделия, плоды своих огородов и сувениры из дальних краев. Банки соленых огурцов, вишневые пирожки, буженину, вязаные шали, расписные ложки и огромный букет цветов. Его вручила совсем крохотная девочка-гхьетшедарий.

Хальтрекарок все принимал с удовольствием. Он обожал дары. Большую их часть тут же и пожирал, но кое-что откладывал в сторону, для своей личной сокровищницы.

Особенно, конечно, подарки от других демолордов. Ге'Хуул преподнес Зеркало Прозрения, способное заглядывать в сердца смертных, провидя их помыслы и тайные устремления. Асмодей – персик бессмертия, дарующий вечную юность. Наверное, опять в последний момент просто схватил что-то из вазы с фруктами.

И даже Фурундарок в этот раз принес подарок. Гордо опустил его в ладони Хальтрекароку и произнес:

- Я увидел это и сразу подумал о тебе, мой любимый брат.

- Но это же кусок засохшего дерьма, - уставился на него Хальтрекарок.

- Ты тоже заметил сходство между вами? – просиял от счастья Фурундарок.

- Но он даже не в форме меня.

- Разве важна форма? Главное – внутреннее содержание.

Хальтрекарок задумался, что ему с таким подарком делать. Логичнее всего, конечно, просто выкинуть – но не расстроит ли это Фурундарока? Глупый малыш так старался, хотел порадовать брата... у него не получилось, но он же все-таки еще только младенец.

- Ах, мой маленький несмышленый братишка... – умиленно вздохнул Хальтрекарок. – Несносный шалун, подбираешь с земли всякую гадость... Надеюсь, ты хотя бы не тянул это в рот?

- Ну что ты, - процедил Фурундарок. – Приберег для тебя.

Подарки демолордов Хальтрекарок лично понес в сокровищницу. Да, даже от Фурундарока. Фурундарок летел рядом, чтобы убедиться, что его дар туда положат.

- Брат мой, представление окончено, - напомнил Хальтрекарок. – Ты можешь идти. Для особых гостей приготовлен фуршет.

- Я просто хочу провести с тобой немного времени, - ухмыльнулся Фурундарок. – Ты же моя семья. Мой единственный брат. У меня больше никого нет в этом мире.

Хальтрекарок растроганно посмотрел на него. Все-таки Фурундарок его любит. Он не очень умеет это показывать, но он искренне предан своему брату.

Иначе и не может быть, конечно. Он же Хальтрекарок. Самый прекрасный, благородный, умный и удивительный демон Паргорона. Да что там Паргорона – всех миров без исключения!

Думая об этом, Хальтрекарок ослепительно улыбался.

- Господа мои, - появился из ниоткуда Совнар. – Рад видеть вас обоих в добром здравии и хорошем настроении.

Демон-бухгалтер с недоумением смотрел то на содержимое ладоней Хальтрекарока, то на его счастливое лицо. Он предпочел не комментировать это и не спрашивать ни о чем.

Ему за это не платят.

- Здравствуй, мой дорогой, - милостиво кивнул Совнару Хальтрекарок. – Ты был на сегодняшнем представлении?

- Конечно. Как я мог пропустить? Я сидел в зеленой ложе.

На самом деле нет. Совнар давным-давно перестал интересоваться творчеством своего младшего хозяина. Точнее, он интересовался им исключительно с материальной стороны, сугубо финансовой. Во что это обойдется и какие дивиденды принесет.

А само зрелище… он банкир, а не фланёр.

Совсем другое дело – подарки, которые Хальтрекароку преподносят по окончании. Дарят их все-таки демолорды, так что попадаются среди них порой весьма ценные. Изредка даже – настолько немыслимой ценности, что не грех и прибрать к лапкам. Сами-то демолорды к ним относятся, как к безделушкам, бросают пылиться в своих кладовых или без конца передаривают друг другу.

Сегодня, впрочем, ничего особенного, Совнар уже заметил. Просто неплохой демонический аксессуар, полезный для здоровья фрукт и… ах да, конечно, это подарок Фурундарока. Можно было и сразу догадаться – он каждый раз дарит что-нибудь эдакое.

Но Совнар все-таки сопроводил Хальтрекарока до конца. Старый бушук всегда пользовался этим поводом, чтобы лишний

раз заглянуть в сокровищницу. Убедиться, что там не появилось ничего интересного, составить мысленную опись имущества.

Пусть он и личный Хальтрекарока бухгалтер, но в эту святая святых его без пригляда не допускают. Ни его и никого другого. Хальтрекароку даром не нужно все это золото, артефакты и прочая дребедень, но дотронься до чего угодно без спроса – и он поднимет крик, словно ребенок, у которого украли игрушку. Игрушку давно забытую, много лет пылившуюся в чулане – но она станет самой любимой игрушкой на свете, если вдруг пропадет.

Хальтрекарок велел Фурундароку и Совнару отвернуться, пока он открывает секретный проход. Они прекрасно знали, где тот находится, но Хальтрекарок искренне верил, что это тайна для всех. В самом деле считал, что никто не подозревает, по какому кирпичу нужно стукнуть, чтобы растворилась лазейка.

Конечно, это не значит, что туда может войти кто угодно. До такой степени Хальтрекарок все-таки не наивен. Стоит любому демону оказаться внутри сокровищницы без ведома хозяина – и на весь дворец закричит тревога.

- Готово, можете поворачиваться, - заговорщицким тоном сказал он.

- Брат мой, что за секреты ты скрываешь за этой дверью? – фальшиво просюсюкал Фурундарок.

- Тихо-тихо, мой маленький братишка, - успокоил его Хальтрекарок. – Не бойся. Там нет ничего страшного.

Фурундарок окинул его злющим взглядом. Только сам Хальтрекарок и не замечал, насколько Фурундарок его ненавидит. До боли, до зубовного скрежета. Этого пышущего здоровьем красавчика с кучей баб. Они вьются вокруг него мошкарой, несмотря на то, что он – клинический идиот.

При том, что сам Фурундарок проклят навеки пребывать в теле трехнедельного младенца. Никто не воспринимает его всерьез и ему недоступна куча радостей, которыми могут наслаждаться даже не гхьетшедарии, а обычные смертные.

- Куда ты положишь мой подарок? – радостно спросил он, летая по сокровищнице. – На самое видное место, да? Положи его в самом центре. Вот на этот постамент.

- М-м-м... нет, братик, - промедлив, ответил Хальтрекарок. – Твои подарки занимают слишком важное место в моем сердце. Я положу твой дар в специальное место, где его не осквернит ничей ненужный взгляд.

- В урну, что ли? – фыркнул Фурундарок.

- Нет, что ты. Вот сюда, на отдельную полочку...

Он отошел в самый дальний угол сокровищницы. Неприметный, плохо освещенный. Там и в самом деле хранилось

всякое старье – пыльные, порой почти заплесневелые вещицы, о предназначении иных из которых даже сам Хальтрекарок уже не помнил. Его детские игрушки, книги с древними записями, личная соска-якорек, одно очень мощное, но редко используемое оружие и ларчик с... ларчик с...

Хальтрекарок переводил взгляд с предмета на предмет. И не видел ларчика.

Его не было.

Нигде не было.

Просто не было – и все тут.

Хальтрекарок резко обернулся. Он послал сигнал в пространство, озарил собой всю сокровищницу, развернулся сразу в двенадцать измерений, ощутив здесь каждый предмет.

И ничего. Самого ценного здесь предмета по-прежнему не было. Хотя Хальтрекарок точно его отсюда не выносил. Вообще не прикасался к нему уже много-много лет.

- Меня... меня обокрали?.. – недоверчиво пробормотал он.

- Что-что, брат? – участливо переспросил Фурундарок. – Я не расслышал.

- Меня обокрали!.. – фальцетом воскликнул Хальтрекарок, сметая все с полки.

От него изошли чудовищные миазмы, и воздух стал зловонным дымом. Часть золота в сокровищнице расплавилась и потекла. Волшебный ковер на стене истлел. Хальтрекарок даже перешел на мгновение в свою истинную форму – огромную тварь со множеством языков и щупальцев.

- А что у тебя такое украли? – с интересом спросил Фурундарок. – Что ты так переполошился? Важное что-то? Скажи брату. Может, я смогу помочь?

Хальтрекарок окинул его подозрительным взглядом. Он не собирался говорить, что у него пропало. Нет-нет, кому угодно, но точно не Фурундароку.

Ему и о самом-то существовании этой вещи узнать нельзя ни в коем случае.

- Не беспокойся, брат мой, - натянул на лицо улыбку Хальтрекарок. – Я справлюсь сам. Жена-а-а!!!

В сокровищнице материализовалась редкой красоты демоница. Очень фигуристая, с серебристой кожей и платиновыми волосами, длинным гибким хвостом и перепончатыми крыльями. В одной руке она держала бокал пунша, в другой – креветку на шпажке.

- Вот так вот, значит, - недовольно произнесла она. – Даже не поешь теперь спокойно.

- Не время сейчас есть! – воскликнул Совнар. – Нашего

господина и повелителя обокрали, Лахджа!

- Что, время потуже затянуть пояса? – деловито осведомилась демоница. – Мне сообщить гостям?

- Да, сообщи им, - мерзко ухмыльнулся Фурундарок. – Сообщи, что Хальтрекарок теперь нищ, бос и убог. Не скрывай ничего.

- Привет, Фурундарок, - кивнула ему Лахджа. – Давно не виделись.

- Привет, Лахджа, - благодушно ответил Фурундарок. – Тебе понравилось сегодняшнее представление?

- Когда я предлагала этот конкурс, то думала, что никто не умрет, - с каменным лицом сказала Лахджа. – А Хальтрекарок все равно всех убил.

- Глупышка, ты ничего не понимаешь в шоу-бизнесе, - снисходительно ответил Хальтрекарок. – Я улучшил твою идею. Настолько улучшил, что теперь это уже по сути моя идея. И не отвлекай меня пустяками, когда меня постигла такая утрата!

Лахджа пристально оглядела сокровищницу, пытаясь понять, что тут случилось. На первый взгляд – вроде все как всегда, ничего не пропало… хотя она не сказать, чтобы часто сюда заходила. В эти игрушки Хальтрекарок предпочитает играть наедине с собой.

Хотя он и правда сильно взволновался. Вон как с лица спал. Разве что ногти не кусает от волнения. И Совнар семенит туда-сюда, беспокоится, языком цокает.

Только Фурундарок спокоен и даже немножко счастлив. Но это нормально, этот всегда счастлив, когда у других все плохо.

Особенно – если у Хальтрекарока.

- Мой господин, я не претендую на звание эксперта, но здесь по-прежнему груды золота, - произнесла Лахджа, хрустя креветкой. – Что именно пропало, и как я могу помочь?

- Одна очень важная вещь, - сказал Хальтрекарок, косясь почему-то на Фурундарока. – Она лежала в ларчике… вот такого размера. Вот такого вида.

Он тут же сотворил точную копию пропавшего ларчика. Лахджа взяла ее, осмотрела. Вроде обычный. Хотя, конечно, дело было не в ларчике, а в содержимом.

- Он очень важен для меня, - простонал Хальтрекарок. – Очень. Лахджа, ты моя любимая жена. С тех пор, как боги отняли у меня Ассантею, я только тебе могу доверить такую ответственную задачу. Верни мне этот ларчик! Отыщи похитителей и забери его у них!

- А что там было-то, в этом ларчике? – спросила Лахджа.

- Да, что там было? – ехидно спросил Фурундарок.

- Это не имеет значения, - отрезал Хальтрекарок. – Просто верни его мне вместе с содержимым.

- Прямо сейчас? – закатила глаза Лахджа. – Или вначале можно закончить ужин? Там фуршет.

- Какой еще фуршет?! – завопил Хальтрекарок. – Ты понимаешь, что поставлено на кон?! Понимаешь, что у меня пропало?!

- Нет. Ты же мне не сказал.

- Неважно! Это неважно! Если ты так хочешь есть – сожри тех, кто похитил мое достояние! Иначе я сожру тебя!

Лахджа мудро решила, что лучше не расспрашивать. Просто сделать, что просят. А то Хальтрекарок сейчас лопнет от злости.

- Ладно, - смиренно сказала она. – Что-нибудь еще захватить по дороге? Хлеб, молоко?.. Сникерс?.. Новую жену?..

- На твое усмотрение, - отмахнулся Хальтрекарок. – Ни в чем себя не ограничивай.

- Что ж... надеюсь, это будет не как тогда, с той брошкой...

- С чем?..

- Неважно.

Лахджа на секунду задумалась. Так уж вышло, что Хальтрекарок часто использовал ее в качестве девочки на побегушках. Ленивый и изнеженный сибарит, он терпеть не мог покидать свой дворец, свою любимую песочницу с лабиринтом, а потому поручал это другим. Своим личным эмиссарам. Чаще всего – Совнару или кому-то из жен. Тем, конечно, которые не просто красиво выглядят, а еще и обладают какими-то полезными навыками, способностями.

Таким, как Лахджа.

Расследование она начала с того, что слегка изменила внешность. Отрастила себе шапку и плащ, как у одного великого сыщика, а изо рта извлекла свежесотворенную трубку.

- Это тебе зачем? – не понял Хальтрекарок.

- Для антуража. Чтобы настроиться на работу.

Демоница осмотрела место пропажи. С глубокомысленным видом провела пальцем, оставив след в пыли. Остальные части дворца редко пылятся – Безликие отличные уборщики. Но в сокровищницу их не допускают, а сам Хальтрекарок не считает подобное важным.

- Что-нибудь еще пропало? – спросила Лахджа, заметив, что в одном месте пыли как будто меньше. – Только этот ларчик?

Хальтрекарок приложил палец ко лбу, прикрыл на миг глаза и уверенно перечислил, указывая в разные концы сокровищницы:

- Золото и самоцветы. Немного отсюда, немного оттуда. Мановые камни, восемь штук. Призма Силы. Листок бумаги.

Секира Рузульвета.

- Листок бумаги? – переспросила Лахджа. – Просто обычный листок?

- Не вижу, - напрягся Хальтрекарок. – Наверное, магический контракт или страница из волшебной книги.

- Ясно... Мановые камни, Призма Силы, волшебный листок... здесь пахнет магом, если спросите меня, - уверенно сказала Лахджа. – Либо похититель, либо заказчик. И это точно не демон, потому что демонам такое без нужды. Но он вряд ли был один, потому что пропала еще и секира... это же не просто топор? У нее были какие-то свойства?

Хальтрекарок снова напряженно задумался. Он не помнил. За тысячи лет бесцельного собирательства в его сокровищнице скопились груды неожиданных вещей.

- Ладно, это не так важно. Раз именная – значит, артефактная, - сжалилась Лахджа. – Или помнящая. Или благословенная. А значит, среди похитителей был воин. И они не из технологичного мира, потому что секира висела рядом с атомным плазмоганом, а его никто не тронул. А маг был не особенно сильный, потому что реально могущественный не стал бы красть все это барахло, да еще и золото. Такое впечатление, что похититель или похитители просто хапнули, что подвернулось под руку... значит, это не было целенаправленно. Они попали сюда случайно.

- Они вряд ли случайно взяли бы мой ларчик, - возразил Хальтрекарок. – И вряд ли случайно попали бы в сокровищницу. Ты не понимаешь, как надежно у меня тут все защищено!

- Тогда другая версия, - тут же заявила Лахджа. – Это все-таки был демон, и он пришел специально за шкатулкой. А все остальное прихватил просто для отвода глаз. Чтобы мы подумали, что шкатулку взяли случайно.

- Ну...

- Либо... либо это все-таки были смертные, но они работали на демона! – подытожила Лахджа.

- Почему именно на демона?

- А содержимое ларчика имело ценность для смертных?

- Абсолютно никакой. Это ценно только для демонов.

- Значит, им либо кто-то дал заказ, либо они знали, что там, и надеялись кому-то продать. Кому-то из демонов.

- Звучит... разумно, - кивнул Хальтрекарок.

- Жаль, что у тебя тут нет камер наблюдения... – вздохнула Лахджа. – Все было бы гораздо проще...

- Зачем? – не понял Хальтрекарок.

- В смысле зачем? Так бы мы просто посмотрели запись и увидели, кто это был, как он сюда попал.

- Это я и так могу, - пожал плечами Хальтрекарок. – Минуточку.

Он повел руками, секунду-другую перебирал пальцами – и в сокровищнице появились призрачные силуэты. То были сами Хальтрекарок, Фурундарок, Совнар и Лахджа, но в тех местах, где стояли минуту назад.

Потом время словно закрутилось обратно. Лахджа испарилась, остальные немного походили и тоже вышли. Хальтрекарок ускорял дальше, дальше, дальше... а Лахджа пристально смотрела на него и размышляла, зачем он вообще ее сюда притащил, если все это время мог узнать все сам.

Хальтрекарок, господа. Самая ленивая задница во вселенной.

Время крутилось назад долго. Похоже, ларчик украли уже довольно давно. В навеянном мираже время от времени показывался только сам Хальтрекарок – он заглядывал, что-нибудь приносил, позировал перед зеркалом и тут же уходил. Только в обратном порядке.

Но потом... появились какие-то типы. Кто-то, кто совершенно точно не должен был тут находиться. Лахджа попросила докрутить до самого начала, а потом пустить изображение в обычном направлении и на нормальной скорости.

- Звуки есть? – спросила она.

- Звуки не запечатлеваются, - ответил Хальтрекарок. – Они слишком эфемерны.

- Жаль. Они явно что-то обсуждают.

Лахджа очень внимательно изучила вторженцев. Четверо. Огромный детина с синеватой кожей и длинными светлыми волосами. Низенький сутулый полугоблин с такой рожей, что хочется проверить кошелек. Полноватая неряшливая женщина в очках и черной одежде – судя по всему, волшебница. И сального вида толстяк в сутане.

- А я их видела, - внезапно сообразила Лахджа. – Это же те, которые победили в тех крысиных бегах... когда ж это было-то?.. Пару месяцев назад, кажется?..

- А ведь верно, - задумчиво кивнул Хальтрекарок. – Припоминаю таких. Они еще выиграли главный приз.

- Жизнь?..

- Жизнь. Я великодушно даровал им ее – но они не оценили. Сбежали, освободив моего вехота.

- Кстати, я видела, как они удирали, - добавила Лахджа. – Мы с Сидзукой отдыхали на пляже... там еще Асмодей как раз дрых. Он вообще ничего не заметил.

- Подожди-ка, - нахмурился Хальтрекарок. – Ты видела, как они удирали... а почему не схватила?!

- Ты сам их почему не схватил, дорогой муж и повелитель? – хмыкнула Лахджа. – Ты тоже видел, как они удирали. Помнишь, во время пробежки? Сам не схватил и не приказал никому.

- А!.. уф!.. – замешкался Хальтрекарок. Его лоб пошел морщинами, но тут же разгладился. – Я надеялся, что вы сами догадаетесь! Кто-нибудь из вас, моих верных слуг! И особенно я надеялся на тебя, поскольку ты моя любимая жена! Номер один! Я полагал, что ты без лишних слов исполнишь мою волю! Но ты на поверку оказалась не столь хороша, как я ожидал. Впрочем, теперь я дам тебе шанс исправиться.

- Как великодушно с твоей стороны.

Лахджа еще дважды полностью просмотрела картинку. С момента, когда грабители вошли в сокровищницу – и до момента, когда они ее покинули.

К сожалению, за ее пределами Хальтрекарок уже не мог такого показать. Он не накладывал подобных печатей на весь дворец.

- А просто призвать их сюда обратно ты не можешь? – спросила наконец Лахджа, рассматривая ларчик в руках жирного жреца. – Их самих или то, что они похитили. Или хотя бы сказать, где они сейчас?

- Я не знаю их имен, - пожал плечами Хальтрекарок. – Вообще понятия не имею, кто это такие. Искать только по лицам будет слишком долго. Притянуть секиру Рузульвета нельзя, а все остальное – просто безымянный хлам. А ларчик... он необнаружим, к сожалению. Даже для меня.

- Поэтому ты перепоручаешь это мне.

- Поэтому я перепоручаю это тебе. Ты можешь что-нибудь сделать? Поспеши, у меня не так много времени.

- Ну что тут можно сказать... – вздохнула Лахджа. – Ни хера не понятно... сказала бы я, будь я тобой. К счастью, я – не ты.

Хальтрекарок гневно нахмурился. Фурундарок, наоборот, залился радостным смехом. Ему нравилась Лахджа. Самую чуточку, буквально на кончик ногтя, но все же нравилась. А это немалого стоит, если учесть человеконенавистнический характер Фурундарока.

- Не испытывай мое терпение, жена, ибо я муж твой и могу тебя съесть, - пригрозил Хальтрекарок. – Говори. Ты уже обо всем догадалась?

- Пока не обо всем, - произнесла Лахджа. – Но вот как я вижу эту ситуацию... Эти четверо – обычные случайные олухи. Они просто не приспособлены для такой сложной операции, как проникновение в сокровищницу демолорда. Но однако на твоих крысиных бегах они появились не так, как все прочие. Ты же не

извлекал их из миров случайно, верно?

- Кажется, нет, - припомнил Хальтрекарок. Он появил перед мысленным взором события того дня. – Да, нет. Их поймали храпоиды. Они появились… откуда-то извне. Я не спрашивал. А ты откуда об этом знаешь?

- А я и не знала. Понятия не имела. Просто предположила – это же было логично. Угадала, как видишь.

- Ладно. Продолжай.

- То есть они все-таки явились к тебе сами. Добровольно. И явились с некой целью. И хотя они явно недостаточно хороши, чтобы проникнуть в твою сокровищницу, но все же и не полные недотепы. Крысиные бега-то они выиграли – а это довольно тяжело, учитывая, как ты их проводишь.

- Я создаю азартную обстановку, - гордо улыбнулся Хальтрекарок.

- Ага. Ну так вот – в сокровищницу они точно попали с чьей-то помощью. Либо они на кого-то работали, либо им кто-то помогал из своего интереса. Кто-то со стороны. У них был сообщник, который подсказал, как сюда проникнуть. И это был не просто Безликий или еще какой слуга. Это был кто-то покрупнее… – сказала Лахджа, пристально глядя на Совнара.

- Да, я знаю, мой вехот, - кивнул Хальтрекарок.

- Да нет, не вехот…

- Это все сейчас неважно! – воскликнул Совнар, размахивая хвостом. – Лахджа, зачем ты переливаешь из пустого в порожнее?! Нашего господина обокрали! Нужно срочно схватить этих подлых негодяев!

- Да, вот именно! – поддержал его Хальтрекарок.

- Но…

- Без разговоров! – рявкнул демолорд.

Лахджа встретилась взглядом с Совнаром. Рыжий кот приложил ко рту лапку и чуть заметно мотнул головой. Лахджа решила не упоминать пока, что видела его с этими четверыми. Успеется. Лучше вначале выслушать объяснения Совнара. В приватной обстановке, без Хальтрекарока.

- Ладно, - смиренно сказала Лахджа. – Слушаю и повинуюсь, мой господин и повелитель. Коли на то твоя воля, я разыщу для тебя похитителей.

- Успеешь до ужина? – спросил Хальтрекарок.

- Ужин идет прямо сейчас.

- Я знаю.

- Нет, не успею.

- Ты расстраиваешь меня, Лахджа, - покачал головой Хальтрекарок. – Надо будет пересмотреть твое место в моем

рейтинге жен. Возможно, Абхилагаша более достойна звания первой.

- Возможно, - пожала плечами демоница. – Можешь проверить это, послав ее, а не меня.

- Нет, она проваливала все, что я ей поручал.

- И дважды пыталась вас убить, мой господин, - угодливо добавил Совнар.

- Совнар, не лезь со своими бреднями, - поморщился Хальтрекарок. – Зачем любимой жене желать мне смерти?

- Не знаю, - отвела взгляд Лахджа. – Спроси ее.

- Я спрашивал не тебя, а своего бухгалтера, - недовольно посмотрел на нее муж. – Лахджа, не будь такой назойливой. У тебя есть поручение? Выполняй его.

- Да, выполняй его, - почему-то очень довольно сказал Фурундарок. – Желаю тебе всяческих успехов в розысках. А если вдруг что понадобится – призывай меня. Помогу. Выручу.

- О-о-о, это так мило с твоей стороны! – протянул Хальтрекарок. – Мой маленький братишка тоже хочет помогать взрослым...

- Я старший! – рявкнул Фурундарок.

- Я и не говорил, что ты младший. Я сказал, что ты маленький. Ты же меньше меня. Ты не можешь этого отрицать.

- А что это ты такой добрый? – с подозрением глянула на Фурундарока Лахджа.

- Да так просто, - беззаботно ответил демон. – Настроение хорошее.

- Ладно, - вздохнула Лахджа. – Пойду сразу после фуршета.

Хальтрекарок недовольно уставился ей вслед. Какая вздорная и несносная женщина. Он же ясно сказал ей – отправляться прямо сейчас. Поест потом. А она все равно делает по-своему. Не слушается демолорда.

Надо будет серьезно с ней поговорить.

Глава 2

Когда Фырдуз был мал, то любил играть с ребятами в огробег. Кобольдята с визгом разбегались от водящего, который грозно рычал и топал ногами, представляя себя злым огром. Нужно было прятаться от него в самых темных углах и быстро-быстро улепетывать, если тебя заметили. Когда «огр» осаливал кого-то, то утаскивал в свою «пещеру», и там варил из добычи суп, отвернувшись и считая до ста. Но пока он так считал, пленника можно было спасти – для этого кто-то должен был прокрасться и увести его из «пещеры». Если «огр» это слышал и вовремя оборачивался – пленных у него становилось уже двое. Но если он оборачивался, а в его «пещере» никаких лазутчиков не было, то «огр» считался посрамленным и платил фант.

Сейчас эта игра упорно крутилась у Фырдуза в голове. Он снова и снова вспоминал, что лучшим «огром» всегда был Закут – он бегал быстрей всех и никогда не ошибался, оборачиваясь точно в момент, когда кто-то прокрадывался в «пещеру». Огробег с его участием обычно заканчивался огромным чугунком супа из кобольдят.

Зато Фырдуз лучше всех умел прятаться. И прокрадываться. И убегать. «Огр» из него получался никудышный, зато и поймать его редко удавалось даже Закуту.

И сейчас он как будто снова играл. Только ставки здесь гораздо крупнее. Нельзя просто сказать «чур, не игры» и побежать к маме лопать тушеных личинок. Фырдуз давно не чувствовал ног, но лучше стереть их до кровавых мозолей, чем остановиться.

Маленький кобольд не знал, сколько часов убегает от дракона. Орказарок, этот огнедышащий колосс, преследовал его с безумным упорством. Любой ценой жаждал вернуть похищенное – Рваный Криабал. Древнюю волшебную книгу.

Только благодаря Криабалу Фырдузу и удавалось пока что оставаться живым. Он уже несколько раз применял свое любимое заклинание – Побег. Переносился на огромные расстояния. Но Орказарок все равно его настигал. Находил по запаху. Как-то связанный с Рваным Криабалом, он чувствовал его где угодно – и шел по следу не хуже сыскного хобия.

Вот в сотне локтей впереди ударило пламенем. Огненный ливень оставил громадную проплешину, выжег всю траву и раскалил землю. От страшного жара та пошла трещинами. Одна раскрылась настолько широко, что Фырдуз резко отвернул – ему

такую точно не перепрыгнуть. Дылда-Верхний еще сумеет, быть может, а кобольд... ноги коротковаты.

К счастью, по самому Фырдузу дракон палить не смеет. Боится, что Криабал все-таки пострадает, не хочет проверять на практике его огнеупорность. Просто пытается изловить похитителя, отобрать книгу... а потом сожрать, конечно. Сожрать, как сожрал сопровождавших его цвергов.

Поэтому расставаться с Криабалом нельзя ни в коем случае.

И здесь, слава Мастеру, не пещера. Чем хороша бесконечная огромность Наверху – тут можно очень здорово бегать. Никаких стен, никаких тоннелей – несись сломя голову в любом направлении, поворачивай где захочется. В углу его тут дракон не зажмет.

И когда он спускается на землю – у Фырдуза сразу появляется преимущество. Ползает Орказарок довольно медленно. А поднимаясь на крыло – мчится быстрее любого живого существа... но высоко в небе. И это при том, что пламенем дышать нельзя, сцапать на лету тоже.

Вот и получается такой своеобразный паритет. Не одному и не другому.

Земля вздрогнула. Орказарок приземлился. Прямо перед Фырдузом – но на пока еще достаточном расстоянии. Кобольд замер, напряженно следя за каждым движением чудовища. Даже хорошо, что оно такое огромное – видно издалека, незаметно не подкрадется.

Тем более на открытом пространстве.

Но пока что Орказарок сидел неподвижно. Непроницаемо черная шкура вздымалась – похоже, громадный ящер тоже устал, дыхание стало тяжелым. Фырдуз воспользовался моментом и перестал шевелиться совсем. Даже одна лишняя минута передышки сейчас драгоценна, как ничто другое.

- Прекрати убегать! – проревел Орказарок.

- А тебе бы это сильно упростило жизнь, да? – буркнул себе под нос Фырдуз.

- Да! – каким-то образом расслышал его дракон. – Просто отдай мне Криабал и вали на все четыре стороны! Я обещаю тебя не трогать! Я даже дам тебе золота!.. немного!..

Фырдуз ему не поверил. Слишком сильно Орказарок на него зол. И если отдать ему Криабал... возможно, он и в самом деле его не тронет, конечно.

Просто сделает из него шашлык.

- Подумай как следует, козявка! – проорал во весь голос Орказарок. – Если ты окончательно выведешь меня из себя, я просто проглочу тебя целиком!

- Вместе с Криабалом?!

- Да, вместе с Криабалом! Потому что с ним-то ничего не случится, и рано или поздно он из меня выйдет! В отличие от тебя!

Фырдуз сжался в комочек. Такая перспектива его не порадовала. С испугом глядя на застилающего небо дракона, он раскрыл рваный Криабал и торопливо произнес:

- Абан тук агас!

Заклинание Убийства. Хобиев оно убивало на месте, те валились как подкошенные. Мгновенно переставали жить.

Орказарок же… вздрогнул и затрясся. Покачнулся. Едва не упал.

Даже дракона проняло чарами Криабала. Даже ему стало больно.

Но погибнуть он не погиб. Даже Криабала не хватило, чтобы убить это чудище. Даже его сила оказалась недостаточна.

- Дерзкая маленькая тварь! – прорычал Орказарок. – Я знаю это заклятие! Оно предназначено для мелких тварей вроде тебя! Для смертных созданий! Бессмертному оно не грозит!

Фырдуз и так уже это понял. Увы, разница между смертными и бессмертными слишком велика – и те заклинания, что отлично действуют на первых, почти бесполезны против вторых. Он уже пробовал применить против Орказарока Подчинение, пробовал и Замешательство – тот их даже не почувствовал. Возможно, в Красном или Черном Криабалах есть чары, способные навредить даже ему, но не в Рваном, увы.

Так что кобольд прочел другие слова, которые выучил уже наизусть:

- Маракурита орхара баста! Иневорк! Сото риаро, армеда хили!

Его подхватило волшебным ветром и унесло. Переместило аж на три вспашки – и огромный дракон сразу стал маленьким и далеким. Крохотной ящеркой на самом горизонте.

Но он уже расправлял крылья. Даже отсюда Фырдуз видел, как чудовище берет разбег, как быстро-быстро ползет по кругу, наполняя перепонки ветром. Чем крупнее дракон, тем медленнее он взлетает – и только это давало время маленькому кобольду.

Потому что если повторить заклинание Побега прямо сейчас – оно почти не подействует. Оно, к сожалению, не для любых путешествий годится, а только для спасения из беды. Переносит в ближайшее безопасное место. Разными словами его можно корректировать, выбирать направление или расстояние – но слишком большим расстояние не сделаешь.

Единственный вариант – если Фырдуз добавит фразу, которая

переделает Побег в другое заклинание, Возвращение Домой. Но тогда он попадет в родной Суркур, в квартирку рядом с мыловарней. А там сейчас кроты. Там его неизвестно кто встретит.

Хорошо, коли его нора пустует. Коли хобии из нее кладовую сделали или вообще бросили. А коли там другие жильцы сейчас? Кто-то из хобийских фискалов? Им, слышно, часто чужое добро за службу раздают!

А то и вовсе сами же хобии на постое. Их солдаты или колонисты. Они, поди, первым делом на пики Фырдуза насадят, а там уж вопросы задавать станут.

Да и что проку, если он даже вернется в Суркур благополучно? Опять то же самое все? Опять сначала начинать? Ему ведь не Кобольдаланд нужен, а Новая Страна. Задание на него возложено важное, целая держава на него надеется. Рваный Криабал нужно доставить по назначению, Верхним. А от них помощь привести, Яминию освобождать.

Эх. А он только маленький кобольд. Бывший мыловар. Бежавший каторжник. В чародейном маскировочном костюме и с книгой, любого делающей волшебником, но все равно только маленький кобольд. Здесь, Наверху, под Небесным Светильником, он бы даже видеть не смог, не увенчивай нос очки с закопченными стеклами.

Но на него возложили миссию – и Фырдуз ее выполнял. Медленно, зигзагами, преследуемый разъяренным драконом – но все же продвигался к цели. Горы уже закончились, он перемещался по зеленой равнине.

Кажется, где-то здесь граница Грифонии и Новой Страны. Фырдуз не знал точно. Перед выходом его заставили зазубрить маршрут, показывали его на карте, но ориентироваться Наверху – дело паргоронски сложное. Стен вокруг нет, эхо не простучишь. Ветер дует как ему угодно, на тепло и холодок не прикинешь. Говорят, у Верхних свои способы не теряться есть – растения какие-то чудесные. Но где же их взять?

Орказарок уже настигал, уже был совсем близко. На сей раз Фырдуз не стал его дожидаться – просто повторил Побег, добавив немного комментариев:

- Маракурита орхара баста нуго! Иневорк зураба тека! Сото риаро, армеда хили!

Теперь его перенесло почти вдвое дальше. Вспашек на пять по меньшей мере. И в правильном направлении – точно на юг.

Но дракон приземлиться тоже ведь еще не успел – и почти даже не замешкался. Фырдуз и с такого расстояния увидел, как изогнулась шея, как раскрылась пасть – нюхает Орказарок, запах

ищет.

Нашел. Почти сразу нашел – и тут же повернул. А пять вспашек для летящего дракона – это разок чихнуть. Минутка, от силы две.

Надо еще больше брать. Но не берет Побег еще больше. Глупое заклинание считает, что надо Фырдуза просто в безопасное место перекинуть. А то, что через пару минут это место безопасным быть перестанет – того ему неведомо.

У магии своего разумения нету – что повелишь, то и сделает. Оно в самый первый раз Фырдуза вообще чуть не убило – «спасло», переместив в замурованную пещерку.

Безопасно ведь там было? Да куда уж безопасней! А что пить-есть нечего – то не заклинания беда. Оно свою задачу выполнило.

Пользуясь краткими минутами передышки, Фырдуз продолжал листать страницы. В Рваном Криабале уйма разрозненных заклинаний из разных областей.

Увы, все перемешаны и невпопад. Многие не имеют начала или конца – они на других страницах, в других Криабалах. Среди всех томов этот – самый беспорядочный и трудный в обращении, потому у Фырдуза и не получалось выбить из него что-то полезное.

- Маракурита орхара баста нуго! – снова воскликнул он. – Иневорк зураба тека! Сото риаро, армеда хили!

Еще пять вспашек. Снова выждать, пока дракон подлетит поближе. Фырдуз очень надеялся, что Орказарок устанет первым. У него-то самого ноги давно уж гудели. Он дважды подкреплял силы заклинанием Пищи, но все равно не надеялся остаться в живых.

Горы Грифонии остались позади. Впереди темнела стена леса. Приближается ночь. Снова и снова губы заученно шевелятся, читая Побег.

И даже если он все-таки доберется до какого-нибудь города Верхних – что с того? Орказарок – не какая-нибудь мелкая виверна. Он царь-дракон, один из четырех величайших в мире огнедышащих ящеров. Целая армия его не остановит. Поможет разве что огромной силы волшебство... ах да, ведь точно! Новой Стране принадлежит другой Криабал – Красный! Гримуар Войны!

Подумав об этом, Фырдуз чуточку обнадежился. Приметив Орказарока в небе, он пустился бежать к лесу. Возможно, там удастся затеряться на какое-то время и передохнуть... может, даже немного поспать. Фырдуз очень плохо разбирался в лесах, этих скопищах огромных растений, что встречаются Наверху, но он слышал, что там бывают большие норы, иногда целые пещеры. Если удастся найти такую, чтобы пролез кобольд, то это может

стать спасением.

Но лес Фырдуза разочаровал. Это место создавал кто угодно, но точно не Пещерник. Норы и пещеры попадались, но такие маленькие, что даже кобольд сумел бы просунуть в них разве что одну ногу.

Тем временем над головой с ревом пронесся дракон. Огнедышащее чудовище не стало палить по лесу – ему явно не улыбалось потом перекапывать горы пепла в поисках Криабала, который даже не обязательно уцелеет.

Тем более, что переплет у этой книжки чужой – что если он не такой неуязвимый, как сами страницы? Что если драконье пламя его спалит? Разлетится Криабал на сотни страничек – ищи их потом по штучке, собирай.

Так что вместо извержения пламени Орказарок приземлился. Со страшным грохотом рухнул в паре вспашек от Фырдуза – тот едва не упал от толчка. Несколько высоких растений вывернуло из земли, и кобольд припустил со всех ног – дракон попер точно к цели. Более мелкий зверь вряд ли отважился бы сюда спуститься – тесно, да и брюхо можно пропороть. Но Орказарок, этот гигант даже по драконьим меркам, ломал столетние стволы, как спички.

Фырдуз снова прочел Побег, и грохот сразу стал намного тише. Потом исчез совсем – Орказарок почуял, что добыча ускользнула, и замер, начал принюхиваться. Несколько секунд – и он развернулся, судя по звукам, снова пошел по пятам.

Рано или поздно Фырдуз ведь свалится. Если не усталость одолеет, то сон сморит. Спать уже хочется, но пока еще кобольд этого не замечает – все его существо полно страха. Это куда более сильное чувство.

Но вечно бегать не получится. И спрятаться тут совершенно негде. Под ногами только земля и множество кусочков растений – одни тоненькие и длинные, другие очень твердые и колючие. Фырдуз не знал, как они называются, но жалел сейчас, что кобольды не носят обувь.

Вот цверги носят. Их толстым ступням и невдомек обычно, что там под каблуками хрустит. Тяжелый подкованный сапог по всему ступает равно.

А для кобольда камень под ногами – что книга с крупным шрифтом. Щупаешь его кожей, и сразу понимаешь, куда забрел, да что там впереди. Света не нужно, в темноте можно шагать.

Темнота уже сгущается, кстати. Небесный Светильник на уклон пошел, да и в лесу все-таки сумрачней, чем на равнине. Уже и очки с закопченными стеклами не так нужны, хотя снимать их пока Фырдуз поостережется. Глаза у него одни, новых даже Криабал не выдаст.

И да, насчет Криабала!.. Фырдуза вдруг осенило – вспомнилось одно заклинание, которое изначально явно было в Криабале Зеленом.

Навострив уши, кобольд удостоверился, что дракон еще далеко. Выбрал одно из самых крупных и высоких растений... дерево, да. Это называется «деревом». Как тот материал, из которого Верхние делают мебель и черенки для инструментов.

Наверное, тут есть какая-то связь... но сейчас думать об этом некогда.

- Эзевок осуна морида, - торопливо произнес кобольд. – Турак мага эгети зо путерека. Така су и морек. Мокто.

Короткое заклинание называлось Ростом Растений. А дополнительные условия, которые Фырдуз добавил, означали, что расти должны только корни, причем по окончании роста – сразу же засохнуть и рассыпаться.

Так и произошло. Дерево задрожало – его нижняя часть с огромной скоростью буравила землю. Обычно для такого растениям нужна влага, но заклинание Криабала легко ее заменило.

И как только магия перестала бурлить, как только рассыпались в труху корни – под деревом образовалась глубокая нора.

В нее-то Фырдуз и нырнул головой вниз.

Нырнул – и полез в земные недра. Тут было тесно, тут было темно, тут было сыро и холодно – но для кобольда это как родной дом. Работая локтями и коленями, Фырдуз червем уползал все глубже и глубже. Прижимая к груди Рваный Криабал, старался оставить как можно больше почвы между собой и Орказароком.

- Сумури коток котоп ака, - шепотом произнес он, дойдя до самого низа.

Заклинание Освещения наполнило подземелье добрым, мягким светом – и в нем Фырдуз увидел труху, оставшуюся от корней великого растения. Он тут же принялся утрамбовывать почву, заделывать проход, через который пришел.

Сорок два года прожил под землей Фырдуз Ерке. Сорок два года, большую часть которых вел тихое, незаметное существование камня в самом темном углу. Он бы предпочел вести его до конца жизни, но Пещерник распорядился иначе.

И сейчас он затаился, сжался в комочек и постарался дремать вполглаза. Криабал сжимал как можно крепче – чтобы успеть прочесть Побег, буде дракон его унюхает и начнет рыть.

Но тот, кажется, Фырдуза потерял. Шум и рев не стихали, но не приближались. Кажется, Орказароку не пришло пока в голову, что кобольд закопался в землю.

Конечно, рано или поздно он это сообразит, но до тех пор можно немного передохнуть.

Глава 3

Массено с любопытством разглядывал книжные полки. Они уходили к самому потолку, а потолок исчезал где-то в невообразимой вышине. Солнцегляд долго поднимал точку обзора, прежде чем та ушла сквозь перекрытие... и оказалось, что дальше только крыша. Библиотека Цитадели Зла располагалась в одной из высочайших башен и занимала ее всю целиком.

- Теперь прошу вас немного обождать, - сказал человечек в черной мантии. – Наш Властелин допросит вас немного позже. Сейчас он вынужден уделить внимание другим делам.

Танзен коротко кивнул. Волшебник тоже озирался, с подозрением разглядывая корешки книг. Саму Цитадель Зла он уже посещал, когда выдавал себя за сырного элементаля Мариареля, кандидата в приспешники лорда Бельзедора... но в библиотеку ему заглянуть не довелось.

Невероятное количество книг. Немыслимое. Не настолько много, как в библиотеке Клеверного Ансамбля или озирском Библиограде, который вообще считается одним из пятнадцати Зодческих Чудес, но и здесь голова идет кругом.

К тому же ни в Клеверном Ансамбле, ни в Библиограде не найти настолько полного собрания трудов по черной магии. Зловещие гримуары шептали с полок, источая почти видимую черноту. Некоторые шевелились. Другие таращились на посетителей. Мэтр Мазетти, бессменный библиотекарь Мистерии, посадил бы псов на обложки этих книг – а здесь они лежат открыто, доступные кому угодно.

Конечно, у дверей стоит стража. Повсюду в Цитадели Зла стоит стража. Но это всего лишь два ленивых ботвинника с алебардами. Один ковыряет в носу, другой увлеченно читает книжку.

А еще тут недавно побывал Антикатисто. Танзен сразу это понял – кто еще оставляет после себя такие следы? Даже не в ауре дело, не в почти неразличимых эфирных остатках Тьмы – а в том, насколько много тут... порчи.

Пол местами прогнил. Несколько нижних полок тоже. В одном месте ряды книг зияют проплешиной – сотни три томов почти рассыпались в труху. На полу разлагаются два огромных трупа – похоже, предыдущие стражники. Видовая принадлежность определяется уже с трудом, но вроде бы тролли.

Убрать их никто не удосужился.

- Судя по всему, Антикатисто не знал, где именно Темный Властелин хранит Криабалы, - мягко произнес Массено.

- Согласен, святой отец, - задумчиво произнес Танзен. – Не удивлюсь, если он наведывался еще и в сокровищницу.

- Вполне понятное поведение, мэтр, - сказал монах. – Вероятно, он догадывался или подозревал, что лорд Бельзедор держит столь ценные реликвии при себе, но решил вначале все-таки проверить другие, более доступные места.

- Естественно, - согласился волшебник. – Даже если ты Антикатисто, Бельзедор – это все-таки Бельзедор. Я видел их битву. Антикатисто мог и проиграть, не окажись при нем Черного Криабала.

- А чтобы лорд Бельзедор не узнал о нем раньше времени, Антикатисто расправился со всеми, кто его видел, - указал на трупы троллей Массено.

Монах и волшебник посмотрели друг на друга с приязнью. Не так уж давно познакомились солнцегляд-великосхимник и агент Кустодиана, не так уж долго сотрудничали, но уже пришлись друг другу по душе.

К сожалению, их первая совместная операция провалилась – хотя и по непредвиденным обстоятельствам. Массено все еще был подавлен гибелью своих братьев во Соларе. Антикатисто непростительно ослабил орден Солнца, уничтожил почти треть принявших схиму и среди них архимандритису, святую мать Исатэллу. Многие годы понадобятся солнцеглядам, чтобы восполнить эту убыль.

Но дабы гибель добрых монахов не была напрасной, следует довести дело до конца. И Массено видел путь к этому в сотрудничестве с Танзеном. Сейчас цели волшебников и церкви совпадают, пусть иные прелаты сему и противуречны.

- Странно это все, - произнес Танзен, продолжая изучать корешки книг. – Никогда не думал, что окажусь здесь не в качестве пленника или соглядатая. Хотя знаете, святой отец... в ранней юности я хотел стать приспешником лорда Бельзедора.

- Правда? – удивился Массено.

- Да, было такое детское желание. Хотелось что-то кому-то доказать. Потом я его перерос.

- Многие из нас не сразу понимают, к чему на самом деле лежит их сердце, - вежливо кивнул Массено.

Он размышлял над дальнейшими действиями. Вначале, само собой, им предстоит встреча с Темным Властелином, и результат ее известен пока одним богам. Возможно, лорд Бельзедор сразу казнит их или отправит в подземелье, как он поступает обычно... но к чему ему в таком случае было позволить уйти остальным

солнцеглядам? Он даже портировал их прямо домой, в монастырь Солнца. Неожиданный акт доброй воли не может значить иного, кроме того, что Темному Властелину неугодна сейчас их гибель.

И нетрудно догадаться, отчего. Враг моего врага. Древний принцип, что создает порой самые удивительные союзы. Антикатисто сразил Бельзедора в поединке и отнял собранные с таким трудом Криабалы – неудивительно, что Темный Властелин горит жаждой мести. Танзен и Массено для него просто мелкие мошки – и он не прихлопнет их, пока не извлечет пользу, кою желает извлечь.

Но что потом? Что после? Задумавшись, Массено против воли обратился к старой привычке – гаданию по Ктаве. Раскрыл в случайном месте святую книгу и прочел:

«Князь Ядина учинился под высокою руцей быть Государя, да на том он присягу дал, что будет служить верно и с недругами Государя заодно не будет».

Что ж. Небольшой отрывок из Севигиады, Слово о Государях. Его всегда можно узнать по характерному высокопарному штилю. Толкуется вполне однозначно, хотя и не совсем ожиданно. Массено следует пока что плыть по течению и выполнять повеления царствующих особ, буде оные последуют.

Конечно, при условии, что они не войдут в противостояние с его, Массено, совестью.

- Мессиры?.. – окликнули монаха и волшебника. – Гуру?.. Мэтр?..

То был не управляющий Цитаделью Зла, а неопределенного возраста волшебник в халате, квадратной шапочке и просторных мягких шлепанцах на босу ногу. Взгляд его был каким-то отстраненным, на губах плавала легкая улыбка.

- Мир вам, мэтр, - вежливо кивнул солнцегляд. – Я смиренный брат Массено, вашего же имени чести знать не имею.

- О, я Курдамоль, - рассеянно отмахнулся волшебник. – Мэтр Курдамоль.

- Курдамоль Адорази? – уточнил Танзен. – Безумный гений Бельзедора?

- Я не безумный, - возразил Курдамоль. – А мы с вами знакомы? У меня ужасная память на лица, простите.

- Не знакомы, но вас знает каждый, кто работает в Кустодиане. Ваше имя на первой странице перечня магиозов. Не в самом начале списка, даже не в первой десятке, но все же.

- Знаете, немного обидно, - насупился Курдамоль. – Я не сделал ничего плохого, чтобы такое заслужить.

- С этим я бы поспорил, - сказал Танзен. – Не укройтесь вы у Бельзедора, вас бы давно отправили в Карцерику.

- Ну тогда я очень рад, что я у него укрылся, - улыбнулся Курдамоль. – Но ваши слова для меня большой сюрприз, мэтр... как вас?..

- Танзен. Магистр Метаморфозиса.

- Курдамоль. Магистр Трансмутабриса и Монстрамина. Хотя это вы уже знаете, полагаю.

- Знаю. Вы уже были бы профессором, мэтр, если бы не ваши сомнительные исследования. Возможно, получили бы премию Бриара.

- А, пустое, - отмахнулся странный волшебник. – Не премиями сыт чародей. А чем он сыт?.. а, да. Совсем забыл, зачем я здесь. Скоро обед, но перед ним меня просили что-то у вас взять... не помните?.. Ах да, точно. Души Тьмы. Частицы высшего элементаля.

- Зачем? – обманчиво спокойно спросил Танзен.

- Чтобы исследовать, конечно. Узнать больше. Разве не это главная цель всех нас? Узнать больше.

- И кто же вас об этом просил, мэтр?

- О, ну разумеется, Властелин. Темный. Мы ведь у него в гостях, вы в курсе? – забеспокоился Курдамоль. – Вас же не привели сюда с повязками на глазах?.. обоих...

Его взгляд замер на лице брата Массено, и тот невольно улыбнулся. Солнцегляды не так многочисленны, как богомолы, мешочники и другие монахи, поэтому не все узнают их по одежде. И уж подавно не всем известны тонкости Солнечного Зрения. Большинство считает солнцеглядов обычными слепцами.

- Мы знаем, где мы, мэтр Адорази, - нетерпеливо перебил Танзен. – Для чего вам частицы Антикатисто?

- А я вам все покажу сейчас, - заверил Курдамоль. – Прошу ко мне в лабораторию. Там очень много интересного, я все вам покажу. Я люблю показывать свою лабораторию.

- Мэтр Адорази...

- Кто такой мэтр Адорази? – заморгал Курдамоль. – Я, да, знаю. Это я. Но меня тут так никто не называет.

Танзен поглядел на Массено. Тот, возможно, тоже поглядел сейчас на него... или на Курдамоля. Очень сложно сказать, куда глядит солнечный монах – с его-то необычной способностью обозревать мир не из глаз, а сверху, словно паря над собственной головой.

- Пойдемте, мэтр, - предложил Массено. – Думаю, нам лучше исполнять просьбы наших хозяев, пока нас просят по-хорошему.

Танзен медленно кивнул. Ему претило передавать столь важные и опасные улики в чужие руки, тем более такие, но он не обманывал себя зря. Забывший собственную фамилию мэтр

Курдамоль, безусловно, чудак и сам по себе скорее всего безобиден, но это Цитадель Зла. Безумному гению достаточно свистнуть, чтобы на Танзена набросилась орава прихвостней.

И среди них есть такие, что разотрут агента Кустодиана в пыль.

- Пойдемте, - согласился он.

Лаборатория Курдамоля оказалась просторной и очень уютной. Она больше напоминала гостиную зажиточного особняка, чем лабораторию волшебника. Множество книг и картин, глубокие кресла, столик с шахматной доской и тремя чашечками чая...

Чай оказался предназначен для Танзена и Массено. Но блюдущий аскезу монах вежливо отказался, а волшебник выпил, однако вначале пристально всмотрелся в ауру. На чае не оказалось никаких типовых проклятий или чар, не видно было и следов отравы. Если же там есть что-то редкое, не распознаваемое так легко... да нет, вряд ли. Темному Властелину незачем прибегать к таким сложностям, он может просто кинуть Танзена в яму со змеями.

- Присаживайтесь, - указал на кресла Курдамоль. – Наверное, следовало вначале пригласить вас присесть, а потом предложить чаю, но я немного перепутал. Кажется. Не хотите посмотреть моих новых хомунциев?

- Хомунциев?.. – переспросил Массено.

- Это общее название живых существ, которые настолько малы, что не видны невооруженным глазом, - пояснил Танзен.

- Моя главная специальность, - кивнул Курдамоль. – Обожаю этих малышей. Ведь без них на Парифате вовсе не было бы никакой жизни, вы понимаете? Они как крошечные добрые духи, что приглядывают за нами повсюду и творят благие дела. Оберегают нас от бед, творят для нас еду, заражают нас болезнями...

- Вы ненароком причислили болезни к благим делам, мэтр, - заметил Массено.

- В болезнях нет ничего плохого, что вы! – замахал руками Курдамоль. – Жизнь не прекращается, если вы заболеете, она просто переходит в новое состояние! В ваше тело проникают болезнетворные хомунции, что вступают в битву с хомунциями-стражами, и разве не интересно взглянуть, чем закончится их противостояние?

- Но ведь оно зачастую заканчивается смертью, - напомнил Массено.

- А разве смерть одного не жизнь другому? Хомунции разложат ваше тело, переведут его части в иное состояние,

сделают удобрением для прекрасной флоры. Какую-то его часть, возможно, съедят животные или гоблины. Однажды я видел гоблинов, поглощающих только что умершего человека – и, поверьте, каждый из них считал это благом.

- Я тоже однажды такое видел, - сухо произнес Танзен. – Не очень аппетитное зрелище. Но ближе к делу, мэтр.

- Да-да, конечно, - подошел к лабораторному столу Курдамоль. – Вы ведь хотите взглянуть на образцы моих новых хомунциев?.. Да-да, вот он. Протрезвляющий хомунций. Думаю, я уже вот-вот его закончу, осталась самая малость.

- Протрезвляющий?.. – насторожился Танзен.

- О да, прекрасная разработка! – оживился Курдамоль. – Властелин тоже меня поддерживает! Вы знаете, что если колония этих хомунциев обитает в человеке, то защищает его от алкоголя в любом виде? Он просто не будет на вас действовать. Не нужно никаких заклинаний, не нужно убеждать друзей, что вы не пьете, поэтому не способны присоединиться к их дружеской пирушке... протрезвляющие хомунции надежно оградят вас от алкоголя. И я почти закончил. Не волнуйтесь, совсем скоро весь Парифат навсегда станет трезв.

Танзен немного побледнел. Будучи приверженцем пищевого метода получения маны, он делал особый упор на алкоголь. Чтобы восполнить магическую энергию, ему требовалось пить – и пить много. Пьянеть он при этом почти не пьянел, перепить его не мог почти никто.

Но если алкоголь перестанет быть для него алкоголем... не будет и маны. Танзен понял это прекрасно. Значит, придется переучиваться, менять основной метод – а это не такое быстрое дело, как кажется некоторым.

- Насколько уже близки к завершению эти ваши хомунции? – осведомился он.

- А, что?.. – рассеянно посмотрел Курдамоль. Он уже вертел в руках другую колбу. – Посмотрите вот на этого великолепного хомунция! Это простенькое, неказистое создание постепенно заменяет ткани в организме человека и других существ на мягкое вещество. Человек становится мягким!

- Что за вещество? – спросил Танзен.

- Мягкое!

- Но есть много мягких веществ.

- Ну это остаются все те же мышцы, кости и прочее. Просто они становятся очень мягкими.

- А они остаются эластичными?

- Да.

- Как резина? – предположил Танзен.

- Нет. Как набитый ватой плюш. Плюшевые люди! О, когда я выпущу этого хомунция из пробирки, мир содрогнется! Все, все люди станут мягкими и жалкими, с трясущимися ручонками! Ах-ха-ха-ха-ха-а!.. о чем это я?.. Ах да. Вы же принесли мне частицы кристаллизованной Тьмы. Где они? Дайте их мне.

На лице Массено отразилось сомнение. Слепой монах не проронил ни слова, но Танзен понял его колебания.

Впрочем, какая разница? В кратере, который сотворил Антикатисто, остались целые десятки вязких и кристаллических Душ Тьмы. Танзен и Массено успели взять только несколько штук – а остальные наверняка прямо сейчас собирают прихвостни Бельзедора.

- Возьмите, мэтр, - протянул флакон Танзен.

Он держал его с предельной осторожностью. Новорожденная Душа Тьмы – чрезвычайно опасная субстанция. Ее невозможно применить для чего-то хорошего – только бесконтрольное разрушение. Сама по себе она ничего не сделает, но пробудить ее сумеет даже чародей-недоучка. Хватит легчайшего манового импульса.

- Да, это оно, - кивнул Курдамоль, вытягивая из-под шапочки линзу в медной оправе и накладывая ее на глаз. – Безусловная кристаллическая Тьма. И очень свежая. Я почти чувствую, как бурлит ее потенциал. Много их у вас?

- Несколько, - коротко ответил Танзен.

- И это не просто Тьма, говорите?.. – задумался Курдамоль. – Частицы самого Антикатисто?.. Или это не вы мне сказали?.. Неважно.

Курдамоль встряхнул флакончик с черными кристалликами, похожими на обугленные щепочки, умудренно покивал и повторил:

- Да, это они самые. А значит... к ускорителю эфира!

Он бросился бежать с прытью, неожиданной для человека его лет. Полы халата распахнулись, как драконьи крылья.

Увлеченно вздымая флакончик, Курдамоль несся быстрее ветра – а Танзен только и думал, как бы этот безумец не уронил Души Тьмы. Просто от сотрясения им ничего не сделается, но это же Цитадель Зла. Тут сам воздух напоен черной магией. Тут вполне может накрыть и стихийным мановым импульсом.

Но ничего подобного не произошло. Курдамоль привел Танзена и Массено в огромный зал, три четверти которого занимал причудливый артефакт. Стоящий на трех ногах-колоннах, похожий на пузатый котел великана, он был крепко завинчен сверху, зато в самой середке светилось хрустальное окно. Вдоль стенок змеились костяные наросты, в углах мерцали

разноцветные камни.

А внутри клубился эфир. Не рассеянный инертный эфир, который пропитывает все мироздание. И даже не ускоренный, который еще называют маной. Что-то совершенно другое – эфир в таком состоянии, которое вовсе не встречается в обычной природе. Какая-то необычная форма маны… или даже нечто еще более удивительное.

Танзен невольно подался вперед. Такого он не видел ни в Кустодиане, ни в Клеверном Ансамбле. Воистину у Темного Властелина свои секреты.

- Половину частиц мы используем, чтобы они поведали нам свои тайны, - провозгласил Курдамоль, вытряхивая несколько Душ Тьмы в медную трубку. – А половину сбережем. Они нам еще пригодятся.

- Зачем? – насторожился Танзен.

- Чтобы создать Антикатисто снова при нужде.

- Зачем?!

- Чтобы создать Антикатисто снова при нужде.

- Мэтр Курдамоль, вы безумны, - пристально посмотрел на него Танзен.

- Нет, я не безумен. Я просто волшебник-исследователь.

Не глядя больше на этих странных людей, которые непонятно зачем находились рядом, Курдамоль приник к смотровому окну ускорителя эфира. В его недрах уже вскипал астральный вихрь – поглотив кристаллизованную Тьму, он сразу приобрел негативный окрас, и величественный артефакт заходил ходуном.

- Теперь ожидаем результатов, - сказал Курдамоль. – Вам тоже интересно, что нам поведает ускоритель эфира? Мне – очень.

- Что это за артефакт? – с деланным равнодушием спросил Танзен. – Информационный?

- Нет-нет, это ускоритель эфира, - удивленно посмотрел на него Курдамоль. – Он изменяет скорость эфирных частиц и смешивает, чтобы изучать их свойства. С его помощью можно получать эоны более высокого порядка и увеличивать их внутреннюю энергию. А вы о нем не слышали?

- Кто его создал? Вы? Или лорд Бельзедор?

- Мэтресс Аристинда. Вы о ней слышали?

Танзен медленно кивнул. Конечно, он слышал об Аристинде. Одиннадцатая лауреатка премии Бриара первой степени, бывший президент Мистегральда. Она двадцать лет занимала этот пост – а потом ушла в отставку и вышла замуж за лорда Бельзедора.

С тех пор минуло без малого пятьсот лет, но Мистерия все еще помнит тот скандал.

Но разрыв между Бельзедором и Аристиндой случился почти триста лет назад. Значит, этому артефакту не менее трех веков. Удивительно, что за такое время в Кустодиан не просочилось даже слухов о настолько неординарном волшебстве.

В другое время Танзен бы уже зеркалил Ледяной Глыбе. Но сейчас это открытие его почти не взволновало. По всему миру есть уникальные явления и неизвестные виды магии. Этот ускоритель эфира существует уже очень давно и вряд ли делает Темного Властелина опаснее или злее. Танзен о нем доложит, конечно, но в данный момент его мысли заняты не тем.

- Мэтр Танзен, могу ли я задать вам вопрос? – обратился к нему Массено.

- По поводу этого артефакта, святой отец?.. – обернулся Танзен. – Здесь я некомпетентен. Обращайте вопросы к нашему любезному хозяину.

- Нет, я не о том. Уверен, что это презанимательнейшее устройство, но я слишком мало разбираюсь в волшебстве, чтобы оценить его по достоинству, - вежливо произнес монах. – Вместо этого я бы хотел узнать немного больше о тех гримуарах, что похитил Антикатисто...

- Криабалах?

- Да, Криабалах. Верно ли я понял, что именно один из них дал ему такую силу, что он одолел весь наш орден?

- Черный Криабал, - подтвердил Танзен. – Да. Не знаю, что конкретно это было за заклинание, я никогда не открывал и даже не видел Черного Криабала. Но вы сами видели эффект. Даже без этой книги Антикатисто почти не знал себе равных, а с ней...

- Я знаю, - перебил Массено. – Мне известно, что именно с помощью Черного Криабала маг Токхабаяж стал чудовищем Антикатисто. Также мне известно, что до последнего времени Черный Криабал принадлежал мэтру Медариэну, который скрыл его где-то в надежном месте, но собирался оттуда извлечь, чтобы обратить его силу против Антикатисто.

- Он явно не преуспел, - мрачно произнес Танзен. – Либо Антикатисто разыскал его первым, либо Медариэн все-таки бросил ему вызов и проиграл.

- Мне хочется надеяться на первый вариант, - спокойно сказал Массено. – Знакомство с мэтром Медариэном было приятным, и было бы печально узнать, что его больше нет с нами.

- Факт, - пожал плечами Танзен. – Он великий волшебник. Один из величайших. Без него Мистерия станет слабее. Но о чем вы тогда хотели спросить, святой отец, если и так уже все знаете?

- Не все. Мои знания о Криабалах неполны. Отрывочны. Вплоть до недавнего времени я лишь краем уха слышал о самом

их существовании и никогда не интересовался большим...

- Напрасно, напрасно, - сказал Танзен. – Тема интересная. В том числе в историческом контексте – и не только для волшебников. Криабалы принадлежали одному из... возможно, самому великому магу и правителю нашего мира.

- Бриару Всемогущему, - кивнул Массено. – Это я знаю. Он их создал, верно?

- Это одна из версий, - уклонился от ответа Танзен. – О более древних владельцах Криабалов ничего не известно, так что это вполне возможно. Тем не менее, мы не знаем точно, создал ли Бриар их сам или же где-то нашел.

- Не могут ли эти книги оказаться изделием богов? – предположил Массено.

- Многие у нас это подозревают. Очень уж они... неординарны. Мистерия много веков изучала Бурый Криабал и отдельные страницы из других томов, но так и не выяснила, по какому принципу они действуют.

- Страшусь показаться невеждой и профаном, но в чем загвоздка? – спросил Массено. – Я полагал, что это просто особо могущественные гримуары.

- Так-то оно так, но отличие в том, что их может применять кто угодно. Любой может просто взять Криабал в руки, прочесть заклинание – и оно подействует. Даже ультимативное заклинание непреодолимой космической силы – подействует. Просто так. Потому что его прочли. Необязательно даже знать, что это именно заклинание.

- С обычными гримуарами так не получается, это мне известно... – задумчиво кивнул Массено.

- Не получается. Понимаете, святой отец, волшебство ведь не работает просто... по волшебству. Любому заклинанию нужна мана. Даже если Криабал – это такой сверхмощный многофункциональный артефакт... ему все равно нужна мана – и очень много. Он должен ее откуда-то брать. А если он откуда-то ее и берет – мы так и не выяснили, откуда.

- С самого дна Шиасса! – провозгласил Курдамоль. – Из Хиарда!

- Что?! – вскинулся Танзен. – Вы уверены?!

- Конечно, уверен, – ткнул пальцем в светящееся окно Курдамоль. – Ускоритель эфира разложил эту Тьму на составляющие, и результат очевиден. Ее происхождение не может иметь двояких толкований – только на самом дне Шиасса есть такая эфирная сигнатура. Видите эти характерные линии, складывающиеся в очень самобытный узор?.. Можете свериться со справочником Классара, если сомневаетесь.

- А, вы не о Криабале... – протянул Танзен. – Вы об Антикатисто...

- Конечно. А при чем тут Криабал? За Криабалом вам в библиотеку – у Властелина, кажется, есть один. Или два. Я не уверен.

- Забудьте, - поморщился Танзен. – Вернемся к Антикатисто. Вы говорите, что частицы его Тьмы несут след Хиарда?

- Это очень недобрый признак, - тихо произнес Массено. – Если Антикатисто как-то связан с Хиардом... как они могут быть связаны, мэтр? Его дух мог попасть туда и... возродиться?..

- Сомнительно... – поскреб лоб Танзен. – Нам почти ничего не известно об устройстве Хиарда – но мы точно знаем, что он не часть Темного мира... Там не должно быть Тьмы в свободном состоянии... А бывший элементаль – это просто сложноустроенный дух, которому нужна его основная субстанция...

- Но он мог отыскать ее в Темном мире? – перебил Массено.

- Обычный элементаль – возможно. Высший, тем более уровня Антикатисто – не смог бы и там. В Темных мирах бесконечно много Тьмы в свободном состоянии, но там она в разреженном виде. Этого недостаточно, чтобы возродить развеянного высшего элементаля. У него просто не хватит сил ее вобрать. Это, знаете, как умирающему от голода собирать рассыпанные в грязи крошки.

- Вы словно читаете лекцию, - позволил себе чуть улыбнуться Массено.

Танзен тоже усмехнулся краешком рта. Ему тоже невольно вспомнились занятия. У всех магистров и профессоров Мистерии есть опыт преподавания – либо курирование практикантов, либо лекции в Клеверном Ансамбле. Без этого просто не получить звание магистра, и уж тем более профессора.

- И все-таки, - продолжил Массено. – Если Антикатисто не мог возродиться в Хиарде – как они связаны? Простите мое невежество, мэтр, я все-таки не слишком разбираюсь в тех метафизических материях, что известны в Мистерии каждому школяру.

Танзен наклонил голову, сгребая пучки волос на затылке. Он пытался сформировать общую картину.

Это ведь брат Массено все это время шел по следу Антикатисто. Это он расследовал его возрождение, начиная чуть ли не с первого момента. Танзен же вел совсем другое дело. Начавшееся довольно безобидно, но приведшее его к антимагам и страшному древнему оружию – чакровзрывателям. Возможно, к худшему из них – способному повторно покончить с

цивилизацией Апофеозу.

Но в центре этого тоже стоял Антикатисто. Просто Танзен до недавнего времени об этом не подозревал.

- Криабал, - поставил он точку на бумаге. – Апофеоз. Хиард. Что все это связывает?

Он соединил точки и уставился на получившийся треугольник.

- Есть мысли, святой отец? – спросил волшебник. – Что это может значить?

- Треугольники ничего не значат, мэтр, - мотнул головой Массено. – Треугольник – это просто треугольник.

Слепой монах тоже глубоко задумался. Еще одна нежданно всплывшая древняя легенда. Конечно, в существовании Хиарда сомневаться не приходится – он не единожды упомянут в Ктаве и трудах ведущих богословов. Но от судеб ныне живущих Хиард бесконечно далек и вряд ли кто-нибудь видел его своими глазами.

- Что о Хиарде знает церковь? – спросил Танзен.

- А что о нем знают волшебники? – ответил встречным вопросом Массено.

- Полагаю, то же, что и все остальные. Хиард – это тюрьма для бессмертных. Узилище страшного непредставимого зла.

- Совпадает с тем, что известно мне, - склонил голову Массено. – Но для чего Антикатисто понадобилось там побывать?

- Очень хороший вопрос. Вы абсолютно уверены насчет своих выводов, мэтр Курдамоль?

- Я не ошибаюсь в таких вещах, - равнодушно ответил тот.

Мэтр Курдамоль возился у своего ускорителя эфира. Танзен тоже смотрел туда, пытаясь увидеть в хаотичных завихрениях то, что увидел безумный гений Темного Властелина.

Но он не видел. Не понимал. Будучи агентом Кустодиана, Танзен отлично умел читать ауры, но здесь требовалось нечто превосходящее просто высокий навык.

А не развивший истинное зрение вовсе ничего бы не увидел. Для обычного человека артефакт был бы просто огромным причудливым котлом с застекленной дыркой. Совершенно пустым и не светящимся. Бессмысленная рухлядь, какой часто кажутся непосвященным артефакты.

Интересно, многое ли видит там монах? Брат Массено на этот счет отмалчивался.

- Вы знаете о целях Антикатисто, святой отец? – задумчиво спросил Танзен.

- Кажется, он одержим желанием истребить всех волшебников, - ответил Массено.

- Да. Он пытался сделать это уже дважды, и оба раза терпел неудачу...

- Задача все-таки нелегкая, согласитесь.

- Нелегкая. Но если он найдет и сможет запустить Апофеоз...

- ...В этот раз его попытка может увенчаться успехом.

- Да, так. Но мы всегда думали, что он хочет только этого. Только истребить волшебников... мы считали это просто его манией. Навязчивой идеей безумца.

- А теперь вы предполагаете, что за этим стоит нечто большее?

- Нечто большее... куда уж больше, казалось бы?.. Но что если истребление волшебников – это и в самом деле только часть чего-то еще более грандиозного? Что если Антикатисто хочет... честно говоря, мое воображение здесь пасует. У вас есть предположения?

Как всегда в минуты сомнений и раздумий, Массено обратился к святой книге. Он раскрыл Ктаву в случайном месте и прочел:

«Благословенны боги наши, и за то восхваляем их и жертвы приносим».

Великая Молитва, из первого стиха к Космодану. Самое начало символа веры. Полезно и душеспасительно в любой ситуации, но ни на какие мысли не наводит, к сожалению.

- Скажите, мэтр, а возможно ли вообще... открыть Хиард? – боясь своих слов, спросил вдруг Массено. – Кощунственно даже произносить такое, но...

- Хиард – темница богов, - ответил Танзен. – Вы знаете это и сами, святой отец. Она запечатана и охраняется соответствующе.

- Но что если... использовать Криабал?.. Нет ли в нем... подобных возможностей?..

Танзен поразмыслил. На его лицо набежала тень.

- Если не считать изученного вдоль и поперек Бурого, Мистерии не так уж много известно о заклинаниях Криабалов... – медленно произнес он. – Возможно... я не уверен, но возможно... в одном из них и есть что-то подобное. Но даже если так – при чем тут Апофеоз?

- Возможно, именно волшебники могут помешать исполнению плана Антикатисто, - предположил Массено. – И он стремится нейтрализовать их... вас.

- В таком случае, остается вопрос – что же это за план?

- Думайте, мэтр, думайте.

- Я думаю, святой отец. Но мне ничего не приходит в голову. Кстати, при вас ли еще астролябия Вескатуччи?

Массено извлек волшебный инструмент, но не стал раскладывать. Да, он без труда мог выяснить, куда примерно

перенесся Антикатисто, мог снова пойти по следу и в конце концов нагнать его... но к чему?

Увы, орден Солнца пострадал слишком сильно. В ближайшее время он не сможет выйти на битву. А у Антикатисто теперь еще и множество Криабалов – бросать ему вызов будет самоубийством.

Танзен тоже все прекрасно понимал. Если они двое настигнут Антикатисто сейчас, то смогут разве что осыпать его оскорблениями. Его не сумел одолеть Бельзедор. Не сумела тысяча солнцеглядов. И даже вся Мистерия одолела его лишь ценой огромных жертв.

При том, что он все равно вернулся, пусть и спустя шесть веков.

- Мэтр Курдамоль, а какие на наш счет планы у вашего хозяина? – спросил Массено. – Не сочтите за невежливость, но мне бы хотелось знать, какую судьбу он нам уготовил.

- Властелин сейчас поведает вам это лично, - раздался голос за спиной. Управляющий Цитаделью Зла подкрался удивительно незаметно. – Брат Массено, мэтр Танзен. Лорд Бельзедор приглашает вас присоединиться к нему за обедом.

Глава 4

4039 год до Н.Э.

Проходя мимо этой камеры, надзиратели невольно вытягивались в струнку. Сам начальник тюрьмы говорил с ее постояльцем тихо, вежливо и словно порываясь поклониться. Даже стоящие у дверей кориневые големы как будто слегка робели, хотя не имели и намека на сознание.

Узник сидел за столом и покусывал гусиное перо. Бумагу устилали каллиграфические строки. Волшебник задумчиво смотрел в зарешеченное окно – вид отсюда открывался восхитительный.

Камеру выделили ему самую лучшую. Не камеру даже, а что-то вроде номера-люкс в дорогой гостинице. Пусть стены сделаны из чистого корония, и вообще коронием тут покрыто практически все – это не более чем меры предосторожности.

Как-никак, он Бриар – человек, которого сорок лет назад официально нарекли Всемогущим и провозгласили величайшим волшебником в мире. Громкие титулы, пафосные, кричащие даже... но мало кто назовет их незаслуженными.

Хотя, конечно, злопыхателей всегда хватает.

В свои двести шестьдесят лет Бриар Всемогущий был еще далеко не стар. Высокий, широкоплечий, всегда в черном переливающемся плаще, он сразу привлекал внимание в толпе. Легкая проседь выдавала все-таки внушительный возраст, но большая часть волос оставалась черной – черными же были короткие усы и борода.

Длинный ивовый посох сейчас прислонился к стене, хотя обычно сопровождал владельца повсюду. В последнее время Бриар использовал его уже не как рабочий инструмент, а только как атрибут, вещь привычно-любимую. Все-таки люди подсознательно испытывают больше доверия к чародею, если тот помавает посохом... хотя так ли уж много реальной от него пользы, если вдуматься?

Особенно здесь. За решеткой. В кориневой камере. Укрепленной тюрьме для волшебников. Бирюзовом Холме, который холмом только называется, поскольку по сути остров посреди огненной пропасти. Его специально таким создали – особо надежной темницей для особо опасных преступников.

Но по крайней мере вид отсюда и впрямь восхитительный. Весь город как на ладони. Блистательный Парифаген, столица

Парифатской республики.

Бриар родился здесь и вырос. Он любил прекрасные улицы Парифагена, его мосты и колонны, его храмы и манораты. Даже сейчас ему нравилось иногда просто выйти вечером и гулять по столичным проспектам, любоваться архитектурой мрамора и кристалла.

Если приглядеться, отсюда можно даже увидеть троедом, в котором Бриар провел детство. Во-он там, в конце бульвара Свершений... хотя нет, нельзя. Его больше нет. На его месте стоит другой, поставленный взамен разрушенного, и в общем-то на него похожий... но другой.

О войне уже мало что напоминает. Невозможно поверить, что десять лет назад из этого окна были видны только развалины. Когда титаны одержали победу, то в гневе разрушили столицу Парифатской республики. Триста бессмертных колоссов прошлись по ней волной цунами и втоптали в землю большую часть зданий.

Людей и других индивидов погибло не так уж много. Титаны не стремились истреблять жителей. В общем-то, они проявили гораздо больше милосердия, чем от них ожидали. Они не завоевали республику, не прекратили ее существование, не взяли власть в свои руки, не поставили на престол лояльных себе марионеток.

Победив, они просто наглядно продемонстрировали: вот на что мы способны! Вот какова титанова сила! Не лезьте к нам больше, оставьте в покое!

И их оставили в покое. На какое-то время, по крайней мере. У республики сейчас и выбора-то иного нет – титаны вернулись на свой остров, но два года войны уничтожили все, достигнутое за двести лет мира.

Большую часть жизни Бриар провел в спокойной и процветающей Парифатской республике. Он сам приложил руку к тому, чтобы она такой стала. Ему было всего сорок, когда началась Всемирная война – и ему было пятьдесят, когда она закончилась. Он лично поставил в ней точку, убив Кровавого Князя.

То, что это сделал именно он – во многом случайность. Просто он уже тогда считался одним из лучших чародеев республики, и неудивительно, что его включили в боевую группу, штурмом взявшую крепость на Шепельде. Даже зажатый в угол, Кеннис оставался чудовищем страшной силы – но его все же удалось одолеть.

Последний удар нанес Бриар. С тем же успехом это мог быть Анго. Или Свиришша. Но судьба распорядилась так, что это

оказался Бриар – и именно его провозгласили героем-победителем. Остальных тоже не забыли, разумеется, но им почестей досталось все же меньше.

Кажется, Анго так и не перестал завидовать. Когда Бриар предстал перед трибуналом, боевой товарищ не сказал ни слова в его защиту. Обвинений, правда, тоже не выдвинул – просто молча сидел и слушал.

Бриар многое бы отдал, чтобы узнать, как он проголосовал в тот день. Его приговорили к бессрочному заключению большинством в один голос. Интересно, не принадлежал ли этот решающий голос Анго?

Хотя лучше не знать, наверное.

Жаль, что все так закончилось. Двести лет безмятежного мира – куда они делись?

Конечно, это не было спокойствие болотной лужи – республика бурно росла, вбирала новые земли, поглощала все новые государства. Не всегда гладко. Случались споры, конфликты. Многие присоединялись со скрипом. Эльфы по сей день во многом автономны в своих лесах-слободах. У гигантов почти что государство в государстве. Морская Губерния на саморегулировании. А остров-резервация Дракония вообще входит в состав республики чисто номинально.

И все же – единство. Общий язык. Общая валюта. Сама планета официально получила название Парифат – потому что разве это не было естественным?

Казалось, что так будет вечно. Казалось, что впереди Парифат ожидает только ясное небо. И так и было почти два столетия. Золотая эра республики. Золотая эра и самого Бриара. Он вел исследования, развивал мировое волшебство. Он принимал участие в разработке пирамид-маносборников и сети каменных порталов. Он разыскал несколько удивительных реликтов, и в том числе древний источник Сущностей – Дарохранилище. Он спускался в Шиасс и стоял перед вратами Хиарда. Он разработал магический язык Каш, который используется сейчас чуть ли не всеми. Его знания и могущество росли, пока он официально не был признан величайшим волшебником в мире. Ему даровали почетный титул – Всемогущий.

А потом началась война с титанами.

Их остров многим мозолил глаза. Единственный кусочек планеты, так и не вошедший в состав республики. Есть еще Царство Фей, но оно сокрыто туманами, людям нет в него доступа, и даже на карте его местонахождение отмечают только приблизительно. Где-то вот здесь. Где-то вот тут. Кто вообще может похвастаться, что видел его своими глазами?

А титаны – они в конкретной точке. Вот их остров. Алмазный Рай, так они его называют. Полторы тысячи лет назад они все переселились туда, предоставив смертным остальную планету.

Они считали, что смертным этого хватит. Полагали, что пятьдесят континентов – более чем достаточно, чтобы смертные не претендовали на их единственный остров.

Они ошиблись.

И дело даже не в Ордентусе. Да, республика была в шоке, когда титан убил консула. Главу республики. Кто бы не был? Особенно всех взбудоражило то, что убийцей оказался не отщепенец, не обезумевший титан-чудовище, а совсем наоборот. Ордентус Бунтарь нашел свой жребий в борьбе с Парифатской республикой. В борьбе с единым миром. С глобализацией.

Он провозгласил, что республика подавляет свободу и должна быть разрушена.

Но в тот раз мир не рухнул. Алмазный Рай передал Ордентуса на суд смертных – и того приговорили к смертной казни. Общественность какое-то время шумела, но потом успокоилась – и спокойствие длилось еще семьдесят пять лет.

До тех пор, пока республика не вобрала в себя последний клочок земли.

Пока оставались другие не присоединенные части планеты, на Алмазный Рай можно было не обращать внимания. Можно было заниматься пока что прочими.

Он же не последний. Он один из четырех... из трех... из двух... а потом он стал последним.

И стал слишком мозолить глаза.

Конечно, на титанов не набросились сразу же. Многие были уверены, что они сами со временем оценят прелести жизни в едином мире. Сами попросятся в состав республики. Может, на условиях автономии или даже полного самоуправления – это неважно. Парифатская республика либеральна, она готова предоставить каждому, что он хочет.

Но титаны – это не эльфы, не гиганты и даже не драконы. Назвать титана свободолюбивым – это как назвать океан влажным. Алмазный Рай – это ведь даже не государство, а просто остров, где они все живут.

Потому что любой титан скорее умрет, чем станет подданным или гражданином. Скорее умрет, чем признает над собой чью-то власть. Пусть не индивида, пусть всего лишь свода правил. Конституции.

У титанов нет законов. Нет религий. «Горд, как титан» - сравнение, возникшее отнюдь не на пустом месте.

Интересно, как они воспитывают детей?

Бриар вздохнул, отрывая перо от бумаги. Он ведь им говорил. Убеждал и консула, и сенат, что это будет ошибкой. После победы над Кровавым Князем республика не вела войн. Все присоединения были мирными, осуществленными исключительно дипломатией. Может, не всегда чистой, не всегда деликатной – но до настоящих войн ни разу не доходило.

Однако к нему не прислушались. Возможно, дело все-таки было и в Ордентусе. После того случая многие не доверяли титанам. Многих пугал сам факт присутствия в их мире столь могучих существ. Это как жить по соседству со спящим вулканом – сейчас-то безвреден, но что случится, если вдруг проснется?

Все-таки титаны слишком горды и слишком непредсказуемы. Начало войны было только вопросом времени.

На этой войне Бриар потерял брата. Брокар уступал ему в способностях, но тоже был великим чародеем. После него остался незаконченный проект, недостроенный манорат, коллекция раковин, вдовая супруга и двенадцать детей.

Было восемнадцать, но шестеро уже умерли от старости.

Сам Бриар тоже не уклонялся от гражданского долга. Считал эту войну ошибкой, но когда она началась – отправился на фронт среди первых же добровольцев.

Его знал весь мир. Не только как победителя Кровавого Князя, но и как создателя языка Каш, как автора новой магической системы, да и просто как волшебника номер один. Бриар не гонялся за славой, не рвался к власти и не любил почестей, но не мог отрицать, что равных ему нет. Слишком уж очевидный это факт, чтобы деланно скромничать.

Он и не отрицал. Бриар Всемогущий. Никто не скажет, что он не внес вклада в войну с титанами. Его заклинания отправили в Шиасс двадцать девять этих бессмертных. Среди них пятеро были нашедшими жребий. Архисильными созданиями.

Бриар споткнулся на тридцатом. Аэтернус. Алмазный Страж. У титанов нет правителей, но есть предводители – те, кого особенно уважают. Те, к чьим советам прислушиваются. Те, кто возглавляет какие-то общие деяния – грандиозные стройки, массовые переселения… и войны.

И Бриар намеревался повторить то, что сделал когда-то с Кеннисом. Добраться до вражеского предводителя, свернуть ему шею и закончить войну.

Ему не удалось. Всемогущий не сумел одолеть Вечного. Всей магии Бриара не хватило, чтобы уничтожить Аэтернуса. Они бились с Алмазным Стражем почти сутки, и Бриар остался посрамлен. Сам бы он не пощадил Аэтернуса и потому не ожидал пощады от него – но лидер титанов неожиданно даровал ему

жизнь. Не стал мстить за погибших собратьев. И единственное, что он потребовал от Бриара – принести клятву, что тот не станет больше вредить титанам.

Бриар поклялся. Самой страшной магической клятвой – вратами Шиасса и бессмертной душой.

И клятву он сдержал.

И не просто сдержал. Другой бы на его месте просто сложил оружие. Он и так сделал немало – пусть другие закончат дело. Его не осудили бы. Узнав о принесенной клятве, ему позволили бы вернуться в тыл, покинуть театр боевых действий. Способности Бриара разносторонни и многогранны – он мог бы исцелять раненых и воскрешать погибших, снабжать республику припасами и возводить новые здания.

Но пока идет война, любая помощь республике будет вредом для титанов. Так рассудил Бриар. А сидеть без дела он не умел никогда. Трудоспособный, как никто, он просто не был предназначен для безделья.

И потому он попытался прекратить войну. Заявил, что хочет выступить в сенате – и ему предоставили трибуну. В назначенный час весь мир приник к проекристаллам – и весь мир видел, как Бриар Всемогущий требует немедленно заключить мир. Он произнес целую речь – бурную, горячую... но не достигшую цели.

Время еще не пришло. Если бы Бриар выступил годом позже, когда титаны перешли в наступление и республика затряслась от страха... впрочем, к тому времени было бы поздно. Через год сенат и без него начнет молить титанов о мире – только вот те будут уже слишком взбешены.

А Бриар выступил, когда война была в самом разгаре. Когда республика была пьяна от побед. Когда казалось, что Алмазный Рай вот-вот падет, и весь мир, вся планета без исключений станет одним безграничным Парифатом.

Патриотическим угаром были охвачены все. От мала до велика, от сенаторов до гонителей вшей. Над титанами смеялись, их рисовали на карикатурах и сочиняли анекдоты. Изображали какими-то чурбанами, тупыми обезьянами с высоко задранными подбородками.

И когда Бриар объявил (вовсе не стесняясь в словах), что войну нужно прекратить, на него ополчился весь мир. Из любимца общественности он мгновенно превратился в ее заклятого врага. Сенаторы в тот день освистали волшебника. Случайные прохожие плевали ему вслед.

А потом стало известно о клятве, которую он дал Аэтернусу. Бриара заклеймили предателем и дезертиром. Отдали под трибунал. Три дня разбирательств – и он попал сюда. В

кориневую камеру на вершине башни.

Из этой удобной ложи он и наблюдал финальную сцену. Своими глазами видел, как титаны штурмуют Парифаген и втаптывают его в пыль. Видел падение республики. Гибель бывших товарищей.

Всего за два года до этого Парифатская республика была величайшим государством в истории. И не потому, что у нее были несокрушимые легионы. Не потому, что у нее было доступное для всех волшебство. И не в том дело, что в зале сената стояли золотые статуи, а на городских площадях били винные фонтаны. Это все пустое, мишура.

Республика была великой благодаря ее обществу. Системе социальных взаимоотношений, которая вмещала весь мир. Позволяла гармонично сосуществовать десяткам разумных видов и сотням культур. Давала всем образование, безопасность и государственную поддержку.

У Парифатской республики были свои недостатки. Все еще сильнейшее социальное неравенство, расслоение общества на аристократию и плебс, а вдобавок еще и деление на одаренных и немогущих. Но могучая конгломерация не переставала развиваться.

В конце концов, Бриар еще застал время, когда на Парифате существовало самое настоящее рабство. Разумных индивидов покупали и продавали, как скот. Ему было всего девять лет, когда отец пришел домой ликующим и объявил сыновьям, что с сегодняшнего дня они полноправные граждане.

Подумать только, насколько изменилась бы его жизнь, запоздай упразднение рабства хотя бы на год. Дети невольников получали только начальное образование, которое заканчивалось в десять лет. Их не допускали в школы Искусства. Даже не пытались проверять на скрытые способности.

Никто бы никогда не узнал, какой редкий дар скрывается в чакрах маленького Бриара.

И вот чем все закончилось. Одиннадцать лет он уже сидит за решеткой и смотрит, как рушится Парифатская республика.

Отсюда это не очень заметно. Столицу отстроили давным-давно. В конце концов, это всего лишь здания. Но вот общество... общество за десять лет так и не оправилось. Война унесла миллионы жизней, включая множество ведущих волшебников. Республика сотрясается в череде бесконечных кризисов. Она уже далеко не едина – провинции все чаще заговаривают об отделении, сепаратизм все усиливается, правительство не умеет совладать с беспорядками.

Парифат на грани распада. Возвращения к былой россыпи

мелких вольниц, крошечных княжеств и королевств. Бесконечной грызне. Череде междоусобиц. К тому, с чем с таким трудом было покончено.

А Бриар Всемогущий здесь, в камере. О нем словно все позабыли.

Былые заслуги? Кому они теперь интересны? Настоящее важнее прошлого. А в настоящем он – всего лишь узник. Дезертир. Предатель интересов республики, которого все ненавидят.

Но будущее важнее настоящего. Все еще может снова измениться. Бриару двести шестьдесят лет, но для мага его силы это ничто. Даже в кориевой камере, без чародейной подпитки он проживет еще минимум век.

Более чем достаточно, чтобы закончить главный труд жизни.

Вот уже одиннадцатый год Бриар писал книгу. Одну и ту же, все заново и заново. Рвал листы и кидал их в камин – тот горел круглый год, хотя Парифаген расположен на экваторе.

Идея этой книги появилась у Бриара незадолго до войны. Поначалу он даже посчитал идею глупой – настолько вразрез она шла с тем, чему учили Бриара всю жизнь. Ему долго не верилось, что в его рассуждениях нет ошибок.

Но их, кажется, действительно нет.

Магия проста. Многие этого не понимают, но магия очень проста. На протяжении всей своей истории волшебники искусственно ее усложняли и запутывали, чтобы добиваться лучших результатов, но это не более чем сложные и запутанные костыли.

Они действуют, эти костыли. Они работают. Но все то же самое можно делать и очень-очень просто. Одним волевым усилием. Прямым контролем маны.

На самом деле больше ничего и не нужно.

Но чтобы прийти к этой простоте, вначале нужно освоить магию сложную. Парадокс, но чем она сложнее, тем легче большинство чародеев ею овладевают. Длинные зубодробительные заклинания. Календарно зависимые ритуалы со множеством переменных. Многосоставные эликсиры из редчайших ингредиентов. Артефакты, которые куются годами.

Все это сложно – но легче для восприятия. Слишком уж слабо духовное начало в смертном существе. Чтобы его расшевелить, чтобы взрастить в индивиде искру волшебника, приходится прибегать к поистине нелепым психологическим ухищрениям.

А то, что все это просто костыли и декорации, что на самом деле ничего этого не нужно... к этому приходят немногие.

Бриар изучил эти костыли и декорации, как никто. Не ради

пустой почести его титуловали Всемогущим. Он и в самом деле аномально могущественный волшебник. Он владеет невероятным количеством заклинаний, ему подвластно огромное множество родов магии. Он умеет применять даже чары Света и Тьмы – причем одновременно.

До Бриара считалось, что подобное невозможно.

И последние одиннадцать лет он пытался сформулировать заветную мечту чародеев – универсальное заклинание. Искал способ свести всю магию к нескольким словам, а в идеале – к одному слову. Такому слову, которое будет действовать в любых устах, у любого человека.

У него получалось это частично. Идея ускользала. Вертелась совсем рядом, давала увидеть то хвостик, то лапку... но целиком не показывалась. Бриар исписывал все новые листы – благо в бумаге его не ограничивали.

Экспериментировать с волшебством в кориниевой камере – паргоронский труд. Даже Бриар не мог здесь колдовать. Чакры отказывались обрабатывать ману. Пшикали, как пустые гориски.

Но в том-то и дело, что идея, которую он пытался поймать, обещала решить эту проблему.

На первый взгляд казалось, что Бриар создает обычные волшебные свитки. Самое простое дело, даже рядовые волшебники без труда их производят. Начертать заклинание, влить мановый заряд. Элементарно. Первый свой свиток Бриар сотворил двенадцати лет от роду. Его всегда интересовала эта методика.

Но свитки – одноразовые. Они одноразовы по определению. Их нельзя даже перезарядить – мана пропитывает сам материал, содержится в бумаге или чернилах. Истраченный свиток либо рассыпается, либо становится чистым – зависит от методики.

Артефакты – дело другое. Они многоразовые. Гораздо сложнее свитков, зато многоразовые. Однако мана им все равно нужна, без нее никуда. Если артефакт получает ману от владельца, в кориниевой камере он точно так же бесполезен. А если тратит собственный запас, тот рано или поздно закончится.

Но что если найти... альтернативу?

Здесь и сейчас, на одиннадцатый год заключения, Бриар Всемогущий наконец отыскал решение. Пока еще это не универсальное заклинание, далеко нет. Но это первый шаг к нему.

Вечный волшебный свиток. Неограниченный. Действующий в любых руках.

Невозможно?.. О, Бриар уже не раз делал то, что считалось до него невозможным.

Причем он сотворил этот свиток в кориниевой камере. Неспособный колдовать.

И в том-то и дело, что он не колдовал. Не применял активную ману. Не выпускал из себя заклинаний.

Вместо этого он заклинание... оживил. Аномально могущественный волшебник, он сумел сконцентрировать магический импульс в конкретном участке астрального тела – и отделил этот участок. Перенес его на лист бумаги – и позволил жить собственной жизнью.

Одушевление – самый простой процесс на свете. Бесхозные искры сознания носятся повсюду мириадами. Какая-нибудь крохотная паучиха откладывает тысячу яиц – и в них возникает тысяча душ.

Маги тоже знают в этом толк. Бриар мог одушевить что угодно. Вдохнуть жизнь в хладный труп – и обменяться словами с мертвецом. Вдохнуть жизнь в бесформенную стихию – и узреть бушующего элементаля. Вдохнуть жизнь в предмет обихода – и получить верного прислужника-объекталя. Вдохнуть жизнь в артефактное изделие – и создать мыслящего голема.

Но сейчас Бриар одушевлял... заклинание. Не просто вливал ману, а даровал ему душу. Не бумаге, не чернилам, а самой сути чародейства – пусть и воплощенной в материальном виде.

Теперь это не просто заклинание, а самостоятельная личность. Носитель бессмертного сознания и источник маны. Оно живет и существует только для выполнения конкретной задачи – но эту задачу оно выполнит, игнорируя кориний.

Ведь у заклинания нет духовных линий. И нет чакр. Оно само по себе как чистая чакра – только рассредоточенная. И если воззвать к ней, если произнести нужные слова...

- Маракурита орхара баста! – произнес Бриар, поднявшись со стула. – Иневорк! Сото риаро, армеда хили!

И... ничего не произошло. Ничего не случилось. Листок по-прежнему лежал на столе, Бриар по-прежнему стоял посреди камеры.

- Чего-то не хватает, - задумчиво сказал он.

Странно. Конечно, неудачных попыток было уже бессчетно, но он был уверен, что в этот раз все рассчитал верно. Видеть рисунок ауры кориний не мешает – и Бриар видел безупречную законченную решетку. Прекрасный гармоничный узор элементарного заклинания Побега.

Но оно почему-то не срабатывает. Быть может, кориний его все-таки ограничивает? В теории он мешать не должен, но практика часто расходится с теорией. Бриар мог чего-то не учесть, упустить из виду какую-нибудь мелочь.

Он еще раз повторил звуковую комбинацию. Нет, оговорки нигде не было, все произнесено правильно. Абсолютная точность не требуется – живое заклинание не разумно в привычном понимании этого слова, но достаточно сообразительно. Если не слишком коверкать слова, оно поймет сигнал.

Еще часов шесть Бриар просидел за столом, проверяя все по новой. Пищеграмма дважды вспыхивала, выдав сначала завтрак, а затем обед, но узник даже не смотрел в ту сторону. Ему не хотелось ни есть, ни пить.

И в конце концов его лицо просветлело.

Как это часто бывает, он действительно упустил из виду крошечную деталь. Живое заклинание обитает в своем листе бумаги. У него нет глаз и ушей. Оно все же воспринимает окружающий мир, но совсем иначе, труднопредставимо для человека.

И для того, чтобы оно распознало звуковую комбинацию, нужно войти с ним в эфирный контакт. Плотно сомкнуть астральные тела.

Самый простой способ это сделать – тактильный.

Пламя Паргорона, как же глупо. Бриар невольно рассмеялся. Величайший волшебник Парифата, господа. Шесть часов ломал голову, не догадываясь взять листок в руки.

Но теперь он это сделал. В последний раз взглянул на вид за окном и снова произнес:

- Маракурита орхара баста! Иневорк! Сото риаро, армеда хили!

Отзвучало последнее слово – и Бриар Всемогущий растворился в воздухе.

Глава 5

Искатели Криабала гадали, что с ними сделают. Мектиг, Плацента, Джиданна, Дрекозиус и Имрата стояли в окружении прихвостней, среди прочих пленников Бельзедора, и ждали, когда тот обратит на них внимание.

- Нам нужно наброситься на них разом, - сказала титанида. – Я раскидаю их, а вы бегите.

- Усмири свой пыл, дочь моя, мысли благоразумно, - тихо ответил жрец. – Бесславно сложить головы мы всегда успеем.

- Но...

- Мы уже пробовали сбежать, - брюзгливо напомнила Джиданна. – Успех был поразительным.

После битвы Бельзедора и Антикатисто они действительно попробовали дать деру. Сотканное из чистой Тьмы чудовище забрало все Криабалы, больше их тут ничто не удерживало.

Даже Имрата это неохотно признала.

Но покинуть Цитадель Зла не удалось. Бельзедор погиб, но его приспешники остались в добром здравии. Управляющий лично преградил искателям Криабала путь и вежливо сообщил, что им бы желательно еще задержаться здесь на какое-то время.

И это не просьба.

Имрата попыталась отшвырнуть этого человечка с как будто наклеенными усиками. Но в отличие от Бельзедора, тот не дал ей красивого поединка. Просто хлопнул в ладоши – и всех пятерых перенесло в камеры.

В те самые камеры, откуда их с таким трудом освободил Плацента. Только уже полностью отремонтированные. С заново наложенным замком в женской камере и починенными прутьями в мужской.

А на следующий день их вытащили и пригнали обратно в тронный зал. Тот уже почти полностью привели в порядок, вдоль стен вновь толпились прихвостни всех видов, а на железном колючем троне восседал Темный Властелин.

Опять живой и здоровый.

Был он разве что сейчас не в доспехе, а в черном костюме из толстой замши. Добрых девяти локтей ростом, с чеканным лицом цвета старой бронзы и чернильно-черной копной волос, лорд Бельзедор восседал перед мольбертом и писал картину. Жуткий, зловещий, но по-своему красивый пейзаж, панораму Бриарогена.

- Как вам моя работа, лорд Гвыфнюр? – спросил он,

оценивающе склонив голову.

- Изумительно, Властелин! – с подчеркнутым подобострастием произнес тощий крысолюд. – Восхитительно! Вы непревзойденный талант! Художники всего мира – сущие ничтожества в сравнении с вами!

- В таком случае я жертвую эту картину на благотворительность, - снял холст с мольберта Бельзедор. – Продайте ее с аукциона в Ридолено, Торо или другом городе, знающем толк в живописи.

- Потом выкрасть обратно? – ухмыльнулся Гвыфнюр.

- Разумеется. Не мне вас учить.

- И продать снова?

- Да, но уже в другом городе.

- Другие ценности тоже красть?

- Само собой. Мою картину будут покупать тонкие ценители – у них наверняка найдутся и другие прекрасные полотна. В последнее время моя картинная галерея прискорбно перестала обогащаться – поручаю вам это исправить.

- Повинуюсь, мой Властелин, - склонился приспешник, едва не касаясь пола длинными резцами. – А на какую именно благотворительность жертвовать вырученные деньги?

- Вам в карман, лорд Гвыфнюр. Вы же сирота, кажется?..

Передав этому приспешнику картину, лорд Бельзедор так же стремительно разобрался с еще несколькими мелкими делами. Распорядился натравить виверн и хищных ящеров на Миртанию – небольшую страну по соседству с Империей Зла. Приказал устроить дождь из кальмаров в нескольких случайно выбранных королевствах. А приспешнику в белоснежном смокинге приказал отправиться в империю Грандпайр и массово осквернить там лестницы и лифты.

- А теперь перейдем к более важным вопросам, - поднялся с трона Бельзедор. – Господин управляющий, вы что-то хотели мне сказать?

- О да, Властелин, - преподнес ему странный черный предмет управляющий. – Спешу обрадовать – вас снова признали лучшим злодеем года! В сто сорок первый раз!

- О, как это лестно! – торжествующе ухмыльнулся Бельзедор. – Передайте членам жюри мою признательность и выпустите из темниц их родных.

Прихвостни восхищенно захлопали. Темный Властелин раскланялся на все четыре стороны, грохнул об пол черным посохом, откашлялся...

- Постойте, Властелин! – воскликнул управляющий. – Вы забыли надеть плащ! Нельзя выступать без плаща!

- Ох ты, - спохватился Бельзедор. – Благодарю вас, господин управляющий. Я чуть было не осрамился.

Действительно, старый его плащ был уничтожен в битве с Антикатисто. А настоящий злодейский плащ – это очень важно. Он должен красиво развеваться. Должен внушать ужас. Должен быть мягким, но вместе с тем прочным.

И черным. Радикальный черный цвет. Это очень важно. Черные плащи – одно из главных изделий текстильной промышленности. Плох тот портной Империи Зла, что не умеет шить такие.

Бельзедору поднесли самый лучший. Он запахнулся в него, снова откашлялся и принялся... петь. Зал наполнился как будто раскатами грома – гулкий, зычный голос Темного Властелина разносился так далеко, что вороны взлетели с крыш. Управляющий аккомпанировал ему на огромном черном органе, которого вроде бы еще только что в зале не было, а теперь вот появился откуда-то.

Я во мраке ночи насылаю кошмары!
Легионы злодеев повсюду я шлю!
Не получит пощады ни юный, ни старый!
Причинять людям горе я очень люблю!

Ненавижу всей душой я эльфов и людей,
Уничтожить их хочу, очистить мир скорей!
Пусть он будет гол и пустынен,
Пусть проклинают все мое имя!
Взвейся, нечисть, что мне подвластна,
Смерть всех настигнет, и это прекрасно!

Гремит война, планету потрясая,
Зловещий мрак окутал города!
Герои тщетно этот мир спасают,
Я буду сеять ужасы всегда!

Прихвостни раскачивались в такт, притопывали, щелкали зубами и хором подпевали:

Он могуч, велик, прекрасен,
Злобен и непобедим,
Он всегда от крови красен,
Наш любимый Властелин!

- Что происходит? – растерянно спросила Имрата.

- Тс-с!.. – шикнул на нее Дрекозиус.

Но было уже поздно. Несколько прихвостней придвинулись к искателям Криабала и с явной угрозой пропели:

Трепещи, дрожи и слушай,
Бельзедор уже идет!
Плоть пожрет, поглотит души
И на части всех порвет!

Управляющий в последний раз опустил руки на клавиши. Орган издал последний зловещий звук – и Бельзедор громогласно расхохотался. Смех Темного Властелина наполнил тронный зал, выплеснулся наружу, разнесся над всем Бриарогеном. Прихвостни бешено захлопали, заулюлюкали, преданно взирая на Бельзедора.

- Я даже не знаю, что сказать, - безучастно произнесла Джиданна. – Что это было?

- Всего лишь злодейская песня нашего Властелина, - произнес управляющий, каким-то образом оказавшийся у нее за спиной. – Он сочинил ее сегодня утром.

- И часто он их... сочиняет?

- Регулярно. Наш Властелин постоянно в творческом поиске.

- А зачем это вообще?

- Как это зачем?! – поразился управляющий. – Если ты злодей – необходимо время от времени исполнять злодейские песни. Это очень важно.

- А если тролль на ухо наступил? – полюбопытствовала волшебница. – Если петь не умеешь?

- Боюсь, в таком случае вам никогда не стать подлинным злодеем, - покачал головой управляющий. – Вульгарные злодейства вы творить сможете, конечно, но в них не будет стиля. Не будет души. Это уровень обычных мелких прихвостней, но никак не приспешников. И уж тем более не Темного Властелина.

Объяснив это, управляющий предложил искателям Криабала предстать перед Бельзедором. Точнее, их подтолкнули к трону пять огров со зверскими рожами. Заминка возникла только с Имратой, которая оказалась сильнее, поэтому ее огр просто вежливо попросил девушку не создавать проблем.

Усевшийся обратно на трон Бельзедор смерил их пристальным взглядом. Трясущийся от мелкой злобы Плацента притаился за широкой спиной Мектига, туда же отступила Джиданна, а где-то еще дальше пытался спрятать свои телеса Дрекозиус. Имрата, которая все еще дискутировала со своим огром, немного приотстала, так что в итоге Бельзедор оказался один на один с Мектигом.

Дармаг выдержал его взгляд без труда. Могучий хирдманн не умел бояться врага, облеченного в плоть, и смотрел на Темного Властелина без тени страха, с одной только холодной яростью.

Бельзедор. Мектиг ненавидел Бельзедора.

Рядом с троном возник управляющий. Темный Властелин повернулся к нему и дружелюбно попросил:

- Господин управляющий, представьте мне моих гостей, пока их головы еще не отделены от тел.

- Прекрасный набор, Властелин, - любезно ответил управляющий. – Отличная слаженная команда героев, от души рекомендую. Вот это, извольте видеть, Мектиг Свирепый. Тридцать семь лет. Дармаг, родом из Свитьодинара, когда-то был первым бойцом тинглида. Покинул дом после убийства ярла Солетунга, с тех пор ведет жизнь охотника за головами. Берсерк, одержим духом лемминга. Беспощаден к врагам, но беззаветно предан друзьям, предельно неразговорчив. Севигист с уклоном к Энзирису. Любимое оружие – боевая секира. Одна Сущность – Самозатачивающийся Клинок.

Мектиг никак не прокомментировал данную ему характеристику. Только на лице его мелькнуло беспокойство – он удивился, что в Империи Зла так много о нем известно.

- А это, с вашего позволения, Плацента, - продолжил представлять искателей Криабала управляющий. – Тридцать шесть лет. Полугоблин, родом из Эрдезии, профессиональный вор. Сын вора-гоблина и опустившейся шлюхи, вырос на улице. Щипач и домушник, немного подвержен клептомании. Жаден, коварен, подл, жесток, страдает копролалией. Эготеист. Любимое оружие – парные кинжалы или аналогичные короткие клинки. Одна Сущность – Бранный Полиглот.

- На кир иди, ыррыть материа! – огрызнулся Плацента, выглядывая из-за Мектига.

- Мэтресс Джиданна Спецеял, - представил волшебницу управляющий. – Тридцать четыре года. Человек стандартного типа, родом из Эрдезии. Окончила Клеверный Ансамбль, институт Унионис, факультет великодушия. Лиценциат. Фамиллиар – императорская белка. Считает себя неудачницей, инертна и ленива, страдает эмоциональной глухотой. Ктототамка. Любимые заклинания – Слияние Сознаний, Огненное Дыхание, Исцеляющий Зверь, Дублирование, Царь Зверей. Одна Сущность – Зеленое Яблоко.

- Худшая Сущность из тех, что были в Дарохранилище, - равнодушно произнесла Джиданна, сотворив себе яблоко.

- Отец Дрекозиус, урожденный Магет Риарико, - указал на жреца управляющий. – Сорок семь лет. Человек стандартного

типа, родом из Грандпайра. Жрец Космодана, закончил духовную семинарию в городе Ридолено. Тридцати лет от роду переехал в город Пайнк, что в Эрдезии, где вскоре получил должность видама при епископе Суйме. На протяжении последних семнадцати лет разыскивает Криабалы. Очень умен, красноречив, корыстен, лицемерен. Набожность отсутствует, хотя все же севигист. Две Сущности – Спящий Человек и неизвестного наименования.

Дрекозиус издал чуть слышный вздох. Он сразу понял, конечно, что это за Сущность у него неизвестного наименования – способность видеть во сне Криабалы. Но он и понятия не имел, что это, оказывается, Сущность... хотя стоило бы догадаться.

Интересно, откуда об этом знает управляющий Бельзедора? Откуда он вообще так много о них знает? Даже его дожреческое имя, которое Дрекозиус грешным делом уже сам с трудом припоминал.

Их не допрашивали, не пытали, не психозрительствовали... хотя это можно сделать и незаметно, ладно.

- И юная титанида Имрата Аэтернида, дочь некоронованного царя титанов...

- Про нее не нужно, - перебил Бельзедор. – Благодарю вас, господин управляющий. Что же до вас пятерых... вы голодны, надеюсь?

- Нас ни разу не кормили, - сухо произнесла Джиданна. – Мы ели только мои яблоки.

- Они вкусные? – осведомился Бельзедор.

- Нет, очень кислые.

- Рад это слышать. Я очень старался, чтобы вам не понравилось.

- Мерзавец!.. – шагнула вперед Имрата. – Ты смеешь...

Бельзедор вскинул ладонь, и титанида словно врезалась в невидимую стену. От Темного Властелина изошла цепенящая волна – мысли сразу притихли, движения стали вялыми.

- Обсудим наши разногласия позже, - сказал Бельзедор. – Сейчас я приглашаю вас разделить со мной обед.

- Это огромная честь для всех нас, - елейным голоском произнес Дрекозиус. – Но будет ли мне позволено спросить, есть ли у нас выбор?

- Разумеется. Вы можете пойти на обед, а можете вернуться в темницу.

- А там нас покормят?! – подал голос Плацента.

- Нет.

- Ярыть, придется идти с тобой... а в сортир сначала можно? Я срать хочу.

Обед у Темного Властелина – опыт, которым мало кто может похвастаться. Ни Мектиг, ни Плацента, ни Джиданна, ни Дрекозиус никогда не думали, что однажды им доведется посидеть за этим столом, среди злых волшебников, великих преступников, нечистых тварей, беглых тиранов и прочих приспешников лорда Бельзедора. Дрекозиус заметил тех, кого уже видел в вещих снах – лорда Тысячезуба, леди Муррр Чи, лорда Золотую Бороду... и только леди Хионы по понятным причинам не было.

Имрата ни о чем подобном не думала и подавно. Проведя в глыбе колдовского льда несколько тысячелетий, она до недавнего времени знать не знала ни о каком Темном Властелине. Ее родной Парифат был совершенно иным местом, абсолютно не похожим на Парифат нынешний.

Во главе стола восседал, понятное дело, сам лорд Бельзедор. По левую и правую руки – две его жены, похищенные принцессы из великих империй. За спиной господина замер бессменный управляющий. На коленях Темный Властелин держал важного белого кота. А большую часть остальных мест занимали бессчетные приспешники.

Искателей Криабала разместили в самом дальнем конце, и чувствовали они себя не в своей тарелке. Рядом сидели еще два каких-то типа – явно не приспешники, тоже какие-то гости или пленники.

Тут это почти одно и то же.

- Танзен, - коротко представился один из них. – Магистр Метаморфозиса.

- Джиданна Спецеял, лиценциат Унионисса, - кивнула Джиданна, кормя свою белку серебряными монетами. Ей подали их целую горсть, на отдельной тарелочке. – Вы из Кустодиана?

- Что меня выдало? – пристально посмотрел Танзен.

- Взгляд... выражение лица... что-то в ауре... не знаю, - неопределенно пожала плечами волшебница. – Просто когда я вас увидела, то сразу подумала – агент Кустодиана.

- Вы очень наблюдательны, мэтресс. Я видел вас там... в зале... когда наш хозяин сражался с Антикатисто.

- А я вас там не заметила. Хотя я не вглядывалась.

- Я выглядел иначе.

- Ну да, Метаморфозис же...

С другой стороны отец Дрекозиус расспрашивал брата Массено. Он, разумеется, сразу узнал солнечного монаха по багровой рясе, и теперь осторожно выяснял, что тот здесь делает. Солнцегляд отвечал любезно, но уклончиво, не слишком распространяясь о своей миссии, и уж подавно не упоминая о

пайцзе нунция.

Имрата сидела кислая, как лимон. Она неотрывно таращилась на Бельзедора – а тот словно ничего и не замечал. За обедом Темный Властелин был весел и дружелюбен, шутил с женами и приспешниками, да и вообще больше походил на главу большого счастливого семейства, чем на грозу всего Парифата.

Подали первое. Кристальной чистоты черепаховый суп. По обе стороны от блюда лежали приборы – три разного размера ложки, столько же вилок, два ножа и тонкая серебряная заковырка. Джиданна слышала, что ею положено есть моллюсков, но их пока на столе не появилось.

Плацента ел суп с видом ценителя. У него почему-то была только одна ложка, остальные приборы куда-то пропали.

- Хм-м... – с видом ценителя произнес он, почмокав. – Какой необычный сорт говна...

Сделав еще несколько глотков и сожрав все мясо, он вылил бульон во флягу, тут же свернув воронку из листа бумаги. Откуда он взял флягу и бумагу – знал только сам Плацента.

- А бульон у тебя там не протухнет? – спросила Джиданна.

- Ничего. Настоится.

- И ты будешь это есть?

- Ты совсем дура, что ли, Джи-Джи? – сплюнул на пол Плацента. – Это фляга. Из нее пьют.

- А. Ясно, - вернулась к супу Джиданна.

Суп нравился ей больше, чем Плацента. Он оказался и в самом деле вкусным. На редкость даже вкусным. За обе щеки его уплетали почти все.

Нос воротил только монах с повязкой на глазах, но он солнцегляд. Солнцегляды всю жизнь блюдут строжайший пост, об этом Джиданна где-то слышала.

- Превосходно, - рек Бельзедор своим особым голосом, который разносился гулким эхом. – Мои комплименты повару. Но, кажется, мой суп отравлен... и недосолен.

В гробовом молчании он тряхнул солонкой над тарелкой, потом поднес ее к глазам и молвил:

- Соль тоже отравлена.

Бельзедор спокойно продолжил есть, а приспешники спрятали глаза, склонившись над тарелками. Один из них, крохотный лысый старичок в пенсне, рассеянно царапал свой бокал бриллиантовым кольцом.

- Мэтр, пожалуйста... – поморщился Бельзедор. – Мне эти фужеры на свадьбу подарили.

- Простите, Властелин, - ответил приспешник, продолжая царапать.

Подали второе. Тушеное говяжье рагу с молодым картофелем и черносливом. Его Плацента уже никуда не засовывал – просто смолотил и завертел носом в поисках добавки. Его ложка бесследно исчезла, и вместо нее он украл у Мектига вилку. Дармаг все равно пользовался только одним прибором, и не очень умело.

Потом принесли десерт – воздушную халву и фрукты. Полуобнаженные горничные разлили чай, управляющий заиграл на зловещем черном органе, который каким-то образом переместился из тронного зала в столовую.

Искателям Криабала раздали анкетки, чтобы они описали свои впечатления от темницы Цитадели Зла. Там было полтора десятка пунктов – питание, освещенность, жестокость тюремщиков, безнадежность, взламываемость, голодные муки и тому подобное. Дрекозиус любезно проставил везде низший балл, и только графа «пытки» получила оценку «удовлетворительно». Пытать их не пытали – скорее всего, просто не успели.

Остальные искатели анкет заполнять не стали. Полуграмотный Мектиг толком и не понял, что это такое, Плацента фыркнул, скомкал свою и бросил на пол, а Джиданна удостоила ее одним лишь взглядом и продолжила есть халву. Она обожала сладости.

- А как тебя зовут? – подергали ее за подол.

Волшебница повернулась и безразлично уставилась на девочку и мальчика лет шести-семи. Детей Джиданна терпеть не могла и каких-то других просто отогнала бы.

Но эти дети – не просто дети. Это дети лорда Бельзедора. Они тоже сидели за столом, со своими матерями, но им быстро прискучило, и они принялись путешествовать вокруг него, общаясь с приспешниками и отцовским котом. Тот с важным видом ел розовую мышь.

А потом дело дошло до гостей-пленников. И особенно детей Бельзедора заинтересовала Джиданна, потому что у нее была белка. Они зачарованно смотрели, как зверек точит монеты. Грызет серебро, как ореховые скорлупки.

- А она умеет плясать и петь? – спросила девочка.
- Умеет, - неохотно ответила Джиданна. – Но не любит.
- Почему?
- Просто.
- А имя у нее есть?
- Нету.
- Почему?
- А зачем оно ей?
- Ну а как ты к ней обращаешься?

- Никак. Она фамиллиар.

- Милые детушки, а как зовут вас самих? – влез в разговор Дрекозиус. – Скажите нам с тетушкой Джиданной, сделайте такую милость.

- Одезит, - сказал мальчик.

- Дарина, - сказала девочка.

- Ах, какие чудесные имена! – расплылся в улыбке жрец. – Сразу видно, что вы замечательные дети. А кто ваши папочка и мамочка?

- Ты что тут к нам подлизываешься, жирный? – хмыкнул мальчик. Он выглядел постарше девочки. – Сам прекрасно знаешь, чьи мы дети. Я ему скажу, он тебя паргоронскими псами затравит.

Дрекозиус осекся и втянул голову в плечи. Маленький Одезит снова хмыкнул, с явным удовольствием стукнул жреца кулаком в плечо и убежал играть с сестрой.

- Какие испорченные отроки... – пробормотал Дрекозиус.

- Те еще бррык азурата, - скрипнул зубами Плацента. – Особенно девчонка. Она сгоблинила мои кукри, марах товиалли-товаэлли! Видели, видели?! Они у нее на поясе висят!

- Стихни, - произнес свое первое за день слово Мектиг. – У твоей белки правда нет имени?

Фраза была необычно длинной для дармага, и Джиданна взглянула на него с удивлением.

- Нету, - помедлив, ответила она. – Некоторые дают имена своим фамиллиарам, а многие создают их из ручных животных, у которых имя было и до возвышения... но вообще это не общепринято. Фамиллиар – автономная часть меня самой и одновременно колдовской инструмент. Как дополнительная рука на четырех лапках. Или волшебный жезл, покрытый шерстью. Ты же не даешь имен своим частям тела или оружию... хотя ладно, с оружием плохой пример.

Мектиг угрюмо засопел. У него снова отобрали оружие, а без топора на поясе он чувствовал себя почти голым. Без верной... секиры, которой он действительно так и не дал имени. Просто не успел придумать.

Мектиг угрюмо засопел. Джиданна кисло скривилась. Плацента злобно ругнулся. И глядя на это царство уныния, Дрекозиус тяжко вздохнул.

- Дети мои, не сочтите за укор, не примите в обиду, но отчего вы всегда так мрачны и угрюмы? – горестно вопросил он. – Не помню, чтобы хоть раз я видел на лице кого-то из вас самую обычную улыбку. Почему вы никогда не улыбаетесь?

- Улыбаться только тем людям, которым ты действительно

рад – хорошая профилактика лицемерия и мимических морщин, - ответила Джиданна.

- Но ты же вообще никогда не улыбаешься, - фыркнул Плацента.

- Потому что среди вас нет людей, которым я действительно рада.

- Что, даже я?

- Даже... – Джиданна осеклась, сообразив, кто ее спрашивает.

Лорд Бельзедор. Темный Властелин подошел сзади и с живым интересом рассматривал искателей Криабала. Те притихли, не зная, чего от него ждать.

- Мое почтение, лорд Бельзедор, - слащаво улыбнулся Дрекозиус. – Примите, кстати, мое искреннее восхищение вашим полотном. Я и подумать не смел, что вы увлекаетесь живописью.

- Всегда нужно оставлять немного времени для хобби, - кивнул жрецу Темный Властелин. – Где мы окажемся, если из нашей жизни исчезнет искусство?

- О, безусловно, безусловно!.. – рассмеялся Дрекозиус, ощупывая Бельзедора колючим взглядом. – Так приятно видеть человека, открытого для творческих веяний!

- Человека?.. – чуть склонил голову Бельзедор. – Ну что ж. Надеюсь, вы сыты, потому что обед закончен, и нам с вами предстоит беседа. Со всеми семерыми.

Глава 6

Лахджа вышла через главный вход. Он всегда стоял нараспашку, потому что створы ворот не сумел бы сдвинуть и великан. Сколько в них, метров десять?.. двенадцать?.. Хальтрекарок ростом с обычного человека, но специально сотворил себе громадную дверь, чтобы иметь возможность войти со всем своим величием.

Господи, какой же он самодовольный позёр. Лахджа искренне поражалась его чувству собственной важности. Никто в мире, наверное, не мнит о себе так много, как ее муж и повелитель. Хотя кем бы он был, не получи отцовского наследства? Да никем!

Не так уж давно Лахджа стала супругой демолорда. Не так уж давно поселилась в его дворце. И уж совсем недавно стала демоном... впрочем, об этом она особо не жалела.

Быть демоном оказалось весело.

Когда-то Лахджа была человеком. Хальтрекарок похитил ее из родного мира... шесть лет минуло с тех пор. Большинство похищенных этим похотливым демолордом остаются самими собой, обретая лишь вечную молодость, но ей удалось продвинуться дальше. Она сумела заслужить доверие своего мужа и повелителя.

Стать избранной. Пройти перерождение в чреве Матери Демонов. Обрести парочку очень мощных Ме. И занять место среди высшей знати Паргорона.

Не на самом верху, конечно. На самом верху демолорды. Мажоритарные акционеры Банка Душ, контролирующие пятьдесят один процент общего капитала.

А у Лахджи этих самых процентов ровно нисколько. Нет у нее счета в Банке Душ – она, как и остальные жены, приписана к счету Хальтрекарока. Совместное владение... хотя пользоваться она им может только как кредитной картой. Купить в Паргороне можно что угодно, а вот творить с его помощью чудеса – это нет. Такого Хальтрекарок своим женам не позволяет.

Всего в Паргороне пять сословий. Выше всех демолорды, их двадцать семь, ниже всех простодемоны, их сотни миллионов. Мелкие тварьки без особых способностей. Слуги, крестьяне и чернорабочие. Те же храки, харгаллы и Безликие. От смертных отличаются только тем, что не стареют.

Второе сословие – мещане. Средний класс, чиновники и военные. Храпоиды, развраги, чрепокожие, вехоты, а также

зажиточные простодемоны. В Паргороне система кастово-видовая, но социальные лифты все-таки имеются, подняться повыше возможно.

Третье сословие – аристократы. Шесть высших демонических народов – гохерримы, гхьетшедарии, ларитры, кэ-миало, бушуки и кульминаты. Кроме того, к аристократам причисляются полукровки-вайли, первородные дети Мазекресс и те немногие из мещан, кому удалось добиться высоких постов.

А четвертое сословие – титулованные аристократы. Их где-то сотни полторы. Бароны гхьетшедариев, банкиры бушуков, вексилларии гохерримов, Дамы ларитр и Великие Умы кэ-миало. Они подчиняются только демолордам и по силе уступают тоже только демолордам.

Официально Лахджа ни к какому сословию не принадлежит. Но жены-демоны демолордов приравнены к аристократам. А любимые жены – к титулованным аристократам. Могуществом Лахджа примерно им и соответствует – баронам и векселлариям.

Может, все-таки немного слабее.

И опыта у нее, конечно, тоже гораздо меньше.

Но он постепенно копится. Хальтрекарок то и дело гоняет ее по каким-то поручениям. Заставляет делать все то, что нельзя поручить мелкой прислуге, но при этом лень самому.

Однажды она две недели провела в океане, спасаясь от упорной группы демоноборцев. Попутно помогла одному морскому народцу и потопила пиратский корабль. Потом целый месяц болталась в Мертвой Земле, прислуживая личу, заключившему сделку с Хальтрекароком. И еще как-то раз три недели проработала уборщицей в чертоге бога смерти.

А вспомнить ту ее охоту на двурога!..

Вот и он, кстати. Легок на помине. Лахджа вошла в лабиринт и встретилась взглядом с чудищем, похожим на двурогого коня. Злобного, плотоядного, очень агрессивного коня.

Паргоронский антипод единорога.

- Иди сюда, мой хороший!.. – протянула кусок колбасы Лахджа. – Ну иди!.. Иди ко мне!..

Двурог пристально посмотрел на колбасу. Фыркнул, выдохнув облако раскаленного пара. А потом резко развернулся и бросился наутек.

- Я что, все еще недостаточно хороша для тебя?! – завопила Лахджа, потрясая колбасой. – Ну погоди у меня!

В лабиринт демоница явилась, чтобы поискать улик. Она собиралась выяснить все об этих ворах, и начать решила с места, где те участвовали в крысиных бегах.

Знаменитого на весь Паргорон лабиринта Хальтрекарока.

Сейчас тут относительно безопасно. Сегодняшнее представление закончено, да и с лабиринтом оно связано не было. Постоянные обитатели остались на своих местах, но среди них нет способных навредить Лахдже.

Она взяла из архива кэ-миало воспоминание о тех крысиных бегах. Теперь оно крутилось у нее в голове, заново представало перед глазами. Все шоу Хальтрекарока запоминаются летающими мозгами досконально, в мельчайших деталях и подробностях. Сейчас Лахджа шагала как бы рядом с теми ворами – видела, как они избегают ловушек, как сражаются с чудищами.

Не было бы ничего сложного и в том, чтобы просто узнать, где они сейчас… если бы Лахджа знала их имена. Зная имя и хоть какую-то дополнительную информацию, можно отыскать кого угодно. Но если имен нет… все очень резко усложняется. А Хальтрекарок никогда не утруждал себя анкетированием жертв.

Вот и приходится разматывать клубочек постепенно.

Всего на пять минут демоница отвлеклась, заметив тентаклевый куст. Опять пророс. Цепкое у них семя – чуть-чуть не уследишь, и сразу прорастает, начинает охотиться. Храки их выпалывают, но везде не успевают. А сам Хальтрекарок может просто пожелать, и все кусты на его территории исчезнут навсегда, но разве у него допросишься?

Лахджа иногда подозревала, что он сам их тут и развел.

Впрочем, это не самое опасное растение. По-своему даже милое. Лахдже всегда было немного жаль от них избавляться, но ничего не поделаешь.

Впрочем, этот растет в лабиринте. Среди других чудищ. Пожалуй, его можно оставить – если он поймает кого-то из игроков, то это даже придаст шоу дополнительную пикантность. При мысли об этом Лахджа почувствовала легкое возбуждение и улыбнулась кустику.

Пусть себе растет.

А про воров она в лабиринте ничего интересного не узнала. Да, здесь она могла слышать их разговоры, но они не говорили ни о чем важном. В основном препирались и костерили друг друга.

Хотя команда у них подобралась неплохая. Противоречивая, неуживчивая, но странным образом слаженная. Дармаг оказался редкого мастерства воином, полугоблин отличался удивительной пронырливостью, волшебница для своего юного возраста очень неплохо колдовала, а жрец впечатлял остротой ума и убедительностью. Лахджа удивленно присвистнула, когда тот уговорил орка-конкурента оставить жизнь ему и убить другого конкурента. Одними только словами избавился от двух противников разом.

И они одолели нехедраха. Это не разумный демон, а только зверь, чудовище – но все равно очень опасное. Лахджа бы, конечно, расправилась с ним куда быстрее, но то она.

Убедившись, что в лабиринте улик нет, демоница вернулась во дворец. Выяснила, в какой камере держали тех четверых, и внимательно ее осмотрела. Жаль, времени прошло слишком много, харгаллы давно все починили. Теперь непонятно даже, как узникам удалось сбежать.

Зато понятно, куда они после этого направились. К сокровищнице. Возможно, поплутали по дороге – дворец-то у Хальтрекарока громадный, - но в итоге добрались, это уже известно.

Лахджа вызвала старших Безликих и велела бросить клич по слугам – кто видел этих четверых? Наверняка кто-нибудь видел – во дворце на каждом шагу челядь.

Храпоиды и развраги никого не видели. Но это Лахджу и не удивило – попадись вторженцы на глаза стражникам, их либо вернули бы за решетку, либо... либо стражников бы стало меньше. Как уж повезет.

А вот среди Безликих и харгаллов свидетели нашлись. Первые бесстрастно сообщили, что не получали указаний насчет этих существ, поэтому ничего и не делали. Вторые же рассказали, что видели их в зале бальных танцев, когда восстанавливали его после пожара.

Лахджа наведалась туда и с удовольствием убедилась, что зал блестит, как новенький. Словно и не был обуглен до головешек Князем Тьмы.

Демоницу аж передернуло, когда она вспомнила ту историю. Асмодей – любимый бро Хальтрекарока, но при этом редкий говнюк. Он вечно заявляется сюда тусить, ведет себя, как последний обрыган, домогается до всех, кого видит, и просто страдает херней.

В тот раз он показывал фокусы с адским пламенем. Вусмерть набухался, встал посреди зала и радостно заревел: «Хотите узнать, что такое адский гейзер?!»

Все уже знали, что такое адский гейзер в исполнении Асмодея, а потому бросились бежать, роняя кал. Кто-то даже застрял в дверях. Хальтрекарока рядом не оказалось, остановить ужравшегося Князя Тьмы оказалось некому, так что он успешно призвал адское пламя и одновременно адски перданул.

Огнетушитель эта скотина, конечно, не приготовила.

Потом, он, правда, показал еще и адский фонтан, так что от жара кристаллизовался не весь дворец, а только один зал. Но про это Лахдже вспоминать уже совсем не хотелось.

Так или иначе, воры ничего в этом зале не делали. Просто прошли мимо. Их видела парочка харгаллов, но и только-то.

Еще их видел один из дворцовых куржуев, но этого допрашивать бесполезно. Нет более ленивых и тупых существ, чем куржуи. Они как живые мусорные баки – просто лежат на одном месте и жрут все, что им приносят. Голодный куржуй становится смертельно опасным, но пока накормлен – хоть танцуй вокруг него, ничего не заметит.

Демоница пыталась расспрашивать всякую мелочь – шуков, газенят, паргоронских котят, - но уже совсем безрезультатно. Эти носятся по дворцу в невообразимом количестве и занимаются только тем, что болтаются под ногами.

Демолорду вроде Хальтрекарока вся эта челядь не нужна абсолютно. Они здесь только для антуража. Хальтрекароку нравится, что куча народа перед ним пресмыкается. Заглядывает в рот, осыпает комплиментами, смеется над его шутками. Вот и наполнил дворец приживалами и прихлебателями.

Платить им, конечно, ничего не платят, но работа непыльная, жизнь сытая, а служба престижная. Да и всегда есть шанс получить подачку, а то и пробиться на хлебную должность. Паргорон – это такое место, где выгоднее всего быть подле кого-то из демолордов.

Повторно осмотрев сокровищницу и ничего нового там не увидев, Лахджа пустилась дальше по следу. Тот, конечно, успел порядком остыть, но она точно знала еще по крайней мере одно место, где воры побывали до того, как сбежать.

Зона отдыха. Пляж с развлечениями. Здесь она сама их видела – и, наверное, стоило остановить их еще тогда... но кто же мог знать?

Вообще-то, Лахджа не имела ничего против, когда пленникам Хальтрекарока удавалось бежать. Все-таки ее и саму приволокли сюда насильно. Она со временем притерпелась, нашла в этом свои плюсы и никуда уходить не собиралась... но другим жертвам все еще сочувствовала.

После демонизации – меньше, чем раньше, но тем не менее.

Тем более, что далеко не все после похищения получают бессмертие, демоническую силу, высокий статус и регулярный секс, как она. Большинство просто отдает концы на арене или в лабиринте. Ее мужа и повелителя прозвали Темным Балаганщиком – и это то, чем он занимается по жизни. Развлекает Паргорон своими шоу.

Вот она, зона отдыха. Лахджа остановилась у края воды, любуясь набегающими волнами. Все-таки могущество демолордов впечатляет. Полное ощущение, что она на морском берегу, хотя

это просто одна из дворцовых комнат. Вон двери, в крупных валунах по краям пляжа. За ними снова обычные коридоры.

Сейчас здесь людно. Самого Хальтрекарока нет, зато его жен – по крайней мере полсотни. Одни загорают, другие купаются, третьи катаются на байдарках и лопают вкусняшки. Большую их часть когда-то похитили из отчего дома – и большая же часть теперь не уйдет, даже если будут гнать пинками. Хальтрекарок умеет привязывать к себе.

Ага. Вот здесь Лахджа с Сидзукой занимались гимнастикой, когда мимо пробежали те воры-беглецы.

И с ними еще был Совнар. Лахджа это точно помнила.

Она не стала говорить об этом Хальтрекароку, решив вначале побеседовать с самим Совнаром. Но он как в воду канул. Обычно этот бушук всегда крутится где-нибудь поблизости – его достаточно окликнуть, чтобы вышел откуда-нибудь из-за угла. Чаще всего – в облике рыжего кота.

Но сегодня... он явно от нее прячется. Значит, точно как-то связан с этой историей, а не просто случайно оказался в том же месте.

И можно, конечно, пойти и доложить мужу... но не стоит с этим торопиться. Совнар тот еще пройдоха, но Лахдже он по-своему нравился. Он уже не раз ее выручал – причем почти что бескорыстно. Это Совнар в свое время помог ей тут освоиться и овладеть демонической силой. И это Совнар однажды спас ее в одной очень серьезной передряге.

Так что она не собиралась портить с ним отношения, пока не выяснит, какое он имеет отношение к беглецам и украденной ими шкатулке.

К сожалению, в тот раз на пляже было не так людно. Только она сама, Сидзука и... да, Асмодей. Но старый черт ничего не видел, потому что дрых... да, вон в том месте. Там, где лежит и сейчас.

Лахджа недоверчиво уставилась на Асмодея. Так уж совпало, что сегодня он снова здесь валяется. Облюбовал участок пляжа. Впору уже табличку ставить: «Зарезервировано для Асмодея, не занимать».

- Привет, Асмодей, - неохотно поздоровалась демоница.

- Привет, Лахджа! – оскалился Асмодей, прихлебывая пиво из бокала. – Хочешь выпить?

Лахджа на секунду задумалась, не лучше ли удрать подобру-поздорову. Асмодей производит впечатление нелепого жирного свинтуса, но по большому счету это просто притворство. Многие демоны предпочитают носить маски. Прикидываться добренькими, слабенькими или глупенькими.

Им так проще охотиться. Проще собирать души.

Асмодей свою маску носит постоянно. Лахджа его в другом состоянии и не видела. Только иногда, очень-очень редко, под этим тупым пропитым мурлом проглядывает что-то... взгляд на долю секунды становится острым и внимательным...

- Ну что, по пивку? – снова предложил Князь Тьмы, опрокидывая в пасть бокал. Пива в нем не убывало. – Подь сюда, не ломайся.

- Ну даже не знаю, - насмешливо произнесла Лахджа, оставаясь на месте. – Это не ловушка, случайно?

- Не-е-е!.. – гыгыкнул Асмодей, колыхнув жирным пузом. – Какая это может быть ловушка? Разве что ловушка любви!

- Скорее прелых складок и потных подмых, - покачала головой Лахджа.

- Зря ты так к этому относишься. Не знаешь, что теряешь.

Демоница закатила глаза. Она еще и поэтому не любила общаться с Асмодеем. Он каждый раз пытается подкатывать к ней яйца.

Он вообще ко всем их подкатывает, но к ней – особенно упорно.

Это не очень-то приветствуется среди бугров – клеиться к чужим любимым женам. Но Хальтрекароку в целом похер, и Асмодей у него давний бро. Так что приходится отбиваться самой. Причем просто дать пинка невозможно – это Князь Тьмы, он Лахджу в блин может раскатать.

И прекрасно это знает... а что еще хуже, знает, что она это знает.

- В моем гареме как раз есть вакантное место, не интересует? – подмигнул Асмодей. – Мои женщины – самые счастливые женщины во всех мирах.

- Когда ты здесь, а не с ними?.. Ну возможно.

- Я сделаю вид, что не слышал этой неудачной попытки меня оскорбить, - помрачнел Асмодей. – А ты не отказывайся так сходу-то. Ты подумай.

- Мне лестно, конечно, но я не променяю красавчика-мужа на пенсионера с ослиными ушами, - сухо ответила Лахджа.

- У меня ослиные не только уши. Хе-хе-хе-хе.

- Так, все, я пошла. У меня дела, вообще-то.

- Твоя беда в том, что ты все время чем-то занята, - нравоучительно произнес демон. – Ты не умеешь расслабляться, Лахджа. Садись лучше ко мне на колени – и сразу забудешь о своих делах.

Лахджа пристально на него посмотрела. Она не очень понимала, почему Асмодей все время пристает именно к ней,

когда вокруг столько других потаскушек.

Они все доступны. Более чем доступны – только помани.

Хотя именно в этом и дело, подумала Лахджа. Скорее всего, Асмодея в ней привлекает именно то, как мало она подвержена влиянию скверны. Для демоницы Лахджа невероятно добродетельна, если можно так выразиться.

А совращение добродетельных – его любимая тема.

Но Лахджа знала его натуру, так что с ней это не работало. И Асмодей это тоже знал, поэтому толком и не старался. Просто лениво клеился время от времени. Инстинкт у него срабатывал.

И когда Лахджа пошла к выходу, Асмодей сразу о ней забыл.

Изучить осталось немногое. Скотный двор на четвертом этаже. Именно там держали вехота, которого те воры освободили и с помощью которого сбежали.

Найти что-то в его клетке Лахджа не надеялась. Ее давно вычистили и посадили нового зверя – шипастого обезьяноподобного карака. Тот жалобно подвывал и тряс решетку.

Зато Лахджа просмотрела записи старшего скотника. Этот грязный толстый храк представил демонице многостраничный талмуд, куда много лет от руки вписывал имена, родословные и привычки своих подопечных.

Про вехота запись была на диво подробная. Раньше-то он был одним из личных вехотов Хальтрекарока – тех, что приписаны к его дворцу и лабиринту. Развозил по домам пьяных гостей, иногда катал жен. Бывало, что и сам хозяин счастливил его своим присутствием, хотя гхьетшедариям транспорт обычно не нужен, они мгновенно переносятся куда пожелают.

Но этот Хальтрекарока иногда все же возил. Когда тому приходила блажь полетать над своими владениями, возлежа в роскошном ландо. Вехоты умеют превращаться в любой вид транспорта, какой только существует в этом или близлежащих мирах.

А еще Хальтрекарок любил поболтать со своим возницей. Вехоты – существа высокоинтеллектуальные и с широким кругозором. Они могут поддержать беседу практически на любую тему.

Жаль, что этот конкретный вехот не уловил момент, в который его мнение не сошлось с мнением хозяина. А злить демолорда всегда чревато неприятностями. Особенно если этот конкретный демолорд – избалованный деспот-самодур вроде Хальтрекарока. Ему разумное существо убить – что листок с дерева сорвать.

Вехота он, правда, не убил, но исключительно потому, что тот разозлил его особенно сильно. Хальтрекарок сбрил ему гриву,

чтобы не сбежал, и заковал в цепи. Решил поизмываться подольше… но потом просто забыл о нем.

У Хальтрекарока вообще память, как у золотой рыбки.

Так или иначе, воры вехота освободили. Разбили цепи… скорее всего, секирой Рузульвета. Демоница уже выяснила через сеть кэ-миало, что эта секира – помнящий артефакт, принадлежавший древнему титану Рузульвету. В общем-то, ничего особенного, но обладает одним полезным свойством – повышенным уроном клеткам, цепям, замкам и прочим запорам. Рузульвет был слегка повернут на теме освобождения узников.

И это значит, что воры все-таки действовали не наобум. Они точно знали, куда идут и что делают. Золотишко и прочую ерунду, наверное, прихватили просто так, насовали в карманы по дороге… а вот секиру взяли целенаправленно.

Или же им просто повезло. На самом деле элемент случайности тоже не стоит отбрасывать – многие важные события происходят просто потому, что какая-нибудь дура разлила масло.

Так или иначе, даже демонические цепи перед этой рубилкой не устояли, и воры сбежали с вехотом и шкатулкой. Где их теперь искать – непонятно.

Немного подумав, Лахджа спросила, кто брил вехоту гриву и где его шерсть. Оказалось, что старший скотник и брил, а шерсть сберег, ожидая дальнейших указаний. Шерсть с гривы вехота – ингредиент ценный, какие-нибудь колдуны заплатили бы золотом по весу.

Но Хальтрекарок на подобную мелочевку плевать хотел, и шерсть несколько месяцев просто лежала в коробке среди прочего хлама. Немного сопрела, но ничего критичного. Лахджа взяла прядь погуще, потерла ее между пальцев, рассмотрела как следует ауру.

Интересно, чем она пахнет? Лицо демоницы резко вытянулось, превращаясь в морду гончего пса. Обоняние сразу же обострилось, мир наполнился запахами. Она принюхалась к шерсти, но все, что смогла сказать – след давно простыл. Даже если вехот все еще в Паргороне… хотя самостоятельно он его покинуть и не может. Без гривы-то.

Нет, так не получится. Эфирная нить стала слишком размытой и не читается. Не хватает на это способностей Лахджи. Нет среди ее Ме ничего подходящего.

Значит, нужно новое. Поисковое.

Речь о его драгоценной шкатулке, так что Хальтрекарок вряд ли откажет.

Глава 7

Мектиг стиснул рукоять секиры. Никто бы не сказал этого по угрюмому дармагу, но внутри у него все запело. Да, это не верная Крушила, которой он сражался большую часть жизни, но тоже добрый и надежный топор.

- Если не ошибаюсь, это секира Рузульвета, - пристально посмотрел на нее Бельзедор. – Любопытно. Она считалась утраченной еще в эпоху Ледника.

- Секира Рузульвета?.. – переспросил Мектиг. – Ты ее знаешь?

- Встречал упоминание в каталоге потерянных артефактов. Неплохое оружие.

Когда дармагу вернули его топор, Джиданна и Дрекозиус немного расслабились. Кажется, Темный Властелин и в самом деле не собирается их убивать.

Плацента, это увидев, тоже перестал бояться и моментально обнаглел. В нем каким-то образом сочетались жуткая трусость и абсолютное бесстрашие, причем переходил он из одного состояния в другое с неимоверной легкостью.

- У меня тоже оружие забрали! – дерзко заявил он. – Кудесные кукри! Верните их, тля!

- Кукри?.. – повернулся к начальнику оружейной Бельзедор. – Были?..

- Нет, Властелин, - развел руками тот. – У этой команды изъяли только секиру и пять ножей. Один боевой, один складной, один сапожный, один канцелярский и один тычковый. Кукри не было.

Ножи лежали тут же на столе. Мектиг сунул за голенище сапожный, Джиданна забрала канцелярский, Плацента сгреб остальные. Но он все еще не собирался сдаваться.

- У меня были еще и кукри, тля! – процедил он. – Я отдал их твоему блеваному отпрыску!.. ярыть!..

Бельзедор одарил Плаценту спокойным взглядом, и тот невольно присел. Его как будто придавило к полу чем-то невидимым.

- Я не стану отнимать игрушку у своей дочери, - мягко произнес Темный Властелин. – Но чтобы ты не считал себя обделенным, полугоблин, я возмещу ущерб. Можешь выбрать любое оружие взамен утраченного.

Плацента сразу воспрянул духом. Уже считавший себя покойником из-за пары неосторожных слов, он восторженно

забегал по оружейной, разглядывая полки и витрины.

Ох, сколько же прелестных штучек оказалось у лорда Бельзедора! Плаценту разрывало на части – так хотелось прикарманить все без исключения! Но надо было выбрать что-то одно, и полугоблин трясся от возбуждения.

Радушный хозяин, Бельзедор предложил не стесняться и остальным. Разрешил каждому взять что-нибудь для самозащиты – но больше никто предложением не воспользовался. Мектигу более чем хватало возвращенной секиры, Имрата предпочитала сражаться голыми руками, а волшебники и клирики предпочитали разрешать конфликты иными способами.

Зато уж Плацента оторвался. Бродил и бродил вдоль бесконечных рядов мечей, топоров, палиц, копий, кнутов, луков, арбалетов, жахателей...

В конце концов он завис у витрины с гоблинским оружием. Оно всегда нравилось Плаценте больше человеческого. Более легкое, более удобное, более изящное. Посмотрите хоть на этот черенок от лопаты – настоящее произведение искусства, лучшее оружие для гоблинского воина.

Но потом его внимание привлек изумительной работы двуручный кинжал – и Плацента почувствовал, что это любовь с первого взгляда. Он словно видел самого себя, воплощенного в форме оружия. Острого металлического полугоблина.

Есть клинки-бастарды. Полуторные мечи, которые можно держать как одной рукой, так и двумя. А есть клинки-ублюдки. Странные, нестандартные, неудобные на первый взгляд штуковины, которые однако тоже находят своих поклонников.

Двуручный кинжал – классический пример. Уродливый отпрыск, внебрачное дитя обычного кинжала и копья. Он неудобен в качестве кинжала, потому что держать нужно двумя руками. Неудобен и в качестве копья, потому что рукоять слишком короткая. Это очень специфическое оружие и сражаться им нужно очень специфическим образом.

Но гоблины его обожают. При их телосложении и манере двигаться двуручный кинжал – отличный выбор. Плацента, конечно, полугоблин, но тоже прекрасно умел управляться с этим клинком-ублюдком.

У него был такой в юности – только потом сломался, оставив половину в туше жирного стражника. А найти новый в убогом городишке Пайнк так и не удалось.

Пока полугоблин определялся с выбором, Бельзедор обратился к отцу Дрекозиусу с необычной просьбой – уснуть.

- Вы просите меня... уснуть? – недоуменно переспросил жрец. – Правильно ли я понял вас, Властелин?

- Какие-то проблемы? – внимательно посмотрел Бельзедор. – Мне известно, что у вас есть Сущность Спящего Человека, святой отец. Можете прилечь вот на эту кушетку.

- Но... я... о, кажется, я понимаю, - запнувшись на секунду, промолвил Дрекозиус. – Вам известно о моем... особенном навыке.

- Если вы хотели его скрыть, вам не следовало упоминать о нем в моей темнице. Отныне, с этого дня, с этого момента, вы будете докладывать мне обо всех перемещениях Криабалов. Если Антикатисто заполучит еще какой-нибудь из них – вы немедленно об этом сообщите. И проверить желательно прямо сейчас.

Дрекозиус чуть растерянно улыбнулся и послушно прилег на кушетку. Обращаться со своей Сущностью он вполне научился, так что уже через несколько секунд крепко спал.

- Разрешите спросить, - подал голос брат Массено. – Сколько было у вас Криабалов... кхм... Бельзедор?

- Пять, - спокойно ответил злой лорд, не прокомментировав пропущенный титул. – Я похитил Синий, Красный, Серый и Бурый. Что же до Белого, то он сам упал мне в руки.

- А у Антикатисто был Черный... значит... осталось всего два?..

- Да. Зеленый – у владычицы Галлерии, и Рваный – неизвестно где.

- И что будет, если Антикатисто соберет все?

- Возможно, у этого мира появится новый Темный Властелин, - пожал плечами Бельзедор.

По спинам собравшихся пробежал холодок. Всем вдруг стало понятно, почему владыка Империи Зла переменил свое к ним отношение. Под ним шатается трон.

А особенно спал с лица Танзен. Он уже пытался прозеркалить в Кустодиан, сообщить новости Сарразену, но его дальнозеркало отказывалось работать в Цитадели Зла.

А прозеркалить нужно срочно. Потому что если Антикатисто скинет Бельзедора и воцарится вместо него – то это еще полбеды. Куда хуже то, что он явно не оставит поиски Апофеоза. Возможно, уже нашел и Криабал ему нужен только, чтобы его отремонтировать.

А единственный способ применить Апофеоз – накрыть мир чакровзрывающим полем. Убить всех волшебников. Ни для чего другого он не пригоден.

- Вы хорошо изучили Криабалы, лорд Бельзедор? – осведомился Танзен.

- Смею надеяться, что кое-что о них я знаю, - уклончиво ответил Темный Властелин. – Вас интересует что-то конкретное,

мэтр?

- То, что вы с ними проделали. Как вы превратили Белый Криабал в световой клинок, а остальные – в энергетические спирали?

- Полагаю, Кустодиану это было бы очень интересно, - согласился Бельзедор. – Но я не тот, кто удовлетворит ваше любопытство. Скажу лишь, что Криабалы – не то, чем вы их считаете, мэтр. Книга заклинаний – просто видимая оболочка.

- Это мы подозревали всегда, - ответил Танзен. – Обычные книги заклинаний так не работают. Тем более, что у Криабалов есть и собственные свойства.

- Есть. Белый Криабал исцеляет одним прикосновением. Черный защищает от нечистой силы. Серый заставляет повиноваться нежить. Синий позволяет дышать под водой. Но это все – тоже не главное. Не более чем мелкие побочные эффекты.

- А главное, я предположу... это то, что я видел? Чистая магическая энергия?

- Тоже не совсем. Впрочем, я бы не хотел лишать Мистерию радости сделать открытие самостоятельно...

- Простите, что прерываю, но отец Дрекозиус и должен так метаться? – перебил Массено.

Толстый жрец в самом деле спал очень беспокойно. На его лице выступила испарина, рот приоткрылся, а правая нога мелко тряслась.

И неудивительно. Дрекозиус видел настоящий кошмар.

Он уже был здесь в одном из прежних снов. Эльфийском городе-саде... только не том же самом, в котором случилась битва меж эльфами и хримтурсами. Другом, в совсем иной области. Но здесь тоже росли чудесные деревья, в воздухе разливалось волшебство, а над всем этим возвышался исполинский клен с человеческим лицом. Древний дух-хранитель Тирнаглиаля.

Словно со стороны Дрекозиус взирал на прекрасную Галлерию Лискардерасс, доброго волшебника Медариэна и каких-то отроков, детей лет десяти. У них был Зеленый Криабал... и за ним явился Антикатисто.

Кажется, иноки ордена Солнца все же сумели ему навредить. Чудовище двигалось медленней, чем прежде. Короче были его щупальца Тьмы. Медариэн поднялся в воздух, перенесся к этой чернильной туче... и все утонуло в яркой вспышке. Даже во сне Дрекозиус почувствовал боль в глазах.

Из-за этого он проморгал исчезновение отроков. Видно, владычица Галлерия отправила их в безопасное место. Но жрецу и не было до них дела – куда сильней его занимала битва Света и Тьмы, великого добра с великим злом, Медариэна и

Антикатисто... жаль, ее не удавалось рассмотреть. Дрекозиус не мог управлять своими снами – в центре внимания всегда были Криабалы.

А Зеленый Криабал покинул арену вместе с Галлерией. Эльфийская владычица исполняла просьбу Медариэна – спасала волшебную книгу. Меж ней и бьющимися волшебниками встал гигантский леший – он вытянул из земли ноги-корни и распахнул исполинскую крону.

Галлерия созывала помощь. Воздух, вода, почва – все испускало струящиеся волны. Потом волшебница хлопнула в ладоши – и во все стороны разнесся гудящий звук. Облака в поднебесье стали менять форму, там появились знаки и письмена.

Галлерия трубила общий сбор.

Огромный зеленый олень выпрыгнул из-под земли. Эльфийская владычица взлетела ему на спину, и чудесный зверь помчался прочь – все дальше и дальше от Медариэна и Антикатисто.

Гигантский леший шагал за ней. Он полнеба уже закрыл разрастающимися ветвями. С его листьев срывались искрящиеся капли – то в небо поднимались природные духи. Бесчисленные крошки-нимфы.

Другие деревья тоже оживали. Галлерия скакала через редколесье, отнюдь не чащобу, но древних стволов и тут было порядочно. И всякий выкапывался из земли, едва владычица проносилась мимо. Воздух наполнялся зеленой дымкой.

Появились на сцене и прямые Галлерии подданные – эльфы. Целый отряд их уже скакал параллельно владычице на черных и белых конях. Они двигались в таком идеальном порядке, словно были не живыми существами, а шахматными фигурками.

Но им наперерез уже устремился другой отряд. Невесть откуда взявшиеся рыцари в кориевой броне. Антимаги. Явные союзники Антикатисто, они врубились в ряды эльфов, выбивая их из седел шестами, швыряя тяжелые болас. У некоторых были длинные жахатели – раскаленное железо просто сносило всадников вместе с лошадьми.

И с ними были еще какие-то твари. Жуткие создания, похожие на гигантских мокриц, изгибающихся кверху. Дрекозиус никогда таких не видел. То ли боевые звери, то ли неведомые разумные индивиды, они набрасывались на эльфов со всех сторон.

Галлерия призывала все новых духов. Воплощаясь в плоть, они обретались в тварном мире – причудливые, диковинные создания. Но антимаги обступали волшебницу все плотнее, среди них мелькали магистры и даже гроссмейстеры. Одним своим

присутствием они мешали колдовать, одними взглядами разрушали чары.

Бесстрашные эльфы-стражи завязли среди гигантских мокриц. Нашпиговывали их стрелами и полосовали мифриловыми клинками – однако тех словно не убывало. По земле пробежала трещина, и из нее повалили новые твари.

А потом из одной особо крупной выплеснулась магма. Взметнулась в небо фонтаном, обрела устойчивые очертания и сформировала магматика – колоссальных размеров элементаля. Всем чудовищам чудовище, он врезался в гигантского лешего, и тот страшно затрещал. Ветви объяло пламя, громадное дерево превратилось в живой факел.

И за первым магматиком вылезло еще двое. Лешему пришлось действительно худо.

Но и эльфам приходилось несладко. И самой Галлерии. Ее создания уже почти не могли защитить хозяйку – антимаги прекрасно умели противостоять и чародеям-призывателям. Их магистры глушили контроль, разрушали эфирные связи – и рыцари подступали все ближе.

И когда они зажали Галлерию в тиски, то расступились. Из их рядов выехала огромная повозка, влекомая ревущим бегемотом. Правил ею не кто-нибудь, а гроссмейстер антимагии – и еще двое сидели по бокам.

Сверля эльфийскую владычицу тройным взглядом, они сделали ее слабой, как котенок. Заблокировали волшебные способности. Всего лишь антимаг-послушник подошел к Галлерии и вырвал из рук Зеленый Криабал...

На этом месте Дрекозиус проснулся. Уселся на кушетке и горестно ахнул:

- Дети мои, Зеленый Криабал тоже пропал для нас! И эльфийская владычица, боюсь, обречена!

Бельзедор нахмурился. Стоявший в это время в другом конце оружейной, он одним движением перенесся к кушетке и коротко бросил:

- Где они?

Дрекозиус растерянно развел руками. Во сне он понимал лишь, что это Тирнаглиаль... но Тирнаглиаль огромен! Размером он не уступает Империи Зла, весь покрыт лесами и населен десятками миллионов эльфов!

Ладно бы еще Дрекозиус увидел во сне определенный город или еще что-нибудь приметное...

Хотя кое-что там все-таки было! Гигантский леший! О нем, сбиваясь и волнуясь, жрец и поведал Темному Властелину.

Тому этого хватило. Он прищелкнул пальцами и произнес:

- Господин управляющий, портал мне.

- Уже наводим, Властелин!

Все происходило с умопомрачительной скоростью. От универсального портала Бриарогена в мгновение ока отогнали обычных путешественников, и служители направили его на черный приусад, где растет верховный леший Тирнаглиаля. Его местонахождение хранится в секрете, но не для Темного Властелина.

Агенты Зла выведали его давным-давно.

Бельзедор отправился лично. Не тратя времени на сборы, ценя каждую секунду, он исчез в портале – и оказался за тысячи вспашек от Цитадели Зла, на совсем другом континенте.

С одной стороны все утонуло в хаосе. Там бушевало грозовое облако, из сердца которого полыхали слепящие молнии. Кружились хороводом песчинки, разрывающие на части воздух. Вспухали вакуумные сферы.

Бельзедор уже видел подобное буйство стихий. Так сражается Медариэн. Профессор Спектуцерна и Ингредиора, великий ясновидец и телекинетик. Сейчас он бросил всю свою мощь против Антикатисто – и, кажется, проигрывал. Но у них бой честный, один на один, и если Медариэн падет… что же, у Бельзедора станет на одного заклятого врага меньше.

Потому Темный Властелин рванулся в противоположную сторону. Сокрушил огромную стену, зачем-то выстроенную посреди ровного поля, и разметал толпу йоркзериев, шарахнув парой невидимых кос. Сотни инсектоидов попадали развалеными надвое.

Так же походя Бельзедор уничтожил громадного магматика – и сразу же второго. Сейчас он не тратил время на ритуалы, на расшаркивания. Не соблюдал обычных своих правил.

Просто несся живой бурей и убивал.

Сзади зашумел листвой леший. С гибелью двух магматиков из трех ему сразу стало легче. Его крону объяло пламя, но могучий гигант жил в этих лесах тысячелетиями и перенес десятки лесных пожаров. Схватив руками-ветвями последнего элементаля, он повалил его наземь и принялся топтать корнями.

А Бельзедор расшвыривал антимагов. Колдовство не действовало рядом с такой массой корония, но не только колдовством владел Темный Властелин. Он бил рыцарей просто силой воли, глушил их голым взглядом, расшвыривал ударными волнами. Кнут Верберус удлинился настолько, что мог опоясать большой дом – и Бельзедор превращал им людей в кучки пепла.

Когда он достиг Галлерии, та была еще жива. Ее подавляли сразу три гроссмейстера, но эльфийская владычица честно

заслужила премию Бриара. Даже так, даже теперь она держалась, хотя и из последних сил. Ее последние духи осаждали антимагов, отвлекали их и дергали со всех сторон.

Стоило одному ослабить напор, как Галлерия тут же хлестала чарами. Оживляла землю под ногами, закруживала ветер в воздушных элементалей. Меркнущим взглядом искала того послушника, что забрал Зеленый Криабал, пыталась бросить в погоню духов. Подняла громадного скального элементаля – тот схватил рыцаря-антимага и раздавил в кровавую кашу...

А потом один из гроссмейстеров сдернул с повозки покрывало. Под ним оказался странный предмет, похожий на усеченный конус, увенчанный кольцом шариков. Пока два его собрата удерживали Галлерию, третий возложил руки на макушку артефакта...

Эльфийская владычица закричала и упала набок. Все ее тело пронзило болью, а чакры страшно запульсировали. Она поняла, что сейчас умрет... и тут все прекратилось.

Каменный конус разлетелся на осколки. Разнесший вдребезги и его, и повозку, Бельзедор спокойно схватил двух гроссмейстеров за шеи... и оторвал им головы. Третий, сидевший на загривке бегемота, тонко вскрикнул, хлестнул поводьями – и зверь с ревом побежал прочь. Гроссмейстер с ужасом обернул к Бельзедору лицо, покрытое ожогами.

Но Бельзедор не стал его преследовать. Он внимательно смотрел на обломки конуса. Подняв один из них, Темный Властелин задумчиво произнес:

- Чакровзрыватель. Как интересно.

От находки его отвлек слабый стон. Бельзедор повернулся, поднял бесчувственную Галлерию, окинул взглядом все еще бьющихся с йоркзериями эльфов и произнес:

- Господин управляющий, откройте портал.

Глава 8

Своего мужа и повелителя Лахджа услышала издали. Его раскатистый смех, его горделивые возгласы. И многоголосое женское воркование, всегда окружающее Хальтрекарока.

Темный Балаганщик нежился в бане. Возлежал в облаке пара, в мелком бассейне с горячей водой. Одна супруга разминала его мускулистые плечи, другая охаживала грудь листвовым опахалом, третья чесала пятки, а четвертая громко стонала, подпрыгивая на...

- Привет, Киша, - поздоровалась Лахджа.

- При!... ве-е!.. – неразборчиво выдохнула Киша.

- Прекрасно, наши ряды пополнились, - улыбнулся Хальтрекарок. – Присаживайся ко мне, Лахджа. Я одарю тебя следующей.

В его руке возник бокал вина. Второй возник у Лахджи, и она машинально выпила. Белое. Опять. Она ненавидит белое, и тысячу раз говорила об этом Хальтрекароку, но он каким-то образом запомнил это наоборот.

- Твое любимое, верно? – самодовольно ухмыльнулся демолорд.

- Почти. Спасибо за вино, мой муж и повелитель, но я здесь немного для другого, если позволишь.

- Ну естественно ты здесь для другого, - скинул Кишу в воду Хальтрекарок. – И я дам тебе это.

Лахджа на секунду задумалась, но потом решила, что не настолько она торопится. В конце концов, это ей разве нужна украденная шкатулка? Это Хальтрекароку она нужна.

Зачем она пришла, демоница заговорила уже после. Когда на лице мужа расплылась широченная улыбка, она аккуратно слезла, и Хальтрекарок тут же пригнул к промежности головку одной из новеньких жен, миловидной эльфиечки. Судя по некоторым деталям – уже отчасти трансформированной под вкусы господина.

- Надеюсь, не слишком отвлеку, если попрошу об одном подарке? – деликатно спросила Лахджа.

- Конечно, моя дорогая, - ответил Хальтрекарок. – Только теперь придется немного подождать. Выпей пока еще вина, твоя очередь скоро наступит.

- Я не о том. Твой член великолепен, мой муж и повелитель, но он не поможет мне в поисках похищенного.

- Похищенного?.. – нахмурился Хальтрекарок. – О чем ты?

- Твоя шкатулка. Та, которую украли. Мы все еще о ней помним? – осведомилась Лахджа.

- Ах, эта шкатулка!.. – спохватился Хальтрекарок. – Да-да, я помню... а ты что, все еще ее не нашла?! Я же поручил тебе ее вернуть! Ты все еще этого не сделала?! Почему ты медлишь?!

- Уже лечу, мой дорогой и любимый, - заверила его Лахджа. – Уже лечу на крыльях любви. Только ты уж будь так добр, помоги мне немного. Сделай мне одно малюсенькое-малипусенькое Ме.

- О Древнейший, Лахджа, как же ты меня иногда утомляешь, - простонал Хальтрекарок. – Тебе что, мало того, что я тебе уже дал? Ты что, не можешь справиться без моей помощи? Древнейший, я окружен бездарностями...

- Господин мой, так почему бы тебе самому просто не разыскать свою собственность? – подпустила яду в голос Лахджа. – Ты же почти всемогущ! Тебе это сделать будет гораздо проще, чем мне!

- Конечно, проще.

- Так в чем дело? Разве ты не чувствуешь гнева, что тебя обокрали?!

- Чувствую, конечно! Но лень я тоже чувствую!

- Но...

- Убирайся! Даже не заикайся ни о чем – просто верни мою шкатулку, и побыстрее!

Лахджа окинула мужа ледяным взглядом. Посмотрела на стоящее подле его локтя блюдо со сладостями. Резко расширила рот, отрастила бутон зубов, вытянула удлинившуюся шею и сожрала сладости одним глотком, вместе с блюдом.

Потом демонстративно развернулась и вышла.

Ох уж этот Хальтрекарок. Типичный гхьетшедарий. Только удовольствия, больше ничто его не волнует. Если ему хотя бы намекнуть, что надо чуточку потрудиться, сделать что-нибудь, лично ему скучное или неприятное, как он сразу приходит в бешенство.

С этими демонами очень тяжело иметь дело.

И ведь он, скорее всего, даже не понял ее жеста. Решил, что она просто захотела сладостей.

Ну что ж, придется справляться самой. Возможно, что-то найдется в ее сундучке с мелочами. Там много пустячков, накопленных за пять лет. Большая часть – просто сувениры, подобранные тут и там, но есть и очень полезные приблуды.

Но ничего полезного Лахджа в сундучке не нашла. И даже сам сундучок не нашла. Обычно он стоял на третьей полке, между томиком Честертона и хрустальным фаллоимитатором, но

сегодня словно отрастил ножки и сбежал.

- Си, ты не видела мой сундучок?.. – окликнула она. – Си, ты дома?..

Никто не ответил. С Хальтрекароком Лахджа Сидзуку тоже не видела. Пошла поесть?.. погулять?.. или пытается подружиться с кем-то из новеньких?..

Но больше сундучок взять некому. Хальтрекароку барахло жен даром не нужно, Совнара там тоже вряд ли что могло заинтересовать, а никто другой в их покой войти не мог. Гаремные жены живут попарно, у каждой пары свой покой, и он только для них двоих.

И не такие уж эти покои и просторные. Уютные – да. Комфортные – да. Прямо-таки задыхающиеся от роскоши – пожалуй. Но места не так уж много. Гарем занимает одну из основных башен, и в нем ровно сто покоев. И жен у Хальтрекарока когда-то было ровно сто. Но в один прекрасный день он решил, что этого недостаточно, и удвоил их количество.

А количество комнат не удвоил. Слишком тщательно в свое время свернул тут пространство – чтобы это изменить, пришлось бы перестраивать весь дворец. А Хальтрекарок – удивительный лодырь.

Вот и живут с тех пор его жены парами. Лахджа – с Сидзукой. Хальтрекарок похитил ее из того же мира, что и Лахджу, только на несколько лет раньше. И прижилась она в Паргороне даже лучше, чем сама Лахджа, хотя в демоницу ее так и не превратили.

Просто немного... видоизменили.

И отношения у них в общем теплые. Соседки все-таки. Из одного мира, хоть и с противоположных его концов. Лахджа считала Сидзуку ближайшей подругой, а потому прощала ей и непосредственность, и сексуальные домогательства, и приступы клептомании.

Прощала. Но не доверяла ни на грош. Если кто и спер сундучок, то точно она. Возможно, имеет смысл заглянуть в ее личный погребок...

Но прежде, чем Лахджа к нему шагнула, крышка распахнулась сама – и оттуда выбралась Сидзука. Ослепительно красивая, с двумя тонкими косичками и очень фигуристая, как все жены Хальтрекарока. При виде соседки она вздрогнула, но тут же расплылась в улыбке.

- Сидзука, мы должны с тобой серьезно поговорить, - сказала демоница.

- Опять? – вздохнула соседка. – Вчера же говорили.

- Опять. Потому что ты опять стянула мою вещь.

- Неправда, это не я, - очень быстро ответила Сидзука.

- Точно?.. А можно посмотреть в твоем погребке?

- Нет там ничего, - загородила люк Сидзука.

Лахджа пристально на нее уставилась. На самом деле она ни разу еще не была в погребке соседки. Даже не знала точно, какого он размера и что там лежит.

Жены Хальтрекарока быстро обрастают всяким барахлом – муж у них щедрый и рассыпает подарки горстями. Да и к его счету в Банке Душ у всех доступ свободный, так что многие увлекаются шопингом.

А Сидзука – жуткая скопидомка. Тащит все, что привлекает ее сорочий взгляд. Еще до появления здесь Лахджи она обзавелась личной пространственной складкой – и один только бог знает, сколько сокровищ там накопилось.

К Хальтрекароку-то она попала совсем юной девушкой, студенткой первого курса. Спокойно мылась под душем, закрыла глаза... и почувствовала чье-то прикосновение к ягодице. Открыла глаза – а перед ней Хальтрекарок. Голый.

Он всегда голый. Как и все гхьетшедарии.

Сидзука по секрету рассказывала Лахдже, что поначалу очень испугалась голого мускулистого гайдзина. Приняла за взломщика или насильника. Но потом оказалось, что все не так ужасно, это просто влюбившийся в нее ёкай.

Оправившись от шока, она удивительно быстро приняла изменения в своей судьбе и освоилась в Паргороне. Здесь сразу начала проталкиваться наверх, и сейчас входит в десятку любимых жен. Даже пятерку, пожалуй.

- Сидзука, я люблю тебя, но ты меня бесишь. Верни мой сундучок, - по-хорошему попросила Лахджа. – По-хорошему прошу.

Соседка пару секунд молчала, явно размышляя, что бы такое соврать. Но потом поняла, что спалилась, вздохнула и полезла обратно в погребок.

- Я просто думала, что ты уже ушла на это свое расследование, и тебя долго не будет, а там ты еще и помрешь, может быть, потому что командировка опасная, - приглушенно оправдывалась она из погребка. – А вещи пропадут, а ты бы хотела, чтобы они достались мне, потому что я твоя лучшая подруга.

- Не, я бы их лучше на благотворительность отдала, - возразила Лахджа.

Сундучок, который Сидзука неохотно вернула, стал менее увесистым. Возможно, конечно, Лахдже это просто показалось – после демонизации у нее не всегда получалось правильно определять вес. Что тяжелее – эта гиря или этот арбуз?.. Черт его

знает, они ощущаются одинаково легкими.

Но вроде бы ничего не пропало. Даже подозрительно. Наверное, хитрая Сидзука сперла именно те сокровища, о которых Лахджа забыла.

Хотя какие тут сокровища, ладно уж. Пустячки разные. Набор гадальных карт, золотой жетон, жемчужный панделок и прочие памятные сувениры. Фибула от плаща путешествий, только сам плащ потерялся. Бонбоньерка с зельем бушуков, которое вообще-то стоит вылить. Полупустая бутылка языкового эликсира. Дыхатель, зачем-то подаренный Морским Епископом и с тех пор лежащий без дела.

Нет, ничего полезного.

- Си, а у тебя нету чего-нибудь отслеживающего? – показала прядь волос Лахджа. – Мне нужно разыскать одного вехота.

- Если бы и было, я бы не дала. Ты же наверняка не вернешь.

- Сидзука... не все в этом доме такие сороки, как ты. Что у тебя есть? Давай-давай, выкладывай.

Соседка снова вздохнула и неохотно достала из погребка почти новый аурометр, блестящий поисковой кристалл и совсем немного потрепанную Книгу Тайн.

- А, вспомнила, что у меня пропало, - спокойно сказала Лахджа. – Аурометр.

- Он тебе все равно не нужен был, - напомнила Сидзука. – Не пользуешься сама, дай попользоваться людям.

Лахджа не стала спорить. Аурометр ей и в самом деле не нужен – он не показывает ничего такого, чего она не видела бы просто глазами. Поэтому, собственно, демоница и хранила его в сундучке с барахлом, поэтому и забыла о том, что он вообще у нее есть.

Поисковой кристалл – штука более полезная. С его помощью можно очень здорово находить пропавшие вещи и людей.

Но не демонов, к сожалению. Лахджа для проверки коснулась им шерсти вехота – никакого эффекта. Нужно средство посильнее.

Книга Тайн – именно такое средство. Лахджа могла только гадать, у кого Сидзука ее стянула. Если уметь Книгой Тайн пользоваться, можно узнать практически что угодно.

Но это если уметь пользоваться. А Лахджа не умеет. И садиться прямо сейчас за учебу – решение сомнительное. Хальтрекарок обычно не вспоминает о своих поручениях, пока жена не является с отчетом, но вдруг у него именно в этот раз случится приступ хорошей памяти?

- Си, а ты Книгой Тайн пользоваться умеешь? – на всякий случай спросила Лахджа.

- Не-а. Я ее придерживала, чтобы загнать подороже.

- А больше у тебя ничего нет?

- У меня не ломбард, - сухо ответила Сидзука.

- Ладно. А у кого есть, не знаешь? Мне бы совсем малюсенькое Ме, а Хальтрекарок говняется.

- А ты к брату его сходи, - предложила Сидзука. – Он же к тебе неровно дышит.

- О! – оживилась Лахджа. – А это мысль!

- Удачки, - кивнула Сидзука, забирая аурометр, поисковой кристалл и Книгу Тайн. А судя по взглядам, которые она бросала на сундучок с мелочами, он тоже исчезнет в погребке, как только Лахджа выйдет за порог.

Ну да и бог с ним. Все равно там нет ничего ценного. Лахджа не любила обрастать барахлом, предпочитая прирастать способностями. Ме гораздо удобнее – их не украдешь и не потеряешь, они всегда с тобой, не занимают места в карманах и в любой момент готовы помочь.

За пять лет в женах Хальтрекарока Лахджа обзавелась аж одиннадцатью Ме разной степени полезности. Призыв Дождя, Землевладелец, Защита Разума, Зов Еды, Электрошок, Пятиминутная Копия, Закрытие Портала, Ядовитые Пчелы, Создание Ложки, а самые главные и мощные – Регенерация и Метаморфизм.

Эти два последних она получила, когда проходила перерождение в чреве Мазекресс. Ей тогда предоставили выбор – десяток обычных Ме, два-три больших или одно огромное. Она взяла два больших и получила Регенерацию и Метаморфизм.

Первое позволяет в считаные минуты залечивать любые раны. С ним все понятно. Второе же – превращаться в кого угодно. Но только органическое и массой от восьмидесяти грамм до восьмидесяти тонн.

Как нетрудно догадаться, в своем нормальном состоянии Лахджа весит восемьдесят килограмм. Может, чуть больше. До демонизации весила всего шестьдесят, но потом у нее отросли крылья, хвост... да и в целом она стала повыше и помассивнее...

Рогов хоть не выросло – и на том спасибо.

А мысль насчет Фурундарока – она правильная. Старший брат Хальтрекарока уже дважды дарил невестке Ме – Защиту Разума и Закрытие Портала. От щедрот. Фурундарок – злобный извращенный психопат в младенческом теле, но Ме он раздает с легкостью. Щелкнул пальцами – и вот тебе какая-нибудь способность.

Даже Сидзуке один раз подарил, хотя вообще-то Сидзука его нервирует. Не любит он таких, как она.

Живет Фурундарок не очень далеко. Лахджа просто

распахнула окно, распахнула крылья – и полетела. Гхьет Хальтрекарока закончился быстро – он богатый, но небольшой. Дворец, арена с лабиринтом, всякие прилегающие территории – вот, в общем-то, и все. Хальтрекарок – шоумен, земельные владения ему неинтересны. Он предпочитает получать дань с баронов и мелких гхьетшедариев.

А вот Фурундарок – именно землевладелец. Агропромышленник. У него самый большой гхьет в Паргороне. Колоссальная латифундия. Хорошо, что главная резиденция не в самом центре, а то бы Лахджа не один час летела.

Конечно, Фурундарок дал ей позволение его призывать, но делать это на таком небольшом расстоянии просто невежливо. Он и так злобный, незачем раздражать его лишний раз. А то он запросто может тоже заговняться и не то что Ме – картошины гнилой не дать.

Внизу проносились поля мавоша. Гхьеты Хальтрекарока и Фурундарока находятся во Мглистых Землях, здесь всегда темно, и только на горизонте сверкают зарницы, но Лахджа сделала себе ночное зрение. Ее Ме Метаморфизма на самом деле очень мощное и прекрасно заменяет гору обыкновенных Ме.

Научись им пользоваться, главное.

Так что Лахджа прекрасно видела и бесчисленных храков-батраков, и мавош, который те собирали. Такая чисто паргоронская культура, основа питания для низших демонов. Универсальная, как хлеб или рис, но даже отдаленно не злак. Собственно, вообще не растение, а совсем другое царство. Клетки имеют целлюлозные оболочки, но к фотосинтезу не способны, питаются гетеротрофно и имеют зачатки нервной системы. Плодов или съедобных семян у мавоша нет, зато его «кора» в толченом виде отлично заменяет муку.

Еще в латифундии Фурундарока выращивают мясные горы. Тоже очень паргоронская агропромышленность. Вроде как животноводство, но мясные горы – в общем-то, не животные. Это именно что мясные горы – бесконечно разрастающаяся клеточная масса, автономные раковые опухоли. Их не забивают, а просто отрезают куски и едят. То тут, то там Лахджа замечала эти колышущиеся холмы, и вокруг каждого тоже суетились храки. Одни подкладывали подкормку, другие пластали ломтями мясо.

Впереди показалась резиденция. Ее окружали сады личинок Хлаа. Главного паргоронского деликатеса – удивительно вкусного и потрясающе мерзкого. Эти твари размером с кошек и похожи на помесь мокриц и креветок с почти человеческими головами. Есть их надо живыми, и выглядит это очень неаппетитно.

Там, в самой сердцевине, и разместился маленький уютный

домик Фурундарока. То есть он совсем не маленький, конечно, а роскошная четырехэтажная усадьба, но в сравнении с помпезным дворцом Хальтрекарока – просто хибара.

Слуг и домочадцев у Фурундарока тоже гораздо меньше. И даже жен всего-то дюжина. Неудивительно, конечно, он же вынужденный младенец. Физически не способен употреблять своих жен по прямому назначению, так что для него это скорее признак статуса.

Лахджа приземлилась на балконе и с интересом заглянула внутрь. Она всего-то раз до этого была в гостях у Фурундарока, года три назад. Хальтрекарок почти никогда не навещает старшего брата. Вот Фурундарок заявляется к нему чуть ли не каждую неделю – на представления, пиры, оргии, а то и просто побесить.

У этих двоих сложные отношения. Фурундарок и не пытается скрывать, что ненавидит Хальтрекарока, а тот удивительным образом этого не замечает. И даже не по недалекости, а потому что Хальтрекароку на ум прийти не может, что его кто-то может не любить, такого великолепного. Одна мысль о подобном кажется ему дикой.

- Ау, господин Фурундарок?.. – окликнула Лахджа, заглядывая в очередную спальню.

Тут было много спален и мало людей. Фурундарок любит роскошь, но не любит слуг. Из челяди он держит во множестве только поваров, потому что терпеть не может сотворенную пищу. При этом вкусы в еде у него нестандартные – Фурундарок предпочитает гвозди, чернила и прочие несъедобные вещи.

Хотя для гхьетшедариев это не редкость. Они жрут все подряд. Гнилое яблоко увидел – сожрал. Окурок на дороге нашел – сожрал. Как голодные поросята, суют в рот все, что видят.

А желудки у них бездонные. В чреве самых древних гхьетшедариев скрываются целые города.

Хотя по большинству из них этого ни за что не скажешь.

Особенно вот по этому. Сунувшись в очередную дверь, Лахджа увидела грудного младенца, спящего на груде грязных трусов и носков. То ли сон сморил Фурундарока во время очередной трапезы, то ли он проводил тут какую-то безумную оргию. Гхьетшедарии – фантастические извращенцы, от них чего угодно можно ожидать.

Кровать, кстати, в спальне отсутствовала. Хотя еще недавно была – на ковре видны четыре вмятинки. И расстояние между ними огромное – не кровать была, а пятиспальный траходром.

Скорее всего, Фурундарок ее съел. Лахджа на секунду задумалась, что же за события этому предшествовали, но потом

решила, что знать ей этого не нужно.

- Величайший Господин Фурундарок, тебя можно потревожить? – осторожно потянула она за крохотную ножку.

- Можно, - открыл глаза демолорд. – Тебе чего?

- Мне бы Ме, если не трудно. Маленькое-малюсенькое-малипусенькое. Если у тебя найдется лишнее. А то я иначе не смогу выполнить задание мужа.

- А его это ужасно расстроит, да? – мерзко ухмыльнулся Фурундарок.

- Наверняка расстроит. Так можно мне Ме? Пожалуйста.

- Не понял, - уставился на демоницу Фурундарок. – Ты чем-то это заслужила? Не помню такого. Может, я тебе что-то задолжал? Тоже такого не помню. Может, ты в списке людей, которые мне нравятся и которым я что-то делаю просто так?

- А у тебя есть такой список? – удивилась Лахджа.

- Разумеется, Лахджа... разумеется, нет!!! – резко перешел на ор Фурундарок. – Тупая курица, подумай своими куриными мозгами, может ли у меня быть такой список!

- Да господи, чего ты так развопился? – вздохнула демоница. – Ну нет и нет. Я просто подумала – ты же у нас такой великий и могучий. И поумнее моего мужа. Он же у нас, знаешь, инвалид. Умственный. Я его попросила – а он меня даже не понял. Вот я и решила обратиться к тебе.

- А какие причудливые завихрения твоего разума привели тебя к мысли, что я должен чем-то вам двоим помогать? – злобно прошипел Фурундарок.

- Ты вроде как его старший брат и мозг нашей большой и дружной семьи. К кому мне еще обращаться?

Фурундароку грубый комплимент понравился. Выражение его лица смягчилось, и он самодовольно сказал:

- Ты все равно не преуспеешь.

- Почему это? – немного обиделась Лахджа.

- Просто будь ты хоть на что-то способным демоном, тебе бы не приходилось каждый раз приползать ко мне и униженно просить дары. Но Ме я тебе дам. Потому что, да, я именно такой, как ты описала. Какое тебе нужно?

- А вот, я все написала на листочке! – наивно хлопая глазами, сунула бумагу Лахджа.

Фурундарок внимательно прочитал. Потом еще раз внимательно прочитал. Потом перекосился от бешенства и прочитал в третий раз. Лахджа расписала нужное ей Ме в мельчайших деталях. Даже таблицу нарисовала со свойствами и параметрами.

Сколько Фурундарок ни изучал ее, он не мог найти способа

исказить просьбу. Добавить какой-нибудь подвох. Что-нибудь, что заставило бы Лахджу потом горько пожалеть о подарке.

- Ты слишком хорошо меня знаешь... – скрипнул зубами Фурундарок. – Но ладно, раз уж обещал... на тебе!!!

Он с силой хлопнул демоницу по лбу. А сил-то ему было не занимать. Демолорд все-таки, хоть и в младенческом тельце. Лахджу пронзило нестерпимой болью, а в глазах потемнело.

Кажется, треснул череп.

Но ее Ме Регенерации быстро все поправило. Несколько секунд демоница еще шаталась, ощущая тошноту и дезориентацию, а потом неуклюже кивнула. Новое Ме Фурундарок ей выдал, это она тоже ощущала. Где-то там, на краю сознания словно добавилась новая иконка.

- Спасибо, господин Фурундарок, - не без труда выговорила демоница. – За Ме.

- Иди отсюда, - огрызнулся демолорд.

- Конечно, господин Фурундарок, - поклонилась Лахджа, пятясь к выходу. – За то, что отпускаете живой – тоже спасибо.

- Пошла нахер отсюда!!! – заревел Фурундарок, резко сжимая кулачки.

Целая стена превратилась в пыль, и Лахджа поспешила убраться.

Глава 9

Бельзедор поднимался по ступеням, неся бесчувственную эльфийку. Прихвостни таращились изо всех щелей, восхищенные размером добычи. Жены-принцессы гневно сверкали глазами.

Ведь на сей раз это не дочка какого-нибудь захолустного короля, а сама Галлерия Лискардерасс. Верховная владычица эльфов. Глава Эльфийского Содружества. Императрица Тирнаглиаля. Королева Альварии, Ароса, Гармальина, Джахара и Дымчатых островов. Протектор Белого Альянса. Почетная предводительница Оккузана.

Она лежала на руках Бельзедора, как мешок с картошкой.

- А нас ты в Цитадель не заносил в беспамятстве, - ревниво сказала принцесса Дарен.

- Да, у нас не так романтично было... – жалобно добавила принцесса Ньенна.

Бельзедор не обращал внимания на ворчание любимых супруг. Тем более, что Галлерия как раз очнулась. Она открыла глаза, увидела Темного Властелина и возмущенно воскликнула:

- Ты опять меня похитил, мерзавец?!

- Не похитил, а пригласил в гости, - спокойно ответил Бельзедор. – Исключительно из тревоги за вас, государыня.

Он внес ее в тронный зал и только там опустил на пол. Бережно, как хрупкую статуэтку. Галлерия, которой уже доводилось бывать в Цитадели Зла и сражаться с Бельзедором, сделала шаг назад и настороженно замерла. Очень высокая и довольно полнотелая для эльфийской девы, рядом с Темным Властелином она казалась крохотной и субтильной.

Сказать Галлерия ничего не успела, потому что в зале сверкнула вспышка, и из нее вышел человек в серой тунике. Добрый волшебник Медариэн – и был он сильно потрепан, а лицо заливала кровь.

- Итак, мой старый враг, мы вновь встретились! – гулко воскликнул Бельзедор, беря на изготовку кнут. – Сегодня состоится решающая схватка, в которой ты наконец умрешь! Буа-ха-ха-ха!!!

- Прости, не сегодня, - устало отмахнулся Медариэн. – Я по другому делу.

- А, ну тогда присаживайся, - убрал кнут Бельзедор. – Выпьешь что-нибудь?

- Молока, если есть, - опустился в кресло волшебник. Он

провел рукой вдоль лица – и кровь стала исчезать, а рассеченная бровь срослась.

Искатели Криабала и другие гости молча наблюдали за происходящим. Даже Имрата замерла и притихла. Владычица Галлерия не обратила на них внимания, а вот Медариэн окинул быстрым взглядом и с полуулыбкой кивнул брату Массено.

Со времени их прошлой встречи волшебник стал заметно старше. Все еще молод, но уже не безусый мальчишка. Теперь он выглядел лет на двадцать пять, если не все тридцать.

- Кто победил? – осведомился Бельзедор, пока услужливые прихвостни разливали напитки.

- Ты о моей битве с Антикатисто? – сразу догадался Медариэн. – Не он, как видишь. Я жив. Но и не я, к сожалению. Он ранил меня и исчез. А я поспешил сюда.

- Зачем ты вмешался? – гневно спросила Галлерия у Бельзедора. – Мне не нужна была твоя помощь. Чья угодно, но только не твоя.

- Боюсь, у вас не было такого уж большого выбора, государыня, - ответил Темный Властелин. – А у меня не так много достойных врагов, чтобы я позволил кому-то из них пасть не от моей руки. Всего лишь жалкие антимаги – не та смерть, которой должна погибнуть бессмертная Лискардерасс.

- Это были не просто жалкие антимаги, - вздохнула Галлерия, машинально беря чашку с травяным чаем. – Это были прислужники Антикатисто. Они знали, где меня искать. Заранее продумали нападение. Застигли нас врасплох. Привели странных союзников. И у них было оружие... такого я еще не видела... что-то непостижимое...

- Это был чакровзрыватель, - сообщил Бельзедор. – Погибель чародеев. Однажды я откопал такой, но не сумел заставить заработать. Но где свой взяли антимаги... этого я не знаю.

- Я знаю, - подал голос Танзен.

Медариэн и Галлерия устремили к нему взгляды. Они не были знакомы с агентом Кустодиана. Но Бельзедор кивнул, позволяя тому говорить, и Танзен изложил события, в конечном итоге приведшие его сюда.

Затем Бельзедор попросил рассказать о своем расследовании брата Массено, а потом слово ненадолго взял отец Дрекозиус. Сложив эти три истории, волшебники в беспокойстве переглянулись.

- То есть Антикатисто собирает Криабалы, чтобы отыскать или восстановить Апофеоз, - подытожила Галлерия. – Ты из-за этого пытался похитить мой? Чтобы предотвратить сегодняшнее нападение?

- Разумеется, нет, - невозмутимо ответил Бельзедор. – Я просто собирался сам обрести это абсолютное могущество. И у меня бы все получилось, если бы не одна пронырливая эльфийка.

- Ко мне тебе следовало являться лично, - процедила Галлерия. – Как ты явился в Мистерию. Посылать против меня какую-то снежную ведьму было… унизительным.

- Я не посылал ее против вас, государыня. Вас не должно было в тот день быть в том месте. А с обычной стражей Зеленого Криабала леди Хиона бы справилась. Она была одной из сильнейших колдуний, а ваши подданные плохи против морозного волшебства.

- И теперь она стала деревом, - равнодушно произнесла Галлерия. – Надеюсь, ты не ждешь от меня извинений за то, что я с ней сделала?

- Мои приспешники знают, где живут и кому служат. Время от времени я их теряю. Я ценю их преданность и способности, но среди них нет незаменимых. Кстати, каким деревом она стала?

- Уродливым, - коротко бросила Галлерия. – Я бы приказала ее срубить, но ни один эльф не выполнит такого приказа.

- А вот мои прихвостни выполняют любые приказы, - с чуть заметной насмешкой сказал Бельзедор. – Хотя среди них есть и эльфы.

- Они не заслуживают права так называться, - отрезала Галлерия.

- Видовая принадлежность – это не право. Это факт.

- Давайте перестанем препираться, - устало встрял Медариэн. – Хотя бы сейчас. Всем известно, насколько давняя история сплетает тебя и Бельзедора, моя госпожа, но прямо сейчас тебе поневоле приходится быть ему благодарной.

- Мне смешны твои слова, Медариэн, - холодно произнесла Галлерия. – Не вижу ни единой причины быть благодарной этому отродью.

- Он все же спас тебе жизнь, - напомнил Медариэн. – Преследуя собственные цели, но спас. Пусть и отнял ради этого несколько сотен других жизней, чего я, конечно, не могу одобрить.

- О боги, Медариэн, избавь нас от своих нравоучений, - поморщилась Галлерия. – Право, иногда ты и впрямь выводишь меня из себя этим морализаторством. Уж что-что, а смерть этих недоумков-антимагов и тех тошнотворных созданий, которых они непонятно где взяли…

- Это были йоркзерии, - перебил Бельзедор. – Очень древний народ. Они появились на Парифате задолго до эльфов.

- В самом деле, это были они? – искренне удивилась

Галлерия. – Я полагала, что они вымерли еще до Ледника.

- Многие так полагают. А еще больше вообще никогда о них не слышали. Но йоркзерии не вымерли и в некотором смысле даже процветают. Просто обитают они в таких глубинах, до которых не добирались даже гномы. И они действительно уже тысячи лет не появлялись на поверхности. Я пока не знаю, что побудило их присоединиться к Антикатисто.

- Ты мог их об этом спросить, - вздохнул Медариэн. – Но это не пришло тебе в голову. Ты просто их убил.

- Они убивали эльфов. Благодаря мне эти эльфы живы. Давай спросим их – не следовало ли мне вначале побеседовать с йоркзериями?

- Ты мог спасти их и без лишних убийств. Я знаю твои возможности – их хватило бы. Ты умеешь решать проблемы без единой капли крови. Просто удручающе редко это делаешь.

- Я был ограничен во времени, Медариэн. Мне было некогда искать бескровное решение.

- А если бы у тебя было больше времени – что-то бы изменилось? Ты бы попытался всех спасти, никого при этом не убив?

- Разумеется, нет. Я же Темный Властелин, ты помнишь? Мы с тобой заклятые враги. Мы диаметрально противоположны.

- Не диаметрально... – вздохнул Медариэн. – Бельзедор, я же прекрасно понимаю твои истинные мотивы. Но твои методы я не могу ни понять, ни принять. Ты мог бы действовать гораздо эффективнее, если бы изменил их. Тебе незачем сидеть в мрачном замке и запугивать весь мир. Это же просто глупо.

- Мы уже беседовали на эту тему, Медариэн. Ты помнишь, чем закончился наш прошлый разговор?

- Ты попытался меня убить.

- Но тебя это ничему не научило. Кто же из нас глуп?

- Ты можешь снова попытаться меня убить. И снова. Я буду сражаться с тобой столько, сколько потребуется.

- Ты мой самый заклятый враг, Медариэн, и за это я тебя ценю. Но тебе никогда не победить меня, признай это. Ты слишком ничтожен. Все твои попытки убить меня провалились с треском.

- Я никогда не пытался тебя убить, Бельзедор, и ты это прекрасно знаешь. Только обезвредить.

- Как я и сказал. Ты слишком ничтожен.

- Я не убиваю, Бельзедор. Никого. Никогда. Даже тебя я не стану убивать.

- Не пытайся свалить свою ничтожность на высокие моральные принципы. Я слишком хорошо тебя знаю.

- Я тоже хорошо тебя знаю. И мне ведомо, что под этой черной броней бьется благородное сердце. В тебе есть добро, Бельзедор, но ты посвятил жизнь тому, чтобы никто о нем не узнал. Ты мог бы стать величайшим героем этого мира – а вместо этого стал величайшим злодеем. Но это было худшей твоей ошибкой. Ты пошел длинной извилистой дорогой там, где есть прямая и короткая.

- Какое красивое сравнение, - саркастично произнес Бельзедор. – Однако заметь, что прямо сейчас, пока ты убеждаешь меня перейти на светлую сторону, где-то там по-прежнему куражится Антикатисто. Это означает, что для тебя важнее не торжество добра, а идеологическая победа над злом. Надо мной.

- Ты в очередной раз все переврал, - вздохнул Медариэн.

- Но этот мерзавец в чем-то прав, мэтр Медариэн, - вмешалась Галлерия. – Нам сейчас не до пустых споров.

- В этом я с тобой согласен, бессмертная Лискардерасс. Бельзедор был Темным Властелином тысячи лет, и пробудет им еще... недолго, надеюсь. Но прямо сейчас наши и его цели совпадают.

- В таком случае обсудим дальнейшие действия, раз мы на какое-то время делаем вид, что перестали быть врагами, - откинулась в кресле Галлерия. – Однако сразу предупрежу, что я не перестану презирать тебя ни на миг и никогда не прощу всего того, что ты сделал мне, моему мужу и моему народу.

- Приятно это слышать, государыня, - поклонился Бельзедор. – Я очень старался, чтобы вы никогда меня не простили. Но сейчас вы у меня в гостях, я временно вам не враг и предлагаю пригласить к нам еще одного гостя.

- Да, согласен, - кивнул Медариэн. – Нужно его известить.

В тронном зале было не очень много народу. Только сам Темный Властелин, его управляющий, кот, несколько теней-прихвостней, Галлерия, Медариэн и искатели Криабала вкупе с Танзеном и Массено. Теперь же Бельзедор хлопнул в ладоши, и стало казаться, что людей еще меньше, поскольку тронный зал погрузился в сумрак. Окна словно заволокло мглой, факелы погасли, остался только зеленоватый светильник. В его тусклом мерцании были видны лишь контуры Бельзедора, Галлерии и Медариэна, а все остальные исчезли во тьме.

Потом засветилось огромное дальнозеркало. Гладя белого кота, Бельзедор зловеще произнес:

- Итак, мы снова встретились, мой старый враг.

- Пока еще только увиделись, - донесся насмешливый голос. – Не встретились. Не надо форсировать события.

За гладкой поверхностью появился длиннобородый старец в

каменном кресле. Танзен и Джиданна узнали его сразу же – Зодер Локателли, председатель ученого совета Мистерии.

Верховный маг.

- Мэтр Медариэн, - приветливо кивнул он. – Бессмертная Лискардерасс. Рад видеть вас в добром здравии.

- Мир вам, мэтр Локателли, - ответила Галлерия.

- Мир тебе, Зодер, - коротко кивнул Медариэн.

- И тебе мой привет, Бельзедор, - прищурился Локателли. – Хотя тебя я видеть и не слишком рад. Мы расстались не на дружеской ноте.

- Будь благодарен, что я не сравнял твою школу с землей, старик, - пророкотал Темный Властелин. – Кстати, как там поживает мэтр Хаштубал?

- Немного прихворнул. Кажется, что-то с нервами.

- Это все от стрессов. Ему стоит себя поберечь.

- Обязательно передам ему твой совет.

Внимательно следящий за происходящим у трона Плацента зло сплюнул. Растерев плевок ногой, он процедил:

- Тля, я так и знал, что власти нас все время обманывают...

- Развей свою мысль, - повернулась к нему Джиданна. – Я внимательно слушаю.

- Ну они же нормально общаются! Как будто они друганы!

- Это большая политика, сын мой, - вздохнул Дрекозиус. – Даже заклятые враги на официальных встречах переходят на язык высокой дипломатии. Где бы мы оказались, если бы каждый просто говорил все, что думает, не стесняясь в выражениях?

- В гораздо лучшем мире, - сумрачно произнесла Имрата.

Тем временем в круге зеленого света два великих волшебника, эльфийская владычица и Темный Властелин тихо обсуждали возвращение Антикатисто и что с этим делать.

Посвящать Локателли в события почти не пришлось. Он уже знал большую их часть. Словно старый паук в центре колдовской паутины, председатель ученого совета знал чуть ли не все, что творится в мире.

- Кто еще в курсе того, что наш общий знакомый снова жив и деятелен? – сварливо спросил Локателли.

- Те, кто находится в этом зале, само собой, - ответил Бельзедор. – Еще несколько моих приспешников. Весь орден Солнца. И, полагаю, также об этом известно Кустодиану. Как минимум мэтру Сарразену.

- Еще мэтр Мазетти, - добавил Медариэн. – Он знает не все, но значительную часть.

- Ну и достаточно, думаю, - подытожил Локателли. – Не стоит делать это достоянием масс, ни к чему нам шумиха. Хотя

Хаштубала я потом все-таки тоже посвящу, а то он обидится.

- Может, тогда еще кого-нибудь позовем? – предложила Галлерия. – Как насчет мэтра Прандаксенгида или высокочтимого Аэтернуса?

- Или даже... гм... святого Машибухера?.. – вставил Медариэн.

- Аэтернус не покинет свой остров, - возразил Бельзедор. – Прандаксенгид – просто еще один волшебник, который давно отошел от дел. А святой Машибухер... ему безразличны все эти мелкие склоки.

- Хорошо, не будем тревожить отшельников, - согласился Локателли. – Мы все тут взрослые дяди и тети. Сами справимся как-нибудь.

- Изначально я предполагал, что справлюсь и в одиночку, - заметил Бельзедор. – Однако Антикатисто убил меня, несмотря на все собранные Криабалы.

- Кстати, как давно ты узнал о возвращении Антикатисто? – прищурился Локателли.

- Достаточно давно. Среди его прислужников были агенты Зла, и они доносили мне о его планах. Правда, они занимали не слишком высокие посты, так что информация была неполна и недостаточна. Например, я до последнего момента не подозревал об этой его затее с чакровзрывателями. Но о поиске Криабалов я узнал почти сразу же.

- А почему же ты не предупредил нас?! – вскричала Галлерия.

- Наивный вопрос, бессмертная Лискардерасс, - усмехнулся Локателли. – Чтобы Бельзедор – и кого-то предупреждал? Ты как будто первый век на свете живешь.

- Я планировал уничтожить Антикатисто сам, - спокойно продолжил Бельзедор. – Он слишком опасен и его невозможно контролировать. Шестьсот лет назад я сделал ему предложение стать моим приспешником, но он отказался и убил меня. Возродившись, я проникся уважением к его силе и сделал новое предложение – стать моим автономным вассалом. Он отказался и убил меня. Возродившись повторно, я сделал ему последнее предложение – разделить сферы влияния. Он отказался и убил меня. После этого я предоставил его собственной судьбе.

- Мы знаем, что было дальше, - ворчливо сказал Локателли. – Мистерия прекрасно помнит те события.

- А на что ты рассчитывал в этот раз? – внимательно посмотрел на Бельзедора Медариэн. – Я рассчитывал на Черный Криабал, но...

- Я тоже рассчитывал на Криабалы, - ответил Бельзедор. – Хотел выяснить, зачем их ищет Антикатисто. Прежде всего я захватил те, что были на виду – Синий, Серый и Красный. С

Зеленым не получилось. Я изучил их, но узнал только, что там нет ничего, способного уничтожить Антикатисто. Я захватил Бурый, немного подравшись с мэтром Хаштубалом, но он мне тоже ничем не помог. По счастью, в дальнейшем мне улыбнулась удача – ко мне в руки явился Белый, давно утерянный. Сам собой явился, причудливым стечением обстоятельств. Уверен, на этот счет есть какое-то древнее пророчество. Они всегда есть в таких ситуациях.

- Это не было стечением обстоятельств! – выкрикнула Имрата.

- Тише, - поднял ладонь Бельзедор. – Сейчас говорю я. Именно Белый Криабал дал мне то, что я разыскивал. Заклятие Очищения. Не просто обычное заклятие, которым владеют даже студенты, а одно из тех ультимативных заклятий, что придают Криабалам такую ценность. Оно могло уничтожить Антикатисто. И я его применил.

- Темный Властелин применяет белую магию, - с сарказмом произнес Медариэн. – Темный Властелин избавляет мир от Тьмы. Иронично.

- Я всего лишь устранял конкурента, - с каменным лицом возразил Бельзедор. – Мы уже договорились, что я злобный мерзавец, и каждый мой поступок продиктован чистым эгоизмом. Не сходи с этих позиций, Медариэн. Тем более, что я все равно не преуспел. Оказалось, что пока я собирал остальные Криабалы, Антикатисто гонялся за Черным – и он его нашел. Понятия не имею, где.

- Эту лакуну заполню я, - заговорил Медариэн. – Черный Криабал находился там, где я спрятал его десять лет назад. В другом мире. Фантастическом мире. Удивительном. Оставайся он там и дальше, Антикатисто разыскивал бы его очень долго, но так сложилось, что полгода назад его нашли другие. То ли совершенно случайно, то ли Черный Криабал сам как-то здесь повлиял… мы до сих пор очень мало знаем об этих книгах и их свойствах.

- Кто именно его нашел? – спросил Локателли.

- Двое юных индивидов. Они применяли его не слишком мудро, но бед причинили гораздо меньше, чем прежние владельцы. Не стану рассказывать все в подробностях, это не имеет отношения к делу. Скажу лишь, что в конце концов их занесло к нам, на Парифат… и здесь Черный Криабал очень быстро перешел в руки Антикатисто. Не могу сказать, как он о нем узнал. К счастью, индивиды остались живы, и мы с бессмертной Лискардерасс помогли им вернуться домой… – Галлерия в этом месте кивнула, - …но Черный Криабал к тому

времени был уже ими утрачен, и следующим его увидел Бельзедор. А забрав у него всю добычу, Антикатисто ринулся за Зеленым Криабалом. Правда, в битве с орденом Солнца он был серьезно потрепан – поэтому, видимо, и не осмелился прийти один. Поэтому и привел с собой небольшое войско. Поэтому и я остался жив.

- У Антикатисто превосходные злодейские задатки, должен заметить, - произнес Бельзедор. – Суметь незаметно переместить целое войско и подвести его в самый нужный момент – это очень немало. Жаль все же, что он не согласился стать моим приспешником.

- Какая трагедия, ай-яй-яй, - посочувствовал Локателли. – Антикатисто, кстати, воспользовался нашими же порталами. Мне тут буквально полчаса назад доложили о инциденте на станции Яминии и Утера-Данголля. Антикатисто обрушился на нее глухой ночью, захватил, перекрыл связь, убил большую часть свидетелей и заставил служителей открывать портал только в Тирнаглиаль.

- На нашей стороне ничего такого не заметили, - нахмурилась Галлерия, приложив два пальца к виску. Там плавали три зеленых точки – природные духи. – Мои подданные утверждают, что портал работает, как обычно.

- Ваш портал управляется вашими же эльфами, мэтресс Галлерия, - саркастично сказал Локателли. – Вы сами настояли на этом в свое время. Там не такая надежная охрана, как в остальной сети. Молодцы из моей Порталики уж точно бы не проморгали такую большую группу антимагов, а вот ваши подданные – проморгали.

- Этого не может быть! – возмутилась Галлерия.

- В таком случае вам просто приснился плохой сон и никаких антимагов у вас там не было, - ласково сказал Локателли. – Уверен, что вскорости вы проснетесь в своей постели.

- Мэтр Локателли, я люблю вас, как родного отца, но иногда вы откровенно непереносимы, - нахмурилась Галлерия. Ее глаза стали зелеными, как крыжовник.

- Могу ли я напомнить, что вы старше меня на полторы тысячи лет, бессмертная Лискардерасс? – прищурился Локателли. – Мне приятно, что я напоминаю вам покойного папеньку, но по возрасту я скорее гожусь вам во внуки.

- Хорошо, что вы не мой внук, - холодно произнесла владычица эльфов. – Мне было бы тяжело видеть, как годы превращают вас в несносного старика.

- Туше, - произнес Бельзедор, закидывая в рот горсть подкорма.

- Ну вот, мы порадовали Темного Властелина своей

перебранкой, - сокрушенно вздохнул Локателли. – Мне кажется, это просто ужасно. А вы как считаете, бессмертная?

- Я согласна, - ровным голосом произнесла Галлерия. – Но мне все-таки не до конца понятна эта ситуация. Допустим, антимагов мои подданные еще могли не распознать. Они редко нас тревожат. Но как сумели пробраться те подземные твари? Они сильно отличаются от обычных гостей Тирнаглиаля, их бы точно заметили в таком количестве.

- На этот вопрос я пока ответить затрудняюсь, - сказал Локателли. – Портал Яминии и Утера-Данголля сейчас закрыт и опечатан, там работает Кустодиан. Когда они закончат, мы узнаем и это... но вообще-то это уже частности, я считаю. Проникли и проникли. Применили какую-то уловку. Так ли уж важно, какую именно? Антикатисто – очень могущественный чародей, да и у йоркзериев наверняка есть трюки, о которых нам неведомо. Те же магматики, которые служат им, как псы.

- А почему именно этот портал? – спросил внимательно слушавший Медариэн. – Тому была причина или они просто захватили случайный?

- Станция Яминии и Утера-Данголля расположена в Джарии, - пояснил Локателли. – А именно в недрах Джарии обитают йоркзерии. Кроме того, Яминия сейчас захвачена Подгорным Ханством, которое в союзе с йоркзериями и, я подозреваю, с Антикатисто.

- Кроме того, в Утере издавна хранился Серый Криабал, - прокомментировал Медариэн. – Это тоже важный момент.

- В Джарии их было целых три, - подтвердил Локателли. – Именно там ведь когда-то жил мэтр Вален, самый известный собиратель Криабалов. Я подозреваю, что именно из-за этого Антикатисто затеял там... все то, что он затеял.

- Три?.. – нахмурился Медариэн. – Серый был в Утере. Красный – в Новой Стране. Местонахождение остальных мне тоже известно, так что остается... Рваный?..

- Да, Рваный. Он в Яминии, у цвергов. Был там до недавнего времени.

- Откуда вам об этом известно, мэтр Локателли? – спросил Медариэн.

- Они обращались ко мне не так давно. Предлагали обменять его на военную помощь. Но Мистерия всегда нейтральна, я отказал им.

- Нам нужен этот Криабал, - негромко сказал Бельзедор. – Он последний. Нельзя позволить Антикатисто заполучить и его.

- Я сразу же направил в Халлар агентов Кустодиана, - сказал Локателли. – Город осажден хобиями, и это затрудняет работу, но

они выяснили, что после меня цверги обратились к Новой Стране, и та согласилась на сделку.

- Глупцы! – фыркнула Галлерия.

- Им неизвестно об Антикатисто, - мотнул головой Медариэн. – Они не знают, какую опасность навлекают на себя. Рваный Криабал уже в Новой Стране?

- Еще нет, - ответил Бельзедор. – В их Комитете Старших есть агент Зла – он сразу бы доложил мне о таком.

- Агент Зла в Комитете Старших?! – изумился Медариэн. – Даже там? Кто это?

- Попробуй угадать сам, мой старый враг. Я не стану облегчать тебе жизнь.

- Агенты Зла есть везде, - тяжко вздохнул Локателли. – Иногда я подозреваю, что они таятся даже у меня под кроватью, и потому каждый вечер туда заглядываю. Пока не видел – но не исключено, что они просто давно это разгадали и перебираются на это время в шкаф.

- Прекратите ерничать, мэтр Локателли, - закатила глаза Галлерия. – Если Рваный Криабал все еще не у людей, но уже не у цвергов... где он?

- У одного маленького кобольда, - сказал Бельзедор. – Выйдите на свет, отец Дрекозиус. Поведайте моим гостям то, что поведали мне.

Из темноты выступил толстый жрец. Угодливо кланяясь великим мира сего, он торопливо представился и рассказал, как некий кобольд похитил Рваный Криабал из драконьей пещеры.

- И откуда вы это знаете, святой отец? – спросил Медариэн.

- Мне интереснее, почему мы думаем, что Криабал все еще у кобольда, - добавила Галлерия. – Я знаю цвергов. Они жадны, как сам Гушим, и наверняка давно отняли у него книгу. Хорошо, если оставили в живых.

- На самом деле он оставался у него как минимум до нашего разговора, - сказал Локателли. – Теперь я припоминаю, что когда они показывали мне Криабал, то его держал какой-то кобольд. Помню, я еще удивился, отчего эту реликвию хранит не цверг, но не придал значения...

- Рваный Криабал все еще у кобольда, высокочтимые мои господа, - елейно произнес Дрекозиус. – Иначе я увидел бы это во сне.

- Во сне?.. – не поняла Галлерия.

- Именно так, - сказал Бельзедор. – Отец Дрекозиус обладает необычной Сущностью, природу которой я пока еще не разгадал. Он видит вещие сны – всегда связанные с Криабалами. Видит, когда они меняют владельцев. Именно благодаря этому он и его

друзья нашли титульный лист, оглавление, а потом и Белый Криабал. Кроме того, он был незримым свидетелем того, как я и мои приспешники изымали Криабалы. И перипетии, которые прошел Черный Криабал, тоже были ему известны. А вам, государыня, вообще следовало бы преподнести ему памятный подарок или даже вознаградить орденом.

- Это от него ты узнал, что антимаги явились за Зеленым Криабалом? – догадалась Галлерия.

- Именно так. Не увидь отец Дрекозиус свой вещий сон, вы сейчас были бы крайне неприглядным трупом, государыня. Жертвы чакровзрывателя выглядят отвратительно.

- В таком случае я выражаю отцу Дрекозиусу глубочайшую благодарность, - коротко кивнула Галлерия. – Но вернемся к вопросу о Рваном Криабале. Мы знаем, где сейчас этот кобольд?

- Мы знаем его маршрут, знаем конечную цель и время, которое он уже в пути, - ответил Бельзедор. – Найти его не будет сложным. К сожалению, все Криабалы обладают свойством необнаружимости, и оно частично переходит и на их владельцев, поэтому мое Всевидящее Око и другие средства бесполезны. Но кобольд не знает, что его ищут, поэтому вряд ли станет сильно петлять. А если он утратит Криабал, отец Дрекозиус это сразу узнает.

- Я попытаюсь его отыскать, - сказал Медариэн. – Но ничего не могу обещать. Криабалы действительно практически недоступны для ясновзорческих чар. Вот если воспользоваться одним из них, прочесть хотя бы одно заклинание… в этом случае устанавливается определенная связь, которая сохраняется до конца жизни. В этом случае найти «свой» Криабал вполне возможно даже без оглавления и титульного листа. Но я, к сожалению, никогда не использовал Черный, а других у меня в руках не было.

- Я тоже никогда не применял Бурый, - сказал Локателли. – Не было потребности, я и так не знаю себе равных в волшебстве. А вы, бессмертная Лискардерасс, использовали Зеленый?

- Да, но очень давно, - ответила Галлерия. – Мы применяли его вместе с Моргантосом. И я действительно чувствую с ним связь… думаю, если Антикатисто им воспользуется, я это почувствую.

- Это прекрасно, но в этом нет нужды, - отмахнулся Бельзедор. – У нас тут есть дева, которая применяла Белый Криабал, да и сам я пробовал заклинания из нескольких, пока они были у меня. А кроме того, у нас есть куда более надежное средство, о котором ты должен помнить, Медариэн.

- Ах да, моя астролябия! – спохватился Медариэн. – То есть не

моя, а Вескатуччи... но сделал ее я... брат Массено, вы не могли бы ее показать?

К трону подошел слепой монах. Бельзедор, Галлерия и Локателли в дальнозеркале внимательно осмотрели астролябию.

- Какая изящная работа, - похвалила Галлерия. – Словно сработано эльфами.

- Моим скромным умениям далеко до ваших кузнецов, но я старался, - спрятал улыбку Медариэн. – Она все еще действует, святой отец?

- По всей вероятности, - ответил Массено. – Хотите проверить?

- Не вижу смысла, - заявил Бельзедор. – Антикатисто победил меня и одолел весь ваш орден. И это при том, что у него был только один Криабал. А на что он будет способен с почти полным набором? Особенно когда залечит раны, полученные от солнцеглядов.

- Лично мне откровенно непонятно, как он вообще вернулся к жизни, - брюзгливо произнес Локателли. – Мы очень надежно его уничтожили. Мэтр Бецалли создал для этого специальное заклинание... кстати, не владеет ли им кто-нибудь здесь, случайно?

- Я уже взял текстовку методы у мэтра Мазетти, - ответил Медариэн. – Но она сильно отличается от моего основного профиля – понадобится немало времени.

- А кроме того, вы умрете, - заметила Галлерия. – Вы же помните, что метода Бецалли – суицид? Если мне не изменяет память, она в некотором роде антипод методы Антикатисто. Кратковременное превращение в высшего элементаля Света... и взаимоуничтожение.

- Это так. Но в качестве последнего средства...

- Даже в качестве последнего средства это не даст стопроцентной вероятности, - заметил Локателли. – Когда Бецалли применял свою методу, у Антикатисто не было Криабалов.

- Один был, - напомнил Медариэн. – Черный. С его помощью он стал тем, кто он есть.

- Но не держал при себе. Иначе сейчас он лежал бы рядом с Бурым... то есть... – запнулся Локателли. – Ну вы понимаете, что я имею в виду.

Волшебники и Бельзедор погрузились в молчание. Все четверо привыкли влиять на ход истории. Медариэн неоднократно менял судьбы людей и целых держав. Локателли полностью реформировал Мистерию. Галлерия стояла во главе всего эльфийского сообщества. О Бельзедоре нечего и говорить.

Но сейчас даже этим фигурам всемирного значения предстояли нелегкие решения.

- Просто чтобы удостовериться... – задумался вдруг Медариэн. – Этот зеленый светильник – он же не просто для антуража? Я знаю, как важны для тебя ритуалы и декорации, Бельзедор, но в данном же случае есть и другая причина, верно?

- Это Лампа Тайн, мой старый враг, - ответил Бельзедор. – Сказанное в ее свете останется секретом даже для богов.

- Хорошо. Просто хотел удостовериться. Кого ты отправишь за Рваным Криабалом?

- Хочешь – отправляйся сам, - равнодушно ответил Темный Властелин. – Я тебе доверяю, ты честный.

- Не могу, - мотнул головой Медариэн. – Простите, друзья, но я полностью посвящу себя штудированию методы Бецалли. Она чрезвычайно сложна, и мне нельзя будет отвлекаться ни на что, пока я ей не овладею. Теперь, возможно, это наш последний шанс.

- Мы все знаем, что ты мечтаешь сдохнуть во имя добра, – сказал Бельзедор. – Только как это будет сочетаться с твоим принципом никого не убивать?

- Я заплачу за это собственной жизнью, - ровным голосом сказал Медариэн. – В мире не появится нового убийцы.

- Как удачно для меня, - покивал Бельзедор. – Лишусь сразу двух заклятых врагов. Я посажу на твоей могиле кактусы.

- Прояви уважение, посади хотя бы розы, - цокнул языком Локателли. – Они тоже колючие.

- Прекратите! – возвысила голос Галлерия. – Медариэн, мы все уважаем твою готовность принести такую жертву, но оставь это на самый последний случай!

- Для этого мне все равно потребуется сначала овладеть этой методой, - спокойно произнес Медариэн. – И я этим займусь. У меня единственного здесь нет в подчинении державы, которая постоянно требует внимания.

- Ладно, начну заранее подыскивать себе нового главного противника, - подытожил Бельзедор. – А за Рваным Криабалом я тогда отправлю отца Дрекозиуса и его друзей.

- Покажите-ка мне их, - попросил Локателли. – Мне из-за этого стекла ничего не видно.

По приказу Бельзедора Мектиг, Плацента и Джиданна выступили вперед, к Дрекозиусу. Галлерия, Медариэн и Локателли осмотрели искателей Криабала, и Галлерия скептически произнесла:

- Дармаг-головорез, полугоблин-вор и чародейка невысокого уровня. Никого получше у вас не нашлось, лорд Бельзедор?

- В них скрывается большее, чем кажется на первый взгляд, -

спокойно ответил Темный Властелин. – Они сумели похитить оглавление из казны демолорда, выбраться из Паргорона, пройти через Шиасс, отыскать на краю света Белый Криабал, уничтожить мой Артефакт Силы и бежать из моей темницы. Я за них ручаюсь.

- Ручаетесь?.. Вы?..

- Если они вас не устраивают, я пошлю моих приспешников. Лорд К или лорд Гвыфнюр разыщут кого угодно...

- Нет, пусть уж лучше эти типы, - торопливо сказала Галлерия.

- Согласен с бессмертной Лискардерасс, - подтвердил Локателли. – Простите, лорд Бельзедор, сейчас мы вынуждены с вами сотрудничать, но никто из нас не доверяет ни вам, ни вашим приспешникам. Надеюсь, вы не обиделись.

- Ну что вы, я даже польщен. Кстати, против совместной команды я тоже не возражаю. Давайте Галлерия предоставит кого-то из своих эльфов, Локателли даст волшебника, я – убийцу-предателя, а Медариэн... не знаю, кто там у тебя есть?.. у тебя есть пони?.. добавь в команду пони. С радужной гривой.

- Мы уже сказали, что не против этой четверки, - поморщился Локателли. – У нас не так много времени, чтобы согласовывать кандидатуры с нуля, а у этих хотя бы уже есть нужный опыт.

- Давайте не усложнять, мы понимаем, что сейчас мы все заинтересованы в сотрудничестве, - согласился Медариэн. – Только снабдите их всем необходимым. У вас есть все необходимое, господа? Возьмите на всякий случай Перстень Дружбы – с его помощью вы сможете призвать меня на помощь в случае нужды. Только не злоупотребляйте, пожалуйста. В ближайшее время я буду чрезвычайно занят.

Перстень на пальце Медариэна ярко засветился – и от него отделилась копия. Дрекозиус с подобострастной улыбкой нацепил эту копию на пухлый палец.

Мектиг, который еще не до конца понял суть происходящего, хмуро переглянулся с Джиданной. А вот Плацента внезапно взбунтовался.

- Тля, какого кира вообще?! – заверещал он. – Мы вам кто, тля, сибиррих почтальоны?! Какого кира мы должны шляться по вашим поручениям?!

- Это нужно для спасения мира, - ласково ответил Локателли.

- В анналы спасение мира! И тебя тоже в анналы!

- Ты что разорался? – пробасил Мектиг, раздраженно глядя на полугоблина.

- Ты что, не понимаешь, тупой варвар?! – истошно завизжал тот. – Нас опять пытаются подписать на какую-то суету!

- Ты боишься?

- Я боюсь?! Нет, тля, я не боюсь! Просто мне сердце подсказывает, что мы там сдохнем! А если сердце подсказывает, что куда-то лучше не ходить, то лучше прислушаться к своему голосу трусости!

Плацента всегда слушал свой голос трусости. Это не раз спасало ему жизнь.

- Ладно, я сейчас подберу кого-нибудь другого, - сказал Бельзедор. – Извините, враги мои, но нам все же придется согласовать новые кандидатуры.

- Ох, опять какие-то проволочки... – поморщился Локателли.

- Повремените с этим решением, о высокочтимые! – поспешно закудахтал Дрекозиус. – Мои добрые друзья просто немного растерялись в первый момент, но они совершенно не против, уверяю вас! Мы с радостью исполним все, что от нас ожидается, и смиренно будем ожидать достойной награды за наш труд... но даже если награды не воспоследует, то уже само свершение доброго дела станет для нас величайшей наградой!

Медариэн окинул жреца грустным взглядом. Он слишком хорошо видел, насколько мало искренности в его словах.

Но также он видел, что стараться эти четверо будут изо всех сил. Далеко не из благородных побуждений, но они сделают все, что им поручат. Они надеются на щедрый куш в случае успеха и прекрасно понимают, что им не удастся скрыться в случае попытки схитрить. Одного Бельзедора будет достаточно, чтобы достать их даже на луне.

- Хорошо, пусть эти индивиды разыщут Рваный Криабал, - заключила Галлерия. – Но постарайтесь спрятать его получше. А то мы уже убедились, что Антикатисто заберет его у любого из нас.

- М-да, - отвел глаза Локателли. – Что уж самим себе врать. Осрамились мы. Оскандалились.

- Антикатисто – это враг, какого еще не было, - тихо произнес Медариэн.

- Да в том-то и проблема, что был, уже два раза, - язвительно произнес Локателли. – Давайте уж хоть в третий раз разберемся с ним окончательно, а? А то будут меня спрашивать внуки: дедушка Зодер, а почему мы такие мертвые? А что я им отвечу? А я им ничего не отвечу. Я тоже мертвый буду, а мертвые не разговаривают. Хотя, конечно, этот диалог если и состоится, то на том свете, а там я вполне себе разговорчивый буду... вам всем я, кстати, там все припомню, если не сумеете мою смерть предотвратить. Вы хоть представляете, какая это будет потеря для всего волшебного сообщества, если я погибну? Вам этого не простят. Без вас-то всех мир как-нибудь еще проживет, а вот без

Зодера Локателли Мистерия осиротеет.

- Если Антикатисто преуспеет, никакой Мистерии тоже не останется, - напомнил Медариэн.

- Фух, хоть какое-то утешение, - вздохнул Локателли. – Некому будет по мне грустить.

- Не переживай, старик, на твоей могиле я тоже посажу кактусы, - пообещал Бельзедор.

Искатели Криабала тихонько совещались. Дрекозиус быстро сумел убедить их, что в этот раз дело будет совсем легким. Просто охота за головой одного кобольда. У того, правда, есть Криабал, но в случае чего они просто вызовут Медариэна и предоставят разбираться ему.

А награда... с наградой пока неизвестно, но уж не обидят, наверное. Конечно, куш точно не будет таким огромным, как Криабал, так ведь и задача гораздо проще.

- Итак, с Рваным Криабалом мы определились, - кивнула Галлерия. – В общем-то, сам по себе он нам не нужен – просто нельзя допустить, чтобы его получил Антикатисто. Мэтр Медариэн посвятит себя нашей пока что единственной надежде от него избавиться. Но я считаю, что этим ограничиваться нельзя. Нужно поискать и другие способы.

- Согласен с вами, бессмертная, - кивнул Локателли. – Бецалли боролся с Антикатисто шестьсот лет назад – волшебная мысль с тех пор не стояла на месте. Я брошу все силы на поиски альтернативного способа уничтожить такого элементаля.

- А я обращусь за советом к миру духов, - пообещала Галлерия. – У меня немного болят чакры после атаки антимагов, но я постараюсь восстановиться побыстрее и сразу же приступлю к делу. Узнаю все возможное о Антикатисто и Апофеозе. И если в тонких сферах есть кто-нибудь, кто сможет что-нибудь подсказать – я его найду. В конце концов, моя основная специальность – элементаристика.

- Я бы на это не рассчитывал, - сказал Бельзедор. – После победы над Антикатисто никто не пытался искать новые способы его убить – зачем бы?.. А если бы что-то могли поведать духи, они бы поведали это еще в прошлый раз. Духам нет дела до живых, а элементали мыслят слишком инако.

- И что же ты предлагаешь? – осведомилась Галлерия. – Попросить помощи у богов?

- До них слишком сложно докричаться. Я предлагаю для начала понять, как Антикатисто вернулся к жизни. В этом ключ к разгадке, как мне кажется.

- Разумное предложение, - кивнул Локателли. – Мэтр Танзен, не могли бы вы подойти?

Танзен, после своего рассказа вернувшийся в тень, снова вступил в круг света.

- И вы тоже, брат Массено, - попросил Локателли.

К волшебнику присоединился монах.

- Если остальные не возражают, я предлагаю поручить расследование этим двоим, - сказал Локателли. – Свою профессиональную пригодность они уже доказали.

- Я могу поручиться за брата Массено, - кивнул Медариэн.

- А мэтр Сарразен очень хорошо отозвался о мэтре Танзене, - добавил Локателли. – Бессмертная Лискардерасс, ваше мнение?..

- Агент Кустодиана, магистр Метаморфозиса и лидер оперативной тройки, - задумчиво произнесла Галлерия. – Монах Солары, солнцегляд-великосхимник и нунций Космодана. Нет, против них у меня нет возражений. Тем более, что они уже посвящены во все детали.

- В таком случае я выдам им свою печать, - заявил Бельзедор. – Открытый ордер на расследование в пределах Империи Зла и иных территорий, где боятся моего имени.

- Я присовокуплю свое кольцо, - сняла его с пальца Галлерия. – Оно откроет доступ к чему угодно на территории Эльфийского Содружества.

- Я тоже расширяю ваши полномочия, агент Танзен, - добавил Локателли. – Мистерия, портальные станции и любой официальный волшебник помогут вам в чем угодно.

- А кроме того, у брата Массено уже есть пайцза нунция, обеспечивающая всецелую поддержку церкви, - подытожил Медариэн. – Полагаю, этого хватит.

- Отчитываться будете непосредственно передо мной... нами, - сказал Локателли. – Запишите номер моего дальнозеркала и будьте постоянно на связи.

Танзен посмотрел на Массено. Слепой монах не повернул головы, но его губы растянулись в слабой улыбке, а ладонь легла на Ктаву. Кажется, ему хотелось спросить у священной книги совета – Танзен уже знал об этой привычке солнцегляда.

- А в самом деле, что скажет нам Ктава? – спросил Медариэн, тоже внимательно глядевший на монаха.

Тот раскрыл книгу в медном переплете и прочел:

- *«Когда рушатся небеса, свои плечи должны подставить великаны».*

- Потрясающе глубокомысленная чепуха, - кивнул Бельзедор. – Так и поступим. А теперь, напоследок, я хочу обсудить еще одну малость. Выйди на свет, Имрата Аэтернида...

Глава 10

4035 год до Н.Э.

Бриар взвесил на руке посох. Хороший баланс. Даже чуть лучше, чем у прежнего. В руке сидит еще не так привычно, но это понятно. Тем посохом Бриар пользовался без малого двести лет, а этот даже не доделал еще до конца.

Жаль, вернуть прежний так и не удалось. После побега из Бирюзового Холма сенат крепко разозлился. Три года Бриар Всемогущий провел в розыске. Его пытались представить воплощенным злом, самым страшным магиозом за всю историю Парифата.

Вышло у них не очень-то. Бежав из самой надежной тюрьмы в мире, Бриар удивительным образом стал для многих кумиром. По-настоящему впечатлил весь мир.

В особенности тем, что сделал это с помощью магии. Миллионы волшебников изнывали от желания узнать, как ему удалось превзойти короний. Что за волшебство унесло его оттуда.

И возвращаться в камеру Бриар не собирался. Это в первый раз он отправился туда добровольно. Когда еще верил в справедливость сената. Когда считал, что это просто формальность, что ситуация быстро разрешится.

Теперь же… попробуй-ка, арестуй Бриара Всемогущего, если он того не желает. Попробуй его хотя бы разыщи.

А у сената и без него хватало хлопот. Республика продолжала трещать по швам. Провинции бурлили все сильнее, граждане волновались, преступность росла. Многие ставили под вопрос уже саму идею республики. Спрашивали, так ли уж правильно она устроена, не пора ли перетряхнуть эту пыльную систему сверху донизу.

Власти не успевали латать дыры.

И в конце концов им надоело срамиться. Сенаторы решили сделать хорошую мину при плохой игре и объявили Бриара амнистированным. Но в качестве наказания за побег и отказ вернуться в руки правосудия – лишили его посоха. Торжественно сломали на специальной церемонии.

Казнили посох, не в силах казнить его хозяина.

Так что теперь Бриар делал новый. На этот раз не ивовый, а из драконьей кости. С серебряным набалдашником в виде черепа. Возможно, немного претенциозно, но очень стильно.

- Это будет хороший посох, - произнес он, нанося рунный

узор. – Добротный.

За окном шумел народ. Набережная Асвальтура, одного из красивейших городов южного побережья Мирандии. Когда-то здесь была одна из провинций Империи Крови, и люди с закатом запирались по домам, надеясь, что сегодня изберут не их.

Теперь ночью жизни становится как бы не больше, чем днем. В жаркий полдень все лежат в тени, а вечером высыпают на улицы, радуясь свежему воздуху.

Бриар снимал здесь квартиру на втором этаже. Небольшую, не слишком роскошно обставленную – но он никогда и не тяготел к роскоши. С деньгами у него после заточения и побега было не густо, зато друзей осталось немало. Да и волшебная сила никуда не делась.

При желании Бриар мог наколдовать себе целый дворец. Скрыться на дне морском или сотворить летающий остров. Мог исчезнуть в одном из множества других миров и забыть навсегда о Парифатской республике.

Но он не собирался этого делать. Без республики Бриар себя не мыслил. Он не желал киснуть в эмиграции или уходить в отшельники.

Он еще не стар. Седина в волосах и бороде почти не заметна. Он крепок, бодр, энергичен и многое еще способен дать миру. Бриар собирался вновь реформировать саму систему волшебства – и зримое этого воплощение лежало сейчас на столе.

Шестьдесят лет назад именно Бриар придумал язык Каш. Простую, удобную и понятную систему, которой сейчас пользуются все волшебники. Парифат стоит на волшебстве, а волшебство стоит на языке Каш.

Но для своего нового проекта Бриар придумал новый язык. Никому не известный. Полностью с нуля.

Все дело в магии. Ее психологических ухабах. Ограничениях, порожденных сознанием. Когда-то волшебники составляли заклинания на древнем красивом языке – титановой речи. А потом титанову речь стали знать все. Сейчас на ней говорит весь мир. Сейчас мало кто даже помнит, что изначально это язык титанов – его называют просто парифатским языком.

И он перестал годиться для заклинаний. Какое же это заклинание, если все понимают его смысл? В нем нет никакой загадочности, а по телу не пробегает мистическая дрожь.

И магия не работает.

Чтобы решить эту проблему, Бриар и создал язык Каш. Исключительно для волшебства. В принципе не годящийся для обыденной беседы, совершенно иначе устроенный.

Но… теперь и язык Каш тоже знают все. Не обыватели,

конечно, но волшебники – все.

И теперь он тоже не так эффективен. Заклинания стали слабее. Все больше усилий приходится прилагать, чтобы они просто действовали как раньше.

Магия – довольно подлая вещь, которая требует таинственной атмосферы. Вычурных одежд и непонятных бормотаний. Чем она обыденней и доступней, тем больше в обществе чародеев, но и тем реже среди них встречаются по-настоящему великие. Волшебство из Искусства превращается в ремесло.

Так что этот новый язык Бриар держал в тайне ото всех и даже в определенном смысле от самого себя. Строго говоря, у него нет даже словаря. Бриар не стал придавать словам конкретные значения. Действовал по наитию, записывал звукосочетания так, как казалось правильным.

Может показаться, что это старая добрая методика абракадабры. Составление заклинаний с помощью заведомой бессмыслицы. Но это не совсем так. В заклинаниях Бриара смысл есть.

Просто их язык... его понимают только они сами.

Разумные заклинания. С собственным сознанием. Живущие в страницах, в чернилах... и одновременно не существующие вовсе. Бриар все сильнее радовался открывающимся возможностям. День за днем переносил на бумагу все чары, что знал сам... а знал он их удивительно много!

- Уруки тагета ша остопира, - произнес Бриар, держа лист бумаги и карандаш. – Закина дара торота. Ас Остраго Мальфет ирта бока. Зурути.

Карандаш исчез. Через несколько минут зеркало на стене засветилось, и в нем появилось седовласое морщинистое лицо.

- Испытываешь на мне новые заклинания? – спросил он.

- Почему ты так решил? – делано удивился Бриар.

- А кто еще мог прислать мне старый карандаш?

- Как всегда проницателен, - отметил Бриар. – Но это не новое заклинание, это просто Письмо.

- К чему, в таком случае? Я бы предположил, что тебе захотелось надо мной подшутить, но шутку ты мог придумать и поизящнее. В чем смысл?

- Испытываю новую методику. Не хочешь заглянуть на чашку какао?

- Почему бы и нет, - пожал плечами Остраго. – Как насчет завтра?

- К чему откладывать? Давай сегодня.

- Не успею, - заглянул в Книгу Тайн Остраго. – Портал в

Асвальтур через час, а мне еще сумку собрать и летадло вызвать. Портируюсь следующим, завтра.

- А еще ты можешь просто дать мне разрешение на призыв, - напомнил Бриар. – Я не буду использовать его без предупреждения, обещаю.

- Можно и так, конечно, - вздохнул Остраго.

Через минуту он стоял рядом с Бриаром и отряхивался. Остраго Мальфет, один из крупнейших философов Парифата, относился к тем опасливым людям, что не любят давать разрешение на призыв. Их нервирует знание того, что теперь тебя в любой момент могут сдернуть с места, перенести на другой конец света.

Конечно, разрешение можно в любой момент отозвать. Или просто не откликаться. Но это как-то невежливо. Сам разрешил, а теперь на попятную. Может быть, мы больше не друзья?

При этом сам Остраго призвать никого не мог, поскольку принадлежал к немогущим. Ему не подчинялись даже элементарнейшие заклинания, и приходилось обходиться артефактами.

- Так в чем там тонкость с этим Письмом? – спросил он, отхлебнув сотворенного Бриаром какао. – Даже мне известно, что это заклятие базисного уровня. Что нового ты в него принес?

- В само заклинание – ничего. Принес в способ применения.

Бриар показал Остраго стопку листов и объяснил, что это такое. Тот сразу заинтересовался.

- Я нужен тебе в качестве подопытного? – прищурился философ. – Хочешь проверить, сработает ли в руках немогущего?

- Нет, конечно! – делано возмутился Бриар. – Но если ты сам захочешь испытать – возражать не буду.

Остраго усмехнулся. Еще немного полистав страницы, он убедился, что заклинания тут только самые обычные, широко распространенные. Бриар оттачивал метод на пустяках, но постепенно двигался к более сложным чарам.

- Любопытно, - произнес Остраго, просмотрев страницы до конца. – А зачем такие подробные комментарии? Ты же и так знаешь, как что действует.

- Самому первому заклинанию уже четыре года, - ответил Бриар. – Суть я помню, конечно, но не слова-переменные. Мне так проще работать.

- И сколько всего ты уже создал заклинаний?.. где-то полсотни?.. Почему бы не сшить их в книгу?

- В книгу?.. – задумался Бриар. – Думаешь, нужно?..

- Но ты же не уделяешь каждому заклинанию отдельный лист. Они начинаются на одном, продолжаются на другом... сшей

их вместе. Будет неудобно, если перепутаются.

- Я стараюсь их структурировать, - показал Бриар. – Тут у меня элементаристика, тут – природное волшебство, тут – бытовые чары, тут – медицинская магия...

- Боевую не добавлял?

- Нет, пока только безвредное. Потом, возможно, обращусь и к боевой, и к психозрительской, и даже, может быть... впрочем, посмотрим. Возможно, это все-таки лишнее. А насчет книги... подумаю. Мысль интересная, но эта методика – просто промежуточный пункт. Я надеюсь с ее помощью дойти до универсального заклинания.

- И оно тоже будет действовать даже в руках немогущего? – внимательно посмотрел Остраго.

- В этом цель.

- А ты не слишком круто замахнулся, Бриар? Ты в самом деле надеешься дать каждому гражданину силу творить все, что пожелается?

- Почему бы и нет? Чем немогущие хуже одаренных?

- Я не о моральной стороне вопроса. Я о том, что это звучит несколько... фантастично. Прожектерски, я бы сказал.

- А вот это – не фантастично? – весело кивнул на стопку листов Бриар. – Смотри, сколько их. Возьми – и считай себя волшебником.

- У меня полно артефактов.

- Артефакты – вчерашний день. Мои заклинания – вечные. Им не нужна мана. Они работают сами от себя.

- А их можешь создавать только ты или и другие одаренные? – спросил Остраго.

- Честно говоря, не знаю, - смутился Бриар. – Понимаешь, дружище, мне самому это кажется очень простым, но...

- Ты владеешь многими заклинаниями, которые никто еще не сумел повторить, - спокойно напомнил Остраго.

- Виновен. Не стану зря скромничать. Но я попробую научить других создавать криабалы.

- Криабалы?..

- Я так называю эти живые заклинания.

- Подожди, не объясняй, - задумался Остраго. – Язык Каш называется так, потому что заклинания там начинаются с объекта применения, а слово «каш» у тебя там означает «колдующий». Соответственно, это самое распространенное начало. А здесь, полагаю... хм... можно снова посмотреть текстовки?..

Остраго несколько минут листал страницы криабалов, пытаясь найти там это слово. Бриар смотрел на это с озорным блеском в глазах.

- Хорошо, нет, - сдался Остраго. – Может, это термин из какого-то языка? У тебя есть лингва для Книги Тайн? Я свою дома оставил.

Бриар молча указал на полочку с мелочами, где рядом с часоведом, укалывателем, чернильным набором и бинтальными каплями лежала переливающаяся лингва. Остраго озарил свою Книгу Тайн и стал искать слово «криабал» по всем парифатским языкам – живым и мертвым.

В эльдуальяне такого не нашлось. И в старом эльдуальяне тоже. Не нашлось и в рупиане, на котором когда-то говорили перволюди и по сей день говорят в Человекии. И в драконьем не нашлось, и в языке великанов оксетунге, и в подгорном, и в тролльском, и в кобринском…

А в страбарском Остраго не стал даже искать – там вместо слов только гудение и пощелкивание.

- Паргоронский, возможно?.. – задумчиво произнес он. – Или сальванский?

- Ты идешь по ложному следу, предупреждаю, - насмешливо сказал Бриар.

- Литорея?.. – предположил Остраго. – Анаграмма?.. Цикадово бормотание?..

- Ты не догадаешься, - сжалился Бриар. – Это криптофазия.

- Криптофазия?.. – приподнял брови Остраго.

- Если помнишь, у меня был брат-близнец, Брокар. Когда мы были маленькими, у нас было что-то вроде собственного языка. Мы по-своему произносили обычные слова, коверкали их, искажали. Нам нравилось общаться на языке, который понимаем только мы двое. В общем-то, именно оттуда идут истоки моего языка Каш.

- И «криабал»…

- На нашем детском языке это означало «колдовать». Глагол, вообще-то, но в нашем языке он был многогранным. Означал и магию как общее понятие, и отдельные заклинания, и их носители – гримуары…

- Ты всегда любил лингвистику, - задумчиво кивнул Остраго.

- Да, мне нравилось выдумывать новые языки, - улыбнулся Бриар. – Да и сейчас нравится. Это чем-то сродни составлению заклинаний.

- Интересный проект, - согласился Остраго, кладя на стол стопку бумаги. – Я буду ждать с нетерпением, когда ты доведешь его до конца. Но раз уж я здесь, скажи… а наш прошлый разговор ты обдумал?

Бриар замолчал, и на лицо его набежала тень. Великий волшебник подошел к окну и несколько секунд стоял молча.

Вот его внимание привлек цветок в волосах прелестной девушки. В глазах сверкнули веселые искры, Бриар сделал быстрое движение – и цветок переместился ему в руку. Девушка вздрогнула, поискала взглядом – и Бриар привнес себя ее зрению. Их разделяла целая улица, но Ярлыки сместились, стали почти совсем рядом. Девушка шутливо погрозила пальцем, Бриар покаянно всплеснул руками – и цветок обернулся целым букетом, который он тут же и переместил обратно.

- Мне нравится этот город, - разомкнул уста волшебник, провожая взглядом изящную фигурку. – Тут очень красиво, Остраго. Круглый год тепло, но не жарко. Морской воздух. Красивые девушки. А ты видел, как цветут здесь каштаны?

- Видел. Я понимаю тебя, Бриар. Ты устал от политики.

- Устал, - честно признался Бриар.

- Хотя ты особо-то ей и не занимался никогда. Даже избегал, скорее.

- Если тебе вручили титул Всемогущего, выбора особого и нет, - сумрачно произнес Бриар. – Политика настигнет тебя – избегай ее или не избегай.

- И ты разочарован в демократии.

- Я не разочарован в ней. Я все еще считаю, что это хорошая система. Просто...

- Просто на практике она работает из рук вон плохо.

- Монархия работает еще хуже, - возразил Бриар. – До республики на Парифате были почти сплошь монархии. Империи. Кобринская империя, страбарская, арахнидская, эльфийская... Империю Крови мы с тобой сами помогли спровадить на тот свет.

- Моя помощь была не слишком значительной, - усмехнулся Остраго.

- Но ты же воевал.

- Просто в общих рядах, как простой солдат. Я ничего особенного не сделал, не был ранен и не получил наград. Я не убил Кровавого Князя и не разрушил Шепельд.

Бриар отвел взгляд. Иногда он стеснялся своих достижений. Становилось неловко от мысли, что почти все окружающие глядят на него снизу вверх, разинув рот. Видят в нем не живого человека, а мраморную статую, какой-то памятник самому себе.

- Все монархии доказали свою несостоятельность, - помолчав, сказал он. – Республика тоже далека от идеала, согласен, но это пока что лучшая система правления из нам известных.

- Не согласен, - покачал головой Остраго. – Я еще раз готов изложить тебе аргументы в пользу того, что лучшая система правления – абсолютная монархия.

- Кеннис... ты ведь его помнишь?..

- Но при одном условии! – вскинул палец Остраго. – Личность монарха. Во главе абсолютной монархии должен стоять индивид абсолютных достоинств. Он должен быть благ, мудр и справедлив, а кроме того – бессмертен и могущественен. При отсутствии одного из первых условий его правление будет ужасным. При отсутствии одного из вторых – конечным. Ибо даже самый достойный правитель рано или поздно умрет или будет свергнут.

- Я не такой индивид, Остраго, - устало ответил Бриар. – Я понимаю, к чему ты ведешь, но я... я не такой.

- Бриар, - терпеливо произнес философ. – Ты самый умный, честный и добрый среди моих знакомых... а у меня много знакомых, и среди них есть очень незаурядные! И ты величайший волшебник Парифата. Ты – самый очевидный кандидат.

- Мне не нужна власть. Я не хочу править.

- И это тоже делает тебя хорошим кандидатом. Тот, кто ищет власти, как правило, ее не достоин.

- Остраго, право же...

- Бриар, выслушай. Мне двести сорок лет. Ты на четверть века старше. При этом ты выглядишь всего лишь зрелым мужем, а я уже сед и мне все труднее просыпаться по утрам.

- Чепуха, ты еще крепок.

- Не надо, Бриар. Ты сам знаешь, что немогущие в среднем живут меньше одаренных. Если бы не эликсир, который я пью, от меня бы давно не осталось и праха. В то же время ты... как думаешь, сколько еще ты проживешь?

Бриар пожал плечами. Честно говоря, он вообще не собирался стареть. Даже легкая проседь в его волосах была больше частью стиля. Ему нравились эти пряди, белое на черном.

- У тебя впереди полно времени, Бриар. А у меня нет. Возможно, я протяну еще лет тридцать, хотя дозу эликсира и приходится постоянно увеличивать. А возможно, уже через год-другой мою мумию уложат в гробницу. Я хочу увидеть перед смертью новый Парифат, Бриар. Лучше, чем нынешний.

- Ты так сильно веришь в меня? – растерянно спросил Бриар.

- Мои родители были беженцами из Империи Крови. Они жили под тиранией царя вампиров. Небо Мирандии круглый год было застлано тучами, Бриар. А ты это изменил. Не в одиночку, я знаю. Но посмотри правде в глаза – если не ты, то кто? Ты видишь кого-то лучше? Я – нет.

Бриар отстучал пальцами барабанную дробь. Остраго был искренен, он это чувствовал. Бриар не заглядывал в чужие умы без прямой просьбы, но поверхностный слой эмоций читал даже помимо своей воли.

И сейчас он слышал в речах Остраго искреннее желание убедить. Старому философу в самом деле хотелось изменить Парифат. Не так, как хотел изменить его сам Бриар, не с помощью волшебного прогресса, а реформировать саму социальную структуру.

И во многом это перекликалось и с мыслями самого Бриара. Ему тоже иногда приходило в голову, что лучшим решением было бы просто взять все в свои руки. Он же прекрасно видел, насколько случайные и недалекие люди заседают порой в сенате. Помнил их неразумные решения – в том числе те, что едва не привели к гибели республики.

Причем Бриар всегда понимал их неразумность еще в самом начале. Ему это было очевидно. Он каждый раз с уверенностью мог сказать – это ошибка, надо действовать иначе. И его ужасно удивляло, что кроме него этого никто не замечает.

Может, и в самом деле будет лучше, если он сам начнет принимать такие решения.

- Ты убедил меня, мой друг, - произнес Бриар. – Но теперь осталось убедить республику. Это не обещает быть простым и быстрым делом.

- Дорога длиной в тысячу вспашек начинается с одного шага, - ответил Остраго. – Главное – сделать этот шаг.

Глава 11

Танзен и Массено шли по улице Алхимиков. Одной из самых длинных улиц Валестры, столицы Мистерии. По сторонам толком не глядели – Танзен знал город, как свои пять пальцев, а Массено вполне налюбовался на достопримечательности в прошлое посещение. Танзен был в своей форме №50 (сорокалетний человек), Массено – в багровой рясе и повязке на глазах.

Отсюда, с Мистерии, расследование предложил начать Танзен. То есть, да, теперь они знают, что источник Тьмы Антикатисто – Хиард... но в Хиард просто так не нагрянешь и не спросишь. Возможно, проще попасть на луну, чем в эту тюрьму для бессмертных.

Остается искать ответы в прошлом. И в городе Мухзаза, родине Антикатисто, Массено уже побывал, ничего там не найдя. За столько веков от самого города-то осталось немного.

Что же до башни Антикатисто, то она ответов дала множество, но больше не даст ни одного. Да и к тому же она разрушена до основания самим же Антикатисто.

А вот в Мистерии... Радож Токхабаяж здесь учился. Здесь прожил много лет. Здесь стал магистром и профессором, а потом одну за другой получал премии Бриара всех трех степеней. Мистерия – настоящее сердце парифатского волшебства.

И теперь, когда они получили новую информацию, следует снова ее навестить.

Вчера Массено побывал у Танзена в гостях. Волшебнику требовалось прихватить какие-то вещицы. Монах с удовольствием познакомился с его престарелой матушкой и двумя доброжелательными горничными, а на следующее утро вернулся в Валестру верхом на виверне. Именно такое обличье приобрел агент Кустодиана, чтобы сократить путь.

- Хотите заглянуть в музей? – предложил Танзен, указывая на вывеску. – Там есть стенд, посвященный нашему общему знакомому.

- Стенд Антикатисто? – удивился Массено.

- Да, он ведь важная часть нашей истории. Не то чтобы там было что-то, чего мы не знаем, но, знаете, иногда полезно взглянуть на очевидное свежим взглядом. Вы ведь не бывали в нашем научно-историческом музее?

- Не довелось.

- О, это интересно. И по утрам там обычно немного

посетителей.

Посетителей и впрямь было немного. В огромном зале сидел один-единственный человек – пожилая билетерша. Она мазнула быстрым взглядом по Танзену, распознала в нем гражданина Мистерии и денег не спросила. Мазнула таким же по Массено, распознала гостя страны и предложила купить билет.

- Какое просторное здание, - вежливо прокомментировал монах. – Снаружи оно таким не казалось.

В музее Массено видел почти так же странно, как в библиотеке Клеверного Ансамбля. Пространство преломлялось, двоилось и троилось. Солнечное Зрение порой пасовало перед хитросплетениями чародеев-зодчих.

Но многочисленные картины и статуи это рассматривать не мешало. Крупнейший музей Мистерии собрал немыслимых размеров коллекцию экспонатов. Здесь были как образцы современного искусства, так и очень древние, еще времен Парифатской империи.

Эти последние отличались монументальностью. Большая часть творений имперских скульпторов сгинула в пучине тысячелетий – до наших дней дожили только самые прочные, закаленные специальными чарами. Нержавеющие сплавы, особый чародейский камень и вещество, чей секрет поныне не раскрыт – архитектурный кристалл. В империи из него делали в основном элементы декора, но здания, наверное, выглядели потрясающе.

Остатки той старой архитектуры можно увидеть в каменных порталах и мертвых городах. Ее до сих пор хранит величественный Реликтаун. Но сейчас так строить не умеют. Даже волшебники Мистерии, вернувшие из небытия многие забытые знания.

Были в музее и природные диковины. Чучела и скелеты редких зверей, образцы минералов и совсем загадочные предметы, что разыскивают по всему миру агенты Тезароквадики.

- Взгляните, это любопытно, - остановился перед большим стендом Танзен. – Остановленные стихии.

Массено чуть повернул угол зрения и с интересом рассмотрел ряды полок. Там застыли в неподвижности языки пламени, порывы ветра, слепящие молнии. Пойманные в поле застывшего времени, они навечно замерли здесь, на обозрении зевак.

Перед этим стендом публики было побольше, чем перед другими. Галдела группа детей, записывали что-то в книжечки студенты, стояла разинув рот престарелая пара паломников. Они часто посещают Мистерию, хоть этот остров и не может похвастаться святыми местами.

Многие сейчас, увы, совершают паломничества не ради

поклонения реликвиям, не ради приобщения к сакральному, а просто так. Поглазеть на достопримечательности, послушать байки ушлых проводников, привезти друзьям подарки из далеких краев. Для этих целей Мистерия подходит не хуже, а в чем-то и лучше большинства святых мест.

Чего-чего, а достопримечательностей и подарков в этой стране хоть отбавляй.

- У этого стенда всегда полно народу, - прокомментировал Танзен. – Вон тех троих видите? Молодые метаморфы. Подыскивают себе новые формы.

- Молнии и огонь?.. – переспросил Массено.

- Ну да. Самый доступный способ снять с них матрицу. Я сам взял тут формы №96 и №97. Удобно же.

Стенд, посвященный Антикатисто, Танзен и Массено нашли в зале лауреатов премии Бриара. Точнее, таких залов в музее оказалось целых три – для третьей, второй и первой степеней.

У лауреатов третьей степени были даже не стенды, а крохотные полочки. Бюст, пара личных вещей и табличка с датами жизни и основными фактами. Неудивительно – ведь третью степень вручают каждый год, так что бюстов накопилось уже полторы тысячи. И этот зал был двухэтажным, с шеренгами стеллажей, как в библиотеке.

Лауреаты второй степени чувствовали себя вольготнее, занимая уже целые отделения. Их-то в десять раз меньше... точнее, в девять. Ведь вторую степень присваивают кому-то из обладателей третьей.

Ну а каждому лауреату первой степени выделили по сути отдельную комнатку. Пятнадцать штук – со статуей в полный рост, с подробной биографией, со множеством экспонатов.

Массено прогуливался по залу, читая имена мертвых и живых волшебников. Эльфийская дева Галлерия Лискардерасс – первая лауреатка премии Бриара первой степени. Карликовый тролль Данду, ставший первым председателем ученого совета. Инкромодох Мазетти, что обитает сейчас в библиотеке Клеверного Ансамбля. Трагично скончавшаяся Плезия Лиадонни. Бесподобная Ма Нери, вторая председательница ученого совета. Прандаксенгид, великан-отшельник, живущий сейчас где-то за облаками. Ордор Бецалли, третий председатель ученого совета, который ценой собственной жизни уничтожил Антикатисто. Радож Токхабаяж, которого все знают под другим именем. Лазурный дракон Уль-Шаам, четвертый председатель ученого совета. Освельдек Арминатти, пятый председатель ученого совета. Аристинда, покойная супруга Бельзедора. Огр Ябудаг, один из самых страшных магиозов в истории. Зодер Локателли,

нынешний председатель ученого совета. Медариэн, величайший из добрых волшебников. Полудракон Хаштубал Огнерукий, сильнейший боевой маг.

- А когда объявят шестнадцатого? – с любопытством спросил монах.

- Через двадцать лет, - ответил Танзен. – В тридцать восьмом году.

- И кого именно? У вас есть предположения?

- У всех есть, - хмыкнул Танзен. – Имена следующих лауреатов – это самая благодатная тема для обсуждений. Даже насчет третьих и вторых степеней спорят иногда до хрипоты. А уж первая степень... я еще в институте обсуждал это с соучениками, святой отец. А это было полвека назад, когда до следующего многие еще не знали, доживут ли. Ну а сейчас, когда осталось уже не так долго...

- Так все-таки?

- Сложно сказать, - подумав, сказал Танзен. – Это будет обладатель второй степени. Скорее всего, кто-то из уже получивших. Хотя вторую степень еще будут выдавать в следующем году и в двадцать восьмом – у них тоже будет шанс. Но если из уже получивших... нет, сложно сказать. Даректы, Ганцара, Чу, Альянетти... кто-то из них, наверное. Сейчас среди кандидатов нет кого-то, на голову превосходящего остальных, так что выбирать будут долго и трудно. Вот если бы Россильяни не сошел с ума, или Яркен не поставил себя вне закона... безумцам и магиозам премий не вручают, как вы понимаете.

- Сумасшедший гений Бельзедора... мэтр Курдамоль. Как вы считаете, он бы получил такую премию? Если забыть о том, что он... ну... безумец и магиоз одновременно.

- Наверняка, - без сомнений ответил Танзен. – Курдамоль Адорази – один из самых одаренных волшебников-исследователей. У него бы наверняка уже была третья степень. Насчет второй вот не уверен.

- Почему он вообще стал работать на Темного Властелина? – задумался Массено. – Он не очень похож на злодея.

- А вы видели его исследования, святой отец? Среди волшебников нередки такие, кому знания важнее законов. Им кажется, что Мистерия заключает их в слишком жесткие рамки – и они ее покидают. Многие из них находят приют у Бельзедора – и это еще относительно безобидный вариант, скажу я вам. Потому что альтернатива... альтернатива вот.

Танзен и Массено стояли у стенда Токхабаяжа, восьмого лауреата премии Бриара первой степени. Здесь высилась его статуя – того, каким он был при жизни. Заурядного довольно

мужчины среднего роста и средних лет – смуглого, горбоносого, с высоким лбом и редкими волосами. В самой обычной одежде, в самой обычной обуви. Без посоха, без шляпы, без каких-либо иных аксессуаров.

Встретишь такого на улице – скользнешь равнодушным взглядом и тут же забудешь. Даже не подумаешь, что мимо прошел будущий Антикатисто.

Конечно, ничего нового они здесь не узнали. Массено уже видел портрет Токхабаяжа и читал его биографию. Даже несколько биографий. Но все же ознакомиться с его стендом в музее тоже оказалось нелишним.

Монах смотрел на его инструменты и личные вещи, на старую тунику, сандалии и набор для маноры, и размышлял о том, что ведь когда-то это существо было нормальным человеком. Талантливым волшебником. Исследователем. Искателем нового.

Смотрел – и пытался понять, что его побудило стать таким. Что заставило объявить войну всему волшебному миру. Почему он с таким маниакальным упорством это делает, что даже сумел возродиться из мертвых. И не единожды, а дважды. Или даже трижды, если верна теория Медариэна.

Очень важно понять побуждения того, с кем сражаешься. Главные враги солнцегляда – создания, что боятся лучей Золотой Императрицы. Ночные твари. Нечисть. Восставшие трупы. Злые духи. Но даже среди тех, чьи души отравлены Тьмой, не бывает таких, что злы просто потому, что злы. Даже самыми ужасными существами движут какие-то чувства или помыслы.

Одни голодны и стремятся этот голод утолить. Другие обезумели и слепо разрушают все на своем пути. Третьи претерпели некую обиду и охвачены мстительной ненавистью. Четвертые имеют прибыль с бессмертной души и жаждут эту душу заполучить. Пятые извратились настолько, что испытывают удовольствие от чужих страданий.

А что движет Антикатисто?

Здесь, на стенде, об этом ничего не сообщалось. Да и вообще он был посвящен больше смертной жизни волшебника Токхабаяжа, а о том, кем тот стал, впрямую даже не говорилось. У чужестранного паломника вполне могло создаться впечатление, что сей ученый муж был не более чем талантливым чародеем-изыскателем, который просто совершил к концу жизни некоторую оплошность, за которую коллеги его дружески пожурили.

Подробности же... они оставались за кулисами.

- У нас не любят выливать помои из окон, - кисло заметил Танзен, смотревший на тот же стенд. – В этом музее часто бывают дети и иностранцы. Не нужно им знать, как иногда заканчивают

волшебники. Ябудаг, Аристинда, даже Лиадонни... заметьте, как изящно в их биографиях обойдены неудобные моменты.

- До недавнего времени я даже не подозревал о том, что Антикатисто когда-то существовал, - согласился Массено. – Хотя, кажется, это не тайна. Мэтр Мазетти выдал мне множество книг о нем...

- Не тайна, конечно, - отвел взгляд Танзен. – Просто мы это не афишируем. Не хочется вспоминать лишний раз, знаете ли. Наверняка и в истории церкви есть эпизоды, которые вы предпочитаете не ворошить...

Массено ничего не ответил, но его молчание было красноречивей любых слов.

- Вот видите, - криво усмехнулся Танзен. – Мы не такие уж разные.

- Я никогда и не утверждал, что мы разные, мэтр.

- Конкретно вы, может, и не утверждали...

Мимо прошла группа школьников, и Танзен смолк. Дети остановились у соседнего стенда – Уль-Шаама, великого волшебника-дракона. Его статуя и впрямь была зрелищней всех – почти до потолка, с лазурной чешуей, ветвистыми рогами и длиннющими сомовьими усами. Бывший волшебник Радож Токхабаяж рядом с ней совершенно терялся.

- Пойдемте, - негромко предложил Танзен. – Вряд ли мы здесь что-нибудь почерпнем.

- Одну минуточку, - попросил Массено, опуская точку зрения и немного поворачивая угол. – Вот эти украшения... что это?

- Где?.. – переспросил Танзен. – А, это просто медальоны, которые вручают лауреатам премии Бриара. Медный и серебряный – за третью и вторую степени. Золотой пропал, когда Токхабаяж стал Антикатисто.

- То есть он носил только золотой?

- А все три никто не носит. Лауреаты второй степени ограничиваются серебряным, первой – золотым.

- Это просто памятные знаки или в них есть что-то особенное?

- Сейчас – просто украшения. Если в этих медальонах и есть какая-то магия, она исчезает после смерти владельца или получения им более высокой премии. Возможно, в них и изначально нет никакой магии, возможно, это просто памятный знак. Что-то вроде вашего кулона нунция.

Массено невольно коснулся священной пайцзы под рясой.

- Любопытно, - произнес он. – А нет ли какого-нибудь способа найти этот пропавший золотой медальон? Или хотя бы узнать, цел ли он все еще?

- Нету, - усмехнулся Танзен. – Наши историки из Тезароквадики за эти медальоны готовы собственные уши отдать. Даже за медные. А уж за золотые… если когда-нибудь найдете один из пропавших золотых медальонов, получите кучу орбов, святой отец.

- А что, их много пропало?

- Три. Еще пять по-прежнему носят владельцы и шесть здесь, в музее.

- А пятнадцатый? – быстро сосчитал Массено.

- Медальон Аристинды у Темного Властелина. Она же была его женой, вы знаете? После ее смерти он забрал его и отказался отдавать. Агенты Тезароквадики несколько раз пытались его выкрасть, но тщетно.

- Удивительное дело, - задумчиво кивнул Массено. – Выходит, Бельзедору тоже не чужды человеческие чувства.

- Не чужды… когда он не пытается разрушить Клеверный Ансамбль, - передернуло Танзена. – Я же вам рассказывал, святой отец? Кстати, его стенд здесь тоже есть, хотите взглянуть?

- Почту за великое удовольствие, мэтр.

Стенд Бельзедора располагался в другой секции… собственно, носящей его имя. Она была посвящена всей Империи Зла, ее истории, но называлась: «Бельзедор. Как с ним бороться».

Конечно, сюда Массено зашел уже из чистого любопытства. В Империи Зла он до недавнего времени не бывал, но знать о ней знал многое. Чрезвычайно богатая нечистой силой, эта страна всегда привлекала внимание солнцеглядов. Собратьев Массено там встретить не в диковину.

Но самого Бельзедора солнечные монахи истребить не пытаются. Ранее пытались, Массено о том знал, но не преуспели. Темный Властелин по природе своей не оказался созданием Тьмы, и Солнечное Зрение его не сразило.

- Антикатисто победил Бельзедора, - произнес Массено. – Убил его. Причем неоднократно, если верить словам Темного Властелина. Однако он по-прежнему жив и здоров. Какими же средствами с ним борются волшебники?

- О, всевозможными, - ухмыльнулся Танзен. – Вы знаете, одно время в Кустодиане был целый отдел по борьбе с ним. Потом его сократили за явной безрезультатностью, но просуществовал он долго.

- И что же, они не нашли способа его убить?

- Почему, нашли. Множество. Целую картотеку составили. В общем-то, это совсем не сложно сделать, если предварительно уничтожить его Артефакт Силы. Без него Бельзедор ослабевает и становится уязвим. Его класс опасности ПОСС снижается с

двадцатого до... до весьма умеренного. После этого его неоднократно убивали самые обычные люди, иногда не особо-то и хорошие бойцы. Крестьяне, пастухи... даже дети пару раз. Школяры. Главная проблема в том, что спустя какое-то время он возрождается из мертвых. Каждый раз. Возрождается – и очень быстро обзаводится новым Артефактом Силы.

- И ничего нельзя сделать?

- Мы так и не сумели расшифровать механизм его возрождения, - честно признался Танзен. – И принципы действия Артефакта Силы тоже. Мы даже не выяснили, сам он возвращается к жизни или его оживляют приспешники. Его управляющий сказал, что они воскресили его кровью слуги, плотью отца... не помню, чем еще, но он явно врал.

- Почему вы так уверены, мэтр?

- А вы ему верите?

- Не слишком сильно, но должна же быть какая-то причина, чтобы обвинять индивида во лжи. Нельзя делать это просто руководствуясь той логикой, что раз он служит злу, то обязан лгать каждой своей фразой.

- Справедливо, - согласился Танзен. – Я... не знаю, просто чутье. Я же агент Кустодиана, я умею распознавать ложь... хотя не с такими существами, конечно... Вы вот поняли, кто этот управляющий?

- Печати Тьмы на нем не было, - сказал Массено. – Я бы заметил. Он либо человек, либо нечто, с чем я раньше не сталкивался.

- Вот и я тоже не понял. Но он очень древний, так что точно не обычный человек. Возможно, именно в нем и кроется секрет возрождения Бельзедора... раньше я даже подозревал, что этот управляющий – и есть подлинный Темный Властелин, а тот, кого им считают, просто подставная фигура, которую меняют после каждой «гибели». Какой-нибудь тролль в черных доспехах.

- Больше вы так не думаете?

- Нет, я понял ошибку, как только увидел Бельзедора своими глазами, - слабо улыбнулся Танзен. – Он настоящий. Не знаю уж, что творится внутри его черепа, но он настоящий. И тоже очень-очень древний.

- Он ведь волшебник, верно? – спросил Массено. – Черный чародей?

- Он отлично умеет колдовать, это бесспорно. Но вообще он не волшебник... не в первую очередь. Или, по крайней мере, волшебник домистерийский. Собственно, без Бельзедора Мистерия и вовсе могла не возникнуть...

- В самом деле? – удивился Массено. – Почему же?

- А вы не знаете эту историю, святой отец? – обернулся Танзен. – Ну как же. Две с половиной тысячи лет назад Бельзедор пытался захватить весь мир. Не слышали?

- Насколько я знаю, он все время пытается это сделать, - вежливо заметил Массено.

- Да, но в тот раз он был особенно к этому близок. Ну вы же знаете, нет?..

- Кажется, это было на уроках древней истории, но детали из моей памяти истерлись. Не освежите ли?

- С удовольствием. Бельзедор хотел завоевать мир. Весь. И начал он с того же, чем сейчас занимается Антикатисто – с истребления волшебников. Они были единственными, кто мог ему противостоять. Но в те времена волшебники были разобщены. Их было гораздо меньше, чем сейчас, они были рассеяны по всему миру, многие были весьма могущественны, некоторые правили целыми странами и народами... но они были разобщены. Более того – они сами постоянно воевали друг с другом. И Бельзедор стал расправляться с ними поодиночке. Убивал одного за другим – и поодиночке они ничего не могли ему сделать. Да и мелкими группами тоже.

- И они объединились? – предположил Массено.

- Это было единственным выходом. На острове Мистерия в то время уже существовало что-то вроде общины волшебников. Здесь же когда-то располагался магический центр Парифатской империи, вы знаете? Сам остров получил название от какой-то древней волшебной школы. Поэтому именно здесь стоит один из трех улучшенных порталов, которым не нужна точка выхода. И поэтому именно сюда стали стекаться волшебники со всего мира. Сбиваться вокруг единственного тогда университета – Мистегральда. Кстати, и Бурый Криабал попал в Мистерию именно тогда – его принес один из беглецов. Мистерия в кратчайшие сроки превратилась в настоящую магическую крепость – волшебники собирали все силы в кулак, готовясь держать оборону против Бельзедора.

- И тот напал?

- Нет, - довольно ухмыльнулся Танзен. – Он совершил ошибку. Не заметил вовремя, что волшебники создают союз, продолжал истреблять тех, кто не присоединился. Поодиночке. А к тому моменту, когда неприсоединившиеся закончились, Мистерия уже накопила такую силу, что Бельзедор просто не посмел на нас нападать. Понял, что ему не победить. Так волшебники поняли, что в единстве – сила.

- Верно ли я понимаю, что в Мистерии эту историю знают даже маленькие дети? – уточнил Массено.

- Да, она одна из первых в «Хрестоматии для юных волшебников». Я, конечно, изложил только краткое содержание, вы понимаете. Но это реальное историческое событие. И с тех самых пор в день Медного Осьминога Мистерия отмечает День Волшебного Единства. Общенародный праздник, между прочим.

- Непременно поздравлю вас с ним, если к тому времени мы еще будем действовать вместе. Но что же, собравшиеся в Мистерии волшебники так здесь и остались?

- Поначалу они сидели здесь, как в осажденной крепости, со дня на день ожидая прихода Бельзедора. Но это ожидание нападения так затянулось, что успело смениться целое поколение. Для детей беглецов Мистерия была уже родным домом, они не собирались никуда уезжать. Со временем волшебники перестали ждать войны и начали просто жить. Установилось что-то вроде негласного соглашения: Бельзедор не трогает Мистерию – волшебники не трогают Империю Зла.

- Но волшебники по-прежнему часто встревают в дела Империи Зла, - напомнил Массено. – Добрый волшебник Медариэн…

- Бельзедор тоже встревает, - перебил Танзен. – Он постоянно засылает к нам своих агентов Зла, а изредка является и лично. Его Легионы Страха стабильно раз в столетие пробуют нас на прочность. Он все надеется, что мы ослабнем.

- Но сейчас мы союзники с этим чудовищем.

- Временные. И ненадежные. Антикатисто – враг более страшный, поэтому мы примем помощь темного лорда. Но я бы на вашем месте ни на миг не терял бдительности, святой отец. Это все-таки Бельзедор.

Просветившись насчет основания Мистерии, брат Массено стал как-то по-новому смотреть на эту страну. Конечно, он всегда знал, что остров волшебников – место особенное, во многом даже уникальное, но прежде это знание было несколько отвлеченным. А теперь, выйдя из музея, он смотрел на здания, на прохожих и понимал: вот, предки этих людей когда-то сбились в кучку, ища убежище, но из великой беды выросла великая держава.

Странная она, конечно, Мистерия. Необычная. Даже экономическая система здесь словно перевернута с ног на голову. Во всем мире большая часть населения – трудники. Пахари, пастухи, рыбари, мастеровые. Простые индивиды, что растят хлеб, пасут скот, ловят рыбу, кладут кирпичи. Всякое войско состоит в основном из рядовых воинов.

А здесь наоборот. Все завязано на волшебстве. Один-единственный великий маг заменяет целое крестьянское село, целую артель каменщиков, целую рать копейщиков. Один-

единственный великий маг способен прокормить, одеть и защитить множество ртов. Всякую черную работу здесь делают вообще не люди, а нежить, големы, разные духи и тому подобные волшебные существа.

Поэтому Мистерия издревле привлекала любителей пожить за чужой счет. Многим кажется, что здесь можно существовать на всем готовом, под боком у добрых чародеев. Но это не так. Мистерия не любит прихлебателей и бездельников. Их монеты, орбы – это самые тяжелые и дорогие монеты в мире. Потому что и цены тут самые высокие в мире. Даже многие волшебники предпочитают покидать Мистерию и искать счастья в чужедальних королевствах – поскольку не могут заработать здесь на жизнь.

Что уж говорить о тех, кто колдовать не умеет?

Конечно, многие все-таки находят тут себе место. Занимаются торговлей, обслуживают и развлекают. Есть целая организация магохранителей – элитных воинов, охраняющих тех чародеев, что не уделяли внимания защитному волшебству. Универсальных магов не бывает – многим нужны лакеи, повара, возницы. Их дети нуждаются в нянях, учителях. Жалованья в Мистерии такие же высокие, как и цены, и если ты владеешь полезным здесь навыком – прокормиться сможешь.

Но лодыри тут долго не протягивают.

Поэтому Массено особенно удивился, увидев шествие «двадцать седьмых». Предвестники этого нерожденного божества шагали по улице, улыбаясь прохожим – а те хоть и смотрели без приязни, но не тревожились, стражу не звали.

- Это же культ Двадцать Седьмого, мэтр, - с недоумением произнес Массено.

- Они, верочумцы, - рассеянно ответил Танзен, изучая вывески. – Я уверен, что она была где-то здесь...

- Но разве у вас им позволено проповедовать свое учение?

- Позволено, - без энтузиазма ответил Танзен. – У нас разрешены любые культы, в том числе и ваш.

- Это несколько...

- Простите, не хотел обидеть, - спохватился Танзен. – Я просто имею в виду, что мы не придаем этому значения. Пока вы не причиняете никому вреда – можете поклоняться кому хотите.

- Но «двадцать седьмые»...

- От них много хлопот, - признал Танзен. – Я сам с ними дела не имел, но вообще для Кустодиана они головная боль. Все время творят какую-то кирню. Но сама принадлежность к «двадцать седьмым» не противозаконна, наказываем только виновных в чем-то конкретном. Говорят, даже их лидер проживает где-то в

Мистерии, но это неподтвержденные слухи... а, вот она!

Массено и Танзен стояли перед темно-фиолетовым зданием в форме причудливого конуса. Как будто расплывшийся цилиндр увенчали высокой ведьминской шляпой. Зажатый с двух сторон более высокими зданиями, он действительно не сразу бросался в глаза, да и вывески на дверях не было – висел только странный знак, похожий на дымящийся череп.

- Зайдем, святой отец? – предложил Танзен. – Ненадолго.

- А что это за место?

- Духоводческая контора. Хочу побеседовать со старыми друзьями.

- Называйся это место как-то иначе, я бы предположил, что они тут работают, но в данном случае... они мертвы, не так ли?

- К сожалению, - мрачно ответил Танзен. – Их убил Антикатисто.

Глава 12

Плацента, насвистывая, шагал по улице. В городе Бриарогене ему почти что нравилось. Конечно, тут полно всяких мразей и нужно постоянно приглядывать за кошельком, зато дышится как-то... вольготнее. Нечего опасаться, что если тебя застукают за честным мастерством щипача, то отправят на виселицу. Схватят за руку – будешь иметь дело с тем, кому залез в карман. И тут уж на чьей стороне удача – ты его или он тебя.

Так гораздо правильнее. Справедливее. Кто ловчее, тот и живет дальше. А если неуклюжий дурак – ну кто тебе виноват-то? Не будь таким.

Еще Плаценте очень нравилось, что в Бриарогене почти нет растений. Он не видел никакой нужды в этих бесполезных штуках, торчащих из земли. Дома, в убогом городишке Пайнк, их норовили воткнуть на каждый свободный пятачок, хотя большую часть года они даже не были одеты в листву. В Эрдезии холодно.

Но нет же. Отец Суйм, прозванный Бешеным Святошей, никому не позволял рубить эти кировы деревья. Даже когда люди мерзли, даже когда не имели дров, чтобы приготовить похлебку, - запрещал. Деревья были ему дороже людей. Этому гнойному ублюдскому старику с его гнойными ублюдскими проповедями.

Хотя кое-что все-таки и в Бриарогене тоже росло. Какое-то уродское дерьмо с шипами. Но его, кажется, никто не сажал и даже пытались вырубать – хотя и без особого успеха. Дерьмо шипело, извивалось и отнимало топоры.

Плацента с интересом остановился поодаль и стал смотреть на одного такого дровосека. Похоже, шипастое дерьмо выросло прямо рядом с его домом – и либо оно сделало это очень быстро, либо дровосек был редким чечпоком и не обращал ни на что внимания, пока ему не постучали в окно. Теперь он наскакивал на шипастое дерьмо, махал топором, орал... потом лишился топора и пугливо отскочил.

Но далеко не ушел. Чуток поразмыслив, бедолага набрал камней и принялся кидаться ими... но тоже зря. Дерьмо ловко ловило их на лету и бросало обратно – причем куда точнее. Второй же камень угодил дровосеку точно в лоб, и тот упал без сознания.

Плацента подбежал и сделал то, что сделал бы на его месте любой – принялся шарить по карманам. Но не успел он еще ничего там найти, как раздались крики, свист, звон

колокольчика.

- А ну, стоять, ворюга! – донесся гневный рев. – Ах ты!..

Плацента вскинулся, выхватил двуручный кинжал – но ему в лицо уже летела тяжелая дубинка. Тролль в медных доспехах накинулся на полугоблина – и тот едва успел отпрыгнуть назад. Там его чуть было не схватило шипастое дерьмо – но и от него Плацента ускользнул.

Тем временем тролль наклонился и сам стал обшаривать карманы дровосека. Плацента попытался его пырнуть, но тролль резко обернулся и погрозил огромным кулачищем. Оценив мозоли на его костяшках, полугоблин решил не искушать судьбу.

Тем более, что его не за этим послали. Жирный жрец и остальные придурки попросили его сходить к условленному месту. Сами-то испугались соваться в трущобы Бриарогена. Решили, что глупо лезть в кадушку с помоями, если можно макнуть туда полугоблина.

Ну и пошли они в анналы. Плацента даже и не возражал – его только порадовало, что он хоть пару часов не будет видеть их тупых рож. Он бы вообще предпочел свалить куда-нибудь подальше, но его заинтересовала награда, обещанная лордом Бельзедором. Сумму не назвали, правда, но Плацента лучше всех знал, что если сумму не называют – она точно не разочарует.

Ну или лорд Бельзедор вообще не собирается им платить, а просто убьет потом всех четверых. Плацента бы на его месте так и поступил. Но то Плацента, а то Темный Властелин. Ему служат блеваные миллионы таких, как Плацента. И если он содержит такую тьму никчемных уродов – почему бы ему не содержать и еще нескольких?

Придя к такому умозаключению, Плацента свернул за угол и медленно пошел вдоль биржи уличных извозчиков. Десятки их скучали здесь на козлах, а еще несколько карет просто стояли пусты. Из одной выволакивали труп.

Но вообще-то оставлять в Бриарогене карету без присмотра – не очень умно. Конокрады не дремлют. Прямо на глазах Плаценты к еще одной карете подкрался подозрительный тип в маске и с приклеенными усами, уселся на облучок, взялся за вожжи... и лошади обернулись к нему с кровожадным оскалом.

А карета тут же исказилась, вытянулась... и как будто сглотнула конокрада. Просто слизнула деревянным языком. Тот не успел даже вскрикнуть.

- Хе-хе, - произнес Плацента, подходя к вехоту. – Хе-хе.

- Какие новости? – спросил демон-возница. – Вас долго не было. Я уже думал, что вы сгинули.

- Не, мы живые пока что. Все. Ты хорошо, что нас не бросил.

- Да вообще-то, я тут просто кормлюсь, - равнодушно ответил вехот. – Это большой город, где много сомнительных личностей, которых никто не хватится. Это уже третий конокрад за сегодня.

- Смотри не разжирей, тля, - сплюнул Плацента. – А то летать не сможешь.

Что конокрады пытались украсть именно вехота – полугоблин не удивился. Демон замаскировался под дорогую карету, золоченую. Коней соорудил породистых, холеных. И даже как-то соблазнительно поскрипывал дверцей. Вот, мол, забыли растяпы запереть, только и ждет добыча нового хозяина.

Возможно, ему попадались не только конокрады, но и просто воры. Те, что залезали в карету в поисках оставленных вещей. Но Плацента не стал расспрашивать. Только сделал мысленно отметку – впредь заговаривать с лошадьми перед тем, как залезать в чужие повозки.

Вехот без особого удивления принял известие о том, что теперь они работают на Темного Властелина. Но сразу же задал резонный вопрос – а как изменится его вознаграждение? Он вступил в концессию на равных правах с остальными, ожидая получить двадцать процентов от добычи – полностью собранного Криабала. Что он получит теперь?

- Если все пройдет гладко – то же самое и получишь, - пообещал Плацента, мерзко ухмыляясь. – Мы со святошей и Джи-Джи обкашляли. Они там пусть дерутся с этой черной кирней, если им хочется, а мы под шумок приберем Криабалы, тля.

- А если не удастся?

- А у нас с самого начала не браакх торргхе прогулка была! – окрысился Плацента. – Не хочешь дальше нас возить – вали на кир и в норку, кишка блеваная!

- Почему за мной послали именно тебя? – прищурился вехот, превращаясь в ездового осла. Так он выглядел менее подозрительно рядом с грязным полугоблином.

- Потому что я ярыть какой облеванный дипломат, - сплюнул Плацента. – По мне не видно, тля?

- Что облеванный – видно. Насчет дипломата не знаю.

- Я, вообще-то, мозг нашей операции, тля, - фыркнул Плацента. – Интеллектуальный лидер.

- В самом деле?.. – с иронией спросил вехот.

- Да без меня бы всего этого вообще бы не было! Ты вот знаешь, кто уговорил тупого брыых варвара не продавать ту блеваную бумажку?! Я, тля! И с Джи-Джи его тоже свел я! И из подземелья всех спас я! Я – главный герой этой истории! Я в центре событий!

И вся награда тоже должна достаться ему. Так Плацента

подумал, но вслух говорить не стал.

Остальные искатели Криабала очень обрадовались вехоту. Они на самом деле не особо-то и рассчитывали, что тот их все еще ждет – просто послали Плаценту проверить на всякий случай. Джиданна была абсолютно уверена, что вехот давно улетел, и полугоблин тоже сбежит, едва окажется наедине сам с собой... но против этого она ничуть не возражала.

Но нет, вернулись оба. Удивительно... и чуточку разочаровывает.

- О, как же мы все счастливы видеть тебя в добром здравии, благородный зверь! – раскинул объятия Дрекозиус. – Я ведь не ошибаюсь, это ведь в самом деле ты, наш старый товарищ? Это ты скрываешься под обличьем этого невзрачного, непримечательного, но по-своему милого ослика?

- Иа-а!.. – глумливо заревел вехот. – Иа-а!..

- Ты обманул?.. – навис над Плацентой Мектиг.

- Стойте, это он, это он!.. – заорал полугоблин. – Тля, да прекрати ты реветь, как осел!!!

- Это он, - хмуро произнесла Джиданна, рассматривая ауру демона.

Мектиг убрал руку.

- Я запомню, какие вы глиномесы, - скрипнул зубами Плацента. – Даже если вам просто покажется, что я ошибся, вы сразу налетаете, как стервятники. Только и ждете повода меня разорвать, тля.

Вехот издал насмешливое фырканье и превратился в самого себя – огромного мохнатого зверя о двенадцати лапах и с каретной дверцей в боку. Строго говоря, это не было его истинным обликом – у вехотов такого просто-напросто нет. Но так он выглядел, когда ни подо что не маскировался.

- Куда мне вас доставить? – спросил он.

- Благо... мудры... эм... великий лорд Бельзедор портирует нас на континент Джария, - сказал Дрекозиус. – Там нам предстоит отыскать одного кобольда... тебе известно, кто такие кобольды, о добрый зверь?

- Даже когда я нарты с ездовыми собаками, у меня нет хорошего чутья, - сказал вехот. – Если вы хотите кого-нибудь разыскать, возьмите лучше у Бельзедора паргоронского пса. У него их целый выводок, я точно знаю.

- Нет-нет, мы не ждем от тебя ничего подобного, - заверил его Дрекозиус. – К сожалению, у нас нет ничего, что хранило бы запах этого существа. Нам от тебя потребуются только крылья и острое зрение... хотя острое зрение уже необязательно. Могущественный владыка, которого лично я всегда безмерно уважал, снабдил нас

всем необходимым.

Мектиг уже грузил в брюхо вехота припасы. Еду, одежду, постели, оружие. Из вещевого мешка торчало целых три подзорных трубы, причем две – зачарованные. Отдельно лежал каравай сладкого хлеба, который всучил Дрекозиусу один из приспешников Бельзедора.

Отказаться было неудобно, но есть его никто не собирался.

- Вы готовы? – подошел к искателям Криабала сам Темный Властелин. – Я буду приглядывать за вами через Всевидящее Око, так что не надейтесь сбежать с Криабалом. Помните, что предателей я отыщу где угодно, и пощады они не получают.

- О, вам не стоит беспокоиться! – только что не завилял хвостом Дрекозиус. – Верьте, верьте нам – мы и сами заинтересованы в том, чтобы точно и скоро исполнить ваше напутствие! Ведь ужас, кромешный ужас настигнет весь Парифат, если мы потерпим неудачу, и Антикатисто победит! Кто останется в стороне от такого, кто отвернется, не протянет руку помощи?! Не мы, Властелин, только не мы!

Джиданна издала неопределенный звук, гладя сидящую на плече белку. Мектиг угрюмо кивнул.

Хотя дармаг, честно говоря, еще не до конца понимал, куда и зачем они отправляются. Колесики в его голове крутились чуть медленнее, чем у остальных, а события в последнее время развивались ну очень уж стремительно.

Но он не слишком волновался. Мектига дико раздражал Плацента, он с трудом улавливал смысл словесных кружев Дрекозиуса и испытывал смешанные чувства при виде Джиданны... но главное, что эти трое бились с ним плечо к плечу. Даже Плацента, хоть и проявлял регулярно подлость, но зла все же против своих не умышлял и даже спас их из темницы Бельзедора. Рисковал жизнью, но вернулся.

Так что Мектиг предоставил принимать решения остальным. А он будет махать секирой. Убивать тех, на кого покажут. Он всегда так жил. Когда был хирдманном конунга и когда был вольным охотником за головами.

К искателям Криабала подошла проститься Имрата. Здесь их пути расходились. В разговоре Бельзедора, Медариэна, Галлерии и Локателли она слышала имя Аэтернуса, своего отца. Узнала доподлинно, что тот жив и здоров. И собиралась теперь домой – на остров, что когда-то назывался Алмазным Раем, а теперь зовется Алмазным Бастионом.

- Вы странные создания, - сказала титанида, по очереди касаясь плеч искателей. – Вы некрасивы, часто изрекаете ложь и плохо пахнете. Я вряд ли буду вспоминать вас добром. Но я все

же благодарна за спасение из ледяной глыбы и заботу обо мне... надеюсь, с вашей стороны это была именно забота.

- Даже не сомневайся, дочь моя, - стиснул ее руки Дрекозиус. – Хоть мы и всего лишь ничтожные смертные, но я и мои товарищи искренне старались помочь тебе освоиться в этом новом, чуждом и холодном для тебя мире. В нем бывает нелегко существовать, будучи наивным и прямолинейным созданием.

Джиданна изумленно повернулась к жрецу. Ей показалось, или он впрямь не слишком старательно завуалировал оскорбление? Неужели слова этой огромной девицы его задели?..

Впрочем, Имрата как раз ничего не заметила. Она еще раз поблагодарила тех, с кем недолгое время путешествовала, и направилась к порталу. Тот как раз открылся в Алмазный Бастион, и у каменной опоры стоял сам лорд Бельзедор. Остановившись в шаге от переливающейся занавеси, титанида взглянула ему в лицо и гордо произнесла:

- Сейчас я оставлю тебя, о презреннейший. Но клянусь ихором, что течет в моих жилах, я не успокоюсь, пока не убью тебя и не разрушу твой замок!

- Ну убьешь ты меня, - пожал плечами Бельзедор. – А дальше что?

- А дальше я буду нести по всему миру правосудие, везде карая зло и помогая невинным!

- О-о, похоже, ты нашла свой жребий. Поздравляю.

- Да что ты знаешь о титановых жребиях?! – вспыхнула Имрата.

- Больше, чем ты думаешь, - холодно ответил Бельзедор.

- Ты, наглый... ты... ты... а ты, кстати, кто?.. Ты слишком высокий для человека. И можешь становиться огромным. Ты волшебник?.. Или… ты… ты... не может быть! Ты... ты не можешь быть... это... это... это невозможно!!!

- Буду с нетерпением ждать следующей встречи, - пообещал Бельзедор. – Надеюсь, мы еще станем с тобой заклятыми врагами.

Имрата еще какой-то миг колебалась, недоверчиво глядя на Темного Властелина, но больше все же не произнесла ни слова. Она шагнула в портал – и тот закрылся за ее спиной.

- Так, девку спровадили, - шмыгнул носом Плацента. – А мы когда?

- Будь терпеливее, сын мой, - укорил его Дрекозиус. – Всему свой черед, всему свое время.

Впрочем, ждать им пришлось недолго. Портальные служители быстро его перенастроили, и Бельзедор велел поторапливаться. Даже Темный Властелин не может слишком надолго прерывать обычную работу портала.

И пауза-то возникла совсем короткая, а толпа ожидающих заметно размножилась, и многие были недовольны, поскольку расписание сильно сместилось. Следующие несколько открытий будут сокращенными, путникам придется бежать сломя голову – а им и так дается мало времени, чтобы пройти сквозь каменную арку.

Так что уже через минуту вехот пролетел через портал. В своем натуральном демонском обличье, не маскируясь. Здесь Империя Зла, здесь демонам можно не скрываться.

Как и всегда бывает при портировании, искателей Криабала на миг накрыло замешательство. Небо и земля словно поменялись местами, в глазах потемнело, головы закружились. Но прошло это так же быстро, как и накатило – все четверо переносили портирование нормально.

В этот раз на другой стороне их не ожидала точно такая же портальная станция, как бывает обычно. Бельзедор распахнул выход из портала высоко над землей, где-то над Синими горами, что занимают добрую треть континента Джария. Где-то здесь, среди бессчетных каменных пиков, им предстоит разыскать одного маленького кобольда, о котором известно только то, что он кобольд.

Конечно, их не послали обшаривать миллионы пашен вслепую. Поисковая магия не может обнаружить Криабал и того, кто им владеет, но есть же и другие способы, окольные.

Один такой окольный способ Бельзедор и выдал Джиданне. Ларец Миллиона Мошек. Артефакт, содержащий множество настолько малых насекомых, что их сложно даже различить без толстой линзы.

Артефакт потом придется вернуть. Бельзедор создал его сам, запечатав в ларце кусочек одного из демолордов Паргорона. Именно его все еще живая сущность и порождала этих созданий.

И сейчас Джиданна его открыла. Ей, выпускнице Унииса, было нетрудно работать с подобными чарами. Она вошла в унисон с крошечными мошками и дала общую команду – разлететься как можно шире и искать кобольда. В этих краях они редко встречаются на поверхности земли, так что перепутать будет сложно.

Джиданна попыталась еще и взглянуть на мир миллионами глаз сразу, но ей так шибануло по мозгам, что волшебница едва не упала. Она слишком себя переоценила, решив, что осилит такое рассредоточение сознания. Довольно и того, что мошки повинуются ее приказам.

И это было не единственное средство. Плаценте, самому зоркому, закапали в глаза волшебные капли Все-Вижу.

Полугоблин дико заорал и едва не выпал наружу, когда земля, горы и облака стали вдруг придвигаться прямо к его носу, но через минуту-другую притерпелся и только старался не вертеть резко головой. Его усадили у окна и велели глядеть в оба, пока вехот бороздит просторы Яминии, Таврии и Грифонии.

- За это все я хочу увеличенную долю, тля! – потребовал Плацента. – Криабалов восемь, да?.. А нас пятеро. Вам четверым по одному, а остальные мне! Так будет справедливо!

- Сын мой, боюсь, что пока что у нас есть некоторая возможность заполучить только один-единственный Криабал, Рваный, - чопорно заметил Дрекозиус. – Да и на тот не следует слишком уж разевать рот – нам придется передать его злокозненному Темному Властелину. Увы, увы, мы не в том положении, чтобы надеяться обмануть его.

- К тому же держать его у себя будет слишком опасно, - добавила Джиданна. – Вы не знаете, кто такой Антикатисто. Если у него теперь оглавление и титульный лист, Рваный Криабал он найдет быстро. И он нужен ему сильнее всех, так что медлить он точно не будет.

- Тля, - поморщился Плацента.

- Насколько он сложный? – пробасил Мектиг.

- Антикатисто?.. – догадалась Джиданна. – Даже не представляю. Шкалу ПОСС ввели в обиход всего лет триста назад, Антикатисто погиб задолго до этого, так что его там нет. Но если прикинуть на глазок... думаю, у него двадцать первый класс. А если с Криабалом... возможно, даже двадцать второй...

Мектиг задумался. Он помнил, что у него самого то ли четвертый, то ли пятый класс. У Имраты был двенадцатый. У Бельзедора двадцатый. Двенадцать минус пять – это много. Двадцать минус двенадцать – это еще больше.

Но двадцать один минус двадцать – это всего один. Настолько уж арифметику Мектиг знал. Получается, что между Бельзедором и Антикатисто совсем маленькая разница? Но почему же тогда Бельзедор все время ему проигрывал? У демона-нехедраха был восьмой класс – и его они вчетвером победили, хотя бой и был непростым.

- Как эта шкала устроена? – спросил наконец Мектиг. – Объясни.

- Зачем? – не поняла Джиданна.

- Мне интересно.

- Правда?.. – с сомнением посмотрела волшебница. – Ну ладно. Принцип довольно простой. Геометрическая прогрессия, каждый следующий класс однозначно сильнее предыдущего. Причем начинается не с первого уровня, а с нулевого. Нулевой –

это те, кто вообще не способен толком за себя постоять. Дети. Калеки. Немощные старики. Небольшие безобидные животные. Те, кто для взрослого человека практически безопасен. Взрослый здоровый человек был взят за образец, условную единицу.

- Действительно, кого же еще брать? – подал голос вехот.

- Шкалу составляли люди, - пожала плечами Джиданна. – Уж извини, что они не взяли за основу вехотов. У вас там, кстати, седьмой класс.

- Не так уж мало, - усмехнулся вехот. – У большинства людей первый.

- Да, первый класс – это условная единица. Обычный невооруженный человек среднего роста, силы и телосложения без каких-либо особых способностей. Такой, как наш святой отец, думаю.

- Каюсь, дочь моя, сокрушенно каюсь, - развел руками Дрекозиус. – Я, грешный, так и не сподобился обучиться владеть оружием. Божьему служителю это без надобности.

- А дальше? – спросил Мектиг.

- Второй класс – это человек с холодным оружием, но без боевых навыков. Новобранец, ополченец. Любое холодное оружие – это плюс один класс . Дай крестьянину в руки хотя бы вилы, и он из первого класса перейдет во второй.

- А третий?

- Третий класс – это человек с холодным оружием и боевыми навыками. Профессиональный воин. У Плаценты, судя по всему, третий класс, хотя он редко это показывает.

- Иди на кир, тля, - беззлобно огрызнулся глядящий в окно полугоблин. – У меня четвертый.

- Не думаю, - усомнилась Джиданна.

- Дальше, - пробасил Мектиг.

- Четвертый класс – это хороший воин с большим боевым опытом. Мастер. Ветеран. Возможно, у тебя именно четвертый класс, я не уверена. Возможно, у тебя все-таки пятый. Мне кажется, ты где-то посередине, классы бывают и дробные. На самом деле, они вообще почти никогда не бывают целыми – это просто большое приближение для обиходных целей. Специалисты ПОСС могут давать оценки до сотых долей, но я не специалист, поэтому просто прикидываю на глазок.

- А кого принято причислять к пятому классу, дочь моя? – вежливо спросил Дрекозиус.

- Пятый класс – героический. Лучшие из лучших. Чемпионы. Бойцы, способные в одиночку выходить против десятерых – и побеждать. И пятый класс – это максимальный, которого может достичь обыкновенный человек с обыкновенным холодным

оружием. Дальше уже нужна магия, Сущности, артефакты, зачарованное оружие, гномьи жахатели или еще что-нибудь эдакое.

- А берсеркия? – спросил Мектиг. – Какой у меня, когда я берсерк?

- Отрицательный, - гыгыкнул Плацента. – Ты ж лемминг! Ты сам себя убить пытаешься!

- А если оружия нет – больше первого класса ваша классификация не присудит? – торопливо спросил жрец, видя набухающие желваки дармага.

- Боевые навыки – это тоже плюс один класс, - объяснила Джиданна. – Даже если это навыки рукопашного боя. Но до пятого класса простому безоружному бойцу не подняться, его потолок – четвертый.

- А если я тролль? – осведомился Плацента. – Тролль без оружия и человек без оружия – это, тля, совсем разные без оружия!

- С первого класса начинают люди и примерно им равные, - хмуро объяснила Джиданна. – Но разные виды оцениваются по-разному. Безоружным гоблинам дают только половинку, зато тролли начинают сразу с третьего класса. Огры – с четвертого. Великаны – с пятого.

- А волшебники?

- С волшебниками вообще все индивидуально. Мы очень разные, надо оценивать по конкретным способностям. Но если брать условно, в среднем, то студиозы и практиканты считаются вторым классом, бакалавры и специалисты – третьим, а лиценциаты – четвертым.

- У тебя четвертый класс? – уточнил Мектиг.

- Наверное, - пожала плечами Джиданна. – Я не знаю. Это условная шкала, приблизительная.

- Скажи-ка, дочь моя, а верно ли я понимаю, что и в дальнейшем волшебники получают классы сложности в соответствии со своими титулами? – спросил внимательно слушающий Дрекозиус. – У магистра пятый класс, у профессора шестой...

- Неверно, - мотнула головой Джиданна. – Дальше разрывы увеличиваются. Лиценциат – это уже не строго четвертый класс, а с четвертого по пятый, в зависимости от опыта и навыков. Магистр – с шестого по восьмой. Профессор – с девятого по одиннадцатый. Лауреат третьей степени – с двенадцатого по четырнадцатый. Второй – с пятнадцатого по семнадцатый. А первой степени – с восемнадцатого по двадцатый.

Мектиг, Плацента, Дрекозиус и даже вехот слушали с

любопытством. Собственно, в Шиассе Джиданна уже излагала суть шкалы ПОСС, но там было как-то не до подробностей.

Совсем другое дело – здесь. Их полет тянется уже больше двух часов и продлится еще неизвестно сколько. Высматривание кобольда, который запросто может где-нибудь прятаться или вообще быть мертв, обещает затянуться. А узнать, насколько сложным противником конкретно тебя считают волшебники Мистерии – довольно-таки интересно.

Особенно это было интересно Мектигу. Обычно очень немногословный, сейчас он то и дело открывал рот. Называл все новых врагов, с которыми сражался, и спрашивал, какое у них место на шкале ПОСС. Втайне ему хотелось припомнить кого-нибудь с действительно высоким классом. Больше восьмого, который был у чудовищного нехедраха.

Но его ждало разочарование. Вероятно, его личным рекордом оказался морозный червь – жуткая тварь, роющая норы в мерзлоте Пустоземья. Морозный червь насылает страх и галлюцинации, и по шкале ПОСС имеет седьмой класс сложности.

Джиданну сильно удивило, что Мектиг одолел его в одиночку.

- Условно высшим классом среди точно измеряемых считается двадцатый, - подытожила Джиданна. – Именно такой класс у большинства паргоронских демолордов, величайших волшебников, лорда Бельзедора и Катимбера. Выше двадцатого – это уже божественный уровень, и там даже лучшие специалисты ПОСС не осмеливаются давать точные оценки.

- И все же я не понимаю одного момента, - задумчиво произнес Дрекозиус. – Ты утверждаешь, что каждый следующий шаг шкалы ПОСС однозначно сильнее предыдущего. Геометрическая прогрессия. Предположим, вдвое… можно это предположить?..

- Там нет четкого знаменателя, но можно грубо принимать его за двойку, - кивнула Джиданна.

- Превосходно. В таком случае, идя путем нехитрой логики, мы понимаем, что Антикатисто по силе равен двум в двадцатой степени безоружных человек. Два в двадцатой степени – это приблизительно миллион. Я не стану вычислять точное число, с вашего позволения, поскольку это не имеет никакого практического значения. Примем за миллион – тем более, как ты сама только что сказала, дочь моя, там не в точной степени удвоение, а скорее нечто приблизительное.

- Допустим, миллион, - пожала плечами Джиданна. – К чему вы ведете, отче?

- К тому, что лично мне довольно сомнительно, что даже

целый миллион безоружных крестьян одолеет Антикатисто.

- Одолеют, если каким-то образом сумеют слиться в единое целое, - ответила Джиданна. – Некое гипотетическое сверхсущество с миллионом человеческих сил. Понимаете, отче, шкала ПОСС оценивает степень угрозы отдельных особей. А чем их больше, тем сложнее становятся расчеты, потому что появляется множество новых переменных.

- Два хирдманна сильнее одного, но не вдвое, - пробасил Мектиг.

- Ну да, я про это и говорю, - рассеянно кивнула Джиданна.

Объясняя насчет шкалы ПОСС, она одновременно удерживала сознательный контакт с Миллионом Мошек. Эта демоническая сущность успела распределиться по огромной площади, и у Джиданны все сильнее рябило в голове. Именно в голове, не в глазах. Сознание как будто расползалось в стороны, и она отчаянно надеялась, что треклятый кобольд скоро найдется.

Честно говоря, ей не хотелось тут находиться. Хотелось вернуться в свою убогую мансарду на как бы четвертом этаже, лежать на полу и смотреть в дальнозеркало, где все равно нет ничего интересного, но это хоть как-то убивает время.

Но чтобы туда вернуться, нужно совершать какие-то действия и проявить инициативу. А это лень... нет, даже не лень, а просто как-то напрягает. Легче плыть по течению, делая то же, что делают остальные. Возможно, в конце концов они все-таки заполучат если не Криабал, то хотя бы достаточный куш в золоте, чтобы до конца жизни не работать.

Джиданна всегда была крайне инертным существом. И не собиралась меняться.

- Я что-то вижу, - сказал вдруг Плацента, таращась в окно. – Какую-то блеваную кирню.

- Как интересно, - произнес Дрекозиус, прикладывая к глазу подзорную трубу. – Что это может быть, сын мой, не выскажешь ли предположение?

- Большой костер, - проронил Мектиг, глядя на черную проплешину.

- Да, снег растаял, как будто тут жгли огромный костер... Очень огромный... и еще там следы... Сын мой, ты можешь разглядеть эти следы как следует?

- Гигантская птица, тля... – задумался Плацента. – Или ящерица... гигантская ящерица... тля, какая гигантская...

- Дракон, - произнесла Джиданна.

- Несомненно, ты права, дочь моя, несомненно... – покивал Дрекозиус. – Такие глубокие следы и явно большое количество пламени... не побоюсь предположить, что тут побывал дракон,

причем на диво крупный... А ведь именно такого, на диво крупного дракона я имел честь зреть во сне, когда тот кобольд похитил Рваный Криабал...

- И чо теперь, тля? – шмыгнул носом Плацента.

- Думаю, я выскажу общее решение, если попрошу нашего демонического друга нести нас в ту сторону, - елейно улыбнулся Дрекозиус. – Кажется, дракон проследовал именно туда.

Глава 13

4033 год до Н.Э.

Пятьдесят тысяч индивидов собрались на площади Иллюзорных Цветов. Пятьдесят тысяч граждан Парифатской республики явились послушать Бриара Всемогущего. Пятьдесят тысяч разумных существ обращали к нему свои чаяния и надежды.

Республика так и не вышла из кризиса. Война с титанами что-то повредила в этом хрупком государственном организме. Состав сената менялся, как картинки в калейдоскопе, но никто не знал, как склеить эту треснувшую громаду.

С каждым годом нарастала инфляция. Обычное золото давно перестало считаться ценностью – слишком многие умели его трансмутировать. Принимались только республиканские альвауры – тонкие монеты из так называемого эльфийского золота. Будучи ценным магическим реагентом, оно практически не поддавалось зачарованию и очень немногие умели убедительно его подделывать.

Набирал силу и видовой сепаратизм. Все больше провинций заговаривало о том, что республикой правят люди – так пусть и живут в ней только люди. А они хотят сами решать свою судьбу. Пока еще это были только разговоры, пока еще государство оставалось цельным, но всем было ясно, что нужен только прецедент. Достаточно одной провинции провозгласить независимость – и покатится, как снежный ком.

Волшебство тоже претерпевало не лучшие времена. Слишком много великих чародеев погибло на войне. А молодое поколение выглядело огорчительно слабосильным. Юноши и девушки все реже избирали стезю волшебника. Родители все реже отправляли детей в школы Искусства.

Никто больше не хотел годами развивать свои чакры – всем хватало общедоступной предметной магии. Маги-ремесленники конвейером штамповали типовые артефакты, повсюду стояли мановые накопители – большинство вполне этим удовлетворялось. Молодежь погрязла в пустых развлечениях, прожигая жизнь без пользы.

Никто не замечал, что это бал на тонущем корабле.

Именно об этом говорил сейчас Бриар, усилив голос так, что тот разносился по всей площади. Верный Остраго помогал ему писать речи – и они получались на диво убедительными.

Количество сторонников Бриара стремительно росло.

- В науках, в творчестве, в спорте, в магии – во всем работает правило пирамиды! – вещал Бриар с трибуны. – Чтобы отыскать нескольких человек, способных на высшие достижения, мы должны вовлечь в это занятие всех – а уже затем избирать среди них тех, у кого получается лучше. Чтобы у нас были сотни волшебников высшего уровня, хотя бы начала волшебства должны преподаваться всем без исключения! А в специализированные школы Искусства должны направляться уже не все подряд, а только те, кто показывает серьезные успехи!

Это было частью его программы. Бриар и Остраго два года работали над комплексом реформ. Над планом того, что сделают, когда осуществят... нет, не переворот. Они избегали слова «переворот». Никто не собирался прибегать к военным действиям, хотя если бы Бриар захотел – мог бы уже завтра войти в зал сената и выкинуть заседающих там бездельников. Ему хватило бы сил разметать республиканскую гвардию.

Не в одиночку все-таки, пожалуй. Но за последние годы вокруг Бриара образовалось настоящее ядро единомышленников. Идеи Остраго нашли много сочувствующих, и к Бриару стекались философы, стекались магнаты, стекались военные и жрецы всех конфессий. Лучшие из лучших присоединялись к будущему императору и уже сейчас клялись ему в вечной преданности.

И волшебники. Так много великих чародеев присягнуло Бриару, что он сформировал из них что-то вроде отдельного сообщества. Злопыхатели именовали их его личной армией, но Бриару претило это слово. По совету Остраго он провозгласил их орденом Золотых Магов. Название тоже придумал Остраго, и самому Бриару оно казалось слишком помпезным... но, по крайней мере, в нем не было его имени.

Больше всего Бриар боялся, что его начнут обожествлять. Первые признаки уже мелькают.

Эти индивиды на площади – как горят их глаза!.. Как жадно они смотрят на Бриара, как жадно его слушают!.. Многие привели детей... а иные даже принесли. Принесли грудных несмышленышей, чтобы те увидели Бриара Всемогущего.

Бриар явился в самый удачный момент. На самом деле что-то такое давно носилось в воздухе. Республика устала от вялости политиков, от бесцельности своего существования. Республика жаждала действия. Ждала того, кто укажет путь. И Остраго верно сказал, что Бриар – самая подходящая фигура. Герой трех войн, победитель царя вампиров, освободитель миллионов, великий волшебник и реформатор магии. Его знали. Его любили.

Неожиданно сыграло роль и его тюремное заключение. Да,

когда-то республика единым хором одобрила наказание предателя. Но после разрушения Парифагена многие с горечью думали, что им стоило послушать тогда Бриара. Многим было стыдно. И теперь, когда Бриар снова возвысил голос, его стали поддерживать с удивительным рвением.

- БРИ-АР!!! БРИ-АР!!! БРИ-АР!!! – скандировала толпа.

Бриар поднял руки – и все сразу смолкли. Каждый чуть подался вперед, не желая пропустить ни слова. Великий волшебник несколько секунд молчал, оглядывая площадь, а потом промолвил:

- Сегодня я тут много чего сказал. Надеюсь, вам было интересно меня слушать. Но много слов еще не делают мудреца. Я должен и делом доказать, что могу принять эту ношу. Азаратак осага ина гевората! Иневорк! Ормеда хили!

На кончиках его пальцев вспыхнули молнии. Бриар раскинул руки – и площадь накрыло белым куполом. Искрящаяся магия хлынула во все стороны – и каждый ощутил ее на себе. Каждый почувствовал, как распрямляется спина, как тело наливается новой силой, как уходит любая, даже самая потаенная боль.

Массовый сеанс исцеления. Одним импульсом, одним заклинанием Бриар Всемогущий снял все недуги с пятидесяти тысяч человек.

Он и прежде устраивал такие сеансы. До того, как затеял всю эту эпопею. Случалось ему и останавливать катаклизмы. Преграждать путь цунами, утишать ураганы, прекращать землетрясения. Бывало, он в одиночку возводил здания, за час-другой выстраивал целые кварталы. Поднимал из пучины новые острова. Превращал пустыни в леса и луга.

Но массовое исцеление было его любимым приемом. Эффектно и в мирное время, и в военное. И сразу видишь отклик. Это счастье на лицах тысяч... оно ни с чем не сравнимо. Бриар смотрел в их глаза, и внутри него тоже становилось тепло.

Он чувствовал, что это его люди.

Но ему хотелось сделать большее. Сотворить нечто такое, что развеет сомнения даже самых скептичных. Покажет всем, что он воистину Всемогущий. Закончив очередное выступление, подведя к концу очередной митинг, Бриар вернулся домой и снова засел за криабалы.

За два минувших года их стало еще больше. Недавно число перевалило за сотню. Уже не только стандартные заклинания, что известны каждому одаренному. Одно за другим Бриар переносил на страницы заклинания авторские. Те, что составил сам. Те, которыми владел только он. В том числе мощные настолько, что применять их не решался даже сам создатель.

О некоторых из них Бриар никому даже не рассказывал. Держал в секрете сам факт их существования. Ему все меньше нравилась мысль передать когда-нибудь криабалы в общий доступ, вручить всем без исключения средство колдовать что заблагорассудится.

Возможно, Остраго прав. Возможно, это не слишком благоразумно. Страшно представить, что каждый сможет взять вот этот листок и призвать... того, кого он призывает.

Бриар любил парифатцев. Бриар верил в парифатцев. Но достаточно ведь одного-единственного мерзавца или даже глупца...

Он вздохнул, глядя на только что законченную страницу. В жаровне пылает огонь. Можно просто бросить туда эту бумагу, и никто никогда не прочтет того, что на ней написано. А те чародеи, что способны совершить это заклинание самостоятельно, без криабала... о, Бриар знал их наперечет. Их можно счесть по пальцам. Каждый прошел долгий путь в Искусстве и заслуживает безусловного уважения. Ни один еще не злоупотреблял своим даром.

Более того, трое уже вступили в орден Золотых Магов, и еще двое вот-вот вступят. Что же до Камильфа... ну что ж, он откровенно не любит Бриара и не разделяет его взглядов, но никогда этого не скрывал. Камильф – открытый противник. Честный и благородный. Удара в спину он не нанесет, подлости не совершит.

Бриар стиснул страницу и сделал шаг к жаровне. Просто кинуть ее туда. Пропадет трехдневный труд, но это небольшая беда. Зато можно будет не бояться, что однажды сюда влезет домушник, прочтет сдуру этот криабал и погубит миллионы жизней.

Хотя не влезет, конечно. Защитная сеть не впустит никого, кроме хозяина. Преодолеть наложенные Бриаром чары сумеет только кто-то ему равный... а зачем кому-то равному эти бумажки? Он и без них легко проделает все то же самое.

К тому же... Бриар чувствовал связь с этой бумажкой. В каждом криабале – частица его самого. Каждый наделен сознанием. Наделен бессмертной душой. Каждый – самостоятельная личность, незримый и нематериальный волшебник. Владеющий одним-единственным заклинанием, зато уж его творящий с абсолютной мощностью.

Бриар чувствовал, что они радуются, когда их читают.

Это очень необычная и удивительная форма жизни – разумные заклинания... и Бриар не хотел их умерщвлять. У него никогда не было детей, но держа в руках криабалы, он чувствовал

то, что чувствует любящий родитель.

Нет. Он не станет их уничтожать. Более того – будет продолжать их создание. Не остановится, пока не перенесет на бумагу все заклинания, которыми владеет сам. Потом можно будет заключить криабалы в переплет, как советовал Остраго.

Тиражировать их все-таки не стоит, пожалуй. Пусть остаются в единственном наборе. Тем более, что Бриар все еще не нашел способа массового производства. Несколько раз обсуждал эту методику в кругу близких друзей, пытался их научить... но повторить ни у кого не вышло. Многие даже заявляли, что Бриар их разыгрывает, что такого просто не может быть. Кто-то совершенно серьезно предположил, что на самом деле криабалы начертаны богами, а Бриар просто не хочет этого раскрывать.

Магия действительно очень проста. Но вот уразуметь это очень сложно.

Вечером Бриар сидел на веранде с Остраго. Старый философ справлял свадьбу правнучки и пригласил Бриара благословить молодых.

- Потом заполучить тебя на торжество будет сложнее, - ухмыльнулся Остраго. – Когда станешь императором.

- Брось, - махнул рукой Бриар. – Как я могу не зайти в гости к моему будущему первому советнику?

- Уже раздаешь портфели? – внимательно посмотрел Остраго. – Немного рановато. И я не буду твоим первым советником, прости.

- Э-э-э... я чем-то тебя обидел? – не понял Бриар. – Ты хочешь занять другой пост? Или... ты изменил свое мнение? Разочаровался в нашем замысле? Или... это я тебя разочаровал?

- Нет-нет, Бриар, не подумай ничего такого. Просто... я не доживу. Не хотел тебе говорить вот так, но... эликсир уже почти не действует.

- Так удвой дозу!

- Сегодня я впервые принял тройную. Я чувствую, как... истаиваю. Мне двести сорок два года, Бриар, для немогущего это очень много.

- Не говори глупостей, я не дам тебе умереть! Давай я прямо сейчас продлю тебе жизнь! Атирака осихара ското...

- Бриар, прекрати, – поморщился Остраго. – Ты сам прекрасно понимаешь, что я исчерпал лимит. И я не боюсь смерти. Я просто...

- Дедушка, вот ты где! – вбежала на веранду девушка в легком платье. – Мама, Сумир, Астек, дядя Ольцо, посмотрите, где он от нас спрятался! Флипа, иди скорей сюда!

На веранду вошла еще одна девушка – миниатюрная,

хрупкая, с очень большими глазами... Бриар вдруг вздрогнул, встретившись с ней взглядом.

- Здравствуй, Флиперия, - тепло улыбнулся ей Остраго. – Познакомься – это Бриар, мой друг. Бриар, ты же еще не видел Флипу?.. Она вместе училась с моей правнучкой. Очень талантливая волшебница, между прочим.

- Спасибо, мессир Мальфет, - покраснела девушка.

Бриар что-то промямлил, касаясь губами ее ладони. Как бы невзначай волшебник просканировал ауру юной Флиперии – нет ли эльфийской крови? Их естественная магия даже чародеев порой заставляет смущаться.

Но нет. Судя по всему, она чистокровный человек. И действительно волшебница – очень молодая, но весьма одаренная. Такие вещи Бриар видел насквозь.

Парой секунд спустя на веранду явились другие родичи Остраго, и сразу стало шумно. Старый философ ворчал с притворной досадой, что вот, хотел посидеть в тишине с дорогим гостем, а тут набежали, загалдели...

- Батюшка, у вашей внучки свадьба, а вы тут спрятались ото всех, - укоризненно произнесла дочь. – Пойдемте. Пойдемте-пойдемте, там уже брабулякра разрезают, мы вам большую ножку дадим.

- Чтобы у меня повысился холестерин, и я наконец-то скончался от инфаркта? – насмешливо спросил Остраго. – Нет уж, большую ножку вы лучше Бриару отдайте. Его ничто не возьмет.

Бриар криво улыбнулся. Его обеспокоили слова Остраго. Действительно, за последние годы старик сильно сдал. И ходит все медленнее, и говорит все тише. Аура тускнеет.

Бриар не сомневался, что сможет продлить ему жизнь, но заклинания исцеляют только физическую оболочку. Если начал угасать внутренний огонь... тут уже ничем не помочь. Это настигает даже великих волшебников, что уж говорить о немогущем вроде Остраго.

К тому же прямо сейчас Бриара отвлекало другое. За столом он нет-нет, и поглядывал на скромно обгладывающую крылышко Флиперию. Та явно заметила внимание гостя, но ничем этого не показывала.

В молодости Бриар знал немало женщин. В промежутке между двадцатью и сорока годами он был настоящим повесой. Лихой кавалер, летучий чародей Третьего Диверсионного полка... до начала войны Бриар жил легко и весело. Потом Империя Крови вероломно напала на республику, «мир сквозь зубы» окончился, и долгих десять лет Бриару было не до флирта, не до шашней.

Война изменила его, как изменила многих. С острова Шепельд он вернулся другим – более серьезным, менее беззаботным. Престарелые мать и тетка подыскали им тогда невест – ему и Брокару, брату-близнецу. Одному досталась пухленькая блондинка, другому черноокая смуглянка. Чисто договорные браки, в те времена так было принято. Но Брокару повезло – со своей женой он обрел счастье и почти двести лет прожил душа в душу, до самой своей гибели.

Бриар же с супругой остались почти что чужими людьми. Их отношения были вежливыми, но холодными. Они желали друг другу доброго утра и спокойной ночи, они вместе завтракали и ужинали, но спали в разных постелях и общались ровно столько, чтобы соблюдать приличия. Несколько раз Мариабанна заводила разговор о детях, но Бриар все откладывал и откладывал... а потом она умерла. Скоропостижно скончалась всего-то семидесяти лет от роду. Для волшебницы, пусть и не выдающейся, это ничтожный возраст.

Повторно Бриар так и не женился. Он не принял аскезу, у него случались романы, но ему стукнуло девяносто, и кровь уже не бурлила, как в годы юности. Полностью ушедший в чародейские изыскания, он привык к мысли, что проведет остаток жизни холостяком.

Но теперь он смотрел в огромные глаза этой студентки, и внутри что-то переворачивалось. Бриару хотелось совершить какую-нибудь глупость. Хотелось, как двести лет назад, что-нибудь взорвать. Влюбленные олени бьются рогами, влюбленные глухари пляшут на току, а влюбленные маги кирачат куда попало молниями.

- Завтра я отправляюсь на Саргариту, - спокойно произнес Бриар, превратив обглоданную кость в цветок. – Остраго, ты там будешь?

- Не пропущу, конечно, - усмехнулся философ. – Много народу-то соберется, э?..

- Я возвел там временный портал, чтобы все желающие могли прибыть вовремя. Входная точка – рядом с Парифагеном.

- Да я знаю, знаю. Что за сюрприз там будет-то?

- Завтра все увидишь.

- Слушай, Саргарита – это островок посреди ничего. Там на тысячи вспашек вокруг только океан. Самая пустая область планеты. Что ты там собираешься делать?

- Завтра все увидишь, - с нажимом повторил Бриар.

- Эх, - вздохнул Остраго. – Бриар, я старый больной человек. Я завтра могу не проснуться.

- Не прибедняйся. Не настолько ты еще стар и болен.

- Ладно, ладно. Только не призывай меня туда, я сам доберусь.

- Хорошо. И кстати, вас всех я тоже приглашаю, - произнес Бриар, обводя взглядом сидящих за столом.

Особенно он задержался на лице Флиперии.

Бриар продолжал о ней думать, когда перенесся на Саргариту. В Парифагене была еще глухая ночь, а здесь уже успели пообедать. Противоположный конец планеты, бирюзовые волны во все стороны – и один-единственный остров посреди них.

Солнце ярко освещало пляж. Почти безлюдный – только у склонившейся к воде пальмы копошилась стайка детей. Бриар невольно улыбнулся, размышляя о многотысячной толпе, что наверняка уже собралась в окрестностях портала. И многомиллионной – смотрящей сейчас в проекристаллы.

Сам он портировался в совсем другую часть острова. Саргарита невелика, но и просто точкой на карте ее не назовешь. Почти сто вспашек в ширину и больше ста двадцати в длину. Вполне поместится маленькая страна.

А климат и природа здесь такие райские, что лишь из-за удаленности от остальных земель Саргарита еще не стала курортом. Стационарные порталы возводят рядом с крупными городами, поблизости от средоточия психоактивности. А на этом острове всего несколько деревень, чьи жители ведут наполовину первобытную жизнь.

- Дядя, а ты волшебник? – окликнула его смуглая девочка в травяной юбке. Она говорила не на парифатском, но Бриар понимал все языки мира.

- Волшебник, - улыбнулся он. – Как узнала?

- Тебя тут не было, а потом ты просто появился. А люди приходят.

- Или приплывают, - добавил подошедший мальчик. – На очень больших лодках.

- Действительно, несложно догадаться, - согласился Бриар. – Вы тут живете?

- Ага. Мы из народа Дельфина. Вон там наши хижины.

- Я знаю вашего вождя, - кивнул Бриар. – Мы с ним пили пиво в прошлую луну.

- Это моя бабушка его варила, - похвасталась девочка. – Бабушка варит лучшее пиво в мире.

- Несомненно, - согласился Бриар.

- Когда я вырасту, то тоже буду варить лучшее пиво в мире. Бабушка меня научит.

- Хочешь хлебный плод? – предложил мальчик, протягивая Бриару шишковатую дыньку. – Ты принес какие-нибудь подарки?

От плода волшебник вежливо отказался, а в поисках подарков демонстративно вывернул карманы... и те оказались пусты. Волшебник сделал вид, что задумался, а потом просветлел лицом.

- Я знаю, что вам подарить, - произнес он. – Только отойдите подальше, пожалуйста. Я тут немного поколдую.

Дети отошли ровно на три шага. Бриар внимательно на них посмотрел, и они сделали еще по шагу. Но не более того.

- Ладно, - вздохнул Бриар, поднимаясь в воздух.

Он перенес себя вверх на целую вспашку. Потом сдвинулся еще и в сторону океана. Теперь перед ним была вся Саргарита – с ее зелеными холмами, с густыми зарослями, с развалинами древнего храма, что воздвигли еще до Ледника...

Бриар выбрал небольшую мелководную лагуну. Убедившись, что внизу достаточно места, а глубина не слишком велика, он расправил листок с криабалом, откашлялся и прочел:

- Секеторон истакара марида! Зукита эхет агад! Ирпадак огок! Армеда хиара та остора танака! Урзагат аркинт ор га пиат эсетек! Зумирак! Зумирак! Асатак! Истара озикаторо! Эскатара ирминга ирминда астараба но! Зокотор танака зирахот заир!

Бриар Всемогущий мог применить это заклинание и просто так, своими силами. Но эта акция была для него очень важным моментом. Он хотел не только продемонстрировать свою мощь всему миру, но и убедиться, что криабалы действительно способны... на очень многое. Способны творить такие чудеса, на которые редко достает умений даже у самых великих волшебников.

И скромный лист бумаги сработал превосходно. Воздух под Бриаром сгустился, волны расступились, разверзлась огромная черная трещина... и из нее появился демон.

Огромный демон. Почти в двадцать человеческих ростов, похожий на мясистый вулкан. Вместо кратера у чудовища была клыкастая пасть, ее опоясывали трубки с глазами, а дальше шли только наплывающие жировые складки. Не было ни рук, ни ног, ни крыльев, ни щупальцев... но вода вокруг него сама собой вздыбилась и поднялась столбами. Уставившись на Бриара всеми своими глазами, демон проревел:

- КТО ПРИЗВАЛ ТЕМНОГО ГОСПОДИНА?!

- Салют тебе, Гламмгольдриг! – весело крикнул волшебник, пряча криабал в карман. – Кажется, мы еще не знакомы!

Демон внимательно на него уставился. Потом издал рокочущий звук, уменьшился раза в четыре... и взлетел. За долю секунды он поднялся на целую вспашку, обернул к Бриару свою пасть-кратер и коротко бросил:

- Умри.

Ничего не произошло.

Бриар хмыкнул и открыл рот, чтобы дать объяснения, но Гламмгольдриг не собирался его слушать. Верховный владыка Паргорона, всесильный Желудок Древнейшего почти никогда не бывал призываем смертными. А тех немногих, кому это все-таки удавалось, он обычно уничтожал сразу же, ибо не терпел амикошонства.

Желавшие иметь с ним дело должны были являться сами. Ползти на брюхе и униженно умолять о милости.

А не призывать к себе, словно собачонку!

- Умри! – чуть громче повторил Гламмгольдриг и прибавил в этот раз разящий импульс.

Любого другого разметало бы на первочастицы. Но Бриар остался цел и невредим, только чуть вздрогнул. Пока Гламмгольдриг не повторил попытку, волшебник торопливо произнес:

- Позволь объяснить! Ты не сможешь причинить мне вред! Я не стал возиться с печатями, клетками, кругами и всеми этими примочками, потому что это унизительно для нас обоих! Я просто заложил дополнительное условие в само заклинание... и ты не сможешь причинить мне вред, Гламмгольдриг!

- УМРИ!!! – страшно заревел демон, изменяя положение в пространстве и набрасываясь на Бриара сверху.

Его пасть-кратер сомкнулась на голове волшебника... но не смогла закрыться. Чудовище давило всей своей космической мощью и скрежетало зубами, точно банальный зверь... но ничего не могло сделать.

- Да не сможешь, говорю же, - уже устало произнес Бриар. – Ну правда, я не вру.

- Ладно, - оставил попытки Гламмгольдриг и уменьшился еще сильнее. Теперь он был больше Бриара всего вдвое. – Повтори, кто ты такой. Я... не могу тебя определить. Кто ты есть?

- Я Бриар Всемогущий. А еще я тот, кто может навечно тебя заточить... и даже убить. Не сочти за угрозу, я просто сразу предупреждаю о такой возможности.

- Убить меня?! Ты?! Не слишком ли ты много мнишь о себе?!

- Давай проверим, если сомневаешься. Но я бы не стал.

Гламмгольдриг задумался. Они с Бриаром по-прежнему парили в воздухе, и для обоих это было так же естественно, как стоять на земле. Ни тот, ни другой словно не замечали, что под ними целая вспашка пустоты.

- Ты очень могущественный чародей, - признал наконец демон. – Говори, зачем призвал. Ради чего ты оторвал Темного Господина от трапезы?

- Одно желание, - улыбнулся Бриар. – И ты свободен.

- Ты хочешь бессмертия, верно? – раскатисто спросил Гламмгольдриг.

- Его я добился давным-давно. Нет, я попрошу кое-чего... иного.

- Уничтожить твоих врагов?

- Нет у меня врагов... таких, для которых потребовался бы демон.

- Угу. Так. Про богатство и власть я даже спрашивать не стану. Но тогда что я могу дать тебе такого, чего ты не смог бы заполучить сам? Может, ты хочешь воскресить кого-то?.. Если да, то ты выбрал не совсем того, кого нужно, но...

- Я умею воскрешать мертвых, - отмахнулся Бриар. – С оговорками, но... давай, ты просто меня выслушаешь. Я хочу, чтобы ты увеличился до размеров острова. Ты можешь это сделать, я знаю. Ты переместишься в самый центр необитаемых вод, погрузишься на самое дно... и забуришься в него!

Воцарилось молчание. Гламмгольдриг несколько секунд смотрел на волшебника, а потом тихо спросил:

- Зачем?

- Ты все узнаешь, когда сделаешь это! – весело ответил Бриар.

- Если хочешь знать, от этого я не сдохну.

- Да я вовсе не собираюсь тебя убивать!

- А я просто предупреждаю. На всякий случай.

Бриар покачал головой, вздохнул и схватился за глазные трубки Гламмгольдрига. Демон резко раздулся во все стороны, стал похож на настоящий вулкан и со свистом понесся на запад. Все дальше от Саргариты, в бесконечные океанские просторы.

Он поднимался все выше. Мчался с такой скоростью, что любого обычного человека сожгло бы просто воздухом. Но Бриар, к сожалению Гламмгольдрига, оставался цел и невредим. Вокруг него клубилась мана, а волосы аж искрились от сыплющихся чар.

- Здесь! – крикнул Бриар, прищуривая один глаз. – Отличное место!

- ЭТО НЕ САМЫЙ ЦЕНТР, - проревел мясной вулкан.

- Мне подойдет, - отмахнулся Бриар. – Это некритично. Погружайся!

Гламмгольдриг неохотно снизился... и вошел в воду. Удивительно аккуратно, почти без брызг – но он был размером с гору, и волны все равно пошли огромные. Бриар крутанул рукой – и на горизонте вспыхнул кольцевой экран. Народившееся цунами ударило в него – и смолкло.

- Глубже! – приказал Бриар, опускаясь вместе с Гламмгольдригом. – Давай! На самое дно!

Он тянул за глазные трубки, как пахарь за поводья. Направлял исполинского демона вниз. Погрузившись сам – даже того не заметил.

Бриар Всемогущий дышал под водой, что твоя рыба. Полы его мантии раскинулись шлейфом, а говорил он так же членораздельно, как и наверху. Выискав самый ровный участок дна, он приказал демону опуститься туда и зарыться.

В этой части океана почти не было жизни. Слишком далеко от любой суши, слишком редка растительность и многоногие водяные хомунции. А где нет хомунциев, там нет и мелкой рыбы, а где нет мелкой рыбы, там нет и рыбы крупной, а где нет рыбы крупной, там нет и морских драконов, да и прочих гигантских чудищ океана. И уж конечно, нет придонных тварей, что питаются сыплющейся сверху падалью.

Пустота. Только камень, песок и бесконечная соленая вода. Почти до самой Саргариты ничего интересного.

Но Бриар собирался это изменить.

- Аратан! Аратан! Изо нера! Такура! – выкрикивал он, создавая руками водовороты. Из его рта вырывались пузыри. – Увеличься, о Темный Господин! Стань таким огромным, каким только можешь! И... продолжай зарываться!

Гламмгольдриг послушно раздувался. Ему самому стало интересно, что затеял этот смертный волшебник... хотя правомочно ли называть его смертным? Царь демонов уже понял, что встретился с чародеем, каких не видел свет.

Чародеем немыслимой мощи.

Вот над волнами показалась пасть-кратер, глазные трубки, а с ними – Бриар Всемогущий. Теперь он казался совсем крошечным. Блошкой, прилипшей к чудовищной жировой складке.

Но голос его оставался громовым. Бриар выкрикивал все новые слова, творил все новые заклинания. Созданные им маленькие водовороты соединились в один – и он все рос, все набирал силу. Выросший до немыслимых размеров Гламмгольдриг уже не касался воды – пучина разверзлась, внизу обнажилось дно. Колоссальный демон наполовину в него зарылся... и вот Бриар выкрикнул новый приказ.

- Вращайся! – повелел он. – Крутись, о Темный Господин! Изамарк тора деретака! Усибит! Аскара гене тогива!

Гламмгольдриг неохотно повернулся – и дно вспучилось. Его словно взрыло исполинским плугом. Бриар весело расхохотался и хлопнул царя демонов по глазу. Потом воспарил над ним – и выбросил из рукавов сотню канатов немыслимой длины. Они сами собой обвились вокруг трубок, окаймляющих пасть, Бриар взялся за них – и завертел ладонью.

- Крутись быстрее! – приказал он. – Как можно быстрее!

- Я ПОНЯЛ, ЧТО ТЫ ЗАДУМАЛ! – прогремел Гламмгольдриг. – НО... ТЫ УДИВИЛ МЕНЯ, ВОЛШЕБНИК! ТЫ ВЫЗВАЛ ТЕМНОГО ГОСПОДИНА, ВЛАСТЕЛИНА ВСЕГО ПАРГОРОНА, ДЕМОНА НАД ДЕМОНАМИ... ЧТОБЫ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВМЕСТО МУТОВКИ?!

- Да! – весело ответил Бриар.

- НО ЗАЧЕМ?!

- Чтобы продемонстрировать!

- ПРОДЕМОНСТРИРОВАТЬ ЧТО?!

- Всемогущество! Крутись, Гламмгольдриг, крутись!

И он закрутился. И захлестали волны. И вздыбились буруны. Сам океан встал на попа, когда на дне его закружился этот колосс, демонический живой остров.

В то же время кольцевой экран ушел за горизонт. Бриар развернул его в немыслимую ширь, сделал настолько огромным, что он исчез из виду.

Бриар читал все новые заклинания, Гламмгольдриг вращался с бешеной скоростью, а волны дохлестывали уже до облаков. Само дно вздыбилось горбом – Бриар и Гламмгольдриг творили горы, острова... из-под воды поднимался новый континент!

- Акамедан! – вскричал Бриар, вскидывая руки с канатами. – Изо, изо, таратак нера! Окаменей, велю!..

Пенные буруны стали застывать. Но Гламмгольдриг не прекращал вращаться. Используя его как мутовку, Бриар продолжал пахтать океан. Продолжал лепить из его дна и окаменевшей воды огромный материк.

Мана клокотала в его жилах.

Это продолжалось три дня. Три дня Бриар и Гламмгольдриг меняли лик планеты. И когда они закончили... на карте появился еще один континент. Спиралевидной формы, закрученный по часовой стрелке.

К его центру извивалось такое же спиралевидное море. Там все еще бушевала вода. Волны буйствовали, колотились о берега – но были уже не в силах сдвинуть их с места. Во все стороны простерлись бескрайние земли – пока что пустынные и безлюдные... но только пока что.

В самом центре этого спиралевидного моря образовался остров. Довольно большой, размером почти с Саргариту. Именно в его центре стояли теперь волшебник и снова уменьшившийся демон.

Бриар устал. Даже его вымотали эти три бессонных дня. Из-под набрякших век волшебник обозревал свое творение – и слабо улыбался.

Это уж будет посильнее, чем прикончить одного старого

вампира!

- Ты возомнил себя богом, человечек? – повернул к нему пасть Гламмгольдриг. – Зачем тебе еще один континент? В вашем мире их и так больше пятидесяти.

- Да просто так, - пожал плечами Бриар. – Пусть будет. Спасибо за помощь, Темный Господин. Ты свободен, можешь идти.

- Я запомню тебя, - пообещал Гламмгольдриг.

- Я думаю, меня все запомнят, - усмехнулся Бриар. – После такого – все.

- И как ты назовешь... вот это все?

- Ах да, верно, - задумался Бриар. – Полагаю, я имею право дать название этому материку. По праву первооткрывателя... интересно, можно ли называть меня первооткрывателем?.. Впрочем, это не так важно. Я назову этот континент... хм... м-да... Остракия.

- Мне больше нравится Гламмгольдрия, - произнес демон. – Но я уже понял, что у тебя нет вкуса. А как ты назовешь остров, на котором мы стоим?

- Флиперия, - без раздумий ответил Бриар. – Тебе нравится?

- Нет.

- А мне нравится.

Глава 14

Фырдуз карабкался на высокое растение. Прижался к его твердой коричневой шелухе так, что почти сросся с ней. Костюм лазутчика делал его невидимым... но только его. Рваный Криабал оставался видим и предательски выдавал хозяина.

С ним и без того приходилось непросто. Фырдуз привязал его к животу, но книга все равно мешала. Постоянно за что-то задевала, норовила выпасть... а если выпадет, то все, конец. Дракон уже близко, он схватит Криабал раньше, чем Фырдуз успеет спуститься.

А самого Фырдуза, конечно, просто сожрет. Ну или спалит вместе с этим длинным толстым растением. Оно недаром называется деревом, Фырдуз наконец-то это сообразил. Оно так называется, потому что это и есть дерево. Этот материал появляется вот так вот – растет из земли.

И дерево – это отличное топливо. Не так долго горит, как уголь, зато гораздо легче вспыхивает.

Хотя подождите-ка. Криабал не выпадет, конечно. Он же приклеен к Фырдузу заклятием Уз. Его можно перемещать по телу, но совсем отлепиться невозможно, пока не прочтешь отмену.

Фырдуз вообще-то помнил об этом. Просто иногда вытряхивалось из головы. Слишком уж дергался кобольд от близости огромного дракона.

Вон он, Орказарок. Летит прямо сюда. Он точно как-то чует Рваный Криабал, Фырдуз в этом больше не сомневался. Вырыл же он кобольда из норы, нашел глубоко под землей. Пусть и не сразу, передышку это все-таки дало.

Фырдуз даже вздремнуть успел.

Но потом ему снова пришлось читать Побег. И снова удирать. Но удирать ему безумно надоело, поэтому он решил попробовать кое-что новое. Нашел в Криабале одно заклинание, пока отдыхал под землей.

И в страхе следя за быстро растущей драконьей фигурой, кобольд прочел:

- Анагурик асата исканда! Торокапа зита мадука! Земет!

Воздух сгустился. Из ничего, одной только силой Криабала рядом с Фырдузом возникло облаце. Удивительная волшебная штуковина, внешне похожая на обычное белое облачко, что плавают в этой бесконечной пустоте над головой. Фырдуз уже

знал, что на самом деле это просто большие сгустки густого пара, которые ни для чего не пригодны. Именно они иногда изливают сверху воду, от чего Верхние сильно страдают.

А вот облацы – они твердые. То есть довольно мягкие и пушистые, но их можно потрогать, сквозь пальцы они не просачиваются. Фырдуз сглотнул, вытянул ногу и подтянул это чудное диво поближе. Рискнул оторвать руки от высокого растения... и повалился как будто на пышную подушку.

Облаце под ним затрепетало. Они не живые, но немножко умные. Как ручные животные, на которых ездят Верхние – чувствуют всадника и летят, куда тот велит. Можно даже не приказывать ничего, а просто сильно хотеть – облаце послушается.

- Давай, лети! – сказал все-таки вслух Фырдуз, прижимая к груди Криабал.

И облаце вспорхнуло. Кобольд мог наколдовать его и внизу, у земли, но боялся, что не сможет подняться, застрянет в ветках. Тут очень ветвистые растения, сучковатые. И совсем голые, без тоненьких зеленых пластинок.

Вообще, сейчас Наверху заметно холоднее, чем было луну назад, когда Фырдуз бежал из Кобольдаланда через Браат. Тогда было потеплее и деревья стояли все в зеленых пластинках... хотя многие в желтых или красных. А теперь они все попадали, а по ночам мерзнут ноги.

Это так и положено, или Наверху творится что-то недоброе? Может, это и есть та самая зима Верхних, и вскоре вода замерзнет, а вся еда исчезнет?.. Если да, то лучше бы поскорее вернуться Вниз, в тепло и безопасность...

Тоже некогда думать и об этом. Дракон подлетел уже так близко, что Фырдуз мог пересчитать зубы в его пасти.

- Попался, букашка!!! – проревел ящер так, что заложило уши.

К счастью, волшебное облаце наконец рванулось вперед. Страшные клыки немного совсем не дотянулись. А дохнуть пламенем Орказарок опять не решился.

О Великий Молот, как же быстро облаце помчалось! Фырдуз внимательно прочел комментарии к заклинанию и знал, что оно такое быстрое, что быстрее вообще мало что сыщется. Недаром же именно на облацах летают в чудесной божьей обители – Сальване.

Но он и думать не думал, что оно... настолько быстрое! Никогда в жизни маленький кобольд не передвигался с такой скоростью!

При этом на облаце было нетрудно сидеть и даже стоять. Фырдуз боялся, что придется крепко держаться, чтобы не снесло

ветром, но ветер словно вовсе исчез! Словно не было его никогда, этой странной причуды Верхнего мира, когда воздух зачем-то движется сам по себе и бьет то в лицо, то в спину.

Приободрившись, он приподнялся и осмелился выглянуть за край. Сердце забилось быстрее – высота оказалась изрядная. Фырдуз не раз стаивал на краях бездонных пропастей, переходил по мосту Хасмы, перелетал магмовую реку на воздушном змее и висел над колоссальной пещерой йоркзериев... но в сумраке мира Нижнего это все смотрится как-то менее пугающе.

А тут раскинулась бескрайняя ширь, и ты над ней высоко-высоко, и отделяют тебя от падения в бездну только семь слов, которые ты сам же и произнес.

Впрочем, сзади пышет злобой гигантский дракон. Это гораздо хуже. Этот доброй волей не отстанет, и даже в Криабале на него управы нет. Фырдузу почти хотелось плакать, когда он осознавал, что даже на каторге ему было спокойнее и безопаснее.

Ладно. Главное – дотянуть до Гайсинополиса. Там много Верхних, у них есть сильные волшебники и Красный Криабал. Фырдуз отдаст им свой, Рваный, и дальше ему, возможно, позволят остаться в стороне от событий. Дадут просто посидеть в уголке.

Он постарается никому не мешать.

Хотя... минуточку... а нет ли другого варианта?..

- О всемогущий владыка Орказарок, позволь обратиться к тебе! – что есть мочи пропищал Фырдуз, обернувшись. – У меня есть предложение!

- Говори! – прогремел дракон. – Ты хочешь отдать мне Криабал, если я пощажу твою жалкую жизнь, верно?! Я согласен! Просто кинь его вниз и улетай! Улепетывай, ничтожная тля, я не стану тебя преследовать!

На миг Фырдузу даже захотелось согласиться. В конце концов, Кобольдаланд оккупирован давно, он живет под хобиями пятый год. Кобольды уже притерпелись. Так ли уж в самом деле важно, кто именно правит страной? Со временем, может, станет полегче...

А Яминия... что ему Яминия? Среди цвергов к Фырдузу по-доброму отнесся разве что воевода Брастомгруд, но он мертв, убит хобиями. А страдать и мучиться ради вечно пьяного принца Перетрекумба и вздорной, ненормальной принцессы Остозилар... кто сказал, что он обязан это делать?

Он ведь даже не цверг! Он кобольд! Яминия ему чужая! Когда кроты захватывали Кобольдаланд, она не помогла ничем!

Так почему просто не отдать книгу дракону, не повернуть куда-нибудь на север, в город Данголль? Фырдуз слышал, что там

хоть и живут в основном варды, но есть и люди, и цверги, и теканы, и даже кобольды. Неужели не найдется местечка для еще одного?

Но колебание длилось недолго. Фырдуз прижал Криабал к груди покрепче и крикнул:

- Нет, я хочу предложить другое! Ты не мог бы остановиться на минуточку, о величайший?!

- Я что тебе, воробей?! – рявкнул Орказарок. – Я не могу... п-ха!.. остановиться на минуточку!.. Приземляйся! Или говори так!

Фырдуз задумался. Говорить так было паргоронски неудобно. Половину слов уносил ветер. И если рев Орказарока кобольд, само собой, слышал прекрасно, то вот его слова... хотя слух у дракона изумительный, в этом Фырдуз уже убедился.

Но приземляться – вариант еще хуже. И Фырдуз решил все-таки попробовать так. Он вдохнул поглубже и выкрикнул как можно громче:

- О великий дракон! Ты так могуч, что у меня захватывает дух!

- Оставим фальшивую лесть! – зло ответил Орказарок. – Я уже не молод, у меня одышка от этих раскланиваний на лету! Переходи сразу к сути, блоха!

- Это и есть суть! Ты так могуч, что наверняка без труда одолеешь целое войско!

- Войско войску рознь!.. но да, я такой, - с неохотою произнес дракон.

- Так что ты скажешь, если ты одолеешь такое войско... я про хобиев!.. а я за это отдам тебе Криабал?!

- Понимаешь, маленький кобольд... – сдавленно произнес Орказарок. – Тут есть один маленький нюанс...

- Какой?!

- Криабал и так мой!!! С чего ты взял, что я буду за него торговаться?! Да еще с кем – с вором?! Все, что я согласен дать тебе за него – оставить тебя в живых!!! Пользуйся, пока я не передумал!!!

Кажется, предложение Фырдуза дракона не на шутку взбесило. Возможно, если бы он изложил его как-то поделикатней, подипломатичней... но попробуйте-ка сделать это, летя в такой выси!

Кобольд в основном сейчас думал о том, какой формы получится лепешка, если он упадет.

- Да тебе это и не под силу, наверное! – все же сделал он еще одну попытку. – У хобиев там целые легионы! Да и что ты им сможешь сделать, под землей-то?

Дракон сухо, едко закашлялся... но через пару секунд кобольд

понял, что он смеется. Громадный древний ящер фыркнул, испустил дымное облако, и презрительно бросил:

- Я давно не в том возрасте, когда берутся на слабо! Последний тебе шанс – бросай Криабал и лети в другую сторону! Даже если не веришь моему слову, знай, что я не смогу тебя отыскивать, если расстанешься с книгой!

Об этом Фырдуз и так уже догадывался. Но бросить Криабал ему все равно что-то не давало. Что-то внутри останавливало, не позволяло отменить заклинание Уз и разжать руки.

То ли чувство долга, то ли жадность.

Облаце скользило по воздуху, как лодочка по воде. Только в сто раз быстрее. Фырдуз время от времени перегибался через край, взглядывал вниз. Пытался понять – это все еще Грифония или уже Новая Страна? На земле линии не проведены, надписей нет.

Он надеялся, что уже Новая Страна. Надеялся, что осталось недолго. Облаце летит быстрее дракона, но совсем чуть-чуть. А время от времени тот особо яростно взмахивает крылами и делает резкие рывки. Тогда разрыв снова сокращается.

Фырдуз надеялся, что рано или поздно тот устанет, но пока что Орказарок казался неутомим.

Кобольд в очередной раз перегнулся через край. Стал рассматривать бескрайние лесные просторы. Тут гор уже нет совсем. И не живет никто, наверное. Ни домов, ни распаханных полей, ни... а это что за пятнышко?..

Глаз словно сам собой зацепился за черную кляксу. Она казалась удивительно... чуждой. Недоброй. Зловещей. И странным образом знакомой – Фырдуз как будто раньше ее уже видел, только не мог вспомнить, где...

В первый момент ему не было страшно. То есть да, странная чернота как-то поневоле пугала, от нее екало сердце... но то был страх пустой, отстраненный. Она-то внизу, а он-то здесь, в целой вспашке над землей. Здесь ему только дракона бояться нужно, а бескрылым опасностям можно нос показывать...

Но секундой спустя черная клякса... взлетела. Поднялась вверх, как воздушный змей.

И стала увеличиваться.

Сердце Фырдуза застучало еще сильнее! Ужасная чернота летела прямо к нему, наперерез! Он понятия не имел, что это и зачем, но давно разучился ждать от внезапных встреч что-то хорошее!

Бесформенная клякса настигла облаце очень быстро. И какое-то время просто парила рядом, словно рассматривая сжавшегося в комочек кобольда. Фырдуз попытался повернуть облаце –

повернула и клякса. Они летели с равной скоростью.

А потом из нее выметнулась... пика. Длинная черная пика. Она ударила прямо в Фырдуза – и только каким-то чудом он успел подвинуть облаце ниже. То повиновалось, как собственная нога.

- Маракурита орхара баста! Иневорк! Сото ри... а-а-ай!.. – клацнул зубами Фырдуз. Черная гадость не дала закончить заклинание – снова плюнула частицей самой себя, и на этот раз облаце взметнулось вверх.

Загадочная тварь дернулась всем телом, издала скворчащий звук и раздулась еще сильнее. Начала забирать в стороны, отрезать Фырдузу пути к бегству. Он открыл рот в надежде все-таки прочесть Побег... но тут же закрыл.

До него дошло, что чем бы ни было это черное – оно нарочно охотится именно за ним. Скорее всего, тоже ищет Криабал. Скорее всего, тоже его чувствует. А Побег переносит не так уж далеко.

И на земле Фырдуз останется беззащитным, но станет еще и медленным. Сейчас его спасает исключительно проворное облаце. Раз успело отдернуть в сторону, два успело... успеет ли в третий?..

- ГРАААААРРРХХХ!!! – раздался страшный рев.

Орказарок! Дрожа от страха перед этим новым чудищем, Фырдуз даже забыл на секунду о гигантском драконе! А тот никуда не делся! Продолжал лететь следом – и сейчас сделал особо мощный рывок... и утопил черную кляксу в пламени!

Фырдуз облегченно выдохнул. Орказарок, по крайней мере, понятно, что собой представляет и чего хочет. От него ускользать кобольд уже научился. И теперь, когда он упокоил эту непонятную киротень...

Пламя развеялось. Истаяло белым дымом. И под ним обнаружилась все та же клякса – кажется, ничуть не изменившаяся. Только в центре ее появилось странное пятно особо глубокой черноты... и оно изрыгнулось в дракона!

Орказарок заревел от боли. Там, куда угодила эта летучая темнота, чешуя треснула, пошла... плесенью?.. Дивной прочности драконья шкура начала расползаться – и Орказарок покачнулся. Колоссальная туша накренилась на одно крыло, исторгаемый ею гул стал неровным.

Второй плевок непроглядной чернотой! Но в этот раз Орказарок успел изогнуть шею, успел схватить эту пакость прямо пастью... и проглотил!..

Между зубов у него заструился дым, а глаза налились кровью. Орказарок оглушительно чихнул и замотал башкой так,

словно раскусил что-то очень горькое.

Но скорости не снизил.

- Что ты за мерзость такая?! – грохнул дракон, выпуская новый пламенный клуб.

Но теперь с остраткой, осторожнее. Плюнул огнем – и сместился ниже, пристально глядя на черную тварь. Пламя ей по-прежнему не повредило.

Кажется, она его даже не заметила.

И она снова полыхнула этой сгущенной темнотой. Та окутала дракона целиком, скрыла в душном облаке. Оттуда донесся безумной ярости вопль – и Фырдуз испугался, что Орказароку конец. Не то чтобы ему было жаль это злобное кровожадное чудище, но летучая клякса пугала еще сильнее.

С драконом-то он как-то уже... сроднился, что ли. Привык к нему.

Но Орказарок выжил. Он вырвался из жуткой тучи – и хоть глаза его побагровели, а и без того черная чешуя как будто потемнела еще сильнее, в целом он остался невредим.

Древний царь-дракон бороздит небо сорок тысяч лет – неужто его прикончит какой-то грязный ком?!

- Эй, тля, вонючка кобольдская!.. – донесся чей-то голос. – Сюда зенки обернул, тля!..

Фырдуз изумленно повернул голову – и встретился взглядом с... еще каким-то чудовищем. То ли огромный кот, то ли медведь, но с кучей лап и бежит по воздуху, как по земле.

Да еще и с дверью в боку. И дверь распахнута настежь, а из нее торчат двое Верхних. Один лысый и огромный, как скала, а другой маленький и громко орущий.

Из-за их спин выглядывал еще какой-то очень объемистый Верхний, но он явно трусил высунуться слишком сильно, и его Фырдуз толком не различал. А вот эти двое... они почти что вываливались наружу, по их щекам текли слезы от секущего ветра, а с губ маленького еще и срывались хлопья слюны.

Многоногий зверь подлетел... хотя нет, подбежал прямо к облацу, пока черная клякса сцепилась с драконом. Орказарок быстро сдавал позиции – его огонь уже стал слабее, он проваливался в как будто ямы и жалобно хрипел.

Наверное, сейчас он все-таки сгинет.

- Идем, - протянул Фырдузу руку огромный Верхний.

На какой-то миг кобольд замешкался. Эти индивиды не внушали доверия. Они уж точно не явившиеся с небес воздатели, да еще и летают на каком-то чудовище... и даже не на, а в!.. Внутри диковинного страшного зверя!

Но... альтернатива гораздо хуже. Кобольд бросил последний

взгляд на ревущего от боли дракона и схватился за синеватую ручищу.

Интересно, это человек или какой-то еще неизвестный вид Верхнего?

Оставшись без хозяина, облаце сразу же рассеялось. А Фырдуз испуганно прижал к груди Криабал, не зная еще, что его ждет.

Если захотят отнять книгу – придется рубить руки. Заклятие Уз по-прежнему действует.

Но пока что его не трогали. Внутри летучего зверя оказалось очень уютно. Как в просторной карете – покрытые мехом сиденья, скамейки вдоль боков, окошки... в одном из них вдруг почернело, и Фырдуз вздрогнул.

- Валим, - шмыгнул носом Плацента. – А то нам енот.

- Есть ли хоть малейшая вероятность того, что сей величественный дракон одолеет Антикатисто? – с надеждой спросил Дрекозиус.

- Нулевая, - спокойно ответила Джиданна. – У нас в Мистерии были и драконы. Не такие огромные, как этот, но все равно. Антикатисто их в лаваш раскатал.

Мектиг мрачно уставился в окно. Громадный ящер, видимо, тоже понял, что его сейчас раскатают в лаваш, и спешно отступал. Потертый, потрепанный, местами как будто даже обожженный, он отвернул и летел прочь.

И Антикатисто явно не собирался его преследовать – довольный уже тем, что больше не отвлекают, он ринулся за искателями Криабала. Огнедышащее чудовище не сумело его даже оцарапать.

Драконы. Мектиг ненавидел драконов.

- Мир вам... – робко произнес кобольд.

- Подожди, - попросила Джиданна. – Отче, вы уже зеркалите?

- Конечно же, дочь моя, конечно же, - произнес Дрекозиус, дописывая номер. – Лорд Бельзедор, не сочтите за дерзость, но мы были бы очень признательны за елико возможно срочный портал, поскольку нас преследует враг всех добрых севигистов!..

- Я бы на его месте послал тебя в анналы, жирный глиномес! – рявкнул Плацента.

Но Бельзедор не был на месте Плаценты – и портал раскрылся раньше, чем Дрекозиус закончил фразу. Вехот вбежал в светящуюся арку – и та закрылась.

Антикатисто остался на другой стороне. Но он не успел совсем чуть-чуть. Черные щупальца уже почти схватили демона-возницу, уже почти сцапали. Тот уже ощущал на шкуре прикосновение чистой Тьмы.

- Нас спас Темный Властелин, - промолвила Джиданна. – Как иронично.

- Но нас едва не сожрали! – брызнул слюной Плацента. – Старый жиробас, какого кира ты вечно бубнишь по полчаса?! Не сочтите за дерзость, были бы очень признательны... я тя ща порежу, урод прелый!

- Почему же прелый, сын мой?.. – растерялся Дрекозиус.

- Потому что прелые складки сала! – выхватил нож полугоблин. – И я тебе их ща срежу, святоша!

Плацента кинулся на Дрекозиуса, и жрец заверещал зайцем. Он прижался к шерстистой двери и забарабанил в нее одной рукой, другой прикрываясь от озверелого полугоблина. Тот нападал не всерьез, но ножом размахивал в опасной близости.

- Угомонись, - вяло сказала Джиданна. – У нас больше нет Белого Криабала, чтоб воскресить в случае чего.

- А ты вообще закройся, колдовка познатая! – рявкнул Плацента. – Я, тля, тут чуть в землю не лег из-за этого халата! Не, я ему точно нож в пузо воткну!.. кхр-р-р!..

Это Мектиг сдавил ему шею. Под могучими пальцами что-то хрустнуло, полугоблин обмяк и замолчал.

Тишина. Мектиг любил тишину.

Джиданна неохотно пощупала Плаценте сонную артерию. Проверила, не сломана ли шея. Та оказалась целой... кажется. И дыхание тоже не пропало.

- Осторожней впредь, - предупредила дармага волшебница. – Если ты выбьешь из Плаценты все дерьмо, от него просто ничего не останется.

Фырдуз смотрел на эту сцену затравленно, забившись в уголок. Эти четверо только что чуть не поубивали друг друга. Он знал их всего несколько минут, а они уже чуть не поубивали друг друга.

Возможно, он попал из огня да в полымя.

- Мир тебе, сын мой, - ласково обратился к нему Дрекозиус. – Прости, что ты вынужденно стал свидетелем наших неурядиц. Всегда грустно, когда происходят ссоры между друзьями, но заверяю тебя – такое более не повторится. Добрый Плацента просто слегка перенервничал и дал волю чувствам, но обычно он добрейшее существо и не обидит даже мухи. Простим же его, как боги прощают даже самых закоренелых грешников.

- Ла... ладно, - покивал Фырдуз. – А вы кто? Вы... что вам от меня нужно? И... где мы?..

- А мы просто несколько добрых друзей, волей богов собравшиеся ради исполнения священной миссии. И если ты передашь нам эту книгу, которую ты, я уверен, уже притомился

держать, мы сможем все вместе отправиться на дружескую трапезу и за чаркой вина превесело обсудить все, что с нами случилось.

- Нет! – прижал к груди Криабал Фырдуз. – Я не отдам! Предупреждаю, тут есть заклинание Убийства, и я помню его наизусть!

- Оно длинное? – спросила Джиданна, как бы невзначай поглаживая белку.

- Три слова!

Волшебница на секунду задумалась, а потом пожала плечами. Ладно, пусть держит пока у себя, как держала Белый Криабал Имрата. Все равно от одного-единственного проку сейчас немного, да еще и Антикатисто наверняка скоро за ним явится.

- Пошли, - сказала она, открывая дверь. – Познакомишься с нашим нанимателем.

- Вы из Новой Страны? – с надеждой спросил Фырдуз, выглядывая наружу. – Мы в Гайсинополисе?

- Нет, мы в Империи Зла. И не знаю, как остальные, а лично я хочу жрать.

Глава 15

В духоводческой конторе было сумрачно и прохладно. На стене тихо пощелкивали часы-ходики. Совершенно не волшебные, чистая механика.

Осматриваясь, Массено быстро понял, что духоводители стараются избегать сторонних чар. Тут не было ничего такого, чего не могло бы оказаться в приемной какого-нибудь ювелира или преуспевающего портного. Самый обычный стол, стулья, мягкий диван и кресла. В одном из них сидел посетитель со свежим номером «Наяды».

- Мир вам, мэтр, - прощебетал ласковый голосок. – Мир вам, святой отец.

Массено даже не вздрогнул, хотя голос доносился из пустоты. Он лишь сосредоточился на этом месте, и лучи солнечного зрения прозрели... духа, естественно. Кого же еще. Девушку-эльфа крохотного росточка.

- Я Львина Эстерасс, скончалась в тысяча одиннадцатом году, - представилась она. – Могу я принять ваш заказ? С кем вам желаемо повидаться сегодня?

- Я хочу увидеть четырех человек, - ответил Танзен. – Два лиценциата, практикант-бакалавр и... еще один. И мне нужен по крайней мере магистр – задача может оказаться непростой.

- Бывали раньше у нас? Пожалуйста, присядьте и заполните анкеты на призываемых. Чем полнее, тем лучше. Памятные предметы разложите на блюдечках. Оплата после сеанса... расценки знаете?.. Хорошо.

Массено аккуратно присел на краешек дивана. Танзен плюхнулся рядом, взял три листка из бумажной стопы и принялся черкать стальным пером. Глядящий сверху Массено увидел, что это готовые бланки, размноженные типогримагическим способом.

Ксару Оркатти. Маред Дженнаро. Менеум Дегле-Хотто. Три имени выстроились в заглавиях бланков. Словно памятные листы, что подают на отпевание жрецам-савромариям. Три покойных волшебника, которых Массено никогда не знал.

Что-то Танзен писал по памяти, о чем-то сверялся с дальнозеркалом и замусоленной тетрадью, которую принес из дому. Еще он принес две пряди волос и два предмета – порванный конверт и медную монету с дыркой. Пряди он положил на блюдца Оркатти и Дженнаро, конверт и монету – к Дегле-Хотто.

А на четвертое блюдце он выложил целую горсть монет,

вскрытое письмо, носовой платок, карманный нож, маленький пузырек и нательную спираль. И никакого бланка на сей раз не заполнил.

Когда он закончил, к столу вернулась девушка-призрак, внимательно все осмотрела и предупредила, что контора не имеет права вызывать лиц, не связанных с заказчиком родственной или хотя бы дружеской связью. А если Танзен даже не знает имени одного из духов, он точно никак с ним не связан.

Но с остальными тремя проблем быть не должно.

Покойная Эстерасс спросила, оба ли гостя желают присутствовать на сеансе, и проводила их в один из приемных покоев. Там Танзену и Массено поклонилась молодая волшебница в белом халате и маске. Не представившись, она проглядела заполненные Танзеном листы и изучила предметы на блюдцах.

- Частицы тел – оптимальный вариант, - кивнула духоводительница. – А вот эти предметы почти не несут следов ауры.

- Я знаю, - поморщился Танзен. – Но у меня нет ничего лучше. А его родня живет не в Мистерии, у меня нет времени с ними связаться.

- Я попробую, но ничего не могу обещать, - сказала духоводительница. – А этот четвертый... гм. Кем он вам приходится?

- Никем, слава Кому-То-Там. Это был антимаг, мэтресс.

Духоводительница дернулась, словно вещи мертвого антимага могли ее ужалить. С явной неохотой она взяла двумя пальцами платок и произнесла:

- Я не уверена, что имею право такое вызывать.

- После смерти они безвредны, - заверил Танзен. – И я агент Кустодиана, проблем не будет.

- У Кустодиана есть же свои духоводители...

- Не такие хорошие, как барышни Ижи.

Волшебница смолкла, внимательно глядя на Танзена через прорези в маске.

- Я вызову этих двоих и попробую что-нибудь сделать с этими, - наконец сказала она. – Но ничего не могу обещать.

- Меня удовлетворит даже попытка.

- В таком случае прошу сидеть неподвижно и ничего не говорить без разрешения. Не пересекать линий и особенно не пытаться колдовать.

- Я знаю правила.

Духоводительница вздохнула, откинулась на подушках и затянулась ароматным дымом. Рядом с ней булькал серебряный кальян, а по углам комнаты курились высокие ладанки. Вообще,

дыма было так много, что он почти скрывал потолок и магические фигуры, на нем изображенные. Большой круг и четыре переплетающихся ромба.

Танзен на миг задумался, видит ли их Массено. Он не знал, как в точности устроено зрение солнечных монахов, но по косвенным признакам уже понял, что те не способны смотреть наверх. Им почти невозможно увидеть солнце – разве что на рассвете или закате, да и то придется очень изогнуть угол зрения.

Тем временем духоводительница уже совершила все необходимые манипуляции. Аналогичный круг с ромбами на полу сверкнул синим, там проявилось мутное свечение... и на этом все закончилось.

На зов никто не явился.

- Оу. Как странно, - растерянно произнесла волшебница. – Я их не чувствую. Что это может означать?

- Ничего хорошего... – мрачно произнес Танзен.

- А вы не могли ошибиться в именах?..

- В дате рождения или еще какой-нибудь детали – мог, я не очень хорошо запоминаю такие вещи, - признался Танзен. – Но уж имена-то их я помню.

- А волосы точно принадлежат именно этим индивидам?

- Я сам срезал их с голов.

- Я попробую еще раз.

Она попробовала еще раз – но с тем же результатом. Повозилась немного с практикантом и неизвестным антимагом – но и они на зов не явились. Танзен терпеливо ждал – он-то понимал, насколько тонкая и сложная работа у духоводителей, как многое здесь зависит от терпения и сосредоточенности.

Дух может просто не хотеть являться, быть не в настроении, а то и вне зоны доступа. Тот свет – не архивный шкаф с пронумерованными ящиками, откуда в любой момент можно извлечь кого угодно. Астральный план гораздо больше и сложнее материального, и большинству духов глубоко безразличны дела живых.

Но у духоводительницы что-то уж очень упорно ничего не получалось. А Танзен хорошо знал контору Маденки Ижи – тут работает добрая сотня спиритуалистов, и профанов среди них не водится.

- Сложный случай, - наконец сдалась женщина. – Простите, но я одна тут не справлюсь. Мешна, позови мэтра Зоркиниса. Без него тут никак.

Через пару минут в покой вошел толстый бородатый гном в сопровождении двух практикантов. Недовольно ворча, он расспросил духоводительницу, расспросил Танзена и довольно

потер руки.

- Превосходно, - осклабился он. – Маск, Оторгоц, смотрите внимательно. Сейчас я буду учить вас, как призвать духа, который не желает приходить. Смотрите внимательно.

Гном засучил рукава. В отличие от своей коллеги, он был без маски – да и не требовалась она ему. Профессор Зоркинис – один из лучших духоводителей Мистерии, равных ему немного.

И он тоже ничего не сумел сделать. Долго кряхтел, раскачивался, тер между пальцев волосы Оркатти и Дженнаро, но в конце концов крякнул и сдался.

- Зови начальницу, - велел он незримому духу. – Это что-то паргоронское, я такого еще не видел.

Снова пришлось ждать – и на этот раз гораздо дольше. Только через полчаса в покой вступила удивительно хрупкая женщина неопределенного возраста. Она сама казалась призраком – так бесшумно ступала, так прозрачна была кожа. Сквозь нее почти можно было разглядеть противоположную стену.

- Мир всем присутствующим, - чуть слышно прошептала она. – Кого же такого не сумели призвать магистр и профессор?..

Духоводительница в маске и профессор Зоркинис стыдливо потупились. Теперь уже их начальница взяла заполненные Танзеном анкеты и принялась рассматривать личные вещи покойных.

Маденка Ижи – лауреатка премии Бриара третьей степени. Возможно, лучшая духоводительница в Мистерии. В ходе прошлых расследований Танзен не раз наведывался в ее контору, и лишь однажды призыв оказался настолько труден, чтобы обратиться к ней самой.

Но с тем случаем все понятно. У духа были веские причины не приходить. А вот почему не являются старые Танзена друзья... волшебник боялся даже думать об этом.

И призыв начался в третий раз. В отличие от подчиненных, Маденка Ижи почти не колдовала – в спиритизме это не так уж и важно. Главное – суметь сообщить духу, что здесь его ждут, что здесь его хотят видеть.

И если данное общество духу не противно – он явится сам.

Они явились. В этот раз они явились. На глазах у Танзена и Массено сквозь пол прошли две призрачные фигуры – и застыли в круге. Волшебники пристально уставились на них – и Массено тоже. Он единственный тут не имел опыта в спиритизме, зато неоднократно сталкивался с духами... и ему сразу стало видно, что эти – какие-то неправильные.

Не в том дело, что они были изуродованы или покалечены. Многие призраки в загробности остаются такими, какими застала

их смерть. Вечно несут отпечаток бренной плоти. Скорбно похваляются ранами и увечьями.

А иные перерождаются в демонов. Ненависть к своим убийцам, жажда мести, тоска по оставленному в живой жизни, боль за родных и прочие тягостные чувства коверкают их души, поднимают на поверхность глубинную тьму... и превращают в злых духов.

Но эти не были таковы. Эти не метались в круге, не стенали, не рычали зверьми. Не были они и душами старыми, ослабевшими, почти истаявшими. Тех тоже нетрудно отличить.

Нет, они были молчащими недвижными тенями. Не призраками, а какими-то... отпечатками. Словно объемные инкарны, точные портреты.

Никакой осмысленности в глазах. Пустота.

- Вы можете с ними заговорить, - негромко сообщила Ижи. – Только без резких движений. Не вспугните.

- Оркатти, - тихо обратился к духу слева Танзен. – Ты меня узнаешь?

- Ты Танзен, - бесстрастно ответил дух.

- Дженнаро. Помнишь меня?

- Ты Танзен.

- Вы что-нибудь знаете о том, как вас убили?

- Нет.

- Что последнее вы помните?

- Вспышку.

- Свет.

- Боль.

- Агонию.

- Смерть.

- Где вы сейчас? В Шиассе?

Духи хранили молчание, равнодушно глядя на Танзена.

- Как их убили? – осведомилась Ижи, рассматривая духов. – Я такого еще не видела. У них полностью разрушено духовное начало... и повреждены другие. Как будто само астральное тело... взорвалось изнутри.

- Антимаги... – негромко произнесла духоводительница в маске.

- Нет, не может быть. Антимагия не убивает. И не оставляет таких следов. Мэтр Танзен?..

- Не могу сказать, - мотнул головой Танзен.

- Секретная информация, понимаю, - криво улыбнулась Ижи. – Дела Кустодиана. Но все же?..

- Простите.

- Мэтр, я близко знакома с Ледяной Глыбой. Мне вы можете

рассказать.

- В таком случае вам не составит труда позеркалить префекту, чтобы он дал мне на это разрешение, - сухо произнес Танзен.

- А вы бюрократ, Танзен, - укоризненно произнесла Ижи. – Ладно, храните свои секреты. Кого вам еще вызвать?

- Никого, - ответил Танзен, пристально глядя на Оркатти и Дженнаро. – Давайте заканчивать сеанс.

- Уверены?.. Вы же хотели еще двоих...

- Уверен.

Расплатившись, Танзен покинул духоводческую контору вместе с Массено. Монах хранил молчание, видя всю мрачность спутника.

- Бесполезно потратили время, - наконец произнес волшебник. – Они меня помнят, но... это память кругов на воде. Не уверен, что там еще осталось сознательное начало.

- Получается, чакровзрыватели не просто убивают, - тихо произнес Массено. – Они калечат саму душу.

- Это с самого начала было понятно. Но я не думал, что все плохо до такой степени. После этого же даже воскрешать бессмысленно – оживут не люди, не волшебники, а... полузомби. Живые, но... вот такие.

- Не представляю более богопротивного преступления. Нам необходимо это пресечь, мэтр.

- Необходимо, - кивнул Танзен, дуя на дальнозеркало. – Мэтр Локателли, у нас есть новая информация.

- Очень интересно, очень, - донеслось из-за стекла. – А вы сейчас в Валестре, верно? Загляните ко мне, оба. У меня тут тоже для вас кое-что найдется. Пустяк, думаю, но нам сейчас любые пустяки полезны, верно ведь?

Будучи президентом Мистегральда, Зодер Локателли постоянно проживал на территории университета. У него была резиденция в городе, была и дача на берегу моря, но большую часть времени он проводил в Клеверном Ансамбле. В этом невероятном учебном комплексе, настоящем пригороде Валестры, столицы Мистерии.

Был самый разгар третьего семестра. Середина луны Крокодила, подходит к концу весна, скоро уже лето. Школяры и студиозы так и сновали вокруг, носились из корпуса в корпус. Массено, глядящему на эту круговерть сверху вниз, она казалась причудливым танцем, сложной хореографической феерией, в которой у каждого своя роль и свой смысл.

- Как же много людей учится в вашей школе, - вежливо заметил он.

- И не только людей, - рассеянно кивнул Танзен. – Нам туда, святой отец.

Здание Мистегральда было крупнейшим из шести. Не таких правильных очертаний, как Адэфикарос, и не настолько ажурное, как Артифициум, оно зато превосходило всех размерами. Крышу венчали пурпурные купола, а в двери лился нескончаемый людской поток.

Хотя действительно – далеко не только людской. Тут были, пожалуй, все народы Парифата. Некоторых Массено даже не мог распознать – в таком разнообразии представали будущие волшебники.

- В Клеверный Ансамбль принимают всех, кто того пожелает? – спросил Массено.

- Всех, кто проходит возрастной ценз и может сдать вступительный экзамен, - ответил Танзен. – То есть... да, почти всех. У нас не учатся разве что твинодаки и арбориане.

- Насчет арбориан понятно, а твинодаки почему?

- Так у них нет духовного начала. Вы не знали? Они даже снов не видят. Учить твинодака волшебству – это как учить камень плавать.

- Интересно, - наклонил голову Массено. – Мне было известно, что твинодаки невосприимчивы к божьему слову – у них нет никаких религий даже в зачаточном состоянии и они не понимают саму концепцию веры. Но того, что им недоступно и волшебство, я не знал. Благодарю, что обогатили меня новыми знаниями, мэтр.

- Хотя на самом деле многие виды встречаются у нас только в виде исключений, - задумчиво сказал Танзен. – Водяным обитателям, например, учиться здесь довольно трудно. Пигмеям тоже. А то есть еще такие мрадалеуры... не слышали?.. Мало кто слышал. Они размером с ноготь – сами представьте, насколько это проблемно. А у гремлинов своя магия, очень специфическая, и с нашей они не в ладах. Но вообще у нас политика общедоступности – поступить может любой, подходящий по возрасту и успешно сдавший экзамены.

- Это делает вам честь, мэтр. Большинство школ не так либеральны.

- Э, Мистерия тоже когда-то принимала только людей, - махнул рукой Танзен. – У нас тут почти тысячу лет правила бал клановость. Всякие древние магические фамилии и тому подобное. Все эти «-лли», «-тти», «-нни» и прочие старинные семьи. Какое-то время существовал даже университет Пеканиум, куда принимали только уроженцев Мистерии, но потом его расформировали.

- Почему же?

- Ученый совет решил, что это принижает этих самых уроженцев. Получается, что они вроде как менее способные и им нужны особые условия.

- А вы ведь, судя по имени, не уроженец Мистерии? – вежливо осведомился Массено.

- Уроженец, но... я не из старинной семьи, - неохотно ответил Танзен. – И это уже давно не имеет значения. С тех пор, как одна эльфийская девочка проломила плотину, никого уже не волнует, кем были твои предки и какой формы у тебя уши.

- Это была владычица Галлерия, не так ли?

- Да, она была первой. До нее нелюдям в Мистерию был путь заказан. Но она была настолько талантливой, что ради нее сделали исключение – и это открыло дорогу остальным. Ведь если один эльф тут уже учится – почему нельзя другим? А если мы принимаем эльфов – почему не принимать других нелюдей? Потом, правда, еще очень долго держался запрет на прием демонов, полудемонов и некоторых других существ. Но и его отменили после реформ Локателли.

- Вот это уже несколько спорное решение, я бы сказал, - заметил Массено.

- Ну скажите это старику Локателли сами, - хмыкнул Танзен. – Он всегда проталкивал идею того, что нет плохих народов – есть только плохие индивиды.

- Даже демоны?..

- Демоны эту концепцию слегка портят, - согласился Танзен. – Но ведь даже среди них встречаются вполне приличные. С некоторыми у нас заключены соглашения. Они работают на Мистерию на постоянной основе. У нас не запрещено призывать демонов, знаете ли. Конечно, при условии, что они должным образом зарегистрированы, приписаны к определенным волшебникам и не причиняют никому вреда. Кустодиан за этим внимательно следит, святой отец.

- Я не стану спорить, - деликатно ответил Массено.

- Но вы не согласны?

- Я не стану спорить.

Танзен посмотрел на Массено с легкой иронией. Честно говоря, с либерализмом нынешнего ученого совета он тоже не был полностью согласен. Да и большая часть Кустодиана. Слишком уж много работы его агентам задавали именно подобные... существа. Да, их присутствие в Мистерии ограничено, но Танзен предпочел бы ограничить его еще сильнее.

- Вы только не подумайте, пожалуйста, что Локателли – какой-то наивный добренький дедулька, - однако сказал он. – Он

таким иногда кажется... но только кажется. На самом деле без него вся Мистерия сейчас выглядела бы иначе. Это же он двести лет назад провел реорганизацию всей учебной системы. И Клеверный Ансамбль построил тоже он. До него все университеты стояли по отдельности, в разных концах острова... и иногда даже воевали между собой. А ведь он тогда еще не был председателем ученого совета и даже президентом Мистегральда еще не был – только ректором Вербалеона.

- Только ректором? – удивился Массено. – Но...

- Мистерией управляет ученый совет, - предупредил его вопрос Танзен. – Он состоит из шести президентов и тридцати ректоров. Обычно лидерство в нем принадлежит председателю, но бывает и так, что председатель – фигура скорее формальная. И когда Локателли попал в ученый совет, то очень скоро все стали его слушаться, как будто он и есть председатель. В итоге... ох, извините, мэтр Локателли. Я вас не заметил.

Массено с трудом спрятал улыбку. Он-то прекрасно видел этого седобородого старца, что бесшумно подлетел к ним сзади и вот уже полминуты внимал рассказу о самом себе. И теперь, когда Танзен остановился – всплеснул руками и огорченно спросил:

- Что же вы остановились, мэтр Танзен?! Продолжайте же, прошу вас! Ваши слова – музыка для моих ушей!

Танзен смущенно молчал. Он гадал, слышал ли Локателли фразу насчет наивного дедульки.

- Что, нет?.. – вздохнул тот. – Не порадуете старика?.. Ладно, буду хвастаться дальше сам. Так вот, брат Массено, когда мне пришла мысль объединить все наши университеты в едином комплексе, я поначалу наткнулся на обычную для всякого смертного существа косность мышления. Для всех это было слишком... радикально, знаете ли. Наш тогдашний председатель ученого совета, мэтр Уль-Шаам... милейший старый дракон, скажу я вам!.. Уникальная личность и чудеснейший волшебник!.. Но даже ему, представьте себе, понадобилось время, чтобы понять, о чем я вообще тут толкую. Но я не сдавался! Нет, брат Массено, я не сдавался! Я чувствовал, что это мое призвание! Мой долг, если хотите! И в конце концов я достучался до этих консерваторов! Убедил их, насколько я великолепен!.. то есть, насколько великолепен мой план! Грандиозная реформа, представьте себе! До сих пор вспоминаю с удовольствием и так, знаете, горжусь собой, так горжусь...

С упоением рассказывая о себе, мэтр Локателли одновременно показывал дорогу. Его кабинет располагался на самом верху главной башни – окна выходили на Клеверную площадь, и оттуда открывался вид на весь город, на дивно-

прекрасную Валестру.

Каменное кресло плыло сначала над мозаичной плиткой, потом – над мраморными ступенями холла. Массено с любопытством здесь все разглядывал – в учебных корпусах Клеверного Ансамбля он раньше не бывал, только в библиотеке.

- Сюда, прошу, - указал на светящуюся арку Локателли. – Немного сократим путь. Кстати, вы сегодня обедали?.. Нет?.. Да будет бутерброд. И еще один – да будет.

В руках Танзена и Массено материализовались сэндвичи. Блюдущий аскезу монах стал искать вежливые слова для отказа, но заметил, что его бутерброд... незамысловат, скажем так. По сути это были просто сложенные вместе два куска хлеба – ржаной и овсяный. А поскольку он и впрямь излишне долго не вкушал пищи, Массено не стал чиниться и вонзил в угощение зубы.

Светящиеся арки были установлены по всему университетскому комплексу. Внутренняя сеть порталов – слишком огромная территория, слишком огромные расстояния. Но было их меньше, чем хотелось бы – ученый совет не желал, чтобы школяры разленились. Поэтому перед самыми востребованными порталами постоянно собирались толпы, и большинство предпочитало все же ходить пешком.

В основном этой сетью пользовались преподаватели – их пропускали без очереди.

Само собой, перед главой ученого совета расступились даже учителя. Локателли лучезарно улыбался, паря среди молодых волшебников. То есть на самом деле среди них хватало и индивидов средних лет, и даже пожилых, но рядом с Локателли молодыми казались все. Он ведь словно нарочно отращивал бороду как можно длиннее.

Если бы он передвигался не в волшебном кресле, а на своих двоих, она бы путалась в ногах.

- Пройдемте, пройдемте, - приветливо вещал он, летя по коридору. – Так приятно принимать гостей... может, выпьете что-нибудь?.. Да будет вино. Мэтр Танзен, я знаю, вы любите. А вам воды?.. Да будет вода. О, вот и моя скромная обитель... прошу, прошу!..

Кабинет президента был светлым, просторным и со вкусом обставленным. Локателли явно любил уют, любил красивые вещи. Мебель зеленого дерева, гобелены на стенах, пушистый ковер с узором. В дальнем конце виднелись несколько дверей, причем одна была приоткрыта, и оттуда доносился шум моря.

Входные двери тоже были распахнуты настежь. В кабинете уже стоял посетитель – и не кто-нибудь, а высокий худой полудракон со сросшимися бровями. Сам Хаштубал Огнерукий,

президент Риксага.

Он с растерянностью рассматривал обгорелый птичий труп.

- Хаштубал!.. – с надрывом произнес Локателли. – Ты что... ты убил мою птицу?!

- Это не я! – возмутился Хаштубал. – Она сама сгорела!

- Не отпирайся. Это ты. Ты убиваешь всех, кого любишь, Хаштубал.

- Я не любил твою птицу, старый хрыч!

- Ты ненавидел мою птицу, и поэтому убил ее. Как ты мог?

- Прекрати! Я ее даже пальцем не трогал! Я просто вошел и она... она вспыхнула!

- Как ты можешь так жалко лгать, Хаштубал? – покачал головой Локателли. – Это же не феникс, чтобы вот так взять и вспыхнуть сам собой. Это фазан.

- Фазаны сами по себе не загораются, - рискнул вставить слово Массено.

- Я его не сжигал, - злобно покосился на него Хаштубал. – Я просто вошел. Я давно вышел из того возраста, когда вокруг меня случайно загорались вещи.

- Да-да, как быстро летит время... – покивал Локателли. – Кажется, еще только вчера ты подпалил мой ковер... и мою бороду...

- Это было сто шестьдесят лет назад, - процедил Хаштубал. – Ты до сих пор не можешь простить, старый урод?!

- Да я давно простил, - ласково улыбнулся Локателли. – Ты же был маленьким несмышленым ребенком. Я не держу зла. И эту несчастную сгоревшую птицу я тоже тебе прощу.

- Я не сжигал эту птицу!!!

- Тем более, что это все равно было чучело.

Хаштубал схватил обугленную тушку и принялся сканировать ауру. Через пару секунд его глаза расширились, и он с бешенством швырнул чучело в стену.

- К чему так яриться? Она давно мертва, - насмешливо произнес Локателли. – Мне кажется, тебе стоит обратиться к психозрителю.

- Со мной все в порядке! – рявкнул Хаштубал. – Это тебе стоит провериться, шутник киров!

Танзен и Массено старались не привлекать к себе внимания. К счастью, эта бурная сцена не переросла в ссору. Хаштубал некоторое время еще дымился от злости, но потом остыл и налил себе вина, сам достав его из шкапа.

- Знаешь, у тебя совершенно нет чувства юмора, - укоризненно сказал Локателли, сотворив гостям кресла. – Это всего лишь невинный розыгрыш. Не обижайся на бедного старика,

у которого осталось так мало радостей в жизни.

- У меня есть чувство юмора, - хмуро ответил Хаштубал. – Просто оно отличается от твоего. Зачем ты меня позвал-то?

- Просто обсудить кое-что. Вы еще не знакомы, верно ведь? Это мэтр Танзен, он из Кустодиана. А это брат Массено, из ордена Солнца. Они ведут то самое расследование, которое мы с тобой вчера обсуждали.

Хаштубал коротко кивнул волшебнику и монаху. Они не слишком его заинтересовали. Великий маг скрестил руки на груди и с раздражением ожидал, пока ему разъяснят цель визита.

Танзен тоже не совсем понимал, зачем Локателли пригласил Хаштубала. Спору нет, волшебник он поразительно сильный, могущество его колоссально. Но специализация предельно узкая.

Хаштубал Огнерукий – чистейший боевой маг, квинтэссенция разрушительной мощи. Когда речь о том, чтобы с кем-нибудь схлестнуться – зовите его, не прогадаете.

Но если нужно что-нибудь другое... лучше обратитесь к кому-то еще.

Танзен отчитался перед Локателли о ходе расследования и спросил, не следует ли уведомить и мэтра Сарразена. Но Локателли только отмахнулся и сказал, что сам известит префекта. Гораздо важнее сейчас другое.

- Антимагия, - поднял палец он. – Вы ведь не стали призывать того антимага, мэтр Танзен? Почему? Его чакровзрыватель вряд ли покалечил так же сильно, а мэтресс Ижи наверняка справилась бы и без имени.

- Я решил, что в этом нет необходимости, - ответил Танзен. – Он был не гроссмейстером и даже не магистром. Что он может знать?

- И все же убедиться бы не помешало, нет?.. Не согласны?

- Там собралось слишком много... посторонних. В том числе два практиканта. Я решил, что...

- Да-да-да, я вас понял, - поморщился Локателли. – Разделяю ваши опасения. Хаштубал, ты разделяешь?.. Хотя кому какое дело. Какова ваша следующая цель? Великий инквизитор Астучии, предполагаю? Он должен знать много такого, что не помешало бы узнать и нам.

- Там придется действовать очень деликатно, - отвел взгляд Танзен. – Малейшая оплошность может вылиться в дипломатический скандал. А Астучия...

- Предсмертной волей отца Стирамеда я несу ношу нунция Космодана, - тихо произнес Массено. – Я имею право допросить... хотя нет, не допросить... вы правы, это будет очень сложно...

- И применить силу тут будет нельзя, - покивал Локателли. –

А под силой я понимаю любые волшебные методы.

- Ты всегда все чрезмерно усложняешь, старик, - поморщился Хаштубал. – Просто отправь Хараббу. Он снимет очки, и твой инквизитор выложит все, что знает. Добровольно. Безболезненно. Есть такое прекрасное проклятие – Болтливость. А когда он все расскажет, Харабба нашлет Забвение. И все. Проблемы решены.

- Хаштубал, Хаштубал, Хаштубал... – покачал головой Локателли. – Мальчик мой, ты знаешь, я искренне страшусь того дня, когда умру, и ты станешь председателем ученого совета. У тебя все всегда так просто. Если что-то можно сжечь – ты это сжигаешь. Если это тот редкий случай, когда огонь проблему не решает – кличешь порченика, призывателя, психозрителя, заклинателя...

- Что я могу сказать? – пожал плечами Хаштубал. – Я – не ты. Я предпочитаю... знаешь... решать проблемы. Просто вот брать и решать.

- Слишком просто, Хаштубал. Слишком просто. Твои методы не решают проблем, а только ломают все вокруг. А прибирать за тобой потом кому?.. А прибирать потом старому дураку Локателли, который тоже хочет иногда просто отдохнуть у камина с чашечкой чая. Да будет чай.

- А ты все время тянешь кота за яйца, старый хрыч. Все время что-то выдумываешь. Что-то накручиваешь. Маразматик старый. У нас тут конец света намечается, а ты все какие-то комбинации сооружаешь.

- Ну-ну, не бурчи, - ласково улыбнулся Локателли. – Скушай лучше печеньку. Да будет печенье.

- Оно с изюмом, - мрачно уставился на печенье в своей руке Хаштубал. – Ты же знаешь, что я ненавижу изюм.

- О боги, какой же ты капризный, - закатил глаза Локателли. – Не быть изюму. Ты доволен теперь?

- Мэтр Локателли, извините, если покажусь бестактным, но вы хотели нам о чем-то рассказать, - деликатно напомнил Массено.

- Так я и пытаюсь, просто кое-кто меня все время перебивает, - ответил председатель. – До того, как отправиться в Астучию, я рекомендовал бы вам заглянуть во Фрабозию.

- Антимаги, - с полуслова ухватил Танзен. – Они, конечно, завязаны в этом по уши. Но нас же там сразу убьют.

- Просто отправь туда Скрытую Армию, старик, - брюзгливо посоветовал Хаштубал. – Мы же знаем, где находится Фрабозия. Я давно предлагаю стереть ее с лица Парифата, пока зараза не расползлась слишком сильно.

- И большими буквами расписаться в том, что они были

правы? – прищурился Локателли. – На весь мир провозгласить: да, мы могучие волшебники, мы можем уничтожить кого угодно! Захотим – вас уничтожим! Что вы нам сделаете?! Ничего, бе-бе-бе!..

- Подпорченная репутация – дело десятое, - возразил Хаштубал. – Другие страны все время ведут войны. Ну испугаются они нас – и что?.. Мы – не Империя Зла! Все поймут, что нас вынудили!

- Хаштубал, угомонись, - недовольно поморщился Локателли. – Хочешь внести предложение – вноси на заседании.

- Чтобы ученый совет опять его провалил? Они все пляшут под твою дудку.

- Вот и задумайся, почему. Потому что я тиран и меня все боятся? Или все-таки потому, что они уважают мои мудрость и жизненный опыт?

- Потому что там сидят такие же слабоумные старые пердуны, как ты.

- И они все меня уважают, - поднял палец Локателли. – Хаштубал, оппозиция состоит из одного тебя. Ты там единственный глас... того, что ты считаешь разумом. Но ты сильнее всех будешь жалеть, когда я отправлюсь на заслуженный отдых.

- Добровольно в отставку ты не уйдешь никогда.

- Конечно. Как же мне вас бросить? Без меня тут все развалится. День моей смерти станет черным днем для всей Мистерии... да что там, для всей планеты! Когда я умру, люди будут рыдать от горя. По всему миру объявят трехдневный траур. В мою честь назовут улицы. В каждом городе поставят памятники. Возможно, конные.

- Я был уверен, что вам уже поставлены какие-нибудь памятные статуи, - задумчиво произнес Массено.

- Ну нет, это как-то нескромно, - возразил Локателли. – Я же не какой-нибудь самолюбивый бахвал. Вот после смерти... уверен, в мою честь переименуют Валестру.

- Дожидайся, - фыркнул Хаштубал. – Ты скажешь наконец, зачем звал? Мне через десять минут кандидата на должность собеседовать, а я тут с тобой лясы точу.

- Скажу, скажу. Внимательно слушайте меня, дважды повторять не буду...

Глава 16

Фырдуз старался не отстать от искателей Криабала. Эти четверо грубых Верхних были тут его единственными... знакомыми. Он пока что знал только их имена, но у всех остальных он не знал и того. К тому же они спасли ему жизнь, так что им можно доверять... наверное... они же его спасли, да?.. Привезли в безопасное место... о Пещерник, что же творится с жизнью Фырдуза, раз безопасным местом стала Империя Зла?..

Конечно, кобольд слышал о Империи Зла, но та всегда была чем-то далеким и отвлеченным. Ему и на ум не приходило, что однажды он ее посетит. Вообще все случилось как-то очень внезапно.

Но по крайней мере здесь его не пытаются убить. Он больше не окружен кровожадными хобиями, за ним больше не гонится разъяренный дракон. Это уже плюс, уже заметный шаг вперед. Какое-то время можно дышать спокойно.

Великого и ужасного хозяина этой страны Фырдуз еще не видел. Тот был занят чем-то неотложным и приказал пока что накормить гостей, а уж затем вести к нему на допрос... аудиенцию.

Наверняка он имел в виду аудиенцию.

В Империи Зла было очень шумно. Везде пылают огни, отовсюду рев и грохот. Драконов полным-полно – хотя они заметно мельче Орказарока, и до Фырдуза им дела вроде бы нет.

И еще тут не так ярко, как обычно бывает Наверху. Слава всем богам. На дворе полдень, обеденное время, но Небесного Светильника толком и не видно – все застлано плотными тучами. Сумрак не такой приятный, как в родных подземельях, но все же глаза не режет.

Фырдуз даже осмелился снять очки с копчеными стеклами.

- Ты, это, тля, не отставай, - поманил его Плацента. – Тут отставать не надо. Грохнуть могут, тля. Как блеваную тузугу.

Фырдуз кивнул, послушно семеня рядом. Он старался поменьше говорить и побольше слушать.

- Вот, тля, зырь, - важно указал Плацента. – Это огненная пропасть. Это мост через огненную пропасть. Это страж моста через огненную пропасть – Бурденориз Громкоглас. Мир тебе, Бурденориз.

- МИР ТЕБЕ, ПЛАЦЕНТА!!! – проревел рыжий карлик. Был он на целый локоть ниже Фырдуза, но говорил таким голосом, что

закладывало уши.

- Ты, тля, меня тут держись, - посоветовал кобольду Плацента. – Меня тут все знают. И я тут всех знаю.

- И когда ты только все успеваешь, – саркастично произнесла Джиданна.

- Закройся, ведьма толстозадая! – окрысился Плацента.

Несмотря на сварливость Плаценты, Фырдуз все-таки действительно старался держаться рядом с ним. Синекожий все время молчал, волшебница смотрела на кобольда, как на неодушевленный предмет, а толстяк... толстяк говорил так ласково, что аж приторно. Фырдуза это пугало.

А вот Плацента вызывал какое-то доверие. Ну да, все время бранится и даже хватается за нож. Зато не притворяется добреньким – что на уме, то и на языке. К тому же он ближе всех к Фырдузу по росту и в некотором смысле не совсем Верхний.

Гоблины ведь тоже предпочитают подземелья, а Плацента – явный полугоблин. Фырдуз однажды встречал полугоблина... это был довольно неприятный тип, но не все же они такие, верно?

На самом деле их там было двое. Кузены, полугоблин и гобольд. Матерями у них были сестры-гоблинши, но отцами – человек и кобольд... во всяком случае, так Фырдузу рассказывали. Они бродяжничали, и Пещерник занес их в Суркур. Там они провели почти полгода, промышляя попрошайничеством и воровством. Потом докатились до разбоя, даже убили какую-то женщину и той же ночью сбежали. Больше Фырдуз о них ничего не слышал, да и было это очень давно.

Единственное, что он с тех пор помнил – полугоблины очень живучие. Того ворюгу однажды избили до полусмерти, а он уже на следующий день бродил с кузеном по спиральной площади и вынюхивал, где что плохо лежит.

И этот такой же, видно. Едва шею не свернули, а ему хоть бы хны. Разве что голос чуть сипловат стал.

- Послушай, а этот большой лысый человек... он не опасный? – осторожно спросил Фырдуз.

- Мектиг-то?.. – хмыкнул Плацента. – Да нееет! Ты насчет него не волнуйся, он мой друг.

- Какой же это друг, если он чуть не сломал тебе шею?

- Ну вот такой вот кировый друг, азамаррак тогока.

Фырдуз аж вздрогнул от такой грязной брани. Плацента то и дело произносил слова на других языках, и Фырдуз понятия не имел, что они значат... но эти два внезапно понял. Они на подгорном – языке гномов, цвергов и хобиев. В Нижнем Мире этот язык ходит наравне с парифатским, и большинство кобольдов знает оба.

В Цитадели Зла оказалось жутко, но по-своему уютно. Она как будто вынесенная Наверх часть подземелья – а подземелья Фырдузу всегда были родным домом. Оказавшись под каменными сводами, он сразу почувствовал себя лучше.

Здесь легко дышалось. Вокруг стены, над головой потолок. Твердый, надежный... не гранит, наверное, но это уже не так важно. Главное, что можно поднимать голову, не шатаясь от ужаса перед бесконечной пустотой.

Фырдуз никогда не понимал Верхних, добровольно живущих под пропастью. Им ведь наверняка тоже страшно – иначе они не строили бы домов, не отгораживались от неба крышей. Так почему просто не спуститься Вниз, в уютные безопасные норы?

Хотя это не от хорошей жизни, скорее всего. Внизу не так уж много места, и большая часть пригодных подземелий уже занята. Видимо, Верхние – это потомки тех, кого вытеснили из пещер. Наверху они кое-как приспособились, пообвыкли, вытянулись в высоту даже немного, и теперь уже не помнят, что когда-то было иначе.

Но самые богатые и могущественные возводят себе большие искусственные пещеры. Создают Наверху подобие того, чего лишились. Вот эта Цитадель Зла... в ней поместится почти весь Суркур, пожалуй. Столько тут тоннелей, столько каверн – настоящий город, закованный в каменный панцирь. И тоже на острове посреди огненной пропасти – почти как цвергская Хасма.

В глубине души-то Верхние все же помнят прошлое. Не могут с ним расстаться.

На поварне пахло всеми ароматами сразу. Фырдуз с наслаждением втянул воздух, а с ним словно разом жареное мясо, тушеные овощи, печеную картошку, соленые грибы, свежую рыбу и гнилые фрукты... так, вот это последнее немного портит впечатление.

Но все равно тут было здорово. Дым, чад, пар из котлов, треск вертелов. Жирные повара стряпали не покладая рук, кухарки бегали туда-сюда с подносами, посудомойки копошились у моек, поварята прислуживали поварам и получали тумаки.

Фырдуз украдкой даже сунул нос в поваренную книгу. Ему стало интересно, чем кормят в Империи зла. Оказалось, что самыми простыми вещами – похлебками, кашами, гуляшом. Рецепты оказались гибкими – здесь кидали в котлы все съедобное и почти съедобное, а уже там уваривали до единого месива.

Благо кормили-то в основном существ непритязательных – гоблинов, троллей, орков, огров, ботвинников. Эти сожрут все, хоть бы и друг друга.

- Тебе что тут надо, крысенок?! – рявкнул пузатый повар со

свиной мордой. – Жрать – там! Работать – там! А здесь – не трожь ничё! И книгу на место положь!

- Это моя книга... – пробормотал Фырдуз, втягивая голову в плечи.

Повар ему не поверил и попытался отнять Рваный Криабал. Но тот, конечно, от ладоней Фырдуза не отклеился, и повар удивленно заморгал. Даже слегка приподнял его вместе с книгой.

- Э, ботвин, ты на кого тут бивни точишь?! – объявился из ниоткуда Плацента. – Я тя ща в пузяку-то пырну!

- Отвали, гобло! – хрюкнул повар, снимая с пояса тесак. – Я тебя на рагу пущу!

- А ты знаешь, кто я такой?! Да я, тля, доверенное рыло самого, тля, Бельзедора! Тронь меня – и енот тебе!

Возле Плаценты тут же возник и Дрекозиус. Скрестив ладони на необъятном брюхе, жрец принялся деликатно увещевать повара, заверяя его, что они и в самом деле тут важные особы, поэтому ссориться с ними не нужно, а нужно накормить. Да не той бурдой, которой обычно кормят прихвостней, а чем-нибудь поизысканней, потому что он, святой отец Дрекозиус, привык питаться только самым лучшим.

Фырдуза же взял за плечо Мектиг. Огромный дармаг даже не раскрыл рта – только посмотрел кобольду в лицо и потянул за собой.

- Что там опять случилось? – спросила Джиданна, когда Мектиг привел Фырдуза в трапезную. – Я думала, ты за нами идешь.

- Я немного отстал, - робко ответил кобольд. – Извините, я не хотел.

- Садись, ешь, - вяло ответила волшебница.

Сама она без особого удовольствия уписывала бурую кашу с кусочками грибов. Сидящая рядом белка грызла серебряную монету... Фырдуз недоверчиво моргнул, протянул было руку, но Джиданна скривилась так, словно кобольд ухватил ее за филейную часть.

- Она питается камнями и металлами, - неохотно прокомментировала волшебница. – Предпочитает драгоценные. Это императорская белка, редкий зверек. А еще она мой фамиллиар, я колдую с ее помощью, так что лучше не прикасайся к ней, если я не разрешу. А я не разрешу.

К столу вернулись Дрекозиус и Плацента. Жрец довольно улыбался, неся поднос с чем-то аппетитным и ароматным. Полугоблин злорадно ухмылялся, помахивая двуручным кинжалом. Клинок был испачкан в крови и на нем болтался обрывок бумаги.

- Если этого ботвина поджарить, даже масло не понадобится, - ухмыльнулся Плацента. – На собственном сале доспеет. Видали, как я его?

- Убил?.. – ахнул Фырдуз.

- Я тебе чё, тля, кыррм азальтаджио осохиса? – ощерился Плацента. – Кровь слегка пустил, чтоб знал, на кого слюнями брызнул. На вот тебе, трофей.

Фырдуз растерянно повертел бумажку, которую Плацента снял с клинка. Это был листок из поваренной книги. Рецепт вафель.

Кобольд предпочел не задавать новых вопросов. Просто сунул бумажку между страниц Криабала, решив потом незаметно выкинуть. Сейчас времени не было – его тащили все дальше и дальше.

Едва успев набить живот, Фырдуз угодил к местному лекарю. Выглядел тот жутко – весь перекрученный, в птичьей маске и черной мантии. Гоблин, кажется. Осмотрев Фырдуза со всех сторон, послушав биение сердца и вонзив кривой клык прямо в вену, он заявил, что кобольд совершенно здоров и вкусен, только сильно утомлен и напуган.

Потом Фырдуза заставили помыться в горячей воде, и даже с мылом. Правда, сначала он этого не понял – купальни Цитадели Зла выглядели продолжением поварни. Огромные котлы, пылающий огонь, огры и тролли в банщиках. Фырдузу досталась особо злющая ведьма – она содрала с него костюм лазутчика, запихала в котел, швырнула туда же кусок черного мыла и не выпустила, пока он не счистил всю многодневную грязь.

Костюм лазутчика ему не вернули. Тот, впрочем, уже так сильно истрепался, что почти и не действовал. Вместо него швырнули какие-то тряпки – тоже грязные и рваные, но как-то очень правильно. Словно специально запачкали и порвали, в самых нужных местах. Фырдуз лепетал, что ему не нужно, что он обойдется, что он знает заклинание Одежды, но прихвостням его слова были не интересней жужжания мухи.

И только после всех этих процедур, условно-чистый и переодетый, он увидел Темного Властелина Парифата. Злой лорд Бельзедор оказался в точности таким, каким Фырдуз его представлял – великим и грозным. Он был выше даже Мектига, скрывал лицо под глухим шлемом и восседал на железном троне с окровавленными шипами.

Рядом стоял голубенький тазик с песком.

- Фырдуз Ерке, - прозвучал раскатистый голос. – Вот ты каков. Ничтожный кобольд, что едва не спутал все мои планы.

- Я?.. спутал?.. – сжался в комочек Фырдуз.

- Подведите его ко мне, мои прихвостни, - приказал Бельзедор.

Мектиг и Плацента подтолкнули Фырдуза к трону. Тот что есть силы вцепился в Рваный Криабал, но внутренне уже принял – на сей раз придется отдать. Это не принцесса Остозилар, с которой еще как-то можно договориться. Бельзедор просто отрубит ничтожному кобольду руки.

Вот разве что попробовать...

- Абан тук агас! – выкрикнул Фырдуз, отчаянно глядя на Бельзедора.

Тот вздрогнул. Чуть заметно вздрогнул в своих доспехах... но не погиб. И внутри Фырдуза все перевернулось. Глупая была попытка.

Теперь ему точно нечего надеяться на пощаду.

- Одно из заклинаний Рваного Криабала? – беззлобно осведомился Бельзедор. – Судя по тому, что я испытал – какая-то убийственная порча?

- Заклятие Убийства... – жалобно покривился Фырдуз.

- И ты надеялся, что оно сработает на мне? – с интересом спросил Бельзедор.

- Просто решил попытаться, ваше темнейшество... Но... зря, конечно... На драконе не сработало, и на вас тоже, конечно...

- Простое Убийство действует только на простых смертных, - почти дружелюбно объяснил Бельзедор. – Ты этого не мог знать, конечно. Что там за дракон, кстати?.. Если не ошибаюсь, рядом с Яминией спит Орказарок... это он прятал Рваный Криабал, не так ли?

- У него...

- Тогда точно не вышло бы. На драконов вообще магия действует слабо, а уж на такого древнего и могучего... Правда, существует заклинание Драконьей Погибели, но оно в Красном Криабале.

Фырдуз с удивлением заметил, что уже не так сильно боится Темного Властелина. Тот говорил спокойно и, кажется, совсем не злился, что его пытались убить. К тому же к нему на колени запрыгнул пушистый белый кот – а Бельзедор принялся машинально его гладить.

- Поведай, как ты нашел Рваный Криабал, маленький кобольд, - повелел Бельзедор.

Пока Фырдуз послушно рассказывал, Темный Властелин достал ведерко с подкормом и снял шлем. Под ним обнаружилось лицо Верхнего-человека – с резкими чертами, тяжелым выдающимся подбородком, очень густыми бровями, пронзительными черными глазами и пышной гривой смоляных

волос. Жуя подкорм и поглаживая кота, он не переставал пристально смотреть на Фырдуза – и под этим взглядом было невозможно не то что солгать, но даже утаить какой-нибудь пустяк.

- То есть ты связал себя с Криабалом заклятием Уз, - подытожил наконец Бельзедор. – Теперь отнять его у тебя невозможно. Но ты осознаешь, что это не делает тебя бессмертным или неуязвимым? Мы можем просто отправить тебя в печь. Ты сгоришь, а Криабал – нет.

- Цверги уже хотели отрубить мне руки... – опустил взгляд Фырдуз.

- Почему же не отрубили?

- Наверное, они были добрыми.

Бельзедор чуть заметно улыбнулся. Он приказал Фырдузу подойти и принялся листать Криабал из его рук. Очень быстро нашел заклинание Уз, прочел его и задумчиво молвил:

- Интересно. Значит, пока ты не умрешь или не отменишь это заклинание, Рваным Криабалом можешь пользоваться только ты или кто-то с твоего согласия.

- Да, ваше темнейшество.

- Но здесь недостает части комментариев. Они остались в другом Криабале, Сером. Ты кое-чего не знаешь об этом заклинании.

- Чего же я не знаю, господин?

- Любой Криабал образует связь с тем, кто его использует. Для этого не обязательны Узы – достаточно прочесть любое заклинание. Чем больше, тем связь будет теснее. Но Узы образуют связь особо прочную... скажи-ка, давно ли ты уже под ними?

- С первых же дней, как нашел эту книгу.

- Плохо, очень плохо. Еще немного, и сила Криабала поглотит тебя. Ты станешь Призраком Криабала.

- Что?! – заморгал Фырдуз. – Но... что мне делать?!

- Ты ничего не можешь сделать, маленький кобольд. Ты слишком долго провел под Узами. Даже если ты разорвешь связь прямо сейчас, это уже ничего не изменит. Ты обречен.

Фырдуз аж пошатнулся. Он еще когда читал Узы, беспокоился насчет остатка комментариев, но решил все же рискнуть.

Кто же мог знать, что там скрывается настолько скверный побочный эффект?!

- Что же мне делать, ваше темнейшество?! – воскликнул Фырдуз.

- Я могу избавить тебя от этой судьбы. Но для этого тебе придется выполнять все мои указания.

- Какие указания?!

- Сразу к делу. Мне нравится твой подход, - приветливо улыбнулся Бельзедор. – Прежде всего нам нужно заполучить Серый Криабал. В нем – вторая половина комментариев к Узам. Без них тебя от проклятия не освободить.

- Хорошо!.. а... а где он?..

- А вот это другая часть проблемы, - погладил кота по голове Бельзедор. Тот громко замурчал. – Мои новые прихвостни еще не посвятили тебя в ту часть истории, где возрождается древнее воплощение зла?.. нет?.. что ж, позже у вас еще найдется на это время. Просто скажу, что все остальные Криабалы сейчас у Антикатисто... кажется, ты с ним уже знаком.

- Это тот черный дым, от которого сбежал дракон? – предположил Фырдуз.

- А ты на удивление догадлив, маленький кобольд. Да, это он, и это возвращает нас к нерешенной части задачи. У нас сейчас есть Рваный Криабал... и ты к нему приложением... но хранить его здесь долго нельзя. У Антикатисто есть оглавление и титульный лист – он наверняка уже снова идет по следу. Поэтому до тех пор, пока мы не придумаем, как с ним бороться, вам с Рваным Криабалом предстоит прятаться.

- И... и долго?..

- Сейчас узнаем, как обстоят дела у моих временных союзников, которых я потом предам, - хлопнул в ладоши Бельзедор. – Господин управляющий, приготовьте зеркаломост.

Прихвостни приволокли огромное дальнозеркало. Темный Властелин поворожил, стекло разделилось на три части, и в них отразились три лица. Бледного мужчины, долгобородого старца и прекрасной эльфийской девы.

- Мои слуги добыли Рваный Криабал, - улыбнулся им Бельзедор. – А далеко ли продвинулись вы?

- Я продолжаю осваивать методу Бецалли, - ответил Медариэн, устало моргая. – Но мне потребуется еще время, это чрезвычайно сложное заклинание. Я бы предпочел, чтобы меня пока что не отвлекали.

- Я призывала духов с самых глубин Шиасса, - ответила Галлерия. – Но даже мертвые ничего не знают о том, как возродился Антикатисто и где скрывается Апофеоз.

- Кустодиан разыскивал Апофеоз с самого своего основания, - ворчливо сказал Локателли. – Если бы его можно было найти, просто расспрашивая всех подряд, его нашли бы давным-давно. Со времен Волшебных войн прошли тысячи лет – это даже по меркам духов очень много.

- Но кто-то же должен был все еще остаться!

- Мэтр Танзен и брат Массено выяснили, что после чакровзрывателей свидетелей не остается даже на том свете. Они разрушают само духовное начало.

- В таком случае я продолжу поиски, - вздохнула Галлерия. – А как ваши успехи, мэтр Локателли?

- Без изменений. Местонахождение Апофеоза было глубоко засекречено еще во времена его создания. Не осталось ни записей, ни документов, ни свидетелей.

- Но нам жизненно необходимо найти его раньше, чем Антикатисто.

- Есть вероятность, что Антикатисто его уже нашел, и ему осталось только воссоединить Криабалы для его восстановления, - напомнил Медариэн.

- Тем хуже. Лорд Бельзедор, что вы собираетесь делать с Рваным Криабалом?

- Пока что просто спрячу, - ответил Темный Властелин. – Но не здесь. У Антикатисто оглавление – он наверняка уже знает, куда переместилась последняя книга.

- Почему вы медлите в таком случае?! – воскликнула Галлерия, подаваясь вперед. – Он может появиться в любую секунду!

- Вряд ли, - спокойно ответил Бельзедор. – Судя по рассказу маленького кобольда, Антикатисто сейчас не в лучшей форме. Похоже, орден Солнца все-таки достаточно тяжело его ранил. Прямо сейчас он не станет повторно бросать мне вызов. Дождется, пока его силы полностью восстановятся.

- Да, это в духе Антикатисто, - согласился Медариэн. – Он обычно действует наверняка.

- Именно, - кивнул Бельзедор. – Что же до антимагов и прочих его прислужников... эти пусть приходят в любом количестве. Так что несколько дней у нас точно есть. Но потом Рваный Криабал придется отсюда удалить. Есть мысли на этот счет?

- Оглавление не показывает Криабалы, сокрытые в иных мирах, - напомнил Медариэн. – Переместим Рваный за Кромку.

- Это усложнит Антикатисто задачу, но не сделает ее невозможной, - задумчиво произнес Локателли. – А если мы выпустим Рваный Криабал из рук, то утратим инициативу.

- А нет ли способа его уничтожить? – спросила Галлерия. – Тогда Антикатисто точно не сможет собрать полный комплект.

- Нет, - покачал головой Локателли. – Мистерия экспериментировала с этим веками, бессмертная Лискардерасс. Криабал можно только разъять на листы.

- А что если так и сделать? – предложила Галлерия. – Разъять

его и разбросать страницы по сотне планов. Антикатисто потребуются годы, чтобы собрать все.

- Тогда мы отложим катастрофу на годы, - ответил Локателли. – Но это все равно не решение.

- К тому же мы понятия не имеем, нужен ли ему Рваный Криабал целиком, - заметил Бельзедор. – Возможно, ему не хватает только какой-то одной страницы, чтобы получить какое-то одно конкретное заклинание.

- К сожалению, это тоже не исключено... – вздохнул Медариэн.

- Поэтому я предлагаю спрятать Рваный Криабал... не настолько далеко, - хитро блеснули глаза Локателли. – Оглавление не дает точного местонахождения, а титульный лист действует только на близком расстоянии. Так что если Рваный Криабал останется в нашем мире, но будет постоянно перемещаться, причем не на открытой местности... это займет Антикатисто на какое-то время. Пусть себе побегает за своим хвостом – а мы понаблюдаем.

- А чтобы у него не было лишних зацепок, хранить его будет кто-нибудь невзрачный и незаметный, - кивнул Бельзедор. – Вы предвосхитили мою мысль, мэтр Локателли.

- И у вас даже уже есть кандидат, как я погляжу, - посмотрел на Фырдуза волшебник. – Мир вам, сударь. Кажется, мы с вами уже виделись.

- Мир вам, ваша мудрость, - поклонился Фырдуз.

- Что, малыш, поможешь нам? – ласково спросила Галлерия. – Достанет у тебя смелости?

- Смелости достанет, - опустил взгляд кобольд. – Но я тоже хочу попросить.

- Попросить?.. – удивилась эльфийская владычица. – Меня?.. О чем?..

- Не вас одну. Всех вас.

Волшебники в дальнозеркале посмотрели на Бельзедора. Тот чуть изогнул углы рта и кивнул Фырдузу. Кобольд собрался с духом, выпучил глаза и торопливо заговорил, пока его не оставил кураж:

- О великие и могучие, я знаю, что не имею права просить о таком! Но когда меня доставили сюда, я не прогуливался по пещерке в поисках грибов! У меня уже была важная миссия! И Рваный Криабал принадлежит не мне одному, я не в одиночку его добыл и не могу в одиночку им распоряжаться! Я нес его в Новую Страну, о властелины мира!

- Мы знаем, - ровным голосом сказал Локателли.

- Вы знаете, ваша мудрость! Вы прекрасно знаете, конечно!

Яминия уже просила у вас помощи и предлагала заплатить за нее Криабалом... вы отказались, я знаю! Но... разве справедливо, что теперь вы забираете его просто так?!

- Я его не забираю, - покачал головой волшебник. – Наоборот, я ни в коем случае не позволю ему попасть в Мистерию.

- Да, да, я знаю... знаю!.. Но... он же нужен вам!.. Нужен... для... я не совсем понял, простите, я плохо разбираюсь во всем этом, я всего лишь ничтожный кобольд из провинции! Я всю жизнь просто варил мыло, владыки, я мало что знаю о большой политике! Но я дал обещание королю и принцам Яминии! Я пообещал доставить Рваный Криабал в Новую Страну, чтобы...

- Мы знаем, - снова перебил Фырдуза Локателли. – Я понимаю, чего ты хочешь, юноша. Но Мистерия вне политики.

- А я сейчас не могу прерваться, - покачал головой Медариэн. – И я... я не участвую в войнах. Простите меня. В них слишком сложно участвовать, никого не убивая.

- Мой народ никогда не любил земных недр, - присоединилась Галлерия. – Боюсь, там от нас будет мало толку.

И волшебники молча уставились на Бельзедора. Темный Властелин откинулся на троне, в его глазах бегали веселые искры. Фырдуз тоже с мольбой посмотрел на него, хотя и прекрасно понимал, что уж если не хотят помочь добрые волшебники, то лорд Бельзедор и подавно...

- Ты хочешь спасти свои грязные подземелья, маленький кобольд? – вдруг спросил он. – Пусть будет по-твоему. Принеси мне клятву верности, служи мне преданней пса – и длань Темного Властелина прострется над вашими жалкими норами. Согласен ты на это?

- Гром и молния, Бельзедор, тебе обязательно каждый раз так паясничать?.. – тихо вздохнул Медариэн.

Но Фырдуз его не услышал. Он торопливо кланялся Бельзедору и заверял, что сделает все, исполнит любое повеление, если тот поможет освободить Кобольдаланд и Яминию.

- Да будет так, - поднялся Бельзедор. – Отправляйся же обратно в город Халлар, маленький кобольд. Яви бородатым карлам мою волю. И береги Рваный Криабал, как зеницу ока.

- Я... я отправлюсь один?.. – втянул голову в плечи Фырдуз.

- Ну отчего же. Тебя довезут и сопроводят мои верные прихвостни. Эй, там!..

- Что, опять мы?! – выпучил глаза Плацента. – Да какого кира?!

Глава 17

Лахджа парила высоко в небе. Она отрастила огромное крыло-дельтаплан и болталась под ним комком глазастых щупальцев. Немного неказистая форма, зато очень удобная для полета. Силы вообще не тратятся – плыви просто вместе с ветром. Сзади она сформировала сопло и время от времени выбрасывала газ. Реактивная тяга давала такое ускорение, что дух захватывало.

Она любила летать. Полет без технических средств – это что-то непередаваемое. Ради одного этого стоило обернуться демоном. Пусть ради этого и приходится терпеть недоумка-мужа... хотя ладно, не настолько уж Хальтрекарок плох. Просто сферическое воплощение мужикового мужика в вакууме... но эй, кто тут без греха-то? Уж точно не демоны.

Лахджа шла по астральному следу. Летела по маршруту, которым пару месяцев назад двигался вехот. Пожалуй, было бы удобней сразу определить его нынешнее местонахождение, но это пришло ей в голову уже после получения отслеживающего Ме. А Фурундарок, конечно, даже не попытался предложить вариант получше – что попросили, то и получай.

Но он мог вообще ничего не давать, так что Лахджа претензий не имела.

Конечно теперь ей придется проделать весь путь, который успел проделать вехот, но это не страшно. Зато у отслеживающего Ме есть другие плюсы – она чувствует не только цель, но и его сопровождающих. Знает, что как минимум до этой точки воры не расставались, двигались впятером.

Вот с похищенным ларчиком сложнее. Его она не ощущает. Если его спрячут или отдадут где-нибудь по дороге... да уж, погоня может затянуться. Но это ничего, путешествовать Лахдже всегда нравилось.

Вдали уже виднелся гигантский силуэт.

Виркордеран, Межмировой Змей. Один из последних Великих Змеев – древних хтонических чудовищ. И одновременно – живая дорога в Шиасс, мир мертвых. Было бы очень удобно использовать его в этом качестве, если бы он соглашался сотрудничать.

Колоссальное чудовище пожирало всех, кто оказывался рядом с его пастью. Одно время бушуки пытались договориться с ним ко всеобщей выгоде, но заинтересовать не сумели. Что можно предложить дракону размером с гигантский остров?

Разве что такую же драконихи, да где ее взять?

Впрочем, Паргорон потерял не слишком много. Большинство демонов-аристократов легко перемещаются между мирами своими силами, а для остальных есть вехоты... если вы осмелитесь ими пользоваться.

Но у этого вехота были затруднения. Его гриву остригли, и он временно лишился возможности ходить через Кромку. Очевидно, поэтому его след ведет сюда.

Довольная своей дедукцией Лахджа как следует разрослась, превратила рот в клюв-рупор и проорала:

- Привет, Виркордеран!

- ПРИВЕТ, ЛАХДЖА, – раздался громоподобный глас.

- Как дела, Виркордеран?!

- ВСЕ ХОРОШО. СПАСИБО, ЧТО СПРОСИЛА.

Виркордеран на самом деле говорил сейчас тихо. Он практически шептал. Но при его размерах это все равно звучало, как землетрясение. Даже увеличившись до своего верхнего лимита, даже достигнув массы в восемьдесят тонн, Лахджа была рядом с Виркордераном как бактерия.

Величайшие хтоники – они такие. С ними даже демолорды не связываются.

Но Лахджа любила заводить новые знакомства. Особенно полезные. В Паргороне она лично знала почти всю верхушку – благо, ее представители каждую неделю бывают у мужа в гостях. А потом еще и кутят. Виркордеран, конечно, шоу Хальтрекарока ни разу не посещал, да и не входит он в правление Паргорона... он, собственно, вообще не демон.

Но разве это причина не подружиться с таким чудесным созданием?

- Кстати, давно хотела спросить! – крикнула демоница. – А ты вообще двигаешься или так... висишь?

- Я ДВИГАЮСЬ ВМЕСТЕ СО ВСЕМ ПАРГОРОНОМ, - издал оглушительный шепот Виркордеран.

- Хм... – задумалась Лахджа. – Паргорон, значит, движется? Не знала наверняка. Он же чаша, а не планета. И не в космосе, а во Тьме. Как он движется?

- ПО КРУГУ.

- Ладно, дома в сети кэ-миало посмотрю, - поджала губы Лахджа. – Можно другой вопрос?

- ЗАДАВАЙ.

- Почему ты головой именно в Паргороне? Почему не какой-нибудь райский уголок с красивыми видами?

- КРОВАВАЯ ПЕНА.

- Что?.. а-а-а!.. – догадалась Лахджа. – Для тебя это как...

блюдце с едой?.. Она что, вкусная?

- ДА. И КАЛОРИЙНАЯ.

- Все, вопросов больше нет. Хотя нет, еще один. Последний. Ты не видел тут вехота? Пару месяцев назад плюс минус несколько дней.

Виркордеран ненадолго задумался. Потом прогрохотал:

- МОЖЕТ БЫТЬ, ВИДЕЛ. НО НЕ ОБРАТИЛ ВНИМАНИЯ. ВЫ ВСЕ ДЛЯ МЕНЯ СЛИШКОМ... МЕЛКИЕ.

Лахджа ничего другого и не ждала. Глупо было бы надеяться, что Межмировой Змей заметит и запомнит какого-то крошечного демона, который пролетал тут уже довольно давно. Он вообще большую часть времени дремлет.

- Тогда извини, что дернула! Можно по тебе пройти в Шиасс, кстати?

- ТЕБЕ – МОЖНО.

- Спасибо! – крикнула Лахджа, спускаясь к лесу, что рос у Виркордерана на спине. Исполинскому перьевому гребню.

Воистину вежливость покоряет города... и хтонических чудовищ.

Да, вехот тут проходил. Она это чувствовала. Двигался, как по ниточке, спустился в этом самом месте, а потом пробежался по Виркордерану вдоль.

Вехоты – демоны очень скоростные, в этом их мало кто превосходит. Но Лахджа тоже умела быстро бегать. Она превратилась в небольшого страусоподобного ящера и помчалась так, что ноги замелькали размытыми колесами. Быстрее поезда, быстрее гоночной машины.

Несколько минут – и она пересекла невидимую границу. Покинула Паргорон и ворвалась в серые туманы Лимбо.

Виркордеран простирался и здесь. Собственно, тут находилась его большая часть. Почти две трети бесконечного длиннотелого дракона.

Лахджа не очень любила Лимбо и предпочитала в нем не задерживаться. Он потрясающе скучный и тут слишком легко заблудиться. Свернуть не туда и вывалиться в какой-нибудь абсолютно левый мир. Поэтому она по-прежнему держалась Виркордерана, следуя в точности тем же путем, каким двигалась ее цель – вехот.

И еще через некоторое время туман рассеялся, и демоница очутилась в Шиассе. Астральном плане измерения под названием Парифат.

Здесь она сразу застыла. Потому что ее Ме показало, что вехот расстался со спутниками. Вот тут, в этом самом месте они разошлись в разные стороны. Четверо воров двинулись... куда-то

в том направлении, а вехот... он сидел здесь. И следовать за теми четверыми Лахджа не может – их шерсти у нее нет.

Немного подумав, она решила пока что продолжить поиски вехота. Альтернативы-то особой и нет – след четверых других обрывается почти сразу. Можно искать их традиционным способом, расспрашивая местных, но это гораздо труднее. А вехот может что-то знать.

Здесь он пробыл... довольно долго. Вот тут лежал... потом перешел вот сюда... снова лежал... спал, наверное. Потом поднялся и пошел вон туда... к озеру. Наверное, пить захотел.

Лахджа раньше уже бывала в Шиассе, даже работала на местного верховного владыку. На небольшой должности, правда, и недолго, но тем не менее.

Так что сейчас она без удивления смотрела и на туман по колено, и на свет без солнца и луны, и на растущие вверх корнями деревья. Мир как мир, бывала она и в более странных.

Много всякого можно повидать, если ты демон подай-принеси.

Озеро было черным и в нем ничего не отражалось. Как будто мазут разлили. По берегам торчали в основном перевернутые елки, но было и несколько нормальных. Эти – духи погибших деревьев. А те, что вверх корнями – это «тени» деревьев еще живых.

Шиасс – он же своего рода отражение Парифата. Тут много чего перевернуто.

Но те, кто уже мертв или никогда живым и не был – они не перевернуты. Только с этими и имеет смысл общаться.

Как вот это. Рядом с водой росло дерево очень странное, не похожее ни на елку, ни вообще на что-нибудь знакомое. На стволе у него было лицо, а на концах ветвей – крохотные головки с пастями. Оно слегка колыхалось при полном отсутствии ветра и пристально смотрело на Лахджу.

- Какая странная штуковина... – задумчиво произнесла демоница. – Ты живое?

- Конечно, - прошелестело дерево. – Подойди ближе.

На его ветвях закачались ароматные плоды. Выросли мгновенно, как по волшебству. Выглядели и пахли они страшно аппетитно, но Лахджа все же предпочла не рисковать.

- Что-то не, - покачала она головой. – У тебя на стволе лицо, отражающее уголовные наклонности.

- Какие еще уголовные наклонности? Обижаешь меня.

Все его ветви вытянулись в одну сторону. Было непонятно, где они заканчиваются – клыкастые головки как будто истаивали на концах.

- По-моему, ты духолов, - предположила Лахджа. – Сидишь на одном месте и заманиваешь жертв плодами. Ты ешь демонов?

- Иногда, - ухмыльнулось дерево. Видимо, поняло, что здесь ему ничего не светит, можно не стараться. – Если те достаточно глупы.

- Ладно. А ты не видело здесь вехота... хм... ты знаешь, кто это?

- Может, и видело. Подойди поближе, и я тебе скажу.

- Я не до такой степени глупа, извини.

Нет, насчет вехота расспрашивать бессмысленно. Во-первых, эти демоны могут выглядеть как любое транспортное средство. Не станешь же спрашивать: а не видели ли вы тут что-нибудь, на чем можно ездить?

А во-вторых, Лахджа и так чувствует, что он тут был, подходил к воде, а потом пошел дальше. Там поднялся в воздух и полетел в том направлении.

Законы физики в Шиассе примерно такие же, как в мире живых. Они тут в некотором смысле иллюзорные, потому что мир астральный, вокруг сплошные духи. Но чтобы летать, нужно делать все то же самое, что делал бы в обычных условиях. Так что Лахджа просто распахнула крылья и снова ринулась по следу.

Он вел туда, где Лахджа уже бывала – в Танатополис, столицу Шиасса. У нее там остались... смущающие знакомства, поэтому она на всякий случай сменила облик. Превратилась в маленького симпатичного дракончика. А то мало ли – узнают, заговорят, слово за слово, то-се... а она на работе, ей делом заниматься надо.

В Танатополисе вехот, видимо, охотился. Подстерегал добычу. Эти демоны могут есть как живых, так и духов. И тут он, конечно, был не в природном облике, а маскировался. Прятался от Жандармов.

Эти полицейские Шиасса беспощадно истребляют демонов и голодных духов. Вон, один уже с подозрением смотрит на Лахджу... кажется, с подозрением. По ним сложно понять – они выглядят как вертикально вытянутые серые сгустки. Этакий дух-фагоцит.

Но пока демон не чинит беспорядков, Жандармы его не трогают. Если Лахджа не будет ничего нарушать, ей позволят свободно гулять даже в центре столицы. Она тут и не единственный демон – в Танатополисе кишмя кишит самая разнообразная нечисть. Как местная, так и из других миров.

Миры мертвых сами по себе ведь не такие уж мертвые. И населены они как бы не плотнее, чем миры живых – ведь все живые рано или поздно оказываются здесь, а вот обратно почти никто не возвращается. И период между смертью и

реинкарнацией гораздо длиннее, чем между рождением и смертью.

Суд Мертвых, Академия Душ, Служба Доставки, Загробный Банк... Лахджа медленно шла по улице, перебирая незримую нить. Полностью повторяла путь вехота. Тот не торопился, кажется. Примеривался, присматривался. Искал, кого бы подманить, уговорить в себя сесть.

Примерно через полчаса Лахджа вышла к рынку. Здоровенный базар мира мертвых с рядами палаток и магазинчиков, уходящих куда-то вдаль, в туманы Шиасса. Повсюду гомон тысяч духов – посетителей и продавцов, разноцветные фонари и гирлянды, призрачная реклама, запахи благовоний и еды.

На какое-то время Лахджа даже забыла о вехоте – ее захватили товарные ряды. Она остановилась у шляпного магазинчика и восторженно принялась примерять все подряд. Сама не заметила, в какой момент перестала быть дракончиком, приняла истинный облик.

Жалко, нельзя прихватить из Шиасса сувениры. Лахджа в прошлый раз пыталась, но не донесла. Изделия духов в материальном мире быстро истаивают.

Но шляпы шикарные. Фурундарока бы сюда – он обожает головные уборы. Целую коллекцию собрал.

Перебрав их целую кучу, Лахджа остановилась на широкополой зеленоватой шляпке с колокольчиками. Она замогильно светилась и позвякивала при ходьбе.

Оплаты не потребовали. Честно говоря, Лахджа никогда до конца не понимала экономическую систему Шиасса и вообще миров духов. В них обычно нет ни денег, ни их аналогов – идут какие-то сложные взаимозачеты. Кажется, торговцы-духи занимаются торговлей не ради прибыли, а ради самого процесса. Испытывают какую-то внутреннюю потребность.

Наверное, чтобы это до конца понимать, нужно самому быть духом.

Ее внимание привлек манящий запах. Шашлык. Призрачный, но восхитительно пахнущий. Над раскаленными углями почти что светились шампуры с кусочками мяса. Не просто обычные шашлыки, а сама их идея, воплощенная шашлычность.

Как же они должны быть вкусны.

- Можно? – протянула руку Лахджа.

- Можно, можно, - вручил ей шампур орк-шашлычник.

На его месте тут же появился другой. Уже с нанизанными кусками мяса. Будучи духом, шашлычник двигался быстрее, чем различал глаз. И от клиентов у него отбою не было – причем тут

тоже никто не платил.

Вкус и правда оказался бесподобным. Не совсем понятно, свинина ли это, баранина ли, говядина... скорее всего, ничего из перечисленного, и вообще не чье-то конкретное мясо, а просто условная «шашлычина». Эфирная субстанция, квинтэссенция еды.

Вехот двигался этим путем. Здесь замер, здесь тоже остановился. Здесь ускорил шаг... хм, кажется, за ним гнались. Он вдруг резко поднялся в воздух, и тут все еще осталась астральная взвесь, характерная для Жандармов. Ну да, он же наверняка тут охотился – а демонов-хищников Жандармы гоняют нещадно.

Но вехот сумел от них удрать. Добрался досюда и здесь... хм, а вот здесь след пропадает. Интересненько. Лахджа немного напряглась, работая своим Ме Отслеживания, и снова нашла хвостик вехота. Только уходил он теперь не вдаль, а вглубь. Отсюда он переместился в другой мир.

Своим ходом не мог. Их грива так быстро не отрастает – на это нужно... честно говоря, Лахджа не интересовалась, но точно не меньше года. Значит, ему либо кто-то пособил, либо его призвали.

Двигаться надо... туда. Лахджа закрыла глаза и сосредоточилась, создавая канал. Для этой цели Ме у нее пока не было, но она надеялась со временем его выработать. Надо только побольше тренироваться, почаще ходить через четвертое измерение, и рано или поздно ее демоническая сила сформирует такую «кнопку», которую можно будет просто «нажимать», как сейчас она «нажимает кнопку», используя Ме Метаморфизма.

Но пока приходится вот так.

Нашарив нужное направление, Лахджа скользнула «вниз», к центральным сферам. Шиасс – это же на самом деле не отдельный мир, а просто астральный план Парифата. Просто немного сдвинуться... и вуаля!.. Вокруг уже свежий воздух и зеленая трава. С легким уклоном в осень, но все-таки зеленая.

Лахджа перемещалась, следуя маршруту вехота, так что понятия не имела, куда угодила. Парифат очень большой. Гораздо больше ее родной планеты. Она с любопытством осмотрелась... и заметила, что шашлык в руке начинает таять!

- Ну уж нет!.. – возмутилась демоница и ожесточенно вгрызлась в мясо.

То на глазах становилось все более призрачным. Лахджа ела быстрее голодного пса, но самый последний кусок все-таки исчез прямо на губах.

- Маленький предатель, - упрекнула его демоница.

Но хотя бы шляпка сохранилась. Она тоже стала нематериальной, рука теперь проходит насквозь, но ее по-

прежнему видно.

Так даже круче.

Вехот, судя по астральному следу, некоторое время оставался вот на этом месте... о!.. и он снова соединился с теми четырьмя! Удачно. Наверное, у них был уговор.

А здесь, значит, место рандеву – и преуютное. Лесная полянка, бабочки порхают. Давно Лахджа не видала нормальной природы. В Паргороне такого не встретишь. Конечно, у Хальтрекарока прямо во дворце есть и озеро с пляжем, и парк, и роскошные сады, но там это все искусственное. Даже солнца над головой нет.

Интересно. Судя по все тому же астральному следу, дальше они все впятером поднялись в воздух и полетели... туда. В каком-то направлении. Лахджа не была уверена, в каком она полушарии, так что затруднялась определиться по солнцу. А компаса с собой не взяла.

Тем более, что это Парифат. Компас здесь указывает не на север, а на какой-то магнитный остров. Можно, конечно, и так ориентироваться, но для этого нужно хотя бы примерно знать, где этот остров находится.

А Лахджа этого не помнила.

Да, пожалуй, стоит выяснить для начала, что вокруг за местность. Какая тут страна, какой континент... какое хотя бы полушарие. И проще всего сделать это... как?.. Правильно, спросить у местных.

Демоница поднялась в воздух и заметила неподалеку городок. Маленький совсем, но ей многого и не нужно. Знать название своей страны они же там должны?

Парифат – мир многовидовой. Здесь под человека маскироваться необязательно, тут никто не шарахнется, увидев женщину с хвостом и крыльями. Лахджа спокойно приземлилась на площади, аккурат возле лотка книгоноши. Кроме книг там были журналы и газеты... газету демоница и приобрела.

- Самую свежую, - попросила она, протягивая серебрушку.

- Какая странная монета, - осмотрел ее книгоноша. – И откуда вы ее достали?..

- Какая тебе разница? Это серебро. Оно настоящее. Сдачи не надо.

- Логично, - согласился книгоноша, не отрывая взгляда от ее груди.

Монету Лахджа достала из кисты-кармана. Всякие мелкие вещицы она хранила в полостях внутри собственного тела. Формировала их автоматически по мере надобности. Одни – мягкие, как сумка кенгуру, другие – жесткие, как капсулы.

Мгновенно раскрывала их и снова сращивала, так что снаружи ничего видно не было.

А газета оказалась не такой уж свежей. От прошлого месяца. Лахджа не знала точно, какое сегодня число на Парифате, но месяц помнила – Крокодил. В северном полушарии заканчивается весна, в южном – осень.

Но в углу газеты нарисован карикатурный волк в пенсне – так что она от луны Волка. И судя по статьям, только раз в месяц эта газетенка и выходит – на более частый выпуск просто не хватает новостей. Лахджу явно занесло в какую-то глухомань.

Первая страница посвящена достижениям местного бургомистра. В прошлом месяце он торжественно открыл новые ворота в городской стене, колодец, статую папы нынешнего короля, а также две скамейки и масляный фонарь на площади... ага, кажется, вот этот самый.

Ну молодец бургомистр-то. Деятельный, строит всякое. Не зря свой хлеб с икрой ест.

Вторая страница посвящена объявлениям. Продам свинью... куплю поросят... здоровая ласковая сучка ждет в гости крепкого молодого кобеля... интересно, это случка собак или брачное объявление?..

На третьей странице – происшествия. Их в прошлом месяце было негусто. Почти половину раздела занимала статья об убийстве. Некий оставшийся неизвестным иноземец средь бела дня убил топором Зиско Цаплезуса, благовоспитанного юношу из хорошей семьи. Городской эдил ведет расследование и клянется вскорости арестовать кровожадного душегуба...

- Э, скукота, - перевернула страницу Лахджа. – Где тут рубрика с анекдотами?

Рубрики с анекдотами не было. Видимо, на это здесь бумагу не тратили.

Читая газету, Лахджа не замечала, какие взгляды бросают на нее прохожие. В Паргороне она слишком привыкла, что одежда – это такая совершенно необязательная вещь, которую некоторые носят, но без нее вообще-то удобнее. В Шиассе с этим проблем тоже не было. А вот на Парифате... на Парифате нудизм не настолько распространен. Особенно в маленьких консервативных странах, в которых бургомистр лично открывает новые скамейки.

И на демоницу пялились. Почтенные кумушки гневно пыхтели и закрывали глаза детям. Мужчины либо сально ухмылялись, либо с укоризной качали головой. Две толстые жрицы сердито перешептывались на ступенях городского храма.

А когда демоница дочитала последнюю страницу, к ней подошли два стражника с алебардами и с ними пожилой мужчина

с глубоко несчастным лицом. Он смущенно кашлянул и сказал:

- Мир вам, медам или сударыня, не имею чести быть представлен...

- И вам мир, почтенный, - приветливо кивнула демоница. – Я Лахджа.

- Очарован, медам или сударыня, я Зоммо Тривициус, бургомистр этого города...

- О, вы-то мне как раз и нужны! – оживилась демоница. – Скажите, пожалуйста, как ваш город называется? И страна заодно.

- Это Мар, третий по величине и богатству город славного королевства Люкин, - гордо, но и как-то кисло ответил бургомистр.

- Ой, как здорово! – обрадовалась Лахджа. – Аж третий! А велико ли королевство?

- Ну... как вам сказать...

- Понятно. Слушайте, я сама не местная, вы мне не поможете разобраться? Мы вообще где? На каком континенте?

- Мы в Кармингаре, медам или сударыня. И... простите меня за возможную грубость, но... почему вы голая?!

- Я не голая, - сердито ответила Лахджа. – На мне ботинки. У вас тут все-таки грязно.

- Ну да, вы обуты... но вы не одеты!

Лахджа исподлобья посмотрела на красного, обильно потеющего бургомистра. Затем на скабрезно улыбающихся стражников. Затем на зевак – ухмыляющихся, гневных, недоумевающих. А затем как бы смущенно воскликнула, хлопнув себя ладонью по лбу:

- Ой, батюшки! Совсем запамятовала. Наверное, опять забыла принять свое лекарство! Спасибо тебе, добрый бургомистр. А то, бывает, ходишь так целый день, думаешь – почему все эти люди так странно на тебя смотрят? И ведь ни одна живая душа не скажет, что не так.

Одежда на ней появилась, как по волшебству. Темные чулки и зеленое приталенное платье. Оно изумительно сочеталось с призрачной шляпкой из Шиасса.

Конечно, то было не настоящее платье и не настоящие чулки. Демоница просто отрастила на ногах мягкую густую шерсть, а по телу – оперение. Но оно топорщилось таким гармоничным букетом, что сложно было отличить от дорогого платья.

Бургомистр тоже оказался обманут. Или сделал вид. Он окинул Лахджу смягчившимся взглядом, заискивающе улыбнулся и сказал:

- Вы уж меня простите, коли дерзость проявил, мэтресс. Не

распознал. А только голышом у нас в городе ходить не принято, так вот. Даже волшебницам.

- Я постараюсь это учесть, - серьезно кивнула демоница.

В общем-то, больше ее в этом городе ничто не задерживало. Бургомистр еще что-то мямлил о том, как здорово принимать в их тихом захолустье волшебницу и что завтра вечером городское собрание дает бал, на котором она будет желанной гостьей, но Лахджа его уже не слушала. Лучезарно улыбнувшись, она попрощалась с почтенным мессиром Тривициусом и взметнула себя в воздух.

«Платье» убирать не стала. Пусть будет. В таком виде Лахджа в самом деле походила на волшебницу, на этакую фею, летящую по небу.

Сюда бы еще зонтик – и было бы совсем хорошо.

Вскоре, правда, ей надоело. Этот облик не мог развить по-настоящему приличной скорости. А астральный след вел все дальше, и конца-краю ему не было. Неизвестно, куда там отправился вехот, сколько еще придется за ним гнаться.

Так что Лахджа трансформировалась в существо быстролетное. Максимально аэродинамичных обводов. Нечто вроде чешуйчатого стрижа, только покрупнее и опять-таки с реактивным двигателем. Теперь из заднего ее сопла рвался раскаленный пар, и она неслась так, что стала почти невидимой.

Глава 18

Танзен был в своей форме №35 (виверна). Не слишком крупная, зато удивительно быстрая и выносливая особь, снятая в матричном зверинце Клеверного Ансамбля. В одиночку Танзен обычно летал в форме №6 (орел), но сейчас с ним был спутник, брат Массено. Монахи Солнца не слишком хороши в скоростном передвижении.

Фрабозия. Никогда в жизни Танзен не думал, что однажды посетит эту страну. Она находится на юго-востоке Сурении, между трех порталов – Франга, Соколы и Мардахая-Ажества-Южакинга. Но при этом Фрабозия равноудалена от всех трех – иначе вряд ли именно здесь свила бы гнездо «Антимагия».

Танзен и Массено воспользовались порталом Франга – он чуть ближе к цели, чем два других. Во Франге против волшебства ничего не имеют – скорее уж наоборот. Местный король держит на службе аж двадцать волшебников... правда, занимаются они в основном королевскими увеселениями, но все-таки. Франг – страна веселая, светлая, жизнерадостная. Танзен и Массено попали на карнавал, едва выйдя с портальной станции.

И насколько же иначе выглядит соседняя Фрабозия. Стоило пересечь границу – и сам воздух стал как будто другим. В нем словно повисла обреченность. Танзен не испытывал такого даже в Империи Зла.

Хотя это понятно. В Империи Зла же не торчат повсюду антимановые башни. Еще одно гнусное изобретение антимагов, замедлители эфирных потоков. Они не затрудняют колдовство, зато сильно усложняют восполнение маны. Из-за проклятых башен ее во Фрабозии гораздо меньше, чем в любой другой стране. Местами царит такая сушь, словно на днях отбушевала магическая битва.

Танзену, впрочем, это мешает меньше, чем другим. Ему для восполнения маны нужен алкоголь – а его во Фрабозии пока что не запретили. Несколько бутылок вина, пара ковшей крепкого пива, чарка какой-нибудь настойки покрепче – и он снова полон энергии.

К счастью, самих антимагов во Фрабозии не так уж и много. В организации «Антимагия» от пятидесяти до семидесяти тысяч членов – точнее Кустодиан пока не подсчитал. И большая их часть – послушники. Самые обычные люди, просто вооруженные окованными коронием палками или болас.

Антимаги-рыцари составляют едва ли десятую часть. Магистров еще в несколько раз меньше. Что же до гроссмейстеров, то их едва ли наберется три десятка. И хотя они опасны даже для очень сильных волшебников, других преимуществ у них нет. Любого гроссмейстера можно убить обычной стрелой.

Танзен и Массено приземлились в море. Неподалеку от набережной Порто-Нуэдо, столицы Фрабозии. Был уже очень поздний вечер, когда бурая виверна плюхнулась в воду и тут же превратилась в черно-белую косатку. Танзен мастерски перешел в форму №18 – сидящий на спине монах даже не замочил ног.

- Нас не заметили, святой отец? – невнятно спросил волшебник. Говорить пастью крупного китообразного было не так-то просто.

Массено поднял точку зрения почти к облакам. С минуту он взирал на бухту Порто-Нуэдо и стоящие в гавани корабли… потом мотнул головой. В колокола не бьют, новых факелов не возжигают, признаков тревоги не видно.

- Все спокойно, мэтр, - произнес он.

Танзен причалил несколько в стороне от порта. Там скалы уходили в море долгим уступом, на самой вершине стоял маяк, а чуть подальше был неприметный грот. Его давно облюбовали контрабандисты – те отчаянные головы, что осмеливаются доставлять в Порто-Нуэдо волшебные изделия. Во Фрабозии они запрещены строжайше, за одно лишь хранение амулета или эликсира можно лишиться головы… но именно поэтому они стоят здесь бешеных денег.

Говорят, до прихода к власти «Антимагии» Фрабозия была процветающей и беспечной страной. Тут круглый год тепло, почвы очень плодородные, а протяженное побережье дает простор торговле. Но сто пятнадцать лет назад… все здесь переменилось сто пятнадцать лет назад. С тех пор «Антимагия» только набирает силу, хотя как организация она существовала задолго до этого.

- Отчего мэтр Локателли так противится идее выжечь сего противника? – осведомился Массено, карабкаясь за Танзеном по скользким камням.

- А вам тоже не нравятся антимаги, святой отец? – удивился Танзен.

- Лично у меня нет к ним неприязни, - ответил монах. – Я даже сражался бок о бок с одним из их магистров, и он показал себя надежным товарищем. Но я был бы и в самом деле слеп, если бы не замечал, насколько противуречны волшебники и антимаги. Церковь тоже не всегда одобряет магию, но Мистерия и Фрабозия – антиподы по самой своей сути.

- Это так, - согласился Танзен. – Но вы должны понять, святой отец... если мы нападем первыми, это станет опасным прецедентом. За всю историю своего существования Мистерия не вела войн. Волшебники участвовали в них очень часто – но только по отдельности, как частные лица. Может, если бы председателем был Хаштубал, он бы и настоял на своем... но старик Локателли на такое не пойдет. Никогда.

- Он настолько миролюбив или на то есть иные причины?

- Он опытен, - мрачно ответил Танзен. – Мой шеф, префект Кустодиана... знаете, святой отец, Кустодиан подотчетен ученому совету в целом, а не его председателю. И мне рассказывали, что предшественник Локателли, мэтр Арминатти... знаете, он не очень углублялся во все это. Он был ярким примером председателя, который председатель только на бумаге. Просто когда нас покинул Уль-Шаам, нужен был новый председатель. А им должен быть президент университета с премией Бриара первой степени. Такая уж сложилась традиция, все председатели такими были. И у Локателли на тот момент уже была первая степень, но он еще не был президентом. Только ректором. А Медариэн в то время уже был президентом, но у него еще не было первой степени. Только вторая. Поэтому председателем стал Арминатти. Ему было пятьсот двадцать лет, он уже плоховато соображал и хотел на покой, но он был единственным подходящим кандидатом – и его уговорили. И он тридцать лет возглавлял ученый совет... но за все это время взял слово на заседании один-единственный раз. Знаете, зачем?

- Зачем?

- Попросил закрыть окно. Ему дуло.

- Бездеятельность – это не всегда так уж плохо... – осторожно произнес Массено.

- Так я именно об этом и говорю, - кивнул Танзен, переходя в форму №80 и помогая монаху подняться по крутому уступу. – Освельдек Арминатти был абсолютно бездеятелен – и ни одна живая душа не поминает его злым словом. Говорят, удивительно был добрый дед, все его любили. Даже мой шеф. А он... скуповат на эмоции.

Танзен и Массено вышли из грота с другой стороны. Там был искусственный тоннель – прорытый давным-давно, очень хорошо замаскированный и запертый дубовой дверью. Но Танзен знал, где ключ – Кустодиан уже несколько раз отправлял так агентов в Порто-Нуэдо. Роясь в грязной нише, волшебник сказал:

- И иные причины тоже есть. Не знаю, известно вам или нет, но Локателли трижды был женат и трижды овдовел... ему триста семьдесят лет, сами понимаете. Но детей у него было не так уж

много – двое в первом браке, трое – во втором, и одна дочь – в третьем. А его самый старший сын… он погиб молодым. Едва-едва окончил бакалавриат, поступил на полевую практику… а его наставник служил охранным магом в каком-то королевстве…

- Случилась война, и сын мэтра Локателли погиб, - закончил Массено.

- Вы знаете?..

- Нет, просто это несложно предположить. Но вы знаете, мэтр, на меня такие притчи не производят впечатления. Мы смертны. Мы приходим в этот мир ненадолго, и каждый знает, что рано или поздно боги призовут его к себе. Печально, когда Неотвратимый смотрит на кого-то слишком рано, не дав вволю насладиться теплом Светлой Госпожи, но без этого невозможно обойтись совсем. Мы можем лишь прикладывать усилия, чтобы такое происходило поелику возможно реже.

- Вот Локателли и прикладывает, - вставил ключ в скважину Танзен.

- Но только по отношению к Мистерии.

- Да. Он не бог, святой отец, он только волшебник. Ему не по силам защитить весь мир, так что он ограничивается одной страной.

- И поэтому Мистерия не участвует в войнах.

- Да. Мы нейтральны, святой отец. Мы всегда нейтральны.

Когда-то Порто-Нуэдо был действительно большим городом. Обширный порт на берегу удобной бухты, он принимал гостей изо всех стран Кровавого моря. Живые мертвецы Южакинга, хакруки Вадимоса, огры Хундарии, люди Олиберана, Руйи и Священной Ортанской империи – все навещали Порто-Нуэдо.

Но сейчас столица Фрабозии походила на большой особняк, из которого разъехались все, кроме главы семьи, а сам он слишком одряхлел и не может в одиночку за всем уследить. Добрых три четверти домов стояли заколочены, на улицах царила темень, а редкие прохожие шарахались друг от друга.

Булыжная мостовая была грязна и в дурном состоянии. Ее явно не чинили уже много лет. Танзен с трудом успевал и смотреть под ноги, и следить за антимановыми башнями. К ним не стоит приближаться – слишком много корония. Даже для опытного агента Кустодиана есть риск утратить концентрацию, вывалиться в форму №0.

Вот Массено шагал размеренно. По сторонам не глядел, спотыкаться не спотыкался. Любого солнцегляда отличает эта безмятежная походка и полная недвижность головы. Словно управляемый со стороны немтырь.

Дважды Танзен и Массено встречались с патрулем антимагов.

В первый раз – из простых послушников, во второй – из рыцарей. Танзен оба раза отмалчивался, зато Массено открыто говорил, что он монах Солнца и нунций Космодана, предъявлял священную пайцзу – и их пропускали. Даже почтительно кланялись – с церковью антимаги не враждовали, многие были рьяными севигистами.

- Благословите, отче, - попросил рыцарь-антимаг, прикладывая персты к переносице.

- Да озарит тебя Солнце, сын мой, - коснулся его темени Массено.

Ближе к центру город стал почище, оживленнее. Все чаще торчали уродливые наросты антимановых башен. Танзен внимательно глядел по сторонам – послушников и рыцарей он не боялся, но случайно встреченный магистр может стать проблемой.

Подумать только, что вот это все выросло из нелепого инцидента тысячелетней давности. Даже больше – минуло почти одиннадцать веков с тех пор, как в одной маленькой деревушке случился пожар. А мимо как раз проходил маг огня – и он вмешался, втянул пламя в себя. Сейчас его бы за такое только поблагодарили.

Но дело происходило в пятом веке. Тогда в воздухе еще пахло Смутной эпохой. В мире еще хватало стран, боящихся любого волшебства просто потому, что оно – волшебство. Крестьяне назвали своего спасителя черным колдуном и стали кидать в него камнями. Кто-то выпустил стрелу.

Волшебник разозлился. Можно ли его за это судить? Оскорбленный до глубины души, он крикнул, что раз кого-то здесь не устраивает, что он забрал их огонь... так он его вернет!

И он его вернул. В результате дотла сгорела вся деревня, а большая часть жителей погибла. Выжившие же потом собрались, похоронили близких... и принесли клятву. Дали торжественное обещание покончить с проклятой магией.

Именно из той горстки обездоленных крестьян спустя века выросла организация «Антимагия». Они обросли мускулами, научились бороться с волшебниками, открыли способ обращать чакры и накопили несметные запасы корония. Только к этому времени Мистерия наконец заметила их существование... но было слишком поздно.

К тому же долгое время «Антимагия» действовала предельно осторожно. Они охотились не на всех подряд волшебников, а только на магиозов, объявленных вне закона преступников. Строго говоря, они и сейчас действуют именно так, поэтому Мистерия порой даже сама прибегает к их услугам.

Но напряженность от поколения к поколению нарастает. И всем понятно, что эта терпимость со стороны антимагов – она временная. Что в их кодексе прямым текстом говорится, что любая магия – зло. И, возможно, не так уж и неправ Хаштубал, предлагая забыть о принципах, отправить во Фрабозию Скрытую Армию или просто обрушить на Порто-Нуэдо небольшой метеорит.

Был четвертый полуночный час, когда Танзен тихо постучал в неприметную дверь. Та сразу же приоткрылась, и голос из темноты прошептал:

- Обезьяна.

- Моллюск, - ответил Танзен.

- А разве не осьминог?

- Я уверен, что моллюск.

Он прошел проверку – дверь распахнулась, и из-за нее выглянул... магистр-антимаг. Танзен невольно вздрогнул – он не думал, что связной занимает настолько высокий пост. Ожидал увидеть послушника – ну в крайнем случае рыцаря.

- Проходите, мэтр, - озираясь, произнес антимаг. – И вы, ваше преподобие.

Внутри было еще темней, чем снаружи. Массено в свете не нуждался, а вот Танзену оставалось полагаться только на связного. Тот ощупью снял с полочки подсвечник, чиркнул спичкой – и помещение озарил мерцающий огонек. То был длинный узкий коридор, вырубленный прямо в камне – и антимаг повел по нему волшебника и монаха.

По дороге он то и дело озирался. То ли следил, чтобы не потерялись, то ли беспокоился насчет «хвоста». А может, втайне опасался волшебника за спиной. Многие антимаги испытывают к ним смесь ненависти и страха.

- Не ожидали? – спросил он, уловив что-то во взгляде Танзена.

- Того, что нас встретит магистр-антимаг? – сразу понял тот. – Не ожидал.

- Магистр антимагии, попрошу, - поправил его провожатый. – Так правильно произносится. Рыцари антимагии, гроссмейстеры антимагии...

- В чем разница?

- Просто так правильно, - поморщился антимаг.

Соблюдая тишину, они прошли через казармы. Дневальный при виде магистра вскинулся, но тот приложил палец к устам. По обе стороны коридора тянулись длинные кельи – и в каждой спало до двадцати послушников. Вдоль стен стояли кориниевые шесты, и Танзена лихорадило от самого их вида.

Одного присутствия корония недостаточно, чтобы вывалиться в форму №0. Он проходил специальные курсы, так что может даже касаться корония, держать его в руках. У него самого в кармане лежат кориниевые наручники. Но совершить здесь осмысленное превращение будет паргоронски сложно.

- Далеко еще? – прошептал волшебник.

- Почти пришли. Сюда.

Они поднялись по винтовой лестнице и оказались в башне с единственной комнатой. Окна глядели на гавань, большую часть пространства занимали шкафы с книгами, а на соломенной циновке восседал престарелый чин крохотного роста. Тоже в мантии антимага, но без цепа или шеста... вообще никаких признаков оружия.

- Я их привел, - произнес магистр. – Мне остаться?

- Ступай, Мичиги, - велел чин надтреснутым голосом. – Проследи, чтобы нас не подслушали.

- Повинуюсь, - поклонился магистр.

Оставшись наедине с Танзеном и Массено, чин указал им на плоские подушки и низкий стол с пиалами чая. Он явно ждал их прихода.

Танзен не стал проверять ауру напитка. Если этому человеку понадобится что-то с ним сделать, он не станет прибегать к отраве.

- А вы ниже, чем я представлял, - саркастично произнес Танзен.

- Вы думали, что если я зовусь великим антимагом, то я и ростом велик? – изогнул морщинистые губы чин. – Простите, если разочаровал.

Массено пил чай спокойно. Ему тут ничего не грозило. Дар Солары – не волшебство, он не зависит от силы чакр и не боится никакой антимагии.

Другое дело – Танзен. Он невольно избегал взглядов великого антимага, вздрагивал каждый раз, когда тот шевелился. Лидер «Антимагии» почти так же страшен, как чакровзрыватель.

Сабрегон, великий антимаг. Среди волшебников мало кто знает, как он выглядит. Да и среди неволшебников. Этот старик ведет предельно скрытный образ жизни, узреть его волшебством невозможно, а из тех, кто с ним встречался, немногие потом смогли поделиться впечатлениями.

Магистры антимагии способны рассеивать заклинания вблизи себя, а при телесном контакте – блокировать магические способности, словно живой кориний. Гроссмейстеры антимагии способны рассеивать заклинания даже на значительном расстоянии, магические способности блокируют при зрительном

контакте, а специальным ритуалом могут лишить их насовсем.

Великий антимаг Сабрегон может просто посмотреть на волшебника – и тот перестанет быть волшебником.

Навсегда.

Простые антимаги, послушники и рыцари – это всего лишь люди с кориниевым оружием. Они обучены разным трюками, чтобы противостоять чарам, но в них нет ничего особенного. Они никогда не были серьезной угрозой, и пока «Антимагия» состояла только из них, ее не опасались всерьез.

Все изменилось, когда они научились… выворачивать чакры. Страшный, мучительный ритуал, настоящая пытка. В каком-то смысле он сам по себе является волшебством… что несколько парадоксально. Но антимаги закрывают на это глаза, потому что именно таким способом они создают новых магистров, а изредка – гроссмейстеров.

К счастью, для этого не подходит любой желающий. Если бы магистра можно было сотворить из кого угодно… о, у Мистерии возникли бы серьезные проблемы. Однако результат напрямую зависит от потенциала чакр. Если бы все эти магистры антимагии поступили в свое время в Клеверный Ансамбль… они все равно бы стали магистрами. Магистрами волшебства, как Танзен. А гроссмейстеры без труда достигли бы профессуры.

Что же до великого антимага Сабрегона… ужасно жаль, что он не избрал путь волшебства. Из него бы вышел чародей колоссальной мощи. Возможно, он не уступал бы Медариэну и Локателли.

Но он изуродовал свои чакры и обернул их… вот в это. Стал антимагом. Сильнейшим антимагом в истории, но всего лишь антимагом – не умеющим и не способным колдовать, зато одним лишь взглядом выжигающим волшебство в других.

- Как поживает мэтр Локателли? – спросил Сабрегон, когда пиалы опустели.

- Просил кланяться, - ответил Танзен, подливая себе еще из чайничка.

- Вас сильно удивило, что мы с ним знакомы?

- Мне известно, что Мистерия сотрудничает с «Антимагией» по… отдельным вопросам. Но раньше меня не посвящали в подробности.

- И каково это – оказаться среди… посвященных?

- Ничего особенного. Мы можем перейти к делу, ваше… как вас правильно титуловать?..

- Великих магистров духовных орденов титулуют «ваше высокоблагочестие», - ответил вместо Сабрегона Массено.

- Не уверен, что «Антимагию» можно считать духовным

орденом, - с сомнением сказал Танзен.

- Мы скорее бездуховный орден, - согласился Сабрегон. – И простого «сударь» более чем достаточно, мэтр. Полагаю, вам хочется знать, к чему вся эта конспирация.

- А что тут непонятного? – пожал плечами Танзен. – Закулисные игры. Высокая политика. Вы не возражаете, если я добавлю ликера в чай, сударь?

- Не возражаю. Вы таким образом восполняете ману, не так ли?

- Нет, я просто алкаш, - откупорил фляжку Танзен. – Ваше здоровье.

Великий антимаг лично налил еще чаю Массено. Солнцегляд чинно поблагодарил, заедая терпкий напиток сухарем. Где-то еще он попросил бы простой воды, но здесь счел уместным проявить уважение гостя к хозяину.

- То, о чем я вам сейчас поведаю, не должно покинуть этих стен, - тихо молвил Сабрегон. – Вопреки мнению многих, моя власть над Фрабозией и «Антимагией» далеко не абсолютна. И лучше всего это демонстрирует нынешняя ситуация. Если комитет гроссмейстеров узнает, что я принимаю здесь волшебника, мне могут вынести вотум недоверия.

- Понимаю, - медленно произнес Танзен. – И незачем даже спрашивать, вы ли стоите за… всей этой историей.

- Не я, - чуть мотнул головой Сабрегон. – Если, конечно, мы имеем в виду одну и ту же историю. Что вы имеете в виду, мэтр?

- Я имею в виду неких антимагов, которые разыскали некий артефакт в союзе с неким индивидом, которого они именуют милордом.

- Я догадываюсь, о каком милорде идет речь. Он никогда не посещал Фрабозию лично, но здесь были его эмиссары. Они передавали мне некое предложение.

- Но вы его не приняли.

- Не принял.

- Даже зная, о каком артефакте идет речь?

- Это было соблазнительно, - не стал скрывать Сабрегон. – Очень. Я прежде всего антимаг, мэтр, вы должны понимать. Если бы я не разделял убеждений организации, которую возглавляю, меня сейчас здесь не было бы. Закончить нашу миссию одним решительным натиском… это было соблазнительно.

- Это закончило бы не только вашу миссию, - спокойно произнес Массено. – Погибли бы сотни тысяч, ваше высокоблагочестие.

- Возможно, даже миллионы, - согласился великий антимаг. – Я разделяю наши убеждения, но я разумный человек. Я понимаю,

что в мире сейчас слишком много волшебников и от них слишком многое зависит. Если они погибнут все разом, до последнего, без исключений, мир снова канет в хаос. Далеко не такой сильный, как сорок пять веков назад, когда рухнула Старая Империя и началась Смутная эпоха, но ощутимый. Что говорить – для этого хватит одной потери порталов. Если они снова станут мертвыми камнями, планета снова распадется на отдельные континенты. Далекие путешествия снова станут до невозможного долгими и трудными. Мы же сами пользуемся вашими порталами, в самом-то деле.

- Однако должен заметить, что в «Антимагии» нашлись и... менее разумные люди, - сухо заметил Танзен. – Не просто парочка отщепенцев. Я знаю это не по слухам, сударь, не по чужим словам. Я видел их собственными глазами.

- Это в самом деле так, - вздохнул Сабрегон. – Я отказался поддерживать того, кого именуют милордом. Но нашлись такие, кто поддержал. На самом деле у нас тут произошел настоящий раскол. Тихий, внутренний, незаметный со стороны... но это была почти что гражданская война. Почти четверть активного блока «Антимагии» отделилась и отправилась принимать участие в этой авантюре. В том числе шесть гроссмейстеров, и среди них Эрванто си Торрьеха, самый способный антимаг после вашего покорного слуги.

- И вы их не остановили.

- Я считаю это большой глупостью с их стороны. Нельзя высиживать яйцо, если не знаешь, что из него вылупится. Но я еще раз напомню – я здесь не абсолютный лидер. Так же, как ваш Локателли – не полновластный владыка Мистерии, а всего лишь председатель в ученом совете. Про церковь не стану даже говорить... сколько там у вас понтификов?..

- Двадцать шесть, вы знаете, - спокойно ответил Массено. – И двадцать шесть фламинов.

- Гидра о двадцати шести головах и двадцати шести сердцах. И каждая голова говорит свое, а сердца стучат вразнобой.

- Мы как-то справляемся.

- Безусловно, безусловно. И мы тоже как-то справляемся. На самом деле до всей этой истории никому на ум не могло прийти сказать что-то мне поперек. Но в этот раз... соблазн оказался слишком велик. Четверть антимагов польстилась на легкий путь, а половина оставшихся, я чувствую, колеблется. Стоит им уличить меня в шашнях с Мистерией – и меня низложат. И милорд получит не четверть «Антимагии», как сейчас, а всю. Еще чаю?..

Танзен выпил еще чаю с ликером. Массено на сей раз

вежливо отказался. Волшебник и монах немного помолчали, обдумывая слова великого антимага.

- Что с вами случится, если вас... низложат? – спросил Танзен.

- Я слышал, что в Мистерии моим именем пугают детей, - печально улыбнулся Сабрегон. – Вероятно, для волшебников я действительно страшная угроза. У вас есть так называемая шкала ПОСС... шкала опасности... Если не ошибаюсь, у меня в ней восемнадцатый класс...

- Девятнадцатый, - поправил Танзен.

- Девятнадцатый. Один из самых высоких. Однако для неволшебников я всего лишь слабый старик. Совершенно безобидный. Хотя я все еще неплохо владею боевым шестом, смею надеяться... мы все начинали с послушничества... но шест вряд ли поможет, если меня решат низложить...

Танзен снова замолчал. Кому-то на его месте могло показаться, что свержение или даже гибель великого антимага – хорошие новости для Мистерии. Но это отнюдь не так. Да, он не знает себе равных в этом мерзком искусстве блокировки чакр. Других настолько же сильных антимагов нет и не было.

Но пока «Антимагию» возглавляет Сабрегон, ее политика остается умеренной. Она ведет себя относительно тихо и охотится только на магиозов – в чем Кустодиан с ними вполне солидарен.

А вот его преемник... совершенно неизвестно, кто им станет и как тут все изменится.

- Можете ли вы чем-нибудь помочь? – нарушил молчание Массено.

- Нет, - помотал головой Сабрегон. – Тот, кого называют милордом, когда-то был волшебником, но сейчас он нечто иное. Антимагия никак ему не вредит. Мои собратья никогда бы не присоединились к нему, будь это иначе. Да и он не приблизил бы их к себе, будь они для него опасны. Что же до его сподвижников... тех, кто по разным причинам следует за ним... я не думаю, что и среди них много волшебников.

- Они были, но в малом количестве и не слишком сильные, - сообщил Танзен. – Их использовали втемную, и большая часть уже мертва. Возможно, все.

- Меня это не удивляет. Увы, антимагов на его стороне много, в том числе очень сильных. И используют их не втемную. Вряд ли милорд рассказал им все до последнего, но они точно знают о неких артефактах, способных исполнить некую миссию.

- Об этом и мы тоже знаем, - кивнул Танзен. – А вот сказал ли он, где находится... самый большой артефакт?

- Нет. Он либо сам этого все еще не знает, либо держит пока что в секрете. Возможно, переметнувшимся гроссмейстерам известно больше. Или другим его союзникам. Вам известно, где находится его основное логово?

- Одно было на острове Хор-Ханк, - задумчиво произнес Танзен. – Но оно разрушено... и оно не было основным, я думаю. Основное же... думаю, где-то в Джарии. Я прав?

- В Подгорном Ханстве, - проронил Сабрегон. – Среди покинувших Фрабозию был рыцарь, не полностью утративший мне верность. Я дважды получал от него весточки. Задолго до того, как прийти к нам, милорд нашел друзей среди хобиев и йоркзериев. И судя по тому, что я слышал, они от этого не прогадали. А вот что понадобилось под землей ему... не знаю, но могу предположить, что там тоже есть известный нам артефакт... возможно, как раз самый большой.

- Думаю, нет, - возразил Танзен. – Мне кажется, под землей Антикатисто разыскивал кое-что другое...

Глава 19

Подземелья. Мектиг ненавидел подземелья.

Сыро. Холодно. Темно. Как можно жить в таком месте? Как могут миллионы индивидов всю жизнь проводить без солнца и неба? С рождения до смерти прозябать в тесных пещерах и катакомбах? Мектиг не мог этого понять.

Обычно невозмутимый, как кусок гранита, здесь он ощутимо тревожился. Смотрел с беспокойством, подергивался даже. Особенно сильно – когда тоннели сужались.

- У тебя что, клаустрофобия? – с подозрением спросила Джиданна.

- Что это? – не понял дармаг.

- Боязнь замкнутых пространств.

- Я не боюсь. Просто хочу наверх.

Ему не нравилось отсутствие неба. Знать, что над головой не тонкая крыша, а толстый каменный свод, который в любую минуту может рухнуть... Мектига это беспокоило.

Зато Фырдуз стал весел и бодр, едва они вышли из портала. Бельзедор переправил их прямо в Яминию. Правда, не в сам Халлар – оказалось, что портал нельзя раскрыть в зачарованное или священное место. Резиденции понтификов охраняют сами боги – Темный Властелин не может ни узреть их, ни ступить туда.

И с одной стороны это, конечно, радует, но с другой... именно сейчас это не совсем кстати.

- Еще далеко? – спросил Мектиг.

Кобольд ненадолго задумался. Он пошевелил босыми ступнями грунт, принюхался к воздуху, попробовал пальцем потеки воды на стене, и сказал:

- Если в ту сторону – за полчаса дойдем. Но там самая торная дорога и заставы хобиев. Лучше обойти отнорками. Дольше, зато безопаснее.

- Их много? – спросил Мектиг.

- Хобиев?.. Э... ну... армия.

- Насколько они сложные? – спросил дармаг теперь у Джиданны.

- Не знаю, - ответила та. – Я не помню наизусть весь справочник ПОСС. Но, думаю, примерно равны людям. Может, немного ниже, если они коротышки. Они высокие?

- Чуть выше меня, - сказал Фырдуз. – И еще они слепые.

- Слепые карлики, - фыркнул Плацента. – Тля, Мектиг, даже

не знаю, по плечу ли они тебе.

- По плечу, - хмуро ответил дармаг.

- Зато у них очень острый слух и обоняние, - поспешил Фырдуз. – И страшенные когти. Вот такущие.

- А оружие? – пробасил Мектиг.

- Они вооружены до зубов. И носят мифриловые доспехи.

- А как они держат оружие с такими когтями? – задумалась Джиданна.

- Всей ладонью, - согнул кисть Фырдуз. – Вот так зажимают, а когти сюда... понятно?..

- Нет.

- Ну как вам показать... ну вот, смотрите...

Искатели Криабала безучастно смотрели, как кобольд демонстрирует устройство лапы хобия. Видно было хорошо – их озаряло заклинание Освещения. В отличие от упрямой титаниды, Фырдуз позволил новым друзьям осмотреть свой Криабал, но из рук его не выпускал... да и не мог выпустить. Заклятие Уз склеивало книгу и кобольда прочней смолы.

Фырдуз прочел Освещение с некоторыми дополнительными условиями, поэтому свет двигался вместе с ним и даже чуть-чуть впереди, показывая дорогу. Им самим было прекрасно видно все вокруг, но никто со стороны этого света не увидит.

Плацента не поверил, когда Фырдуз об этом сказал, и специально приотстал, чтобы потом насмехаться над лживым кобольдом. Плацента любил наблюдать, как всякие глиномесы лгут ему, а он знает, что они лгут.

Но едва он отступил от остальных на дюжину шагов, как все погрузилось во тьму. Черный непроницаемый мрак. Плаценте сразу стало страшно, он заверещал и опрометью ринулся вперед... но тут же запнулся ногой о камень.

Хрясь!..

Когда остальные вернулись и с ними вернулся свет, полугоблин ползал на четвереньках, собирая рассыпавшиеся монеты. Он рассадил подбородок и капал на пол кровью, но его это ничуть не заботило.

Джиданна, Мектиг и Дрекозиус смотрели на это равнодушно. Один Фырдуз наклонился, принялся помогать... и Плацента тут же выхватил нож.

- Лучше не трогай его вещи, - лениво посоветовала Джиданна.

- Он из-за этого так сильно злится? – пробормотал отшатнувшийся кобольд.

- Он из-за всего сильно злится. Да и заразиться можно чем-нибудь.

Когда Плацента наконец закончил, то сдавленно попросил

Джиданну залечить рану. Та закатила глаза, словно полугоблин потребовал ее руки и сердца, но все же велела запрокинуть лицо и усадила туда белку. Той не хотелось сидеть на бугристой роже полугоблина, но если ты фамиллиар – нужно слушаться своего волшебника.

Еще минут через двадцать искатели Криабала вышли в большую пещеру. Через нее протекала подземная река, с потолка тоже капала вода, а стены мягко светились – в них виднелись вкрапления коллегата.

Этот минерал часто встречается Внизу, и кобольды одно время даже пытались торговать им с Верхними, но дело не пошло. Оказалось, что Наверху коллегат нехорош – в лучах Небесного Светильника он быстро тускнеет, а потом рассыпается. Так что перевозить его нужно в закрытых ящиках, а использовать можно только там, где нет окон. Кажется, некоторые Верхние все-таки освещают им свои погреба и темницы, но точно Фырдуз не знал.

- Куда дальше? – спросил Мектиг.

- Это Яшмовинка, - указал на реку Фырдуз. – Надо пройти по ее течению до тройного водопада. Оттуда свернуть и держаться белых поворотов, пока не придем к огромной статуе. После придется немного поблуждать катакомбами, двигаясь под уклон. Ну а там уже и Халлар... если кроты его еще не захватили.

Тройной водопад услышали издали. Допрежь размеренные и даже ленивые воды Яшмовинки здесь обрушивались в пропасть. Сначала один уступ, короткий и низкий, потом почти сразу же второй, еще ниже, но гораздо длиннее... а дальше третий. И оттуда доносился только рев, а что на дне – в темноте не видно.

- Вон в тот проход, - повернул Фырдуз. – В белый.

Видно было, что это не просто пещеры, не просто туннели. Здесь пролегают подземные тропы. По ним путешествуют жители недр. На стенах кое-где виднелись значки, углубления. Пару раз попадались ниши с разноцветными камнями, в которых Дрекозиус опознал алтари Гушима.

Белка Джиданны порывалась попробовать эти камни на зуб, но волшебница удерживала ее от святотатства. Зверек от этого все сильнее сердился, и все сильнее принюхивался. И когда искатели Криабала подошли к очередному перекрестку, белка вдруг спрыгнула с плеча хозяйки и унеслась в правый туннель. Отмеченный не белой краской, а синей.

- Нам не туда! – забеспокоился Фырдуз. – Не туда!

- Ну скажи это ей, - пожала плечами Джиданна, вяло направляясь за белкой.

Та мчалась, как ужаленная. Явно почуяла что-то очень вкусное. А поскольку вкусным императорские белки считают

прежде всего драгоценные камни и благородные металлы, Джиданна не слишком и возражала свернуть на минуточку.

Остальные тоже. Плацента и Дрекозиус уже спешили за ней с жадным блеском в глазах. Мектиг к сокровищам был равнодушен, но и он мерно шагал с остальными.

А где-то на полпути к ним присоединились еще спутники. Белка пробежала мимо хлопотавших у каверны в стене цвергов – и те ее заметили! Бородатые коротышки ахнули, переглянулись – и бросились следом.

Джиданна при виде этого нахмурилась и прибавила шаг. Но цверги не собирались обижать ее фамиллиара. Напротив, смотрели с искренней нежностью и выкрикивали:

- Где там камешки, лорд Белка?!

- Веди, веди нас! Показывай!

И минут через пять беготня по туннелям закончилась. Белка Джиданны прыгнула в темный отнорок – и оттуда донеслось чавканье.

Цверги тут же вынесли из-за плеч кирки – и ну долбить камень!..

Жила пролегала у самой поверхности, и золото блеснуло почти сразу же. Искатели Криабала радостно завопили – но это было ничто в сравнении с радостью цвергов. Они взялись за руки, обнялись и запрыгали.

- Вот здесь мы поселимся и заведем детей! – восторженно возопил один.

- И возьмем себе лорда Белку! – добавил второй.

- Лорда Белку вы себе своего ищите, - заявила подошедшая Джиданна. – Этот мой. И она леди Белка, если вам интересно.

Цверги только сейчас обнаружили, что уже не одни. При виде искателей Криабала они ухватились покрепче за кирки и насупили брови. Еще шаг – и бросятся.

Но даже Плацента в этот раз не полез на рожон. Цверг, охраняющий свое золото – самый опасный зверь на свете. Они в этой ситуации злее бешеных росомах.

Белка наелась быстро. Она не была слишком уж голодна, просто не смогла пройти мимо. Минуты через три уже отвалилась от жилы с раздутым животом, и Джиданна усадила ее на плечо. Оттуда фамиллиар осоловело уставился на цвергов.

- Мир вам, добрые маленькие человечки, - приветливо улыбнулся им Дрекозиус. – Да благословят вас боги. Куда вы держите путь и...

- Мы не человечки, - грубо перебил цверг.

- Это скорее вы долговязые цвергищи, - добавил другой.

Были они одинаковыми, как братья. Ростом примерно с

Плаценту, коренастые и широкоплечие, с объемистыми животами и пышными бородами. Одетые в целую кучу одежд, в колпаках, с набитыми мешками за спиной и кирками в руках... типичные цверги.

Фырдуз дергал Джиданну и Дрекозиуса сзади. В Яминии сейчас не стоит беззаботно заговаривать с первым встречным. Конечно, это не хобии, но многие цверги к ним переметнулись, фискалят.

Но Дрекозиус и сам все прекрасно знал. Щурясь, как довольный кот, он принялся расспрашивать цвергов о том и о сем, расставляя незаметные словесные ловушки. Джиданна цепко всматривалась в их ауры, ища следы лжи. Мектиг же как будто спал стоя, но одно слово – и взметнется, как ураган. Все тут знали, насколько молниеносным может быть этот верзила.

Что же до Плаценты, то он осматривал чьи-то кошелек, нож и молоточек. Где взял – неизвестно.

После недолгой беседы выяснилось, что зовут цвергов Аристобарг и Доретред. Они беженцы из Торуги, пробираются в Халлар. Тут неподалеку живет один индивид, который помогает туда пробраться.

- А вы тоже туда? – с подозрением спросил Доретред.

- Туда, дети мои, именно туда, - сложил руки на пузе Дрекозиус. – А что, коли уж чудесный зверек нашей доброй волшебницы помог вам в поисках счастья, не отблагодарите ли вы нас добром?

- Какую часть золота вы хотите? – неохотно выдавил Аристобарг, прикрывая спиной жилу.

- Большую! – выкрикнул Плацента.

- О, не слушайте нашего шутливого товарища! – махнул рукой Дрекозиус. – Что нам золото, коли перед нами важная миссия? Мы желаем от вас не презренного злата, но лишь помощи в том, от чего и вам самим тоже будет немалая выгода. Препроводите нас в Халлар, благородные цверги, и боги вас за то вознаградят.

- А как они нас вознаградят? – заинтересовался Доретред.

- Пошлют вам добрых друзей, а с ними – чудесную белку, что укажет путь к богатой золотой жиле. Ох... да ведь, кажется, они уже это сделали!.. Чудо, братия, воистину чудо!.. – всплеснул руками Дрекозиус. – Боги провидели будущее и вознаградили вас прежде, чем вы совершили благородный поступок! Теперь вы просто обязаны и в самом деле его совершить, иначе прогневите богов своей неблагодарностью и будете за то страшно наказаны!

Цверги растерянно заморгали. Совсем замороченные Дрекозиусом, они переглянулись и неохотно кивнули.

- Пошлите, проводим уж вас... – пробормотал Аристобарг. – Только вы про жилу не говорите никому. Мы ее первые нашли!

- Да на что нам эта жила?! – вмешался Фырдуз. – Вы скажите лучше – Халлар-то не взяли еще?!

- Не, что с ним сделается, - пожал плечами Доретред. – Божий город. Его никакая сила не возьмет.

- Сплюнь, - мрачно посоветовал Аристобарг. – Еще сглазишь.

Доретред от души харкнул через левое плечо... и попал в глаз Плаценте. Тот почему-то стоял сзади.

- О, кудесно! – обрадовался цверг. – Плюнуть в гоблина – хорошая примета!

- Я полугоблин, - процедил Плацента, доставая нож. – Плюнуть в полугоблина – плохая примета.

Впрочем, до настоящей драки не дошло. Доретред с Плацентой просто пару минут поорали друг на друга, припомнили общих родственников и поведали все, что знали о цвергах и гоблинах, причем Плацента бешено визжал, что он полугоблин, твою мать, полугоблин!

Но потом они помирились.

Покидать золотую жилу цвергам не хотелось до смерти. Их грызли злостные подозрения. Оба были уверены, что едва зайдут за поворот, как набегут ворюги с кирками. Они бы сами точно набежали, почуяв бесхозную жилу, так что в том же подозревали и всех остальных.

Их выручил Фырдуз. В Рваном Криабале было заклинание Незаметности – наложенное на живое существо или предмет, оно заставляло не обращать на них внимания. Невидимым не делало, но взгляд словно сам собой уходил в сторону.

- А мы сами-то потом его найдем? – с сомнением спросил Доретред.

- Оно не действует на тех, кто уже видел эту штуку, - сверился с комментариями Фырдуз. – Для вас жила останется такой же, как прежде... и для нас тоже.

- И для вас тоже?.. – прищурился цверг.

- Нам не нужно это золото, сказали же вам, - поморщилась Джиданна.

Цверги не поверили ей ни на медяк. В их чугунных черепах не умещалась мысль о том, что кому-то может быть не нужно золото. Но они смекнули, что если уведут этих пятерых подальше от жилы, то потом смогут вернуться раньше них. И не одни, а с родней.

Так что они поспешили отправиться в путь. И шагали неутомимо, как бородатые конструкты. Немного найдется более выносливых существ, чем цверги – даже могучий Мектиг уже стал

дышать тяжело, а эти все перли и перли вперед.

Но остальные к этому времени совсем выбились из сил. И если Фырдуз, Плацента и Джиданна еще могли какое-то время двигать ногами, то Дрекозиус в какой-то момент просто плюхнулся на удобный камень и заявил, что богам неугодно, чтобы он с него вставал.

Здесь и решили разбить лагерь. Место было не хуже любого другого. Мектиг дернулся было развести костер, но тут же сообразил, что топлива поблизости не найдет. Ни деревьев вокруг, ни хвороста, ни хотя бы кизяков. Суровыми зимами дармагу доводилось жечь олений или ячий навоз – он неплохо горит, хотя и не всем нравится запах.

Но для цвергов и кобольда подземелья были родным домом. Тут же натащили откуда-то горючих камней, Доретред извлек из недр одежды субтермическое огниво, и через несколько минут в углу пещеры пылал крохотный, но очень жаркий огонь.

Достав из мешков по ломтику вяленого мяса, цверги принялись рассказывать о своем житье-бытье. Из Торуги они бежали, едва в город вошли хобии, но собирались туда вернуться, как только все утрясется. Пробирались в целом тоже к Халлару, но не слишком торопливо. На какое-то время даже прибились к повстанцам, которые засели двумя ярусами выше и делают набеги на кротов.

- А то что же... – бубнил Аристобарг. – У нас в Торуге отцы остались, братья, дед старый... Мы с Доретредом после войны обратно...

- Думаете, хобиев скоро выгонят? – с надеждой спросил Фырдуз.

- Может, выгонят, а может, и не выгонят – то Мастеру известно. Если с данью лютовать не будут, то можем и при них жить.

- Выгонят, - уверенно заявил Фырдуз. – Скоро. Правда же, отец Дрекозиус?

- Надейся в том на богов, сын мой, - улыбнулся жрец. – Дети мои, а не будет ли у вас заморить червячка и для доброго божьего служителя? Дочь моя?.. Дочь моя!..

Джиданна их не слышала. Она полностью погрузилась в диалог со своей белкой. Та оживленно стрекотала, а волшебница недоуменно отвечала:

- Ну хорошо... Ладно... Если хочешь... Красивое имя, согласна... Ну пусть, если тебе нравится...

- Дочь моя!.. – повторил Дрекозиус.

- Что такое? – отвлеклась Джиданна.

- Не поделишься ли и с нами темой своей беседы с этим

удивительным зверьком? Она должна быть чрезвычайно занимательна, раз ты не слышишь ничьих иных речей.

- Да нет, ничего такого, - ответила волшебница. – Просто теперь у этого зверька есть имя. Ее зовут Леди Белка.

- О-о-о, как это замечательно!.. – обрадовался Дрекозиус. – Предлагаю отметить сие знаменательное событие дружеским ужином и, возможно, чем-нибудь горячительным. Уверен, боги нас за то не осудят.

- Я могу предложить разве что печеные яблоки, - пожала плечами Джиданна. – Мы вышли налегке.

Они и в самом деле взяли с собой минимум провизии, поскольку рассчитывали добраться до города цвергов часа за два-три, не больше. До него было не слишком далеко. Искатели Криабала просто не учли, что расстояние сильно увеличивается, когда идешь в подземном лабиринте, да еще и огибая вражеские кордоны.

Джиданна легким жестом сотворила яблоко и положила его в костер. Едва оно потемнело – достала и тут же вызвала новое.

Предыдущее исчезло.

- Моя Сущность просто не может быть хоть чуточку не гоблинной, - угрюмо произнесла волшебница, суя в костер новое яблоко. – Ну хорошо хоть, из живота не исчезает...

- А шашлык так можешь? – спросил Аристобарг, подвигаясь ближе. – Из слепыша.

- Нет. Только яблоки. Будешь?

Только теперь Фырдуз спохватился и прочел на всех заклинание Пищи. Оно создало каждому именно то, чего сильнее всего хотелось, и следующие несколько минут у костра было тихо. Искатели Криабала ели, Фырдуз с опаской на них поглядывал. Он еще не привык к своим новым... друзьям?.. Рановато их пока так называть.

Особенно его пугал Мектиг. Слишком огромный рядом с кобольдом, слишком угрюмый, слишком неразговорчивый. К тому же странного цвета для человека – какой-то иссиня-белый, даже голубоватый. Фырдуз таких еще не видел.

- Он дармаг, - сказала Джиданна, каким-то образом догадавшись, о чем он думает. – Они живут далеко на севере.

- И еще берсерк, - добавил Плацента. – Только ущербный.

- Я не ущербный, - мрачно сказал Мектиг. – И я тебя слышу.

- Да я знаю, - плюнул в костер полугоблин, немного отодвигаясь. – Но если тронешь меня, я тебя ножом чикну, тля. И ты убежишь, тоненько вереща.

- Почему? – не понял Фырдуз. – Он боится крови?..

- Ага, до смерти ее боится, - расплылся в улыбке Плацента.

- Не слушай нашего веселого товарища, сын мой, - сказал Дрекозиус. – Он просто развлекает нас добрыми шутками, ни в коем случае не желая никого обидеть. Что же до благородного Мектига, то он, как ты мог уже слышать, берсерк. Эти бесстрашные воины владеют некоторым родом волшебства, священным искусством, позволяющим в бою им принимать в себя дух могучего зверя, повышая тем свою силу, ярость, скорость, выносливость...

- Но это же хорошо, - сказал Фырдуз. – Хорошо ведь, нет?..

- Это если зверь хороший, тля, - фыркнул Плацента. – Волк. Медведь. Кабан. А у этого иррытха магенга – лемминг. Лемминг, тля!..

- Берсерк не выбирает зверя, - процедил Мектиг. – Зверь выбирает берсерка. Обычно это медведь. Но бывает песец. Или гагара. Или лемминг.

- Уж лучше б песец, - сказал Плацента. – Много берсерков-то было в твоем хирде?

- Сорок пять.

- И много среди них было песцов?

- Один.

- А гагар?

- Один.

- А леммингов?

- Один.

- А медведей?

- Восемнадцать, - неохотно сказал Мектиг.

- У тебя самый гоблинный зверь, - подытожил Плацента.

- У Хьялда Щитоеда был хуже, - возразил Мектиг. – Когда его охватывал вут, он грыз свой щит. Когда щит кончался – чужие щиты. Иногда деревья.

- Дай угадаю...

- Он был одержим духом бобра.

Фырдуз поежился. Он от души надеялся, что с другими берсерками никогда не повстречается.

Спали на каменном полу. Жалели, что не взяли с собой вехота. Он был бы не очень полезен под землей и даже скорее мешал, поэтому его оставили в Бриарогене. Но теперь жалели.

Мектиг спал настороженно, но крепко. Джиданна дрыхла без задних ног, полностью рассчитывая на фамиллиара. Отец Дрекозиус шумно сопел, и его живот вздымался, как гора.

И только Плацента ворочался, постоянно вскидываясь. Он всегда тревожился, ночуя с незнакомцами. К этой троице придурков он уже попривык, а Фырдуз, сразу видно, тютя, но вот цвергам он не верил.

Так проснешься – а у тебя горло перерезано и карманы обчищены. И даже непонятно, что хуже,

И когда он проснулся в очередной раз, то увидел, что цвергов нет. И их мешков тоже нет.

Полугоблин тут же встрепенулся. Он обыскал свои карманы и мешок, потом – карманы и мешки спутников. Ничего не пропало. Плацента точно знал, у кого что есть.

Значит, просто сбежали. Бросили на полпути, горе-проводники. Небось, драпают обратно к своей жиле.

Ну и бушук с ними. Без них даже спокойнее. Насвистывая ругательство, Плацента решил отойти по нужде. Неподалеку как раз был укромный темный уголок... но он оказался занят!..

Подойдя ближе, Плацента именно там увидел цвергов. Оба были без штанов, крепко друг к другу прижимались, громко пыхтели...

- Э-э, мужики, вы чё?! – аж поперхнулся полугоблин. – Чё вы делаете?!

- Детей мы делаем! – огрызнулся Аристобарг. – А ты сам не видишь?!

- У глиномесов не бывает детей, тля!

Не прерывая занятия, цверги объяснили Плаценте, куда ему идти. Но им, кажется, не захотелось, чтобы грязный полугоблин думал о них всякое, поэтому они неохотно признались, что Аристобарг – женщина. И они с Доретредом – новобрачные. А глиномес тут только Плацента.

- Тля, вы бы себе хоть значки какие вешали на бороды... – пробурчал полугоблин, усаживаясь на камушек. – Но ладно, продолжайте тогда. А я попялюсь.

- Да пош-шел ты на кир отсюда! – зашипел Доретред.

- Мерзкий гоблин! – процедила Аристобарг.

- Я полугоблин, - сказал Плацента, жуя грязный сухарь. – Есть разница.

Наутро цверги смотрели на него с такой ненавистью, что будь на месте Плаценты камень – рассыпался бы в порошок. Но Плацента камнем не был, а потому ходил и ухмылялся.

Конечно, Доретред и Аристобарг не стали продолжать свое занятие у кого-то на глазах – сразу же натянули штаны и попытались убить полугоблина. Но если в выносливости он им уступал, то в прыткости уделывал. Побегав от них по пещере, Плацента вернулся в лагерь – а рядом с остальными цверги трогать его не осмелились. Ошибочно полагали, что спутники за него заступятся.

Идти оставалось уже недалеко. Правда, Фырдуз все сильнее беспокоился – цверги вели их каким-то другим путем. Не тем, что

он затвердил перед уходом из Халлара. Кобольд потихоньку сказал об этом остальным, но те не слишком встревожились. Мектиг только проверил, легко ли выхватывается секира, и смерил цвергов холодным взглядом.

Но Доретред и Аристобарг не обманули. Они привели искателей Криабала к свежему тоннелю, возле которого висело медное било. Доретред стукнул по нему один раз, потом три, потом еще два – и стал ждать.

Фырдуз, который узнал комбинацию, подался вперед... и не ошибся. Через минуту из тоннеля высунулось огромное рыло с миллионом мелких зубов и четырьмя огромными зазубренными бивнями. Искатели Криабала отшатнулись – а кобольд кинулся к чудищу.

- Трантарикуририн! – воскликнул он.

- Мир тебе, кобольд Фырдуз, - гулко ответил индрик. – Я рад, что мы снова встретились. В добром ли ты здравии?

- В добром! А ты-то сам как?!

- У меня все хорошо. Поздравь меня, кобольд Фырдуз, я наконец-то нашел свою суженую.

- Ты женился?! – обрадовался Фырдуз. – И на ком?!

- На Имфаталитастаке, самой красивой женщине в мире, - гордо ответил Трантарикуририн. – Это сокращенная форма имени, сам понимаешь. Возможно, я еще смогу представить тебя ей. Я рассказывал ей о кобольде, что спас меня от грифонавтов, и ей хочется с тобой познакомиться. Видел бы ты ее бивни, кобольд Фырдуз!.. а как грациозно она скользит сквозь камень!..

- И вы теперь заведете детей?

- Надеюсь на это.

Фырдуз еще раз порадовался за друга. Он был знаком с одним-единственным индриком, но этот единственный ему очень нравился, и если другие хоть немного на него похожи – пусть их станет побольше.

- А это твои друзья? – обратил внимание на остальных Трантарикуририн. – Представь же нас друг другу, кобольд Фырдуз.

Тот скороговоркой рассказал о искателях Криабала и встреченных по дороге цвергах. Те, кстати, ужасно удивились, что кобольд и индрик знакомы. Сами-то они просто слышали от повстанцев, что здесь живет гигантский зверь, который провожает в Халлар тех, кто правильно простучит по билу.

- Вы хотите в Халлар? – спросил Трантарикуририн. – Следуйте за мной. Я проделаю для вас самый короткий путь.

По дороге индрик не переставая болтал с кобольдом. Он рассказал, что встретив женщину своего вида, сразу же решил,

что она – его судьба на всю жизнь. Фырдуз про себя подумал, что при том, насколько индриков мало, для них любая встреча – судьбоносная. Но говорить не стал – так сильно был воодушевлен Трантарикуририн, так расхваливал свою ненаглядную.

Сейчас его подруга или, возможно, уже супруга... этот момент остался как-то непонятен... блуждает глубоко в недрах, сооружает семейное гнездо для будущих индричат. Трантарикуририн же проводит разведку на предмет питательного грунта.

Питаются индрики всякой мелкой живностью, которую процеживают при рытье тоннелей, так что места предпочитают не любые, а богатые личинками, червями, грибницами и совсем невидимыми хомунциями. Поскольку по-настоящему многочисленно все это лишь вблизи обжитых мест, у самой поверхности и пещерных комплексов, слишком далеко индрики уходить не могут. Им волей-неволей приходится «выныривать» к воздушным или водным карманам.

И в очередной раз вынырнув в большую пещеру, Трантарикуририн столкнулся с патрулем хобиев. Те напали без лишних раздумий – то ли испугались, то ли решили поймать ценного зверя. Индрика обстреляли из жахателей, и он еле-еле сумел сбежать.

После этого он решил держаться подальше от территории хобиев. Но в том-то и беда, что кроме нее тут уже мало что осталось. Чуть ли не единственная часть Яминии, которую еще не захватили – прямо здесь. Под городом Халлар. Так что индрик с женой обосновались рядышком, а для большей безопасности – заключили уговор с цвергами. К счастью, их принцы его помнили и с радостью приняли на службу.

- А когда женишься ты, кобольд Фырдуз? – перевел индрик разговор на тему, что была ему сейчас важней всех войн на свете. – Тебе много лет для кобольда, отчего ты до сих пор не завел детей?

- Как тебе сказать, друг мой... – уклончиво пробормотал Фырдуз.

- А что вы, друзья кобольда Фырдуза? – раскатисто пробасил Трантарикуририн. – Женаты ли вы? Детны ли? Если нет, то отчего так?

- Нет, - коротко ответил Мектиг.

- Боги избрали меня для иных дел, сын мой, им неугодно пока что видеть меня почивающим у семейного очага, - воздел очи Дрекозиус.

- Тля, почему если кто женился и нарожал последышей, то сразу аррам зо дергает всех?.. – сплюнул Плацента. – Когда женишься?.. почему еще не женился?.. какого кира еще нет

детей?.. Тля!..

- А это как с алкашами, - саркастично объяснила Джиданна. – Каждый алкаш считает своим долгом спаивать окружающих, а если кто-то вдруг непьющий, то для них это как вызов.

Туннель поднимался все выше. Сразу семеро индивидов никак не смогли бы уцепиться за филейную часть индрика, потому он двигался спиралью, рыл хоть и под крутым углом, но не настолько, чтобы не подняться.

И в какой-то момент камень закончился. Четыре громадных бивня пропороли верхний слой, и высунулись посреди улицы. Та мало отличалась от очередного туннеля, но все-таки вдоль него тянулись двери, туда-сюда ходили гномы и цверги с замотанными лицами, а на потолке висел солнцешар. Один-единственный – в Халларе их не слишком привечают.

К проделанной индриком кротовине уже спешила стража. Минуты не прошло – а ее окружили бронированные бородачи с топорами и жахателями. Трантарикуририна здесь знали, но бдительности не снижали – кто поручится, что его не взяли в плен, что в этот раз с ним не явился боевой отряд хобиев?

И при виде искателей Криабала подозрительность и без того недоверчивых цвергов только возросла. Самый рослый, толстый и седой зло гаркнул, потребовал назваться – и к нему подошел отец Дрекозиус. Витиевато поприветствовав славного воеводу, он поведал о их важной миссии и попросил немедля провести к королю или кому-то из принцев.

Уже через час их приняли в доме комендант-городничего. Там, где разместилась королевская семья. Фырдуз, не так уж и давно покинувший эти стены, поднялся по ступеням и низко склонился перед принцем Перетрекумбом, принцессой Остозилар, и их матерью, вдовствующей королевой Тсаригетхорн.

Их было очень легко различить. Принц – толстый, неряшливый, с родимым пятном на лысине. Принцесса – щуплая, остроносая, с относительно маленькой промасленной бородкой. Королева – скрюченная, морщинистая и полностью седая, с бородой такой длины, что путается в ногах.

- Приветствуем тебя, наш верный подданный… – начала она надтреснутым голосом, но ее перебила Остозилар. Приподнявшись на стуле, она гневно воскликнула:

- Что ты здесь делаешь, крысеныш?! Тебе было поручено простое дело – почему ты вернулся?! И Криабал все еще при тебе… что все это значит?! Мы требуем немедленных объяснений!

- Я не добрался до Новой Страны, о ваше высочество… – пролепетал дрожащий кобольд. – Смиренно прошу меня простить. Мне помешал дракон – с горем сообщаю, что он сожрал

гвардейцев, что вы со мной послали. Я сам чудом выжил...

- Да мне плевать и на тебя, и на гвардейцев! – брызнула слюной принцесса. – Какого храка ты тут делаешь, я тебя спрашиваю?!

- Не кричи, - пробасил Мектиг.

Дармаг положил Фырдузу руку на плечо и ободряюще улыбнулся. Вернее, попытался улыбнуться – получилась гримаса. Смерив Остозилар хмурым взглядом, Мектиг отодвинул кобольда себе за спину, а вперед подтолкнул Дрекозиуса.

- Объясни им, - велел дармаг.

Жрец льстиво раскланялся и принялся рассказывать. Остозилар пыталась перебить и его, потому что он далеко не сразу дошел до сути, но вклиниться в речи Дрекозиуса оказалось непросто. И когда наконец тот смолк, королева уже почти дремала, а принц Перетрекумб тоскливо вздыхал.

Внимательной оставалась только Остозилар. Дослушав, она сухо кашлянула и сказала:

- Что же. При других обстоятельствах наш августейший отец и мы с братом никогда бы не заключили соглашения с лордом Бельзедором, но сейчас нам перебирать не приходится. Ты согласен, братец?

- Угу, - кивнул мрачный Перетрекумб. – А что он взамен хочет?

- Полагаю, Рваный Криабал... ну да и храк с ним, пусть забирает. Когда мы, кстати, получим обещанную помощь?

- После, ваше высочество, но обождать придется буквально денек-другой, - улыбнулся Дрекозиус. – Заверяю вас, что пусть репутация Темного Властелина и ужасна, но никто еще из присягнувших ему не пожалел о таком решении. Ваши враги вострепещут, если над вами прострется длань...

- Кто-кто там просрется?.. – не расслышал Перетрекумб.

- Хобии, ваше высочество! – не растерялся Дрекозиус. – Воистину плачевна будет их участь!

- Да, это мне нравится! – оживился принц. – А вы, кстати, кто такие сами-то?

- Да, верно, - кивнула Остозилар. – Представьтесь-ка, а то мы все еще не знаем, с кем говорим.

- Верно, верно, ваши высочества! – всплеснул руками Дрекозиус. – Печально, что обстоятельства нашей встречи оказались таковы, что было не до приличествующего таким высоким особам этикета! Друзья мои, скорее же, представьтесь их высочествам!

- Мектиг, - хмуро сказал Мектиг, которого жрец толкнул в бок. – Хирдманн.

- Джиданна Спецеял, - разомкнула уста волшебница. – Лиценциат Унионисса.

- Я же, с вашего позволения, отец Дрекозиус, - подобострастно молвил жрец. – Видам его преосвященства отца Суйма из славного города Пайнка, что в Эрдезии.

- А я Плацента, - осклабился полугоблин. – Шлюховед.

- Шлюховед?.. – приподняла бровь Остозилар.

- Ага. Это специалист по шлюховедению, - важно сказал Плацента.

Перетрекумб залился хохотом и заявил, что он тогда тоже шлюховед. На Плаценту он взглянул с невольной симпатией, зато глаза Остозилар стали такими злющими, словно она задумалась – а не отравить ли позорящего род братца?..

- Добро пожаловать в Халлар, наши будущие спасители, - все же произнесла она. – Сегодня мы дадим в вашу честь пи... званый ужин.

Глава 20

3920 год до Н.Э.

Бриар с нежностью смотрел на сына. Флиперия подарила ему пятерых детей, но старший, Хоризакул, на голову превосходил братьев и сестер. В волшебстве он почти не уступал отцу, а в уме, пожалуй, и опережал. Да еще и музыкальный талант – Хоризакул родился с абсолютным слухом и достиг удивительных успехов в аристомагии. Это сложная и редкая разновидность Искусства, но мальчику она давалась легко и непринужденно.

С тех пор, как Хоризакул достиг совершеннолетия, Бриар перестал опасаться, что империя рухнет сразу после его смерти.

Конечно, он не собирался умирать. Сто десять лет минуло с тех пор, как Бриар Всемогущий стал императором единого Парифата – и за эти сто десять лет он не постарел ни на день. В свои триста восемьдесят лет по-прежнему выглядел от силы на сорок.

Бриар немало сделал за это столетие. Покончил с гражданской войной и усмирил сепаратистов. Полностью восстановил сеть порталов. Заключил договор с Алмазным Раем, сделав титанов снова друзьями империи. Дал миру всеобщее магическое образование.

Уже целый век Парифат процветает и развивается. Почти сотню лет ничто не омрачает его спокойствия.

Почти ничто. Была та схватка на площади Философов. Пятьдесят лет прошло, но по сей день свежа в памяти. Молодое поколение волшебников попыталось вновь сделать империю республикой. Попыталось убить его, Бриара. Лучшие из ордена Золотых Магов тогда обернулись против него. С тяжким сердцем ему пришлось казнить собственных учеников.

А теперь Золотые Маги вообще утратили полезность. Они давно не выполняют никаких важных функций. Когда-то они были клинком в руках Бриара, и немало врагов он сим клинком сразил... но врагов больше не осталось. Уже много лет клинок просто висит на стене.

И ладно бы просто висел, как пустое украшение. Золотые Маги постепенно забирают все больше власти. Площадь Философов по-прежнему помнят многие. И все громче шепчутся, что стоит попробовать снова.

- Камильф, - хлопнул в ладоши Бриар. – Приди.

В зале сгустился воздух, и из него вышел первый советник.

Камильф Хладнокровный, второе лицо в государстве. Его годы тоже не согнули, но для полуэльфа это и неудивительно.

- Объявишь мою волю, - произнес Бриар. – С сегодняшнего дня орден Золотых Магов распущен.

- Полностью? – без особого удивления уточнил Камильф.

- Полностью. Провозгласишь, что отныне Золотые Маги утрачивают особый статус, титулярность и привилегии. В том числе право применять чары старших разрядов без лицензии. Нарушителей ожидает Бирюзовый Холм.

- Разумно, - прокомментировал Хоризакул. – Поздновато немного, но время еще не упущено.

Бриар вздохнул. Сын и наследник много лет уговаривал его распустить орден. Впервые завел об этом разговор сразу после площади Философов. Но Бриар просто не мог так поступить с теми, кто возвел его на трон. С теми, кто поддерживал в первое десятилетие – тяжелое и страшное десятилетие, когда Парифат едва не рассыпался на куски. С теми, кто одолел Крушителей – эту безумную волну сепаратистов, что массово уничтожали порталы.

Но их осталось уже немного – тех, первых Золотых Магов. Верных и заслуженных, помнящих Бриара без императорского венца. Сто лет минуло все-таки. Одни пали в боях, другие казнены, кто-то скончался своей смертью, кто-то ушел в отставку и коротает дни на вилле.

Остальные же... Старые друзья поймут, а новое поколение... в нем как раз и проблема. Буйную молодежь следует укоротить, пока это еще можно сделать бескровно. Немогущие и малоодаренные будут только рады – у многих Золотые Маги уже в печенках сидят.

- Слушаю и выполняю, - чуть наклонил голову Камильф. – Будут ли еще повеления, государь?

- Сегодня нет. Можешь отбыть.

Камильф прищелкнул каблуками и исчез. Бриар снова остался наедине с сыном. Через час-другой, когда известие об указе будет обнародовано, в Парифагене станет очень шумно. Золотые Маги не примут разжалования безропотно – многие начнут возмущаться, иные наверняка попробуют прорваться к императору. Бриару придется выступать на площадях и перед проекристаллами, обосновывая свое решение.

Ему не хотелось. Нет, он не жалел, что позволил покойному Остраго убедить себя... но ему никогда не хотелось носить корону. Бриар тяготился своими нынешними обязанностями. Он делал все, что должен делать император, и Парифат не мог пожаловаться на своего властелина, но сам Бриар не был

счастлив на троне.

Там оказалось холодно и одиноко.

Раньше было легче. Пока была жива Флиперия, пока дети оставались детьми, пока в молодой империи еще было к чему приложить руку. Теперь... жены больше нет, дети давно взрослые, а государственный механизм так хорошо отлажен, что крутится сам по себе. Если посадить вместо императора соломенное чучело, Парифат этого не заметит.

Пока не грянет очередной кризис, конечно.

С каждым годом Бриар передавал все больше полномочий сыну. Цесаревич заменял его уже везде, где можно. За собой отец оставлял лишь самые важные решения – вроде только что принятого.

Сам же он все реже покидал личный чертог, все реже появлялся на официальных мероприятиях. Из дома его мог выманить только ежегодный прием в Алмазном Раю – в беседах с Аэтернусом Бриар отдыхал душой. Только Вечный мог понять Всемогущего, только с ним Бриар не чувствовал себя на каком-то пьедестале.

И еще с криабалами. Бриар окончательно отказался от мысли творить их массово, но свой единственный заветный комплект твердо намеревался закончить.

Уже почти закончил. Вот он, плавает в воздухе. Фантастической толщины том в кожаном переплете. Почти три тысячи страниц. Его сложно держать в руках. Сложно открывать. Бриар давно сбился со счету заклинаниям, что туда занес. Если в самом начале он выделял каждому криабалу отдельную страницу, то потом стал писать их на свободных местах, теснить на полях, начинать на одном листке и заканчивать на другом...

Бриар экспериментировал. Он искал новые варианты. Проверял криабалы на внутренние ограничения.

К тому же ему еще и не хотелось тонуть в груде бумаги.

И многие страницы уже не в лучшем состоянии. Им целые десятилетия, они поистрепались, обветшали. Давно пора это все как-то закрепить.

Особенно титульный лист. Он вообще ветхий. Бриар написал его больше ста лет назад... и он тоже заклинание. Тоже криабал. Очень необычный криабал, сам по себе бесполезный, зато указывающий на остальные. Вкупе с оглавлением они составляют пару криабалов-хранителей – первая и последняя страницы.

Бриар создал их на случай, если какая-нибудь из страниц потеряется или будет украдена.

Но одним колоссальным томом им уже неуютно. Право, с этим тоже надо что-то сделать. Они как слишком расплодившаяся

семья, которой стал тесен общий дом.

- Какое сегодня заклинание, отец? – подошел ближе Хоризакул.

- Драконова Погибель, - рассеянно ответил Бриар. – Ты просил.

- Не помешает, - согласился Хоризакул.

Бриар сумрачно кивнул. Драконова Погибель – одно из его личных заклинаний. Он создал его в разгар гражданской войны, когда Дракония поддержала Крушителей. Гигантские ящеры присмирели, когда узрели Бриара, просто указующего на них пальцем... и убивающего.

Страшное заклинание. Мощное. И очень трудное в освоении. Кроме самого Бриара им владеет человек пять-шесть, не больше. Тот же Хоризакул, Камильф, Майно... вот еще Абраксол недавно выучил. Внуку всего двадцать лет, но какой удивительный талант!.. Трудно поверить, что его отец – человек почти что немогущий, едва-едва освоил простейшие чары.

- А Титанову Погибель ты записал? – спросил Хоризакул, глядя на рождающийся криабал.

- Нет. Это заклинание я придумал напрасно. Из своей памяти стереть его не могу, но других учить не буду.

- Отчего так? Отец, ты же сам рассказывал нам о дяде Брокаре... разве не титаны его убили?

- Мы сами начали ту войну, сын, - поморщился Бриар. – По глупости и жадности прежнего сената. Этого больше не повторится. Титаны – наши друзья.

- А что насчет безумных? Озверевших? Они тоже друзья?

Перо замерло в пальцах Бриара. Он искал контраргументы, но уже видел, что не найдет. Хоризакул прав. Озверевшие титаны – бич Алмазного Рая и всего мира. Они появляются редко, но все же чаще, чем нашедшие жребий. И другие титаны не убивают их, не сажают в клетки, а просто изгоняют со своего острова. Предоставляют справляться с ними смертным.

А это паргоронски тяжело. Каждый озверевший титан – гигантская проблема.

Но даже так. Не станет ли создание криабала Титановой Погибели нарушением клятвы? Той самой клятвы, что Бриар дал Аэтернусу сто тридцать лет назад? Он поклялся вратами Шиасса и бессмертной душой. Дал слово, которое не нарушит ни один волшебник.

С другой стороны, если так рассуждать... Бриару впору выпить яд, потому что сам-то он это заклинание знает. Что изменится, если он его запишет?

- Хорошо, я сделаю и такой криабал, - пообещал Бриар.

Он закончил Титанову Погибель за три дня. Потом добавил Тотальное Уничтожение, Смерть Огня и Обличье Саранчи. Перенес на бумагу Демонизацию и Темное Обращение. Бриар воплощал в виде криабалов самые мощные, трудные и страшные заклинания. Те, которыми владеют только величайшие волшебники.

А за окнами бурлил Парифаген. На дворцовой площади который день шумели разжалованные Золотые Маги. Они не могли смириться с потерей привилегий. Не могли принять превращение в обычных подданных.

К счастью, Хоризакул позаботился о наблюдении за самыми буйными. Тех, кто пытался что-то устроить, почти сразу же изолировали. Самые могущественные были заблаговременно успокоены – одни получили высокие должности, других умиротворили звонкой монетой. На это пришлось пойти, чтобы избежать возможного путча.

И пока его сыновья и советники трудились, не покладая рук, Бриар Всемогущий создал последний криабал. Абсолютную Неуничтожимость. Одно из тех ультимативных заклинаний, которыми кроме него не владел никто.

И добавив Абсолютную Неуничтожимость в фолиант, Бриар применил ее... на нем самом.

- Зорек топара зика тоге, - прочел он. – Арумар тагаха исида. Норедана озока ташити ма. Зуафара такага иститора ом. Даруке.

Все. Теперь криабалы невозможно уничтожить и даже повредить. Отныне они навечно закреплены в том состоянии, в каком существуют сейчас. Этот гигантский том... он и в самом деле слишком гигантский. Без магии его трудно даже взять в руки.

И Бриар снова стал читать заклинания. Узы – еще одно заклинание, которое он создал специально для криабалов, не пригодное ни для чего иного. Повинуясь воле чародея, страницы мелькали в воздухе, а текст на них шевелился, переползал с листка на листок.

Криабалы сортировались по типу чар – боевые, бытовые, природные, погодные, медицинские, психозрительные и закромочные. На семь больших глав разделил Бриар все, что знал и умел.

Последней осталась Абсолютная Неуничтожимость. Как-то уж так вышло, что пересортировка заставила криабалы расползтись немного просторнее, и самому последнему не хватило бумаги.

Абсолютную Неуничтожимость вытеснили на переплет.

- Э-э-э... – только и смог произнести Бриар.

Неожиданная штука. Даже для самого создателя –

неожиданная. Как будто криабалы чуточку проявили и собственную волю.

Пожалуй, не стоит их уже и называть во множественном числе – слишком они едины в этом бумажном конгломерате. Они теперь – Криабал. Беспрецедентная волшебная сущность, которую произвел на свет он, Бриар Всемогущий.

Этим своим произведением он гордился сильнее, чем Парифатской империей.

Но к гордости примешивалось и еще какое-то странное чувство. Бриар сам не до конца верил себе, но то был… страх. Он побаивался этого внушительного тома. Работал над ним сто двадцать лет, сотворил такое, чего прежде не творил никто, но теперь собирался… уничтожить.

Не в смысле прекратить существование, конечно. Да, Криабал невероятно опасен. Слишком огромное могущество он дает и слишком легок в использовании. Любой, кто его заполучит, будет равен Бриару Всемогущему… и даже отчасти его превзойдет.

Заклинания, что он поселил на страницах Криабала, срабатывают каждый раз безотказно. Сами источают для себя ману. Не знают сомнений и неуверенности.

И им безразлично, кто их читает.

Бродяга. Ребенок. Сумасшедший. Самый гнусный индивид на свете. Криабал сработает в любых руках. За себя Бриар не волновался, а потомкам и советникам доверял всецело, но… временам свойственно меняться.

И Бриар повелел Криабалу разделиться. Повторно прочел Узы с несколькими дополнительными условиями – и небывалой толщины том… рассыпался на семь книг обычного размера.

Все – в обложках разных цветов. Черная, бурая, серая, красная, синяя, зеленая и белая. Отдельно оказались титульный лист и оглавление – кажется, Криабал не сумел решить, в какую из своих частей их отправить.

Криабал… нет, теперь уже снова во множественном числе. Криабалы. Наверное, надо придумать им какие-то заглавия, собственные имена… ладно, это еще успеется.

Право, кому есть дело до подобной чепухи?

Бриара больше интересовало другое – а где же Абсолютная Неуничтожимость?.. Куда делось его последнее и самое мощное заклинание? Он листал Криабалы один за другим, но не мог найти эту бедняжку, вытесненную остальными на переплет.

Ну да ладно. Заклинанием больше, заклинанием меньше. Честно говоря, сейчас, глядя на итоговый результат, Бриар не чувствовал к нему интереса. Все, конец. Он завершил эпохальный труд. Больше ничего не добавить и не изменить.

Не хороводы же водить вокруг этих книжек.

На следующий день император Бриар созвал совет. Было утро, в высокие окна лился свет, у дверей застыли привратные големы, а у круглого стола расположились девять первых лиц государства. Один – в чуть более высоком кресле, чем остальные, и в кристальном венце.

В отличие от сената Республики – громоздкого, неповоротливого – императорский совет малочислен. Всего-навсего восемь индивидов, и лишь двое из них – великие волшебники. Все те же Хоризакул и Камильф, наследный принц и первый советник.

Шестеро остальных... обычные подданные. Немогущие и малоодаренные. Бриар давно понял, что раздавать кресла в совете за чародейский талант – ошибка. Мудрость и способность к управлению отнюдь не всегда ему сопутствуют.

- Мир вам, о мудрые, - произнес дежурную формулу Бриар.

- Вечной жизни Колдующему Императору, - ответил дежурной формулой Камильф. – Мы живем, дабы служить.

Остальные шестеро и Хоризакул внимательно глядели на государя. Бриар повел рукой – и на столе появились шесть книг.

- Вчера я закончил Криабал, - произнес император.

Советники переглянулись. Всем присутствующим было ведомо об этом проекте Бриара Всемогущего. Но кроме них восьмерых из ныне живущих о нем не знает никто.

Прошли те времена, когда Бриар обсуждал свои эксперименты со всеми подряд.

- Я разделил Криабал на семь книг, - продолжил он. – И я хочу передать их вам на хранение.

- Государь?.. – приподнял брови Камильф.

- Мне они больше не нужны, - с полуслова понял Бриар. – Там нет ничего, чего я не умел бы сам. По этой же причине ты Криабала не получишь, Камильф. Тебе он тоже не нужен. Остальные же... поднимись, Гахир.

Огромного роста тролль навис над столом. Бриар подтолкнул к нему книгу в красном переплете.

- Военный советник Гахир Музро, - молвил он. – Ты получаешь Гримуар Войны.

Советник неловко поблагодарил и сел. А Бриар поднял следующего.

- Финансовый советник Змульк Тапаррисси, - сказал он. – Ты получаешь Гримуар Земли.

Длиннобородый гном не без труда взял книгу в буром переплете. Та с трудом умещалась в крошечных ладошках.

- Природная советница Лайвария Оймякодерасс, - произнес

Бриар. – Ты получаешь Гримуар Леса.

- Я буду хранить его, о Колдующий Император, - склонила голову эльфийка, касаясь книги в зеленом переплете.

- Погодный советник Май-Май Топори-ай, - продолжал Бриар. – Ты получаешь Гримуар Океана.

Тритон в пенном жабо подтянул к себе книгу в синем переплете.

- Астральная советница Нагина Ластаэлло, - молвил Бриар. – Ты получаешь Гримуар Мертвых.

Седовласая женщина молча поклонилась, забирая книгу в сером переплете.

- Социальная советница Льё Ма То, - подошел к концу Бриар. – Ты получаешь Гримуар Света.

Книга в белом переплете тоже нашла своего хранителя, и в зале воцарилось недолгое молчание. Никто не открывал своих Криабалов, все ожидали новых повелений.

- Есть еще и седьмой, - чуть промедлив, произнес император. – Гримуар Мрака. Но ему я хранителя не назначу. Там заклинания из закромочного раздела. В основном касающиеся демонов и того, что им сродни.

Раздался чуть слышный вздох. Но никто по-прежнему не прокомментировал слов государя.

- Гримуар Мрака я поместил в отдельное хранилище, - добавил Бриар. – Где оно – будут знать мой наследник и первый советник. Им же я вручу ключи от хранилища – и понадобятся оба, чтобы его отомкнуть. Но отмыкать его не надо, если только не случится чего-то вроде вторжения демонов. Остальными же Криабалами… пользуйтесь по мере надобности. Не злоупотребляйте, конечно, но… там нет ничего такого, чему не учили бы в школах Искусства. Хотите ли вы задать мне какие-то вопросы?

- Верно ли я понимаю, что в случае моей отставки или смерти синий Криабал перейдет к моему преемнику? – проскрипел погодный советник.

- Гм… да, наверное, - пожал плечами Бриар. – Этот вопрос мы обдумаем, когда он станет актуальным. Никто же из вас не собирается пока что ни в отставку, ни в Шиасс?..

Советники издали вежливые смешки. Военный советник, листавший свою книгу, прочистил горло, и спросил:

- А при каких, м, обстоятельствах можно вообще, м, использовать красный Криабал? Тут, м, много такого, что, м, может грамхоть целые города…

- Доверяю твоему чутью, Гахир. Еще вопросы?

- Ты уверен, что это разумно? – спросил Камильф. – Я, как и

ты, всецело доверяю каждому в этой комнате… но это сейчас. Могущество чародея – вещь непередаваемая. Его нельзя украсть или отнять. А эти книги можно. Что если завтра к тому же Гахиру влезет вор и…

- …Я об этом сразу же узнаю, - закончил Бриар. – Я создал небольшую страховку для таких ситуаций. Маленькую Сущность. Если любой из Криабалов перейдет в другие руки, мне об этом станет известно. А если вдруг я умру – эта Сущность перейдет к старшему из моих прямых потомков. К тебе, Хоризакул.

- Ну хорошо, но…

- Это всего лишь книги, Камильф. Гримуар Мрака будет храниться в предельной безопасности, а остальные не опаснее глобальных боевых артефактов. Ты же не трясешься при мысли о том, что кто-то утащит одну из звездных катапульт?

- Звездную катапульту сможет утащить разве что морградант, - сухо произнес Камильф. – Но я понял твою точку зрения, государь. Ты в своем праве, я повинуюсь.

Оставшаяся часть заседания была скомканной. Все восстания бывших Золотых Магов погасили в зародыше, стихийных бедствий в ближайшие дни не предвидится, финансовый год должен закончиться с хорошим профицитом, а средняя продолжительность жизни подданных-людей выросла до ста тридцати лет. Производство жизненного эликсира в очередной раз удалось удешевить – не исключено, что со временем его возможно будет сделать даже бесплатным.

Из плохих новостей разве что жатвенный набег гохеррímов в Остракии – скосили целый поселок, число погибших превышает триста душ. Паргорону почему-то полюбился молодой континент, это уже третий случай за год. Бриар неоднократно выкатывал демонам ноты, имел неприятный разговор с Гламмгольдригом, но Темный Господин лишь посмеялся. Он-де не отвечает за каждого гохеррима, которому вздумалось поохотиться.

Однажды дело точно дойдет до войны. Было у Бриара такое мрачное предчувствие. В эпоху Ледника Парифат целое тысячелетие был пастбищем демонов, и они этого не забыли.

А Гламмгольдриг не забыл, как Бриар использовал его вместо мутовки.

Раздав шесть Криабалов и надежно захоронив черный, Бриар какое-то время еще жил обычной жизнью. Его охватило странное оцепенение, растерянность.

Он… достиг всего. Возвысился над целым миром, обрел могущество, сравнимое с божественным. Он бессмертен, неуязвим и почти всемогущ. Никто и ничто не может причинить ему вред. Он будет править Парифатом неограниченно долго. Будет вечным

Колдующим Императором.

Но теперь и это казалось ему недостаточным. Да, он космически могущественен... но не бесконечно. Его могущество по-прежнему имеет пределы. Очень далекие, почти неразличимые – но имеет.

Бриар может вылечить любую болезнь. Воскресить мертвого. Вернуть молодость. Но не всегда. Не каждому. Не при любых обстоятельствах. По-прежнему с ограничениями.

Он победил смерть – но пока только для себя одного. Брокар погиб. Остраго умер. Флиперия тоже скончалась. Бриар очень любил своего брата, лучшего друга и жену, но спасти их не смог. И вернуть к жизни тоже, хотя других покойных воскрешал не единожды.

Возможности даже самой великой магии, увы, не абсолютны. Чем ты старше, чем больше лет твоему астральному телу, тем больше нужно волшебства, чтобы просто продолжать жить. И дело не только в прожитых годах, не в одном только ходе времени – иногда и сравнительно молодой индивид уходит на ту сторону, и его уже не вернуть, хоть переверни ты мир вверх тормашками.

Но Бриар собирался все это изменить.

Он не оставил своей заветной мечты. Не перестал искать универсальное заклинание. Заветное Слово Волшебства, вмещающее в себе всю магию, сколько ее есть. Качественно новое чародейство.

Живые заклинания Криабала были просто черновыми версиями. Пробой сил, первой попыткой. Бриар двигался в верном направлении, просто не совсем прямым путем.

И теперь, имея за плечами новый опыт, создав эти семь разноцветных томов, он с новым усердием ринулся в бой... и всего за год достиг успеха. Заканчивался сто одиннадцатый год Империи, когда он с дрожью в теле ощутил – вот оно. Нашел.

Ему больше не нужен Криабал. Ему вообще больше ничто не нужно. Когда универсальное заклинание сольется с его плотью и кровью, он воистину предстанет Всемогущим. Магия станет им, а он станет магией. Сам станет живым универсальным заклинанием. Только его воображение будет ограничивать его возможности.

Такой силы нет даже у богов.

Была глубокая ночь, и Парифаген крепко спал. Другая половина планеты освещена сейчас солнцем, но здесь небо усыпано звездами. Колдующий Император стоял на балконе, смотрел на свою столицу и размышлял. Ему осталось сделать один-единственный шаг, но он медлил. Слишком долго он шел к этой цели, и теперь не мог полностью осознать, что наконец-то ее

достиг.

Хорошо было бы поговорить сейчас с Остраго. Может, призвать его дух?.. Бриар иногда тревожил старого друга, приглашал в гости, сиживал с ним у камина... почему не сделать этого прямо сейчас? В Шиассе нет дня и ночи.

- Я тяну время, - произнес вслух император. – Как глупо.

По телу пробежала дрожь. Это будет не просто побег из тюрьмы. Бриар прошел огромный путь от той самой первой странички и готовился теперь сделать последний шаг... но по телу бежала дрожь.

Никто еще не делал подобного. Не было прецедентов. Как это будет выглядеть? Насколько изменится сам Бриар? Останется ли он все еще человеком?

Он никогда не узнает, если не попробует.

И Бриар Всемогущий поднял посох. Давно уже чистой воды бутафория, но сейчас он придал уверенности. Волшебник расставил ноги пошире, вскинул руки, набрал воздуху в грудь и торжественно произнес Слово Волшебства:

- Идим!

Наутро в императорских покоях нашли только посох. Он лежал возле обгорелого пятна на полу и сам все еще дымился. После долгого, но бесплодного расследования Бриар Всемогущий был объявлен мертвым.

Новым Колдующим Императором стал Хоризакул.

Глава 21

Лахджа летела над ледяными просторами. За несколько последних дней она побывала во многих местах, в том числе и на морском дне. Оттуда астральный след резко повернул на юг и достиг в итоге полярного круга. Промерзлого насквозь острова Хумугишиш – настоящей задницы Парифата. Ни людей, ни животных, ни хотя бы лопуха какого. Лед, снег и холод.

Прямо как в ее родной стране.

Вехот двигался здесь не очень быстро. Бежал лапами или ехал колесами. Эти демоны умеют быть любым транспортом. Лахджа, поразмыслив, тоже спустилась, превратившись в снежно-белого шестиногого зверя – помесь оленя и медведя. Сама только что такого выдумала и понятия не имела, водится ли он где-то на самом деле, и если да – как называется.

Сначала Лахджа решила, что угнавшие вехота воры искали тут золотую жилу. Астральный след привел прямо к ней. Здоровенной такой жиле, и прямо на открытом месте.

Демоница аж присвистнула, увидев такое богатство. Ребятки времени не теряли.

Но... жила пребывала почти нетронута. Местами виднелись сколы, следы от ударов кирки... хотя нет, скорее топора. Возможно, той самой секиры, которую они уволокли у ее мужа.

Но и только-то. Явно летели сюда не за этим, просто нашли случайно.

А за чем тогда они сюда летели? Не за снегом же, не за льдом.

Пытались запутать следы? Но в большом городе это сделать даже проще, чем в подобной пустоши.

Решили спрятать награбленное? А почему так далеко? Сами потом замучаются возвращаться.

О. А это что такое?..

Лахджа подошла к странной композиции. Круглому кратеру среди скал. Снега здесь почти не было, только легкий слой инея. И в самом центре, окруженные россыпями обломков, валялись куски голубоватого льда. Вокруг явно жгли немаленький такой костер – еще были видны следы золы. Но лед остался относительно цел и даже частично сохранил форму.

Здесь явно кто-то был заточен.

- Титан, - с интересом произнесла Лахджа.

Никаких сомнений. Ее следопытное Ме давало явный сигнал.

К астральным слепкам вехота и четырех человек примешался шестой – и это точно титан.

Слепок бессмертного вообще сложно перепутать со слепком смертного. При этом демоны обязательно навоняют скверной, а небожители похожи на тех чудо-дев в общественном транспорте, что принимают с утра ванну парфюма. От джиннов несет магией, как от очень сильных волшебников, альвы как будто чуточку опьяняют, асуры пахнут кровью, феи – луговыми цветами, а драконы – горелым.

Титаны же... их астральный слепок похож на горный воздух. Вроде и ничего особенного, но грудь невольно раздувается.

- Ага, - умудренно кивнула демоница. – Так. Ясно.

Ну что ж, теперь идти по следу будет еще проще. Титаны – звери редкие, их будет заметно. К тому же от этого... кое-что осталось.

Лахджа отломила кусок голубоватого льда. Не с первой попытки – тот оказался прочней камня. Но перед клешней с давлением в какое-то безумное число атмосфер не устоял – раскрошился. Лахджа достала осколок, забрызганный... водой как будто. Может так показаться.

Но вообще-то это кровь титана. Прозрачный искрящийся ихор. Титан был ранен... интересно, кто и как это сделал? Титанов сложно ранить, их кожа прочней кевлара. А этого потом еще и замуровали в ледяной глыбе... или его ранили уже после освобождения?.. Пока что только новые вопросы.

Сюда ребятки двигались явно целенаправленно. Знали, что ищут. Не могли ли они именно на этого титана и работать?.. Или, может быть, содержимое шкатулки Хальтрекарока нужно было, чтобы его освободить?.. Лахджа ведь понятия не имеет, что там лежало.

Впрочем, пока что это неважно. Главное то, что все шестеро остались живы-здоровы и отправились... да, вон в ту сторону. Прямо на север.

Лахджа закатила глаза. Ее уже немножко достало шарахаться туда-сюда. Может, все-таки вернуться к Фурундароку и попробовать обменять Ме на более удобное?.. хотя это опять крюк, опять скакать между мирами... это не такое простое дело, как некоторым кажется.

В принципе, Фурундарока можно и просто призвать, но если она сделает это, чтобы попросить новое Ме, он точно пошлет ее далеко и надолго. Лахджа его знает.

Ладно, черт уж с ним. Астральный след становится все гуще – Лахджа медленно, но верно настигает цель. Вехоты – одни из самых скоростных созданий на свете, но Лахджа умеет принимать

такие формы, что дадут ему сто очков вперед.

Все-таки как же здорово быть метаморфом. Лахджа поднялась в воздух без малейших усилий, почти машинально увеличила крылья и сделала тело обтекаемым. Сейчас она уже плохо представляла, каково это – навсегда быть прикованным к одной-единственной форме, не иметь возможности себя менять.

Вот даже жаль, что у этой способности есть ограничения. Только органика, никаких тебе големов и элементалей. И масса упирается в жесткие рамки с обеих сторон – только в тысячу раз меньше, только в тысячу раз больше. Стать каким-нибудь супердраконом уже не выйдет. А если превратиться в мышь, то разве что в очень жирную, почти крысу.

Хотя это уже претензии к мелкому жемчугу.

Астральный след привел демоницу в ближайшее к Хумугишишу цивилизованное место – острову Йонмихель. Она его уже посещала. Вехот останавливался здесь на пути туда, остановился и на пути обратно. Но теперь уже не просто остановился, а двинулся к порталу. Куда бы эти шестеро ни направились дальше, они решили сократить путь.

Лахджа же решила сделать небольшой перерыв. Во-первых, ей уже здорово хотелось есть. Будучи демоном четвертого сословия, она не могла умереть от голода, но испытывала его в полной мере. Одна из неприятных сторон демонизации – лопать приходится реально много, причем желательно пищу духовную.

В буквальном смысле.

А во-вторых... подойдя к портальной станции, Лахджа уловила в эфире стороннее дуновение. В другое время она бы ничего не заметила, но сейчас как раз шла по следу титана. В ее кожном кармане лежал осколок нетающего льда с титановой кровью.

И именно титана она и почувствовала. Прямо тут, на этом острове. Не то чтобы совсем рядом, но достаточно близко.

Так что Лахджа решительно отклонилась от следа вехота и зашагала на запад, к заходящему солнцу. Хотя это не совсем запад, наверное – Йонмихель заметно южнее полярного круга, а тут сейчас конец осени. Полярная ночь еще не началась, но осталось до нее недолго – дни уже совсем коротенькие.

Ну или как-то вроде того. Лахджа в школе была отличницей, но уроки географии помнила уже нетвердо. Всегда больше угорала по биологии.

Титана она отыскала, когда солнце уже закатилось. Тот сидел на лесной опушке, рядом с пылающим костром. На огне жарилась целая лосиная туша, и пахло от нее так притягательно, что Лахджа облизнулась.

Увы, это оказался не тот титан, которого вехот и четыре человека подобрали на Хумугишише. Какой-то другой.

Ну что ж... проверить-то надо было.

- Привет, - сказала Лахджа, подходя ближе.

- Привет, - кивнул титан. – Шашлыки будешь?

- Спрашиваешь!

Лахджа обожала шашлыки, а титан выглядел добродушным. Да и внешность породистая – два с половиной метра в холке, плечист, волосат, с мощными бицепсами. Макушку украшают роскошные темные кудри, а гордый орлиный профиль окаймляют курчавые усы и борода.

Надень он еще и тогу – готовый будет Юпитер-Громовержец.

Но тоги на титане не было. Лишь короткий кожаный набедренник, другой одеждой он себя не затруднял. Плевать этот самец хотел, что вокруг полярная осень и температура уже минусовая.

Как и Лахджа, собственно.

Шашлык тоже оказался хорош. Бесхитростный, просто жареное мясо, соль и немного моченой брусники... но удивительно вкусный. Не жадничая, титан выделил гостье добрую четверть туши и усмехнулся в бороду, когда та принялась уплетать.

- Я Диагрон Метеронид, - густым басом произнес он. – А как твое имя, прекрасная дочерь Паргорона?

- Лахджа, - ответила демоница, жуя шашлык. – Просто Лахджа.

- Я рад нашему знакомству, Лахджа. Не желаешь ли родить мне ребенка?

- Интересное предложение... – ответила демоница, не переставая жевать. – Но знаешь, за такое шашлыка маловато будет.

- У меня еще и пиво есть.

- Ого. Титаны шутить умеют.

Диагрон хлопнул себя по бедру и раскатисто рассмеялся. Лахджа тоже, хотя ей шутка показалась слабой.

- Пива-то нальешь? – спросила она.

Пива Диагрон налил. Его при нем была целая бочка. Наверное, купил в ближайшем селении... или взял. Титаны в целом-то не злые, но законы не кажутся им чем-то важным, они ориентируются только на свои личные представления о морали. Если титан увидит, скажем, что у кого-то пива больше, чем тот может выпить, то он просто подойдет и угостится сам. И что ты ему сделаешь?

- А что ты тут делаешь, такой красивый и с шашлыком? –

спросила Лахджа, прихлебывая из кружки.

- Отдыхаю, - степенно сказал Диагрон. – Недавно я закончил воспитывать сына – теперь ищу мать для следующего.

- В лесу невесту ищешь, что ли?.. – не поняла демоница. – Бабы кончились, ты на медведиц перешел?

- Я просто иду, куда несут меня ноги, - ответил Диагрон. – Рано или поздно мне встретится та, что пожелает родить мне ребенка.

- Я стесняюсь спросить... – задумчиво сказала Лахджа. – Но это у тебя хобби такое, что ли?..

- Это мой жребий. Меня называют Отцом Титанов, прекрасная дочерь Паргорона.

- Про ваши жребии я слышала, - кивнула демоница. – Это как призвание, да?

- Что-то вроде того, только важнее. Жребий титана – это его жизненный путь. Его единственное предназначение. Жребий – это то, ради чего титан дышит.

- И как вы их получаете? Бумажки из шляпы тянете?

- Жребий просто приходит к тебе, - чуть досадливо ответил Диагрон. – Однажды ты просыпаешься, открываешь глаза и понимаешь – ты нашел свой жребий. Это сложно объяснить не титану... и даже титану, что жребия еще не нашел. Даже среди нас многие не обретают его до конца жизни.

- А ты свой обрел, значит. И он... в чем он состоит, напомни?..

- Я Отец Титанов, - терпеливо повторил Диагрон. – Мой жребий – приумножать и улучшать титанов род. Как с титанидами, так и со смертными женщинами. Я сею свое семя там, где желают его принять, после чего воспитываю своих детей, пока те не станут достаточно взрослыми, чтобы обходиться без меня.

- Титанид ты здесь вряд ли найдешь, - заметила Лахджа.

- Я перебрал всех свободных дев Алмазного Бастиона, и многие соглашались, - спокойно произнес Диагрон. – Но я не сею семя дважды в одну пашню, и когда согласные помочь в моем жребии титаниды закончились, я покинул Алмазный Бастион. С тех пор я странствую по всему свету – и продолжаю приумножать титанов род.

- Какой ты себе удобный жребий выбрал, - хмыкнула демоница.

- Не титан выбирает жребий. Жребий выбирает титана.

- Удачный жребий тебя выбрал-то. Ты, наверное, долго сомневался – твое ли?

- Титаны не сомневаются в таких вещах. Просто внутри возникает понимание – в этом твоя суть.

- Я тебе открою секрет, - отхлебнула еще пива Лахджа. – Такое понимание однажды возникает внутри любого мужика. Но шашлыки у тебя вкусные, так что я с тобой еще посижу.

- Ешь, сколько пожелаешь, - насадил на ветку еще кусок мяса Диагрон. – Это был добрый лось. И я не оставлю это место, пока он не закончится.

- А ты действительно прирожденный батя, - оценила Лахджа. – И что, ты вот так просто ходишь повсюду и предлагаешь всем подряд родить тебе ребенка?

- Не всем подряд, конечно.

- Только избранным? – чуть польщенно улыбнулась Лахджа.

- Только женщинам детородного возраста.

- Знаешь, до этой фразы у тебя еще был призрачный шанс.

Диагрон снова расхохотался и ответил, что большинство, понятное дело, отказывается. Он не обманывает будущих матерей и не обещает того, чего не собирается давать. А смертным девам, в отличие от титанид и нимф, обычно не нужен муж, что покинет их, как только повзрослеет ребенок.

Но некоторые все же соглашаются. И этих некоторых Диагрону вполне хватает.

- Ну, у меня муж уже есть, - сказала Лахджа. – Слушай, а тебя, что, вообще не смущает, что я демон?

- Не смущает. Какая разница?

- А если у меня от тебя демон родится?

- От меня – не родится. Когда обычный титан сходится с кем-то иного вида – родиться может либо титан, либо не титан. Но от меня рождаются только титаны.

- Почему?

- Это часть моего жребия. Моей титановой силы.

- Удобно, - согласилась демоница.

Она призадумалась. Лахджа не была горячей поклонницей супружеской верности. Это неудивительно, когда у твоего мужа двести жен и он постоянно крутит носом в поисках новых. Да и Хальтрекарок не закутывает свой гарем в паранджи – наоборот, с удовольствием делится женами с друзьями, устраивает для них настоящие оргии.

- Нет, извини, - в конце концов с сожалением сказала Лахджа. – Меня муж не поймет, если я ему титана рожу. Может, просто секс без обязательств?

Диагрон улыбнулся в бороду и налил ей еще пива. Лахджа выпила. Потом еще. И еще. Ей нравилось проводить время вот так – у лесного костра, в хорошей компании, с пивом и шашлыками. Места здесь холодные, правда, земля уже снегом покрыта, но что это значит для титана и демона? Ничего не значит.

А торопиться ей некуда. Если бы в пропавшем ларчике было что-то критически важное, Хальтрекарок не гонял бы любимую жену, а ринулся в погоню сам. И настиг бы похитителей гораздо быстрее – он же демолорд, у него космическое могущество.

Правда, на памяти Лахджи он еще ни разу не пользовался им для чего-то, кроме увеселений. До ужаса ленивый у нее муж все-таки. Ленивый, избалованный, развращенный... в общем-то, большинство гхьетшедариев таковы.

Вот этот титан не таков, сразу видно. Работяга, целеустремленный. Всего себя посвятил долгу. Веками ходит по свету, приумножая титанов род. Молодец. Помочь ему в этом Лахджа не поможет, но пива с ним выпьет с удовольствием.

И она выпила еще пива.

Наутро Лахджа проснулась рядом с остывшим костром. Титан еще спал. Демоница осторожно убрала его руку со своей груди и задумалась, чмокнуть ли его на прощание. Достоин ли этого любовник на одну ночь?

Подумав, все-таки чмокнула в кудрявую голову. И еще сфотографировалась. А то Сидзука не поверит, что у нее был перепихон с титаном.

Доев остатки шашлыка, Лахджа превратилась в белоснежную лошадь и поскакала обратно к портальной станции. Она потеряла целую ночь, надо наверстывать.

Глава 22

Пир цвергов. Как описать его? Когда цверги сходятся за одним столом, то полы красны от вина и кругом битая посуда. Шум, чад, все рвут у друга лакомые куски.

Со дня бегства из Хасмы королевская семья ни разу не устраивала торжеств. Не было повода. И настроения тоже не было. Каждый ходил осунувшись, не видя в будущем ничего хорошего.

Но сегодня все переменилось. Вернулся посланец Наверх... пусть не с тем, за чем его посылали, но вернулся.

Яминии пообещали подмогу.

И в доме комендант-городничего расстелили скатерти. Выкатили из кладовых бочонки с вином и элем. Откупорили бутыли с брагой тройного перегона. Выставили ноздреватые сыры и сочные окорока. Разложили на столах дорогие растения Сверху. И даже предложили гостям тазики с водой для омовения рук – неслыханное чванство!

Искатели Криабала не чинились. Это Фырдуз сидел тихохонько – остальные набивали рты наравне с цвергами. Отрезали от жареных свиных туш, отламывали от пирогов с мясной начинкой, клали на хлеб колбасные ломти, поливали еду грибным соусом. Скатерти очень быстро стали грязны – салфеток у цвергов не водилось, рты и руки вытирали чем придется.

- А где там солонка?.. – скрипучим голосом спросила королева.

- Я передам, - протянула руку Остозилар.

- Да ладно, я сам передам, - протянул руку Перетрекумб.

- Я первый предложил.

- А мне зато ближе.

- Король получит солонку только от меня! – вскипела Остозилар.

- Да я ее уже взял, вот жиж!.. – схватился за белый судок Перетрекумб.

- Оставь ее мне, братец, - прошипела Остозилар, стискивая ладонь принца. – Если лишишь меня этой чести, то станешь моим заклятым врагом.

- Солонка!.. – простонала королева.

Ее так и не передали. Престарелая Тсаригетхорн печально вздыхала, глядя на перебранку принцев, а те вот-вот уже собирались перейти к драке.

- Кхем-кхем!.. – раздался мягкий голос и звон вилки о бокал. – Дорогие мои друзья! Быть может, я не совсем кстати сейчас выступлю, но мне кажется, что именно сейчас лучший момент, чтобы поблагодарить наших дорогих хозяев за этот великолепный прием!

Ссора притухла. Голос отца Дрекозиуса словно обволакивал, туманил рассудок. Цверги – народ грубоватый, к витийствам не склонный, но и они сейчас завороженно слушали жреца.

- По моему скромному мнению, сей ужин воистину удался, - говорил он, глядя в свой бокал. – Не желаю обидеть никого, чье мнение отличается от моего, но если таковые здесь присутствуют, то пусть встанут и выскажутся честно и прямо. Пусть ответят, пусть обоснуют свою позицию – и вот увидите, друзья мои дорогие, я сумею ее опротестовать. Будучи по мере сил объективным, я приведу столько аргументов в пользу моей точки зрения, что только круглый невежда все еще сможет утверждать, что она неверна пусть даже в самой пустяковой малости...

Дрекозиус говорил... ни о чем. Он и сам уже хорошо принял на грудь, поэтому просто не мог сосредоточиться на чем-то конкретном. Его спич длился несколько минут, но сказано по сути было только одно – ужин ему понравился.

Однако по окончании бессвязной речи цверги бешено захлопали. И даже принцы забыли о сваре, а королева наконец-то получила свою солонку. Яминские сановники ритмично закачались с полными кружками и впервые за несколько дней завели бравурную песню.

Громче всех горланил его святейшество, всеблагий понтифик Гушима. Хотя по нему никто бы не сказал, что это член высшей коллегии жрецов, один из двадцати шести отцов церкви. Искатели Криабала поначалу его и не распознали в этом невзрачном цверге. Он больше походил на рудокопа, только что явившегося из шахты – одежда пыльная, в руке кирка.

Но то был сам понтифик Макдебурд. Цверг, только благодаря которому хобии до сих пор не захватили Халлар.

- Подойди-ка сюда, отрок, - произнес он, глядя на Дрекозиуса.

Тот невольно втянул голову в плечи и просеменил к понтифику. Называть отроком почти пятидесятилетнего видама кто другой бы не осмелился, но пресвятому Макдебурду недавно исполнилось триста лет. Цверги живут почти впятеро дольше людей, для них это не возраст.

- Ответствуй мне, отрок, как на духу, - сурово пробасил понтифик. – В самом ли деле добрые вести вы нам сюда принесли? Не каверзу ли какую умышляете? Ибо ведомо всему живому и дышащему, что зло таится в речах Бельзедора, и коли

тот одной рукой даст, то другой отнимет вдвое более.

- Всем сердцем и главою припадаю к стопам вашего святейшества, - пролепетал Дрекозиус. – Слово даю честное, персты даю на отсечение и Двадцатью Шестью клянусь, что не будет худа в сем начинании, а если и будет, то гораздо менее, нежели блага. И не потому, что я слепо врагу рода севигистского доверился, а потому, что служат хобии врагу еще худшему, а потому выгодно Бельзедору Яминии помощь оказать. Спасена будет страна цвергов, заверяю в том ваше святейшество.

- Страны и города – то пустое, - поморщился понтифик. – Временны они и эфемерны. Стоит сейчас здесь королевство Яминия, до него была провинция Подгорного царства, до него – россыпь мелких княжеств, до них – провинция Парифатской империи, а до нее... одним богам ведомо. Может, будет после Яминии сызнова провинция – теперь Подгорного Ханства. Что с того? В чем разница? О другом тебе толкую.

- О чем же, ваше святейшество? Просвети ничтожнейшего из слуг своих.

- Не юродствуй мне тут, толстомясый, - насупил брови понтифик. – Ишь, наел брюхо на харчах церковных.

- Сызмальства приучен Люгербеца чествовать, - потупил взор Дрекозиус. – Жертвы ему приношу денно и нощно.

- Тогда ладно, - сурово кивнул понтифик. – Передай-ка мне тот окорок, кстати. Тоже почествую.

Прожевав мясо и заев его целой луковицей, святой цверг прочавкал:

- А толкую я тебе о том, что главное для нас – души севигистские не погубить. Что очень трудно, когда война приходит. Побьют ли цверги хобиев, побьют ли хобии цвергов – те или иные однозначно побиты будут. Вот и думай – хорошо ли?

- Да хобии севигисты ли разве, ваше святейшество?

- Еще какие. Получше тебя.

- Но это же не помешало им пойти под начало к... худшему из врагов, - напомнил Дрекозиус.

- Да. А благодаря твоему в том числе, отрок, усердию, мы теперь идем под начало к врагу иному. И кто из нас после такого останется добрым севигистом?! Никто! Никто, ярыть!.. – шарахнул посохом об пол понтифик.

Удар был крепким. Аж стены вздрогнули, такая глубинная мощь изошла из древней реликвии. И цверги тоже все вздрогнули, опасливо покосились на понтифика.

Один Дрекозиус не оробел. Заискивающе улыбаясь, он произнес:

- Если мне будет дозволено заметить, ваше святейшество...

Мы, конечно, станем плохими севигистами, я далек от того, чтобы спорить с вами в очевидном... но мы останемся живыми. А живой севигист лучше мертвого уж тем, что может замолить грехи свои. Исправить их делами добрыми, или там пожертвованиями... Мертвый же – мертв.

- Тоже верно, - подумав, согласился понтифик. – Но есть ли у тебя уверенность, что Бельзедор нас не обманывает? Уверен ли ты, что не запросит он за помощь такую цену, выплатить кою не сумеем? Не окажется ли спаситель хуже беды?

- Есть такая уверенность, ваше святейшество, - умильно сказал Дрекозиус, поднимая руку. – Вот, узрите. Сей перстень на моем пальце – Перстень Дружбы. Верно, слышали вы о сих предметах? Добрый волшебник Медариэн самолично сей перстень на мой палец надел, да повелел, коли беда горькая – на помощь его призывать. Супротив хобиев он нам не поможет, ибо войн чурается, как кошка воды, но коли Бельзедор потом предать наш договор восхочет – так Медариэн нас защитит.

- Медариэн, говоришь?.. – крякнул понтифик. – Как же, слышал о сем кудеснике. Хоть и маг, а добрый человек и друг всех севигистов. Ладно, коли так. Но все же обоснуй, отрок, почему ты решил, что в сем конфликте тебе следует помогать цвергам, а не хобиям. Драка есть драка. Хорошо бы, коли вовсе она не началась, но раз началась – то дерутся двое, третий не лезь. Коли один неправ, так боги его за то и покарают. Боги. Не ты.

- Ваше святейшество, так именно боги же хобиев и покарают, - улыбнулся Дрекозиус. – Не я. Боги.

- Это как же, интересно?

- А самой худшей карою. Наслав на них Бельзедора.

- Ишь, как все повернул-то, - крякнул понтифик. – В опасную сторону уводишь, отрок, к фаталистичной ереси. Негоже так.

Но возражать он дальше не стал. Все-таки был понтифик Макдебурд тоже цвергом, и тоже родился в Яминии. Ему явно тяжело было хранить нейтральность – но он не имел права однозначно занимать одну из сторон. Слишком велик авторитет понтифика, чтобы класть его на весы мирского конфликта.

По окончании ужина королевская семья устроила зеркаломост с новым союзником. За стеклом появился безликий черный шлем – и все шумно выдохнули. Иные цверги приложили персты к переносицам, другие суеверно сплюнули.

- Приветствую вас, лорд Бельзедор, - произнесла королева Тсаригетхорн, теребя бороду.

- И вам мой привет, ваше величество, - гулко прозвучало из-под шлема. – А где же мои прихвостни? Вы их там не рассадили

по кольям, надеюсь? Они мне еще пригодятся.

- Мы здесь, ваше темнейшество! – подобострастно откликнулся Дрекозиус. – Благодарю, что вспомнили о нас!

- Вспомнил, вспомнил. Маленький кобольд, покажись-ка и ты. Хочу убедиться, что злые цверги не отрубили тебе руки.

Фырдуз аж задрожал – такими взглядами одарили его принцы. Перетрекумб даже заворчал что-то про хребты, которые в Яминии ломают доносчикам, но негромко, чтобы лорд Бельзедор не услышал.

- Рад, что с тобой все в порядке, - серьезно произнес Темный Властелин. – И Рваный Криабал все еще при тебе. Я очень огорчусь, если ты вдруг его утратишь.

Принцесса Остозилар принялась сдавленно заверять, что Фырдуз Криабала ни за что не утратит, она лично за этим проследит.

- Прекрасно, - кивнул Бельзедор. – Вскоре вы получите обещанную помощь... а о том, чего я хочу взамен, мы поговорим позже. Вы же, мои верные прихвостни, и ты, маленький кобольд... надеюсь, вы помните, что вам нельзя задерживаться на одном месте.

- Мы помним, - сумрачно ответила Джиданна.

С тех пор, как они пришли в Халлар, она не переставала слушать эфир. Будучи единственной в группе настоящей волшебницей, она единственная полностью понимала, насколько страшен Антикатисто. Насколько нежелательно с ним встречаться.

Также она хорошо усвоила, как работают оглавление и титульный лист Криабала. Антикатисто уже наверняка вышел на их след и приближается. Так что задерживаться на одном месте сейчас смерти подобно, Темный Властелин прав.

Джиданна точно не собиралась ночевать с Фырдузом в одном здании.

- Хорошо, что вы помните, - сказал Бельзедор. – Под землей разыскать вас будет труднее, но не позднее завтрашнего полудня вы должны покинуть Халлар. Тут неподалеку есть пещера Серный Ключ – отправитесь туда.

Принцы цвергов переглянулись. Они не совсем понимали, о чем идет речь, что вообще происходит – да их это и не сильно заботило. Главное, что Бельзедор обещал помочь, пусть и собирается что-то просить взамен.

Пусть просит. Пусть поможет выгнать кротов, а потом... потом видно будет. Хуже станет вряд ли – хобии и так захватили почти всю страну.

Наутро, наскоро позавтракав и толком не передохнув,

искатели Криабала снова поплелись ходом, проделанным индриком. Всех, кроме Фырдуза, раздражали эти вечные потемки, когда день отличается от ночи лишь количеством зажженных светильников.

И это в городе. В нежилых тоннелях они вообще ничем не отличаются. Утро ли вокруг, вечер ли... под землей разницы нет.

Серный Ключ не оказался слишком далеко. Пещера с кипящими гейзерами – здесь было страшно жарко и воняло тухлыми яйцами. Больше ничего интересного – придя туда, искатели Криабала завертели головами, не понимая, чего хочет от них Темный Властелин.

Но через пару минут в воздухе распахнулась арка. Из Империи Зла открыли портал. Все пятеро послушно туда вошли... но оказались отнюдь не в Бриарогене. То был берег моря – на песчаный пляж накатывали волны, а рядом росли странные деревья с огромными листьями. Начитанный жрец опознал в них пальмы.

- Кажется, лорд Бельзедор хочет, чтобы мы подождали здесь, чтобы запутать Антикатисто, - догадался Дрекозиус. – Думаю, лучше нам не уходить отсюда слишком далеко. Не могу по скудости ума судить, что это за место, но оно, несомненно, очень далеко от Джарии.

- Откуда ты знаешь? – проворчал Плацента.

- Во-первых, в Джарии умеренный климат и заканчивается осень, а здесь явные тропики, - охотно объяснил Дрекозиус. – Во-вторых, в Джарии пятый рассветный час, а здесь час уже ночной... или еще ночной. Выбирайте сами, что больше вам по душе.

Действительно. Искатели Криабала успели привыкнуть к вечной тьме подземелий и поначалу не обратили внимания, что небо усыпано звездами.

- Ладно, подождем, - пожала плечами Джиданна.

Несколько часов путники бесцельно бродили по песку. Фырдуз листал свой Криабал, читая и перечитывая его заклинания, стараясь запоминать самые полезные. Плацента уселся на берегу и швырял в воду плоские камни. Мектиг срубил одно из странных деревьев и развел костер, а из оставшегося полена вырезал заостренную палочку. Дрекозиус глядел на небо, пытался по рисунку созвездий определить, в какую часть Парифата они попали, на каком острове или континенте очутились.

Джиданна не делала ничего.

Небосвод начал розоветь, когда портал снова распахнулся. Входя в него, все ожидали уж на этот раз оказаться в Бриарогене или хотя бы вернуться в Серный Ключ... но то оказалась совсем

другая пещера. Освещенная алыми кристаллами коллегата и усеянная острыми сталагмитами.

- А где мы теперь, отче? – саркастично спросила Джиданна. – Сможете определить?

- Совершенно ни к чему здесь твои насмешки, дочь моя, - чуть обиженно ответил жрец. – Я, кажется, никогда не давал повода заподозрить себя в чрезмерном бахвальстве и выпячивании своих знаний. Всегда старался быть скромен и покладист в меру моих ничтожных сил, а если это и выглядело каким-то высокомерием, то, право же, не из дурных помыслов, а ненароком.

- Ух ты. Вы заставили меня устыдиться, - внимательно посмотрела волшебница. – Как вы это делаете?

- Вода течет, - встрял в диалог Мектиг.

Действительно, неподалеку шумела вода. Она струилась по металлической трубе на высоких опорах. Изгибалась между сталагмитов, выходила прямо из стены и уходила в один из узких тоннелей.

- Я знаю, где мы, - упавшим голосом произнес Фырдуз. – Мы в Подгорном Ханстве. Только у них такие трубы.

- Значит, лорд Бельзедор желает, чтобы мы совершили здесь нечто важное, - сказал Дрекозиус. – Не желает ли кто высказать свои предположения по этому поводу?

Ответом ему было молчание. Никто не знал, за каким киром Темный Властелин отправил их в лапы хобиев.

- Может, в анналы это все? – деловито предложил Плацента. – Наколдуем Криабалом гору золота, разделим и по домам?

- Там нет такого заклинания, - виновато сказал Фырдуз.

- Возможно, оно есть в Буром Криабале, - сказала Джиданна.

- У нас нет Бурого Криабала, тля, - фыркнул Плацента. – У нас только этот граарьних Рваный. Святоша, ярыть, позеркаль Властелину, спроси, что за кирня!

- Увы мне и вам – он не отвечает на вызов, - показал дальнозеркало Дрекозиус. – С вашего позволения, я попробую позже повторить попытку, а покуда не отправиться ли нам в город?

- Ты знаешь дорогу в город? – спросил Плацента.

- Если сие – акведук, то он рано или поздно приведет в селение, - заметил Дрекозиус.

- Тля, святоша, ты что-то докира умный.

Пропетляв по тоннелям, труба и впрямь окончилась в большом водохранилище, откуда расходились еще десятки таких труб. Хобии собирали влагу из множества источников и распределяли по всему городу… просто огромному городу.

Портал выплюнул искателей Криабала неподалеку от

Гаратака, хобийской столицы. За водохранилищем открылась огромная пещера... и хобии. Сотни тысяч хобиев.

Здесь они были повсюду, и незваных пришельцев все еще не заметили лишь из-за... ну правильно, из-за отсутствия глаз. Но Фырдуз все равно торопливо прочитал заклинание Незаметности – чтобы на них уж точно никто не обратил внимания. На них и не обратили – даже привратники лишь повели чуткими рыльцами, но ничего не сказали.

Костюма лазутчика у Фырдуза больше не было, но он о нем и не жалел. Бесполезен против хобиев-то. Что есть, что нет его – невидимость слепого не обманет. Да и Криабал все равно видимым остается, а с ним Фырдуз, кажись, повязан надолго и крепко.

Город хобиев сильно отличался от кобольдского или цвергского. В пещере находилась лишь небольшая его часть – что-то вроде главной площади. Вокруг все было изрыто ходами. Хобии копошились повсюду, как земляные черви, постоянно что-то переделывали и перестраивали.

Но хаоса не ощущалось. Наоборот, город хобиев выглядел очень продуманным. Дороги доводились до идеального состояния, до поистине шелковой глади – слепцам это было очень важно.

Почти не было и грязи. Дорожное покрытие было чуть наклонено к середке, а там тянулся узкий желоб, по которому все утекало в стоки, а из них... куда-то еще ниже, под город. Можно было выплеснуть содержимое ночного горшка где угодно.

- Для кротовьего города у них тут удивительно чисто, - заметила Джиданна.

- Чисто?.. – фыркнул Плацента. – У них тут дерьмо течет по улицам.

- Это не дерьмо. Это просто грязная вода. И она течет по сточным канавам.

- Ну не знаю. По-моему, если что-то выглядит как дерьмо, пахнет как дерьмо и на вкус как дерьмо – скорее всего, это и есть дерьмо.

- Слушай, а вот на вкус-то обязательно было проверять?

По тем же стокам текла и вода. Канализационные желоба так хитро соединялись с акведуками, что вода постоянно смывала помои, но обратно уже не попадала. Были у хобиев и фонтаны, и бани, и даже общественные туалеты. Мектиг так удивился этой детали городского быта, как давно уже ничему не удивлялся. Даже вошел и опробовал, хотя отхожее место хобия плохо подходило человеку.

Вышел он, изумленно качая головой. В его родном

Свитьодинаре подобных штук нет. И городов таких нет. Дармаги ненавидят жить в тесноте, ненавидят лепить дома друг к другу, ненавидят заковывать их в каменную скорлупу. Крепость – да, замок – да, общинный дом – да, а окружать стеной целый город – зачем?.. Чем больше расстояние между соседями, тем крепче между ними дружба.

Гаратак был раз в десять больше Пайнка и почти вдвое превосходил цвергскую Хасму. Но освещен был гораздо хуже. Только для себя хобии, пожалуй, и вовсе бы не заботились о искусственном свете – к чему он слепцам?

Однако кроме хозяев страны тут во множестве встречались кобольды-слуги и цверги-работяги – а они в полной темноте становились почти бесполезны. Волей-неволей приходилось хобиям хоть как-то ее рассеивать.

Но смутно представляя сами понятия «свет» и «зрение», делали они это плохо и невпопад. Большая часть улиц тонула во мраке, кое-где передвигаться можно было только ощупью, зато в иных местах света оказывалось столько, что глаза болели.

Кажется, хобии думали, что свет – это как воздух. Сам равномерно распределяется повсюду.

А искатели Криабала по-прежнему не понимали, зачем здесь находятся. Заклинание Незаметности работало отлично – их никто не замечал, пока они не заговаривали первыми. Но бесцельно шарахаться всем быстро надоело. А Мектигу еще и не нравилось, что по улицам иногда приходится ходить пригнувшись. Это не наземный город, тут у каждой улицы есть потолок.

Обычно достаточно высокий, впрочем. В Гаратаке встречались существа и покрупней рослого дармага. Искатели Криабала несколько раз видели пещерных вардов, похожих на сильно исхудавших медведей. Те ходили на двух ногах, как человек, и были выше человека на полторы головы.

А еще тут были циклопы. Не подземные циклопы, теканы, что всего-то шести локтей в высоту, а громовые, в которых аж двадцать локтей. Закованные в цепи, эти одноглазые великаны выполняли тяжелые работы – ворочали фабричные рычаги, крутили мельничные колеса, толкали вагонетки. Делали то, что наверху делают ветер, вода и крупные животные.

Не будь на них одежды, их можно было бы с гигантскими зверями и перепутать. Циклопы выглядели не как очень большие люди с одним глазом, а скорее как двуногие мамонты. Без бивней, без хобота, без огромных ушей – но с таким же телом, такой же головой.

Мектиг, много раз видевший мамонтов в тундре, сразу

заметил сходство.

Тоннелей циклопических размеров в Гаратаке хватало. Они вели на склады и фабричные пещеры. В гигантских вагонетках по ним возили грузы – добытое в тысячах шахт и награбленное в Кобольдаланде и Яминии. Водили пленных циклопов и огромных чудовищ.

Сотням тысяч горожан требовалось есть. Гаратак окутывали сети грибных плантаций и рыбных хозяйств, звероферм и червесейных. Но хобии промышляли и охотой – добывали внизу и на поверхности по-настоящему крупных животных. Их старались поймать живьем и живьем же доставить в город. Приводить своим ходом было проще, чем тащить по тоннелям груды мяса.

В городе их тоже держали живьем. А если забивали, то либо сразу выбрасывали в продажу, либо засаливали и хранили в глубинных погребах, где царит вечная мерзлота. В Суркуре такие тоже есть, Фырдуз знал, как они устроены. Его двоюродный дед работал морозителем, водил иногда внуков к себе, показывал. Фырдуз до сих пор помнил ту глубочайшую шахту, в которую на тросах спускали бочки с солониной.

Видно было, что Подгорное Ханство победоносно воюет. И оно явно готовилось к новым войнам, тоже победоносным. Повсюду мифрил, жахатели, трофейное оружие цвергов. Хобийские патрули – но не злюще-грозные, как в Суркуре и вообще везде, где их раньше видел Фырдуз, а веселые, задорные.

Тут они были дома. Тут они никого не боялись. Тут повсюду крутили рыльцами молодые девчонки. И играла музыка.

Подгорное Ханство процветало, чувствовалось. Но и на чем это процветание построено, тоже не было секретом. В тени прятались костлявые серые фигурки – сородичи Фырдуза, кобольды. Те, кому повезло чуть больше отправленных в лагеря. Те, кого кроты пригнали в метрополию и отрядили на грязные работы. Пленные кобольды трудились на фермах, убирали мусор, прислуживали хобиям побогаче.

Фырдузу было больно смотреть на этих грязных, запуганных существ. Слишком хорошо он понимал, что лишь по стечению обстоятельств не находится сам в месте еще хуже.

Возможно, на каторге его сейчас и в живых-то не было бы. Лагерники там недолго жили.

Фырдуз стал осторожно расспрашивать своих сородичей. Незаметность переставала действовать, если он сам с кем-то заговаривал. На случай, если попадутся фискалы, Фырдуз выдавал себя за такого же пленного, но свежего, на днях привезенного в Гаратак.

Выяснил он не очень много. Кобольды знали только то, что

знали все. Они ничего не ведали ни о йоркзериях, жутких союзниках хобиев, ни об Антикатисто, этом глубинном темном ужасе.

Рассказали Фырдузу разве что о ханском дворце – что к нему, мол, лучше и близко не подходить, там чарами черными все оплетено, кроты из самострелов на звук лупят, если пахнешь как-то неподобно. Еще сильней стерегут разве что городскую тюрьму – там вообще пещера полузатоплена, специальный лифт ходит. На нем спускают еду и новых заключенных... а иногда и обратно кого-то поднимают, но это уже гораздо реже.

- А как тут вообще живется-то? – тихо спрашивал Фырдуз.

- Голодно, браток, - хрипло отвечал старик-кобольд. – Кто на фермах пристроился или в услужении у богача – то еще ладно. Разносолами не потчуют, но все грибок на зубе имеется. А вот кто, как мы, дерьмо со стен чистит, да мышей летучих гоняет – то хоть ложись, да помирай. Сам видишь.

Окружающие согласно загомонили. Эта бригада кобольдов-уборщиков и впрямь выглядела так, что краше в гроб кладут. Все худые, щеки впалые, шерсть свалялась. Номера у некоторых прямо на коже вырезаны – старые, видать, давно уже здесь.

- А ты сам каких будешь? – провел Фырдузу по макушке старик. – Номер-то где?

- Там он, там, - наклонил голову Фырдуз. – Зарос сильно, не обновляли давно. Я, дедуль, лагерник – раньше на серебряной руду рыл, потом на мифриловой. 45-14 мне номер.

- Ишь как. А сюда как попал? – чуть прищурился старик.

- Обвал был, - вздохнул Фырдуз. – Там циклоп умом тронулся, крушить все начал. Еще и субтерма рванула. Главный штрек рухнул, лагерников много засыпало. Нас вот, кто уцелел, пока сюда перегнали... потом, может, опять в лагерь...

- Гладко стелешь, - хмыкнул старик. – Только не верится. Что ты тут один ходишь, лагерник? Привезли вас сюда, и на улицы гулять пустили? Ну-ну. Фискалишь?..

Фырдуз замешкался, сглотнул. Другие кобольды обступили его тесно, слушали с интересом – и ответить нужно было прямо сейчас, пока не забили свои же.

- Я...

- Что спрашиваете, коли сами уже ответ знаете? – раздался приятный голос. – Загляните в сердца свои, добрые кобольды. К богам обратитесь. Они уж вам раскроют глаза, что негоже товарища-севигиста невесть в чем подозревать. Смиритесь! Истинно говорю вам, что сего кобольда боги призрели, да провели по пещерам темным, да втолкнули в объятия святой матери-церкви, да ко мне его прислали, к смиренному служителю

божьему...

Кобольды растерянно уставились на огромную тучную фигуру. Отец Дрекозиус вдвое возвышался над каждым из них, и они невольно попятились. Не давая им опомниться, стряхнуть с ушей белиберду, жрец принялся говорить, уточняя и развивая наспех придуманную легенду Фырдуза. А когда завоевал доверие – сам начал задавать вопросы. Попросил поделиться слухами, поведать о своих бедах и чаяниях – и уж как сразу кобольды загомонили!.. Дрекозиус словно устроил им массовую исповедь.

Мектиг, Плацента и Джиданна интереса к происходящему не проявили. Они лениво жевали снедь, что недавно наколдовал Фырдуз заклинанием Пищи. Дрекозиус тоже, впрочем, одновременно говорил и жевал кусок жареной курицы.

Кобольды смотрели на это, роняя слюни. Жрец с жалостью поглядел на них, вздохнул и печально спросил:

- Что, дети мои, голодаете?

- Голодаем, отче... – скорбно закивали кобольды.

- Вот беда-то. Вот беда. Вы не голодайте уж так, дети мои, - доел курицу Дрекозиус. – Слушайтесь богов и не грешите, а мы пошли.

Фырдуз растерянно заморгал. Спрятавшись за дородным жрецом, он быстро раскрыл Криабал на одной из заложенных страниц и скороговоркой пробормотал еще одну Пищу – на всех кобольдов, что собрались в переулке.

И в руках каждого появилась любимая еда! Кобольды зашумели, загомонили, но большая часть тут же вцепилась в лакомство зубами. Они так хотели есть, что их не слишком волновало, откуда что взялось.

- Вот видите, несчастные, боги вас не оставили, - самодовольно заявил Дрекозиус. – Это они послали вам пищу насущную в трудный час. Возблагодарите же их.

Кобольды нестройно возблагодарили. Фырдуз ничего не сказал – только пристально уставился на жреца. Тот сложил руки на животе и улыбался так сладостно, так покровительственно, будто в самом деле представлял богов своей персоной.

- Отче, я не совсем понимаю, - с сомнением произнес кобольд, когда они вернулись к остальным. – Вы ведь правда божий служитель, но...

- Что тебя смущает, сын мой? – обратил к нему взор Дрекозиус. – Выскажи все, что у тебя на сердце.

- Просто... у нас в Суркуре тоже были жрецы Пещерника, отец Баркин и мать Зара... одухотворитель свой был, он еще водяное колесо крутил благодатью... к нам миссионеры пару раз заходили, я монахов из ордена Гранита видал... но... но они все

не были такими богатыми и... и... такими... такими...

- Жирными, - хмыкнул Плацента, с интересом слушавший кобольда.

- Ц-ц-ц, - покачал головой Дрекозиус. – Дети мои, да как же вам не совестно? Да как ваш язык только поворачивается на помазанного жреца божьего подозрение кидать? Неужто вы упрекаете меня, будто не в скромности живу, а средства свои ничтожные не трудом праведным заработал? Неразумные. Не простят боги такой хулы, не простят вашей ереси несусветной, что во народ смиренный приносите. Низвергнут вас на дно самое Шиасса, во мрак темный, да в воздаяты гибельные. Гнить будете, скрежет зубовный издавать, прощенья просить у невинно оболганных – да поздно будет.

- Вы сами-то в свои слова верите, отче? – повернулась к нему Джиданна.

- Одним богам известно, что в глубинах моей совести творится, дочь моя. И индивидам смертным до нее допущено быть не можно, - наставительно ответил Дрекозиус.

- Так ты же сам смертный индивид, - хмыкнул Плацента.

- Вот поэтому я в своей совести стараюсь лишний раз и не копаться. Теперь же, дети мои, я предлагаю отправиться на улицу Тихих Шепотов.

- Зачем? – не поняла Джиданна.

- Разве вы не слушали, о чем мы с добрым Фырдузом говорили с его несчастными собратьями? – огорчился Дрекозиус. – Как неосмотрительно с вашей стороны. Дети мои, вам бы следовало больше внимания уделять происходящему вокруг вас.

- Я тоже не очень понял, простите, - сказал Фырдуз. – Что там, на улице Тихих Шепотов?

- Воистину ты расстраиваешь меня, сын мой. Ты ведь стоял рядом со мной и не мог не слышать, как кривой кобольд именем Руззак, коему чудесная сила Криабала даровала плесневый сыр и грибной суп, упомянул, что на улице Тихих Шепотов спуск в пещеру, которую отдали под консульство неизвестных существ. И однажды, по слухам, это консульство посещала сама великая ханша, причем, опять же по слухам, встречалась она там с кем-то, кого сама очень боится.

- Йоркзерии?! – догадался Фырдуз. – И, может, даже...

- Не стоит называть его имени всуе, сын мой. Неизвестно, кто может нас здесь услышать.

Фырдуз изумленно посмотрел на Дрекозиуса. Кобольдов-работяг в переулке было десятка два, и говорили они все разом, так что сам он толком ничего не понял. А толстый жрец как-то умудрился услышать каждого, да еще и что-то извлечь из этой

бессвязицы.

И когда они пришли на улицу Тихих Шепотов, то сразу поняли – это самое то место. Будучи слепыми, хобии все строили так, чтобы нельзя было случайно споткнуться. А йоркзерии со своими сотнями крохотных ножек не могли ходить по ступеням, зато спокойно ползали по стенам.

И здесь они сделали такой спуск, по которому могли двигаться и те, и эти. Лифт. Два циклопа с выколотыми глазами крутили два колеса, и по цепям поднимались-спускались две огромные корзины.

Близко подойти оказалось невозможно. Караульные следили, чтобы рядом никто не задерживался, к лифту не приближался. Почти четверть улицы была перекрыта, и даже жильцов из домов выселили.

- Йоркзерии не там прорылись, - раздался сзади голос. – Хобии дали им координаты военной базы на северной окраине, но у них оказались разные системы отсчета, и йоркзерии вылезли прямо в жилом квартале. Пришлось стыковаться здесь.

Искатели Криабала обернулись к поджарому кобольду средних лет. Тот каким-то образом видел их, несмотря на Незаметность. Джиданна чуть прищурилась, оценивая его ауру, и полувопросительно произнесла:

- Мэтр Танзен?..

- Мэтресс Спецеял, - кивнул кобольд. – Я так и думал, что рано или поздно вы здесь появитесь. Но мы тут слишком на виду – предлагаю перебраться в более укромное место.

- Да они ж слепые, - хмыкнул Плацента.

- Зато слух и нюх у них удивительно острые, - ответил Танзен. – Я даже подумываю добавить хобия в свою копилку образов.

Агент Кустодиана отвел их в пивную неподалеку. За дальним столиком там восседал человек – слепой монах в багровой рясе. В хобийском заведении ему было тесновато – он нагнулся, чтобы не стукнуться головой о притолоку.

Искателям Криабала тоже не удалось рассесться с удобством. Стол был рассчитан на четверых, а их стало уже семеро, причем пятеро – слишком крупные для этого места. Но кое-как все-таки устроились – сюда заглядывали не только хобии, поэтому было и освещение, и нормальные столовые приборы.

Не те, для которых нужны кротовьи когти.

- Что лорд Бельздор вам поручил? – сразу перешел к главному Танзен.

- Ничего, - развел руками Дрекозиус. – Мы сами не ведаем, для чего здесь находимся, сын мой. Быть может, как раз для того,

чтобы помочь вам?

Танзен бросил короткий взгляд на Массено. Монах зачем-то открыл висящую на поясе Ктаву, раскрыл ее как будто наугад и чему-то улыбнулся.

- Мы здесь, чтобы встретиться с ханшей, - тихо сказал Танзен. – Вы, наверное, тоже уже знаете, что здесь главное гнездо Антикатисто... да-да, прямо под нами. И где-то там, скорее всего, остальные Криабалы...

- А, тля, я понял, зачем мы здесь! – не удержался Плацента.

- Мы все уже поняли, угомонись, - проворчала Джиданна.

- Я не понял, - пробасил Мектиг.

- Мы тебе потом объясним, по ходу дела, - пообещала волшебница.

Теперь, да, всем стало ясно, что город Гаратак – самое лучшее место, чтобы спрятать Рваный Криабал. Здесь он даже не будет виден на оглавлении – масштаб карты не слишком велик, восемь звездочек просто сольются до неразборчивости.

Конечно, это не панацея. Антикатисто отнюдь не глуп. Рано или поздно догадается, в чем дело, и перенесет свои Криабалы куда-нибудь подальше. Но сразу же ему это придет в голову вряд ли – скорее уж он подумает, что его враги поступили так же, как когда-то Медариэн. Переместили Рваный Криабал за Кромку, в иной мир.

Так что времени в запасе предостаточно. Здесь, под самым носом у врага, можно наконец-то чуть-чуть расслабиться.

Искатели Криабала взяли выпить. Правда, напитки хобиев не оказались по вкусу никому, кроме Фырдуза и Танзена. Этот пил все, что горит. Даже Мектиг изумленно смотрел, как волшебник в облике кобольда опрокидывает чарку за чаркой, опорожняет все новые бутылки – и как будто вовсе не пьянеет.

- Мы тут третий день, - поделился Танзен, утерев с губ грибной эль. – Аудиенцию нам уже обещали, но пока без конкретной даты. Крутят что-то.

- Неужто ханша смеет отказывать самому нунцию? – ужаснулся Дрекозиус. – Вопиющая непочтительность с ее стороны!

- Она не отказывает прямо, - сказал Массено. – Ее зайсан был очень любезен в общении и заверил, что нас примут, как только в расписании ханши появится окно. Оно де чрезвычайно плотное.

- Она не испытывает уважения к астучианскому нунцию или по некой причине не хочет с ним встретиться? – спросил Дрекозиус.

- Сложно пока сказать, - ответил Массено. – Хобии – севигисты, но у них тут все немного иначе, нежели в привычных

мне державах. Мы будем пытаться еще, время пока терпит.

- Они тянут время, - внезапно сказал Мектиг. – Вас не примут. Вам хотят устроить ловушку.

Все уставились на него, как на говорящую собаку. Человек действия, а не слов, Мектиг Свирепый постоянно был рядом, но редко раскрывал рот. И когда он за раз произносил больше одной фразы, это каждый раз звучало необычно.

- Ну... да, вполне может быть, - согласился Танзен. – Но мы подождем еще пару дней. Не нужно сразу относить к злому умыслу то, что легко объясняется обычной бюрократией. Тут очень раздутый аппарат, вы знаете?

- Нет, - отрубил Мектиг.

- Очень раздутый. Все эти их тарханы, кзаймуры, тайджи...

- Тарханы не являются частью аппарата, - мягко заметил Массено. – В Подгорном Ханстве так называют нетитулованную аристократию, свободных от податей индивидов.

- Неважно, - отмахнулся Танзен. – Я не думаю, что мне еще придется здесь работать. Мы просто узнаем кое-что у ханши и уберемся отсюда.

- А вот вам придется какое-то время здесь побыть, - сказал Массено. – Советую постоялый двор «Ханский». Он возле главного лифта на поверхность. Там высокие потолки, много людей и не задают лишних вопросов.

- Благодарю вас от всей души, ваше преподобие, - поклонился Дрекозиус.

- Не за что, ваше благословение. Постарайтесь не привлекать внимания. Тут встречаются люди, но не слишком часто, так что вы все равно будете на виду.

- На виду, хе-хе-хе... – издал мелкий смешок Плацента.

- Завтра, если сочтете возможным, наведайтесь на площадь Древнего Греха, - продолжил Массено. – В первом полуденном часу там состоится ежелунная казнь государственных преступников. Будет присутствовать ханша – мы надеемся перемолвиться с ней парой слов, и ваша помощь может оказаться не лишней.

- Непременно, ваше преподобие, непременно. Будет ли мне позволено узнать, кого и за какие проступки казнят завтра на этой площади с очень подходящим названием?

- Нескольких хобиев и одного цверга, - ответил Танзен. – Хобиев – за коррупцию, казнокрадство, выдачу государственных секретов. Цверга... это какой-то крупный военнопленный, если не ошибаюсь. Воевода Брастангурд, кажется.

- Может быть, Брастомгруд?! – вскинулся Фырдуз.

- Или так, - пожал плечами Танзен. – У них не самые легко

запоминающиеся имена. Ты его знаешь, что ли?

- Он жив?! Он спасся?! Но... его завтра казнят?!

- Кажется. Мы не узнавали специально.

- А... а.... а его можно спасти?! Мы должны его спасти!

Воцарилась тишина. Искатели Криабала скучающе переглядывались. Танзен недоуменно смотрел на Фырдуза.

- Это было бы богоугодным делом, несомненно, - негромко произнес Массено. – Но орден Солнца не вмешивается в светские дела. Несением правосудия занимается орден Щита, благочестивые служители Алемира. Враги же Солары – нечистые создания, что не облечены в смертную плоть.

- Кустодиан в таком тоже не участвует, - кивнул Танзен. – Мало ли кто где кого казнит. Освобождать государственного преступника чужой державы – на такое я санкций не получал.

Тогда Фырдуз с мольбой повернулся к своим новым друзьям, искателям Криабала. Торопливо и сбивчиво он стал говорить, что воевода Брастомгруд – герой войны и старый друг королевы Яминии, что та наверняка очень обрадуется его спасению и щедро за это вознаградит. Он уже давно понял, что голос совести у этих четверых не слишком громок – давить надо на другие эмоции.

- Насколько щедро? – первым спросил Мектиг.

Опытный головорез, он обычно за деньги убивал, но не возражал и спасти. Просто это реже поручали.

- Очень-очень щедро, я заверяю! – часто закивал Фырдуз.

- Нам тут все равно заняться больше нечем, - вяло произнесла Джиданна. – Я бы предпочла просто отдохнуть, но ваша компания отравляет любой отдых.

- Дочь моя, ты обижаешь наших общих друзей, - попенял Дрекозиус. – Я прекрасно понимаю, что меня ты в виду не имеешь, и ничуть не печалюсь твоим грубым словам, но тебе бы не мешало подумать и о чувствах остальных. Что же до предложения добросердечного Фырдуза, то я склоняюсь к тому, чтобы оказать ему поддержку – а уж если королева Яминии в доброте своей пожелает нас за то вознаградить, то видно уж такова воля богов. Я, как все вы знаете, к мирским богатствам безразличен и даже сторонюсь их, ибо грех...

- Тля, святоша, ты задрал! – оскалился Плацента. – Ты сам все время гундишь, что мы должны быть ярыть добрыми, тля! Ну и скажи просто – либо идите спасать табуретку, либо вы все глиномесы!

- Как удивительно точно и емко ты сейчас выразился, сын мой! – восхитился Дрекозиус. – В таком случае я, вероятно, выражу общее мнение, если скажу тебе, добрый Фырдуз, чтобы ты не беспокоился более. Если будет на то воля богов,

благочестивый воин Брастомгруд будет освобожден.

Глава 23

3774 год до Н.Э.

Гроб несли ввосьмером. Под тысячами печальных взглядов, под тихий плач и скорбную музыку восемь индивидов на собственных плечах пронесли его по главной улице Бриарогена. От императорского дворца до усыпальницы на холме. Туда, где уже семьдесят шесть лет покоился Хоризакул, второй Колдующий Император.

Теперь к нему присоединится племянник.

Император Абраксол был великим волшебником. Почти таким же великим, как его дядя и дед. Но жизнь он прожил недолгую… по меркам великого волшебника. Всего сто шестьдесят шесть лет.

Увы, он рано сгорел. Рано состарился. Он слишком много работал, слишком многое отдавал империи и слишком мало оставлял себе. В конце концов даже жизненный эликсир перестал его поддерживать.

А еще его сильно подкосило Четвертое Вторжение. Третье было пустяковым, не более чем пробой сил, но Четвертое… эти десять лет стали сущим кошмаром. Абраксол выжил в Великой Казни Кхатаркаданна и выдержал поединки с двумя демолордами – Глем Божаном и Мараулом. Победил в обоих, но стал наполовину седым.

И через шестнадцать лет после победы Абраксол умер. Значит, пришло время назвать четвертого Колдующего Императора.

В отличие от Хоризакула, Абраксол не скончался бездетным. У него четверо живых сыновей, и было бы логичным завтра же короновать Оккура, самого старшего.

Да, это было бы логичным… в какой-нибудь другой империи. Сейчас, стоя у врат усыпальницы, Оккур произносил речь над гробом – а Камильф смотрел и думал, насколько цесаревич уступает своим великим предкам.

Сейчас двести пятьдесят шестой год Империи. Два с половиной столетия Парифат был един. Два с половиной столетия миром правили Колдующие Императоры.

И прежде все было очень просто. Умер Бриар – на трон взошел его старший сын, Хоризакул. Он был прямым потомком Бриара и величайшим волшебником в мире. Умер Хоризакул – на трон взошел его старший племянник, Абраксол. Он тоже был

прямым потомком Бриара и величайшим волшебником в мире.

Но теперь… теперь все несколько сложнее. Старший сын Абраксола и первый из прямых потомков Бриара – Оккур… но он не величайший волшебник в мире. Он вообще очень слабый волшебник. Малоодаренный. Почти немогущий. Возвести его на трон, назвать четвертым Колдующим Императором… это будет насмешкой над наследием Бриара.

Камильф Хладнокровный не знал, как поступить. Он уже двести лет занимал должность первого советника. Служил трем императорам. Остальные советники регулярно сменялись, передавая преемникам должность и символизирующий ее Криабал, но Камильф оставался по правую руку государя. Вместе с Хоризакулом, а потом Абраксолом он управлял страной и хранил печати Черного Криабала.

Императорский совет собрался в тот же день. К усыпальнице Колдующих Императоров все еще тянулась очередь, над городами висели траурные знамена, а в малом зале сидели семь индивидов и решали вопрос престолонаследия.

Он давно назревал. Давно висел в воздухе. Цесаревич Оккур и сам понимал, насколько шатка его позиция, а потому терпеливо ждал сейчас решения советников. Будь он хоть малость более одаренным – мог бы просто провозгласить себя новым императором, короноваться самостоятельно, как сделал когда-то его дед.

Но ему просто нечем будет это подкрепить. Парифат слишком привык, что на троне восседает богоравное существо. Всемогущий волшебник, способный движением пальца перемещать горы. Они верят в Колдующего Императора, и поэтому верят в империю.

Если же трон займет посредственность… все может рухнуть.

Жаль, что Абраксол не изрек последней воли. Когда он начал сдавать, Камильф исподволь намекал ему, что стоит назвать наследника. Но император, видимо, и сам находился в таких же сомнениях, а потому уходил от ответа. А Камильф не слишком настаивал, поскольку считал, что времени еще достаточно. Возможно, еще целые десятилетия.

Он думал так до самого последнего дня.

- Давайте все-таки спросим самого Абраксола, - предложил астральный советник. – Я уверен, он откликнется, если его призвать.

- Если бы он знал ответ, он дал бы его еще при жизни, - мотнул головой социальный советник. – А его воля более силы не имеет.

- И он не явится, - сухо изрек Камильф. – Бриар не являлся.

Хоризакул не являлся. Их пытались призывать многие.

- Возможно, явились бы, если бы Абраксол применил заклинание Предков, - предположил астральный советник. – Знаете, такое есть в Сером Криабале. Я предлагал ему, но он не хотел. Может, конечно, они даже тогда не явятся...

- Я бы тоже не являлась, если бы меня призывали по сто раз на дню, - фыркнула погодная советница. – Каждый доморощенный духоводитель, каждый студент и скучающая домохозяйка от нечего делать пытается призвать дух Колдующего Императора. Конечно, они молчат.

- А я вообще не понимаю индивидов, которые призывают знаменитостей, - сказала природная советница. – Одно дело – вызвать дедушку на день рождения внука, и другое – взывать к Каху Цитраелю или принцу Хасталладару. Даже если призовешь – что ты им скажешь? Вы же не бегаете за живыми знаменитостями – так зачем дергать покойных?

- Многие бегают и за живыми, - заметила погодная советница. – Вы представляете, вчера я портировалась на Зивею, и там...

- Давайте не отвлекаться! – перебил военный советник. – Я предлагаю вернуться к тому, о чем я говорил вчера. Сын и внук Бриара были великими не потому, что они были сыном и внуком Бриара. Бриар не был чьим-то сыном или внуком. Кто были его родители, не напомните?..

- Его отец был каменотесом, а мать – прачкой, - бесстрастно произнес Камильф. – Причем рабами. Сам Бриар тоже был рабом вплоть до десятилетнего возраста. Мы знаем. Все знают. Это не тайна.

- Вот именно. Какое значение имеет происхождение? Бриар был величайшим волшебником, так?.. Хоризакул был величайшим волшебником, так?.. Абраксол...

- Мы поняли! – перебила погодная советница. Она сердилась на военного, что не дал рассказать историю. – Ты хочешь возвести на престол величайшего волшебника.

- Ну... да...

- Хорошо. Только скажи для начала – а кто он? Кого конкретно ты имеешь в виду?

- Арикед, я бы сказал, - проскрипел финансовый советник. – Он же в прошлом году выиграл тот турнир, нет?.. И в позапрошлом...

- Только потому, что Майяни в турнирах не участвует, - возразил астральный советник. – Я бьюсь об заклад, что он на голову выше Арикеда.

Советники зашумели. Арикеда Черного и Майно Майяни знали все. Эти двое – величайшие волшебники Парифата, спорить

невозможно. Оба вполне могли бы на равных говорить с Абраксолом и даже Хоризакулом.

Не с Бриаром, правда. Бриару Всемогущему равных не было. Сам он частенько повторял, что сын его уже догнал и вот-вот перегонит... но все понимали, что это говорит отцовская гордость. На самом деле даже Хоризакул уступал Бриару довольно заметно.

Майно Майяни – человек пожилой. Ему триста семьдесят лет, он был великим чародеем еще во времена республики. Стал одним из первых Золотых Магов, хотя и оставил орден еще до инцидента на площади Философов. Известен, как волшебник, для которого нет невозможного. Владеет чуть ли не всеми заклинаниями на свете. Однако политикой совершенно не интересуется, всецело посвятив себя теоретической магии и преподаванию. Майяни возглавляет крупнейшую школу Искусства, и попасть туда мечтают чуть ли не все дети.

Арикед Черный – его прямая противоположность. Он значительно моложе, ему всего сто девятнадцать. Он родился при Хоризакуле, но выдвинулся и получил всемирную известность уже при Абраксоле. Стал героем Четвертого Вторжения. Убил несметное полчище гохерримов. Одолел в поединке демолорда Гаштардарона и участвовал в изгнании демолорда Кхатаркаданна. Только сам Колдующий Император сделал для победы больше. Сейчас Арикед участвует в каждом турнире, в каждом чемпионате боевых магов – и вечно на пьедестале.

При жизни Абраксола эти двое делили второе место – теперь делят первое. И можно спорить до хрипоты, кто из них более велик.

Советники и заспорили. Финансовый, военный и погодная стояли за Арикеда. Астральный, природная и социальный – за Майяни. Они все больше повышали голос, пока Камильф не постучал по столу.

Воцарилась тишина. Все уставились на первого советника. К нему так привыкли, что иногда забывали даже, что он тоже один из величайших волшебников.

Хотя на первое место Камильф Хладнокровный никогда не претендовал. И на второе. И даже на третье. Он всегда входил в первую пятерку, но всегда же – был в ее конце. Когда на четвертом месте, а когда и на пятом... но не выше.

Поэтому сейчас его кандидатуру никто не рассматривает. Очевидно, что кандидатов два – Арикед Черный и Майно Майяни.

- Перед тем, как мы начнем решать, на кого возложим корону, я предлагаю обсудить, как к этому отнесется второй, - негромко произнес Камильф.

Лица советников вытянулись. Об этом никто не подумал.

Арикед и Майяни ненавидят друг друга. Это ни для кого не секрет. Ненавидят так, что отказываются находиться в одной комнате. Если один из них станет императором, второй просто спятит от злости.

А величайший в мире волшебник, который спятил от злости… империи это точно не нужно.

- Арикеда, - рубанул ладонью военный советник. – Майяни гораздо старше и мудрее. И он не так амбициозен. Он поймет.

- Тогда не лучше ли именно его и короновать? – заметил социальный советник. – Мессиры, напомню, что именно такие достоинства Остраго Мальфет видел в Бриаре.

- А давайте просто подбросим монету, - предложила погодная советница. – Одного коронуем, второго казним.

Раздались невеселые смешки. Камильф, улыбки на лице которого не видели еще ни разу, снова постучал по столу. Он снова задумался, не призвать ли дух Абраксола. Его дядя и дед не отвечали духоводителям никогда, но, может, этот ответит? Скажет что-нибудь? Изречет свою волю… да пусть хотя бы выскажет мнение.

Абраксол был мудрым человеком. Как и его дядя, как и его дед. Три Колдующих Императора один за другим правили Парифатом достойно, разумно и справедливо. Даже Четвертое Вторжение не сломило его – империя с честью вышла из этого испытания. Одолела сам Паргорон.

Камильф, когда-то бывший резким противником превращения республики в империю, со временем переменил взгляды и стал самым преданным сторонником Бриара. И теперь он сильнее всех тревожился о наследии своего государя.

Кровь или могущество?.. Он не мог решить. Сидеть ли на троне старшему из потомков Бриара, продолжая священную династию, но утратив почти божественный ореол? Или же опять возвести на престол величайшего волшебника, сохранив подлинную власть короны, но породив неприятный прецедент, открыв дверь распрям, начав бесконечные споры, кто более достоин?

Сейчас ведь уже нет таких, как Бриар. Арикед и Майяни – чародеи колоссальной мощи, они почти не уступают Хоризакулу и Абраксолу… но все же не превосходят остальных на голову, как когда-то Бриар.

Об этом говорит уже то, что их таких двое.

Арикед сумел одолеть демолорда, но в тяжком, долгом поединке. Ему и мечтать не приходится о том, чтоб взбивать океан Гламмгольдригом вместо мутовки.

Майяни – самый знающий, талантливый и искусный маг-

исследователь. Но когда он увидел Криабалы, то с почтением склонил голову. Такое ему недоступно.

Ну и как же быть?

- Завтра соберемся снова, - предложил Камильф, вставая из-за стола. – А сегодня я нанесу Арикеду и Майяни визиты. Возможно, кто-то согласится уступить.

Уже через час первый советник сидел в купальне, рядом с обритым наголо мускулистым детиной. Даже без волшебства Арикед Черный впечатлял. Всю жизнь посвятивший совершенству, он уделял равное внимание астральному телу и физическому. И хотя большая часть его мышц появилась благодаря чарам, банальной гимнастикой он тоже не пренебрегал.

Сейчас он как раз закончил силовую тренировку. От него пахло мускусом и потом. Нежась в прохладной воде, Арикед без интереса слушал Камильфа.

- Ты знаешь, первый советник... – лениво произнес он. – Камильф... можно просто по имени, да?.. Слушай, Абраксол был кудесным мужиком, мы с ним и охотились вместе, и в бане пили один раз... но я не знаю, он как-то скучно жил. То есть ты пойми правильно, я был бы кудесным императором, сам представь меня в кристальном венце... но я не знаю, ты уверен?..

- Ваша кандидатура – одна из трех основных, - спокойно ответил Камильф.

- Ну я не знаю... – поморщился Арикед. – Это же и потренироваться некогда, и на арену не выйти... императоры ведь в турнирах не участвуют, да?..

- Формально это не запрещено.

- Ну формально, да, формально... но не то же, понимаешь?.. Ну вот вышел я на арену, дерусь за титул – а всем все заранее ясно уже, понимаешь? Потому что я киров император, ты же понимаешь? Ну не то. Поддаваться-то не будут, мне не нужно поддаваться, я сам по себе кого угодно, да, но ты же понимаешь?.. А если я вдруг проиграл – то что, я теперь не самый великий? Корону отдавать победителю? Не, не то. Хотя Колдующий Император Арикед – это звучит, тут согласен... кстати, а два других – они кто?..

- Пока что главный кандидат – цесаревич Оккур.

- Это сынок Абраксола-то?.. – шумно вздохнул Арикед. – Ох, Камильф, да что ж такое-то... Ну я тебе говорю, ты этого не делай лучше. Он же слабак. Ты пойми правильно, я Абраксола как брата любил, я бы за него в огонь и в воду, я с ним бок о бок, а вокруг демоны на нас, и все такое... ну да ты знаешь, ты там сам был, бок о бок... но Оккур... ну правда, ну какой из него император? Он же слабак. Он еле-еле колдует. Позор же будет. Стыдоба. Понятно,

почему ты ко мне пришел, но я не знаю даже... а третий-то кто, кстати?

- Майно Майяни.

- Ты серьезно вообще?! – резко повернулся к Камильфу Арикед. – Так, погоди. Напитка!..

В воздухе материализовался дух-служитель. Он поднес Арикеду огромную чару с бурлящим эликсиром. Арикед Черный залпом ее опорожнил, утер губы и гневно уставился на Камильфа.

- Майно Майяни исключил меня из своей кировой школы, - отчеканил он. – Этот напыщенный урод сказал, что я никогда в жизни ничего не добьюсь. Я!.. Ты посмотри на меня, Камильф! Он сказал, что я дурак! Я дурак, да?! Ты считаешь меня дураком?!

- Разумеется, нет, - бесстрастно произнес Камильф. – Мне известно, как вы относитесь к мэтру Майяни.

- Известно тебе?! – рявкнул Арикед. – Тогда вот что я тебе скажу – пусть будет императором кто угодно, но только не этот напыщенный урод! Он же старый! И я уверен, что он глиномес! Ты хочешь, чтобы императором был глиномес?!

- Это только слухи, подтверждения им нет.

- Какого тебе подтверждения?! Кто-нибудь видел Майяни с женщиной вообще?! Он глиномес! Какого кира ему вообще позволено руководить школой?! Ладно бы маленькой какой, захолустной, а то ведь Мистерионом!

- Мэтр Майяни сам основал академию Мистерион, - напомнил Камильф.

- И за это его в жопу целовать?! Нет, ты подожди, первый советник. Я тебя уважаю, ты знаешь, но вот тебе мой сказ: я в принципе согласен быть Колдующим Императором, но не очень хочу, это не мое. Поэтому вы уж сами там решайте, кто будет лучше, но если все-таки меня решите позвать, то я приду. Оккура не надо, наверное, хотя ты уж сам там смотри насчет него, но он слабак, ты сам знаешь. Но я все-таки соглашусь и на Оккура. И на кого угодно другого соглашусь, хоть на храка паргоронского. И только на Майяни не соглашусь! Ему – не присягну! Его называть императором не буду, хоть ты меня на куски режь! Понял?!

- Но на кого-то другого вы согласны? – уточнил Камильф.

- Да. Хоть на храка паргоронского. Хочешь – сам сядь на трон, я не возражаю, ты нормальный мужик, хоть и остроухий. Но Майяни... только если он меня победит. А он не победит.

На этой ноте Камильф и откланялся. Первый советник вылетел из бассейна, превратил воду на теле в пар, материализовал вокруг себя тканную драпировку и дважды хлопнул в ладоши, перемещаясь на другой конец планеты.

Он оказался посреди зеленой лужайки. Вокруг цвели яблони,

у статуи обнаженной дриады журчал родник, а в кресле-качалке сидел полный краснощекий старик с аккуратно расчесанными усами. Улыбнувшись Камильфу, он произнес:

- Я ждал вас, мессир. Рад, что вы так точны.

- Мир вам, мэтр, - поклонился Камильф. – Занятия уже закончились?

- Час назад, - кивнул Майяни. – В Мистерионе сейчас ужин, нас никто не побеспокоит.

- И вы, полагаю, уже знаете, зачем я здесь.

- Конечно, конечно. Возмущения в эфире, сплетни духов, да и просто элементарная логика... Вы хотите предложить мне корону – и это лестно, хотя и предсказуемо. У вас ведь просто нет других достойных внимания кандидатов. Увы, как маг старший принц крови не впечатляет... Я ведь сам когда-то его обучал, мессир, и прекрасно понимаю, отчего вы не спешите его короновать...

- То есть Арикеда вы достойным кандидатом не считаете?

- Этого самодовольного дурака? – вздохнул Майяни. – Ну право же, мессир, мы с вами взрослые люди. Он производит впечатление на широкие массы, я согласен, но мы же прекрасно понимаем, что его репутация – надутый пузырь. Некоторый природный талант, бездна тупого упрямства и толика удачи – вот и готов любимец толпы. Мы-то с вами прекрасно знаем, что с Гаштардароном ему просто повезло. Зря вы к нему даже ходили.

Камильф не спросил, откуда Майяни знает о его визите. Майяни все знает. Блоха не может почесаться, чтобы Майяни этого не услышал.

- Я не оставлю своей школы, - дружелюбно произнес он. – Бриар был лучшим из людей, и я радовался, когда он нас всех возглавил, но он был рожден для этого, а я – нет. Если вы очень настаиваете, я приму корону, но директорский пост тоже сохраню. И он останется для меня первостепенным.

- Вряд ли возможно это совмещать, - покачал головой Камильф. – Я плохо представляю директора школы, который еще и Колдующий Император. Это как если б владыка Паргорона вдруг явился в мир смертных и стал... не знаю, городским стражником, например.

- А это была бы забавная история! – рассмеялся Майяни. – Нелепая, но забавная! Но мы с вами не договоримся в таком случае. Хотя и жаль – я согласен, что было бы разумным по-прежнему возглавлять империю величайшему волшебнику.

- Жаль, что у нас нет полной уверенности в том, кто он, - заметил Камильф. – Было бы гораздо проще, если бы вы с Арикедом однажды выяснили это наверняка.

- Вот уж пустая трата времени, - отмахнулся Майяни. – Я

давно вырос из возраста, когда меряются пиписьками. Это Арикед боготворит силу, молится на силу, ищет себе все новой и новой силы... но так он же дурак. Круглый. Когда-то я сказал ему, что он никогда ничего не добьется... и вы знаете, я по-прежнему так считаю. Он не добился ничего, кроме рукоплесканий таких же дураков.

- Измените ли вы свое мнение, если он станет четвертым Колдующим Императором?

- Не станет, - чуть понизил голос Майяни. – Мессир Камильф, вы великий чародей, и Парифату незачем желать лучшего первого советника, но если вы хотя бы попытаетесь возвести на трон Арикеда, я перестану с вами здороваться.

Камильф понял, что на самом деле значат эти слова. Майяни ненавидит Арикеда так же сильно, как Арикед – Майяни. Один не может забыть юношеской обиды, второй оскорблен, что так сильно ошибся в прогнозе.

И на самом деле величайшие волшебники не хотят сходиться в поединке. Каждый опасается, что на самом деле он только второй. Но если вдруг один из них станет господином над другим... тогда битвы точно не избежать.

- Обязан спросить, - сказал Камильф перед уходом. – Вы не станете возражать, если Колдующим Императором станет кто-то иной? Раз уж сами корону принимать не хотите.

- При условии, что это не Арикед – не стану, - улыбнулся Майяни. – Может быть, вам самому взойти на трон, мессир? Вы стали бы прекрасным императором.

Камильф молча поклонился.

Эти две беседы он показал назавтра перед советом. Сидящие за столом внимательно глядели на иллюзию проекристалла, а когда та закончилась – разом вздохнули.

- Давайте для начала рассеем туман, - произнесла природный советник. – Камильф, что вы ответите, если мы предложим вам короноваться?

- Откажусь, - без раздумий произнес Камильф. – Корона Колдующего Императора – не безделушка, которую можно вот так запросто передавать кому попало. Я точно не величайший волшебник, и я не связан с Бриаром родственными узами. У меня нет никаких законных оснований.

- Хм-хм, - приложил палец к губам социальный советник. – А вы навели меня на мысль. Что если нам короновать величайшего волшебника... среди потомков Бриара?..

Советники переглянулись. Это предложение будто озарило их лучом света. Поначалу никто даже ничего не сказал – все искали аргументы против, но не видели ни одного.

- Я согласен, - первым произнес военный советник.

- Я тоже, - присоединился астральный советник. – Но кого?

- Турнир, - произнес Камильф, чуть помедлив. – Устроим турнир принцев. Не насмерть, конечно. Пусть все прямые потомки Бриара сойдутся – и сами решат, кто более всех достоин.

- Только для принцев – или же и для принцесс? – уточнила погодная советница.

Этот вопрос обсуждался несколько дольше. С одной стороны, пока что все Колдующие Императоры были мужчинами. С другой – это не является чем-то значимым, просто так уж сложилось. В турнирах чародеев нет разделения на мужскую и женскую лиги.

Но в конце концов социальный советник привел один аргумент. Количество претендентов.

Бриар Всемогущий скончался полтора века назад. У него было три сына и две дочери. И хотя старший, Хоризакул, умер бездетным, остальные четверо породили целых шестнадцать принцев и принцесс. На данный же момент у Бриара одиннадцать здравствующих внуков, тридцать два правнука, девяносто пять праправнуков и сто пятнадцать прапраправнуков – и это только совершеннолетние. Даже если сразу отсечь всех немогущих и малоодаренных, турнир принцев уже сейчас обещает стать очень многолюдным.

А какая толпа соберется, когда придет время выбирать пятого Колдующего Императора?

- То есть рассматриваются только прямые потомки по мужской линии, - медленно произнес Камильф. – Сыновья сыновей. Все согласны?

Возражений не последовало.

О турнире объявили тем же вечером. И вскоре весь Парифат разделился на лагеря. Почти сразу выдвинулись фавориты, появились болельщики, букмекеры даже стали принимать ставки – хотя это поначалу пытались запретить.

Организовать такое крупное и важное мероприятие оказалось делом нелегким. Каждый совершеннолетний одаренный потомок Бриара по мужской линии получил официальное приглашение. Но некоторые сняли свои кандидатуры сразу же – одни просто не рвались на самый верх, другие ясно видели, что не имеют шансов на победу.

Сорок четыре дня спустя, когда все приготовления завершились, на арене стояли только восемь человек.

Турнир Принцев решили проводить на том самом месте, где когда-то Бриар совершил свое величайшее волшебство. На острове Саргарита, что у берегов Остракии. За два с половиной века Империи тут вырос большой город – а специально для

турнира возвели еще и огромное ристалище.

Турнир было решено устроить не боевой, а универсальный. Хорошо, когда государь способен защитить свою страну, но не менее важны и другие аспекты. Бриар Всемогущий в одиночку возводил целые города, массово лечил больных, укрощал стихийные бедствия, озеленял пустыни, повелевал сонмищами духов, боролся с демонами...

И потому принцам предстояло не швырять друг в друга заклинания, что пусть и зрелищно, но довольно бестолково, а как можно полнее продемонстрировать свое могущество. В череде испытаний доказать, кто более всех достоин быть Колдующим Императором.

Принц Оккур тоже присутствовал. И у него даже были болельщики – те, кто считал главным не волшебство, но первородство. В любой из старых держав старший сын Абраксола стал бы наследником безо всяких турниров.

Но здесь он шансов не имел и вышел на арену только по личной просьбе Камильфа. Народ Парифата должен был убедиться, что цесаревич... не так могуществен, как его отец.

Другой бы на его месте почувствовал себя униженным. Но Оккур, не унаследовавший магических способностей предков, в полной мере унаследовал другие их достоинства. Будь у него хоть четверть отцовского таланта, совет короновал бы его без всяких раздумий.

Но титул Колдующего Императора состоит из двух слов. И Оккур печально улыбался, махая гудящим трибунам.

Он участвовал чисто номинально. Жюри, в котором сидели сами члены императорского совета, назначало все новые испытания – и остальные семь принцев с блеском их выполняли.

Оккур же справился только с шестью – самыми простейшими, бывшими по плечу любому одаренному.

Всего испытаний было сорок девять. Все – достаточно вольные, гибкие. Не на конкретные заклинания – это не викторина, никто не ждет знания каждого из достижений волшебной мысли. Именно испытания, задачи. Накормить голодного, исцелить больного, согреть мерзнущего, спасти тонущего. Арена постоянно менялась, отражала разные кусочки Парифата, переносила участников то во льды, то в пустыню, то вовсе в мир духов. Им приходилось сражаться с чудовищами, решать проблемы, творить самые невероятные чудеса.

С рассвета до заката бурлили трибуны. Никто не сетовал на долгую продолжительность – все понимали, что подобное вряд ли еще когда увидят. Грандиозный Турнир Принцев стал зрелищем из зрелищ – и когда солнце коснулось горизонта, жюри подвело

итоги.

Последнее место занял Оккур с ничтожными шестью баллами. Не слишком сильно опередил его Магирек со своими девятью – он тоже ходил в малоодаренных и принял приглашение смеха ради.

Но на шестом месте был Альмавик, получивший двадцать четыре балла. На пятом – Огон с двадцатью девятью. На четвертом – Янкер с тридцатью. Эти принцы уже по праву считались могущественными волшебниками.

Однако далеко им оказалось до первой тройки. Мазирадак получил сорок баллов. Оскел – сорок два. Племянник и кузен Абраксола были уже немолоды и стали бы достойными Колдующими Императорами.

Если бы не относительно молодой принц Громорокатран. Самый младший сын Абраксола, брат Оккура. Он получил сорок четыре балла, прошел сорок четыре испытания – и сорвал овации. Глядя на него, Камильф видел, что Громорокатран превосходит его, первого советника. Пожалуй, во всем мире только Арикед и Майяни окажутся могущественнее.

Немного неожиданно. Камильф знал, что Громорокатран одарен, но не представлял, насколько. Тот всегда чуждался общества, редко появлялся на людях...

Коронация состоялась здесь же, под ревущими трибунами, под озарением проекристалла. Камильф торжественно вручил Громорокатрану светящийся кристальный венец – и тот возложил его себе на чело. Возложил сам, собственными руками – ибо нет на Парифате власти превыше Колдующего Императора.

- Я знал, что выиграю, - самодовольно произнес он, когда они с Камильфом остались наедине. – Это было справедливо. Я уже могу издавать указы?..

- Можешь, государь, - склонил голову первый советник.

- Отлично. У меня полно идей. При папе империя немножко... прокисла. Я ее встряхну. Начнем с того, что возродим Золотых Магов...

- Золотых Магов, государь?.. – переспросил Камильф.

- Да, ты прав, название надо сменить, - задумался Громорокатран. – Золотые Маги – вчерашний день. Пыльная эпоха моего прадеда. У меня будут... Серебряные Маги. Да, отлично. Орден Серебряных Магов. Вслушайся, как это звучит.

- Это звучит красиво, государь, - согласился Камильф.

- Я бы попросил титуловать полностью, - поморщился Громорокатран. – Не надо этого панибратства, первый советник. Мне не нравится.

- Как пожелаете... ваше величество.

- Вот именно. А когда мы создадим Серебряных Магов... мы займемся наращиванием обороны.

- Обороны, ваше величество?..

- Да, первый советник, обороны! – сердито повторил Громорокатран. – Ты не знаешь такого слова?! Честно говоря, у меня иногда складывалось такое впечатление, что на Парифате его никто не знает! Или ты забыл о Четвертом Вторжении?! Ты уверен, что в ближайшее время не нужно ждать Пятого?!

- Никто не может быть в этом уверен, ваше величество. Но мы многому научились в той войне. Сейчас Паргорону уже не застать нас врасплох.

- А почему только Паргорону?! Нет, первый советник, я немедленно займусь угрозой, на которую до меня почему-то внимания не обращали!

- Осмелюсь спросить, кого имеет в виду мой император.

- Титаны, первый советник! – прошипел Громорокатран. – Эти... существа! Ты ведь должен понимать, насколько они опасны!

- Но... ваше величество, титаны наши союзники и друзья. Они помогли нам во время Четвертого Вторжения. Аэтернус...

- Тот Аэтернус, который чуть не убил моего прадеда? – перебил император. – О, я видел его поединок с Таштарагисом. Я был там, первый советник. Аэтернус победил демолорда, я знаю. Надавал ему тумаков и прогнал взашей. А если завтра этот великий Аэтернус обернется против нас?! Ты можешь поручиться, что этого не произойдет?!

- Нет, но...

- Я знаю о книгах моего прадеда, - снова перебил Громорокатран. – Криабалы. Там есть заклинания, которыми не владею даже я. Предоставьте их мне незамедлительно. Я лично буду их контролировать. В том числе Черный.

- Ваше величество, это невозможно, - впервые возразил Камильф. – Черный Криабал может быть извлечен только во время нового Вторжения. Воля вашего прадеда была однозначна.

- Моя воля тоже однозначна. Теперь Колдующий Император я – а значит, мои приказы важнее приказов моего прадеда.

- Простите, но это не так. Приказы Бриара – основа этой империи. Это единственное, в чем я не могу вам повиноваться.

- Можешь, первый советник, - ткнул его в грудь Громорокатран. – Можешь – и повинуешься. Разница между прежними Колдующими Императорами и мной в том, что я жив – и я здесь. А ты... хотя ладно. Можешь не повиноваться. Можешь вообще больше ничего не делать. Можешь идти на все четыре стороны.

- Ваше величество?.. – опешил Камильф.

- Ты не слышал меня? Ты разжалован. Я назначу нового первого советника. Мне не нужны слуги, что спорят с приказами вместо того, чтобы их выполнять.

Уже на следующий день Камильф Хладнокровный сдал ключ от хранилища Черного Криабала и удалился на виллу. Не первый императорский советник отныне, а обычное гражданское лицо. Здесь он провел остаток дней, ни разу больше не появившись в столице и никак не участвуя в политике.

А на Парифате начались большие перемены...

Глава 24

Публичная казнь осуществлялась в Подгорном Ханстве каждую луну. Один раз в двадцать шесть дней на площади Древнего Греха возводили каменный раздавливатель и привязывали к нему приговоренных.

Обычно за луну их набиралось пять-шесть.

Однако казнили не всех. Одного каждый раз отпускали – и милость оказывала не ханша, не судьи, а простой народ. Когда вокруг раздавливателя собиралась толпа, епископ Гаратака зачитывал имена приговоренных и расшвыривал вокруг кусочки раскрашенной пробки. Те, в кого он попадал, опускали эти жетоны в специальные урны – и получивший больше всех голосов получал помилование.

- Здесь есть заклинание как раз для такого! – оживленно шептал Фырдуз, сжимая Криабал. – Называется Притягательность! Если наложить его на нужную урну, она всем начнет казаться самой кудесной, хотя никто не будет понимать, почему!

- Ну так читай его, пока епископ не закончил, - сказала Джиданна, держа на вытянутой руке Леди Белку.

Волшебница разглядывала толпу глазами фамиллиара. Искала Танзена и Массено. В основном Массено – Танзен мог превратиться во что угодно, а вот монаху внешность не изменить.

Искатели Криабала старались не подходить слишком близко. Все-таки тут в основном хобии. А когда народу так много, чары Незаметности работают хуже. Кто-то может и обратить внимание на сразу четырех Верхних – в Гаратаке такое редко увидишь.

Так что они издали наблюдали за раздавливателем, похожим на огромный жернов, и шестью индивидами возле. Пятеро хобиев и один цверг. Кажется, воевода Брастомгруд, хотя на таком расстоянии Фырдуз не был уверен точно. Кроты явно не церемонились с пленным – он был грязен, здорово исхудал и спал с лица, а лицо наискось пересекал свежий рубец.

Заклинание Криабала сработало наилучшим образом. К урне Брастомгруда кроты повалили валом – и даже кто-то из стражников кинул туда свою пробку. В остальных урнах оказалось почти пусто – туда кидали только родичи и друзья других приговоренных. Им, возможно, тоже хотелось отдать голос за этого незнакомого цверга, но все же не до такой степени, чтобы обойти брата или мужа.

Когда урны опустошили, епископ заволновался. Не требовалось даже подсчитывать, чтобы понять, насколько Брастомгруд вырвался вперед. Епископ ощупывал гору пробок и влажно причмокивал, прислушиваясь к ханше. Владычица всех хобиев сидела в паланкине и ждала, когда сообщат имя помилованного.

Остальные тоже напряженно ждали. Искатели Криабала и другие зрячие индивиды уже видели, что Брастомгруд победил, но хобии-то видеть не могли. А на слух или запах количество пробок не определишь.

Дважды все ощупав, епископ просеменил к паланкину ханши и зашептал. Шептал он долго – такого итога явно никто не предвидел. Фырдуз даже забеспокоился, что ханша прикажет попрать священный обычай, освободит кого-то другого или вообще казнит всех.

Но нет. Не посмела. Не решилась пойти против толпы. Вернувшись к раздавливателю, епископ громогласно объявил, что помилованным сегодня объявляется Брастомгруд Оркручигетхсторец, сын Дракметрага, сына Ордокхона. Согласно воле всемилостивейшей ханши Эррмы Девятой, казнь раздавливанием заменяется ему пожизненным тюремным заключением.

- Кудесно, этот гаррм ибиррих будет жить, - сказал Плацента. – Больше мы тут не нужны. Пошли в кабак, тля.

- Подождите, но мы же должны его освободить, а не просто спасти! – забеспокоился Фырдуз.

- И мы его спасем, сын мой, - ласково произнес Дрекозиус. – Но это не так просто делается. Сейчас божьей милостью мы отправимся в питейное заведение и примем там малую толику увеселяющего во славу Люгербеца. А что дальше – он нам подскажет.

В хобийском кабаке было… странно. Непривычно. И не только для индивидов с поверхности, но и для кобольда, подземного жителя. Слишком уж чувствовалось, что местные завсегдатаи – существа без глаз. Темень стояла, как в могиле, свет пришлось принести с собой. Хобии шумно обнюхивались, тянули друг к другу рыльца. Вместо столов они сидели на земляном полу – тот был изрыт канавами. Напитки разносили в высоких кувшинах с узкими горлышками, а разливали в плошки – пить из стаканов хобии умели плохо.

Местная закуска искателям Криабала не понравилась. Фырдуз вот вполне оценил живых червей и личинок, брал горстями прямо из большой миски. А остальные воротили носы – благо сытно подкрепились в «Ханском», там была приличная

корчма для Верхних.

- Что мы тут делаем-то? – несчастным голосом спросил Фырдуз. – Нам же надо думать, как в тюрьму попасть, нет?..

- Так мы уже и думаем об этом, сын мой, - налил себе еще вина Дрекозиус. – Утешься, ты в кругу друзей. Мы поможем тебе во всех бедах, даже не сомневайся. Глянь-ка – видишь ли ты среди нас доброго Плаценту?

Фырдуз повертел головой. Действительно, Плацента успел незаметно испариться. За столом его не было... и, кажется, вообще нигде не было... но тут вдруг раздался вскрик! Два крупных хобия громко взывали к страже, держа за руки ухмыляющегося Плаценту. Тот вырывался только для виду.

- А!.. а что тут происходит?.. – тут же протолкался хобий в медном шлеме. – Кажется, я чую... я чую гоблина!.. хотя нет... нет-нет... полугоблина!..

- Какая разница, кто он?! – заорал другой хобий. – Он обокрал нас! Хватит его обнюхивать!

- Обокрал, говорите?.. – задвигал рыльцем стражник. – Ага... кажется, я чую свою премию... а ты зачем обокрал этих почтенных, полугоблин?..

- Ничего я их и не обокрал, - нагло заявил Плацента. – Брешут, кроты поганые. Сами не смотрят за вещами, теряют, а потом стражу зовут. Я их кошельки просто на полу нашел. Хотел им подать, а они меня за руки схватили.

- Сразу два кошелька потеряли?.. – изумился стражник. – Поражен их неудачей. Ты мне эту дивную историю поподробнее расскажешь... но уже в другом месте. Пойдем.

Плацента еще немного побранился, сделал вид, что пытается удрать – но только сделал вид. Фырдуз уже знал, насколько ловок этот ворюга, но сейчас он казался неуклюжим тюфяком. Стражник надел ему на руки кандалы и куда-то поволок.

- Какая беда, доброго Плаценту арестовали, - отхлебнул чаю Дрекозиус.

- Это настолько хорошо звучит, что похоже не на часть плана, а на его успешный финал, - безучастно произнесла Джиданна.

- Ну-ну, дочь моя. Ну-ну. Ответь лучше: что видит твой чудесный зверек?

- Пока что ничего особенного, - ответила Джиданна, сидящая с отрешенным видом. – Я скажу, когда его куда-нибудь приведут.

- В таком случае мы можем пока что не торопиться.

Тем временем Плаценту отволокли прямиком в городскую тюрьму. Гаратак, будучи городом подземным, простирался в трех измерениях, и для двухсот тысяч жителей мог показаться весьма компактным. Добраться куда угодно откуда угодно можно было

довольно быстро.

Устроена тюрьма была в два яруса. Заключенных держали в нижнем, полузатопленном. В такой со стороны не подроешься, захлебнешься. В верхнем же ярусе обитали личные враги Плаценты – городские стражники. Там же располагался и суд.

Полугоблина обнюхали, обыскали, допросили – и поместили до завтра в камеру предварительного заключения. Правосудие в Подгорном Ханстве творилось быстро, но судья уже ушел домой. Так что Плаценту внесли в список и заперли, выдав краюху грибного хлеба, кувшин воды и жировую свечу.

Под землей не бывает дня и ночи. Но жителям Нижнего Мира тоже нужно спать. Здесь сутки тоже делятся на время сна и время жизни. И когда у стражников закончилась дневная смена, смирно до этого сидевший Плацента встрепенулся.

Он приник к решеткам и издал протяжный вой. Потом еще раз. И еще. Когда в дальнем конце коридора послышались шаги, Плацента отскочил на середину камеры и шлепнулся, раскинув руки.

Подошедший стражник окликнул его – Плацента не ответил. Он не отреагировал, даже когда его принялись тыкать длинной палкой. Будучи хобием, стражник не мог его видеть, так что действовал на ощупь и слух.

- Чего кричал? – недоуменно спросил он. – Эй. Ты!.. Слышь!.. Отвечай!.. От-ве-чай!..

Плаценту тыкали все сильнее. Но если он хоть чуточку шевельнется – стражник поймет, что он прикидывается. И он терпел, хотя было все больнее.

Лишь думал про себя, что жирный святоша сполна ответит за каждый синяк. Конечно, давайте поручим полугоблину самую грязную и трудную работу. Кому же еще?

И теперь он терпеливо ждал. Этому трюку Плацента выучился еще в детстве, но со зрячими было проще. Маленький полугоблин очень убедительно прикидывался дохлым, люди обычно верили. Но к чему тут его вывалившийся изо рта язык, его закаченные глаза, его подвернутые неестественно ноги, если чечпок ничего этого не видит?!

Вся игра насмарку, бесполезно, никчемно!..

Но в конце концов стражник успокоился. Решив, что Плацента и вправду сдох, он отпер решетку, вошел, наклонился... и точно в ноздрю ему вонзилась игла. Совсем крошечная иголка, которую полугоблин пронес в собственных волосах.

А поскольку она была щедро смазана снотворным зельем, стражник сразу повалился кулем.

После этого Плацента спокойно вышел из камеры. От свечки

осталась еще половина – Плацента раскалил лезвие ножа, подплавил огарок снизу и прилепил к нагруднику, который снял со стражника. Ему еще не приходилось орудовать среди слепых, и было интересно – насколько это проще обычного?

Шлем Плацента забирать не стал. У хобиев уродские кротовьи морды, и шлемы такие же. Существо с нормальной шеей и без рыла надеть такой ни за что не сумеет.

К тому же и глазницы в их шлемах на совсем другом месте. Зачем им вообще глазницы? Дырка для носа – понятно, а глазницы они на кой кир делают, если все равно ни кира через них не видят?

Тупые подземные глиномесы.

Может, прирезать этого, пока не очухался? За щекой Плацента пронес еще и бритвенное лезвие. Тонкое и острое, способное рассечь горло одним взмахом. Плацента сначала даже собирался убить стражника, но подумал, что тот может вскрикнуть, а у хобиев сверхчувствительный слух.

Ладно, пусть этот валяется так. Зелье сильное, часов на шесть хватит точно.

Только еще замаскироваться надо получше. Так, чтобы запах отбить.

Когда искателям Криабала отперли черный ход, они сначала не поняли, кто стоит за дверью. Какой-то бесформенный куль тряпья и доспехов. Но оттуда послышался знакомый визгливый голос, и все узнали старого доброго Плаценту.

- Почему ты так странно одет? – недоуменно спросила Джиданна.

- Маскируюсь, - раздраженно ответил полугоблин.

- Подо что? Под мусорную кучу?

- Под хобия, дура толстозадая!

- Но хобии же не похожи на мусорные кучи.

- Зато ты похожа. Шлюха очкастая.

Мектиг смерил Плаценту недобрым взглядом и прошел внутрь. Черный ход в городскую тюрьму располагался в потайном отнорке и стерег его всего один стражник. Сейчас он почему-то лежал без движения и как-то неестественно склонил голову.

Искателей Криабала по-прежнему прикрывало заклинание Незаметности. Но оно не делало невидимым, не позволяло ходить куда вздумается – просто заставляло не обращать внимания. При этом эффект ослабевал, если залезть туда, где запрещено посторонним.

Но это все равно оберегало от случайных взглядов... хотя нет, не взглядов в данном случае. Слухов, нюхов... как выразиться, если вокруг злые слепцы?.. Незаметность ослабляла их

бдительность, внушала избирательную рассеянность.

А Леди Белка разведывала путь. Плацента уже частично его разведал, но он искал в основном способ впустить остальных. А теперь, воссоединившись, они пробрались к лифту на нижний ярус – и Мектиг заработал секирой.

Хобии и впрямь оказались ему по плечу. Он уложил семерых за минуту – и пощадил только одного, которого отец Дрекозиус убедил бросить оружие. Дрожащего хобия быстро разговорили, заставили рассказать, как управляется лифт, и ненадолго задумались, не оставить ли кого-нибудь наверху, стеречь.

Не оставили. Решили этим путем не возвращаться. Мектиг вырубил уцелевшего хобия обухом секиры и все вошли в скрипучую деревянную кабину.

Управлялась она сверху, все теми же хобиями. Их потому и оказалось при лифте так много – нужно было минимум четверо, чтобы крутить подъемное колесо. Циклопы в тюремных коридорах не помещались, так что хобии кряхтели сами. Но на спуск оказалось возможным сделать это и без живой силы – просто привязать к цепи противовес потяжелее.

За оный вполне сошли семь мертвецов.

- Кроты нам этого не простят... – пробормотал Фырдуз, глядя на окровавленные тела.

Впрочем, не ему было осуждать чью-то кровожадность. Он сам уже имел за плечами несколько трупов. Тут и хобии, которых он прикончил заклинанием Убийства, и циклоп Лук-Бат, принявший по его вине жестокую смерть...

И Фырдузу было совестно из-за этого, очень совестно... но что он мог поделать? На то и война. Он в нее не ввязывался, не напрашивался. У него не было другого выхода. Он всего лишь ничтожный кобольд, угодивший в бурный поток и пытающийся удержать голову над водой.

На нижнем ярусе стражи было меньше. Лифт постоянно держали наверху и спускали только если точно знали, что внизу все в порядке. А поскольку пол и стены были устланы толстыми стальными плитами, а вокруг плескалось подземное озеро, подкопа хобии тоже не опасались. В случае бунта заключенным просто переставали спускать еду – и все заканчивалось очень быстро.

Впрочем, бунты случались нечасто. Вообще заключенных было немного – время-то неспокойное. Шпионов, партизан и дезертиров хобии либо шлепали на месте, либо отправляли в трудовые лагеря. Здесь, в Гаратаке, держали в основном политических, своих же хобиев. Иногда встречались важные военнопленные вроде того же Брастомгруда.

Темень стояла могильная. Даже Фырдуз ничего бы не увидел без заклинания Освещения. Купол мягкого света двигался вместе с незваными гостями, и в нем проступали толстые решетки, цепи, тяжелые стальные двери. Повсюду были замки, но секира Мектига рубила их с волшебной легкостью.

Один раз навстречу попался стражник. Один-единственный раз – и его шею секира разрубила тоже очень легко.

Но кроме живых стражников коридоры патрулировали наколдованные. Немтыри. Волшебные создания, магией порожденные и только на магии существующие. Не живущие, не дышащие, не думающие – по сути, просто заклинания в форме людей.

Не людей, правда. В основном разных подземных существ. Хобиев, цвергов, вардов, теканов. Все они вышагивали молча, с неестественно прямыми спинами, с оружием наготове. Никаких лишних движений – ни головы не повернут, ни моргнут лишний раз. Все шаги одной длины.

Хотя без Джиданны искатели Криабала все равно бы приняли их за обычных индивидов. Это волшебница сразу распознала в них немтырей – и вот тогда-то и стали заметны эти мельчайшие отличия.

- Где-то тут должен быть и их хозяин, - негромко произнесла Джиданна. – Немтыри редко встречаются вдали от своего волшебника. Контроль слабеет.

- Насколько он сложный? – спросил Мектиг, разрубая немтыря-цверга. Тот рассыпался мириадом разноцветных искр.

- Немтырей поддерживает много, но они не слишком высокого уровня, - задумалась Джиданна. – Сложно сказать...

- Они вполне достаточного уровня, - донесся голос из темноты. – Мир вам, коллега. С кем имею честь?

Белка со стрекотом взбежала на плечо Джиданны, а волшебница сунула руку в карман.

- Джиданна Спецеял, лиценциат Унионисса, - представилась она.

- Алава-Тикара Кантовала, специалист Вакуумада, - прозвучал ответ. – И я работаю здесь охранной волшебницей... а вот вы, мэтресс, полагаю, магиоз.

Джиданна ничего не ответила. Она вошла в глубокую синхронизацию, ловя малейшие эфирные возмущения.

Готовилась к драке.

Может показаться, что всего лишь специалист – это ерунда. Но ученая степень – это не какой-то уровень волшебной силы. Не существует способа объективно таковой измерить. Да, чтобы получить магистра, нужно быть весьма опытным и способным

волшебником, а профессоров обычно достигают только подлинные таланты... но это не значит, что их достигают все, кто этого достоин.

В самой Джиданне потенциал был неплохой, но она даже не пыталась претендовать на что-то большее, чем лиценциат. Ладно еще магистратура – еще два с половиной года учебы она бы выдержала. И диссертацию бы защитила... наверное. Но ведь для поступления нужен еще и полезный рабочий стаж. Нужно либо два года преподавать в КА, либо курировать двух практикантов.

А какая из Джиданны наставница? Ну вы посмотрите на нее! Похожа она на того, кто нянчится со студентами?

Это условие многих останавливает. Оно обязательное, потому что Мистерии всегда нужны наставники – на этом зиждется учебная система. Но те, кто в принципе не чувствует в себе педагогической жилки... они замирают на лиценциатах. Даже не надеются однажды получить премию Бриара. Их имена остаются неизвестными.

Но чисто в плане способностей они иногда могут удивить.

Мэтресс Кантовала была чистым практиком – потому и специалист. Бакалавриат она не заканчивала. Но в своей сфере – создании немтырей – оказалась очень хороша. Прячась где-то в темноте, Кантовала плодила немтырей в невообразимом количестве.

Если бы не узкие коридоры, искателей Криабала давно бы задавили числом. Но здесь можно было почти коснуться стен, расставив руки в стороны, и Мектиг пока что держался. Работал секирой, как боевой голем, превращал все новых немтырей в россыпи искр – и словно вовсе не уставал.

Массовые немтыри обычно не очень хорошие бойцы. Чем их больше, тем меньше внимания волшебник может уделить каждому в отдельности. Они двигались быстро, но предсказуемо, повторяли одни и те же приемы, одни и те же комбинации. Не преподносили сюрпризов. Как только Мектиг понял их боевую технику, то стал расправляться одним взмахом. Бой шел на выматывание, на то, кто раньше устанет.

Но когда Мектиг окончательно вошел в рутину, охранная волшебница его подловила. Очередной немтырь-вард вдруг резко вспыхнул и исчез раньше, чем дармаг успел ударить. А за его спиной стоял немтырь-хобий с самострелом – и он выпустил болт.

Мектиг умел уклоняться от стрел. Первый топор тинглида слышал звон тетивы, видел направление наконечника – и почти всегда успевал отдернуться. Не единожды это спасало ему жизнь.

Но в этот раз он не успел. Он все еще был в замахе, заканчивал удар – но немтырь исчез сам собой, и Мектиг

промедлил лишнее мгновение.

Роковое мгновение.

Болт вошел Мектигу в грудь, пробил легкое. Дармаг резко выдохнул, брызнул кровью изо рта… и издал звериный рык. Глаза покраснели, на губах запузырилась пена. Страшно размахивая топором, он ринулся бежать что есть мочи – и через секунду исчез во тьме.

- Ну вот, он опять побежал мигрировать, - саркастично произнесла Джиданна. – Мэтресс Кантовала, у вас там еще много маны?

- Достаточно! – донесся крик. – Сдавайтесь, мэтресс Спецеял!

Плацента доходчиво объяснил, куда блеваная колдовка может засунуть свое «сдавайтесь», но вообще-то дела резко ухудшились. Немтырей не убавлялось, а без Мектига сдерживать их стало гораздо труднее. Искатели Криабала начали пятиться, но позади была только шахта лифта, а подняться обратно они сами не могли.

Плацента орудовал двуручным кинжалом, а Джиданна несколько раз применила Огненное Дыхание, но немтыри появлялись все новые. Фырдуз пытался помогать Криабалом, но заклинание Убийства на немтырей не действовало, а другие были либо бесполезны, либо чересчур разрушительны. Царь Зверей в таком тесном коридоре просто застрянет.

И тогда Джиданна со вздохом достала мановый камень. Жаль тратить, осталось-то всего три, но своими силами она такое не наколдует. Держа в одной руке камень, а в другой – Призму Силы, она послала импульс фамиллиару.

Леди Белка аж заверещала. Заклятие Беличьей Стражи ее волшебница применяла всего раз – когда сдавала выпускные экзамены. Она никогда не была особенно хороша в призывательной сфере.

Но сейчас при ней была Призма Силы и крупный, полностью заряженный мановый камень… так что получилось все превосходно.

И даже сверх ожиданий.

Воздух сгустился. Но вместо обычных тотемических духов в коридоре появилась очень крупная, лохматая, ярко-рыжая белка с такими бешеными глазами, что все вздрогнули.

Сам Трататоск, беличий бог. Великий и могущественный. Властелин белок серых, красных, черных, пальмовых, огненных, королевских и самых редких – императорских.

А еще у него жутко дурной нрав, он ленив, раздражителен и вечно всем недоволен. Джиданна никогда раньше его не призывала, да и сегодня делать это не собиралась. Просто маны

оказалось чересчур много, так что явился сам верховный тотем, а не кто-то из его прислужников.

И по праву осуществленного призыва, по праву связи с фамиллиаром Джиданна имела право на одну просьбу.

- Порви их всех, – попросила она. – Пожалуйста.

Трататоск застрекотал, обнажая передние резцы. Желтые, длиннющие. Это выглядело бы устрашающе... будь он величиной хотя бы с собаку. Но Трататоск был белкой, хотя и очень крупной.

Немтыри, тем не менее, на несколько секунд замерли. Видно, хозяйка их приостановила – разглядывала их глазами новую опасность... интересно, способна ли она видеть хотя бы так, опосредованно? Тоже ведь хобий, судя по имени.

Замешательство длилось недолго. Немтыри почти сразу снова двинулись вперед, двое подняли самострелы... но тут Трататоск сместился. Коридор озарился ярким светом.

И немтыри просто рассыпались. Все. Тотем-белка замелькал, как молния, и в долю секунды уничтожил всех.

А их волшебница испуганно завизжала. И бросилась врассыпную. Сразу семь ее копий разбежались в разные стороны.

То ли создала шесть фальшивок, то ли сама распределилась между семью полунастоящими. Адепты Вакуумада могут и такое.

Трататоск издал злобный стрекот и... тоже разделился на целую ораву белок. Как при Дублировании, только вместо обычных белок – тотемы. Бесчисленные копии великого Трататоска, которые погнались за копиями хобийской чародейки.

Через несколько секунд раздался отчаянный вопль. Мигом спустя – еще один. И еще. Крики становились все глуше – и седьмого вовсе никто не услышал.

Последняя копия успела убежать слишком далеко.

- Боги милосердные, дочь моя, что за порождение Паргорона ты призвала? – всплеснул руками Дрекозиус.

- Это просто Трататоск, - ответила Джиданна. – Бог всех белок. У него сволочной нрав.

- А не убьет ли он и нашего доброго Мектига? – обеспокоился Дрекозиус.

- Возможно. Пошли проверим.

Они нашли Мектига в одном из коридоров. Тот сидел с окровавленным лбом и злобно цокал на Трататоска. Тот недоуменно обнюхивал громилу.

- Благодарю за помощь, о великий Трататоск, - почтительно поклонилась Джиданна. – Да будут всегда полны твои закрома. Прошу, не трогай моего друга.

- Этот лемминг – твой друг? – фыркнул беличий бог. – Лемминги не могут быть ничьими друзьями. Это безумные

кровожадные твари. Будь с ним осторожна.

Сказав это, он растворился в воздухе. Вернулся в Шиасс, на тот астральный план, где обитают тотемы и другие низшие божества.

Мектига общими усилиями привели в себя и вылечили рассаженный лоб. Не найдя скалы, чтобы с нее спрыгнуть, он просто бился обо все стены. Но трехминутный сеанс с Леди Белкой затянул раны, и Мектиг стиснул ладонь Джиданны.

- Спасибо, - глухо произнес он.

- Не за что, - с легким удивлением ответила волшебница.

Ей не понравились слова Кантовалы насчет магиоза. Она ведь действительно только что нарушила закон с помощью волшебства. Призвала низшее божество для убийства волшебницы на правительственной службе. Это довольно тяжкая провинность, за это почти гарантирована Карцерика.

С другой стороны... Джиданна сейчас работает на Яминию. Государство, с которым наниматель покойной Кантовалы находится в состоянии войны. А волшебники имеют право участвовать в войнах как частные лица. И хотя ей не давали прямого задания проникнуть в тюрьму и освободить цверга, имя которого Джиданна забыла, Яминия почти наверняка это одобрит.

Ну или нет.

После смерти охранной волшебницы нижний ярус опустел. Новых немтырей не появлялось, а живой стражи тут было всего ничего. Хобии вполне полагались на мэтресс Кантовалу – ее порождений нельзя было подкупить или разжалобить.

Еще лучше разве что конструкты, но в Подгорном Ханстве их не так много, субтермаги хобиев больше по строительству. Взрывы, вскопка, Каменная Паутина...

И все же Плацента оставался настороже. Он не верил своей удаче. Просперина никогда не улыбается полугоблинам.

Поэтому он ничуть не удивился, когда Дрекозиус наступил на капканную руну.

Вокруг нее пол чуть заметно вздыбливался. Для любого хобия это было как надпись огромными буквами: СТОП, ДАЛЬШЕ ЛОВУШКА. Кобольд с его чуткими ступнями тоже мог заметить. Но руну чертили не для них. Ее начертили именно на тот маловероятный случай, если сюда проникнет кто-то в обуви. Кто-то, не умеющий читать поверхность под ногами.

И когда Дрекозиус туда наступил, то словно влип в густую смолу. А где-то вдали зазвенел колокольчик.

- Сейчас сюда сбежится стража, - как-то даже удовлетворенно произнес Плацента.

- Полагаю, всю стражу здесь уже извел всемилостивейший

Трататоск, - возразил Дрекозиус, пытаясь выдернуть ногу. – А лифт на верхний ярус мы заблокировали, быстро они не спустятся. Но я согласен с тобой, сын мой, нам следует немедля предпринять что-нибудь для моего освобождения. Не поможет ли чем твое волшебство, дочь моя? Или, быть может, в Рваном Криабале сыщется чудесное средство?

- Да не, мы просто бросим тебя тут на кир, - гоготнул Плацента. – Пошли, чечпоки!

- Сын мой, я искренне восхищен твоим бесподобным чувством юмора! – рассмеялся Дрекозиус. – Я почти поверил, что ты и в самом деле бросишь меня здесь на погибель! Но все мы понимаем, что это просто веселая шутка, чтобы подбодрить меня в этой тяжелой ситуации, так что поспеши – окажи мне настоящую помощь, а не только лишь то, что порадует Йокрида!

- Тля, какой ты все же блеваный балабол, - закатил глаза Плацента. – Слышь, варвар, помоги святоше!

- Чем? – не понял Мектиг.

- Да ногу ему отруби, ярыть!

- Воистину твои шутки становятся все смешнее и смешнее, сын мой... – пробормотал Дрекозиус, с опаской глядя на топор Мектига.

Прибегать к нему не пришлось. Фырдуз, который все искал шанса вставить словечко, сказал, что в Рваном Криабале есть заклинание Освобождения, которое нужно как раз для таких ситуаций. Он быстренько его протараторил – и капканная руна просто растаяла.

- Спасибо тебе, благородный кобольд, - поблагодарил Дрекозиус. – Сегодня ты спас мою жизнь, и боги тебя обязательно за то вознаградят.

- Удобно, наверное, - сказала Джиданна. – Помогают тебе, а вознаграждают за это боги.

Дрекозиус хотел укоризненно что-то ответить, но не успел. Их окликнули из камеры напротив ловушки. К решетке прижалась заросшая бородой рожа – и она изумленно таращилась на Фырдуза.

- Кобольд?.. – недоверчиво спросил Брастомгруд. – Это ты самый, что ли?.. Фырдуз Ерге?..

- Ерке, - поправил Фырдуз. – Мир вам, ваше превосходство.

- Превосходительство, - поправил воевода. – Ничего себе... Тебя тоже поймали?.. а, нет, ты ж на свободе... а чего ты тут?..

- Отойди, - пробасил Мектиг, примериваясь к решетке.

Секира Рузульвета разрубила сталь, как трухлявую деревяшку.

Глава 25

3749 год до Н.Э.

В зале не было свободных мест. Зрительские скамьи кишели народом, и даже в проходах стояли индивиды. Тысячи глаз не могли оторваться от того, кто стоял внизу окованный цепями, а миллионы приникли по всему миру к проекристаллам. Даже сейчас не утративший гордой осанки, с расправленными плечами и по-прежнему дерзким взглядом, перед высшим имперским трибуналом стоял титан Аэтернус.

- Тишина в зале! – хрипло провозгласил император. – Тишина!..

В зале и так было тише, чем в гробнице. Но Громорокатрану все равно чудились какие-то шепотки, бормотание... недовольное?.. Ему кажется, или вон та женщина смотрит с неодобрением?.. А тот эльф – он просто так повернул голову или не желает смотреть на этот позор?..

Кто сказал «позор»?! Кто сказал... ах да, это он сам так подумал. А почему он так подумал?.. Нет-нет, прочь эти мысли, они тут ни к чему...

- Подсудимый, вы понимаете, в чем вас обвиняют? – обратился он к Аэтернусу.

- Подсудимый – это тот, кого судят, - проронил тот. – Но я не признаю тебя своим судьей.

- А придется!.. – рявкнул Громорокатран, вскакивая с кресла. – Придется!.. Тишина в зале, тишина!!!

Он опустился на место, тяжело дыша, и окинул зрителей злым взглядом. Интересно, сколько среди них изменников? Никому нельзя доверять, никому. Все чаще приходится лично возглавлять трибунал.

Прежние Колдующие Императоры этим не занимались. Не брали на себя судейские полномочия. Но Громорокатран объявил себя главой трибунала почти сразу после коронации. Решать судьбу государственных преступников должен глава государства.

Преступников оказалось на удивление много. Отец, двоюродный дед и прадед Громорокатрана были людьми мягкими. Попустительствовали тем, кому попускать нельзя. Позволяли копиться затаенным врагам. Вспомнить хоть бунт на площади Философов... ага!.. То-то же!

Но Громорокатран был слеплен из другого теста. Он сразу крепко взялся за штурвал – и вот уже двадцать пять лет ведет

империю к великим свершениям. В новую светлую эпоху.

Путь туда тернист. Врагов у империи оказалось очень много… коварных, лживых врагов, которых до Громорокатрана никто не замечал. Он начал с того, что создал новый орден великих чародеев – Серебряных Магов. Индивидов туда отбирал только лично, выбирал только самых преданных. Таких, что служили Колдующему Императору, как служат хозяину псы.

Еще он выстроил себе запасную столицу. Бриароген – город изумительной красоты, с древней историей… но он катастрофически плохо защищен. За последние триста лет его стирали с лица земли дважды – сначала титаны, потом демоны. Оба раза потом отстроили, но сколько сил на это ушло, сколько средств!..

И потому на свет появился Домурбис. Гигантский город-крепость, личная резиденция императора. Громорокатран распорядился соединить его с Бриарогеном прямым порталом – в случае нужды туда можно мгновенно эвакуировать все правительство, высшую аристократию и других достойных граждан.

Сам же Громорокатран создал Всевидящее Око. Может быть, он и не так всемогущ, как прадедушка, но тоже чего-то стоит. Этот артефакт – его личное творение, результат почти десятилетней работы. Даже у Бриара такого не было. С его помощью Громорокатран может заглянуть куда угодно, увидеть любой уголок Парифата.

И другого такого не будет. О нет. Это личное достояние Колдующего Императора. Громорокатран не собирался создавать второй такой артефакт и никому не раскрывал его секрета.

Именно благодаря Всевидящему Оку он убедился в том, что подозревал с детства – титаны на своем острове замышляют недоброе. Все их подчеркнутое дружелюбие, их кажущаяся прямота, их якобы неспособность лгать – просто хитрая маска.

Потому что если все это действительно так – почему Алмазный Рай скрыт какими-то чарами? Настолько мощными, что даже Всевидящее Око не может показать то, что там творится! Громорокатран много раз пытался увидеть в нем Аэтернуса, других титанов, сам остров… и никогда ничего!..

Он бы приказал начать вторжение давным-давно, в первые же годы правления… но тогда было слишком рано. Империя не была готова. Слишком свежа была война с Паргороном, Парифат не полностью еще оправился. Громорокатран хорошо знал историю и не собирался недооценивать титанов, как недооценила их когда-то республика.

Но когда закончилось строительство Домурбиса, когда в

горах Калладии появился секретный золотой фонд, когда на всех перекрестках встали Немые Стражи, а все лучшие волшебники стали Серебряными Магами... Громорокатран вызвал первого советника.

За последние четверть века их сменилось шестеро. Никак не получалось найти действительно достойного. Одни отправились в отставку по некомпетентности, других разоблачили как изменников.

Нынешний первый советник – Арикед Черный. Ограниченный тупица, честно говоря, но он умеет сражаться как никто, а сейчас это самое главное. Раньше он был военным советником, Громорокатран повысил его аккурат перед вторжением.

Конечно, когда война закончится, его надо будет подвинуть в сторону. Опасно давать кому-то так много власти. Тем более, что как волшебник Арикед почти не уступает Громорокатрану... покойный Камильф даже считал, что он его превосходит. Подумать только, что тогда всерьез обсуждалось, не возвести ли его на трон!..

Но пока что он нужен. Тот, кто одолел демолорда, справится и с высшим титаном.

Остальные шесть советников сейчас тоже все великие волшебники. Громорокатран не понимал своих славных предков, которые ставили на эти важнейшие посты кого попало. Малоодаренных и даже немогущих. По-настоящему великим всегда был только Камильф... но вот как раз его надо было удалить в первую очередь. Громорокатран не собирался терпеть подле трона того, кто собирался пресечь династию.

И он был прав. Вот он – успех. Стоит в цепях перед имперским трибуналом. Громорокатран совершил то, чего не удалось Парифатской республике в самом расцвете могущества. И предыдущим Колдующим Императорам тоже не удалось... что там, они даже не пытались!.. Предпочитали делать вид, будто им этого и не хочется совсем, будто титаны им очень нравятся... интересно, это хоть кого-то обманывало?

Титаны на поверку оказались не так уж грозны. Могучие создания, спору нет, но Громорокатран их перехитрил. Еще двенадцать лет назад предложил построить в Алмазном Раю портал, подключить его к общей сети. Бесплатно, в знак дружбы. Для развития торговли и культурного обмена.

И титаны позволили. Дурачье. Скорее всего, они сами рассчитывали потом воспользоваться порталом, думали явиться в самое сердце империи и снова его разрушить... но не тут-то было. Империя нанесла удар первой. Предупредила неизбежное нашествие.

Больше десяти лет Серебряные Маги изучали Алмазный Рай, ходили по нему под видом гостей, торговцев... а потом Громорокатран объявил войну. Медлить было нельзя, титаны – слишком страшные противники. Он бросил через портал весь цвет боевого волшебства, задействовал даже Криабалы и в предельно сжатые сроки обезвредил всех высших титанов.

Это была триумфальная победа. Волшебников пало немало, но титанов разбили в пух и прах. Арикед Черный сумел одолеть самого Аэтернуса... честно говоря, Арикед как-то даже чрезмерно силен. Сразу по окончании войны первый советник уйдет в отставку – а то еще возомнит о себе слишком много.

И Красный Криабал у него тоже следует изъять.

Громорокатран бросил на Арикеда быстрый взгляд. Вопреки своему прозвищу, тот был во всем красном. Раньше-то всегда одевался в черное, подражал Бриару Всемогущему, но изменил стиль, когда стал военным советником и хранителем Красного Криабала.

И в народе его тоже все чаще именуют Арикедом Красным. Громорокатран приглядывал за своими советниками, старался знать, чем те дышат, и ему было известно, что сейчас Арикед уже не так популярен, как четверть века назад, когда его прочили в императоры. Он по-прежнему непревзойденный волшебник, а после трагической гибели Майно Майяни вовсе не знает себе равных... но славят его уже не так усердно.

Интересно, почему? Потому что все-таки ушел в политику, от которой раньше старался держаться подальше? Или потому что слишком рьян в служении? В бытность военным советником Арикед возглавлял чистки неблагонадежных, и иногда его... заносило. Та бойня в двести шестьдесят девятом... после нее Громорокатран перестал встречаться с Арикедом наедине. Кажется, он предан своему императору, но никогда и ни в ком нельзя быть уверенным до конца...

- Встань, Аэтернус Агапетид! – велел Громорокатран.

- Я и так стою, - спокойно ответил титан. – Ты слаб глазами, смертный?

- Я... я вижу!.. – сверкнул глазами император. – Не смей мне дерзить, ты под высшим имперским трибуналом!

- Ты уже говорил это, смертный. Ты жалуешься еще и на память?

Громорокатран часто задышал. Ему стоило немалых усилий не сорваться на крик. В последнее время это вообще давалось все труднее – проклятая война сожгла все нервы. Она ведь все еще не закончилась – титаны разбежались по всему миру и наносят повсюду булавочные уколы.

- Я задам тебе один вопрос, Аэтернус Агапетид, - сдавленно произнес Громорокатран. – Почему ты так упорствуешь в своем отвержении закона?

- Я не признаю ваших законов, - сказал титан. – Лишь титанова правда стучит в моем сердце.

- Ты обязан их признавать теперь, когда вы стали частью империи! – вскричал Громорокатран. – Теперь законы империи – ваши законы!

- А если мы не хотим по ним жить? – спросил Аэтернус.

- Так не живите. Никто вас не заставляет… жить.

Аэтернус вздохнул, и цепи на его плечах зазвенели. Все невольно вздрогнули, кто-то ахнул. Слишком живо многим представилось, как титан освобождается, как вырастает до колоссальных размеров, как топчет здание суда…

Но этого не случилось. Громорокатран не начинал войну, пока не убедился, что полностью к ней готов. Эти цепи… о, кузнецы-чародеи потрудились на славу! Даже высшему титану их не разорвать!

- Однажды я уже был скован и стоял перед тем, кто претендовал на мировое господство, - негромко произнес Аэтернус. – Его звали Таштарагисом, и он говорил почти то же самое.

- Не сравнивай нас со Всерушителями, ты!.. – гневно крикнул Арикед.

- Даже не думал. Вы в сравнении с ними – блохи.

Зрители зашумели. Громорокатран закусил губу. Он специально устроил это показательное судилище. Хотел показать всему миру – вот некоронованный царь титанов, самый древний и могучий из них! На коленях! В цепях! Униженный и сломленный! Он никто перед Парифатской империей! Никто перед Колдующим Императором!

И он действительно в цепях. Но не на коленях. Не сломленный. А униженный ли… гром и молния, да Громорокатран скорее уж себя чувствовал униженным! Оплеванным и оскорбленным!

Надо заканчивать этот фарс. Титан не сломается. Этого горделивого выродка не сломали ни боги, ни демоны, ни хтонические чудовища. Зря его вообще сюда привели.

Надо просто поскорее его убить. Если не сработало показательное судилище – сработает показательная казнь. Только Громорокатран еще не определился со средством.

Можно применить Красный Криабал. Титанова Погибель – одно из ультимативных заклинаний Бриара.

Можно воспользоваться клинком из секретного фонда. Тем

древним оружием, для которого нет бессмертных.

Можно призвать палача из-за Кромки. Кого-то из Запретных.

Можно... хотя нет, к этому средству обращаться точно не стоит. Не время еще.

И для самой казни еще не время. Не время. Надо поскорее, но в данный момент плененный Аэтернус полезней казненного. Война с титанами заканчивается, Алмазный Рай захвачен... но она еще не закончилась. Многие еще сопротивляются, еще продолжают мелко и гнусно пакостить.

Но в то же время многие другие сопротивляться не смеют. Они боятся за своего царя. Да, титаны любят повторять, что у них нет царей, что Аэтернус – просто самый уважаемый член их общества, к которому все прислушиваются... но неужели они не понимают, что это и называется царем?! Кого они обманывают этой лицемерной игрой слов?! Разве что самих себя!

И пока Аэтернус в заложниках – две трети титанов сидят смирно и делают, что им скажут.

А когда империя расправится с непокорными...

- Уведите его! – приказал Громорокатран. – Возвращайся в свое узилище, Аэтернус Агапетид! И оставайся там, пока я, Колдующий Император Парифата, не решу твою судьбу!

Слишком напыщенно?.. Это прозвучало слишком напыщенно?.. Громорокатран с подозрением оглядел зрителей. Кажется, никто не смеется. Нет, они бы не посмели.

Но образ судилища сейчас плывет в эфире. Его слова плывут в эфире. Миллионы подданных сейчас видят и слышат его в своих проекристаллах.

Что если они смеются там, на своих диванах? Потешаются? Обсуждают, как нелепо выглядит их император?

Громорокатрана передернуло. Он почувствовал, что задыхается. Что шейный платок его душит, а кристальный венец сдавливает виски.

Больше всего на свете он боялся показаться смешным.

И некоторым он действительно казался смешным. Двадцать пять лет назад, когда Громорокатран только взошел на престол, его боготворили. Сын Абраксола, правнук Бриара, победитель Турнира Принцев... империя возлагала большие надежды на своего нового императора.

Они держались довольно долго. В первое десятилетие каждую реформу Громорокатрана встречали рукоплесканиями. Они казались многообещающими, да и народ привык полагаться на Колдующего Императора. Бриар, Хоризакул и Абраксол заложили огромный кредит доверия.

Но потом наступило второе десятилетие, и энтузиазм начал

спадать. А к началу третьего от него вообще мало что осталось. Все чаще и громче говорили, что золотой век империи кончился в день смерти Абраксола.

Когда Громорокатран спланировал захват Алмазного Рая и одним ударом победил титанов... это прибавило ему очков, что ж. Планета наконец-то стала полностью едина. Империя пережила сильную вспышку патриотизма, и целых полгода в Колдующего Императора снова верили.

Но потом опьянение схлынуло. Несмотря на оккупацию их острова и пленение их лидера, титаны продолжали сопротивляться.

Война не заканчивалась. Она длилась уже полтора года. Титанов становилось все меньше, но они не переставали напоминать о себе. И парифатцы все чаще вспоминали, что раньше они проблем не доставляли. Сидели спокойно на своем острове, никого не трогали, охотно принимали гостей... даже явились на помощь, когда на Парифат обрушились демоны...

А теперь они заклятые враги, и смиряться с неволей не желают.

Именно об этом сейчас размышляла сидящая перед проекристаллом девушка. Необычно высокая и крепкая, она однако ж вполне могла сойти за человека.

- Он не казнил его, видишь? – сказала сидящая рядом кобринка. – Я же тебе говорила. Он не посмеет.

- Сегодня не посмел, - ответила девушка, стискивая кулаки. – Завтра посмеет. Я освобожу его.

- Ты хотя бы представляешь, как охраняют императорскую тюрьму? Ты знаешь, сколько ваших уже полегло, пытаясь туда ворваться?

- И что с того?! – вскричала юная титанида. – Я не боюсь!

Кобринка закатила глаза. Ох уж эти титаны. Как сложно порой бывает с ними. В каком-то глубинном смысле они навсегда остаются детьми. Наивными и простодушными. Никогда не стареют и очень медленно взрослеют.

Вот эта девочка, Имрата Аэтернида... кто-нибудь поверит, что ей шестьдесят семь лет? Всего-то на пять лет младше ее, Свитарлины Омно. Но она при этом уже дважды бабушка и заслуженная волшебница, а Имрата... честно, Свитарлина не удивится, узнав, что та до сих пор играет в рыцарей и вампиров с другими титанятами.

Хотя меч у нее не деревянный. Свитарлина с легкой завистью смотрела на это изделие Макроденита, кузнеца титанов. Таким артефактом и боги бы не погнушались, пожалуй.

И вряд ли Имрату удастся остановить. Она слишком в ярости.

Каждый титан – как лед и пламя в безумном танце. Ради своей цели дойдет до края света, пробьет лбом стену, сгорит заживо в паргоронском пламени.

Такие уж они.

Да Свитарлина и не слишком Имрату отговаривала. Прекрасно понимала ее боль. В конце концов, у девочки убили мать, а отца держат в заточении. Ее саму тоже пытались схватить – как же, царевна титанов!.. – но ей удалось сбежать. Она несколько лун носилась по Парифату, как угорелая, а потом столкнулась с кем-то из Серебряных Магов. Этих душегубов, что упиваются смертями.

Свитарлина нашла Имрату бездыханной, покрытой ихором. А рядом валялся мертвец в посеребренной шляпе. Титанида все-таки победила, хотя противник достался очень нелегкий.

Выдавать ее Свитарлина не собиралась. О нет, дорогие мои, только не она. Чистка двести шестьдесят девятого года забрала у нее мужа и сына. Она не забыла и не простила. И хотя титаны Свитарлине никогда особо не нравились, нынешний человек-император нравился ей гораздо меньше.

Кобринам вообще нерадостно живется в этой бескрайней Парифатской империи. Они не сумели выговорить себе тех привилегий, что получили эльфы. И им периодически напоминают, что когда-то кобрины служили Всерушителям. Когда-то кобрины правили восемью континентами. Когда-то кобрины держали людей в рабстве. Когда-то кобрины создали вампиров.

Да, все это когда-то было. Это чистая правда... кроме вампиров. Это просто змеиное дерьмо. Идиотская врака, появившаяся потому, что вампиры не едят холоднокровных. Можно подумать, кобрины – единственные холоднокровные на планете!

Но все остальное – чистая правда. Когда-то это было. Но было очень и очень давно. Тысячи лет назад. И то, что это продолжают им поминать – по крайней мере несправедливо!

- Я навела справки, - молвила кобринка. – У меня еще остались друзья среди теплокровных. Завтра вечером твой отец покинет Домурбис. Его переведут в Бриароген. Специально для него там построили новую темницу... из какого-то особенного камня.

- В столице?.. – удивилась Имрата. – Но...

- В самом центре столицы, - подтвердила Свитарлина. – На площади Иллюзорных Цветов. Что-то вроде мавзолея, только заживо. Без еды, без воды, без воздуха.

Это Имрату не встревожило. Титаны могут сколько угодно не

есть, не пить и не дышать. Для них это просто мелкие неудобства.

Когда-то ее отец уже был в темнице. И не смертных, а Всерушителей. Провел там больше трехсот лет – без еды, без воды, без воздуха.

Но он освободился. Освободится и теперь.

И на следующий день Имрата уже неслась по крышам Бриарогена. Этого гигантского человеческого муравейника, кишащего также эльфами, гномами, цвергами, троллями, оградами, великанами, кобринами, страбарами, арахнидами, апинидами и тритонами. Двенадцать основных народов империи.

Как же их тут было много!.. Имрата перемещалась высоко над улицами, но даже здесь то и дело сталкивалась с апинидами, грифонами, летучими големами и парящими на собственной магии волшебниками. А уж внизу... у Имраты рябило в глазах от этих толп.

Она слишком привыкла к тишине и спокойствию Алмазного рая. Огромному цветущему острову, где никто никому не мешает. Где титаны общаются, лишь когда приходит желание пообщаться, а в остальное время созерцают красоту мироздания или размышляют о своем жребии. Где нет этих каменных и кристаллических коробок, в которых смертные прячутся от перемены погоды.

Имрату не замечали. Она очень маленькая для титаниды, и она в самом сердце столицы. Никто не ожидает увидеть титана просто на улице. Избегать надо только магов-зрителей, которые с одного взгляда понимают, кто перед ними. Обычные тоже распознают, если приглядятся, вчитаются в ауру... но они же не вчитываются в каждого прохожего.

Здания становились все выше. Все реже встречался камень, и все чаще – кристалл. Разноцветные переливающиеся здания, изломанные в пространстве. Тонкие снаружи, но очень просторные внутри. Вместо плоских крыш у них были округлые купола или острые шпили – и прыгать приходилось все точнее. Имрата жалела, что еще не научилась летать.

Но вниз она спускаться не собиралась. Это человеческий город. На каждом перекрестке стоят Немые Стражи. Они похожи на обычные каменные столбы с вертящимися головами, но это страшной мощи охранные големы. Связанные в астральную сеть, они знают всех преступников. Всех врагов человеческого императора. Стоит Немому Стражу увидеть такого – и он сразу его парализует, а особо опасных – испепеляет.

Добравшись до императорского дворца, Имрата почти три часа просто смотрела на него с кристального шпиля. Она пыталась понять, зачем одному человеку, пусть даже он

император, такой громадный дом. Зачем ему столько слуг – ведь он великий волшебник, он может щелчком пальцев получить, что захочет.

Смертные. Они странные.

Сказать, что императорский дворец хорошо охранялся – не сказать ничего вообще. Даже титану невозможно и близко подойти к этой окутанной чарами громаде. Еще буквально два шага – и Имрата пересечет незримую линию. Она знала, что с ней тогда случится – многие титаны уже пытались.

Волшебница кобринов, что прятала Имрату в своем доме, не пошла ей помогать. Она тоже ненавидела человеческого императора, но еще она его боялась. Не хотела умереть в мучениях, как ее муж и сын. Даже попросила Имрату обещать, что та не расскажет о ней, если ее схватят. Имрата обещала – и кобринка знала, что титан скорее умрет, чем не сдержит слова.

Но хоть она и не пошла помогать, зато дала полезный совет. Дождаться пересменки. Императорский дворец – это не Домурбис, он расположен в центре столицы. Он не может ощетиниться смертоносными проклятиями – всегда нужно учитывать случайного зеваку. Дворец ежедневно посещают тысячи индивидов.

И потому вся эта система охранных чар, сторожевых големов и духов-хранителей управляется живыми волшебниками. Каждый отвечает за свой сектор и дежурят они посменно. А на стыке смен, когда один выходит из транса, а другой входит...

Это длится пару секунд. Чуть дольше, чем одно крепкое рукопожатие. Но если знать точное расписание и границы секторов, если уметь двигаться быстрее молнии...

Свитарлина знала расписание только для одного сектора и только на один день в декаде. Сегодняшний. Если у Имраты не получится сегодня – снова ждать еще десять дней.

А ждать еще десять дней нельзя ни в коем случае. Отца переводят сегодня. Портал между Домурбисом и Бриарогеном где-то там – в недрах дворца. Только там и есть шанс его перехватить. Отбить.

Охраны, конечно, будет невероятно много. В том числе волшебники, с которыми не совладать и титану. Но Имрате достаточно подобраться ближе и суметь освободить отца.

Как только Аэтернус сбросит цепи... о, эти смертные горько пожалеют! Они схватили его обманом и предательством! Сумели одолеть лишь потому, что он не ждал нападения! Потому что принял императора и его волшебников, как друзей!

Но смертные – не друзья и никогда ими не были. Они лгут. Они всегда лгут.

Особенно люди. Худшие из смертных. Самые из них слабые, самые ничтожные и короткоживущие – но каким-то образом сумевшие завладеть всем миром.

Имрата не отрывала взгляда от небесных часов. Переливающегося циферблата высоко в воздухе. Волшебники людей подвесили такие иллюзии над каждым городом. Ночами они еще и светятся, словно смертным мало луны и звезд.

И когда часы показали пятьдесят минут третьего полуденного часа, Имрата рванулась вперед. Она прыгнула со шпиля, словно на огромной пружине – и ускорила себя страшным усилием воли. Меч охватило пламенным ореолом, туника тоже запылала.

Имрата приземлилась на балконе и захлопала по бокам, чтобы погасить пламя. Ох уж эти человеческие обычаи, их нелепая привычка драпировать себя тканью. Имперцы странно смотрят на тех, кто ходит нагишом, вот и пришлось Имрате надеть тунику.

Впрочем, эта ткань довольно удобна. Магия эльфов, кажется. Да, от трения она воспламенилась, но легко погасла. А поврежденные места восстановятся сами собой, надо только немного подождать.

Но Имрата ждать не собиралась. Она побежала. Выхватила меч и побежала.

Она могла рассчитывать только на внезапность. Мгновенный натиск. Ее единственный шанс – очень быстро отыскать портал в Домурбис и очень быстро освободить отца.

И она мчалась живым вихрем. Не разбирая пути, круша статуи и колонны, которых во дворце оказалось пруд пруди. Взмахами меча испаряя охранных големов. Клинок Макроденита исторгал такой жар, что стены вокруг плавились.

Серебряный Маг!.. Имрата сразу узнала его по шляпе! Выдохнув, она толкнула воздух ладонью – и смертный отлетел назад. Титанида взмахнула мечом – и голова волшебника взорвалась.

Где-то наверху журчали голоса. Духи-сторожа заметили неладное. Имрата чувствовала будто касания невидимых ладошек. Потом вдруг словно укол раскаленной иглой – еще один волшебник!.. Боевое проклятье!.. И сильное, раз сумело причинить боль титану!..

Но мигом спустя Имрата повернулась и страшно закричала. Ее голос разбил стену и переломал кости человеку. А титанида тут же обернулась обратно и крутанула клинком – в залу вбежали еще волшебники.

Огнистый сполох разрезал их, как острое лезвие. Уцелел лишь один – успел прикрыться колдовским щитом. Стоя за

зеленоватым свечением, он сделал шаг к Имрате... и та прыгнула. Врезалась в щит ногами, перевернулась в воздухе и пронизала человека клинком. Тот вошел точно в темя и вышел между ног.

Имрата метнула его еще в какого-то человека... а, нет, это не человек. Слишком крупный. Огр?.. нет, полуогр. В Парифатской империи нередки смешанные браки и довольно много метисов.

- Что вы здесь делаете?! – воскликнул полуогр, сжимая кулак. Тот засветился белым. – Остановитесь!..

- Прочь! – крикнула Имрата, вонзая в волшебника клинок.

Тот захрипел, брызнул кровью изо рта... но не умер. Безволосый, очень толстый, ростом со взрослого титана, полуогр схватил Имрату лапищами – и ту словно пронизало молнией! Трясясь от боли, она продолжала вворачивать меч, но волшебник не умирал.

Некоторые из них страшно живучи!

И тогда Имрата саданула головой. Рванулась во всю титанову мощь – и нос полуогра вошел в череп.

Он упал, заливая пол кровью. Имрата освободилась, дернулась бежать дальше... но замерла.

Волшебник все еще был жив. И даже больше того – его лицо на глазах принимало прежнюю форму. Ладонь залезла под полу и вытащила книгу в белой обложке... не может быть!..

Имрата знала, что это такое. И пока полуогр не успел оправиться, пока не успел раскрыть Криабал, она сама за него схватилась.

Волшебник судорожно вцепился в книгу. Его губы зашевелились – стал нашептывать заклинание. Во рту полуогра пузырилась кровь.

Имрата дернула сильнее. Она слишком хорошо усвоила, насколько велика мощь Криабалов. Своими глазами видела, как тот плешивый маг с красной книгой произнес несколько слов, и ее мать упала замертво. Титанида Айона, жена Аэтернуса, была из нашедших жребий и повелевала самим океаном... но одно-единственное заклятие убило ее наповал.

Эта не та книга. Не Красный Криабал, а Белый. Но он не менее ценен. Возможно даже... на миг сердце Имраты забилось быстрее.

Ведь Белый Криабал может воскрешать мертвых.

Волшебник успел дочитать заклинание. Все раны на его теле мгновенно исцелились, и он воспрянул сильней, чем прежде. Клинок титанов со звоном упал на пол.

Но мигом спустя Имрата вырвала Криабал. Схватила его – и отпрыгнула.

- Верни немедленно! – воскликнул полуогр. – Я Нанган

Доггзан, социальный советник, я избранный хранитель Белого Криабала!.. Ты не смеешь!..

Слова он подкрепил заклинанием. Стиснул резко пальцы, метнул в Имрату что-то невидимое… и та невольно дернулась.

Но в этот раз не было боли. Не было окутавшей тело молнии. Не было вообще ничего.

Похоже, не так уж силен этот смертный без Криабала!

И Имрата всадила в него меч. Без раздумий. Без колебаний. Ее сердце очерствело за последний год, она больше не желала никого щадить.

Они бы ее не пощадили.

Обретя Белый Криабал, Имрата поверила в свою счастливую звезду. С ним к ней пришла и неслыханная удача. Она мчалась по коридорам, но не встречала никого, способного ее задержать. Волшебники теперь попадались только слабые – их заклинаний Имрата даже не чувствовала. В нее словно плескались родниковой водичкой.

Но их становилось все больше. Титанида толком не видела ничего, не слышала – такой хаос вокруг творился. Весь дворец уже знал, что она тут. Каждый смертный – от императорских советников до последнего метельщика.

Но ей продолжало несказанно везти. Вот прямо на голову обрушили потолок… но они хоть что-то вообще знают о титанах, эти смертные? Имрата просто отряхнулась и побежала дальше.

А когда вокруг вспыхнули руны, и ее замкнуло в сияющую клеть… что ж, это стало бы проблемой, не будь под ней самого обычного пола! Имрата просто крутанула мечом – и упала на этаж ниже!

Потом было еще какое-то серебристое облако – но и сквозь него титанида прорвалась. Кажется, смертные очень удивились – Имрата расслышала смутно их голоса.

После этого ее перестали атаковать. То ли она сумела тут всех перепугать, то ли ее завлекают в ловушку. Но она не хотела об этом думать. Слишком далеко зашла.

И пока она на гребне, пока удача не ушла – надо бежать дальше!

Один шанс. Ей нужен только один шанс. Она все поставила на эту единственную попытку. И…

…Она проломила очередную дверь. Ворвалась в очередной зал – и встретилась взглядом с худым, очень бледным человеком. Кажется, он только что поднялся с постели, хотя день давно перевалил за середину.

И она видела его раньше. Только вчера видела. В проекристалле. За тем высоким столом. В короне из сияющего

кристалла.

- Титан?! – вскрикнул Громорокатран. – В моей спальне?! Это какая-то шутка?!

Имрата тоже ахнула – но не остановилась. Напротив – ринулась еще быстрее. Со всего размаху ударила человеческого императора – и тот повалился, как куль с мукой. Титанида снова замахнулась, теперь мечом... но ее окатило огненным столбом.

Громорокатран опешил только на мгновение – и только потому пропустил первый удар. Титаны могут двигаться фантастически быстро.

Но он все-таки был Колдующим Императором. Удар, размазавший бы в кашу обычного человека, не оставил на нем даже синяка. Он просто упал – но тут же вскочил... и схватил вторженку в кинетический захват.

Попытался схватить. Титанида из него словно выскользнула. Громорокатран саданул по ней силовым импульсом – и тоже тщетно.

А ведь он вложил туда столько маны, что хватило бы раздробить скалу! Другим молодым титанам это заклинание крошило кости!

Но Имрата выстояла, хотя все тело ее сотряслось.

На секунду Громорокатран испугался. Неужели нашедшая жребий?! В таком юном возрасте?! Высшие титаны многократно превосходят обычных, их мощь может уходить куда-то в бесконечность... но тут он заметил книгу, что сжимала девчонка.

Белый Криабал. Гримуар Света. Он сам по себе дает регенерацию и защиту от вредоносной магии, достаточно просто за него держаться... а уж если ты при этом еще и титан...

Нанган!.. Тупица!.. Слабак!.. Рохля!.. Если он все еще жив, Громорокатран отдаст его под трибунал!

Впрочем, ничего страшного, защита Белого Криабала не абсолютна. Это вообще просто побочный эффект. А Громорокатран еще до восхождения на трон взял за правило круглосуточно носить мягкий защитный экран. Мана тратится постоянно и кожа иногда зудит, зато причинить ему вред почти невозможно.

- Маленькая нахальная дрянь, - прошипел Громорокатран, глядя на титаниду-подростка снизу вверх. – Ты ворвалась в мой дворец, как раз когда я... как ты узнала, что сегодня я сплю здесь?! Кто тебе сказал?! Ты пришла убить меня?!

- Я пришла за своим отцом! – крикнула Имрата. – Где мой отец?! Я убью тебя, если не скажешь!

- О, какая хорошая дочь... – процедил Громорокатран, отступая за огромный стол. – Пришла спасать папочку... Ну-ну.

Ну-ну. На!..

Он резко сомкнул ладони. Имрата прыгнула на него рысью, но император шваркнул импульсом втрое мощней предыдущего. И в этот раз не помог даже Криабал – Имрату отбросило, стена за ее спиной разлетелась, меч выпал из руки...

- Я Колдующий Император, козявка! – рычал Громорокатран, продолжая кидать заклинания. Он кипел от возмущения. – Чтобы меня убить, таких как ты нужна сотня!

Имрата хотела сказать, что титаны никогда не нападают толпой на одного. Нет более презренной и подлой тактики. Так поступают только люди.

Но из ее рта вырвался только невнятный писк. Она стиснула покрепче Криабал – от него шло приятное тепло. Это будто придавало сил.

- Брось книгу! – раздался злобный крик.

Ладони Имрате обожгло страшным жаром. Громорокатран направил в них поток чистого пламени. Он колдовал прицельно, надеялся выбить Криабал из рук титаниды... но сам близко не подходил. Слишком хорошо знал, насколько это опасно.

Обычного злодея Громорокатран скрутил бы в бараний рог. Даже не убивая – просто парализовал бы взглядом, подчинил волю, превратил в маленького желтого цыпленка...

Но титаны, да и вообще любые бессмертные... они нечестные! Они играют не по правилам! Их гораздо труднее заколдовать!

Громорокатрану это с детства казалось несправедливым.

- Титанова правда!.. – сдавленно сказал он, обрушивая на Имрату потолок. – Титанова гордость!.. Я сыт этим по горло!.. Все сыты этим по горло!.. Вам просто слишком легко живется!.. Вам слишком легко далась ваша сила!.. Я всю жизнь работал над собой!.. Всю жизнь изучал волшебство!.. Всю жизнь корпел над книгами!.. А вы... вы такими просто рождаетесь!.. С рождения имеете то, что у нас имеют лишь самые достойные!..

Имрата толком не разбирала, что там кричит взбешенный смертный. Он упрекал ее в чем-то непонятном. Сердился на что-то, к чему она не имела отношения.

Смертные. Они странные. Лгут даже самим себе.

Тяжело им жить, наверное.

Но Имрата сама себе лгать не умела. И сейчас она слишком ясно видела – ее эскапада провалилась. Спасти отца надежды нет. Теперь она может только красиво погибнуть или... или отступить. Признать поражение и бежать.

Это не позор, если шансов на победу нет. Когда звери бегут от лесного пожара – никто не называет их трусами.

А она еще и с добычей. Заполучила Белый Криабал.

Прикончила одного из императорских советников. Поход был не напрасным.

Эти мысли пронеслись в голове Имраты за мгновение. Собравшись с силами, она разбросала обломки потолка, подхватила меч – и метнула его в Громорокатрана! Копьем чистого пламени пронесся титанов клинок – и вонзился человеку в бедро!

Колдующий Император истошно закричал. Закрутил руками, собирая мановые клубы. Но Имрата уже шатнулась назад, пинком отшвырнула случайный комод и прыгнула в распахнутое окно. Прижимая к груди книгу, титанида помчалась быстрей стрелы.

- Догна-а-ать!.. – взвыл Громорокатран, вытягивая меч из раны. – Пойма-а-ать!..

Он хлопнул в ладоши – и в спальне возникли четверо гвардейцев. Четверо элитных Серебряных Магов, лучших из лучших.

- Ва-ва-аше вели-и-и!.. – протянул один, со страхом глядя на окровавленного императора.

- Схватите ее! – рявкнул Громорокатран, указывая в окно. – Не дайте уйти! Быстрее, увальни, быстрее!.. Верните Белый Криабал, не то все пойдете под суд!

Гвардейцы не стали терять зря время. Титанида почти исчезла из виду. Один Серебряный Маг подпрыгнул и заколыхался в воздухе ящероптицей, ноги второго закружились в мановой спирали, третий унесся в небо морозным вихрем, а четвертый просто исчез – и появился уже внизу, посреди улицы.

Эти догонят. Эти след не упустят. Громорокатран вскарабкался на оттоманку и тяжко задышал, сращивая рану.

А его еще спрашивают, почему он так остерегается титанов. Их клинки пробивают защитные экраны четвертой категории! Одной своей тупой силищей сводят на нет столетия Искусства! Все достижения парифатского волшебства!

- Оккур!.. – вскричал Громорокатран, снова хлопая в ладоши. – Оккур!..

Брат явился незамедлительно, но все же с задержкой. Не так быстро, как Серебряные Маги. Понятное дело – они-то одарены в полной степени, а он малоодаренный. Чуть выше немогущего, способен только на заклятия базисного уровня. Ему сложно откликаться на призыв, пусть даже Колдующего Императора.

- Ты звал меня, государь? – спросил Оккур, пристально глядя на брата.

Громорокатран не стал его поправлять. Он не был чужд демократичности и любил свою семью. Оккуру и другим принцам дозволялось звать своего императора просто государем, без

обязательного для всех прочих подданных титулования.

К тому же Оккур занимает важную должность. Он – Хранитель Криабалов. Будучи самым прямым потомком прадедушки Бриара, он унаследовал ту маленькую Сущность, что позволяет всегда знать, где эти Криабалы находятся.

- Слушай меня внимательно, - сказал Громорокатран, посылая в ногу расслабляющее тепло. – Эта маленькая титанова дрянь украла Белый Криабал. Ну... ты должен уже знать...

- Я знаю, - кивнул Оккур. – У меня было видение.

- Хорошо. Когда у тебя будет следующее видение... когда ты увидишь, как Магех, или Турнаврон, или Таллея, или Но-Окти убьют ее и заберут Криабал, то немедленно... немедленно!.. придешь и расскажешь мне! В подробностях! Даже если я буду занят чем-то важным – прерывай! А лучше... хм, да. Запомнишь свое видение. В подробностях. А я буду его психозрить. Понял?

- Сложно не понять, - ровным голосом ответил Оккур.

- Хорошо. И что там с оглавлением? Где оно?

- Все там же, государь. В Паргороне. Я сообщу, если оно вдруг переместится.

Громорокатран стиснул кулаки. До этого ему, в общем-то, не было дела до оглавления и титульного листа. Сами по себе эти отдельные странички совершенно бесполезны, им не придавали значения. Сначала они валялись где-то у Хоризакула, потом у Абраксола, потом титульный лист отдали получившему почетную должность Оккуру... но не оглавление.

Оглавление пропало еще полвека назад, во время Четвертого Вторжения. Сразу после Великой Казни в опустошенный Бриароген хлынула целая орда бушуков во главе с демолордом Мараулом. Они грабили пустые дома, под метелочку выгребали все сколько-нибудь ценные артефакты, чародейские книги, реликвии, редкие ингредиенты. Никого из советников в городе не было, и сами Криабалы этим падальщикам не достались, но оглавление какой-то демон прибрал к рукам. И лишь удачей можно объяснить, что он не взял и титульный лист – то ли просто не заметил, то ли спугнули.

Дальнейшая судьба оглавления неизвестна. Оно сгинуло где-то в Паргороне и как минимум за последние четверть века владельцев не меняло. Видимо, валяется в одном из сундуков все того же бушука, среди прочего волшебного хлама, скопленного на черный день. Эти твари запасливы, как хомяки.

На пропажу оглавления тогда не обратили внимания. Гром и молния, кому было дело до никчемной бумажонки, когда демоны за один день убили десять миллионов парифатцев?! И только теперь, спустя полвека, в ней появилась какая-то нужда... но

попробуй сыщи ее теперь.

- Обязательно сообщи, если узнаешь что-нибудь, - наказал Громорокатран Оккуру. – Об оглавлении или о Белом Криабале. Впрочем... думаю, Криабал скоро вернут. Сегодня или завтра мои маги принесут и его, и голову этой титановой сопливки.

Но они не принесли. Ни Магех, ни Турнаврон, ни Таллея, ни Но-Окти больше не вернулись и не дали о себе знать. Поиски уже их самих ничего не дали – и их духи на призывы тоже не откликались.

А через три луны из плена бежал Аэтернус, война с титанами разгорелась с утроенной силой, и на долгое время все стали очень заняты...

Глава 26

Имрата бежала по зеленому лугу. Ноздри заполнял аромат свежих цветов, под ногами шелестела мокрая от росы трава. Уши ласкал стрекот кузнечиков и поющий высоко в небе жаворонок.

Алмазный Рай ничуть не изменился за тысячи лет. Она словно вернулась в беззаботное детство.

Хотя теперь он не Рай, конечно. Теперь он – Алмазный Бастион. Имрата видела высоко над головой легкое преломление, как будто дымку... гигантская невидимая стена. Неразрушимый купол, накрывший весь остров.

Прежде ничего подобного не было. Прежде небо не омрачалось ничем.

Нет, первое впечатление обмануло. Родной остров все-таки сильно изменился. То есть сам-то он остался прежним, но вот жители... Имрата почти не видела знакомых лиц. И ее почти никто не узнавал.

Ее не было пять тысячелетий. Огромный срок даже для бессмертного. Большая часть нынешних титанов родилась уже после ее исчезновения. И лишь некоторые, самые древние...

- Имрата?! – воскликнула златовласая титанида. – Это и вправду ты или у кого-то родилась девочка, ужасно похожая на мою подругу детства?!

- Латулла?! – обрадовалась Имрата. – О, как я рада, что ты жива!

Титаниды обнялись так, что вдавили друг друга в землю. Имрата в изумлении глядела на ту, что когда-то была ниже ее на голову. Латулла родилась на двадцать лет позже, Имрата заботилась о ней, как о младшей сестренке... но теперь она совсем взрослая, ей пятьдесят три столетия. Теперь уже она на голову выше Имраты и сама, возможно, давно имеет детей.

- Ты... ты как будто усохла, - недоверчиво произнесла Латулла. – Где ты была? Что с тобой произошло? Отчего ты так уменьшилась?

- Я не уменьшилась, - с досадой поправила Имрата. – Это ты подросла.

- Да?.. А почему ты совсем не выросла? Тебя держали в тесной комнате без еды? Имрата, мы тут все думали, что ты давно погибла.

- Да почти так и было...

Латулла стала в нетерпении расспрашивать, что же стряслось

такое с Имратой, где она провела такую бездну времени. Та спешила увидеться прежде всего с отцом, но Алмазный Бастион – очень большой остров. По дороге Имрата успела рассказать Латулле всю историю – с начала и до конца.

- ...Они гнались за мной много дней, - говорила юная титанида. – Четыре Серебряных Мага. Травили по всему миру. Я отрывалась от них, но они вновь настигали. Я бежала на юг, надеялась достигнуть нашего острова, но они мне не давали. Я несколько раз опускалась в морские глубины, но они преследовали меня и там.

- Сильны ли они были? – с беспокойством спрашивала Латулла.

- Один умел превращаться в любого зверя и птицу. Он всегда видел меня с воздуха, высматривал меня и вынюхивал. В воде становился клыкастым чудовищем, огромным рыбоящером. На суше преграждал путь в облике дракона. Другая повелевала энергиями, могла двигаться быстрее молнии и молнии же метала из рук. Я не могла остановиться, не могла отдохнуть, она все время опаляла меня отовсюду. Третий манипулировал пространством и временем, переносился в любое место, запутывал мне путь, менял местами верх и низ, лево и право. Четвертый же... он был сильнее всех. Владыка льдов. Именно он остался последним, и именно он заморозил меня на тысячи лет.

- Но ты оказалась сильнее! – крикнула Латулла, перепрыгивая через дерево.

- Я оказалась сильнее! – гордо ответила Имрата. – У меня не осталось меча, что подарил Макроденит, зато я добыла Белый Криабал! Серебряные Маги ранили меня много раз, но все раны заживали очень быстро! А многие их заклятия не действовали совсем! Их же собственное волшебство защищало меня! Они загнали меня на самый край света – туда, где вечные льды и холод, и не живет никто из смертных и бессмертных... там они поймали меня! Тот, что манипулировал пространством и временем, сотворил заклинание огромной силы, и наложил великие печати, чтобы никто не мог уйти, пока не спадут чары! Ни смертный, ни бессмертный, ни живой, ни мертвый!

- Они сами себя заперли вместе с тобой! – рассмеялась Латулла.

- Они зря это сделали, Латулла! – гордо кивнула Имрата. – Там я дала последний бой! В пути я урывками читала их Белый Криабал, и узнала многие заклинания, и стала применять их, Латулла! Я сделала себя еще сильнее!.. Еще быстрее!.. Я сделала себя летающей!.. Я сделала себя неуязвимой!.. Я сделала много чего еще! Я ни за что не стала бы прибегать к этому в честном

бою, но их было четверо, а я одна, и было только справедливо, что я уравняла шансы!

- Ты правильно решила, Имрата! – согласилась Латулла. – Но как же тогда они тебя одолели?

- Ты знаешь о волшебниках, Латулла? Одни из них теряются, даже если в них плюнуть, и ни на что не способны, когда чувствуют боль... но другие, наоборот, в смертельной агонии становятся во много раз сильнее! Этот четвертый Серебряный Маг остался последним, я и его почти победила, он уже обливался кровью... но на последнем вздохе он исторг последнее заклинание... и не помог даже Белый Криабал. Очнулась я уже через тысячи лет, когда меня щипал за все места какой-то уродец... знаешь, раньше я думала, что худшие из смертных – люди. Но потом я встретила гоблина. Латулла, когда на Парифате появились гоблины?

- Совсем недавно, всего полторы тысячи лет назад. Но они успели на диво широко распространиться.

- Воистину чем гаже существо, тем быстрее оно плодится. А многое ли изменилось за эти века в Алмазном Раю... Бастионе?.. Я еще не привыкла!

- Прежде всего, как ты уже заметила, у нас теперь Бастион! – воскликнула Латулла. – Мы окружены Алмазной Стеной! Она не в буквальном смысле алмазная, и ее почти не видно, но она там, и сквозь нее невозможно проникнуть!

- Что же, теперь титаны тоже сидят на острове безвылазно?! – ужаснулась Имрата.

- Сидели первые две тысячи лет! Потом Гальдар... ты же помнишь Гальдара?.. он нашел свой жребий в помощи смертным! Он оставил Алмазный Бастион – а следом стали оставлять и другие! Теперь у нас есть собственный абсолютный портал, Имрата! Мы сами его построили! Любой может в любую минуту отправиться в любое место мира!

- Да, я помню Гальдара... – медленно кивнула Имрата. – Он был совсем мальчишкой, ему было всего лет сорок... А теперь он гораздо старше меня, и у него жребий...

- Он погиб много веков назад, - покачала головой Латулла. – Но его жребий не пропал даром – у него остались последователи. У людей сейчас целый орден последователей Гальдара!

Имрата вздохнула. Люди подражают титанам. Ничего нового. Они даже говорят на титановой речи, называя ее парифатским языком.

- А как поживают другие из тех, кого я знала? – спросила она. – Как скоро окончилась война со смертными? Многие ли еще погибли?

- Я с трудом помню подробности, это было слишком давно! – крикнула Латулла. – Но я расскажу тебе о всех, о ком захочешь!

- Что сталось с кузнецом Макроденитом? – спросила Имрата. – Погиб ли он или все еще в здравии? Смертные рьяно охотились за ним, когда я... замерзла!

- Он в полном здравии! – порадовала ее Латулла. – Он здесь, в своей кузнице, и по-прежнему работает молотом! Попроси его – и он скует тебе новый меч, еще лучше прежнего!

- А что с твоим отцом, Диагроном? Жив ли он?

- Жив, но покинул Алмазный Бастион тысячи лет назад!

- Отчего так?! А как же его жребий?!

- Он не мог больше следовать ему здесь и ушел во внешний мир! Теперь он там следует своему жребию!

- Со смертными?! – ужаснулась Имрата. – Какой ужас! А жив ли Магеран? И Смордент?

- Оба погибли... – печально сказала Латулла. – Освободив остров, мы еще долго отбивали вторжение за вторжением, и погибли еще многие, пока твой отец не создал эту стену.

- А Такалата? – с надеждой спросила Имрата.

- Жива, но... она утратила себя. Вызверилась.

Имрата на секунду смолкла. Жаль погибших, но еще сильнее жаль озверевших. Горше их судьбы сложно придумать.

И она не стала даже спрашивать, что к тому привело. Такалата, старшая сестра Латуллы, в той войне потеряла мужа и двоих детей. Она ненавидела смертных, как никто. Если Имрата просто желала освободить отца, то Такалата убивала всех, кого видела, мстила с редкой беспощадностью... и, видимо, сожгла себя в этой ненависти.

- А как жил все эти годы мой отец? – промедлив, спросила она. – Я... я знаю уже, что он сотворил эту стену, но что было еще?

- Он искал тебя, - ответила Латулла. – Но твой след слишком затерялся, а война продолжалась, и для горя не было времени. Мы все решили, что ты погибла. Аэтернус долго нес траур, оплакивая тебя и твою мать, почти тысячу лет был одинок, но потом снова сошелся с одной титанидой.

- Я ее знаю?

- Нет. Она родилась через двести лет после твоей пропажи.

- А где она сейчас?

- Где-то на восточном побережье. Если хочешь, сходи к ней потом. Ее зовут Этра.

- У нее были дети?

- Да, один сын. У тебя есть младший брат, Имрата!.. но ты о нем не спрашивай. Мы о нем не говорим.

- Почему?

- Его изгнали… – неохотно сказала Латулла. – Очень давно…

- Он вызверился?!

- Нет… мы все так посчитали вначале, но… я не знаю… знаешь, мне кажется, он нашел жребий… но очень странный…

- Подожди. Его изгнали… из-за жребия?..

- Нет… он совершил… совершил такое, от чего от него все отвернулись… но потом… знаешь, потом оказалось, что все немного иначе… прости, спроси об этом лучше у своего отца, - с несчастным видом сказала Латулла. – Это была очень странная и запутанная история…

- А как его звали-то?

- Мы не называем его имени. Оно было предано забвению.

- Даже так, - изумленно глянула на подругу Имрата. – Я и впрямь многое пропустила… столько лет прошло…

- Да уж немало…

- А ты-то сама нашла жребий?

- Да, очень давно. Но у меня он маленький и скромный – создание семьи и забота о домашнем очаге. Я вырастила шестерых детей!

- Ты счастливая, - с легкой завистью сказала Имрата.

- Счастливая, - улыбнулась Латулла. – Но ты свой тоже наверняка найдешь.

- Надеюсь…

Когда-то Алмазный Бастион казался Имрате огромным. Когда-то он был для нее целым миром. И он действительно довольно велик – человеку понадобится дней десять, чтобы пересечь его с севера на юг или с запада на восток. И даже самая резвокрылая птица будет лететь несколько часов.

Но титаны быстрее людей. Быстрее птиц. Леса, холмы и речки мелькали, как спицы в колесе, и все ближе становилась гора – единственная в Алмазном Бастионе, а потому не имеющая имени.

На пути к ней Имрата и Латулла пробежали через Город Титанов. Как и прежде, здесь никто не жил – лишь несколько мальчишек играло в развалинах.

Эти древние строения возвели задолго до рождения Имраты и не здесь, а где-то за Кромкой, в совсем другом мире. Предки нынешних титанов явились на Парифат вместе со своим городом… впрочем, на самом деле это никакой не город. Чем это было когда-то, знают только Аэтернус, Макроденит, Дасталлит и другие старейшие, да и те лишь по рассказам отцов и матерей.

Имрата тоже в детстве играла в этих руинах. Сейчас она даже свернула чуток с прямого пути, пробежала каменными ступенями, что достигали исполинского пьедестала, где стояла белоснежная,

совсем не тронутая временем статуя. Агапет Предвечный, ее родной дед, легендарный предводитель титанов.

Чуть поодаль высились и другие статуи. Экольген Горевестник, Катимбер Могучий, Елегиаст Прозорливый, Рузульвет Свободный, Метерон Патриарх, Медеор Животворящий... Древние прародители, жившие в эпоху Легенд, до Ледника, до Тысячелетия Мрака... Те, что на равных дрались с богами и почти сумели их победить...

Их давно нет. Одних убили, других заточили в Хиард, третьих... третьи тоже ушли.

Эпоха титанов закончилась.

Было время когда-то на Парифате – правили им Всерушители, бессмертные порождения самого Хаоса. Долго правили. Но минула их эпоха – и наступила эпоха титанов. Они стали владыками Парифата – и тоже правили долго. Но минула и их эпоха – и наступило Тысячелетие Мрака. А когда оно закончилось, титаны уж не воспрянули. Другие стали Парифатом править – эльфы, кобрины, вампиры.

А потом их всех потеснили люди. Когда-то не более чем питомцы эльфов, они перестали от них зависеть. Когда-то не более чем рабы кобринов, они вырвались из-под их власти. Когда-то не более чем еда вампиров, они истребили их почти дочиста. И разрослась на всю планету Парифатская республика, ставшая потом империей. Наступила эпоха людей.

Имрата думала, что и ей суждено через какое-то время закончиться. Но вот – тысячи лет она провела замороженной, тысячи лет пролетели над Парифатом – а им по-прежнему правят люди. Пусть и нету больше империи, да и люди уже не те – но они по-прежнему главенствуют, и конца их эпохе не видно.

За Городом Титанов в небо уходила гора. Заросшая лесом, с плоской вершиной. Здесь Имрата рассталась с Латуллой – подруга осталась ждать внизу, не желая мешать воссоединению.

Отец сидел там, наверху. Словно и не было этих тысяч лет. Сомкнув вежды, Аэтернус Вечный медитировал в кольце мраморных колонн.

Но стоило подняться на гору Имрате, как он раскрыл глаза.

- Отец! – вскрикнула девочка – и мигом спустя уже была в крепких объятиях.

- Я был уверен, что ты погибла, - произнес Аэтернус, отпуская дочь.

- Я сама так думала.

Словно и не было этих тысяч лет. Имрата снова сидела на траве рядом с отцом, пила горячий чай и почти забывала о том, что известного ей мира давным-давно нет. Парифат по-прежнему

существует – но изменился до неузнаваемости. Ушел куда-то очень-очень далеко – а Имрата застряла где-то позади и теперь не знает, что делать дальше.

Ее отец нашел свой жребий много лет назад – в защите титанова рода. После гибели великого Агапета Аэтернус принял на себя его обязанности и не переставал с тех пор заботиться о каждом в Алмазном Бастионе. Каждый находил у него помощь и совет. Прозванный еще Алмазным Стражем, он окружил весь остров нерушимой стеной, создал непроницаемый барьер – но перестал остров покидать.

Однако Имрата уже понимала, что сама здесь надолго не останется. Что-то глубоко внутри звало, требовало встать, попрощаться с отцом и побежать к порталу. Вернуться во внешний мир, вернуться к незаконченным делам... хотя разве это ее дела? Разве ее касаются беды смертных?

Кошмарный Антикатисто не сунется к титанам, ему ненавистны только волшебники – а волшебники и Имрате ненавистны. Гнусный Бельзедор не перестает творить зло, но и от него страдают только смертные. А проклятого Колдующего Императора давно уж нет в живых, и даже все потомки его сошли в могилу.

Так почему не остаться? Не медитировать в тишине, веками размышляя о вечном? Не играть с собратьями в мудреные игры, не соревноваться в силе и быстроте? Не носиться просто по зеленым просторам, наслаждаясь необузданной титановой мощью и абсолютной свободой? Не жить чисто и спокойно, как живут все титаны?

Хотя этим Имрата наслаждаться уже не сможет. Она слишком хорошо узнала, насколько мал Алмазный Бастион в сравнении с остальным миром. Свобода, ограниченная одним-единственным островом, - никакая не абсолютная. И пусть ее более чем достаточно тем, чей жребий тих и безмятежен – в Имрате Аэтерниде бурлило что-то совсем иное.

Нет, она еще не нашла своего жребия. Когда он отыщется, то сразу станет ясен и понятен. Придет глубинное понимание того, кто она есть и к чему предназначена всемогущим роком.

Но это уже путь к нему. Она уже чувствует его. Уже нащупала. И чтобы убедиться, чтобы найти... ей нужно вернуться во внешний мир.

Аэтернус только кивнул, когда Имрата об этом сказала. Он все понял раньше нее. Налив дочери еще чаю из висящего рядом облака, отец произнес:

- Возможно, все к лучшему. Ты жива и сохранила себя – а это главное.

- Я не смогла тебя освободить… – прошептала Имрата.

- А я не смог тебя разыскать – так что мы квиты. Не всегда удается помочь тем, кого любишь.

- Но пытаться надо.

- Всегда.

Глава 27

Целых три дня Брастомгруд отсыпался и отъедался. Фырдуз не успевал читать заклинание Пищи, а белка Джиданны почти что свила гнездо у воеводы в бороде.

Сняв отдельный покой на постоялом дворе, искатели Криабала залегли на дно. Пережидали шумиху. После вторжения в тюрьму, убийства охранной волшебницы и побега одного из самых важных заключенных хобии как с цепи сорвались. По всему городу шли облавы, фискалы совали нос во все дыры, а стража объявила награду за любые сведения.

Содержатель «Ханского» был хобием жадным и не слишком принципиальным. За хорошую горсть золота он соглашался прятать даже государственных преступников. Но чтобы он вдруг не решил получить деньги и с тех, и с других, Фырдуз наложил на него Подчинение.

Конечно, снять его теперь будет невозможно, этого комментария в книге не хватает... но это не так уж и страшно, если вдуматься. Просто отныне трактирщик не сможет ни в чем ослушаться Фырдуза – но в остальном-то у него ничего не изменится. Велел вот кобольд не выдавать их страже и вообще никому про них не рассказывать – ну и он теперь точно не выдаст и не расскажет. А прикажет потом забыть о самом их существовании – забудет.

И будет дальше жить, как жил.

Остальные искатели Криабала после этого стали смотреть на Фырдуза как-то иначе. Настороженно, с подозрением. У всех четверых в голове крутилась неприятная мысль – а если и на них такое заклятие наложат? Незавидная судьба-то – вдруг стать послушным рабом какого-то кобольда. И не расколдуешься уже никак – Криабал ведь. Его не пересилить.

- Уверены ли мы, что можем полностью доверять этому доброму кобольду? – как бы невзначай спросил Дрекозиус, когда Фырдуз отлучился в отхожее место. – Не будет ли правильным подыскать Рваному Криабалу иного хранителя, более надежного?

- Согласна, отче, - кивнула Джиданна. – Но при условии, что это буду я.

- Какого кира, Джи-Джи?! – фыркнул Плацента. – Ты?! Тля, вы меня хоть режьте, а вам всем, пиордоу мальехосохосола, я...

- Мы тебя поняли, - поморщилась волшебница. – Но никому из вас я Криабал в руки тоже не дам.

- Да, - пробасил Мектиг.

Дрекозиус тяжко вздохнул, и разговор окончился ничем.

Увы, искатели Криабала хоть и прошли вместе огонь и воду, но так и не начали до конца друг другу доверять. Они не боялись, что Мектиг кого-то из них зарубит, Плацента – обкрадет, а Джиданна – заколдует, но вручать кому-то одному такой легкий и опасный инструмент все-таки не хотели.

- Эй, - подал голос с койки Брастомгруд. – Вы там. Идите-ка сюда.

Над воеводой навис Мектиг. К северу от его родного Свитьодинара лежит холодная гористая Арморея, населенная цвергами, так что этих карликов-бородачей дармаг знал неплохо. Даже прожил в их стране целую луну, когда сопровождал ездившего на торжество конунга.

Цверги. Мектиг... не ненавидел цвергов. Даже отчасти уважал.

- Что? – спросил он.

- Вы мне тут кобольда не обижайте, - пригрозил Брастомгруд. – Нечего. Тронете его – поплатитесь.

- У тебя даже оружия нет, - хмыкнул Плацента, подходя ближе. – Мы тебя только что из тюряги выволокли. Ты грязный, слабый и жалкий.

- И мы все тут друзья, никто здесь и не думает никого обижать, - улыбнулся Дрекозиус, сложив руки на животе. – Ты все неверно понял, добрый воевода.

- Все я понял. Особенно гоблина этого.

- Я полугоблин, тля! – взвизгнул Плацента.

- Наполовину гоблин – тоже гоблин, - пренебрежительно произнес Брастомгруд.

- Тише-тише, дети мои, - сказал Дрекозиус. – Давайте не шуметь и не ссориться. Будем крепко помнить, что враги наши – не здесь, не в этой комнате, но там, снаружи. Друг друга же давайте оберегать и заботиться, ровно о членах семьи.

- Да закройся ты, жирный глиномес, - сплюнул Плацента. – И где там этот киров крысеныш?! В дыру он провалился, что ли?!

Словно отвечая его словам, дверь скрипнула, и в комнату вошел Фырдуз. А с ним – еще двое. Другой кобольд и монах в багровой рясе.

- День становится все интереснее и интереснее, - приподнялся на локте Брастомгруд. – Это ваши друзья, надеюсь?

- Самые лучшие, - ответил новый кобольд, превращаясь в человека. – Вы и есть тот самый Брастомгруд? Я Танзен, магистр Метаморфозиса, а это брат Массено, из ордена Солнца. Кажется, у нас есть общие знакомые.

- Похоже на то, - уселся Брастомгруд. – Рассказали мне про вас. Когда меня обратно в Яминию переправите? Или сначала службу какую потребуете за спасение?

- Спасли вас не мы, а эти почтенные личности, - мотнул головой Танзен. – И, мне кажется, бескорыстно.

Искатели Криабала не возразили. Плацента хотел что-то вякнуть, но посмотрел на исхудавшего, оборванного воеводу... и махнул рукой. И так видно, что нет у него ничего ценного.

Нет, награда если и поступит, то от цвергских королей, а тут будет лучше, если они подумают, что Плацента ярыть какой благородный чечпок. Жирный святоша точно как-то так рассуждает – вон как заливается, убеждает табуретку, что любит его сильней, чем пожрать.

- Переправкой вас в Яминию тоже займутся они, - добавил Танзен, когда Дрекозиус наконец умолк. – Или не займутся – это уж как сами договоритесь. А мы просто заглянули узнать, как у вас дела.

- Загребись, - саркастично произнесла Джиданна. – Может, чайку выпьете? Раз уж заглянули.

Чайку гости выпили. Даже Массено пригубил, хотя от сахара отказался, и от сладкой карамели тоже. Хобии – сладкоежки, у них к чаю много лакомств полагается.

- Какие необычные леденцы, - сказала Джиданна, кладя в рот насеченную конфетку.

- Это засахаренная личинка пещерного таракана, - сказал Фырдуз, беря еще одну. – Я их обожаю.

- А, так вот это что, - спокойно произнесла волшебница. – Что ж, сейчас я немного внутренне умерла.

- Ты своих личинок есть будешь? – спросил Плацента, беря сразу горсть.

С появлением Танзена и Массено в комнате стало совсем тесно. Искатели Криабала сняли самый просторный покой в «Ханском», на пятерых... но сейчас сюда набилось аж восьмеро. И почти все – заметно крупнее хобиев.

Мектиг вообще спал на полу – все местные койки были ему коротки.

- Поздравляю вас с успешным освобождением мессира Брастомгруда, - кивнул Танзен, подливая себе в чай спирта. – Первоклассная работа. Призыв тотема во плоти, мэтресс Спецеял?.. Это уровень магистра. Вы не планируете поступать в магистратуру?

- Нет, - коротко ответила Джиданна.

- Почему?

- Нужно брать практикантов. Или преподавать. Мне неохота.

- Да она всю жизнь сидит в Пайнке и ни кира не делает, - фыркнул Плацента.

- Почему? – спросил Танзен. – У вас большой потенциал.

- Я училась по целевому, - пожала плечами Джиданна.

- А, то есть ваше обучение оплачивал город, – понял Танзен. – Понятно. Договор заключался с бургомистром?

- У нас нет бургомистра. С сообществом торговых гильдий. Они оплатили мое обучение, а я обязалась десять лет не покидать город и оказывать им услуги по сниженной ставке.

- Понятно. И когда истек срок договора?

- В прошлом году.

- Но вы по-прежнему оставались в Пайнке?

Джиданна только пожала плечами. Весь последний год она лениво размышляла, что неплохо было бы оставить эту промерзлую дыру, отправиться куда-нибудь, где ее таланты будут более востребованы... но дальше размышлений дело не шло. В Пайнке у нее хотя бы было бесплатное жилье, а скопить денег на переезд не получалось.

Брать в фамиллиары императорскую белку было серьезной ошибкой.

- Когда победим хобиев, приходи в Хасму, - подал голос Брастомгруд. – У нас как раз освободилась вакансия придворного волшебника.

- Спасибо, подумаю, - кивнула Джиданна.

Ей не очень улыбалось переселяться под землю, но там хотя бы не будет недостатка в драгоценных камнях и металлах. Где-где, а у цвергов этого в избытке.

И ее способности там будут более востребованы, чем в Пайнке.

- Ваше превосходительство, позвольте задать вопрос, - вежливо сказал Массено. – Когда вас доставили в Гаратак – вы видели ханшу?

- Как не видеть, если эта кротоматушка меня судила, - степенно ответил Брастомгруд. – Хотя как судила... просто приказала допрашивать, пока не выбьют все, что знаю, а сразу после казнить. Сидела там, пыхтела все, сопела.

- А это прекрасно, что вы ее видели, - улыбнулся Массено. – Понимаете, ваше превосходительство, нам с мэтром Танзеном крайне необходимо с ней повидаться. Пообщаться на некоторые интересующие нас темы. Но... у нас затруднение. Мы не можем попасть туда законным путем.

- И незаконным тоже, - добавил Танзен. – В ханском дворце охраны гораздо больше, повсюду драконит и короний. Ее союзник... м-да... он надежно обезопасил ее от волшебства. Даже

муха не пролетит... и я не в переносном смысле, к сожалению.

- Ясно, понял, - кивнул Брастомгруд. – А мне до этого какая печаль? С меня что нужно? Я в ханском дворце был-то разок всего, тайных ходов туда не знаю, секретных паролей тоже, друзей у меня среди тамошней охраны нет. Но за спасение спасибо, конечно.

- Просто наш общий знакомый, достопочтенный Фырдуз Ерке... – поманил кобольда пальцем Массено, - ...подсказал нам одно средство. В Рваном Криабале есть весьма полезное заклинание, которое называется Письмом. С его помощью можно переправлять адресату небольшие предметы.

- И что? – спросил Брастомгруд. – Вы ханше письмецо любовное черкануть решили? Или конфет коробку зашлете, отравленных? Не понимаю я, к чему вы ведете.

- План очень простой. Видите вот этот предмет? – показал голубой камень Массено. – Это так называемый кристалл Сакратида...

- Я знаю, что это такое, - перебил Брастомгруд. – Понимаю. Вы хотите подсунуть его ханше... а дальше?..

- А дальше уже наше дело, - сказал Танзен. – Вы поможете? Имя ханши нам известно, разумеется, но нужен кто-то, кто знает ее в лицо.

- В таком случае у вас проблемы, - усмехнулся воевода. – Я не знаю ее в лицо.

- Но вы же сами сказали...

- Я сказал, что видел ее. Но она все время была под чадрой.

Танзен и Массено немного помолчали. Они провели в Гаратаке несколько дней, и все это время пытались найти какой-нибудь портрет ханши или свести знакомство с кем-то из ее личных слуг. Но портреты в стране слепцов не пользуются популярностью, а подобраться к личным слугам ханши оказалось не проще, чем к ней самой.

- Предлагаю перейти к запасному плану, мэтр, - произнес Массено.

- Это будет труднее, - поджал губы Танзен. – Понадобится какой-нибудь важный хобий. Кто-то, свободно входящий во дворец... по крайней мере тайджи...

- Знаю одного такого, - неожиданно сказал Брастомгруд. – Могу даже его вам предоставить.

- Очень интересно, - повернулся к нему Танзен. – Кого и как?

- Придворного алхимика, Ворошилу. А как... да вашим же заклинанием. Этим... как его?..

- Письмом?..

- Да. Если сумеете отправить ему от меня весточку, он сюда

сам прибежит.

Брастомгруду принесли бумагу и чернила. Пачкая в них мозолистые пальцы, он не без труда накалякал:

«Вот я сбежал а тебе и невдомек как, крот вонючий. лутше ты сюда сам приходи, а то знаешь ханше-то не понравитца что ты ее грязеедина агентом зла прозывал. Не придешь сам севодня на «Ханский» к чорному ходу – то хуже будет я ей такоеже письмецо черкану и под слепые очи доставлю а она тебя упечет туда, откуда я сбежал. Прехади один. Брастомгруд Оркручигетхсторец, сын Дракметгара, сына Ордокхона»

- Прекрасный образец эпистолярного искусства, - сказал Танзен. – А теперь расскажите, как он это прочтет.

- Ах ты, ярыть, он же слепой!.. – спохватился Брастомгруд. – Забываю. Каждый раз забываю. Они так остро слышат и чуют, что и не поймешь иногда, что не видят ни дыры.

- Дыры-то они как раз видят, - поправил Массено, беря в руки бумажку. – Сейчас.

Остро отточенным пером он быстро-быстро стал прокалывать ее на концах букв. Будучи сам слепцом, пусть и одаренным Солнечным Зрением, Массено прекрасно владел рельефным письмом, которое пользуют хобии.

- Очень много грамматических ошибок, - заметил он, когда закончил.

- А нам эта грамматика без надобности, - проворчал Брастомгруд. – Мое дело простое, военное. Понятно же, что я написал? Ну и все.

Продырявленную в тысяче мест бумажку переправили адресату. Даже без помощи Брастомгруда – лицо Гугана-Гункаха Ворошилы Фырдуз и сам помнил преотлично. Хотя и удивился, что теперь он придворный алхимик – раньше-то повыше ходил, поближе к поверхности. А теперь эвона в какую глубину угодил, в самые низы.

Видать, за шпионский труд награды удостоился.

Прошел час. Потянулся второй. За ним третий. Мектиг и Плацента стерегли у черного хода – там, где толклись слуги, носильщики и наемники. Дармаг молча подпирал каменный столб, Плацента замаскировался под грязного нищего.

Гуган-Гунках Ворошила появился уже на исходе дневного времени. Когда почти все расползлись по норам, придворный алхимик показался из бокового туннеля. Он явно боялся встретить знакомых, поэтому обильно смазался вонючим маслом. Аромат шел такой, что даже Плаценту передернуло, зато никто из хобиев Ворошилу не узнает, пока тот молчит.

Видно было, что Ворошила не бедствует. Одет неброско, но

нарядно... по хобийским понятиям, конечно. Будучи слепы, они не могли оценить ярких красок и ладного покроя. Не нуждались и в теплых мехах, будучи сами покрыты природным. И потому хобии невеликого достатка разгуливали почти голышом, а вот богачи и знать носили кто бархат, кто шелк, а кто и паутинную ткань.

Эта последняя ценилась дороже всего – и именно в ней-то Ворошила и щеголял.

Плацента переместился к нему за спину почти сразу же. Полугоблин умел двигаться практически бесшумно, но хобии слышат, как ползет червяк. Ворошила резко обернулся и выставил жахатель... но его горло уже стиснула могучая рука. Сцапав алхимика, Мектиг слегка его придушил, и поволок к черному ходу.

- Он действительно пришел один, - сказал Танзен, принимая форму №67 (кобольд). Волшебник еще издали заприметил Ворошилу и следил за ним в форме №39 (муха). – Приведите его в сознание.

Когда алхимик пришел в себя и учуял Брастомгруда, то издал сдавленный звук и попытался снова вырубиться, но ему не позволили. А воевода ухмыльнулся и сказал:

- Мир тебе, крот.

- И тебе мир, - опасливо ответил Ворошила.

- Как дела? Помнишь, как мы тебя в канализации поймали?

- Помню.

- А помнишь, как я тебя на Военном Дворе допрашивал?

- Угу, как такое забудешь...

- А как мы потом тебя вокруг пальца обвели, чепухи тебе наговорили и ложный побег устроили? Эх, сколько воспоминаний...

- Да, весело было... – нервно подхихикнул хобий.

- Мы тебя снова поймали, крот, - резко посерьезнел Брастомгруд. – Но ты же знал, что в ловушку идешь? Не мог не знать. Я тебе в письме почти прямым текстом написал. Ты чего пришел?

- Как это – чего пришел?.. – растерялся Ворошила. – А мог не приходить, что ли?

- Дурак, - довольно произнес Брастомгруд. – Вот, господа, полюбуйтесь – перед вами дурак. Вот так они выглядят. Ученый хобий, алхимик – а все равно дурак.

- Хватит, достаточно, - перебил его Танзен. – Мэтр Ворошила, я задам вам несколько вопросов. Пожалуйста, отвечайте честно и не пытайтесь юлить.

Придворный алхимик и не пытался. Из дальнейшей беседы

выяснилось, что после завоевания Яминии он оказался в числе первых героев – получил орден, титул тайджи и высокую должность при дворе. Домой, в Гаратак, вернулся буквально на днях – и был жутко перепуган тем, что в тюрьме сидит живой и здоровый воевода Брастомгруд. Кто-кто, а он-то прекрасно знал, как на самом деле себя проявил в Яминии Гуган-Гунках Ворошила.

Расспросив кое-кого исподволь, алхимик узнал, что про него воевода ничего не сказал. Просто потому, что не спрашивали. Это его чуть-чуть успокоило… но только чуть-чуть. Пока Брастомгруд был жив – карьера и сама телесная целостность Ворошилы висели на волоске. Стоит ему раскрыть рот…

Но дата казни уже была назначена. Ворошила каждый день делал пометки в календаре. И был страшно разочарован, когда Брастомгруд в последний момент получил помилование.

А уж когда он сбежал… поначалу Ворошила запаниковал, хотел сам тоже бежать из страны, но потом раскинул мозгами и решил, что оно и к лучшему. Вот только теперь беглецу и дела – портить жизнь одному хобию из множества.

Как же он ошибался!

И получив волшебное письмо, он в первый момент едва не полез в петлю. Потом, чуть поразмыслив, хотел поспешить к ханше – броситься в ноги, рассказать ей все и молить о милости. Потом, еще чуть поразмыслив, хотел взять пару надежных хобиев, явиться с ними на место встречи и пристрелить Брастомгруда на месте.

Но он не сделал ни того, ни другого, ни третьего. Убивать себя было жалко, на милость ханши не стоило и надеяться, а взять на такое дело других хобиев – свою жизнь им вручить. Да и неизвестно, кто на этом условленном месте ждать будет – побег Брастомгруду явно непростые индивиды организовали.

Вот и пришел он действительно один. Надеялся, что воевода просто решил его шантажировать и удовольствуется кушем в золотой монете. Взял Ворошила с собой увесистый мешочек, но взял и жахатель.

Его монеты уже пересчитывал Плацента. Жахатель перекочевал к Брастомгруду. Он тут единственный умел палить из этой субтермагической пукалки. А Танзен, дослушав, велел Ворошиле встать смирно, положил руку ему на лоб и принялся считывать матрицу.

Через минуту в его копилке появилась форма №100 (хобий).

После шишечника на острове Хор-Ханк Танзен не добавлял новых форм. Да и до этого он за целых три года делал это лишь однажды – тоже в процессе обучения практиканта.

Чем больше становится форм, чем сильнее разрастается копилка, тем осмотрительней обычно волшебник выбирает новые. Это ведь не коллекция бабочек, которых можно накалывать на булавки, пока не надоест, все новых и новых. И даже не сервант с посудой, который пусть и ограничен в размерах, зато всегда можно убрать вазочку поплоше, заменив ее другой, более интересной.

Копилка форм метаморфа состоит из его собственной памяти. Хранится в глубинах разума. Добавлять новые формы очень непросто, но вымарывать их оттуда – сложнее стократ. Некоторые все же ухитряются, обращаясь обычно за помощью к мастерам психозрительства, но лучше все же сразу не засорять память теми формами, о которых потом будешь жалеть.

Никто ведь не знает, где его потолок. Нахватаешь так чего попало, а потом выпадет шанс получить действительно отличную форму – а уже все, не получается. Копилка переполнилась.

Танзен и без того жалел о некоторых своих формах. Откровенный мусор, но уже не избавишься.

Впрочем, хобий – это не мусор. Форма не самая ценная, но все же довольно полезная, особенно для работы под землей. Совершив контрольное превращение, волшебник замер и принялся водить рыльцем.

На него обрушилась бездна запахов, а звуки стали стократ громче и четче. Зато зрение резко погасло. Глаза словно завязали непроницаемой повязкой. Танзен дернулся в одну сторону, в другую. Ударился обо что-то мягкое – потом обо что-то жесткое. Едва не упал.

Потом внутреннее зрение начало распознавать ауры. Духовное восприятие взяло на себя функции заросших кожей глаз. Уже вскоре Танзен стал ориентироваться так же свободно, как в любой другой форме.

- Знаете, я хотел подобрать для формы №100 что-нибудь особенное, - с легкой грустинкой произнес волшебник. – Дракона, например. Не думал, что моим юбилейным образом станет... Ворошила.

- А что со мной не так?! – обиженно возопил хобий.

- Да все так, - отмахнулся Танзен. – Пойдемте, святой отец. И вы, сударь Фырдуз.

- Больше вам никто не потребуется, мэтр? – осведомился Дрекозиус. – Мы бы с радостью услужили вам и всей Мистерии в вашем лице...

- Воеводу разыскивают, хобии принюхиваются к любому цвергу, так что ему выходить нельзя. Ваши запахи им тоже могут быть известны. Мы бы и сударя Фырдуза брать не стали, но

Криабал может нам очень пригодиться. К тому же кому-то нужно стеречь нашего пленника.

- А зачем его стеречь, тля?.. – не понял Плацента. – Давайте его просто... чик-чик?..

- Это будет политическое убийство, - погрозил ему пальцем Танзен. – Мы здесь не за этим.

- Какое же оно политическое? – возразила Джиданна. – Это убийство из нежелания его стеречь.

- Убийство высокопоставленного тайджи – по определению политическое. Меня не касается то, что вы творите сами по себе, но участвовать в политическом убийстве я, как агент Кустодиана, не могу.

- А ты за дверь выйди, - предложил Плацента. – Подыши воздухом.

- Нет, - отказался Танзен. – Когда мы вернемся, Гуган-Гунках Ворошила должен быть жив, здоров и способен самостоятельно передвигаться. Надеюсь, я выразился ясно.

Мектиг издал утробное мычание, недобро глядя на Танзена. Но возражать не стал. Дармаг никого убивать и не собирался – он вообще не любил махать секирой бесплатно.

В новой форме №100 Танзен вошел в ханский дворец, как к себе домой. Его никто не остановил. Стража только повела рыльцами, почуяв запах человека и кобольда – но те были с придворным алхимиком, так что ему и слова не сказали.

Не всполошились и антимаги. Танзен уже был у ханского дворца, пытался пробраться в форме №37 (таракан) или №42 (невидимая собака), но кристаллы драконита начинали мерцать сразу же. Высшей степени очистки, этот минерал реагировал даже на пассивную метаморфозу. А попасть внутрь можно было только через главный вход – окон в подземных дворцах обычно не бывает, а этот еще и был пробуравлен в цельной скале.

Разумеется, сейчас драконит тоже среагировал. Но Танзен выдавал себя за алхимика. Не выпускника Мистерии, а субтермагического, но тем не менее полноправного волшебника. Никто не удивился, что на него реагирует драконит.

Очень удачно, что Танзену достался именно такой тайджи. Под любым другим обликом пришлось бы усложнять легенду, добавлять некую причину для реакции драконита... и с антимагами почти наверняка пришлось бы объясняться.

Но придворный алхимик буквально провонял магией. В его глубоких карманах могут скрываться самые разные артефакты и зелья. И антимагам это ненавистно, конечно, но они тут только гости. Почетные, уважаемые... но тронь они какого-нибудь тайджи – и ханская стража запыряет их пиками.

Фырдузу ориентироваться во дворце оказалось непросто. Даже глаза кобольда бесполезны там, где света нет вообще. Если в городе еще встречались то вкрапления коллегата, то светящиеся грибы, то просто лампы в кварталах нехобиев, то тут – кромешная тьма. Только изредка слуга-кобольд просеменит с глиняным каганцом – а потом опять мрак.

Так что Фырдуз крепко держался за руку Массено. Солнцегляд в свете не нуждался, хотя тоже шел медленно. Мешали низкие потолки, точку зрения приходилось наклонять самым причудливым образом.

Поэтому он не сумел в полной мере насладиться красотами ханского дворца. Тот был прорублен в классическом стиле начала четырнадцатого века. Хобии, всего-то двести лет назад объявившиеся под горами Джарии, принесли на новые земли искусство покинутой родины. Они не умели видеть, зато умели ценить прекрасное в отвлеченном. Они изрывали камень туннелями, испещряли сложной геометрической сеткой – и радовались полученному узору, каждый завиток в котором имел особый смысл.

Но для чужаков это были просто хаотичные темные норы. Даже обернувшийся хобием Танзен сосканировал лишь верхний слой мыслительного. Он двигался, как движутся хобии, он говорил на парифатском с тем же бубнящим акцентом и подсознательно понимал, когда и как нужно себя вести – но внутри он оставался все тем же человеком, и его раздражали бесчисленные тупики.

К счастью, пол и стены были снабжены указательной резьбой. Стрелочки, фигурки, значки. Фырдуз временами нашаривал их босой ступней, но не всегда понимал, что они означают. А вот Танзен в своей форме №100 читал их инстинктивно.

И шагал он почти так же уверенно, как если б был зрячим. Дело даже не в духовном восприятии – пробыв хобием пару часов, Танзен внезапно обнаружил, что их глаза – это не рудимент. Да, они заросли кожей и ничего не видят... но эта кожа настолько тонка, что глазные яблоки под ними получили новую функцию. Превратились в необычный орган осязания – Танзен ощущал ими легчайшие воздушные колебания и подсознательно понимал, где расположены проходы, каковы расстояния до стен и твердых объектов, какая у них форма и размеры.

Теперь понятно, как хобиям удается так метко стрелять.

Коридоры постепенно становились все шире, а потолки все выше. А в конце концов еще и забрезжил свет – повсюду мерцали гроздья коллегата. Танзен, Массено и Фырдуз пришли в огромный круглый зал. Здесь были длинные скамьи вдоль стен,

вырезанные из камня рожи с огромными ртами и несколько удивительно крупных и круглых хобиек – ханские фрейлины.

И только здесь их наконец остановили – важный, очень толстый и совершенно седой хобий. То был джинон – знатный вельможа, исполняющий обязанности камергера и церемониймейстера.

Куда более важная шишка, чем какой-то тайджи-алхимик.

- Стой, Гуган-Гунках, - сочным басом произнес он, ударяя об пол посохом. – Какое дело привело тебя к дверям ее величественности? Что за низшие рядом с тобой? Говори!

- Се есть нунций Космодана, великий Мазок-Топак, - с почтением произнес Танзен. – Он предъявил святую пайцзу.

Джинон неохотно вытянул руку, и Массено вложил в нее кулон с двойной спиралью. Старый хобий ощупывал ее очень долго и наконец заявил:

- Я не уверен, что это и правда пайцза нунция. Откуда ты знаешь, что это она? Ты держал ее в руках раньше?

- Нет, но я маг и могу отличить правду от лжи.

Здесь Танзен солгал. Гуган-Гунках Ворошила ничего подобного не мог, будучи волшебником чисто субтермагическим. Он умел смешивать порошки, делать алхимическую взрывчатку, варить кое-какие зелья – этим его таланты и исчерпывались.

- Я ручаюсь за сего низшего, великий, - сказал Танзен. – Я имел с ним продолжительную беседу и уверен в его добрых намерениях. Ручаюсь своей головой.

- Я не маг, но тоже могу отличить правду от лжи, - медленно произнес джинон. – И сейчас ты лжешь мне, Гуган-Гунках. Этот нунций уже встречался с зайсаном, мне известно. Ему обещали аудиенцию. Отчего он не ждет ее со всем терпением, как подобает просителю перед носом ее величественности? Отчего он здесь, прокрался с тобой во дворец, как вор?! Сегодня не приемный день, ханша отдыхает, и тебе это известно! Что ты скрываешь, Гуган-Гунках?! Отвечай!

Голос джинона нарастал. К концу тирады он гремел уже так, что эхо отражалось от сводов. Фырдуз испугался, что на этот крик сбегутся стражники... но внезапно джинон смолк.

Это Танзен перешел в форму №87. Хобий превратился в карташехена, паргоронского демона. К джинону метнулись тонкие щупальца, сдавили шею, стиснули крепко рыльце – и вельможа осел без сознания.

- Благодарю вас, великий Мазок-Топак! – громко объявил Танзен. – Спешите же, благочестивый нунций, мудрый джинон дозволяет вам пройти и увидеться с ханшей!

Фрейлины беспокойно завертели рыльцами. Пока они не

окликнули самого джинона, Танзен распахнул дверь и торопливо зашагал по тамбуру. Тот отделял зал ожидания от личных покоев ханши, и в конце его стояли два хобия с пиками и самострелами.

- К ее величественности, по личному дозволению Мазок-Топака, - спокойно произнес Танзен.

Его не остановили. Гуган-Гунках Ворошила уже бывал у ханши, стражники знали его запах. И они слышали слова Танзена, якобы обращенные к джинону.

Танзен выдохнул. На самом деле он ходил сейчас по краю бездны. Любой агент Кустодиана по рукам и ногам связан правилами. По-настоящему свободно действуем только в самой Мистерии, а в любой другой стране учитываем кучу ограничений. С одними государствами у Мистерии договор о полицейском сотрудничестве, с другими – только соглашение о выдаче магиозов, с третьими – всего лишь разрешение свободного передвижения, с четвертыми – полный запрет всего и вся.

Подгорное Ханство где-то между третьим и четвертым. Агентам Кустодиана не запрещено здесь находиться, но на этой территории Танзен – не более чем обычный иностранец. Гость страны, которого в любой момент могут вытурить. У него нет никаких полномочий, и если его раскроют и схватят, то могут преспокойно казнить как шпиона. Он, конечно, дернет «спасательный канат» и умчится, но сам факт здорово обострит международные отношения.

Кустодиан такого терпеть не может.

Но приходится идти на риск. Слишком уж многое поставлено на карту.

- Заприте дверь, - велел Танзен, войдя внутрь. – Готовь заклинание. Вы ее видите, святой отец?

- Да, - ответил Массено, поднимая руку. – И вы тоже. Она в постели.

- Паргороново пламя... – присвистнул Танзен, едва не отшатнувшись.

Он ожидал увидеть более или менее обычную женщину. Хобийскую, понятно – в половину человеческого роста, покрытую густым мягким мехом, с ушами-валиками, заросшими кожей глазами и длинным тонким рыльцем.

Но эта тварь... В пуховой постели, похожей на огромное птичье гнездо, возлежала громадная уродливая старуха. Вдвое больше человека и вчетверо больше нормального хобия, совершенно лысая, с крошащимися когтями, она походила на чудовищно раскормленную свинью. Стало понятно, почему часть коридоров во дворце такие широкие и с такими высокими потолками.

- Читай, - подтолкнул Фырдуза Танзен. – Пока не проснулась.

- Азамак тору асапак. Тору дакак. Декеда октиво ну, - торопливо произнес Фырдуз, раскрыв Рваный Криабал.

Ханша даже не вздрогнула. Продолжала спать, как спала. Но Танзен, перешедший в форму №67, подошел к ней и почесал брюхо специальной палкой, стоящей у стены. Ханша заворчала, заворочалась, издала непристойный звук и шумно повела носом.

- Кто здесь?.. – прорычала она. – Человек... кобольд... еще кобольд... где... кто...

- Лежи тихо и не зови стражу! – быстро приказал Фырдуз. – Отвечай на все наши вопросы!

Ханша шумно задышала. Заклинание Подчинения сковало ее прочней любых кандалов. В отличие от трактирщика, которого просто вежливо попросили никому ничего не рассказывать, она сразу догадалась, что ее зачаровали. Но сделать с этим ничего не могла, и потому лежала тихо.

- Ваша величественность, расскажите нам о вашем договоре с Антикатисто, - сразу попросил Массено.

Ханша хранила молчание. Гневно сопела и пыхтела, но ни слова не говорила.

- Ваша величественность, расскажите нам... – недоуменно повторил Массено.

- Не так, - перебил Танзен. – Святой отец, малыш приказал ей отвечать на вопросы, а никакого вопроса вы не задали. Она пользуется этой неточностью.

- Гхрюк!.. – злорадно фыркнула ханша. – Гхрюк, нхрю!..

- Рассказывай обо всем, о чем эти двое попросят тебя рассказать! – торопливо добавил Фырдуз. – Ничего не скрывай и ни о чем не умалчивай! Это мой приказ!

Теперь у ханши не осталось уловок. Крайне неохотно разомкнув пасть, гигантская старуха принялась излагать все, что знала об Антикатисто, Криабалах, чакровзрывателях и йоркзериях.

Не так уж много она знала, как выяснилось. Но все же кое-что новое сообщить сумела. Оказалось, что к хобиям и йоркзериям Антикатисто подбивал клинья давно. Задолго до того, как заново облекся в «плоть», снова предстал высшим элементалем Тьмы. Причем поначалу общался он только с йоркзериями – то ли сам явился к ним из Шиасса, то ли это как раз они сумели его призвать. Ханша не знала доподлинно – хобии к этой камарилье присоединились значительно позже.

Чего Антикатисто от них хотел? Не так уж и много. Йоркзерии вот помогали ему больше, всерьез, а у хобиев Антикасто попросил только одно – найти одну старую книжонку.

- Рваный Криабал, - шепнул Фырдуз.

- Его, его, - услышала чуткоухая ханша. – Он знал, что тот где-то здесь, Внизу... тут терялся его след после Валена... но... гхрррм... он не знал, где именно. Вот мы и договорились. Мы ищем для него книгу – он помогает нам... кхм... гхррм... хрю... помогает нам... хррр... овладеть всем Подгорьем!..

- А йоркзерии? – спросил Танзен.

- Им тоже... кхррр... тоже что-то пообещал, хр-хр... Поверхность, хех. Просторы Верхние, хех-хех. А знаете, почему он выбрал именно нас? Нас и этих мокриц? Кхех. Хе-хе. Ни за что не догадаетесь, кхрр!

- Смею предположить – из-за того, что вы слепые, - спокойно произнес Массено. – И вы, и йоркзерии. Соответственно, Криабалы для вас бесполезны, и Антикатисто мог не беспокоиться, что вы захотите оставить их себе или примените против него.

- Экий догадливый... – разочарованно протянула ханша. – Гхррр... кхе-кхе...

Танзен и Массено торопливо задали еще несколько вопросов. Время поджимало. Джинон вот-вот может прийти в себя – и придется либо бежать, либо вступать в открытый конфликт.

- Как Антикатисто вернулся к жизни? – спросил напоследок Массено.

- Да мне-то почем знать, хр-р?.. – фыркнула ханша. – Мы с ним чай не пили... кхрр... кхрюк!.. детей не растили!..

- А кто может знать? Йоркзерии?

- Йоркзерии... может быть... кхррр... антимаги... возможно... ррр-хррр... кхрюк!.. великий инквизитор еще, говорят... р-раа!.. а я что, я что, мое дело – сторона, я так... кхрююю!..

- А каковы его дальнейшие планы? – спросил Танзен. – Какова его цель?

- Хех... хех-хех... а уж до этого-то мне какое дело? Не знаю. Но коли... кхр-р... коли правду рассказывают о том, кто он... хр-р-р... есть... гхррм... то магов уничтожить. Всех. Ну да наших-то не тронет, чаю. А до остальных... гхррм... что мне за дело? Коли только наши маги останутся, то империя наша не только Внизу, но и Наверху распространится. Многократно. А вы... кхррююк!.. кххрррм!..

Ханша страшно закашлялась, захрипела. Она, похоже, была очень стара и чем-то хворала.

- Глупая баба, - не сдержался Танзен. – Ты в самом деле думаешь, что он истребит всех волшебников, кроме ваших?

- А даже если и наших тоже... пхрррр... у нас их наперечет, - фыркнула ханша. – Алхимики да субтермаги, да еще в Мистерии

кое-кто учился, кажется... пхррр... пхррр... А вот когда в мире не останется ни одного волшебника... хе-хе... ему... кхрююю!.. уи-и-и!.. хриии-и-и!.. и-и-и-и!..

Ее хрип стал совсем жутким, перешел в почти визжание. Из пасти потянулись ниточки слюны. Ворочаясь на своем ложе, ханша пыталась перевернуться на другой бок, но тело ее не слушалось.

А в дверь бешено застучали. Забарабанили. Заколотили. Из доставленного Сверху дерева, дверь эта выглядела экзотично для города хобиев – и это ухудшало ситуацию. Обычные металлические люки, которые тут ставят почти все, быстро не сломаешь – а эта хрустнула уже через несколько секунд. В трещинах показались кончики когтей – хобии ожесточенно пробивались к своей ханше.

- Уходим, - потребовал Танзен. – Сударь Фырдуз, возьмите нас за руки.

Кобольд растерянно приоткрыл рот. Пока монах и волшебник допрашивали ханшу, он напряженно размышлял, как бы этак приказать ей, чтобы она войну прекратила, Кобольдаланд и Яминию освободила, пленных всех на свободу отпустила... послушается ли?..

Не может не послушаться, на ней Подчинение. Но вот ее послушаются ли, если начнет такое приказывать? Сразу же поймут, что не по своей воле она это делает... да она и сама всем об этом расскажет, наверное. Значит, надо приказать, чтоб она еще и не рассказывала никому, и чтоб вид делала, будто это все ее собственные решения, а не волшебство Криабала...

- Сударь Фырдуз! – прикрикнул Танзен.

Одна из досок проломилась. С той стороны высунулась мохнатая морда... и самострел!.. Мифриловый болт с хрустом вошел в стену. Пролетел точно между Танзеном и Массено. Еще чуть-чуть – и дверь обрушат, а их стопчут.

- Маракурита орхара баста нуго! – торопливо произнес Фырдуз. – Иневорк зураба тека! Сото риаро, армеда хили!

Вспышка. Темнота. Покои ханши были освещены узором из коллегата – а здесь был обычный хобийский дом. Пустующий, кажется. Заклинание Побега переносит в безопасное место – можно не бояться, что окажешься там, откуда тут же снова придется спасаться. Хоть несколько минут на передышку точно есть.

Дом и впрямь оказался пустующим, да к тому же запертым снаружи. И потолки низкие – в способную выломать дверь форму не перейти. Но Массено снял повязку, рассеяв могильную тьму, и Фырдуз прочел из Криабала Освобождение. Оно открывало не

только магические запоры, но и тривиальные железные замки – просто расставь верно слова-переменные.

Уже через полчаса Танзен, Массено и Фырдуз вернулись в «Ханский». Заклинание забросило их не слишком далеко.

Искатели Криабала встретили их без интереса – они сидели вокруг стола и дулись в карты. Гуган-Гунках Ворошила играл с ними, хотя точно не мог видеть мастей и значений.

- Мы закончили, - объявил Танзен. – Возвращаем вам сударя Фырдуза.

- Мы сегодня же покидаем Гаратак и Подгорное Ханство, - добавил Массено. – И вам я рекомендую тоже здесь не задерживаться. Как только Антикатисто или антимаги расспросят ханшу, то узнают, что Рваный Криабал здесь. Это место для вас больше не безопасно.

- Ярыть!.. – вскочил Плацента. – Чё расселись, чечпоки?! Подымайте жопы! Уходим!

- А что нам делать с мэтром Ворошилой? – с беспокойством спросил Дрекозиус.

- Что угодно, но он должен остаться жив, - ответил Танзен. – Идеальным вариантом было бы стереть ему память, чтобы он никому про нас не рассказал, но я такого не умею, а Оркатти мертв. Как насчет вас, мэтресс?

- Никогда таким не занималась, - ответила Джиданна.

- И в Рваном Криабале таких заклинаний тоже нет, - извинился Фырдуз. – Но зато есть Подчинение! Можно приказать ему ничего не рассказывать...

- Эхма, что ж с вами поделать, - грузно поднялся Брастомгруд. – А ну, встань-ка вот сюда, крот. Сейчас я тебе память сотру.

- Это что у вас такое, воевода? – не понял Массено.

- А это инструмент для стирания памяти, - прицелился Брастомгруд.

- А с виду похож на обычную киянку, - заметила Джиданна.

- Это и есть обычная киянка. Но она хорошо стирает память.

От удара Ворошила истошно заорал. Шишка вздулась почти что на глазах, пролезла через густой мех.

- Ну что, крот, помнишь меня?! – грозно спросил Брастомгруд. – Кто я такой?!

- Воевода Брастомгруд... – всхлипнул хобий.

- Не получилось. Еще раз.

Он ударил повторно, и теперь Ворошила взвыл еще громче. Мектиг даже приоткрыл дверь – взглянуть, не услышал ли кто, не бежит ли сюда.

- Теперь помнишь, кто я такой?! – повторил Брастомгруд.

- Не помню, не помню! – завопил Ворошила. – Никого не помню! Ни тебя, ни вас всех!.. Кто вы, добрые индивиды?! Что я тут делаю?! Ничего не помню, вот персты, вообще ничего и никого!

- Отлично, сработало. И не забывай, что ты ничего не помнишь, а то я снова сотру тебе память.

Глава 28

Возвращение в Астучию вызвало у Массено смешанные чувства. После инцидента в Инквизитории монах покидал святой остров с тяжелым сердцем. Он сделал тогда, что должно было сделать, но обернулся против одного из прелатов, а церковь всегда должна оставаться единым монолитом.

Но теперь он снова здесь. Снова вышел из каменного портала и стоит там, куда уже не чаял воротиться.

Интересно, помнит ли его еще великий инквизитор? Затевает ли все еще недоброе или смирился, терпеливо ожидает, пока Массено сам сложит голову в розысках Антикатисто? Монах поднял точку зрения повыше и пристально оглядывал станцию – не затаился ли где еще один фанатик-шкар? Прежде сама мысль о таком показалась бы ему кощунственной, но теперь он уж не так беззаветно доверял церковным прелатам.

Об этом Массено поведал Танзену. Тот и сам прекрасно помнил свой побег от астучианской гвардии и не собирался покидать станцию в знакомой им форме.

К счастью, форм у него целая сотня. Можно выбрать на любой вкус. Что же до Массено...

- Возьмите, святой отец, - протянул ему жетон на веревочке волшебник. – Я купил парочку в ларьке, когда мы были в Мистерии.

- Что это? – спросил Массено, надевая жетон.

- Простейший маскировочный амулет, - ответил Танзен, тоже вешая такой себе на шею. – Элементарное заклинание Маскировки, самое базисное.

- Весьма полезно, - согласился Массено, рассматривая себя и волшебника сверху. – Но почему мы выглядим двумя идентичными старушками?

- Это вариант по умолчанию.

Впрочем, свой амулет Танзен все же снял и просто перешел в форму №31. Мэтр Паганотти всегда приходил на помощь, когда требовался безобидный, не вызывающий подозрений облик.

Теперь пришел черед Массено устраивать Танзену экскурсию. Конечно, тот уже посещал Астучию, как и Массено уже посещал Мистерию, но с сопровождающим из местных всегда можно узнать такое, чего ни за что бы не заметил в одиночку.

Например, Танзен никогда бы не подумал, что грязные оборванцы, прикованные у некоторых столбов – это не

преступники, отбывающие наказание, а совсем наоборот. Это благочестивые, пользующиеся огромным уважением монахи из ордена Цепи. Сами себя приковав, они ломают ключ и дают обет никогда более не сходить с этого места, весь остаток жизни посвятив молитве. Питаются они подаянием доброхотов, а если тех вдруг не оказывается – умирают с голоду.

Впрочем, Танзен ничуть не удивился, о таком узнав. Существует огромное количество севигистских орденов – жреческих, монашеских и духовно-воинских. Все они очень разные, и многие – очень причудливые. Севигистский клир постоянно ищет новые способы как-нибудь еще позаковыристей послужить своим богам. И Танзена всегда удивляло, отчего они вообще считают, что богов радует, когда кто-то приковывает себя к столбу или дает обет ходить задом наперед... такого ордена еще не существует, кажется, но это наверняка только вопрос времени.

- Давным-давно было решено, что церковь не должна закоснеть в узости и скудости взглядов, - ответил Массено, когда Танзен задал этот вопрос. – Мы не можем доподлинно знать, какой путь к просветлению наименее тернист. Посему церковь предлагает клиру и миру столько вариантов, чтобы хватило каждому.

- Мне известно, что у вас даже нет единого главы, - кивнул Танзен, следом за Массено поднимаясь в одухотворенную конку. – Но вообще-то это странно. Мистерию тоже возглавляет не король, а ученый совет, но у него все-таки есть председатель.

- И в церкви тоже. Духовенство возглавляют двадцать шесть понтификов, и первейший среди них – понтифик Космодана, как сам Космодан – первейший среди богов. Но, как и ваш председатель ученого совета, его святейшество не стоит над остальными понтификами, а всего лишь идет под номером один в общем расчете.

Это Танзен знал, конечно. Севигизму принадлежит процентов семьдесят Парифата, и такие уж вещи о нем знает каждый. Тем более агент Кустодиана.

- Да я о другом, - сказал он, глядя в окно конки. – Локателли все-таки не просто сидит на самом высоком стуле. Он многое решает и много чего делает. В совете его голос самый значимый. А понтифики... они же почти ни в чем и не участвуют. Насколько мне известно, у каждого из них есть свой маленький городок, и они просто там живут.

- Это так, - согласился Массено. – Понтифики – духовные лидеры, а не управляющие. Севигистский клир очень многочислен, мэтр Танзен, и каждый жрец сам знает, чем ему заниматься. Наша иерархия широко разветвлена, так что

администрирование равномерно распределено на великом множестве плеч. Во главе жречества всякой державы стоит иерофант, а большого города, провинции или микродержавы – епископ. У епископов есть помощники, видамы. К каждому храму прикреплен хотя бы один жрец. Если храм так велик, что один не справляется, то их несколько, а возглавляет их архижрец. Также всякий монашеский орден возглавляет архимандрит, а духовно-воинский – великий магистр. Во главе отдельного монастыря или общины стоит аббат, а духовно-воинского отделения – гроссмейстер...

- Святой отец, я топчу эту землю дольше шестидесяти лет, - поморщился Танзен. – Я знаю, как устроена ваша иерархия. Мой вопрос про другое. Понтифики не занимаются мирскими делами, я знаю. Ими занимаются их заместители, фламины...

- Да, это так, - подтвердил Массено. – Двадцать шесть фламинов Астучии. Они не имеют той святости, коей одарены понтифики, но именно они денно и нощно трудятся, руководя курией и всеми нами.

- Вот мы и пришли к реально полезной информации. Я именно насчет этого хотел кое-что уточнить. Понтификов избирают сами боги... ну, по крайней мере, у вас так считается...

- Это действительно так.

- Я не стану спорить, - поспешил сказать Танзен. – Не хочу прослыть еретиком. Но ведь фламинов выбирают иначе?.. Как именно? Я был здесь, когда выбрали нового фламина Космодана...

- Да, праведного Стетуллия.

- Именно. Как именно его выбрали? Как вообще проходит процедура выборов? Не просто же тыкают пальцем в первого попавшегося епископа?

- Иерофант-епископа, - поправил Массено. – Епископы, живущие в Астучии, именуются иерофант-епископами. У них не так много власти, как у полновластных иерофантов, зато именно они, как правило, занимают освобождающиеся места фламинов. А выборы проходят очень просто – после кончины одного из фламинов на внеочередное заседание собирается курия, а в Астучию прибывает понтифик скончавшегося. И они просто голосуют. Чтобы стать новым фламином, кандидату нужно получить либо голос понтифика и хотя бы половины курии, либо только курии, но уже всей, целиком. Хотя между нами говоря – это всегда не к добру, если фламина выбирают только фламины, противореча мнению понтифика. Избранные таким путем часто оставляют после себя дурную память, и среди них был в том числе антифламин Лексер, расколовший жрецов Солары,

провозгласивший себя первосвященником Солнца и уведший миллионы на ложный путь схизмы. Это очень трагичная история, мэтр.

- Ясно. Но что насчет великого инквизитора? Он где в этой системе?

- Он тоже из прелатов. Непосредственно под фламинами стоят нунции и камерарии. Нунции исполняют специальные поручения, а камерарии возглавляют канцелярские палаты.

- Такую, как Инквизиторий?

- Да. Причем Инквизиторий стоит особливо от остальных. Всякий камерарий облечен властью и его полномочия весьма велики, но большинство их занимается исключительно бумажной работой. Но Инквизиторий – иное дело. Он занимается внутренними расследованиями, ищет крамолу внутри самой церкви и преследует врагов севигизма. Поэтому по факту великий инквизитор приравнен к фламинам, а в чем-то их даже превосходит. Только понтифики полностью ему неподсудны, только их великий инквизитор не смеет тронуть даже пальцем.

- Значит, процедура предстоит нелегкая, - сумрачно произнес Танзен. – Хорошо, что вы нунций, святой отец. Меня одного там... не знаю, сожгут, наверное.

- Инквизиторий не осмелится сжечь агента Кустодиана, - возразил Массено. – Даже если вы совершите безусловное святотатство, вас только отправят в застенки и начнут переговоры с вашим руководством.

- Вы в самом деле так считаете, святой отец? – улыбнулся краями губ Танзен.

- А разве я в чем-то ошибаюсь? Просветите меня, будьте добры.

- Нет, официально оно и в самом деле так, вы правы, я не спорю... но... знаете, всегда есть какое-то «но»... Были случаи... как бы это получше выразиться... загадочных пропаж. Когда агент что-то расследовал, где-то пересекался с Инквизиторием... и исчезал. И с концами. А вам прекрасно известно, насколько сложно исчезнуть с концами, будучи агентом Кустодиана. Для такого нужно очень поднатореть в умении... устранять.

- Это только слухи и догадки или у вас есть хотя бы один пример... м-м... доподлинно известных фактов? – чуть суховато осведомился Массено.

- Только слухи и догадки, - честно признал Танзен. – Поэтому официальных обвинений никогда не выдвигалось. Но знаете, если Инквизиторий помогает Антикатисто...

- Не Инквизиторий, а только великий инквизитор, - поправил Массено. – Только один конкретный человек. Любой отдельный

индивид способен впасть в ересь или погрязнуть во тьме. Такое случалось и с фламинами, и даже с понтификами. И я обязан напомнить, что собственно Антикатисто когда-то считался одним из достойнейших волшебников.

- Не спорю. И я буду очень рад, если вы окажетесь правы. Но лично мне сомнительно, что великий инквизитор единолично трудился на Антикатисто. Он же не волшебник, он самый обычный человек, который силен лишь тем, что стоит во главе могущественной организации. Что он может без своих подручных?

- Не так уж много, - согласился Массено. – В этом вы правы, конечно. Но не забывайте, что великий инквизитор не обязан объяснять смысл своих приказов. Он прелат. Он может просто повелеть – и повеление будет исполнено точь-в-точь. И когда он приказал арестовать меня, то его подручные не сделали этого, ибо я нунций, а нунций не подсуден никому, кроме своего фламина и понтификов. Следовательно, они не его преступные соучастники, а по-прежнему преданные сыны церкви.

- Надеюсь, что так. Давайте это выясним, святой отец.

Конка приехала на Богоугодную улицу. Здесь вздымался храм Часкета, бога-паука, и стоял прецепторий ордена Осы, рыцарственных служительниц Венаты. А между ними – скромный, неприметный переулок, в конце которого притулилось скромное, неприметное здание.

Инквизиторий. И Массено, и Танзен уже бывали здесь прежде. Уже встречались с великим инквизитором – и оба расстались с ним на плохой ноте. Разве что Массено ушел все-таки сам, по доброй воле, а Танзен бежал, едва не расставшись с жизнью.

И сейчас они стояли напротив входа и обсуждали, войти ли им открыто, предъявив пайцзу нунция, или же попытаться проникнуть тайком. Массено, чуждый кривых путей, стоял за первое, Танзен придерживался второго.

Но вскоре оказалось, что выбора у них и нет. В переулке, до того пустынном, вдруг стало прибывать народу. Вот один прохожий словно невзначай остановился поправить чулок, вот к нему подошел второй, они стали беседовать. Подъехала карета, из нее вышли четверо, и трое вошли в Инквизиторий, но один остался у колес, будто просто возница, который ожидает возвращения седоков.

Агенты Инквизитория знали свое дело. Первую минуту ни волшебник, ни монах даже и не замечали, что их уже обнаружили и потихоньку окружают. На них ведь никто не смотрел, все вели себя более чем естественно.

А потом бросились все разом.

Обращаться с волшебниками инквизиторы умели не хуже антимагов. Танзен успел среагировать, начал переходить в другую форму – но мигом спустя шею захлестнул аркан. Прошитый кориевой проволокой, он резко сделал волшебство чем-то тяжелым, почти недоступным. Танзен дернулся, но за руки его уже схватили два дюжих сбира.

Массено задержали и того легче. Худощавый сутулый инквизитор просто подошел и попросил не оказывать сопротивления.

- Я нунций Космодана, брат, - снял маскировочный амулет Массено. – Понимаю, что мой внешний вид может ввести в заблуждение...

- Мы знаем, кто вы, брат Массено, - прервал его инквизитор. – Мы давно вас ожидаем. Пройдемте, именем божьим.

Их доставили сразу к великому инквизитору. Не так уж и много времени прошло со дня прошлой встречи, но святой старец как будто еще сильней состарился. Плечи прелата согнулись под грузом забот, лицо осунулось, глаза совсем выцвели.

- Брат Массено, - чуть слышным шепотом произнес он. – Я знал, что рано или поздно увижу тебя снова.

- Жаль, что при таких обстоятельствах, ваше благочестие, - почти так же тихо ответил монах. – Не могли бы вы освободить моего спутника? Я даю слово, что он не совершит ничего непотребного.

Великий инквизитор слабо усмехнулся и кивнул сбирам. Те отпустили Танзена и даже сняли кориевый аркан. Волшебник потер руки – заломили их довольно жестко.

- Как вы узнали? – спросил Массено.

- Да так, прибегал тут маленький зайчик, приносил березовый листочек... я много чего знаю, брат Массено. Твой спутник не хочет представиться?

- Жотак Паганотти, к вашим услугам, - насмешливо произнес Танзен. – Натуралист и естествоиспытатель. На Астучии по личным делам, охочусь на редких бабочек. Говорят, у вас тут где-то красный кавалер водится?.. У меня в коллекции его как раз недостает.

Эта тирада великого инквизитора ни на секунду не обманула. Он выдержал долгую паузу, постукивая по столу пальцами, разомкнул пергаментные губы и произнес:

- Я мог бы просто убрать вас обоих. Заставить исчезнуть. В этот раз я подготовился, и вам не удастся ни сбежать, ни заморочить легковерных этой фальшивой пайцзой.

- Она не фальшивая... – заговорил Массено, но великий

инквизитор поднял сухонькую ладонь.

- Я не стану этого делать, - сказал он. – История получила слишком большой резонанс. В игру вступили такие значительные фигуры, что ваше исчезновение не сможет пройти бесследно. Известно ли тебе, что тобой интересовался его высокопреосвященство Стетуллий?

- Мне это неизвестно, ваше благочестие.

- Он интересовался. Спрашивал меня, кто такой этот брат Массено и что за история случилась в ордене Солнца. Отчего они полным составом прошли по Солнечной Дороге и как вышло, что погибла их архимандритиса. Когда у вас появится новый архимандрит, брат Массено? Тебе уже известно, кто им станет?

- Насколько мне известно, наши приоры уже провели выборы, - ответил монах. – Имя кандидата пока не оглашается, но уже направлено в Ратту, понтификессе Солары. Если будет на то ее благословение, она издаст буллу, и уже вскоре у нас появится новый архимандрит.

- И это, безусловно, станет великой радостью для всего севигистского мира, - серьезно произнес великий инквизитор. – Но сейчас я предлагаю отложить в сторону мечи и копья, закончить эту глупую бессмысленную вражду и постараться понять друг друга.

- Внимательно слушаю вас, ваше благочестие, - сказал Массено, гладя корешок Ктавы.

Великий инквизитор вздохнул. Сбиры удалились за дверь, и они с Танзеном и Массено были в его покоях только втроем. Сидели за пустым столом и смотрели друг на друга. Трухлявый стул давно заменили, за окном царила давящая тишина, и в этой тишине особенно громко звучали сухие, колкие слова дряхлого прелата.

- Не всегда вещи таковы, какими кажутся, - говорил он. – Тебе должно быть это известно лучше, чем кому бы то ни было, брат Массено. Позволь, я начну с того, что поведаю тебе одну историю...

- Надеюсь, не о ликантропе, ваше благочестие? – позволил себе легкую шутку Массено.

- Ликантропе?.. – удивился великий инквизитор. – А я что, уже рассказывал тебе эту историю?.. Она действительно о ликантропе, но... откуда тебе это известно?

- Мне не было этого известно. Просто вышло так, что когда мы с отцом Стирамедом направлялись в известное вам место, то один из наших спутников поведал нам байку из своей жизни... увы, он так и не досказал ее, и мне неведомо, чем она закончилась. И по чистой случайности речь там тоже шла о

ликантропе – но это всего лишь совпадение, ваше благочестие.

- Полагаю, так, - осторожно кивнул великий инквизитор. – Что ж. Да, речь о ликантропе… нескольких ликантропах на самом деле. Тридцать лет назад, когда я еще не занимал этой святой должности, а был простым следователем-епископом, то однажды арестовал одного грешника. Он жестоко убил семью из шести человек, в том числе детей. На них были следы старых укусов, брат Массено, но смерть каждого наступила от меча. Тот грешник ничего не говорил о своих мотивах, а только угрюмо скалился. Я приказал отправить его в темницу, но не стал спешить с карой. Мне не казалось ясным то дело, и я углубился в него. И ты знаешь, что выяснилось после изучения улик, расспросов свидетелей и краткой подноготной процедуры?

- Что же?

- Все шестеро убиенных были ликантропами. А их убийца – охотником на оборотней. Все оказалось не тем, чем казалось. И так случается гораздо чаще, чем можно подумать, брат Массено.

- Для меня это не новость, ваше благочестие. Я тоже сталкивался с подобным.

- В таком случае ты должен меня понимать. Не все то, чем кажется, - с нажимом повторил великий инквизитор. – Вы двое совершаете ошибку, борясь с тем, чего не понимаете.

- Но в таком случае просветите нас, ваше благочестие. Чего мы не понимаем?

Великий инквизитор облокотился на стул и поставил на скрещенные ладони голову. Его взгляд был суровым и усталым.

- Брат Массено, я о многом передумал со дня нашей последней встречи, - заговорил он. – И я хочу попробовать убедить тебя в своей точке зрения.

- И меня тоже? – усмехнулся Танзен.

- На это я не рассчитываю, - сухо ответил великий инквизитор. – Мой жизненный опыт подсказывает, что очень сложно убедить кого-то, что мир выиграет от его смерти. А я не стану скрывать, что именно в этом состоит цель злокозненного существа, которое лично мне глубоко неприятно, но которому я все же содействую. И прямо сейчас… прямо сейчас вы оба должны меня понимать. Ведь прямо сейчас вы делаете в точности то же самое.

Массено хотел возразить, но тут же сообразил, что имеет в виду великий инквизитор. Их сотрудничество с Темным Властелином. Они не служат злому лорду, не выполняют его приказов… но они пользуются его помощью и сами оказывают ему помощь.

- Это другое, - все же произнес Массено. – Лорд Бельзедор –

враг всего севигистского мира, но цель у нас с ним общая. В данный момент.

- И у меня тоже общая цель с... милордом, - не пожелал называть ужасного имени великий инквизитор. – В данный момент. Раньше я не мог и подумать, что однажды так будет, но времена меняются, брат Массено. Когда я впервые... встретился с ним, то хотел проклясть его и прогнать прочь. Хотел призвать одного из твоих братьев по ордену, дабы он развоплотил ту смрадную тень. Но... пуще всего на свете я боялся впасть в грех фанатизма. А поскольку в то время милорд еще не воплотился в своем нынешнем состоянии и не был вредоносен одним своим присутствием, я мог вначале спокойно с ним поговорить. И я выслушал его, брат Массено. Он не скрывал от меня ничего. Поведал свою историю и свои планы... и если вначале я относился ко всему этому с тем же ужасом, что и ты, то со временем мое мнение изменилось. Я понял, что ко мне явилось не ужасное чудовище, а скорее жертва. Жертва магии.

- Антикатисто сам сделал себя таким, - перебил Танзен. – Его никто не превращал силой. И это не был какой-то несчастный случай. Он хотел стать элементалем Тьмы – и он им стал.

- Он переоценил свои силы, - согласился великий инквизитор. – Не он первый, не так ли? И не он последний, полагаю. Но он желал совсем иного. Он пытался использовать магию во благо – и вот к чему это привело.

- Он пытался использовать не магию, а Тьму, - возразил Танзен. – Это было заведомой ошибкой.

- Согласен с моим спутником, ваше благочестие, - кивнул Массено. – Антикатисто...

- ...Ошибался, - закончил великий инквизитор. – Безусловно. Я не спорю. Ведь он был всего лишь человек – а люди ошибаются. И последствия их ошибок стократ ужаснее, если они используют для достижения целей магию. Но Анти... милорд пытался исправить свою ошибку. Вам известно, что после преобразования он ужаснулся содеянному настолько, что попытался прекратить свое существование?

- Мы подозревали что-то подобное, - сказал Массено. – Мэтр Медариэн выдвигал такую гипотезу.

- Она верна. Он целых три десятилетия не покидал своей башни, пытаясь совершить самоубийство. Но питавшая его новое тело магия оказалась чересчур могущественна.

- Вас послушать, так можно подумать, что вас Антикатисто разжалобил, - едко произнес Танзен. – Он вам наговорил чепухи, а вы слезки пустили.

- Это была чистая правда, - холодно ответил великий

инквизитор. – До последнего слова. Я распознал бы ложь.

- Может быть, и правда. Но правда еще и то, что он не вечно прятался в своей башне. Он потом вылез из нее. И дважды едва не уничтожил всю Мистерию.

- Да, со временем его мировоззрение изменилось, - согласился великий инквизитор. – Изменились ощущения. Изменились взгляды. Он перестал быть человеком и стал нечистым созданием, глубоко чуждым любому праведному севигисту. В том числе и мне.

- Нечистым созданием, в самом деле? – хмыкнул Танзен. – Вы уверены, ваше благочестие? А что вас навело на такую мысль? Вы проводили расследование? Или просто увидели, что он боится солнечного света и петушиного крика, и решили, что здесь что-то нечисто?

- Он не боится солнечного света, - сухо сказал великий инквизитор. – Солнечный свет всего лишь нервирует его. Раздражает. Как нас с вами раздражает свет слишком яркий, бьющий в глаза. И петушиного крика он тоже не боится – просто этот крик означает рассвет, и милорд невольно вздрагивает, когда его слышит, хотя ничем реальным тот ему не грозит. Что-то вроде детского страха. Как женщина, пугающаяся мыши.

- А вы с ним немало общались, я погляжу. Это он вам за чашечкой чая пожаловался? Сидел, ел плюшки и упомянул между делом: эх, господин великий инквизитор, кабы вы знали, как меня раздражает солнечный свет, да и петухи эти... Так?..

- Мэтр, прошу вас, довольно, - попросил Массено.

- Да я просто не понимаю, как до такого вообще дошло. Какой-то элементаль Тьмы просто заявился к вам, пожаловался на горькую судьбинушку и поделился тем, что собирается уничтожить кучу народа просто потому, что они выбрали профессией волшебство. А вы его выслушали и решили, что идея-то неплохая!

- А вы совершенно зря считаете, что я так решил только после встречи с ним, - серьезно произнес великий инквизитор. – Мэтр Танзен, я не жду, что вы поймете, вы слишком кровно заинтересованы в том, чтобы волшебство продолжало процветать, но далеко не все разделяют ваши убеждения. И я не имею ничего лично против вас – я вижу, что вы хороший человек, и мы с вами в каком-то смысле даже коллеги. Я прекрасно понимаю, что в мире множество и добрых волшебников. И милорд это прекрасно понимает. Мы не опереточные злодеи, какими вы нас, возможно, считаете.

- Злодеи вы, может, и не опереточные, но самые настоящие, - печально произнес Массено. – Ваше благочестие, я по-прежнему

испытываю к вам глубокое уважение, но мне трудно забыть, что вы подсылали ко мне убийцу. И я категорически не согласен с вашими убеждениями. Простите. Я давал клятву истреблять зло и тьму везде, где их вижу, но сейчас я вижу их в вас. Они поселились в вашем сердце.

- И вы уверены, что он остановится на волшебниках? – поинтересовался Танзен. – Ну вы понимаете, кого я имею в виду. Что если это только старт? Что если он просто решил начать с самой неудобной категории населения? Самых опасных для него? Бельзедор ведь тоже когда-то начал именно с нас, вы должны знать. А вы гарантируете, что сразу после нас он не займется вами? Не начнет точно такую же охоту на церковь? Тот же брат Массено с его товарищами тоже для него весьма опасны. Вы уверены, что так не будет?

- Уверен, - только и ответил великий инквизитор. – Так не будет.

- Хорошо, что вы в этом уверены. Только вот Кустодиан этой уверенности не разделяет. И, я думаю, другие церковные иерархи тоже.

- А что если я скажу вам, что по завершении своего плана милорд собирается закончить то, что пытался сделать когда-то? Что если я скажу, что после использования Апофеоза он убьет и самого себя? Даже не после, а во время. Апофеоз убьет и его самого.

- А что если я скажу, что сказать вы можете все, что угодно? – спросил Танзен саркастически. – Он давно уже не волшебник, а первостихийный элементаль. Чакровзрывающее излучение на него не действует. Я точно знаю – видел своими глазами.

- Апофеоз гораздо мощнее простых чакровзрывателей, - возразил великий инквизитор. – К тому же там милорд ослабит свою защиту до предела.

- Еще раз – он не волшебник, - повторил Танзен. – На него такое не подействует. Но даже если он вам не солгал. Даже если это все правда. Меня это должно обрадовать? Я должен плясать от счастья, зная, что после гибели меня и еще миллиона с чем-то волшебников Антикатисто составит нам компанию в Шиассе? Спасибо, что-то не хочется.

Массено с беспокойством посмотрел на товарища по расследованию. Он еще не видел мэтра Танзена в такой ярости. Волшебник почти что трясся от негодования – так его разозлило кредо великого инквизитора. Легкость, с которой тот вынес приговор, и убежденность, что это всем на пользу.

- Как Антикатисто сумел возродиться? – поспешил перевести тему Массено. – Вам это известно, ваше благочестие?

- Это случилось одиннадцать или двенадцать лет назад, - неохотно ответил великий инквизитор. – Какой-то пустяковый колдунец нашел башню где-то в песках Херемии...

- Эту историю я знаю, - поспешил сказать Массено.

- Но не всю, видимо. Иначе не задали бы такого вопроса. Этот самый колдунец нашел в башне волшебную книгу...

- И я даже знаю, какую.

- Не перебивай меня, брат Массено, - недовольно скрипнул великий инквизитор. – Дай договорить. Колдунец применял книгу самыми разными путями, но в целом довольно глупо и бездарно. Однако одно из заклинаний там обращалось к предыдущему владельцу. Призывало его скорбную тень. Так милорд снова стал чем-то большим, чем обычный дух в Шиассе – и начал копить силы. Он копил их десять лет. Ему удалось связаться кое с кем в мире живых, найти себе единомышленников. Нескольких волшебников, часть антимагов, кое-кого из обитателей Подземных Земель... и меня. Мы все готовили его возвращение – а он, в свою очередь, продолжал набираться сил.

- Как мило, - ядовито произнес Танзен. – Вы вырастили собственного маленького Антикатисто. И где же он набрал себе столько сил? В Паргороне?

- Нет. Он не мог покинуть Шиасса. Однако даже там...

- Хиард! – вдруг осенило Массено. – Вы помните, мэтр?! Частицы Тьмы Антикатисто несут следы Хиарда!

- Мэтр Курдамоль!.. – вспомнил и Танзен. – Вы правы, святой отец!

- Это ведь так?! – потребовал ответа Массено. – Ваше благочестие, наши догадки верны?

- Я ничего не стал бы вам рассказывать, если бы это все еще имело какое-то значение, - сказал великий инквизитор. – Но это уже не имеет значения. Да. Хиард. Милорд заключил договор с его узниками. Генералами Малигнитатиса, Хиротаросом и Дормадосом. Они хотят освободиться, чтобы освободить своего владыку. Поэтому они договорились, что возродят милорда – а за это милорд соберет Криабал, откроет ворота Хиарда и освободит их.

- И зная это... вы все равно ему помогаете?.. – изумился Массено.

- Милорд обманул Всерушителей, - спокойно ответил великий инквизитор. – Солгал им. Разумеется, он не собирается открывать Хиард и освобождать божьих узников. Малигнитатис останется заточен до конца времен, брат Массено.

- И вы, разумеется, свято верите, что обманул он только их, -

насмешливо произнес Танзен. – Никаких сомнений. Ваше благочестие, а если не секрет – откуда у вас уверенность, что он не лгал вам обоим? Или, хуже того, только вам?

- В самом деле, - согласился Массено. – Нам ведь уже известно, что своих союзников-волшебников он использовал вслепую – и избавился от них, как только они стали не нужны. Это же Антикатисто, ваше благочестие. Он элементаль Тьмы. Само зло во плоти.

- Да в сравнении с ним Бельзедор и даже демоны Паргорона – ласковые бельчата! – фыркнул Танзен.

- Если я ошибся... – медленно начал великий инквизитор. – Если я ошибся... то это величайшая ошибка в моей жизни... и в Шиассе меня ожидает самый страшный воздаят, а севигистский мир проклянет мое имя.

- Да даже если и не ошибся, - изумленно произнес Танзен. – Вы все равно останетесь в памяти, как соучастник убийства миллиона индивидов. В том числе детей. Среди волшебников есть дети, ваше благочестие. Школяры, которые овладели пока только азами.

- Да и весь остальной мир вас тоже не поблагодарит, - добавил Массено. – Волшебники не всем нравятся, ваше благочестие, я не отрицаю. Но без них наш мир лишится немалого. Сообщение между континентами снова станет трудным и долгим, исчезнет дальнозеркальная связь и множество других вроде бы незначительных, но важных вещей.

- Я прекрасно это понимаю, брат Массено. Я не глупец и не безумец, каковым ты меня, возможно, считаешь. Но я обдумал все досконально – и сделал то, за что ты меня осудишь. Я передал антимагам действующий чакровзрыватель, который курия хранила с глубокой древности.

- К счастью, он уже никому не причинит вреда, - сказал Массено. – Иронично, но уничтожил его лорд Бельзедор.

- Я знаю. Но это уже не имеет значения. Милорд уже отыскал Апофеоз. И когда он его активирует...

- Где он?! – подался вперед Танзен.

- Не знаю. Я потому и говорю с вами так свободно, что не могу выдать ничего важного.

- Судя по тому, что он его все еще не активировал, чего-то ему все еще недостает, - торопливо произнес Массено. – Видимо, Рваного Криабала. Наверное, он нужен, чтобы восстановить Апофеоз или просто заставить его работать.

- Скорее всего, - согласился Танзен. – Кстати, святой отец, кристалл Сакратида все еще при вас?

- Разумеется, - отвернул ворот рясы Массено.

- Прекрасно. Снимем с него запись нашей беседы с его благочестием и передадим курии. Пусть дальше решают они.

- Они уже все знают, - сказал великий инквизитор. – Три дня назад я покаялся перед исповедником и открылся курии. Послезавтра я предстану перед судом коллегии фламинов.

- В самом деле?.. – искренне удивился Танзен. – Не понимаю. Почему вы тогда здесь, а не под стражей?

- Потому что я дал слово, что не сбегу и не совершу больше ничего неодобренного. До вынесения приговора я остаюсь великим инквизитором.

- Ладно... а зачем тогда нам устроили засаду?

- Засаду?.. – приподнял брови великий инквизитор. – Это была не засада. Всего лишь меры предосторожности на какой-нибудь непредвиденный случай. Я скажу еще раз: если бы я хотел заставить вас исчезнуть, вы испарились бы бесследно. Но вы больше ничем не можете мне помешать – я сделал все, что мог и хотел сделать, и совсем скоро Апофеоз очистит этот мир. Дальнейшую мою судьбу решит курия – и я с легким сердцем приму любое ее решение.

Выходили из Инквизитория Танзен и Массено озадаченными. Не того они ждали от этой встречи. Они были готовы к чему угодно, но только не к такой откровенной беседе.

У них не было сомнений, что великий инквизитор сказал правду – и все же они наведались к Стетуллию, новому фламину Космодана. Пайцза нунция позволила получить внеочередную аудиенцию, и Массено передал административному главе церкви кристалл Сакратида с уличающими записями.

Кроме того, он получил подтверждение своих полномочий. Ставший нунцием нестандартным путем, принявший пайцзу от умирающего отца Стирамеда, Массено все это время волновался насчет законности своего статуса. Но отец Стетуллий одобрил сделанное им и благословил на продолжение той же деятельности. Уже с чистым сердцем Массено оставил резиденцию фламина и спросил у Танзена:

- Куда теперь предлагаете держать путь, мэтр?

- Даже не представляю, святой отец... – задумчиво ответил волшебник. – Мы уже пообщались и с великим антимагом, и с великим инквизитором, и с ханшей хобиев... Кто еще остался?.. Разве что сам Антикатисто.

- Вообще-то, есть еще кое-кто, у кого может найтись важная информация, мэтр. Только вот пообщаться с ними будет очень непросто...

- Да, я понимаю, о ком вы. Но не очень представляю, как...

- Пс-с-ст!.. – раздался вдруг свистящий шепот. – Ваша

мудрость!.. ваше преподобие!.. минуточку внимания!..

Танзен и Массено обернулись. Их окликал горбун в рваном мешке на голое тело. Такие носят нищенствующие братья из ордена Песка, за что миряне, да и многие клирики называют их мешочниками.

- Мы чем-то можем помочь тебе, брат? – осведомился Массено.

- Нет-нет, это я могу вам помочь, - ухмыльнулся горбун. – Точнее, тот, кто меня послал. У него есть информация для вас... насчет того, что вы ищете... Вот, возьмите.

Он подбежал к монаху и волшебнику, сунул им потертое дальнозеркало и торопливо попятился, не переставая кланяться.

- Что это?.. – спросил Танзен.

- С вами свяжутся, - сказал горбун. – Информация еще не совсем... созрела, нужно чуть-чуть подождать. Просто не теряйте эту штуку пока что, хорошо? Плохо будет, если вы откажетесь слушать... для всех будет плохо...

Глава 29

Цверги шли по туннелю потопом. Закованные в мифрил, они не оставляли свободного места, занимали все пространство от стены до стены. Из-за забрал видны были только глаза.

Топоры вздымались разом – и разом же опускались. Гудели боевые рога. Хобии огрызались, пыряли пиками и лупили из самострелов, но в узких тоннелях численность преимуществ не давала, а один на один цверг всегда хобия одолеет.

К тому же на острие атаки шагал Верхний. Бритоголовый, огромного роста, и тоже с топором. Мектиг Свирепый снова возглавлял тинглид.

Сегодня из Халлара выплеснулись почти все. За время осады туда стеклась куча беглецов, индрики прорыли несколько новых туннелей – и сегодня это войско пошло в контрнаступление. Под каждым яминским городом есть схроны с оружием и доспехами – что-что, а этого добра у цвергов всегда в достатке. Запасливый народ, бережливый.

И первое сражение они выиграли с блеском. Хобиев разбили подчистую и отбросили на целый дневной переход. Удалось даже освободить два маленьких городка, шахтерский поселок и большой железный рудник.

Но все понимали, что это в основном за счет внезапности. Девять десятых Яминии по-прежнему под хобиями, в том числе столица и портал. Как только они подтянут к Халлару новые войска, как только вернутся их союзники-йоркзерии, Просперина отвернется от цвергов так же легко, как повернулась.

Богиня удачи славится своей переменчивостью.

И поэтому ждать на месте никто не собирался. В доме комендант-городничего собрался большой совет – королевская семья, уцелевшие министры, героический воевода Брастомгруд и четверо искателей Криабала. Фырдуз отлучился, отбыл на специальное задание.

Цверги уже считали искателей за своих. Особенно Мектига. Увидев, как тот орудует топором, как крушит черепа и неколебимо держится в строю, они только что не дрались за право угостить дармага кружкой эля. Брастомгруд с королевского согласия вручил Мектигу почетное звание лейб-гвардейца и комплект мифрилового обмундирования. Из тех, что лежали на торговых складах – для продажи Верхним.

Остальные искатели Криабала тоже получили почетные

звания и обмундирование. Хотя для них это стало уже чистой формальностью – ни Джиданна, ни Дрекозиус сражаться толком не умели. А Плацента хотя делал это и неплохо, но стоять в строю ненавидел, кольчуг не переносил и страшно бесился, что угодил в регулярное войско и даже стал кем-то вроде офицера.

- Ненавижу военных, - бормотал он, колупая слишком просторный ему шлем. – Ненавижу стражников. Я сам себя теперь ненавижу.

На его гундеж никто не обращал внимания. Искатели Криабала вообще сидели в уголке, ожидая, пока важные цверги закончат обсуждать стратегию. Принцы, министры и воеводы спешно решали, что делать с первой победой. Она свалилась в руки, как крупный самоцвет, но успех нужно развивать срочно.

- Войск не хватает, оружия не хватает, а главное – денег не хватает! – сетовал министр финансов. Один из двух, спасшихся из Хасмы с королевской семьей. – Ваше величество, ваши высочества, вот вы со мной что хотите делайте – а на одной храбрости мы не сдюжим! Захлебнутся наши бравые вояки, когда животы к хребтам прилипнут!

- Знаем это все, - огрызнулась Остозилар. – Знаем. Ты что делать предлагаешь?

- Может, военный займ взять? – предложил Перетрекумб. – Кредит. У соседей, у Золотого Клуба, или у Жадных Монахов...

- Любой кредит похож на то, как ты ссышь на морозе в штаны: поначалу тепло и приятно, а потом мокро и холодно, - грубо ответил Брастомгруд. – Да ещё и воняешь. Подмога-то обещанная когда там будет?

Все обернулись к искателям Криабала. Особенно пристально уставились на Дрекозиуса.

А тот что?.. Тот сам не знал, когда лорд Бельзедор пришлет свои легионы. Темный Властелин на то и Темный Властелин, чтобы секретничать да умалчивать.

- Скоро, ваши высочества, - все же рискнул предположить Дрекозиус. – Скоро. Нам же обещали.

- Обещать-то обещали... – проворчала Остозилар.

Тем временем подошло время зеркаломоста. За стеклом снова появился безликий черный шлем, и в зале воцарилась тишина. Воздух стал таким напряженным, что все боялись дышать.

- Приветствуем вас, лорд Бельзедор! – произнесла королева Тсаригетхорн.

Черный шлем качнулся вверх и вниз. Вокруг него клубился туман и нельзя было разглядеть, что у Бельзедора за спиной, но там колебались какие-то тени, и жутью от них веяло даже сквозь

стекло.

- Смею спросить, долго ли еще ожидать обещанной вами помощи? – заговорила королева. – С нашей стороны все готово – мы сняли осаду с Халлара и подготовили вам плацдарм.

- Это хорошо, - гулким басом произнес Бельзедор. – Выступайте. Мои легионы присоединятся к вам в самый нужный момент.

- В самый нужный?.. А-а... а это когда?.. – не поняла королева.

- Когда вы меньше всего будете этого ждать. Из самой зловещей тьмы, из глубочайших недр, из ужаса кромешного явятся те, кому вы обрадуетесь еще меньше, чем нынешним своим врагам. Буа-ха-ха-ха!!!

И дальнозеркало погасло. Королева, принцы, министры и воеводы уставились друг на друга. Каждому хотелось перезеркалить и уточнить, но никто не решался.

- Вот я знал, я знал, что не надо было нам с Бельзедором-то связываться! – заявил Перетрекумб, отчаянно скребя волосатую грудь. – Давайте ему перезеркалим и скажем, что мы передумали!

- И чем нам это поможет? – огрызнулась Остозилар. – Ничем. Ничем! Станет только еще хуже.

- И-эх!.. – только и сказал ее брат, шаря глазами по столу.

Ему отчаянно хотелось выпить. Отец и брат с самого утра держали его в отвратной трезвости. И все вокруг тоже стало для принца отвратным. Ладно Бельзедор – от него иного и не ждешь. Но родной отец!.. родной брат!.. и такое неродное отношение...

Но на беспутного принца никто не смотрел. Начиналась вторая часть зеркаломоста. Стекло снова замерцало, и в нем отразилось морщинистое бородатое лицо. Зодер Локателли, председатель ученого совета Мистерии.

- Мир вам, ваше величество, - ласково сказал он королеве.

- И вам мир, ваша мудрость, - несколько сухо ответила Тсаригетхорн. – Вы хотели с нами говорить?

- Хотел, - кивнул Локателли. – Мы тут, знаете ли, немного посоветовались, и решили, что все-таки немного вам поможем.

- В самом деле? – удивилась королева. – Но Мистерия же подчеркнуто нейтральна. Что изменилось с прошлого раза?

- Нейтральна, нейтральна, поэтому ни о каком официальном участии в вашей войне не может быть и речи, - подтвердил Локателли. – Но к этому закону есть одна поправка – любой гражданин Мистерии вправе участвовать в любой войне как частное лицо. Независимый волонтер. А поскольку хобии и йоркзерии связались с тем, с кем им не следовало связываться, мы считаем своим долгом это пресечь. Ваше величество, с вашего позволения мы отправляем вам помощь. Совершенно

безвозмездно.

- Мы рады это слышать, мэтр Локателли, - просветлел лик королевы. – Сотня-другая боевых магов придутся очень, очень кстати...

- Сожалею, но вы получите только одного, - перебил Локателли.

- Всего одного?.. Конечно, спасибо и на этом, но... всего один волшебник?!

- Один волшебник тоже может быть серьезной подмогой, ваше величество. К вам вылетает Хаштубал.

В зале зашептались, принялись переглядываться. О Хаштубале Огнеруком слышали даже здесь, на другом конце света, глубоко под Синими горами.

Королева рассыпалась в невнятных благодарностях, Локателли одарил ее лучезарной улыбкой, пожелал удачи и закончил сеанс.

Этим вечером состоялись еще шесть зеркаломостов. Сначала королевская семья связалась с Новой Страной и принесла извинения за невольно нарушенное обещание. Комитет Старших остался недоволен – они-то уже рассчитывали заменить Красный Криабал Рваным. Что достанется он в итоге Бельзедору, цверги благоразумно говорить не стали – просто сослались на некие изменившиеся обстоятельства.

Потом были Танит, Таврия, Браат и Утер-Данголль. Северные, западные и южные соседи Яминии. Со всеми велись туманные переговоры – цверги туманно намекали, что у них появились сильные союзники и вскоре они погонят хобиев взашей, так не хотят ли добрые друзья и соседи присоединиться, отщпинуть кусок будущей добычи? А то потом поздно будет...

Сделать это принцессе Остозилар подсказал Дрекозиус. Скромно сидевший в уголке, он пристально смотрел на сменяющиеся в дальнозеркале лица – гоблина в пышном жабо, минотавра с огромными рогами, добродушного старичка в короне, некроманта в сером капюшоне – и беззвучно шевелил губами.

Браатцы не заинтересовались. Сугубо Верхняя держава, воевать под землей Браат не умел и не собирался. Их король вежливо сказал, что не хочет ни с кем ссориться – его земли соседствуют что с Яминией, что с Подгорным Ханством, он желает дружить и с теми, и с другими, поэтому без него, пожалуйста. Вот поторговать он всегда с удовольствием, караваны с деревом, мясом и земными плодами будут идти, как шли.

Утерцы вмешиваться тоже не захотели. Судя по отдельным

обмолвкам, они прознали, с кем заключили союз хобии, и не верили, что у Яминии что-то получится. Даже с Серым Криабалом лезть в драку с Антикатисто некроманты опасались, а уж теперь, когда их сокровище похитили…

Зато гоблины интерес проявили. Король Танита долго выпытывал, с кем же это таким цверги задружились, а когда Перетрекумб сгоряча ляпнул, что с Бельзедором… надо было видеть, как загорелись у короля глаза! Он сразу пообещал открыть второй фронт и помочь освободить западную Яминию – но уж и контрибуцию затребовал немаленькую. Плюс все, что гоблины награбят попутно – а уж в мародерстве-то гоблинов мало кто способен перещеголять.

Минотавры тоже согласились помочь, хотя и не с таким энтузиазмом. Они согласились прислать десять легионов и занять южную Яминию, но только за твердую монету. Если Яминия расплатиться не сможет – минотавры возьмут свое сами.

- Придется все-таки брать займ у Жадных Монахов, - подытожил Перетрекумб. – Я так и знал. Так и знал.

- Ничего мы брать не будем, - отрезала Остозилар. – Зеркальте дальше.

Последним связались с Кободардом. Цверги и хобии не имеют общих границ – между ними находится страна подземных вардов. Раньше был еще и Кобольдаланд, но он теперь считается частью Подгорного Ханства. И в отличие от него и Яминии, Кободард сохранил самоуправление… формально. По факту там тоже теперь всем заправляют хобии, но они позволяют королю и королеве Кободарда считаться по-прежнему королем и королевой.

Договариваться пришлось с обоими, причем по отдельности. Король и королева вардов правят совместно, но лично встречаются не так уж часто. Как и все варды, впрочем – у этого народа мужчины и женщины живут порознь. Есть мужские деревни и женские деревни, мужские городки и женские городки. Когда Наверху полнолуние, они сходятся и исполняют супружеский долг – а в остальное время не видят друг друга и не общаются.

На самом деле король и королева Кободарда даже не состоят в браке. Король сам по себе, королева сама по себе. У короля своя жена, у королевы свой муж. По сути страна одна – а государств в ней два, мужское и женское. И в соседней с Кободардом Акнии все точно так же – даже еще сложнее, потому что тамошние варды живут Наверху и постоянно кочуют.

Поэтому переговоры продвигались плохо и медленно. Жить под хобиями вардам не слишком нравилось, но они, в отличие от кобольдов и цвергов, сохранили хотя бы формальное

самоуправление. Для такой маленькой и слабой страны это уже неплохо.

Но вардов все же заинтересовала возможность убрать хобиев из своих тоннелей. Они опасались, что просто сменят одну оккупацию на другую, но решили все-таки рискнуть. В конце концов, с Яминией они соседствуют уже много веков – не всегда дружественно, но более-менее мирно. Так что варды согласились... нет, не помочь, а всего лишь не препятствовать. Дать цвергам и их союзникам свободный проход.

Взамен они попытались выговорить себе немного территории, но с этим оказалось трудно. Ну не граничат Кободард и Подгорное Ханство! Между ними целый Кобольдаланд! От кобольдов кусок отнимать?.. так они вроде тоже пострадавшая сторона. Или Яминия от себя отделять должна?.. А с какой вдруг радости?

Это Перетрекумб и Остозилар вардам и вывалили. Принцам абсолютно не хотелось делиться землями с ленивыми медведями, которые даже не помогать согласились, а только лишь в сторонке постоять. Страну вам вашу вернут в прежнем виде – и за то поблагодарить не забудьте.

- Ладно, - фукнул носом король вардов.

- Справедливо, - согласилась королева.

Кутерьма началась уже на следующий день. Цверги, отхлынувшие было обратно в Халлар, снова вышли за ворота – и двинулись лавиной на восток. Весть о великом контрнаступлении успела распространиться – и ополчение быстро росло, вбирало все новых беженцев и повстанцев.

Хобии слишком рано стали праздновать победу. Они захватили всю Яминию, кроме одного города – и решили, что захватили всю Яминию. Они думали, что тут все пройдет, как в Кобольдаланде – просто разбей армию, а остальные сдадутся сами. Они оставили под Халларом всего пару легионов и ждали скорой капитуляции.

Они ее не дождались. Получив даже не помощь, а только обещание помощи, Яминия забурлила. У этого народа не было гражданского населения – сражаться умели почти все. И пользуясь отсутствием йоркзериев и сильно рассредоточившимся противником, цверги ринулись марш-броском. С запада и юга доносилось – гоблины и минотавры действительно перешли границы. Не настоящей войной, а скорее набегами – но хобиев они заняли, внимание на себя оттянули.

А к цвергам тем временем явилось первое подкрепление. Пока что – из одного-единственного Верхнего. Хаштубал Огнерукий подоспел прямо к переломному сражению – в

Граничном тоннеле, громадной вытянутой пещере, разделяющей Яминию и Кободард.

Хобии уже опомнились, снова собрали войска – и здесь собирались встречать взбунтовавшихся цвергов... когда потолок словно пробуравило насквозь. Ослепительный огненный червь рухнул на каменный пол и обернулся худым высоким человеком с небольшим хвостом, рожками и парой совсем крохотных крыльев.

Полудракон внимательно посмотрел на лаву хобиев в мифриловой броне, развернулся к такой же лаве цвергов, выискал среди них воеводу и переместился к нему. Просто исчез в огненной вспышке и появился в трехстах шагах к западу.

- Прибыл в ваше распоряжение, генерал, - гортанно произнес Хаштубал.

- Да вы как раз вовремя, ваша мудрость! – отсалютовал ему Брастомгруд. – Мы тут как раз про тактику думаем, последний лоск наводим, такое дело. Ознакомиться желаете?.. Может, соображения какие выскажете волшебнические?..

- Не вижу в этом смысла, - мотнул головой Хаштубал. – Я не стратег, я боец. Считайте меня чем-то вроде отдельной дивизии.

- Ну... тогда... если вкратце... – задумался Брастомгруд. – Наши – вот, враги – вон.

Хаштубал криво усмехнулся и засучил рукава.

Что было дальше – описывают по-разному. Никто из участников подземной битвы не разглядел ее всю, да и не запомнил подробностей. Слишком сумбурно все происходило, слишком много событий случалось одновременно.

Но одно впечаталось в память каждому – горело все!

Сначала пещера разверзлась в самой середке – и из провалов поползли йоркзерии. А с хлынувшей вслед за ними лавой явились магматики – громадные раскаленные туши, текучие элементали. Сразу стало так жарко, что затрещали волосы. Редкие в войске кобольды опустили щитки шлемов – они были с копченым стеклом.

Навстречу хобиям покатились конструкты-брандеры. Сделанные из самой дешевой жести, корявые и неказистые, они имели только пару колес и одно-единственное умение – двигаться к цели. А достигнув – подрывали субтерму в брюхе.

И гремел гром. И расцветали огненные цветы.

Потом заговорили тяжелые жахатели. Цверги ударили из всех орудий – благо жахатиров среди них было куда больше, чем среди хобиев. Те обычно и не старались захватывать эти субтермагические штуковины – не хватало умельцев из них стрелять. Просто оставляли на прежних же складах – и пройдя по Яминии форсированным маршем, цверги отбили их обратно.

Одновременно с этим прямо в рядах хобиев стали взрываться пол и потолок. Сверху падали сталактиты, подорванные субтермическими зарядами. В одном месте рухнул целый участок каменного свода, и оттуда полетели канаты, на которых заскользили кобольды с самострелами.

Они пришли по тоннелям индриков. Трантарикуририн и Имфаталитастака проложили в Кобольдаланд торную тропу и подрылись под лагерь, где держали остатки королевской армии. Фырдуз применил массовое Замешательство, сотня цверговгвардейцев порубила охрану в кашу, и войско пополнилось пятью тысячами солдат-кобольдов. Ослабевших, исхудавших, но страшно злых.

Субтерма и жахатели гремели так, что закладывало уши. Особенно страдали кобольды – им неприятен что яркий свет, что сильный шум. А вот хобии при всем своем чувствительном слухе грохота и вовсе будто не замечали. Им было бы очень трудно жить, не умей они фильтровать слишком громкие звуки.

Зато на левом фланге царила тишина. Там колыхалась огненная занавесь. Хаштубал раздул ее от стены и до стены, поднял температуру до невообразимой – и хобии запекались в собственных доспехах. Каждый, кого накрывало, падал, не успев вымолвить слова.

Это оказалось хуже всего. Страшнее всего. С цвергами и кобольдами хобии и йоркзерии сражались бы долго и остервенело – но как биться с неумолимым пламенем?! Облаченный в простую серую робу Хаштубал шагал по раскаленному камню – и впереди него шла смерть.

Сначала хобии и йоркзерии дрогнули. Потом попятились. Потом по обеим армиям засвистели дудки, зазвенели бунчуки – уцелевшие стали отступать. Двинулись назад, в оставшийся за спиной Кободард.

Их не преследовали. Заняв Граничный тоннель, цверги позволили себе передышку. Битва им тоже далась нелегко, а они слишком уступали хобиям в численности.

В Кободарде хобии не задержались. Поспешно вернулись в Кобольдаланд и уже там стали наращивать силы и крепить оборону. Тоннели спешно заваливали, рыли ловушки, заливали проходы субтермой.

Подземная война – это совсем не то же, что наземная. Здесь дорогу нельзя просто взять и обойти. Территории Внизу – это пещеры и тоннели. Бывает, что числом их вообще не взять – встанет просто в узком проходе непобедимый боец, и будет удерживать целый легион. Воевода Брастомгруд в свое время отбивался так довольно долго.

А если большую часть ходов еще и законопатить, наступление вообще захлебывается. Завалить тоннель – дело быстрое, а вот расчистить его – задача посложнее. Да и поставки припасов резко осложняются.

Но с горными работами цверги были знакомы. Они орудовали кирками и лопатами, пустили в дело землеройных конструктов, призвали на помощь друзей-индриков – и вскоре уже пробили новые дороги.

Ну а после этого произошло второе переломное сражение. Теперь уже не в большой пещере, а в сложном лабиринте, в паутине темных тоннелей. Там оказалось гораздо тяжелее – хобии не нуждались в свете, йоркзерии могли затаиться на стене и даже на потолке. Каждый проход давался с боем, по шажку.

Ожесточенней всего обороняли так называемый Торговый путь – широкий мощеный тоннель, прямой линией протянувшийся между двумя столицами, Хасмой и Гаратаком. До начала всех этих войн по нему шла основная торговля между Яминией, Кободардом, Кобольдаландом и Подгорным Ханством. Его хобии заваливать не стали, но выставили на своем конце тяжелые жахатели, залили все Каменной Паутиной и заминировали подходы субтермой. Пройти не удавалось никак – а взять эту артерию было необходимо.

Тогда Брастомгруд снова обратился к Хаштубалу. Огненный маг откликнулся с воодушевлением – он не слишком многим мог помочь в этой тесной муравейной возне, и ему было скучно.

А задерживаться надолго Хаштубал не собирался. На дворе лето, к концу идет луна Ворона. Еще пара дней – и начнутся экзамены. Присутствие на них ученого совета в полном составе крайне желательно, а окончание учебного года гораздо важнее какой-то захолустной войнушки.

Так что президент Риксага очень хотел закончить все поскорее. Горячий сторонник простых и решительных мер, он вступил на Торговый путь, смерил взглядом бесконечный черный туннель и гаркнул:

- Хаштубал... пошел!!!

Волшебник выбросил руки. С них сорвался огненный поток... нет, целый огненный океан! Весь тоннель заполнился пламенем – стены раскалились и потрескались, камень поплыл, а всякий горючий предмет осыпался пеплом.

Сам же Хаштубал полетел вперед. Ринулся сквозь огненную трубу. Под ногами рвались мины, откуда-то издали летели камни и болты, но все это испарялось, не успев коснуться чародея. В нескольких местах хобии натянули Каменную Паутину – но и она лопалась, как мыльные пузыри.

Этот мир не знал более разрушительного волшебника. Хаштубал Огнерукий взрывал все на своем пути, метал молнии и пламя, отражал каждый удар, подбрасывал, швырял и размазывал каждого хобия, каждого йоркзерия, каждого субтермагического конструкта. Без всяких заклинаний, на одной только могучей воле он воевал в одиночку – и побеждал.

Каким-то препятствием стали только антимаги. Хобии вытащили откуда-то девятерых рыцарей и трех магистров – и те встали на пути Хаштубала. Кориниевые доспехи замедлили ток маны, а вскинутые длани магистров заставили волшебника притормозить. Даже он не сумел просто взять и отмахнуться от такого.

Но это задержало его лишь на минуту. Рыцари шагнули вперед – Хаштубал подался назад. Отлетел на полсотни шагов – и ударил огненным тараном.

Девять фигур упали на пол, изжарившись в собственных латах.

Но остались еще три. До них заклятие не добралось – магистры рассеяли его своей гнусной антимагией. И Хаштубал снова шарахнул – но теперь не вперед. Он поднял одну руку кверху, другую опустил вниз – и разом встряхнул пол и потолок.

Антимаги сумели погасить часть кинетических волн. Но на сей раз – только часть. Хаштубал ударил на большом отдалении, само заклятие до них почти не добралось – зато добрались его последствия. Обрушилась часть потолка, раскрылась трещина в полу – и людей впереди не стало.

Их погребло под обломками.

Обрушился целый участок тоннеля. Хаштубал почесал в затылке. Возможно, переборщил. Все-таки тоннель очень важный, через четыре страны проходит.

Хотя ладно, раскопают. Можно подумать, это его проблема.

Да и вообще он это сейчас сам же исправит. Хаштубал тряхнул руками – и те охватило голубым пламенем. Полудракон закружился смерчем, ринулся в глухую стену – и начал бурить новый тоннель. Он шагал сквозь камень, как сквозь воду, оставляя за спиной оплавленный лаз.

Кажется, он немного заблудился. Не так-то просто ориентироваться в граните. Но спустя какое-то время Хаштубал все же вернулся на Торговый путь, снова оказался в просторном тоннеле – и снова увидел хобиев.

Они страшно перепугались, когда огненный смерч проплавил стену. Но длились их крики недолго. Хаштубал, как обычно, применил самое простое решение.

После Хаштубала по Торговому пути шли, как по

расстеленному ковру. Жарковато было, хрустело под ногами всякое и стоял удушливый запах горелого мяса, но зато никто не стрелял. Землеройные конструкты быстро расправились с завалами, и цверги вошли в Кобольдаланд.

Вступили в гигантскую пещеру, прорезающую страну кобольдов с севера на юг. В северной ее части – древний город Урдур, в южной – древний город Суркур, а в центральной – столица, великий и славный Ортор.

В этой пещере и состоялось последнее сражение с хобиями и йоркзериями. Решающее. И на сей раз, увидев противника, цверги едва сумели сохранить хладнокровие. Пока они прорывались по Торговому пути, Подгорное Ханство и безымянная держава йоркзериев собрали здесь такую силищу, что захватывало дух.

Громадные конструкты. Целые дюжины бурлящих магматиков. Установленные на лафетах тяжелые жахатели. Субтермаги хобиев и погонщики стихий йоркзериев. Почти триста антимагов во главе с двумя гроссмейстерами. И несметные орды простых солдат, вооруженных до зубов кротов и мокриц.

- А они настроены серьезно, генерал, - задумчиво сказал Хаштубал Брастомгруду.

- Оно так, пожалуй, - севшим голосом ответил воевода, оглядывая собственное ополчение.

Рядом с этим полчищем оно смотрелось довольно жалко. Казалось даже удивительным, что сумело зайти так далеко.

- Тяжко придется, - вздохнул Брастомгруд. – А я-то уж думал, что мы так до кротовьего логова катком и прокатимся...

- Не трусить, воевода!!! – заорала Остозилар, раскручивая в руке топор. – За Яминию!!!

- Сдохнем со славой!!! – взревел красный от браги Перетрекумб, бросаясь в сечу.

И тысячи цвергов с дикими криками повалили следом.

Искатели Криабала переглядывались. Они пришли сюда вместе со всеми, и тоже внесли посильный вклад. Мектиг по-прежнему сражался в первом звене, Плацента оказался прирожденным лазутчиком, Джиданна устроилась в чароподдержке, Дрекозиус исполнял обязанности капеллана, а Фырдуз снова стал денщиком Брастомгруда.

Он уже очень ловко пользовался Рваным Криабалом – мог и врага убить, и заморочку бросить, и послание кому надо отправить, и в безопасное место переместить, и даже завтраком начальство накормить. Брастомгруд на денщика нарадоваться не мог. А Фырдуз волновался только о том, как бы за Криабалом не явился наконец Антикатисто – ведь он его искать-то не перестает, это уж точно.

Но пока вроде не слышно его. Видно, даже с оглавлением и титульным листом найти книгу Внизу паргоронски сложно. Прав оказался мудрец Локателли.

И конкретно сейчас Фырдузу было совсем не до Антикатисто. Ему безо всяких Антикатисто хватало забот.

С каменного свода сыпались осколки. Гремели летящие из жахателей булыжники. Из расширяющихся огненных трещин выныривали все новые магматики. Взрывались конструкты-брандеры. Хобии перли тысячами, осыпали цвергов и кобольдов тысячами же болтов. Те огрызались, палили в ответ, рубили направо и налево, но было уже видно – в этом бою им ничего не светит.

Даже с поддержкой Хаштубала Огнерукого. На несколько секунд гроссмейстер антимагии сумел обессилить его взглядом, но огненный чародей ускользнул, пробурился сквозь одного из магматиков, ворвался в его недра и взял под контроль. Повинуясь Хаштубалу, колосс раздулся еще сильнее, налился безумным жаром и теперь безумствовал в самой гуще.

Погонщики стихий кинули на него всех своих магматиков, и пламенные великаны превратили пещеру в кромешный ад. Туда, где они хлестались, никто не смел и сунуться.

Магматиков Хаштубал занял, дрался один с целой полусотней – но больше его ни на что не хватало. Ничем другим он теперь пособить не мог. А хобиев и йоркзериев против цвергов и кобольдов было только что не вдесятеро.

- Ты это, кобольд!.. – окликнул Фырдуза Брастомгруд, пока его гвардейцы орудовали топорами. – Там в книжке-то этой, как, не найдется чего такого, чтоб, скажем, разом – и вжи-их!.. Ну ты меня понимаешь, да?..

- Понимаю, ваше превосходительство, как тут не понять... – отвел взгляд Фырдуз.

Но что ответить – он и не знал. Метеор под землей не наколдуешь, а Обличье Саранчи – заклятие небыстрое, да и не остановишь его потом...

Не Призыв же Темного Господина читать!

- Давай быстрее! – рявкнул Брастомгруд, паля из жахателя. – Что копаешься?!

Хобии-то уже насели будь здоров – еще минута, еще две, и сомнут, раздавят. Фырдуз в ужасе листал страницы, ища что-нибудь пригодное – и зная заранее, что не найдет. Он ведь уже не один раз прочел Криабал с начала до конца, помнил там каждую страницу...

- Тут нет такого!.. – отчаянно возопил он. – Тут нет такого!..

- Ну прощай тогда, кобольд, - вздохнул Брастомгруд. –

Спасибо за службу, в Шиассе свидимся.

И вот тут грянуло. В самый последний момент, когда от надежды ничего уже не осталось. Посреди пещеры распахнулся громадный портал... и из него повалила орда!..

Гоблины. Орки. Тролли. Огры. Ботвинники. Минотавры. Гарпии. Великаны. Циклопы. Темные эльфы. Сил-уни. Нежить всех видов и сортов. Черные колдуны Империи Зла. Они текли бурным потоком – конные, пешие и летучие, вооруженные до зубов и ревущие в унисон:

- БЕЛЬ-ЗЕ-ДОР!.. БЕЛЬ-ЗЕ-ДОР!.. БЕЛЬ-ЗЕ-ДОООООРРРР!!!

Легионы Страха переломили битву мгновенно. Строй хобиев разворотили боевые бегемоты и проредили паргоронские псы. Отовсюду летели огненные шары и сверкали молнии. Бессчетные прихвостни с ором и криками рвались в самую гущу. Циклопы и великаны топали ножищами и лупили дубинами из цельных стволов. Шлеп!.. Плесь!..

Вокруг расцветали кровавые цветы.

Насевших на Фырдуза и Брастомгруда хобиев словно сдуло ветром. Один уже целился в кобольда из самострела, когда его схватило летучее длинношеее чудище. Сидящий на нем... сначала показалось, что это сам лорд Бельзедор и есть. Доспехи похожи. Но потом стало видно, что этот все же помельче, поуже в плечах. Крупнее человека, но не слишком.

- Бросайте оружие! – гаркнул лорд Кромбах, размахивая копьем с тремя нанизанными хобиями. – Сдавайтесь! Или всю следующую луну мои орки будут жрать кротовью тушенку!

Виверна, на которой он сидел, подбросила еще живого хобия – и перекусила пополам.

Вскоре сопротивление угасло. Уцелевшие йоркзерии бежали в свою бездну, оставшиеся без пригляда магматики просто развалились, а хобии застыли с вздернутыми руками.

Под каменным сводом воцарилась тишина.

А потом она взорвалась криками восторга.

Глава 30

Цверги и кобольды вопили, как пьяные. Грозные бородатые воины плакали, словно дети. Кто-то исступленно бил в ладоши, кто-то истошно верещал от счастья.

А хобии уныло опустили рыльца. Они еще не до конца поняли, что это поражение для них означает, но грядущая расплата уже нависла черной тенью, и Подгорное Ханство явно не ждало ничего хорошего.

- Ух ты, мы победили, - утомленно произнесла Джиданна. – Ура.

Конечно, победа в решающем сражении – это еще не победа в войне. В Гаратаке по-прежнему сидит ханша со всеми своими тарханами и тайджи, ни один цверг или прихвостень еще и шагу не ступил в Подгорное Ханство, да и почти весь Кобольдаланд остается под хобиями. Но дальнейшее было уже только делом времени – и все это отлично понимали. Даже если Легионы Страха уйдут прямо сейчас – только делом времени.

И это при том, что уходить они никуда не собирались. Кем-кем, а благотворителем Темный Властелин точно не был. Свои расходы и военные потери он собирался возместить с лихвой, разграбить побежденных дочиста. Неизвестно, останутся ли у тех средства на контрибуцию в пользу Яминии.

Но от искателей Криабала никто больше ничего не требовал. Они снова собрались вчетвером, да еще Фырдуз пятым. Причем Плацента приволок котелок грибного кулеша, который украл у хобиев.

- Ты что, правда будешь это есть? – спросила Джиданна, глядя на торчащих из кулеша червей.

- А что не есть-то? – не понял Плацента. – Недосолено, конечно, но жрать можно. Тут и на вас хватит, тля.

Джиданна поблагодарила, но отказалась. Отказался и отец Дрекозиус. А вот Мектиг и Фырдуз принялись работать ложками. Дармаг за пять лет в тундре едал и не такое, а для кобольдов черви и грибы – любимое лакомство.

- Ну и правильно, тля, - прочавкал Плацента, глядя на жреца и волшебницу. – Вы оба жирные, вам худеть надо.

Теперь, когда закончилась битва, они пятеро могли наконец-то немного отдохнуть. Просто посидеть спокойно, никуда не торопясь. Им даже мародерствовать не сильно хотелось, хотя Плацента и дергался немного, видя марширующих прихвостней.

- Не боишься, что без тебя все растащат? – спросила Джиданна, поняв его душевные терзания. – Бежал бы уж следом.

- Да тут далеко бежать-то, тля, - проворчал полугоблин. – Слышь, крысеныш, тут далеко вообще?

- Да уж не близко, - ответил Фырдуз. – Вот как от Кободарда досюда мы шли – так вот до Подгорного Ханства еще столько же примерно осталось.

- Ну на кир тогда, - махнул рукой Плацента. – В анналы.

- Смотри не пожалей потом, - усмехнулась Джиданна, хлопая себя по карманам. – Ярыть, где мой кошелек?..

- Возьми, - пробасил Мектиг, суя ей заостренную палку. – Это тебе.

- Не надо, спасибо, - отказалась волшебница. – Она не будет дерево... а, вот же!..

Кошелек почему-то лежал не в том кармане, где обычно. Странно. Джиданна могла бы поклясться... хотя неважно. Главное, что он на месте, и все монеты там на месте. Волшебница достала тяжелый золотой октогон и принялась кормить трясущуюся от нетерпения Леди Белку.

Мектиг уныло уставился на свою палку.

Цвергский лагерь наполовину опустел. Воеводы спешили, распоряжались. Пленных обезоружили и теперь пересчитывали, распределяли по группам. Собирали трофеи. Хватали их наперегонки с прихвостнями. Три самых мобильных легиона уже отправились на восток, в Подгорное Ханство. Успеть занять там хоть что-нибудь, урвать хоть какую-нибудь часть трофеев.

- Сейчас день или ночь? – спросил Мектиг, глядя на эту кутерьму.

- Затрудняюсь ответить тебе в точности, сын мой, - сказал Дрекозиус. – Ранее я пытался вести счет времени, но, к стыду своему, должен признаться, что некоторое время назад сбился. Досадую на то искренне, можешь мне поверить.

Они все давно сбились. Под землей день и ночь быстро становятся чем-то не слишком важным. Привыкаешь не видеть неба, привыкаешь засыпать и просыпаться не по солнцу, а по ударам большого гонга или просто по воле телесных гуморов.

И если ты не родился под землей, если не прожил здесь всю жизнь – от постоянной темноты довольно скоро устаешь. Несколько дней еще нормально, а потом на сердце ложится какая-то тяжесть. Приходит бессонница, апатия, усталость. Хочется хотя бы мельком увидеть солнце.

- Какая накир разница, день сейчас или ночь? – проворчал Плацента. – Я устал и дрыхнуть хочу. Вот что важно.

- Ну так и дрыхни, - посоветовала Джиданна, глядя на

Брастомгруда, говорящего с Хаштубалом.

Воевода неловко благодарил. Склонился в низком поклоне и все не мог поверить, что волшебник не просит никакой награды, не ждет праздника в свою честь или десятой доли добычи.

А Хаштубал досадливо морщился. Он уже опоздал к началу экзаменов и торопился поскорее отбыть. На помощь Яминии он явился по личной просьбе Локателли и нужды в своем присутствии больше не видел. Не дослушав сбивчивые комплименты, глухой к похвалам полудракон взмахнул рукой и вознесся в огненном вихре.

- Ишь, важный какой, - пробурчал Плацента, провожая его взглядом. – Небось не важничал бы так, будь его папка не драконом, а гоблином, тля!..

- Его отец был человеком, - сказала Джиданна. – Каким-то рыцарем, если я правильно помню. Драконом была мать Хаштубала.

Рожа Плаценты исказилась в буре эмоций, брови Фырдуза поползли кверху и даже Мектиг чуточку изменил выражение лица.

- Могучий воин был, - подумав, сказал он. – Наверное.

Они выпили за родителей Хаштубала. В мешке Плаценты нашлась бутыль крепкого эля, а Фырдуз прочел на всех заклинание Пищи. Вокруг полыхали огни – цверги тоже отмечали победу. Пили в три горла, горланили песни, палили из жахателей и даже запускали фейерверки.

По мере того, как пустели лагерь и бутыль, искатели Криабала ощущали все большее родство душ. Они по-прежнему не слишком-то нравились друг другу, но теперь это была уже терпимая, в каком-то смысле даже дружелюбная неприязнь. Так недолюбливают вздорных дядюшек и тупых кузенов, которых не особо-то рад видеть в гостях, но они все-таки часть твоей семьи, так что ты не стараешься быть вежливым, но и не избегаешь их общества.

- Здесь мы вроде закончили, - подытожила Джиданна. – Куда дальше двинем? Вернемся к Темному Властелину?

- Полагаю, дочь моя, что нынешний наш наниматель укажет путь, - сказал Дрекозиус. – А он, хоть и является непереносимым злом и ужасом всего мира севигистского, теперь господин наш, так уж судьба сложилась. А все мы помним, что в Ктаве рекомендуется повиноваться начальствующим, ибо сами боги поставили их над подчиненными...

- Да плевал я на твою сраную книжку, тля, - сплюнул Плацента. – Я эготеист, тля.

- Знаю, сын мой, знаю. Как вообще вышло, что ты избрал себе

столь непотребную веру?

- Просто она единственная, которая действует, - осклабился Плацента. – Мой блеваный бог вправду слышит мои молитвы, получает мои жертвы и всегда готов помочь, потому что мой блеваный бог – это я сам и есть, тля! А вы все продолжайте бить поклоны кир знает кому!

- Короче, ждем пока здесь, - снова подытожила Джиданна. – Поступят новые указания – хорошо. А пока сидим и не рыпаемся.

- Если можно, я бы хотел отправиться поюжнее, - робко попросил Фырдуз. – Там Суркур, мой родной город. У меня там сестра осталась, племянник...

- А далеко ли дотуда, сын мой? – осведомился Дрекозиус.

- Если пешком – дней шесть пути, - вздохнул кобольд. – Но, может, и всего пять, если быстро идти.

Искатели Криабала не выказали воодушевления. Никому не хотелось еще пять или шесть дней топать по холодным темным туннелям. Их порядком утомила подземная война, и хотя вышли все из нее невредимыми, они предпочли бы теперь отдыхать, а не переться опять бушук знает куда.

Да Фырдуз и сам понимал, что путь неблизкий. Такая уж форма у Кобольдаланда – сильно вытянутая с севера на юг. Пересечь его с запада на восток – дело недолгое, дня за четыре можно управиться. А вот если идти вдоль длинной оси – тут все пятнадцать клади, быстрее не выйдет.

- Мы обдумаем это, сын мой... – дипломатично начал Дрекозиус, но его перебил сам Фырдуз.

- Слышите?.. – тревожно сказал он, поводя ушами.

Все прислушались. Потом пожали плечами.

- Носок, мы в огромном лагере, - напомнил Плацента. – Тут много чего слышно. Ты о чем вообще?

- Это не из лагеря! – вскочил на ноги Фырдуз. – Я знаю этот грохот!

- Какой грохот, сын мой? – осведомился Дрекозиус.

- Это шаги дракона!

- Возможно, лорд Бельзедор прислал сюда часть своей эскадрильи...

- Нет-нет-нет, этого дракона я знаю!.. Я его очень хорошо знаю!.. – заверил Фырдуз, торопливо собирая вещи в мешок.

- А что, шаги одного дракона чем-то отличаются от шагов другого? – спросила Джиданна, отхлебывая чай. – И ты настолько хорошо их различаешь? Мое уважение.

- Я их вообще не различаю! Но этого я узнаю из тысячи! Он преследует меня уже... долго!..

- ...Где ты, маленькая тварь?! – раздался приглушенный рев.

Теперь вскочили и остальные искатели Криабала. До этого им еще казалось, что Фырдузу просто что-то причудилось, что он опять боится невесть чего... ну кобольды вообще пугливые существа, а тут и в целом ситуация нервная. Но грохот стремительно усиливался – и уже не только Фырдуз это слышал. Весь лагерь всполошился, с юга уже бежали вопящие цверги.

Бесстрашные воины Яминии тоже сначала решили, что это одно из союзных чудищ – в Легионах Страха их хватало. Но нашедший наконец похищенный Криабал Орказарок топтал шатры и поливал пламенем кобольдов. На цвергов почти не обращал внимания, а вот кобольдов высматривал и пускал в них огненные струи. В пещере стало светло – только был этот свет совсем не похож на солнечный.

- Ярыть!.. – ахнул Фырдуз, видя такую расправу с сородичами. – Эй, я здесь!.. здесь!..

- Заткнись!.. – схватил его за горло Плацента. – Заткнись!..

Но было поздно. Орказарок услышал. Он и так шел прямо сюда, чувствуя Рваный Криабал – а теперь вытянул шею и ускорил бег. Крылья он в гневе прижал к телу.

- Спасаемся!.. – крикнул Дрекозиус, тут же развивая неожиданную прыть.

Даже Мектиг не стал возражать. Громадный дракон смял, разметал военный лагерь, как кучку бумажных кубиков. Опомнившиеся цверги развернули к нему тяжелые жахатели и стрелометы, но боевые машины оказались почти бесполезны против такого колосса. Орказарок ломал их лапами, разрывал пастью, обращал в пепел, пожирал операторов – и продолжал переть напролом.

- Цельтесь в глаза!.. – кричал какой-то воевода. – Цельтесь в глаза!..

В глаза и целились – да толку-то? Царь драконов не по наследству свой титул получил. Он жил в этом мире с глубокой древности и умел воевать с целыми армиями.

К счастью для цвергов, воевать с ними он не собирался. Его влекло только одно – похищенная книга и один маленький несносный выродок.

- Среди вас есть один кобольд! – проревел он. – С книгой! Если прямо сейчас он не покажется, я сожгу здесь все дотла!

В подтверждение своих слов дракон полыхнул пламенем. Несколько шатров рассыпались пеплом, расплавился тяжелый жахатель.

Вот уж когда все пожалели, что Легионы Страха ушли дальше на восток, а Хаштубал Огнерукий улетел совсем. Здесь вообще остался только обоз, раненые, да медлительные боевые машины.

- Я должен выйти к нему!.. – взмолился Фырдуз, пытаясь вырваться из хватки Мектига.

- Нет, - только и ответил дармаг.

- Необдуманно, сын мой, необдуманно! – заверил Дрекозиус, пробираясь между шатрами. – Нам всем слишком нужен твой Криабал, мы не имеем права передать его этому злокозненному ящеру!

- Но он убьет всех! Это не пустые угрозы!

- А так он убьет нас! – прошипел Плацента. – Просто читани Побег, тля!..

- Нет! – отказался Фырдуз. – Если мы просто сбежим, он будет искать нас тут дальше! И сожжет всех!

- Он прав, - неожиданно присоединилась Джиданна. – Нам надо вначале показаться ему на глаза, а потом уже сбежать. Тогда у него не будет причин тут оставаться.

Плацента хотел было заорать, что ему такой план не нравится, но рядом упала горящая балка. Один из плевков Орказарока поджег стреломет, у которого искатели Криабала прятались.

- А-а-а, тля!.. – заверещал полугоблин, отскакивая от огня самым первым. – Э, тля, слышь, говно летучее, жаба блевучая!.. Сюда быстро посмотрел!..

Орказарок резко повернулся – как раз чтобы увидеть Мектига, вскинувшего Фырдуза на вытянутых руках. Словно знамя поднял.

Трясущееся в страхе знамя.

Длилось это недолго. Едва убедившись, что Орказарок его увидел, Фырдуз торопливо прочел:

- Маракурита орхара баста! Иневорк! Сото риаро, армеда хили!

Волшебным ветром его перенесло на добрых три вспашки. И не только его, но и остальных искателей Криабала, крепко уцепившихся за ноги. Джиданне растрепало волосы, Дрекозиус споткнулся и едва не упал, но в целом портировались они благополучно.

- А теперь бежим! – крикнул Фырдуз, как только все пришли в себя.

Вовремя. Сзади уже снова доносился топот. Пока еще приглушенный, едва-едва слышный, но все же. Три вспашки – расстояние большое, но не громадное, а в такой просторной пещере и дракону просторно.

- Держитесь снова за меня! – воскликнул Фырдуз и затараторил: - Маракурита орхара баста! Иневорк! Сото риаро, армеда хили!

Их снова перебросило – и на сей раз, к счастью, немного в

сторону, в один из боковых туннелей. Даже в какой-то отнорок или лабаз. С трех сторон были глухие стены, а с четвертой круглая дверца.

- Ну здесь-то он нас не найдет? – спросила Джиданна.

- Разведать надо, - с важным видом сказал Плацента, приоткрывая дверь.

За ней оказался темный коридор – но из-за поворота выбивался свет. Искатели Криабала пошли к нему... и уставились на дюжину хобиев и вдвое больше йоркзериев.

Хрясь!.. То Мектиг сорвал с пояса секиру и рубанул ближайшего. Без единого слова.

Но одолеть такую толпу даже ему вряд ли бы удалось. Туннель не был настолько узок, чтобы выбивать по одному, а два хобия уже достали жахатели. Если и не прошибут мифриловой кольчуги – лицо осколками точно посечет.

Это явно был один из «брызг» разбитой армии – в плен взяли не всех, многие успели дать деру. И они опешили в первый момент, приняли искателей Криабала за поисковый отряд – но быстро смекнули, что их в несколько раз больше.

- Бежим! – крикнула Джиданна, взяв белку за шейку и брюшко.

Та разинула пастишку и полыхнула пламенем. Хобии и йоркзерии подались назад, Мектиг крутанул секирой – и искатели Криабала бросились наутек.

В последнее время им часто приходилось это делать.

- Абан тук агас!.. – крикнул Фырдуз, оборачиваясь на бегу. – Абан тук агас!..

Два хобия упали замертво. Несколько других отшатнулись, еще один споткнулся о труп и покатился кубарем – но в падении выстрелил из жахателя. Горсть камешков врезалась под колено Джиданне, и та тоже упала. Очки свалились с носа и полетели в сторону.

Мигом спустя волшебницу подхватил Мектиг. Резко развернувшись, он замахнулся секирой, а другой рукой перекинул Джиданну через плечо.

- Абан тук агас!.. – снова крикнул Фырдуз, хватая Мектига за пояс. – Маракурита орхара баста! Иневорк! Сото риаро, армеда хили!

Их в третий раз подхватило и унесло. Они снова оказались в гигантской пещере – и вдали снова виднелся силуэт гигантского черного дракона. А вокруг торчали сталагмиты – настоящий лес сталагмитов.

- Мне колено прострелили, - сдавленно произнесла Джиданна. – Больно.

Заниматься раной было некогда – Орказарок уже почуял, что Рваный Криабал переместился. Голова на длинной шее описывала круги – дракон вынюхивал ненавистного кобольда.

- Достопочтенный кобольд, возможно, я не совсем кстати об этом спрашиваю, но нельзя ли этим заклинанием переместиться хотя бы немного подальше?! – взмолился Дрекозиус, глядя на кровоточащую ногу Джиданны. – Или отчего бы тебе не применить заклинание для отвода глаз?!

- Незаметность не поможет против того, кто тебя уже видел! – досадливо воскликнул Фырдуз. – А Побег можно изменить так, чтобы вернуться прямо домой... но в моем доме сейчас хобии!

- Сын мой, так что же ты молчал?! – всплеснул руками Дрекозиус. – В моем-то доме хобиев нет! Ты только укажи, какие слова читать!

Фырдуз торопливо принялся объяснять, пока Орказарок крушил сталагмиты. Они оказались поистине спасительными – даже дракона этот каменный лес хоть ненадолго, но замедлил. Взлететь в таком тесном пространстве у него тоже не получалось.

Мектиг тем временем продолжал удерживать на руках Джиданну, а та близоруко щурилась. Белка суетилась под платьем, пыталась сама что-то сделать с раной, но там засели жахательные камушки, да и волшебница от боли не могла войти с фамиллиаром в унисон.

- Держи, ты потеряла, - сунул Джиданне очки Плацента. – Ты не сдохни тут, а то получится, что я зря их, тля, искал.

Волшебница надела очки, недоверчиво глядя на полугоблина. Надо же, успел подобрать. Одно из стекол треснуло, правда, но это лучше, чем совсем ничего.

- Что, Джи-Джи, снова видишь мир? – хмыкнул Плацента.

- Вижу. Он убог.

Теперь Джиданна и лицо Мектига сумела четко разглядеть. И ей кажется, или он действительно смотрит на нее как-то... иначе?.. Со страхом?.. с беспокойством?.. волнуется за нее, что ли?.. тревожится?..

Да ладно, не может быть. За Джиданну в жизни никто не тревожился. Даже родители и братья.

И он по-прежнему держал ее на руках. Ступить на простреленную ногу не получалось.

- Спасибо, - неловко улыбнулась волшебница.

Ее собственный взгляд тоже потеплел... но только на секунду. Потом глаза Джиданны расширились, а лицо побелело от ужаса.

- Там!.. – показала она.

Все обернулись – и увидели... да вроде и ничего особенного. Просто черное пятнышко вдали, под самым потолком. Его почти и

не видно было в темной пещере – но почему-то его все сразу заметили. Достаточно было поймать эту штуку взглядом, чтобы сердце странно екнуло, а к горлу подкатил ком.

И эти ощущения оказались для всех знакомыми. В точности то же самое искатели Криабала испытывали уже дважды – в Цитадели Зла и над Синими горами, когда выручали кобольда.

- Антикатисто тоже нас нашел! – воскликнул Дрекозиус. – Скорее дай книгу, сын мой!

Но Фырдуз словно оцепенел от страха. Рваный Криабал как будто застрял в его руках, а у Дрекозиуса не получалось прочесть заклинание вверх ногами. Несколько томительных секунд они не могли разобраться – а тем временем дракону оставалась какая-то сотня шагов, а черная клякса приблизилась настолько, что стали видны человеческие очертания...

- Вызывай Медариэна!.. – крикнула Джиданна.

- Зеркаль Бельзедору!.. – завопил Плацента.

Дрекозиус заметался в растерянности. Одной рукой он стиснул Перстень Дружбы, другой искал за пазухой дальнозеркало, в то же время пытался прочесть Криабал из трясущихся рук Фырдуза... и не успевал ни того, ни другого, ни третьего. Воцарилась дикая паника, и все орали вразнобой:

- Мы все умрем!..

- Верни мой Криабал, крысеныш!!!

- Тля, сука, тля!..

- ...пфхшшш... пхшшшш...

- А-а-а-а-а!!!

- Эгей, кого подвезти?!

- Что?..

Чуть-чуть обогнав дракона, рядом с искателями завис огромный зверь. Затормозил о воздух всеми двенадцатью лапами, распахнул дверь в мохнатой шкуре и выкатил из нее ступенчатый... язык, наверное.

- Ура, вехот, мы спасены!.. – воскликнула Джиданна, пока Мектиг вносил ее внутрь. – Никогда не думала, что скажу такое.

- Пропустите служителя богов, дети мои!.. – лез следом Дрекозиус, таща за шиворот Фырдуза.

- Тля, быстрее, быстрее, тля!.. – верещал Плацента, толкая их в спину.

- Э, а поздороваться?.. – хмыкнул вехот, захлопывая дверь и резко поднимаясь вверх. – Я вас сейчас выгоню всех!

- Нет!.. – вскрикнули все разом.

Секундой спустя на место, где они стояли, обрушилось пламя. А за вехотом, совершив крутой поворот, уже летела черная клякса. С нее срывались сгустки чистой Тьмы – и демон еле

успевал увертываться. Он с удивительной скоростью мелькал среди сталагмитов – а следом мчался Антикатисто, оставляя колею скверны. Тварь окружала словно россыпь черных звездочек – и все, чего они касались, рассыпалось в пыль.

Но по крайней мере Орказарок оставил их в покое почти сразу. Поняв, с кем снова пересекся, он издал страшный рев, саданул вслед пламенным столбом и плюхнулся на зад. С бессильной злобой он смотрел, как растворяются во мраке пещеры вехот и преследующий его Антикатисто.

- О, клево, дракон! – воскликнул кто-то сзади. – Можно сфоткаться?

Глава 31

- О, клево, дракон! – воскликнула Лахджа при виде этого гиганта. – Можно сфоткаться?

Орказарок медленно повернулся и смерил ее взглядом. В первый момент он удивился, что эта безоружная девица в одной только шляпке стоит так близко к нему и остается такой спокойной, но потом сообразил – демон. Конечно, демон. Кто еще может источать такую зловонную ауру?

- Кто ты и что тебе надо? – устало спросил он.

- Фотку, - пояснила Лахджа. – Ну, совместную инкарну сделать.

- Зачем?..

- На память. Можно?

- Нельзя.

- Жмот, - беззлобно сказала демоница, принюхиваясь к воздуху. – Можно подумать, от тебя убудет.

Она отрастила на теле несколько хоботков разной формы и принялась одновременно нюхать, пробовать вкус, считывать ауру и мерить температуру. Один особенно длинный хоботок протянулся к изъеденному Тьмой сталагмиту и брезгливо отдернулся.

- Так-так, - бормотала Лахджа, бегая на костяных лапах-иглах. – Ага. Да, те самые типы. Три человека, полугоблин, вехот... гм, кобольд. И еще... да, элементаль Тьмы. Хм. Постойте. Зачем элементаль Тьмы? Не, он нам тут не нужен.

- Гхрррррмм!.. – издал приглушенный рык Орказарок.

- Ах да, и еще дракон, - подняла голову демоница. – Чуть не забыла. Не совсем то, что я планировала найти, но тоже неплохо. Я люблю драконов, видишь ли. Драконы классные.

С этим Орказарок спорить не стал. И ему стало любопытно, что это за несуразное существо. Он бы сходу его сожрал, но хотелось все-таки вначале узнать имя своей пищи. Да и выяснить, не ядовита ли она – а то от демона иногда и вывернуть может.

Даже если ты дракон.

- Кто ты и что тебе надо? – повторил он свой вопрос.

- Хм-м-м... – задумалась Лахджа. – Хм-м-м... А вот скажи, не передавали ли эти типы тебе ларчик?

- Нет. Какой еще ларчик?

- Тогда от тебя ничего не надо. Кроме фотки, возможно.

Демоница отвернулась, продолжая считывать ауру вехота.

Тут случилось слишком многое одновременно, так что след немного запутался. Особенно напортил элементаль Тьмы – эти твари как будто всю картину мира закрашивают черной краской.

Но розыскное Ме не подвело и в этот раз. Оно показало направление, отметило точку, в которой вехот телепортировался... не сам, видимо. Грива у него все еще не отросла, Лахджа успела заметить. Значит, его перенес кто-то из пассажиров. Ну да, среди них же точно есть как минимум один волшебник, это она уже выяснила.

- Ты тоже разыскиваешь этих выродков? – громыхнул сверху дракон. – Зачем?

- Они обокрали моего господина, - рассеянно ответила Лахджа. – Забрали его любимую игрушку. Она не была его любимой, но потом ее украли – и готово, она теперь ему дороже всех сокровищ мира. Теперь я ношусь, как сраный веник. Пытаюсь ее вернуть.

- Какое совпадение, - грозно процедил Орказарок. – У него они тоже украли... что конкретно они у него украли?

- Да я сама не знаю, - пожала плечами Лахджа. – Ларчик вот такого размера. А что внутри, он даже мне не сказал.

Орказарок изучил разведенные ладони демоницы. Нет, Криабал в такой ларчик не поместится.

- А у тебя с этими ребятами какие отношения? – как бы невзначай спросила Лахджа. – Они твои друзья или что?

- Нет! – рявкнул дракон. – Они мне не друзья! Они презренные воры! По крайней мере один из них! Они украли у меня... книгу.

- Книгу?.. – удивилась Лахджа. – Особенную какую-то или просто последний том «Гарри Поттера», который ты не успел дочитать?

- Не твое дело, демон, - процедил дракон. – Гнусные твари. Являетесь тут. Вынюхиваете. Крадете!..

- Эй!.. Ты выражения-то выбирай! Лично я у тебя ничего не крала! Давай не будем с полуоборота становиться врагами!

Орказарок гневно запыхтел. Ему страшно хотелось на ком-нибудь сорвать злость. Слишком долго он носился за этим кобольдом, почти преуспел – и опять остался на бобах.

Но эта женщина, во-первых, высший демон. Делать своим врагом высшего демона без веской причины действительно не стоит. А во-вторых, она тоже преследует гнусного кобольда... или его спутников, неважно. Главное, что она здесь тоже пострадавшая сторона.

К тому же Орказарок чувствовал неприятную тяжесть в животе. Он только что сожрал целую кучу цвергов. А они хоть и

сытные, но жилистые, волосатые и носят броню. Мифрил плохо переваривается даже драконьим желудком.

Конечно, сотня-другая цвергов для дракона его размеров – тьфу, едва на один зуб. По-настоящему старые и крупные драконы вообще почти ничего не едят, замещая эту потребность природной магией. Чем старше дракон, тем он волшебней сам по себе, даже если не знает ни одного заклинания.

Но переваривать мифрил это не помогает. В брюхе от него все равно тяжело. И через несколько дней Орказароку предстоит неприятная процедура...

- Ладно, не трону тебя, - снисходительно произнес он, поднимаясь на четыре лапы. – И мне тут делать больше нечего.

- Да мне, в общем-то, тоже... – кивнула Лахджа. – Разве что вот... а сфоткаться точно не позволишь?..

- Нет, - огрызнулся дракон.

- Ладно. Тогда дай свой коготь. На память.

- Гнусный демон, как ты смеешь?!

- Тогда зуб. Может, у тебя есть молочные?

- Я не млекопитающее, дура!!! – перешел на рев дракон.

- Не ори на меня, - утерла слюну с щеки Лахджа. – Дай чешуйку хотя бы. Не будь говном.

- А ты знаешь, сколько лет восстанавливается вот такая чешуя?!

Демоница оглядела его с головы до ног. Да, чешуйки громадные и очень толстые. Скорее стальные щиты, чем роговые пластинки. Такой сувенир и унести-то нелегко будет – он размером почти с нее саму.

Да и вообще очень красивый дракон. Огромный, черный, блестящий. Важный такой. Глаза злющие, но умные.

- Ладно, не надо, - сказала она. – Стой, а это что там?!

- Где?.. – повернул голову дракон.

- Отличный кадр, - щелкнула фотоаппаратом Лахджа. – Спасибо, что попозировал.

- Что ты сделала?! – резко напрягся Орказарок. – Что там у тебя?!

- Да ничего. Просто фото.

- Что такое «фото»?!

- Да картинка, - показала экран демоница. – Твое изображение.

- Зачем она тебе, демон?..

- Да на память просто! – начала раздражаться Лахджа. – Отстань уже!

- На память?..

Глаза Орказарока стали наливаться кровью. Лахджа

недоуменно смотрела на него, не видя ничего такого в какой-то глупой фотке... но дракон-то понятия не имел, что такое фотография. И сейчас он не видел перед собой безобидную туристку – он видел демона, держащего загадочную черную шкатулку с его малюсеньким портретом.

А Орказарок прекрасно знал, кто такие демоны и чем они промышляют.

- Отдай мне эту штуку! – сделал шаг он.

- Вот еще! – обиделась Лахджа и сунула фотоаппарат в раскрывшуюся сбоку кисту. – Но если у тебя от этого так припекает, давай удалю!

- Что ты там удалишь?..

- Тебя удалю!

У Орказарока расширились зрачки. Он резко разинул пасть – и обдал демоницу пламенем. Белым слепящим потоком.

От жара расплавился камень. Три сталагмита обернулись оплывшими холмиками. А в эпицентре осталось обугленное тело. Кожа стекала с костей, жир шкварчал, глаза с тихим шипением лопнули, от крыльев остался только остов.

Пару секунд казалось, что демоница мертва. Она даже упала на колени и начала было заваливаться набок... но тут же выпрямилась. Время как будто пошло назад – стали восстанавливаться мышцы, наросла свежая кожа, снова загорелись глаза, распахнулись за спиной крылья. Лахджа тряхнула платиновыми волосами и тут же принялась копаться в кистах с вещами.

- Фух, фотоаппарат уцелел! – выдохнула она. – Но я тебя все равно сейчас угандошу.

На последней фразе голос у нее погрубел. Пока Орказарок не опомнился, пока не полыхнул пламенем снова, Лахджа резко разрослась во все стороны. Крылья стали еще больше, тело покрылось небесно-голубой чешуей, хвост и шея вытянулись... и она тоже полыхнула пламенем!

- Йе-е-е!.. – завопила она, поднимаясь в воздух и суча лапами. – Битва драконов!..

Орказарок слегка изогнул шею. Огонь Лахджи опалил ему грудь, но он едва это почувствовал. Древний ящер спокойно мог купаться в магме, и магма почти что текла в его венах.

Нужен был кто-то ему соразмерный, чтобы хоть чуточку обжечь.

- Ты что, считаешь, что лазурный дракон способен меня одолеть?! – прогремел он, тоже распахивая крылья.

- Эй, ну я не могу стать размером с тебя! – возмутилась Лахджа. – Извини уж!

Она и в самом деле не могла. Ее Ме позволяло увеличить массу тела не более чем в тысячу раз. Этого хватает на дракона вполне приличных размеров... но уж никак не на подобную громадину.

Так что рядом с Орказароком она казалась карликом. Всего лишь лазурный дракон, почти втрое мельче черного и раз в двадцать легче. Зато и куда более юркий – и Лахджа это продемонстрировала. Легко уйдя от нового потока пламени, она пронеслась у Орказарока под брюхом, куснула за лапу и воспарила на развернутых крыльях. Пространства в пещере хватало.

- Не вертись!!! – заревел обозленный Орказарок, тоже описывая пируэт, но куда более широкий. Когда он полностью развернулся, Лахджи на том месте уже не было – она переместилась почти к самому потолку. – Стой на месте!!!

Он принялся палить огненными шарами. Разинул пасть во всю ширь, и где-то между языком и нёбом возникла голубая точка. С нее сорвалась одна резко расширившаяся сфера, другая, третья... они взрывали каменный свод, и Лахджа едва успевала уйти от одной, как в нее уже летела другая.

- Почему ты так хочешь меня убить?! – обиженно крикнула Лахджа. – Что с тобой не так, урод вонючий?! Я же такая красивая драконица!

- Ты считаешь меня идиотом?! – проревел Орказарок. – Я же знаю, что ты демон! Гнусная тварь, принявшая светлый и чистый облик!

- Ну я могу принять и другой облик, ладно, - холодно сказала Лахджа.

Ее лазурная драконица исказилась. Трансформировалась в жуткую тварь с кучей глаз и кольцевидным ртом. Чешуя вздыбилась и вытянулась в шипы, лапы обернулись кривыми крючьями, а на хвосте блеснуло ядовитое жало. Демоница крутанулась вокруг своей оси, метнулась к Орказароку, плюнула зеленым комом и резко ушла в сторону.

Кислота расплескалась по чешуе. И вот это дракону не понравилось – в месте попадания его броня треснула и оплавилась. Секундой спустя в него угодил второй зеленый ком – а за ним и третий.

Орказарок гневно закричал. Удары не наносили ему серьезного вреда, но больно щипали – и дракон все сильней злился. Уже не пытаясь бить прицельно, он разинул пасть – и полыхнул сплошной струей. Белое пламя взрезало потолок, осветило пещеру словно кометой. Вниз посыпались сталактиты – и среди них летела Лахджа.

Ей не хотелось снова попадать под это пламя. В прошлый раз она регенерировала, но боль была поистине мучительной.

Лахджа давно привыкла к боли, но это все равно каждый раз неприятно.

А если Орказарок снова ее поджарит, то может успеть и проглотить. А если он ее проглотит... тут есть разные варианты. Если он внутри не слишком прочный, она вылезет через естественный проход или прогрызет дыру. Но если у него там тоже броня или особо едкий желудочный сок... не, лучше не проверять.

Она же не демолорд все-таки. Да, в Паргороне она где-то на уровне баронов и вексилляриев. По меркам смертных она невероятно могущественна.

Но дракон – это отнюдь не смертный. А царь-дракон – это вообще что-то запредельное. Гигантская боевая машина, чистая квинтэссенция убойной мощи. Даже если он не владеет магией – все равно противник страшный.

И приземлившись, Лахджа тут же снова сменила форму. На этот раз – резко сократилась. Уменьшилась до размеров крупной крысы, отрастила целый набор когтистых лапок и буквально ввинтилась в землю. Все кисты в теле тоже уменьшились – а с ними и бесценные вещички, что демоница хранила в собственном теле.

Она успела в последний момент – сзади снова стало очень жарко. Орказарок вспорол своим огненным лучом теперь пол – и повел его зигзагами, вслепую ища противника.

Удирая от раскаленного воздуха, демоница погружалась все глубже. Вокруг был страшной твердости гранит, и ей пришлось соорудить соответствующие, почти алмазные когти. Идя сквозь породу, она становилась все тоньше и длиннее, вытягивалась на манер червя, и одновременно развивала чувства, помогающие ориентации.

Зрение стало бесполезным – долой его! Лахджа перешла на слух и обоняние, стала чувствовать вибрации камня. Всем телом она услышала гулкий толчок – и это мог быть только приземлившийся дракон. Полторы тысячи тонн живого веса.

Лахджа едва не оглохла от такого землетрясения. Но теперь она знает, где Орказарок сейчас. А Орказарок не знает, где сейчас Лахджа.

И она пошла вверх. Просверлила лунку, высунула глаз на нитевидном стебле и убедилась, что дракон смотрит сейчас в другую сторону. Выискивает ее там, среди обломков сталагмитов.

И всего в метре от нее – задняя лапа.

С кем-то помельче такое не прокатило бы. Лахджа не могла

стать менее чем восьмидесяти граммов массой. Не могла превратиться в настоящего червяка или насекомое – разве что суперплотное. Но этот черный колосс вдвое больше синего кита. Для него даже восьмидесятиграммовое существо – это что-то микроскопическое.

Совсем как анкилостома для человека.

В некое подобие анкилостомы Лахджа и превратилась. Только с лапками и ротовым аппаратом, способным сверлить сталь.

Для брони черного дракона этого все равно было слишком мало. Но на лапах у них чешуйки помельче и помягче. А Лахджа еще и выделила особо едкую кислоту. В сочетании с новыми зубами ее хватило.

В первый момент Орказарок ничего не заметил. Его шкура давно обрела каменную твердость и была почти так же чувствительна. Но потом демоница добралась до мяса – и для дракона это стало как игла в пятке.

Он завертелся, пытаясь понять, на что такое наступил. Потом сообразил, что это опять козни демона – и изогнулся, пробуя дотянуться до задних лап. Но даже молодому и гибкому дракону такое сделать непросто, а уж Орказароку, при его-то размерах...

И тогда он просто плюнул пламенем. Как горячий компресс наложил.

Три четверти демоницы были уже внутри самого дракона. Но хвост еще торчал наружу – и его спалило дотла. А изогнувшийся Орказарок продолжал дуть, хлестать огнем в собственную лапу. Выжигал паразита. Ему и самому стало больно, когда пламя коснулось мяса, но он терпел.

И через несколько секунд Лахджа не выдержала. Она не успевала регенерировать в таких условиях, и невольно вывалилась наружу. Дракон тут же хлопнул по ней лапой – и на камне осталась мокрая лепешка.

- Презренный паразит, - фыркнул Орказарок. – Подходящий облик для исчадия Паргорона.

Уверенный, что расправился с демоном, он отвернулся и зашагал прочь. Слегка подхрамывал, но это ничего, рана заживет. Орказарок получал и не такие.

А тем временем за его спиной мокрая лепешка стремительно росла. Матерь Демонов одарила Лахджу поистине мощными Ме. И хотя после такого восстанавливаться пришлось дольше обычного – но все равно уже через минуту демоница стояла на своих двоих.

Она уже могла бы свалить, дракон бы ничего не заметил. Но ее взяло зло, что он так горделиво уходит, как будто победил.

- Эй!.. – крикнула Лахджа. – Сбегаешь?! А извиниться не хочешь?! Ты не дракон, а ящерица ссыкливая!

Орказарок резко изогнул шею. Не поверив сначала глазам, он тут же снова распахнул пасть. Там опять вспыхнула белая точка – сейчас изойдет всеуничтожающим пламенем!..

На сей раз Лахджа не стала ни увеличиваться, ни уменьшаться. Осталась своего размера – но покрылась белоснежным панцирем. Огнеупорной броней. Взяла за образец чрепокожих – эти демоны защищены такой шкурой, прочней которой и не сыщешь.

Но поток пламени все равно обрушил ее на одно колено. Лахджа отрастила на руке костяной щит и пафосно им прикрылась. Ей было досадно, что некому сфоткать... и что она не до конца продумала свои действия. Огнеупорность – это здорово... но дальше-то что?

И из-за пламени она не увидела, как дракон идет обратно. Пара секунд, несколько шагов – и огненное дыхание смолкло. Орказарок дернул шеей, метнулся вперед, клацнул пастью – и на демонице сомкнулись клыки.

Давление было чудовищным. Ей едва не разворотило внутренности. Орказарок подбросил добычу, снова сжал челюстями и попытался проглотить. Лахджа таки уцепилась щитом за один из зубов, но дракон запрокинул голову, да еще и высек искру. Пасть словно охватило молниями – и вот здесь шкура чрепокожего уже не защитила!

- Фу... рун... да... рок!.. – выкрикнула Лахджа, трясясь от боли.

- Что-что?.. – раздался рядом гулкий бас. – Я не расслышал. Повтори.

- Сфот... кай... – выговорила Лахджа, клацая зубами. – Сфот...

- Это твое последнее желание? – издевательски спросил Фурундарок, паря среди драконовых молний.

Орказарок замер. Он услышал голоса из своей пасти. Два разных голоса. Фурундарок был так мал, что почти не занимал места, но аурой при появлении шибанул так, что даже дракону стало не по себе.

И он плюнул. Резко выпростал все содержимое пасти. И с изумлением уставился на две фигуры. Лахджа трепыхалась на камне, как раздавленное насекомое, а Фурундарок воспарил над ней и с явным удовольствием щелкнул фотоаппаратом.

- Боюсь, момент упущен... – простонала демоница.

- Не, сейчас как раз самый лучший, - заверил ее демолорд, продолжая снимать. – А я еще чем-нибудь могу помочь? Ты обращайся, не надо стесняться. Проси о чем хочешь. Униженно проси.

- А разве я недостаточно униженно выгляжу?..

- Вполне, вполне, - ухмыльнулся Фурундарок.

Он не стал заставлять Лахджу произносить просьбу вслух. Прекрасно же понял, зачем его вызвали. И секундой спустя голова Орказарока дернулась от страшного удара.

Вообще-то, драконы почти неуязвимы ко всяким... воздействиям. Что к магии смертных, что к демонической силе. Но почти – это только почти. А демолорд – это не какой-нибудь вшивый демонишка с его жалкими фокусами. Даже не замечая окатившего его пламени, Фурундарок стиснул драконью шею – и Орказарок захрипел от боли.

При этом собственными пальцами-то демон его и не коснулся. Просто сдавил воздух крошечной ручонкой – а дракона сплющило, будто невидимыми клещами. Со скучающим видом Фурундарок еще и пнул воздух ножонкой – и Орказарок подлетел кверху.

Выглядела их битва... нелепо. Громадный, исполинский дракон – и малюсенький розовый младенчик.

И младенчик пинает дракона, как мячик.

- Ты его не убивай только, пожалуйста! – попросила успевшая восстановиться Лахджа. – И не жри!.. о, чешуйка!..

Чешуйка была откуда-то с изгиба лапы. Совсем маленькая, всего-то с ладонь. Фурундарок, еще пару раз пнувший дракона, оставил того лежать скорчившись и с интересом заглянул через плечо Лахджи.

- А тебе она зачем? – спросил демолорд.

- Да просто сувенир, - спрятала чешуйку в раскрывшуюся кисту Лахджа. – Люблю драконов.

- А. Хочешь, я его тогда целиком завалю? – галантно предложил Фурундарок. – Чучело сделаешь.

- Не, мне живые больше нравятся. Смотри, какой он красивый.

Орказарок выхаркнул кровавый сгусток и подозрительно уставился на болтающих демонов. Этот новый отбил ему все внутренности. И судя по ауре – это не предел его возможностей.

- Так что мне с ним сделать? – устало спросил Фурундарок.

- Да просто пусть извинится, - попросила Лахджа. – Он первый напал. Я ему вообще ничего не сделала, только сфоткала. А он меня убить попытался. Пидор чешуйчатый.

- Извинись, - бросил Фурундарок дракону.

Орказарок выпустил из ноздрей дымные струи. Извиняться ему не хотелось. Он бы улетел куда подальше, но трудно было пошевелиться.

- Ладно уж, пусть не извиняется, - буркнула Лахджа, решив не

унижать гордого зверя.

- Нет уж, пусть извиняется! – заявил Фурундарок. – Никто не смеет перечить Величайшему Господину!

- Перед тобой, демон, мне не за что извиняться, - сдавленно прорычал Орказарок. – А перед ней – незачем.

Фурундарок сотворил в ладошке камень. Обычный такой камень на вид... но потом он его демонстративно уронил – и земля вздрогнула. Тряхнуло так, что Лахджа едва устояла на ногах. А Фурундарок хмыкнул, подобрал этот гипертяжелый булыжник... и прицелился дракону в голову.

- Ладно, я извиняюсь! – сказал Орказарок. Чуть поспешней, чем ему хотелось.

Прозвучало не слишком искренне, но Лахджа решила этим удовлетвориться. Многие ли вообще могут похвастаться, что перед ними извинялся царь-дракон?

Пусть даже из-за присутствия демолорда.

- Ну вот, я выручил тебя из страшной беды, - самодовольно произнес Фурундарок, распыляя свой мегакамень. – Теперь с тебя причитается.

- Конечно-конечно, - поспешила заверить Лахджа. – Все, что в моих силах.

- Хе. Хе-хе. Все, что в твоих силах?.. А переходи-ка тогда ко мне.

- Что?..

- Служи мне. Живи у меня. Зачем тебе мой убогий братишка?

Лахджа затравленно перевела взгляд на дракона, потом на Фурундарока. Снова на дракона – опять на Фурундарока. Не выдержав прямого взгляда своего спасителя – опустила глаза и стала пересчитывать камешки под ногами.

В общем-то, чисто как работодатель Фурундарок лучше Хальтрекарока. Да, он тоже редкий мерзавец, но для высшего демона все же сравнительно добродушен. С ним можно иметь дело. Он всегда держит слово, если уж что пообещал. Да и поумнее своего брата, это факт.

Но демонице вспомнились наложницы Фурундарока. Как он их преобразовывает и как потом с ними развлекается. Ее аж передернуло.

Конечно, в Хальтрекароке тоже гора дерьма, но извращен он все-таки чуть меньше. Да и выглядит лучше. Отлично выглядит, если честно. Кубики на прессе и все такое.

Уж всяко не злобный летающий младенец.

- Понятно, - фыркнул Фурундарок, правильно поняв заминку Лахджи. – Сама не знаешь, что теряешь, дура. Но настаивать не буду. И даже убивать тебя за отказ не буду. Но и помощи от меня

больше не жди.

- Все равно спасибо, - облегченно выдохнула Лахджа. – И... извини. Могу я еще что-нибудь для тебя сделать?

Фурундарок смерил ее пристальным взглядом. Все женщины готовы сделать для него что угодно, кроме того, чего он действительно хочет. Вечное его проклятье.

- Отдай шляпку, - наконец сказал Фурундарок.

- Шляпку?..

- Твою шляпку. Она же из Шиасса?

- Эм... – коснулась виска демоница.

Честно говоря, она совсем забыла об этой злополучной шляпке с колокольчиками. Та все еще витала где-то в области головы. Возможно, она теперь вообще никогда не снимется.

- Я не знаю, как ее снять, - честно призналась Лахджа.

Фурундарок подлетел к ней ближе и молча сдернул призрачную шляпку. Держал он ее так же крепко, как обычный головной убор.

- Все, бывай, - дернул Фурундарок ладошкой, растворяясь в воздухе.

Лахджа и Орказарок снова остались наедине. Демоница подошла к тяжело дышащему дракону и участливо спросила:

- Что, плохо тебе?

- Не издевайся, - глухо ответил тот.

- И не думала. Слушай, мы теперь на равных. Фурундарок мне больше не поможет, а тебя крепко отколошматили. Может, перемирие?

Орказарок немного подумал и кивнул. Он уже и сам понял, что ошибся, что этот демон не пытался похитить его душу. И вообще драться ему больше не хотелось. Он сегодня и без того слишком много суетился, надоело.

- Ты, значит, тоже гоняешься за теми ворюгами... – задумчиво сказала демоница. – Что они там у тебя украли, напомни?..

- Книгу.

- Ах да. Ты у нас книголюб. Они что, возврат просрочили?

- У меня не библиотека, - угрюмо сказал Орказарок. – Они просто ее похитили. Один из них. Остальных я не знаю.

- Ага. У них, значит, преступная группировка. Обворовывают демонов и драконов. Слушай, ну с этим надо что-то делать. Принести в мир немного справедливости. Давай объединимся в команду?

Предложение оказалось для Орказарока неожиданным. Сначала он хотел резко его отвергнуть и послать демоницу куда подальше, но потом призадумался. Проклятый кобольд оказался до отвратительного вертким и хитрым. У него Рваный Криабал – а

Орказарок прекрасно знал, сколько там всяких заклинаний. Да к тому же он обзавелся какими-то приятелями – и в их числе как минимум один демон.

Действительно, преступная группировка. Так что ему тоже помощь не повредит. У Орказарока есть один крупный недостаток – размеры. Ему слишком сложно подобраться незаметно.

А у этого исчадия Паргорона подобной проблемы нет.

- Как ты их нашла? – осведомился Орказарок.

- О, ну сам знаешь, демонская магия, - покрутила пальцами Лахджа. – Хигитус-фигитус зумбаказе!.. А ты как?

- Сама знаешь, драконья магия, - саркастично ответил дракон. – Ты можешь сказать, где они сейчас?

- Могу... гм... указать направление, - ответила Лахджа. – Они летели в ту сторону... ну это ты сам видел... а вон из той точки телепортировались... в том направлении. Не знаю пока, куда именно.

- Да, я тоже чувствую мою книгу где-то там, - указал когтистой лапой Орказарок. – Очень далеко.

- Что за книга-то? – спросила Лахджа, взлетая ему на спину и усаживаясь меж спинными гребнями. – Ну давай. Мы ж теперь напарники – какие между нами секреты?

- Эта книга принадлежала мне многие века, - уклонился от ответа Орказарок. – А что в твоем ларчике?

- Да сама не знаю, говорю же. Ладно, полетели, что ли... ты вообще быстро летаешь?..

- Очень, - ответил дракон, распахивая крылья.

Он побежал в северном направлении. В южном остался полуразрушенный лагерь цвергов – Орказарок не собирался туда возвращаться. Этих бородатых карликов надо брать нахрапом, пока не сообразили, что к чему. Если же собрать их кучей, дать побольше железа и времени на подготовку, цверги способны выпотрошить и дракона. Орказарок, конечно, нисколько их не боялся, но отвлекаться не хотел.

Разбежавшись как следует, он поднялся в воздух и полетел по Великой пещере. Орказарок хорошо ее знал – часто доводилось летать прежде, когда все недра Синих гор принадлежали ему. Когда во всю ширь простиралось здесь его личное царство.

В те времена по Великой пещере ходили огромные караваны, маршировали войска и тысячи глоток пели осанну ему, царю-дракону Орказароку...

Хорошие были времена. Даже немного жаль, что закончились.

Впереди забрезжил свет. Великая пещера в нескольких местах достигает поверхности, и там в нее падают солнечные лучи. Большие трещины, колодцы... иные достаточно велики, чтобы

пролететь черному дракону.

Или, как в данном случае, неловко пропихнуться. Орказарок подлетел к стене, зацепился когтями и пополз вверх, сложив крылья и вытянув шею.

- А ведь могли пафосно вылететь на белый свет, - шлепнула пяткой демоница. – Ты что ж так разожрался-то?

- Замолкни, - огрызнулся дракон, высовывая голову из колодца. – Не все умеют менять размеры.

Оказавшись на открытом пространстве, он облегченно выдохнул и расправил крылья. Пару минут еще карабкался по горе, как белка по дереву, потом уловил поток воздуха и сорвался в свободный полет. Демоница вскинула руки и восторженно завопила. Ей всю жизнь хотелось покататься на драконе.

- Flight of dragons… – даже запела Лахджа от избытка чувств, – soar in the purple light… in the sky… or in my mind…

Закончив первый куплет и обнаружив, что абсолютно не помнит второго, демоница решила перекусить. Ме Зова Еды доставило ей два копченых козлиных окорока, и Лахджа с аппетитом в них вгрызлась.

- Ты что там, жрешь, что ли?.. – повернул к ней голову Орказарок.

- Не переживай, с тобой тоже поделюсь, - сунула ему окорок Лахджа. Чтобы дотянуться до пасти, ее рука удлинилась раз в десять.

Орказарок был сыт, в общем-то. Более чем. Вволю налопался цвергов. Но драконы редко отказываются от еды – и он слизнул окорок, как человек семечку. Лахджа умиленно улыбнулась, увеличила руку еще сильнее, отрастила когти побольше и принялась чесать чудище за ухом.

- Всегда хотела собственного дракона… – пробормотала она.

- Я не твой дракон, - недовольно сказал Орказарок. – Я… э… свой собственный. Лучше чуть выше.

- Что чуть выше?..

- Чуть выше почеши.

Глава 32

2968 год до Н.Э.

Император Зар вступил в родовую гробницу. Древний мавзолей, в котором уже девятьсот лет хоронят Колдующих Императоров. Здесь лежат все, кроме самого первого – и то лишь потому, что его тело так и не удалось отыскать.

Три года назад здесь упокоился отец.

Сегодня – годовщина его смерти. И годовщина рождения самого Зара. Сегодня ему исполнилось семнадцать лет, и он самый юный Колдующий Император в истории.

Колдующий Император... Какой насмешкой звучат теперь эти слова... Зар приостановился у самого входа, где высился единственный здесь пустующий саркофаг. Кенотаф, символическая могила Бриара Всемогущего, далекого-далекого предка. Почти тысяча лет минула со дня его смерти.

Как же его сейчас не хватает...

Первый саркофаг. Бриар. Он правил сто десять лет. Целый век безостановочного прогресса.

Второй саркофаг. Хоризакул. Еще семьдесят лет правления – и семьдесят лет мира и процветания. При нем империя жила даже счастливей, чем при Бриаре.

Третий саркофаг. Абраксол. Шестьдесят лет правления – но уже не мирных. Тяжелые и неспокойные года выпали Абраксолу. При нем произошли Третье и Четвертое Вторжения. Двенадцать лет войны, двенадцать лет разрухи. Но и двенадцать лет славы, двенадцать лет героизма. Смертные победили демонов, хотя их возглавляли целых пять демолордов. Абраксол лично одолел Глем Божана и Мараула, Арикед Черный победил Гаштардарона, титан Аэтернус – Таштарагиса, а Кхатаркаданна изгнали общими усилиями.

Четвертый саркофаг. Громорокатран. Тридцать пять лет правления – тридцать пять лет невзгод. Подозрение, недоверие, раздоры. Массовые казни и ссылки. Ссора и война с титанами. Громорокатран лишил империю могучего союзника и обратил его в страшного врага. При нем закончился золотой век и наступил серебряный – да и тот стали так называть уже много позже, когда стало еще хуже.

А дальше стоят пятый саркофаг, шестой, седьмой и так до отцовского – двадцать восьмого. Чуть ли не каждый следующий Колдующий Император правил меньше предыдущего. Отцу,

императору Аймавиду, выпали на долю всего девять лет. Ему не исполнилось и сорока, когда он погиб от руки фанатика.

И так уж совпало, что именно в тот день исполнилось четырнадцать его старшему сыну, Зару. В день смерти отца он достиг того возраста, с которого все еще нельзя вступать в брак, но уже можно короноваться. Таков закон имперского престолонаследия.

Так уж совпало... удивительно совпало...

Остановившись у последнего саркофага, Зар встал на колени. Ему хотелось помолиться, но он не знал никаких молитв.

Религии – прибежище низших слоев. Немогущих простолюдинов. Тех, у кого нет ни титула, ни денег, ни способностей. Они взывают к богам и надеются на чудеса. Колдующему Императору такое не пристало.

Пусть даже он самый, возможно, ничтожный Колдующий Император за всю историю.

Отца убил не случайный фанатик. Зар нисколько в этом не сомневался. Возможно, его вообще убил не тот несчастный безумец... как же его звали?.. Зар не помнил. То есть рука-то была, конечно, его, душепронзатель держал он – в конце концов, покушение видели сотни индивидов, и сам Зар в том числе... в личности убийцы сомнений нет...

Но люди – такие же инструменты, как и душепронзатели. Умелому гипноту не составит труда взять человека под контроль и заставить говорить по указке, двигаться по указке... убивать по указке. Да, тот фанатик сам был волшебником, входил даже в орден Медных Магов... но это всего лишь переводит его из мелких пешек в крупные.

И Зар почти уверен, что знает, кто ходил той пешкой.

Конгресс чародеев. Орден Медных Магов. И правящее ядро – Конклав. Коллегиальный орган, когда-то называвшийся императорским советом. Он и сейчас состоит из семерых советников, но это давно уже не верные слуги императора, как было в золотом веке и отчасти в серебряном.

Пожалуй, последним абсолютным владыкой Парифата был четвертый Колдующий Император. Громорокатран правил так бурно, что никто не удивился, когда он скончался от апоплексического удара. Говорят, это случилось на заседании совета – Громорокатран объявил об отставке первого советника Арикеда... и внезапно умер.

Так вот случайно совпало. Бывает.

Конечно, после этого Арикед никуда уйти уже не мог. Он немедленно организовал второй Турнир Принцев, под его руководством короновали пятого Колдующего Императора, и

жизнь пошла своим чередом.

Пятьсот лет потом сменялись на троне потомки Бриара. И каждый следующий колдовал хуже предыдущего. Династия вырождалась, магические способности хирели, юные принцы все меньше внимания уделяли Искусству. Не видели нужды годами развивать чакры, если у них и так есть все, что пожелается. Верхушка империи погрязла в том самом, от чего когда-то Бриар спасал республику – безделье и фатовстве.

И длилось это вплоть до семнадцатого Колдующего Императора. Он был уже очень слабым чародеем – но он по крайней мере все еще умел колдовать. Когда же он умер и пришло время очередного Турнира Принцев… его пришлось отменить. Среди прямых потомков Бриара не осталось волшебников.

Все до единого цесаревичи оказались немогущими.

С тех пор Колдующие Императоры только называются Колдующими. Дар, столь колоссальный у Бриара Всемогущего, у его наследников выродился в полный ноль. Ни у кого из потомков Бриара с тех пор не замечали способностей к Искусству.

Или старались не замечать. Честно говоря, самого Зара никто никогда даже не пытался научить хоть чему-нибудь. И его покойного брата никто ничему не учил, и кузенов, и дядьев. Немогущество династии давно стало аксиомой.

Последние двести тридцать лет часто называют медным веком. За это время сменилось одиннадцать императоров. Они все были немогущими, поэтому сменялись довольно часто. Внезапные апоплексические удары превратились в настоящую эпидемию.

Медный век стал эпохой заката. Глухой стагнации. Одно за другим летели десятилетия – а Парифатская империя словно увязла в душном болоте. Серебряный век пусть и заметно уступал золотому, но тогда мир все же не стоял на месте, не почивал на лаврах. Развивалась магия, возводились грандиозные строения, исследовалось пространство за Кромкой. Было множество амбициозных кампаний – экспедиции на другие планеты, просвещение магически отсталых народов, возведение искусственных островов, создание гигантских памятников… То были интересные времена.

А что теперь? Из глобальных проектов медного века можно вспомнить разве что Яшмовый Мост, да и с тем колупались без малого восемьдесят лет. Когда-то Бриар Всемогущий за три дня сотворил огромный континент, а тут какой-то мост. Да, это самый большой мост в истории Парифата, на нем может разместиться целый город… но не более того.

Он даже не из настоящей яшмы!

А ведь еще семьдесят лет назад исследователи Мистериона раскрыли наконец секрет порталов второго поколения. Научились строить более совершенные врата, не требующие точки выхода. Как тот, что много веков назад создали в Алмазном Бастионе. Казалось бы, это должно перевернуть весь мир, начать новую транспортную эру... но что в итоге?

А в итоге таких порталов построили всего три. В Бриарогене, в Мистерионе и в Реликтауне. В административной, магической и финансовой столицах Парифата.

Всего три. За семьдесят лет.

И все из-за якобы перерасхода бюджета. Бюджета никогда не хватает на такие крупные проекты. Они появляются – и кладутся под сукно. Вроде бы начинают претворяться в жизнь – и через год-другой замораживаются. Отец бился, как рыба об лед, чтобы завершить постройку портала в Реликтауне. Вывернулся наизнанку, пытаясь дать ход Спектральной Сети. И каждый раз натыкался на холодные рыбьи взгляды конгрессменов.

Зато когда речь идет о повышении их собственных пенсионов, они голосуют только «за»! Единодушно! Единогласно! И с завидной регулярностью!

Иногда Зару хотелось обратиться к опыту Бриара и, чего уж там, Громорокатрана. Просто взять и перевешать этих жирных развращенных хряков, смеющих называть себя волшебниками.

Увы, у него нет в распоряжении ордена Золотых Магов. И ордена Серебряных Магов у него тоже нет. Нынешнему императору служит орден Медных Магов – а их преданность оставляет желать лучшего. Они не столько исполняют приказы государя, сколько следят, чтобы государь, паче чаяния, не заполучил излишнюю толику власти.

Конклав – вот кто сейчас руководит всем.

Почему каждый раз так получается? Создаешь себе гвардию или элитное сословие, чтобы иметь надежную опору. Набираешь самых мудрых, самых благородных, самых искусных в волшбе. Даешь им трудные обязанности, но и вознаграждаешь заслуженными привилегиями. Рассчитываешь, что они будут служить тебе верой и правдой... и они служат какое-то время, достойно служат...

Но спустя поколение-другое – куда все девается?.. Где те благородные статные мудрецы? Вместо них кабаны с харями шире плеч и рукавами до пола. Знать не хотят никаких обязанностей, зато глотку перегрызут за привилегии. И уже не по заслугам они тут, а по наследству или знакомству. Сидят на теплых местах, жрут в три горла и уже на самого императора

хищно посматривают.

Отец пытался распустить Медных Магов. Как когда-то распустили слишком много возомнивших о себе Золотых, как разогнали зажравшихся Серебряных. И полномочия конгресса отец тоже пытался ограничить. И в целом привилегии чародейской аристократии урезать. Два года император воевал с Конклавом за каждую реформу... а потом его зарезал фанатик. Трагическая случайность.

Интересно, чего именно он был фанатиком? Его все так называли, но никто не удосужился сказать, какие именно идеи захватили его ум настолько, что он решился на цареубийство.

Просто фанатик – и все тут.

Безумец. Сумасшедший. Демонит, возможно.

Что тут еще нужно знать?

Зару было семнадцать лет, и он был растерян. Его никто никогда ничему не учил. Его не учили Искусству, его не учили править империей, его не учили даже танцам, из-за чего на балах он неловко топтался в стороне. Зар умел исполнять только парадные, представительские функции. Сидеть на троне позолоченной куклой и приветливо махать подданным.

Конклав считал, что большего от императора не требуется.

- Ваше величество, вы здесь? – окликнул бесплотный голос.

Перед лицом Зара сформировался лиловый клуб с глазами и ртом. Первый советник Оопсан. Нигде от него не скроешься.

- Ваше величество, смею напомнить, что вас ждут на заседании Конклава, - сказал проеобраз Оопсана. – Вы в монаршьей гробнице?.. Могу я вас призвать?..

- Не нужно, я дойду...

Хлопок!..

- ...Сам... – закончил Зар, стоя уже в малом кабинете.

Семеро советников даже не потрудились встать при его появлении. Среди них только мэтр Оксатти занял пост при отце Зара – остальные сидят в этих креслах многие десятилетия.

Они все – великие волшебники. Собственно, величайшие волшебники Парифата. Семь гигантов от Искусства, мастера уровня древних Колдующих Императоров.

Зар почувствовал злость. Будто у его рода отняли не только власть, но и магию. Зар был бы даже и не против отойти от дел, вести жизнь обычного гражданина, стать садовником или кондитером... но у него не было такой возможности. Нынешний император – самый, пожалуй, несвободный индивид в империи. Царственный заложник, живой символ государства.

Но по крайней мере он считается главой этого государства. Ему по-прежнему принадлежит место во главе стола, и ему по-

прежнему позволяют высказываться. По-прежнему делают вид, что его мнение – решающее.

Возможно, его потомки не будут иметь и этого, но Зару какие-то крохи пока что оставляют.

- Мир вам, о мудрые, - произнес он, подходя к столу.

- Вечной жизни Колдующему Императору, - равнодушно ответил Оопсан. – Мы живем, дабы служить.

С грустным видом Зар уселся в императорское кресло и встретился взглядом с Дармагом Оксатти, астральным советником. Тот единственный улыбнулся императору. Относительно молодой, совершивший настоящий прорыв в информационном волшебстве, Оксатти еще не так окостенел задницей, как остальные советники.

Со временем, конечно, тоже окостенеет. Когда-то и Оопсан наверняка был юным и увлеченным чародеем... ну или хотя бы чуть больше похожим на живого человека. Сейчас он смахивает на какую-то рептилию, древнего вампира.

Впрочем, остальные не лучше. Даскомедаль, например, военный советник. Темный эльф с таким хищным взглядом, что хочется спрятаться под столом. Он на всех смотрит так, словно примеривается, решает мысленно, каким заклинанием тебя лучше убить.

Или Мородо, социальный советник. Зар не встречал второго настолько же толстого человека. Мородо так хорош в телекинезе, что давно перестал шевелиться. Рот он не закрывает никогда – туда постоянно поступает магически размягченная пища, прямо в желудок. А говорит Мородо, виртуозно колебля воздух где-то у себя над головой. Звуки и слова получаются удивительно мелодичные, но смотрится это жутко.

Финансовая, природная и погодный советники им не уступают. Акк-Ва, дряхлая гарпия с ее мерзким сюсюкающим голоском. Лунарда, о которой ходят слухи, что она собирает коллекцию из черепов любовников. Ильтокелли, вечно подхихикивающий полубезумный старикашка.

Дивный букет. Но что поделать, таковы теперь величайшие волшебники Парифата. Прошли времена Бриара, Хоризакула, Абраксола.

- Первый пункт повестки дня, - чопорно произнес Оопсан. – Проект мэтра Оксатти. Спектральная Сеть.

Зар слегка оживился. Спектральная Сеть была любимым детищем отца. И Зару тоже хотелось воплотить ее в жизнь. Связать весь мир единым субментальным пространством. Дать возможность индивидам со всех концов планеты обмениваться информацией, хранить ее там, перемещать свои проеобразы,

общаться и учиться... даже немогущим! Всем!

Это перевернет всю цивилизацию, как перевернула ее когда-то сеть порталов!

Но Зар единственный проявил воодушевление. Остальные члены Конклава остались равнодушны. Даже Оксатти, сам создатель Спектральной Сети, выглядел скорее усталым. Он уже десять лет работал над этим проектом, и почти перестал верить, что однажды его примут.

- Расходы, - проскрипела Акк-Ва. – Бюджет перегружен. В очередной раз. В этом году не потянем.

- Спектральная Сеть очень быстро окупится, - упавшим голосом сказал Оксатти. – Да еще и укрепит единство империи.

- Кхех-хех!.. – издал глухой смешок Ильтокелли. – Единство!.. Кхех!..

- Я сомневаюсь, что она окупится, - пристально посмотрела на Оксатти Акк-Ва. – У нас уже есть множество средств связи. Какую коммерческую ценность могут иметь слова, витающие в воздухе?

- И что значит «единство империи»? – осведомилась Лунарда. – Вы что, хотите дать возможность немогущим засорять эфир своей болтовней?

- Но они же все равно это делают, - напомнил Оксатти. – Просто с помощью овеществленного Искусства. А так им будет проще... сотрутся границы между одаренными и немогущими...

- Зачем их стирать? – нахмурилась Лунарда. – Вы хотите обесценить наш дар? Я не понимаю вас, мэтр.

- А империя и так едина, - добавил Даскомедаль, сверля Оксатти пристальным взглядом. – У нас уже много лет нет врагов. А если появятся... мы очень быстро с ними расправимся.

- Но...

- Мэтр Оксатти, - снова взял слово Оопсан. – Кажется, мы пришли к единому решению. Ваша Спектральная Сеть имеет слишком много недостатков и вряд ли может представлять какую-то ценность для империи. Возможно, в качестве игрушки, этакого курьеза или аттракциона она еще может иметь смысл для... детей, но империя не может себе позволить вкладывать такие средства в... игрушку. Если хотите, мы можем вновь включить повторное обсуждение вашего проекта в следующую годовую повестку, но...

- Нет, - услышал вдруг Зар. – Спектральная Сеть будет запущена. Такова моя воля.

Услышал – и только секундой спустя сообразил, что сам это произнес. Поднялся с места и заговорил, упершись ладонями в стол.

Члены Конклава уставились на него, как на ожившее кресло. Император Зар уже три года присутствовал на каждом заседании,

но рот раскрывал только в конце, когда Оопсан задавал ритуальный вопрос: одобряет ли его величество принятые сегодня решения? Зар произносил то слово, которое на одну букву короче, чем «нет», и заседание заканчивалось.

- Ваше величество, вы что-то сказали, - произнес Оопсан.

Он не придал фразе вопросительной интонации. Оопсан не переспрашивал – он высказал недоумение.

- Да, - собрал всю волю в кулак Зар. – Я Колдующий Император. И, смею надеяться, могу принимать решения.

- Безусловно, ваше величество, - чуть наклонил голову Оопсан.

- В таком случае я принял решение. Спектральная Сеть будет запущена. В моей империи слишком много людей, у которых нет ни власти, ни денег, ни волшебства. Пусть у них будут хотя бы... игрушки.

- Вы мудры не по годам, ваше величество, - бесстрастно прокомментировал Оопсан. – Мы исполним вашу волю.

Остальной Конклав хранил гробовое молчание. Мородо и Лунарда изумленно моргали, Акк-Ва недовольно закусила губу, Даскомедаль недобро прищурился, Ильтокелли... Ильтокелли, кажется, задремал.

И даже Оксатти был скорее озадачен, чем обрадован. На Зара он смотрел с какой-то... жалостью. Сочувствием.

Зар вдруг понял, на что похож этот взгляд. Так смотрят на тяжелобольных. Тех, чьи дни сочтены.

После этой эскапады заседание как-то очень быстро закруглилось. Оопсан сообщил, что больше на повестке дня ничего важного нет, и сказал, что о следующем заседании Конклава будет объявлено дополнительно. Даскомедаль, Лунарда и Акк-Ва исчезли в ярких вспышках, Ильтокелли просочился сквозь пол, Мородо вылетел в окно. Специальное расширенное окно.

- Вас еще что-то задерживает, мэтр Оксатти? – вежливо спросил Оопсан.

- Я просто собираюсь с мыслями, мэтр Оопсан, - улыбнулся астральный советник. – Сами понимаете, знаменательный день. Исполняется моя давнишняя мечта. Десять лет я этого ждал. Сами понимаете.

А в голове Зара мелькали картины. Оксатти посылал ему мысленные сигналы, продолжая болтать какую-то чепуху с натянутой улыбкой. Оопсан терпеливо смотрел на него, и в его выцветших глазах как будто клубился туман.

- Благодарю вас от всей души, ваше величество, - поклонился наконец Оксатти. По-настоящему поклонился, а не чуть

шевельнул подбородком, как обычно приветствовали Зара.

- Кто бы что ни говорил, а я верю в ваш проект, - ответил ему император. – И в его пользу.

- Мы все в него верим, - произнес Оопсан. – Но час уже поздний.

Оксатти вздохнул – и тоже исчез в яркой вспышке. А Оопсан пристально уставился на Зара.

- Я знаю все, что ты мне скажешь, - угрюмо произнес император. – Мне следует слушать моих советников. Я знаю.

- Дело не только в этом. Вы еще очень молоды, ваше величество. Вы не понимаете, что не все проекты следует пускать в жизнь. Мне хотелось бы думать, что я в каком-то смысле заменяю вам отца и, будучи намного старше вас и опытнее, я осмеливаюсь иногда... предвосхищать ваши решения. Не торопитесь, ваше время еще придет.

Зар стоял с каменным лицом. Меньше всего он считал, что Оопсан в каком-то смысле заменяет ему отца. Первый советник стал первым советником еще при Токарине, двадцать втором Колдующем Императоре. С тех пор минуло больше ста лет, сменилось целых восемь императоров... а Оопсан остается во главе Конклава.

- Мы... исполним вашу волю, ваше величество, - повторил первый советник. – Над Спектральной Сетью начнут работать. Но вы должны понимать, что государственный бюджет ограничен. У империи очень много расходов, и мы должны разумно распоряжаться средствами...

- Однако на тот секретный военный проект вы средства сумели выделить, - ядовито заметил Зар.

- Не военный, ваше величество. Оборонительный.

- Мы же ни с кем не воюем, Оопсан. Ты сам все время это подчеркиваешь. От кого мы собираемся обороняться?

- Ваше величество...

- Довольно, Оопсан. Если у нас хватает денег на разработку оружия, то хватит и на Спектральную Сеть. Такова моя воля.

- Ваша воля – мой закон, - кивнул Оопсан, пристально глядя на императора.

- Да, - с трудом ответил тот. – Конечно. Рад это слышать.

Едва и первый советник исчез в яркой вспышке, Зар бросился к выходу.

С совсем не императорской поспешностью он ворвался в свою опочивальню. Шесть горничных, четыре лакея, четыре гвардейца, три духа-служителя, два секретаря, универсальный голем и десяток немтырей постоянно пребывали в ее большом покое. В этой просторной зале с высоченным потолком, в которой Зар

чувствовал себя маленьким потерявшимся ребенком.

Сколько он себя помнил, его почти нигде не оставляли одного. Ему помогали в каждом пустяке. Он не имел права даже переодеться самостоятельно – это делали сразу четыре человека, и каждый имел дворянский титул.

Но даже император все-таки имеет право на малую толику уединения. И у опочивальни имелся еще и малый покой – туда запрещалось входить всем, кроме государя и его пока что несуществующей супруги. Зар был абсолютно уверен, что через год-другой его женят на какой-нибудь пустоголовой аристократке, проследят за скорейшим рождением наследника, а потом... в голове по-прежнему стояли видения, посланные Оксатти.

Последнее заседание Конклава перед смертью отца. Он тогда представил новый указ, оказывается. Указ о роспуске ордена Медных Магов. Полном и окончательном. И когда Конклав начал его отговаривать – отец вышел из себя. Накричал на Оопсана, пригрозил уволить того... вообще разогнать весь Конклав. Заявил, что он все еще Колдующий Император, и не потерпит никаких вольностей.

И Оопсан сказал, что все будет исполнено. Сказал, что воля императора – его закон, и к следующему заседанию все будет готово.

Но следующее заседание было сорвано страшной трагедией. И три дня спустя речам Конклава внимал уже четырнадцатилетний Зар.

О предсмертном указе отца никто тогда даже не упомянул. И орден Медных Магов существует по сей день.

Зар рылся в ящиках стола, пока не нашел ветхую бумажку с причудливым экслибрисом. Конечно, ветхой она только казалась – даже морградант не сумел бы ее разорвать. Чары Бриара Всемогущего делали каждую частичку Криабалов воистину неуничтожимой.

И эта частичка, один-единственный листок – все, что у Зара есть.

Титульный лист.

Он ведь не только Колдующий Император, но и Хранитель Криабалов. Во время серебряного века эти должности занимали разные люди, но когда умер Иводаран, последний умевший колдовать император, и Турниры Принцев превратились в заведомый фарс, короновать стали исключительно по крови. А способ определять лучших кандидатов когда-то заложил сам Бриар – ту маленькую Сущность, что позволяет видеть во сне Криабалы. Чувствовать, когда они меняют владельцев, переходят

из рук в руки.

Три года назад эта Сущность была у отца. Теперь перешла к Зару.

Жаль, что титульный лист почти бесполезен без оглавления, а оглавление было утрачено многие века назад. Но Зар и так знает, где хранятся эти книги… не все, правда. Белый пропал еще при императоре Громорокатране – его похитила какая-то титанида. Вероятно, сейчас он в Алмазном Бастионе. Черный же… его извлекали из хранилища при все том же Громорокатране, но после его смерти снова надежно захоронили, а точное местонахождение засекретили. Вероятно, сейчас о нем знает только Конклав.

Но остальные пять по-прежнему хранятся у разных людей. Только давно уже не императорских советников, как завещал когда-то Бриар.

Сначала Арикед Красный, оставив пост первого советника, отказался сдать Красный Криабал… и даже император не посмел ему возразить. Потом Синий Криабал на несколько лет был передан Морской Губернии, чтобы разрешить климатические проблемы… и они до сих пор его не вернули. Бурый во время экономического кризиса вручили Императорскому банку. Зеленый в минуту страсти подарил своей фаворитке император. Серый выставили в музее Бриара. Из государственного достояния, артефактов стратегического значения Криабалы превратились в пустые реликты древности.

Но при этом любого из них по-прежнему достаточно, чтобы сделать человека великим волшебником. А собрав все пять… а в идеале – все семь… с таким комплектом даже немогущий заставит считаться с собой всю империю.

Разогнать Медных Магов. Ограничить в полномочиях конгресс. И даже… даже распустить Конклав. Оставить Оксатти, возможно. А остальных…

Зар выдохнул. Гнать, гнать эти мысли. Неизвестно, кто может подслушивать. Все его личные слуги – волшебники и волшебные существа. Среди них наверняка есть соглядатаи. Возможно, они все – соглядатаи. Колдующий Император давно превратился в почетного пленника. Золоченого идола, который должен красиво смотреться на постаменте.

Будь возможность заменить его немтырем – давно бы заменили.

Зар достал лингву и полистал свою Книгу Тайн. По крайней мере этого его не лишили. У него есть все удобства, все материальные блага, какие только возможно пожелать. Достаточно обронить слово, чтобы слуги исполнили любой

каприз своего императора.

Конечно, если этот каприз не касается политики, экономики, военного дела, волшебства и вообще хоть чего-то значимого. Это все – только через Конклав, только через Оопсана.

- Музей Бриара, - произнес Зар, раскрыв Книгу Тайн.

Ага, вот адрес. Бриароген, площадь Иллюзорных Цветов, Красно-Белый дом. Открыт круглосуточно, вход свободный. Зар уже был там один раз, его водил старший брат... но с тех пор минуло лет семь или восемь...

Серый Криабал ближе всех. Его будет проще всего заполучить. Надо только действовать быстрее. Найти повод посетить музей Бриара... это может оказаться сложнее, чем кажется. За императором наблюдают круглыми сутками, наедине с собой он может побыть только здесь, да в родовой гробнице.

Ее закрыли для общественности еще в конце серебряного века. Слишком много саркофагов накопилось, слишком отчетливо стало видно, что Колдующие Императоры тоже смертны, причем умирают как-то подозрительно часто. Даже обычные немогущие живут дольше, если им по карману регулярные дозы жизненного эликсира. Он дорог, конечно, но не дороже денег.

Отец никогда не пил этот эликсир.

Самое сложное – выскользнуть из дворца. На улицах он будет обычным подростком... юношей... кто он в семнадцать лет?.. Для своего возраста Зар довольно щуплый, может сойти и за подростка.

Так что он вполне влезет в плащ для пряток. Игрушка, подаренная когда-то матерью. Полностью невидимым не делает, но как бы сливает с окружением и рассеивает чужие взгляды. Когда-то Зар любил шутить с ее помощью над придворными.

Но пробраться мимо личных слуг не поможет даже плащ. Из малого покоя может выйти только он – все сразу начнут кланяться, едва откроется дверь. Отослать их не выйдет. Во всяком случае, не всех одновременно.

Не убивать же... да и как бы он смог?..

Конечно, у Зара есть личный душепронзатель, фамильная реликвия. Такие носят все аристократы... исключительно для самозащиты, конечно. Бесплотный искрящийся клинок, не вредящий материальному телу, но прорывающий астральное. После удара душепронзателем уже не воскресишь, так что в дело его следует пускать лишь при крайней нужде.

Но Зар в жизни никого не убивал. У него просто не хватит духу. А даже если б хватило – там их десятки. Он же не Арикед Красный, чтобы выйти и разметать всех взмахом руки.

У него есть другие безделушки. Целая россыпь всяких штучек

для игр, для розыгрышей. Мама все время что-то такое дарила, да Зар и сам иногда гулял со слугами инкогнито, скупал все подряд и отсылал во дворец портально.

Когда был еще только принцем, само собой. Сейчас выйти в город инкогнито ему никто не позволит, он уже несколько раз намекал.

Самое скверное в том, что среди слуг нет никого, кому можно довериться. Разве что только... Зар схватил немтырный талисман. Стиснул покрепче – и в покое объявился высокий худой полуэльф. Старинная реликвия, которую смастерил ради забавы кто-то из императоров золотого века.

- Что прикажет мой государь? – спросил немтырь.

Иронично, но этот немтырь – единственное существо в мире, которое не зовет Зара «ваше величество». Кажется, матрицей ему послужил кто-то из древних советников. В те времена монаршая фигура еще не была окружена таким раболепием. Не была настолько... сакральной.

И это при том, что тогдашние Колдующие Императоры были неизмеримо могущественнее своих потомков.

Если бы этот немтырь обладал хоть половиной способностей оригинала, Зару иной помощи и не потребовалось бы. Но он, увы, всего лишь внешнее подобие того самого великого волшебника. Так же выглядит, так же говорит, так же себя ведет и даже чуть-чуть колдует – но только совсем чуть-чуть. В немтырный талисман многого не запихнешь, там мановый заряд еле теплится.

Тем более если учесть, сколько ему веков. Возможно, старик доживает последние годы. Он уже сейчас мерцает, прерывается. Еще немного – и рассеется.

Но пока все-таки действует. И сможет сослужить Зару последнюю службу.

- Прими мой вид, - приказал Зар. – С имитацией ауры.

Немтырь кивнул, померцал и... перелился в молодого императора. Глядя на словно свое зеркальное отражение, Зар невольно вздохнул. Какой же нелепый у него вид. Уши торчат. И кристальная корона великовата. А эта лиловая императорская мантия... она как будто рассчитана на человека вдвое более крупного. Зар в ней просто тонет.

- Выйди и скажи слугам, что хочешь устроить подвижную игру на свежем воздухе, - велел Зар. – Участвовать должны все.

Немтырь кивнул и удалился. Зар же выждал должное время и раздвинул зоркое окно. В большом покое не осталось никого. Конечно, духи-блюстители все равно наблюдают там за каждым пятачком, но в плаще для пряток они Зара не увидят.

Он снял корону и мантию, выскользнул за дверь, бросился к выходу... и внезапно узнал о еще одном своем слуге. Пустота в углу вдруг шевельнулась и приобрела человеческие очертания. Обратилась Медным Магом с прилизанными волосами.

- Ваше величество!.. – растерянно произнес он. – Вы... а кто же был там?.. тот... это...

- Я прошу вас сохранить молчание, - поспешно произнес Зар. – Это государственные дела, сами понимаете.

- Простите, ваше величество, я вынужден доложить...

Зар резким движением швырнул в него горсть снотворного порошка. Давно им запасся, постоянно жалуясь лейб-целителю на бессонницу.

Но Медный Маг не уснул. Только дернулся, заморгал и поднял руку, чертя знак. Призыв!..

Кого он призывает?!

У Зара не было времени. Через секунду-другую здесь появится Оопсан или еще кто-нибудь. Все провалится.

И он метнулся вперед с душепронзателем.

- Прости, - тихо сказал император, когда Медный Маг свалился бездыханным.

Внутри Зара все колотилось, а руки тряслись. К горлу поднимался комок, когда он глядел на мертвеца. Он никогда еще никого не убивал своими руками. У него все-таки хватило духу... но теперь он шатался от ужаса.

Но на панику не было времени. Глубоко вдохнув, Зар оттащил тело в малый покой. Там его найдут не сразу.

Однако теперь все очень осложнилось. Духи-блюстители, разумеется, засекли гибель соглядатая и очень скоро доложат своему смотрителю. Возможно, докладывают прямо сейчас. Зар не знал точно, какое у них расписание и насколько они обучены отличать положенное от неположенного... но не сомневался, что скоро это узнает.

И потому он шел очень быстро – но не настолько быстро, чтобы это стало подозрительным. Его рассуждения оказались верны – в плаще для пряток никто его не замечал. Бесчисленной дворцовой обслуге просто в голову не приходило, что Колдующий Император может оказаться вот здесь, совсем рядом, без свиты. Его же всегда сопровождают минимум два гвардейца и два лакея.

Пересечь парадный холл тоже оказалось несложно. Прямо сейчас все думают, что он бегает на котурнах с огромным пером, играет в светрол с горничными и секретарями. В развлечениях Зара никогда не ограничивали – напротив, поощряли любые его занятия, кроме государственных дел. Всех бы только обрадовало, стань он пьяницей и развратником, как покойный дед.

Выходя за ворота, Зар крутил в голове марки румян и усиленно вспоминал самую смазливую из своих горничных. По его мыслям должно было показаться, что он паж, который выскользнул за подарком. Любой аристократ получит подобную мелочь волшебством, но немогущие и малоодаренные по-прежнему ходят за покупками пешком.

И его не остановили. Огромные големы даже не шевельнулись, сторожевые чародеи лишь скользнули ленивыми взглядами. Эти ворота – задние, через них постоянно снует мелкая прислуга. И привратники сканируют лишь внешние мысли, поверхностные.

Самым сложным было не радоваться, когда ворота остались позади. Даже сейчас это может кто-то почувствовать. Лишь отойдя подальше, оказавшись на обычном проспекте, смешавшись с простыми прохожими, Зар позволил себе облегченно вздохнуть.

Площадь Иллюзорных Цветов. Одна из крупнейших и красивейших площадей Бриарогена. Свое название получила по древнему волшебству – кристальная мостовая выглядит цветущим лугом. Очень реалистичные миражи, сохраняющие силу уже больше тысячи лет.

Здесь стоит музей Бриара. Посетителей почти нет – если не считать школьных экскурсий, сюда редко кто заглядывает. Немногим интересна сейчас древняя история.

И это несмотря на то, что вход свободный.

Зару на секунду стало обидно такое небрежение. Эй, в конце концов, этот человек создал империю! А теперь его наследие пылится в полутемных залах, и толстая троллиха дремлет в углу.

Зар пошел напрямую к Криабалу. Сжимал в потной руке титульный лист. На экслибрис даже не глядел – на стенах и так висели указатели. Серый Криабал – единственный из семикнижия, к которому есть доступ у всех желающих.

Но этот доступ у них есть уже пятьсот лет. Все, кто хотел увидеть древнюю реликвию, увидели ее давным-давно. Возможно, когда Серый Криабал впервые тут выставили, в музее собирались толпы… но это было пятьсот лет назад.

И в просторных галереях действительно почти никого не было. Редкие посетители, скучающие зеваки, иногда смотрители. Один раз Зар отвернул лицо – он умудрился почти столкнуться с Медным Магом, одним из музейных хранителей.

Тот его не узнал. Конечно, лицо Колдующего Императора знает вся планета, но никто не ожидает встретить владыку мироздания просто на улице. Даже если сходство и замечают, то не придают значения. А ауру скрывал плащ для пряток.

Да и те Медные Маги, что служат музейными и театральными

хранителями... туда отправляют не самых лучших. В основном нерадивых сыночков и племянничков, что с грехом пополам обучились азам Искусства. Они не пригодны ни для чего полезного, так что их сажают на синекуры – почетные, но ничего не значащие должности, которые легко могут занимать даже немогущие.

Да, вот таков сейчас их орден. Золотые Маги были цветом мирового волшебства. Серебряные Маги – непобедимым колдовским войском.

Медные Маги – смердящая куча отбросов.

Сменялись залы с экспонатами. На стенах висели инкарны, картины. Живые и полуживые портреты – движущиеся, говорящие. Они показывали самые яркие эпизоды из жизни Бриара, рассказывали о его деяниях. В витринах лежала всякая дребедень, иногда лишь отдаленно связанная с великим человеком.

Вот плащ Бриара. Черный, переливающийся. Вот его посох из драконьей кости. Даже спустя девятьсот лет – почти как новый. Только посередине видны обугленные отпечатки.

А вот наконец-то и нужный зал. Огромный, полутемный – и всего с одним экспонатом. В самом центре, освещенная голубым светом, висит книга в сером переплете. Как будто ничем не защищенная, просто легкое кинетическое поле... но на деле там кокон невообразимой мощности. Его поставил лично Мангул, десятый Колдующий Император. А он хотя и заметно уступал своим пращурам, но все еще был великим волшебником. Над этим коконом он хорошо потрудился – злоумышленников за пятьсот лет было немало, но никто не сумел преодолеть древнее заклинание.

Наверное, Оопсан сумеет, и другие члены Конклава тоже. Но как раз им Криабалы не нужны. Они будут только рады, если про эти реликты романтичной старины все позабудут.

Конечно, немогущему нечего и думать преодолеть такое поле. Но Зар просто подошел... протянул руки... и взял книгу. Та легла в ладони, словно всегда там и была.

Мангул не собирался делать свой замок непреодолимым. Он оставил потомкам ключ. Его защитный кокон свободно пропускает носителя кристальной короны. Колдующего Императора.

Зар сглотнул. Первый Криабал. Он получил свой первый Криабал. Осталось еще целых шесть, два из которых вообще неизвестно где, но это уже значительный шаг. С Криабалом он сможет потягаться даже с членами Конклава... заставит с собой считаться... Надо только так же незаметно вернуться в свой

покой, прикинуться спящим и изучить эту книгу... боги, она гораздо толще, чем Зар думал...

- Ваше величество, вы здесь? – окликнул бесплотный голос.

Зар вздрогнул. Не может быть! Уже?! Он надеялся, что у него есть еще хотя бы полчаса!..

- Оопсан, я вышел прогуляться, не призывай меня!.. – вскричал он, страшно сосредотачиваясь.

Даже немогущего намного труднее призвать, если он сопротивляется изо всех сил. Если у Оопсана не что-то важное, если он просто проверяет, где Зар сейчас, то еще есть шанс...

Первый советник не стал его призывать. Он явился сам. Воздух сгустился, и из него выступил седовласый мужчина с глазами рептилии.

Зар раскрыл Криабал и стал листать. Взгляд отчаянно метался между заклинаниями. Искал что угодно, способное выручить. Унести на другой конец света или в сам Шиасс, окружить неразрушимым барьером, превратить Оопсана в пыль... сейчас Зар был готов и на это.

- Ваше величество, вам не следует здесь находиться, - сухо произнес Оопсан. – Зачем вы извлекли музейный экспонат из витрины? Это не игрушка.

- Не подходи! – вскричал Зар, не отрывая взгляда от страниц. – Ты больше не первый советник! Я увольняю тебя!

- Как пожелает ваше величество, - склонил голову Оопсан. – Ваша воля – мой закон. Но такие указы следует объявлять в соответствующей обстановке и при свидетелях. Давайте вернемся во дворец и созовем заседание Конклава...

- Нет! Аратаук ата каратака! – торопливо закричал Зар. – Армавида окола даги! Асакара дека! Ноготи! Сур! Орма такира аз дарматера! Ур табакита!

Оопсан резко втянул в себя воздух. Впервые Зар увидел его изумленным. Но смотрел первый советник не на императора и не на Криабал в его руках... он смотрел куда-то выше.

И Зар боялся обернуться.

- Не думал, что однажды этим заклинанием призовут меня самого... – прошелестел чей-то голос.

- Этот мальчик – наш потомок?.. – спросил другой.

- Во всяком случае мой, - ответил третий. – У вас потомков не было, дядя.

- Какой позор... – зло процедил четвертый. – Во что превратился наш род... империя... как ты смеешь?!

Это было обращено к Оопсану, который начертал левой рукой знак Изгнания. Зара хлестнуло невидимой волной, но он устоял – и, кажется, устояли те, кто стоял сзади.

Заклинание Предков. Вместе с переменными «ур табакита» оно призывает самых великих пращуров – не только прямых, но и побочных. И не просто бледными тенями, а почти во плоти, во всей прижизненной славе.

За спиной Зара сейчас стояли древние Колдующие Императоры.

И они были разгневаны.

- Ваше величество, вы совершили необдуманный поступок, - произнес Оопсан, делая шаг вперед. – Прошу, передайте мне гримуар, и я исправлю вашу ошибку... к-ха-ах!..

Его отшвырнуло к стене. Зара же обдало холодом – сквозь него прошли густые серые тени. Три человеческие и одна... иная. Огромная, безликая, переливающаяся чистой магией. Словно само звездное небо обрело форму.

От нее веяло нездешним... потусторонним... и в то же время странно ободряющим.

- Этот недостойный пытался изгнать нас, - раздался замогильный голос. – При мне подобное называлось святотатством.

- Слуги должны знать свое место, - добавил другой.

Тени запылали лиловым огнем. Оопсан вскинул сверкающий щит, с его рук сорвались золотые искры, а глаза вспыхнули синим. Первый советник был, возможно, величайшим магом среди ныне живущих, и любого обычного духа он изгнал бы движением брови. Но эти четверо... они обступали его все теснее, и в их аурах проступала ярость мертвых.

Зар же пятился. Может, и зря он все это затеял, конечно. Но теперь назад не повернуть. Он листал Серый Криабал, ища другие заклинания, способные помочь... а Оопсан почти лишился сил. Он еще отбивался, но венценосные тени словно душили его самим своим присутствием.

- Что за кирня?.. – раздался сзади голос.

Зар обернулся. Там стоял музейный хранитель. Самый обычный Медный Маг, один из множества. Совсем молодой и ужасно лопоухий, чем-то похожий на самого Зара. Он в изумлении смотрел на творящееся – и явно не узнавал ни императора, ни первого советника, ни уж тем более духов.

Он видел только воришку, укравшего ценный экспонат, и кошмарных фантомов, напавших на какого-то старика.

И, вспомнив о своем долге, хранитель выхватил душепронзатель...

Зар тоже схватился за свой... но опоздал на долю секунды. Медный Маг рванулся вперед – и вонзил клинок в императора.

Зар упал бездыханным – и заклинание рассеялось. Духи

предков улетучились. Измученный Оопсан поднялся на ноги, оперся о протянутую хранителем руку и устало спросил:

- Как тебя зовут?

- Эльмито, сударь... мессир... эм?.. – всмотрелся в ауру Оопсана хранитель. – Вы... вы же... кто вы?..

- Ты предстанешь перед судом, Эльмито, - сказал первый советник. – За государственную измену и убийство Колдующего Императора.

Совершенно раздавленный, ничего все еще не понимающий, музейный хранитель последовал за Оопсаном. Серый Криабал тот забрал с собой. А в полутемном зале переглянулись незримые ни для кого духи – теперь пятеро, а не четверо.

- У меня не осталось наследников, - приглушенно произнес Зар, щупая прореху в астральном теле. – Я не успел. Ничего не успел. Что теперь будет с Парифатом?

- Ничего хорошего, полагаю, - ответил Хоризакул. – Но это уже нас не касается.

- Я прокляну их самым страшным проклятием, - пообещал Громорокатран. – Конклав обернулся против своего императора – пусть же не будет покоя их душам!

- Пойдем, потомок, - добавил Абраксол. – Тебя ждет семья.

Глава 33

- Позвольте мне подытожить, - произнес Массено, когда над кристаллом Сакратида перестали мелькать миражи. – Антикатисто набрался сил с помощью узников Хиарда. Они не могли вырваться оттуда сами и не могли никак повлиять на что-либо за пределами своей темницы – но неким образом сумели напитать Тьмой одну скорбную тень. Мы, к сожалению, пока не знаем доподлинно, собирается ли Антикатисто держать данное Всерушителям обещание, или же, как утверждает великий инквизитор, он им солгал, но лично мне более вероятным представляется второе.

- Мне тоже, - кивнул Танзен. – Полностью собранный Криабал, возможно, и способен открыть Хиард, но к чему тогда вся эта чепуха с чакровзрывателями и Апофеозом? По-моему, Антикатисто продолжает гнуть ту же линию, что шестьсот лет назад.

Темный Властелин слушал их доклад со всем вниманием. Искатели Криабала тоже, хотя у них вид был слегка пришибленный.

Они вернулись только три часа назад. Чтобы сбросить с хвоста Антикатисто, Фырдуз десятки раз читал Побег в разных вариациях, а вехот описывал невероятные петли. Прыгать вместе с вехотом было паргоронски сложно – каждый раз приходилось крепко за него держаться и следить, чтобы Мектиг, Плацента, Джиданна и Дрекозиус тоже крепко держались, но уже за Фырдуза.

А на Фырдузе не так уж много места.

Заклинанием Побега вообще лучше не брать больше двух спутников – так в комментариях говорилось. Если держать кого-то за руку, то все нормально и безопасно, а вот если он держится за другую часть тебя... тут уже всякое может случиться.

Но приходилось рисковать, так что они перемещались и по земле, и по воде, и по воздуху. Снова побывали в Эрдезии – Дрекозиус все-таки прочел разок Возвращение Домой. Это мало помогло – Антикатисто портировался с легкостью и находил их где угодно. Но все же после каждого прыжка он отставал чуть сильнее, запаздывал чуть больше. И когда проклятая черная клякса окончательно их потеряла, Бельзедор раскрыл портал в Бриароген.

Эта дикая гонка длилась дольше суток. И все понимали, что

скоро снова придется куда-то перемещаться – по крайней мере Фырдузу с его Криабалом. Антикатисто наверняка по-прежнему идет по следу – и здесь он появится очень скоро.

- Мы не окончательно уверены в целях Антикатисто, но можем с уверенностью сказать, что знаем всех, кто ему служит, - добавил Танзен. – Некоторые волшебники, инквизиторы, антимаги, хобии и йоркзерии. Одни – втемную, другие – из страха, третьи – разделяя его цели. Используя их помощь, Антикатисто долго и кропотно работал над тем, чтобы заполучить две вещи – Криабал и Апофеоз. Вопросы у кого-то есть?

- Есть, - ответил Плацента, утирая нос. – Ты кто такой?

На него не обратили внимания. Бельзедор медленно сомкнул ладони в почти что рукоплескании. Глядя на него, чуть-чуть похлопали и приспешники. Хотя их присутствовало не слишком много – только кот на коленях, бессменный управляющий и крошечный лысый старичок с тростью.

Кот не хлопал.

- Я не понял, тля, - повторил Плацента, пихнув Джиданну. – Это кто такой?

- Это мэтр Танзен, - устало сказала волшебница. – Он метаморф.

Да, в этой форме искатели Криабала Танзена еще не видели. Он выглядел костлявым зеленым гоблином и явно маскировался под мелкого прихвостня Темного Властелина. Даже говорил нарочито приквакивая, с характерным гоблинским акцентом.

- Местонахождение Апофеоза, - произнес Бельзедор, обратив к Танзену и Массено глухой шлем. – Вы его выяснили?

- Еще нет, - произнес Танзен. – Но у нас появилась одна зацепка и... и еще одна.

Он положил на стол дальнозеркало.

Монах и волшебник вернулись в Бриароген раньше искателей Криабала и не переставали ждать вызова от таинственной личности. Один раз дальнозеркало и впрямь оживало, но по ту сторону были лишь темнота и дребезжащий голос, который молвил, что хочет кое-что рассказать, но согласен сделать это только при личной встрече.

И еще он не хочет показывать свое лицо. И называть свое имя. И если Танзен и Массено приведут с собой кого-нибудь третьего или принесут сакратид либо помни-зерно, он исчезнет и никогда больше не заговорит.

- Очень похоже на ловушку, - мрачно сказал Танзен.

- Вы не настолько важные фигуры, чтобы расставлять ловушку именно на вас, - спокойно произнес Бельзедор. – Все вам

известное знаем и мы все.

Танзен неохотно кивнул. Они с Массено пришли к тому же выводу. Несколько лун назад, когда расследование еще только начиналось, когда у них были только кончики нитей, высунувшиеся из клубка... тогда, действительно, их стоило устранить. Попытки и были – убийца-шкар, отложенный зомби...

Теперь же для этого слишком поздно. Смерть Танзена и Массено больше не имеет смысла – великий инквизитор сказал это открытым текстом.

- Возможно, в ком-то из антимагов или иных приближенных Антикатисто пробудились человеческие чувства, - предположил Массено. – Но он смертельно боится как нас, так и своего господина. Это вполне правдоподобная гипотеза.

- И раз он хочет видеть только нас – мы с ним встретимся, - сказал Танзен. – Но, мне кажется, ничего нового мы там не узнаем. В то же время...

- ...Да, есть и вторая зацепка, - наклонил голову Массено. – Узники Хиарда. Они могут знать об Антикатисто такое, чего не знает больше никто... но повидаться с ними я не вижу никакой возможности.

Бельзедор задумался. Танзен глядел со скептицизмом. Конечно, возможности Темного Властелина безмерны, но это же все-таки Хиард. Тюрьма для бессмертных. Место, куда сажали даже богов... если верить легендам и преданиям.

О Хиарде Мистерия знает не больше, чем все остальные.

- Мне неизвестен способ попасть в Хиард, - наконец мотнул головой Бельзедор. – Но... я слышал кое о ком, кому он известен. Мэтресс Джиданна, вы ведь знаете о идимах?

Джиданна пожала плечами. Разумеется, она знала о идимах. Они входят даже в базовый курс кромкохождения, не говоря уж о продвинутом, который проходят все адепты Провокатониса. И хотя Джиданна закончила Унионис, а не Апеллиум, у нее однажды был целый семинар по идимам и другим волшебным духам.

Идимы – настоящие любимцы призывателей. Они живут в Шиассе, охотно являются на зов, с удовольствием выполняют поручения, берут довольно умеренную плату и никогда не пытаются устроить пакость, как то и дело норовят демоны.

Пожалуй, единственный их недостаток – крайне узкая специализация. Каждый идим умеет только что-то одно – правда, уж в этом он толк знает.

- Я не умею призывать идимов, - все же сказала Джиданна. – В Унионисе этому не учат, а такого факультатива я не брала.

- Вам и не придется их призывать. Вам придется к ним

отправиться.

- В Шиасс?.. – переспросила волшебница.

- Да, в Шиасс, - кивнул Бельзедор. – Вы ведь там уже были, не так ли?.. Значит, вам будет не впервой. Птичка принесла мне на хвосте, что идимы знают черный ход в Хиард. Если хорошенько попросите, они вам его раскроют.

- А чё опять мы-то?! – взвыл Плацента, нисколько не обрадованный новым путешествием.

- Для вашей же безопасности. Антикатисто отыскал вас. Теперь он знает, у кого Рваный Криабал. Теперь прятать его нельзя даже под землей. Так что вам все-таки придется переместиться в другой мир.

- Почему это нам?! – возмутился Плацента. – Мы все пятеро, что ли, к этой книжке привязаны? Пусть крысеныш и перемещается!

- Ему одному будет небезопасно, а в тайны Криабала посвящены немногие, - спокойно ответил Бельзедор. – Но если ты не хочешь оказать мне услугу, маленький полугоблин, просто выйди в ту дверь, и мы расстанемся друзьями.

Плацента подозрительно прищурился. Бельзедор указывал не на главный вход в кабинет. И даже не на запасной. Он указывал на маленькую дверцу, наполовину прикрытую занавеской.

Из-под нее чуть заметно струился дымок.

- Да ладно, тля, я чё, я ничё... – пробурчал Плацента, втягивая голову в плечи.

- Не думайте, что вы какие-то особенные и без вас нельзя обойтись, - попросил Бельзедор. – На самом деле вы просто оказались в нужное время в нужном месте. Вам легко можно подобрать замену, но поскольку до этого вы вполне справлялись, я не вижу причин этого делать.

- А хотя бы...

- Награда будет, - пообещал Бельзедор. – Я не взываю к вашему благородству и самоотверженности – эти чувства слабы и ненадежны. Страх и жадность – гораздо более сильные мотивы. Продолжайте верно служить – и получите все, что пожелаете. Предайте меня – и с вас медленно сдерут кожу.

Такая постановка вопроса Плаценте понравилась. Он любил, когда выбирать приходилось всего из двух вариантов, причем очевидно неравноценных.

- Так что просто садитесь на своего вехота, летите к вратам Шиасса и найдите по ту сторону жизни и смерти Властелина Идимов, - подытожил Бельзедор.

- Самого Властелина Идимов?.. – переспросила Джиданна. – А он вообще захочет с нами разговаривать?

- С вами – захочет. Это я вам гарантирую.

Всего через три часа искатели Криабала снова полезли в брюхо вехота. Танзен и Массено давали им советы по поводу того, что спросить у Всерушителей. Конечно, если Властелин Идимов согласится помочь... если в Хиард удастся проникнуть... если Хиротароса и Дормадоса получится найти и разговорить...

Что-то многовато получалось «если».

Сами Танзен и Массено пока что оставались здесь. Ожидать нового зеркальства от таинственного незнакомца. Они оба не очень верили в эту ниточку, но проверить были обязаны.

Когда под лапами вехота заструился воздух Империи Зла, искатели Криабала слегка приуныли. Они стали подозревать, что Темный Властелин уже никогда их не отпустит. Будет давать все новые поручения, пока они не погибнут или не обезумеют.

Возможно, именно так и пополняются ряды его прихвостней.

Бодр и весел был разве что Фырдуз. Ведь Бельзедор сдержал слово. Яминия спасена, Кобольдаланд тоже скоро будет освобожден. Легионы Страха прямо сейчас зачищают Подгорное Ханство. Хобии щедро получили той же монетой, какой сами одаряли соседей.

А на большую награду Фырдуз и не рассчитывал. Так что теперь он намеревался тоже сдержать слово и служить Бельзедору верой и правдой, даже если это превратит его в призрак Криабала.

Сейчас он снова листал Рваный Криабал. Отмечал все, что хотя бы косвенно относилось к Шиассу, Хиарду, духам, мертвым. В основном это были заклинания из Серого Криабала – разрозненные, отрывочные, часто неполные.

- Ваше благословение, тут нет ни одного заклинания, касающегося Хиарда, - наконец поделился кобольд с Дрекозиусом. – Есть только окончание комментариев, видите?.. Тут говорится: «Чтобы выпустить не всех узников, а конкретных, нужно добавить в конце «тагали исок та» и перечислить имена тех, кого следует освободить».

- То есть Криабал и в самом деле может открыть даже Хиард! – приложил персты к переносице жрец. – Спасите нас боги, что за кощунственная мощь!..

- А там много вообще... узников? – осторожно спросил Фырдуз.

- Никто не знает доподлинно, сын мой. Но легенды гласят, что за тысячи лет боги заточили там несметное множество такого, что никогда не должно возвращаться на свет...

- Например?

- Сильнейшие из Всерушителей. Самые страшные из

озверелых титанов. Говорят, там есть даже демолорды.

- Всем нам было бы гораздо проще, если бы они заточили туда еще и Антикатисто, - сварливо бросила Джиданна. – Скажите, отче, почему бы богам его туда не отправить?

- Дочь моя, еретичны и неумны твои речи, - покачал головой Дрекозиус. – Ответь – разве это боги привели Антикатисто в наш мир? Разве это боги обучили его волшебству? Разве это боги вручили ему Черный Криабал? Разве это боги побудили его предать себя Тьме? Боги добры и милосердны, но святая церковь учит нас, что нет милосердия в несвободе. Если сегодня боги запретят творить зло Антикатисто, то завтра ты спросишь – а отчего они не запрещают его творить Бельзедору?

- Ну да, спрошу. Это меня тоже интересует.

- А если боги запретят творить зло и Бельзедору, то ты спросишь – а отчего по-прежнему его творят негодяи помельче? Отчего безнаказанно убивает людей Братство Добрых, отчего гребет неправедную деньгу Обычная Семья, отчего грабят прохожих Воины Дорог, отчего топит корабли Вольное Братство? Отчего губят людей скверным колдовством ваши же магиозы? Отчего, в конце концов, молнией все еще не убило Плаценту?

- Эй!.. – возмутился полугоблин.

- А ежели и всех этих малых злодеев упрячут в Хиард, то ты спросишь, отчего тебя обсчитала торговка на рынке или отчего пьяница помочился на твое крыльцо. Между добром и злом невозможно провести четкую границу, дочь моя. Откуда тебе знать, что боги не оберегают нас от неизмеримо худшего зла, нежели Антикатисто, а он – это всего лишь самое неприятное из того, с чем они предоставили разбираться нам самим?

- Ниоткуда, - согласилась Джиданна. – А это так?

- Никто не может знать точно, дочь моя, никто не может знать...

- А я могу провести четкую границу между добром и злом, тля, - сказал Плацента.

- Ну и что же это за граница, сын мой? – устало спросил Дрекозиус.

- Все, что мне нравится – добро, а что не нравится – зло.

- Гениально, - хмыкнула Джиданна. – Отче, Плацента-то поумней вас оказался.

- И то, - вздохнул жрец. – Смиренно умолкаю.

Вехот пролетел уже добрую половину пути, но впереди осталось еще столько же. Врата Шиасса, как оказалось, находятся именно в Империи Зла... впрочем, это никого особо не удивило. Но если Бриароген – в самом сердце этой ужасной страны, то врата в мир мертвых – на самом востоке, в преддверии

Мардахайских гор.

А Империя Зла – очень большая страна. Даже демону-вознице не пересечь ее в мгновение ока. И за окнами в мохнатых боках проносились то серые пустоши, то ядовитые болота, то темные леса, а то жуткие, зловещие замки. Бескрайние просторы, населенные сплошь злодеями. Гноящаяся язва на лице Парифата.

Погода тоже не радовала. Сурения – тропический континент, и почти во всех его краях тепло, солнечно и зелено. Но только не в Империи Зла. Колдовство Темного Властелина почти всю страну накрыло черными тучами, и здесь всегда сумрачно, всегда промозгло, часты дожди и туманы, нередки ураганы и грозы.

Вехот как раз сейчас летел сквозь грозу. Мектиг, которого с детства завораживали молнии, приник к окну, смотрел на ослепительные трезубцы и чуть заметно вздрагивал при очередном раскате.

- Почему? – спросил он у Дрекозиуса, когда очередная молния сверкнула в какой-то сотне шагов.

- Что почему, сын мой? – переспросил жрец.

- Сначала сверкает молния, а потом гремит гром. Почему не вместе?

- Все очень просто, сын мой, - охотно объяснил Дрекозиус. – Отец наш Космодан кидает молнию в то, что гневит его – возможно, что даже в тебя! – но, увы, промахивается. Огорченный сим досадным фактом, он гневается, топает ногами – и мы слышим гром.

- Сему мораль: не гневи богов, - прокомментировала Джиданна. – А то молнией звезданут.

- Чудесно сказано, дочь моя.

Мектиг покосился на Джиданну и немного отодвинулся. Слишком далеко в чреве вехота уйти не получалось, но он все же был достаточно просторен для пятерых. Как длинная комната с лавками и даже столиком. Дрекозиус как раз откупорил бутылочку вина – до врат Шиасса оставалось аккурат времени, чтобы ее распить.

- Прекрасный сорт!.. – восхищенно понюхал пробку жрец. – Прекрасный букет!.. Вы знаете, дети мои, о нашем злокозненном владыке можно сказать немало скверного и даже ругательного, но в вине он воистину знает толк! Ах, а что за дивным кусочком сыра он снабдил нас в дорогу!.. Вот, дочь моя, позволь отрезать тебе ломтик, обмакнуть его в мед и показать, как изумительно можно чествовать Люгербеца этим нежнейшим сочетанием!

Попивая вино и угощаясь сыром в меду, Мектиг продолжал коситься на Джиданну. В последнее время эта женщина вызывала у него странное ощущение внутри.

Это нарастало как-то постепенно. При первой встрече он посчитал ее некрасивой и ненормальной. Но в ходе совместного путешествия он все чаще замечал, что она полезна в схватке, а беседы с ней ему нравятся. При том, что Мектиг вообще-то разговаривать не любил ни с кем.

Потом он вдруг обнаружил, что не так уж она и некрасива. У нее высокая грудь и широкие бедра, а лицо... лицо не отталкивающее, вполне правильное. И ей идут очки.

Еще немного времени спустя он понял, что ему приятно находиться с ней рядом. Приятны случайные прикосновения. А когда ей прострелили колено, и он нес ее на руках... он почувствовал, что боится ее гибели. И не хочет, чтобы наступал день, когда они закончат всю эту работу с Криабалами, получат свои награды и разойдутся в разные стороны.

Это самое он попытался сейчас изложить Дрекозиусу. Очень тихо и немногословно, но жрец все отлично понял.

- Неужели Лилейна обмахнула тебя своим покрывалом, сын мой? – шепотом спросил Дрекозиус. – Ты верно поступил, что обратился ко мне за советом. Но скажи вначале – взаимны ли твои чувства? Как тебе самому кажется?

- Не знаю, - угрюмо ответил Мектиг. – Она не дармаг.

Он в самом деле не знал, как положено поступать в таких случаях у волшебников и вообще людей, живущих в городах. У дармагов в этом отношении все очень просто. Если мужчина хочет женщину или женщина хочет мужчину, то надо просто сказать все прямо и получить согласие либо отказ.

Но у других людей для этого придуманы разные сложные церемонии. И Мектиг боялся совершить критическую ошибку.

Церемонии. Мектиг ненавидел церемонии.

- Ты верно все понимаешь, сын мой, - благосклонно кивнул Дрекозиус. – Увы, увы, в нашем греховном и скорбном мире женщины и мужчины словно фланируют друг вокруг друга в причудливом танце, и не всегда бывает легко угадать, какое па станет следующим. Я бы для начала сделал ей какой-нибудь подарок. Пустячок, способный умягчить женское сердце.

- Я уже сделал, - сказал Мектиг. – Она не взяла.

- Очень удручающе. Возможно, ты не столь же приятен ее взору, как она твоему. А если не секрет – что именно ты ей подарил?

- Веретено, - мрачно сказал дармаг.

- Веретено?..

- Да. Я сам вырезал.

Жрец сочувственно вздохнул. Прекрасно разбирающийся в культурных особенностях разных народов, он знал, что у

дармагов лучшим подарком девушке считается посуда или ткацкий инструмент. Увы, Мектигу было невдомек, что барышня, воспитанная в подлинно севигистском духе, охотнее примет в дар цветок, украшение или сладкий леденец.

- Сын мой, выслушай, - проникновенно произнес Дрекозиус. – Если твои намерения в самом деле искренни и чисты, я по-отечески дам тебе несколько советов. Но надеюсь, что применять их ты будешь мудро и благородно, а о том, кто оказал тебе сию бесценную услугу, не забудешь даже на смертном одре.

- Не забуду, - пообещал Мектиг.

Говорили они очень тихо, а Джиданна сидела в другом конце вехота. Она помогала Фырдузу разбираться с Рваным Криабалом, и над самым ее ухом матерился Плацента. Казалось, что волшебница никак не может расслышать беседу дармага и жреца.

Но те не замечали, что под их лавкой лежит Леди Белка. Фамиллиар навострил одно ухо, и все услышанное передавал хозяйке. Лицо Джиданны оставалось непроницаемым и даже тон голоса не менялся, но внутри она аж горела от смущения.

И когда вехот приземлился перед гигантской аркой, Джиданна вылетела первой, стараясь не смотреть на Мектига. Тот, впрочем, тоже на нее не смотрел – он искал взглядом что-нибудь, похожее на цветы. Дрекозиус посоветовал начать именно с них.

Увы, цветов поблизости не было. Этот край Империи Зла оказался особенно бесплоден. Горизонт застилала клыкастая горная цепь – их вершины уходили к самым небесам, и многие явственно дымились. Не так уж далеко начинался Ильдланд – страна муспеллов, огненных великанов. Их вулканы и магмовые озера выжгли землю на многие вспашки, и расти здесь могло только что-то совсем уж неприхотливое.

Только что-то неприхотливое и росло. Черные вулканические саксаулы, драконовы деревья с почти каменной корой и огромные паргоронские кактусы с ярко-алыми плодами.

- Их можно есть? – спросил Мектиг у Дрекозиуса.

- Можно, сын мой, и даже нужно, ибо сок сих плодов несказанно бодрит и придает сил. Сорви-ка мне парочку, если будет на то твоя воля и если сумеешь избегнуть коварных шипов.

Пока Мектиг срывал Дрекозиусу плоды кактуса, остальные таращились на врата Шиасса. Даже вехот смотрел на них с удивлением.

Они и впрямь впечатляли. Размером с обычный каменный портал, что понаставила по всему миру Парифатская империя, да и формы такой же... но из переливающегося черного кристалла. Черной же была и волшебная завеса – словно растекшаяся

вертикально лужа чернил.

По эту сторону врат не было стражи. Вход никто не охранял – и неудивительно. Кто по своей воле решится войти в мир мертвых?

Этих мест избегали даже птицы и насекомые.

- Как вы собираетесь возвращаться? – спросил вехот. – Моя грива все еще не отросла, а эти ворота с другой стороны охраняются.

- Мы помним, - сказала Джиданна. – Там маридиак.

Действительно, в прошлый раз страж Шиасса отказался их пропускать. Не помогли все витийства Дрекозиуса. Скорее всего, не пропустит он их и теперь… просто так.

Но теперь у них есть козырь. Рваный Криабал. Среди множества его заклинаний нашлось одно очень полезное. Явно родом из Серого Криабала, носящее длинное название «Умиротворение Стражи Мертвых», оно служило для успокоения самых жутких тварей Шиасса. Духоловов, душекосцев, маридиаков и даже беспощадных Жандармов.

Вехот свернулся на голой земле клубком и прикрыл глаза. Еще в полете он заявил, что в Шиасс с остальными не пойдет, дождется их возвращения у врат.

- Я все-таки не вдупляю, чего б тебе с нами-то не пойти, тля, - спросил Плацента, отстав от остальных. – Ты что, румаррка, забрезговал?

- Мое общество может оказаться… проблемным, - уклончиво ответил вехот. – Для вас. Если я буду с вами, Жандармы могут не умиротвориться даже после заклинания.

- А что так? Ты там в монахи кого-то постриг, что ли?

- Там и так уже все мертвые, - ответил вехот.

- И ты доедал то, что от них осталось?

- Я родился демоном, - ухмыльнулся вехот. – Вам известно, чем питаются демоны. Уж извините.

- Ладно, сиди тут, мхом покрывайся, - сплюнул Плацента, догоняя остальных.

Мектиг уже шагнул сквозь черную занавесь. За ним последовали Джиданна и Фырдуз. Четвертым успел Плацента, который не любил быть ни первым, ни последним. За ним, тяжко вздохнув и приложив персты к переносице, ступил Дрекозиус – и искатели Криабала снова оказались в Шиассе.

Снова под ногами струился густой туман, а вокруг стояли серые сумерки. Снова растущие вверх ногами деревья и скользящие над землей тени.

Шиасс. Мир духов. Он громадный. Он больше Парифата в несколько раз. Кроме бесчисленных, накопившихся за

тысячелетия мертвецов, в нем обитают тотемы, идимы и разные жуткие твари.

И одна такая тварь сейчас смотрела на искателей Криабала. Двухголовый рогатый великан с недоумением уставился на пришельцев с другой стороны и с сомнением произнес:

- Всякому подошедшему – смерть?.. Смерть?..

- Мы с другой стороны, - бесстрашно сказала Джиданна. – С другой стороны можно.

- И мы с добрыми намерениями, о благородный маридиак! – заверил Дрекозиус, обильно потея.

Страж явно все еще сомневался. Мимо него часто пытались проскользнуть духи, ищущие пути в мир живых, но из самих врат не выходили почти никогда.

А особым умом маридиаки не отличаются.

- Прочти заклинание на всякий случай, - шепнула Фырдузу Джиданна, пока маридиак сверлил их двумя парами глаз.

С этой стороны врата Шиасса выглядели совсем не так, как в мире живых. Там – гладкий черный кристалл, тут – тысячи слепленных вместе голов. Они таращились на пришельцев из-за Кромки, бессвязно бормотали, высовывали языки – а меж ними колыхалось черное зеркало, ведущее обратно, к теплому солнцу и синему небу.

Но где-то в этом синем небе летает и Антикатисто, рыщущий в поисках последнего Криабала. На Парифате он очень скоро их найдет, это дело одного-двух дней. Под землей больше не спрячешься. Так что никому из пятерки назад особо не хотелось... во всяком случае, пока с ними кобольд и его книжка.

Без этой книжки им сюда и соваться не стоило, впрочем. Фырдуз несколькими волшебными словами сделал маридиака сонно-равнодушным, и они отправились в Серый Трактир – тот по-прежнему стоял неподалеку.

Искатели Криабала шагали почти безразлично. Во второй раз Шиасс уже не казался таким таинственным и странным. Вот разве что Фырдуз всему дивился, на все подряд разевал рот – и Плацента над ним за то насмехался. Стоило кобольду робко спросить, что есть вон то или вот это, почему деревья растут вверх ногами и как те люди ходят без ног, как полугоблин закатывал глаза и ругательски бормотал, что это же и дураку известно, право слово.

Лорд Бельзедор выдал им с собой бесценный артефакт – карту Шиасса. Шуршащий пергамент был извлечен на свет и на нем засветились тысячи искорок – бесчисленные воздаяты, города мертвых и разные чудеса потустороннего мира.

Нашлось там и царство идимов. Мерцающее пятно, от

которого почти что пахло волшебством. Очень-очень далеко от врат в мир живых, от Серого Трактира, от Танатополиса и вообще отсюда.

Будь дело на Парифате и будь искатели Криабала вынуждены идти пешком – шагать бы им многие годы. Но Шиасс – не Парифат. Мир мертвых – совсем не то же самое, что мир живых. Даже пришельцы из-за Кромки здесь временно утратили плоть, стали чем-то вроде особо густых призраков.

- А Криабал тоже сейчас бесплотный? – спросил Фырдуз, узнав это от Джиданны.

- Наверное, - чуть промедлив, кивнула волшебница. – В Шиассе нельзя быть во плоти. Хотя Криабал, конечно, очень особенный предмет... но все равно... хотя не знаю точно.

- А ты уверена, что здесь Антикатисто нас не сыщет, дочь моя? – уточнил Дрекозиус.

- Сыщет, если сам сюда переместится. Тогда оглавление ему все покажет. Но это ему нужно вначале узнать, что мы здесь. Конечно, он рано или поздно догадается и начнет обыскивать другие планы... но какое-то время у нас в запасе теперь есть.

- Но терять его все равно не стоит, - заметил Дрекозиус. – Давайте же не будем медлить, дети мои, и скорее исполним предначертанное.

- Тля, как же далеко... – провел ладонью по лицу Плацента, таращась на карту. – Слышьте, может, все-таки вехота сюда затащим? Ну рыктба зо, мы просто не будем рыпаться на стражников! Они тут не везде!

- Сын мой, неужели ты думаешь, что наш мудрый и благосклонный покровитель направил нас в неизвестность, предоставив самим искать спасения изо всякой беды? – укоризненно покачал головой Дрекозиус. – Негоже тебе быть такого худого мнения о том, за чьим столом ты только сегодня трапезничал, и кто сделал для тебя столько всего, а в частности – подарил сей остро заточенный и весьма недешевый двуручный кинжал с чудесного цвета аметистом в рукояти. Стыдись, сын мой, воистину стыдись.

Бельзедор и впрямь дал искателям Криабала четкие инструкции. Просто Плацента в то время как раз отлучался по личным надобностям.

И в этот самый момент к столику подошли те, кого он послал на помощь. Три ухмыляющихся старика. Один был низок, коренаст и бородат, второй высок, худ и черноус, а третий толст, лыс и краснощек.

- Добро пожаловать в Шиасс! – воскликнули они почти хором.

- Мир вам, мир вам! – закивал Дрекозиус, торопливо вставая.

– Великая честь, великая честь!

- Что вы, что вы! – замахал руками низенький. – Это для нас великая честь!

- Можем мы услышать ваши прославленные имена? – спросил высокий.

- Мы жаждем их узнать! – добавил толстый.

- Меня называют отцом Дрекозиусом, достославные лорды, - торопливо ответил жрец. – Это мэтресс Джиданна, храбрый воитель Мектиг, наш общий друг Фырдуз и искусник Плацента. А вы?..

- Лорд Мерзопак, - представился низенький. – Тридцать Восьмой.

- Лорд Мерзопак, - представился высокий. – Пятьдесят Третий.

- Лорд Мерзопак, – представился толстый. – Семьдесят Девятый.

- И все мы – самые преданные приспешники нашего Властелина! – хором закончили они. – При жизни и после смерти!

Джиданна саркастично хлопнула в ладоши. Но Мерзопаки только ухмыльнулись еще шире и раскланялись, как паяцы в кукольном театре.

Духи древних злодеев, коим по всем канонам полагалось страдать в самых страшных воздаятах, тут же организовали транспорт. Возле Серого Трактира объявилась карета, запряженная скелетами лошадей. Семьдесят Девятый Мерзопак уселся на козлы, Пятьдесят Третий – на запятки, а Тридцать Восьмой – в кузов с остальными.

- Кони-скелеты... – ворчал он недовольно. – Какая пошлость... Какая звенящая пошлость... Кто это придумал вообще?!

- Не я! – ответил Семьдесят Девятый.

- Нет, это он, - сказал Пятьдесят Третий.

- Итак, у нас тут два Мерзопака, и оба всегда говорят неправду, - потер руки Тридцать Восьмой, откидываясь на подушки. – Сумеете разгадать загадку, господа пассажиры? Даю вам время, пока не прибудем к месту назначения... а потом взорвется субтерма под сиденьями!

Искатели Криабала хотели было выпрыгнуть из кареты, но та уже тронулась, уже помчалась... уже взлетела!.. Туманы Шиасса заволокли окна, все замелькало со страшной скоростью.

- Но... лорд Мерзопак... эта загадка не имеет решения, - отчаянно наморщил лоб Дрекозиус, мгновенно перебрав все варианты.

- Да... не имеет, - чуть промедлив, кивнула Джиданна.

- Мое решение – нож под ребро! – засверкал глазами

Плацента.

- И это абсолютно правильный ответ, мой маленький полугоблин! – улыбнулся ему Тридцать Восьмой Мерзопак.

И засмеялся.

И два других Мерзопака тоже засмеялись.

- Это будет долгая поездка, - сумрачно произнесла Джиданна.

Но она оказалась не такой уж долгой. Кони-скелеты хоть и были банальными штампами, домчали карету за пару часов. Три Мерзопака высадили пассажиров, пожелали удачи и полетели обратно.

Через несколько секунд карета взорвалась.

Глава 34

Царство идимов выглядело не так, как остальной Шиасс. Здесь небо казалось цветочной лужайкой, по нему плыли розовые облака, а внизу росли гигантские грибы. В воздухе порхали крохотные дракончики и яркие птицы, а дома выглядели как разноцветные кристаллы.

И жители тоже были необычными. Кто во что горазд, не найти двух одинаковых. Каждый по-своему одет, и большинство – очень причудливо. У многих гипертрофированные тела или карикатурные лица. Некоторые даже отдаленно не похожи на людей или иных привычных индивидов.

- Нам нужен государь сих мест, - произнес Дрекозиус. – Дочь моя, ответь, откуда бы ты начала поиски? Ты среди нас наиболее сведуща в волшебных науках – скажи, многое ли тебе известно об устроении этого дивного края?

- Почти ничего, - ответила Джиданна. – Мы призываем идимов, а не гостим у них. Я вообще думала, что у них тут... хотя ничего я про них не думала. Мне все равно было.

- Неосмотрительно, дочь моя. Как жаль, что ты не изыскала ранее полезных сведений. Но что же – давайте попробуем управиться и без них.

Где именно Властелин Идимов находится, было очевидно. Мерзопаки высадили искателей Криабала в самом центре страны идимов, и чертог ее правителя был виден чуть ли не отовсюду. Громадный кристалл упирался в небеса и сиял так, что болели глаза. Однако в нем не было ни единой двери и вообще никаких признаков входа.

Словно гигантский запечатанный склеп.

Джиданна, чуть прищурившись, сказала, что вокруг него клубится мана... в какой-то абсолютно невообразимой концентрации. Она не видела такого даже близ больших университетских Накопителей, из которых раздается мана для нужд студентов и преподавателей.

Всем известно, что идимы – не просто духи. Они полуматериальны, свободно существуют как среди живых, так и среди мертвых, и очень-очень волшебны. Считалось, что они буквально пропитаны маной.

Теперь Джиданна поняла, что это не так. Идимы не пропитаны маной.

Они состоят из маны.

Осознав это, она поежилась. Мистерия неоднократно экспериментировала с живыми заклинаниями, но те неизменно получались сродни буйным элементалям. Существовали недолго, действовали непредсказуемо и были по большей части разрушительны. Но идимы – это, кажется, нечто совсем иное... не похожее ни на что, Джиданне известное.

Хотя она не слишком внимательно слушала лекции по кромкохождению. Возможно, на какой-то из них об этом все-таки рассказывали.

И встречалась Джиданна раньше только с одним идимом. Ее прожорливая соседка по комнате посещала факультатив в Апеллиуме и на третьем курсе заключила контракт с Лордом Кофейни. Причудливым и почти бесполезным идимом, умеющим только приносить кофе. Идимы вообще предельно узко специализированы.

Именно Лорда Кофейни Джиданна и пыталась сейчас высмотреть. Тренируясь, ее соседка призывала его раз девять или десять, и Джиданна хорошо запомнила, как он выглядит. Импозантный мужчина в черном фраке и цилиндре. Он всегда улыбался, подавая волшебнице чашку кофе и принимая взамен медный лемас – самую мелкую монетку Мистерии.

Конечно, Джиданна не завела с ним ни дружбы, ни хотя бы близкого общения. Она и с самой-то соседкой ничего подобного не завела. Но примерно в половине случаев Лорд Кофейни подавал кофе и ей – так что парой слов она с ним обменялась.

Почти ничего, но все-таки знакомство. С остальными идимами у нее нет и этого.

И через несколько минут Джиданна его высмотрела. Лорд Кофейни оказался в своей... кофейне. Та выглядела самим воплощением кофейни, буквально ее идеей, запечатленной в хладном камне. Даже без вывески все сразу догадались – это именно кофейня и ничто другое.

Кофе здесь подавали задаром. Хотя призываемые идимы, как известно, берут за услуги чисто символическое вознаграждение – какой-нибудь желудь, ветку, косточку, стихотворение... В каталоге идимов указано требование каждого, но никто не знает, что они с этим мусором делают.

Лорд Кофейни Джиданну не узнал. Будучи одним из самых популярных идимов, он чаще всех используется для тренировок и уж конечно не запомнил одну волшебницу из тысяч.

Но кофе он ей налил. И остальным тоже.

- Если я правильно помню, в мире мертвых следует остерегаться что-либо есть или пить, - напомнил Дрекозиус, когда Джиданна поднесла к губам чашку.

- Здесь можно, - сказал Лорд Кофейни, добавляя ром в чашку Мектига. – Царство идимов простирается между живыми и мертвыми, мы полуматериальные. Хотя мы очень редко видим здесь смертных. Вы откуда?

- Ах, сын м... эм... добрый идим, мы здесь по делу государственной важности, - с наслаждением отхлебнул кофе Дрекозиус. Тот оказался идеальным. В точности таким, как любил жрец – с двумя ложками тростникового сахара, наперстком густых сливок, щепотью корицы и зернышком кардамона. – Благодарю тебя от всей души за этот напиток, достойный самого Люгербеца, но стану еще благодарнее, если ты посоветуешь, как повстречаться с вашим государем. Есть ли на то способы для простых смертных?

- Вам нужен Властелин Идимов? – переспросил Лорд Кофейни. – Он никого не принимает.

- Совсем-совсем никого? – спросил Фырдуз. – Вообще?

- Совсем. Вообще. Еще кофе?..

Кофе уже никому не лез в глотку. Но кроме него, Лорд Кофейни мало что мог предложить. Кажется, он получал искреннее удовольствие, угощая других этим горьковатым напитком. Как и у многих духов, существование каждого идима крутилось вокруг одного занятия – и оно ему никогда не наскучивало.

- А встретить Властелина Идимов за пределами его чертога возможно ли? – терпеливо поинтересовался Дрекозиус.

- Нет, он никогда не выходит, - любезно ответил Лорд Кофейни. – А хотите кофе по-ямстокски? Я чувствую, что вам понравится.

- Если бесплатно – давай, наливай все, что есть, - подставил чашку Плацента. – Напузырь мне этой бодяги, тля!

- Вообще никогда не выходит? – настойчиво спросил Фырдуз.

- Слышь, те чё непонятно в слове «никогда»? – покосился на него Плацента. – А ты можешь мне вместо кофе коньяка ливануть?

- Я Лорд Кофейни, а не Лорд Кабака, - сказал идим. – Но я могу сделать кофе с коньяком.

- Налей мне кофе с коньяком а-ля Плацента, - попросил полугоблин.

- Не знаю такого рецепта, - на секунду задумался идим. – А это странно, потому что я могу приготовить любой кофейный напиток, который существует на свете...

- И ты называешь себя Лордом Кофейни, тля?! – стукнул кулаком по столу Плацента. – Слушай, я тебя научу. Пока я добрый. Берешь кофе, берешь коньяк.

- Так, - подался вперед идим.

- Наливаешь в чашку коньяк. На две трети.

- Так.

- Потом в другую чашку наливаешь кофе. Тоже на две трети.

- Так.

- Что смотришь?! Делай!

Лорд Кофейни выполнил указания полугоблина. Тот взял обе чашки, поболтал в них напитки с видом ценителя и велел:

- Следи за руками, тля.

Чашку с коньяком он резко опрокинул в рот, а чашку с кофе – под стол.

Лорд Кофейни посмотрел на это так, словно Плацента плюнул ему в душу.

Пока полугоблин глумился над идимом, а Мектиг глушил кофе с ромом, Джиданна, Дрекозиус и Фырдуз тихо обсуждали ситуацию. Лорд Бельзедор ничего не сказал насчет того, как получить у Властелина Идимов аудиенцию. Просто пообещал, что в Сером Трактире их встретят и помогут добраться – а там уж, мол, они сами разберутся.

Но... как поговорить с тем, кто никого не принимает и никуда не выходит? Властелин Идимов – это не ханша хобиев, пробраться в его чертог не поможет никакая магия. В Рваном Криабале нет заклинаний, хотя бы косвенно относящихся к идимам.

Просто сидеть в кофейне и ждать у моря погоды – дело непродуктивное. Но ничего иного пока никто не придумал. Дрекозиус и Фырдуз смотрели на Джиданну, как на единственную, кто хоть что-то знает об этой стране и ее обитателях, а та лишь пожимала плечами.

И так они просидели довольно долго, пока в кофейню не вошел новый идим. Он выглядел подростком лет пятнадцати, был вихраст и лопоух – и он сразу же двинулся к столику искателей Криабала.

- Это вы, что ли? – брюзгливо спросил он. – Поднимайтесь.

- Для чего же, сын мой? – осторожно спросил Дрекозиус.

- Поднимайтесь, поднимайтесь! – поморщился мальчишка. – Вас видеть хотят!

- Малыш, что случилось? – спросил Лорд Кофейни, все еще хлопочущий рядом.

- Да отвали ты, кофейная душа, - огрызнулся юный идим. – Мне долго ждать, идиоты?! Я сейчас развернусь, уйду и скажу главному, что вы не пошли – и плевать мне, что он с вами сделает.

Рука Мектига потянулась к секире. Но Джиданна стиснула его запястье и мотнула головой. Лорд Кофейни назвал этого

идима Малышом. Волшебница, конечно, не знала наизусть всех идимов – их в каталоге тысячи, - но нескольких самых могущественных помнила. Несущего Смерть, Добрых Дел Мастера, Учителя... и Малыша, конечно.

Его обычно называют сразу после Властелина Идимов.

Малыш отличается скверным нравом. Сварливый, колючий, вечно обиженный на всех, он только и ищет повода, чтобы съязвить или обругать. Но он – связующее звено между смертными и идимами. Говорят, именно Малыш когда-то дал начало институту Апеллиум, заложил основы нынешней контрактной системы. Возможно, без него никто бы и знать не знал, что существуют на свете такие духи – идимы.

Сейчас он не изменил себе. Ведя искателей Криабала, он попутно высмеял их внешность, одежду и умственные способности. Не преминул заметить, что только идиоты связываются с идимами, а уж для посещения их страны нужно быть идиотом сферическим. Но даже Плацента хранил напряженное молчание – Джиданна успела шепнуть остальным, что этот мальчишка может стереть их всех в порошок.

Они пришли не к кристаллическому чертогу, как ожидалось. Малыш привел их в беседку посреди цветущего сада. Увитая виноградными лозами, она была пуста... но Малыш хлопнул в ладоши, и на скамье вырос еще один идим.

В отличие от Лорда Кофейни и Малыша, он мало походил на человека. Это существо... Джиданна при виде него отшатнулась. Чистейшая мана немыслимой плотности. Что-то сродни тому же Антикатисто, своеобразный высший эфирный элементаль, только не Тьмы, а маны.

Он ни секунды не оставался стабильным. Словно облаченный в клубящийся радужный плащ, Властелин Идимов переливался всеми цветами радуги и еще теми, что человеческому глазу не узреть. На желто-пурпурно-черном лице не было ни глаз, ни носа – а только пара мерцающих глаз.

- Я еще нужен?.. – раздраженно спросил Малыш. – Я больше не нужен. Я ухожу.

Пнув случайный камушек и запихав руки в карманы, идим удалился. Но этого никто толком и не заметил – все внимание было приковано к Властелину Идимов.

Он очень медленно переводил взгляд с одного лица на другое – пока не встретился взглядом с Дрекозиусом. При виде него Властелин Идимов отчего-то вздрогнул и издал странное... нечто. Не звук, не аромат, не колебание, а нечто непонятное, но явственно ощущающееся.

- Удивительно, - негромко произнес он. – Я уже почти забыл о

нем.

Рваный Криабал в руках Фырдуза вдруг трепыхнулся. Сам собой дернулся к Властелину Идимов – и потянул за собой кобольда. Тот едва сумел его удержать.

- Что вы сделали с моим Криабалом?! – вскинул руку идим. Переплет раскрылся сам собой, страницы замелькали, как живые. Буквы чуть заметно мерцали. – Что это за перешивка?!

- Справедливости ради – это сделали не мы, - заметила Джиданна. – Это был Вален, древний волшебник.

- Я вижу, что он очень старался, - сухо произнес Властелин Идимов. – Но я бы на его месте просто вернул страницы на их прежние места. Туда, где я назначил им быть.

Воцарилось недолгое молчание. Потом Дрекозиус неуверенно улыбнулся и спросил:

- Исходя из ваших слов, я смею предположить, что это вы создали Криабалы?..

- Да. Все до последнего.

- Боги, как интересно! – восхитился жрец. – Дети мои, вы разделяете мои удивление и восхищение?! О, я уверен, что разделяете! Мы сейчас прикоснулись к одной из величайших тайн нашего мира! Мы узнали, кто создал Криабалы!..

- Да-да, очень интересно, - кивнула Джиданна. – Отче, не орите так.

- Мне от этого знания, тля... – сплюнул Плацента. – Ни сытно, ни голодно.

- Дети мои, вы разочаровываете меня, - покачал головой Дрекозиус. – Простите их, о бесподобный... и меня простите, ибо мне неведомо, как вас правильно титуловать. Надеюсь, не оскорбляю вас. Могу ли я задать еще один вопрос?.. Если мне будет позволено узнать, я бы хотел спросить...

- Просто спрашивай, - вздохнул Властелин Идимов.

- Бриар Всемогущий... всему миру известно, что Криабалы происходят от него... что он создал их или заполучил. Если истинный их создатель – вы, то получается, что он получил их от вас... или же... или же, возможно, вы и есть... я страшусь высказать такое предположение, боясь оскорбить, но...

- Да, я был когда-то Бриаром, - кивнул Властелин Идимов. – В некотором смысле.

- В некотором смысле?.. – прищурился Плацента. – Я не понял. Ты Бриар или не Бриар?

- Бриаром звали того, из чьего желания я родился.

Снова воцарилось молчание. Искатели Криабала переваривали услышанное. Даже Мектиг наморщил лоб, пытаясь уразуметь, о чем речь.

- Вижу, что вы не понимаете, - сжалился Властелин Идимов. – Позвольте объяснить. Вы ведь не знаете, кто такие идимы, верно? Я вижу, что среди вас есть волшебница, и вы владеете чем-то вроде Криабала... хотя мне больно глядеть на это издевательство, если честно.

- Ты его не заберешь?.. – испуганно спросил Фырдуз, прижимая Криабал к груди.

- Не заберу. Мне давно не нужны эти книги, хотя это именно я их написал. Тот, кем я был раньше...

И Властелин Идимов рассказал, что идимы – это не совсем духи, каковыми их считает Мистерия. Идимы – это заклинания. Живые, говорящие, разумные заклинания. Воплощенная магия. И самого первого идима создал... или, вернее, породил Бриар Всемогущий.

- По-прежнему ни кира не понятно, - поморщился Плацента. – Ты Бриар или не Бриар?!

- И Бриар – и не Бриар.

- Да тля!..

- Если ты срубишь дерево и сделаешь из него корабль – будет ли этот корабль тем деревом или же станет чем-то иным? – спросил Властелин Идимов. – Я родился из желания Бриара обрести абсолютное могущество. Я храню его сознание и обладаю его памятью, но я все-таки не Бриар.

Джиданна сглотнула. Она все еще не могла поверить, в чьем обществе находится. Фигура Бриара Всемогущего обросла таким наслоением мифов и сказок, что встретиться с ним казалось таким же невозможным, как встретиться с Кем-То-Там.

Пусть даже это не сам Бриар, и даже не его призрак, а нечто вроде его магического начала, ставшего самостоятельной личностью.

- Так получается, что идимы... были людьми? – неуверенно спросила она. – Вы... как это получается?..

- Не только людьми, - ответил Властелин Идимов. – Самыми разными разумными индивидами, а некоторые – даже животными. Мы рождаемся из желаний смертных. Горячих желаний. Пламенных. Когда Бриар Всемогущий изрек Слово Волшебства, его не стало. Он расточился на чистую магию – и почти тысячу лет был потом лишь частью мирового эфира. Но он не исчез насовсем. Когда один из его далеких потомков произнес заклинание Предков, личность Бриара пробудилась. Его частицы снова стали единым целым – и в этот день на свет родился я.

- Понятно... А все остальные как появились?

- Им помог появиться я. Когда на Парифате была Смутная эпоха, я часто являлся людям в час нужды. Когда их охватывало

сильнейшее желание. Отомстить кому-нибудь. Спасти кого-нибудь. Сбежать от врага. Стать волшебником. Срочно выпить чашку кофе. Иные желания были большими, иные – малыми. И я исполнял их все.

- Какой ты добрый, - ухмыльнулся Плацента. – А у меня тут как раз много больших и малых желаний...

- Такого желания у тебя нет, - покачал головой Властелин Идимов. – Желание должно захватывать самую суть смертного. Он должен быть готов отдать ради него все, что имеет. Пусть это будет мимолетное чувство, но оно должно возникнуть.

- Дайте-ка я угадаю, - пристально посмотрела Джиданна. – Они в самом деле отдают все, что имеют?

- В некотором роде – да. Они становятся идимами. Существами иного порядка. И обретают силу исполнить свое желание самостоятельно. И не только себе, но и кому угодно.

- Тля, какая кирня, - поморщился Плацента.

- Я бы не согласился, - пробасил Мектиг.

- Да это немногим лучше того, что предлагают демоны, - согласилась Джиданна. – Очень сомнительная сделка.

- Это не сделка, - сказал Властелин Идимов. – Я не получаю с этого выгоды.

- Так себе утешение. Ты их хоть предупреждаешь, какова цена?

Властелин Идимов на несколько секунд замолчал. Его пылающие глаза чуть потускнели, а переливы на многоцветном теле стали какими-то однотонными. Когда он заговорил снова, в его голосе прозвучали оттенки горечи:

- Я родился из желания Бриара, но я не Бриар. Я идим. Живое заклинание. Я разумен, но я не властен над своими действиями. Я просто... срабатываю. Во многом я – результат фатальной ошибки. Бриар желал обрести универсальное заклинание, а не сам таковым стать.

- И теперь ты обречен разносить эту ошибку среди других? – покачал головой Дрекозиус. – О сын мой, я так тебе сочувствую. Воистину скорбна твоя участь...

- Я не создавал новых идимов уже триста лет, - перебил Властелин Идимов. – В Смутную эпоху я творил их направо и налево, но со временем научился частично противостоять заложенному во мне инстинкту. Поэтому и перестал покидать свою обитель. Сейчас я ищу способ творить новых идимов иным путем.

- Зачем? – не поняла Джиданна.

- Мы – разумные заклинания. Мы – гармоничное объединение разума и магии. В каком-то смысле мы – идеал... но мы пока что

очень далеки от идеала. Слишком много ограничений. Слишком много недостатков. И главный из них – тот, что мы рождаемся из желаний смертных. В этом мы подобны вампирам, с которыми сражался Бриар. И даже если не принимать в расчет моральную сторону – это делает нас ущербными. Размножаться через других существ – это заведомая обреченность. Но однажды я найду способ это преодолеть – и идимы станут гораздо большим, чем забавные духи, которых призывают чародеи. Магия – это будущее разума, и это будущее – за идимами.

- Это какое-то безумие, - поежилась волшебница.

- Безумие?.. Возможно. Не знаю. Иногда мне самому кажется, что я зашел в какой-то тупик... но какой путь не оканчивается тупиком? Где она – истина? Демоны царят над смертными, пожирая их души. Боги с головой ушли в творение, создавая все новые миры и почти не интересуясь уже существующими. Титаны уперлись головами в потолок и не знают, что делать дальше. Эльфы достигли совершенства и покатились обратно к смертности. Где он – идеал? Кто знает? Кто скажет? Мой путь не хуже других.

Почти все подумали, что хуже. Но вступать в спор с всемогущим существом никто не захотел. В памяти были еще свежи вопрос Мектига о грозе и мораль, что вывела из него Джиданна.

- Могу ли я задать еще один вопрос? – осторожно сказал Дрекозиус. – Если ты ни с кем не общаешься и никуда не выходишь – что заставило сделать исключение ради нас? Криабал, что мы принесли с собой?..

- Нет, - покачал головой Властелин Идимов. – Ты.

- Я?.. – опешил Дрекозиус. – О величайший из величайших, мне лестно, что я, ничтожный, сумел привлечь твое внимание...

- Замолчи, - перебил Властелин Идимов. В его голосе мелькнуло раздражение. – Не лебези. Я терпеть не мог этого еще когда был императором подлунного мира.

- Молчу-молчу, - поспешно закивал жрец. – Но... все же?..

- Ты видишь во сне Криабалы, - ответил Властелин Идимов. – Те моменты, когда они меняют владельца. Эту небольшую Сущность создал именно я... когда еще был Бриаром. И Бриар же распорядился так, чтобы после его смерти она перешла к его прямому потомку. А от него – к следующему. И далее. И поскольку теперь она у тебя...

- Я – потомок Бриара?! – часто заморгал Дрекозиус.

- Он – потомок Бриара?! – ошалела Джиданна.

- Несомненно, - кивнул Властелин Идимов. – Эта Сущность передавалась по наследству. С кровью. Династия Колдующих

Императоров пресеклась, прямых наследников не осталось – но Сущность не исчезла. Остались дети младших сыновей. Потомки по женской линии. Бастарды. Сейчас наиболее близок к Бриару ты.

- О боги... – растерянно пробормотал Дрекозиус.

- Предполагаю, что эта Сущность проявилась у тебя сразу после смерти твоего отца, - произнес Властелин Идимов.

- Нет, мой отец умер всего шесть лет назад, - возразил Дрекозиус. – Но ты почти прав, о всемогущий... Теперь я припоминаю, что незадолго до появления этого... кхм... дара, скончался мой дядя по материнской линии... и он был бездетен... о боги...

- Тля!.. – выдохнул Плацента. – Это что, получается, ты – главный герой нашей истории?! Какого кира?! Им должен был быть я!

- Замолчи, - с угрозой посмотрел на него Мектиг.

Полугоблин скрипнул зубами и процедил Дрекозиусу:

- Ты все-таки не особо-то заносись, святоша. Ты, тля, не Колдующий Император. Срать я на тебя все равно хотел кверху жопой.

- Да тут и нечем особенно гордиться, сын мой, - молвил жрец. – Бриар жил почти шесть тысяч лет назад и оставил пятерых детей, а те – тоже множество детей, а те – еще большее множество. Возможно, сейчас в мире миллионы его потомков. Просто так уж распорядилась Дарящая Удачу, что я среди них – самый прямой.

Плацента прищурился. Дрекозиус придал лицу подчеркнуто смиренное выражение, но судя по блеску в глазах, по чуть подрагивающему второму подбородку – внутренне он ликовал. Полугоблин понял, что и до этого невыносимый святоша станет теперь еще невыносимее.

- Я покинул свой чертог только потому, что один из вас – мой прямой потомок, - подытожил Властелин Идимов. – Потомок человека, которым я когда-то был. Я чувствую, что у вас всех есть мелкие Сущности... вы получили их в Дарохранилище, не так ли?.. Когда-то я тоже посетил эту древнюю шалость богов. Сущности в каком-то смысле сродни нам, идимам... как печень или иной орган сродни целому человеку. Я чувствую их. И сегодня я почувствовал ту мелкую Сущность, что отличает моего наследника.

- Наследника... – невольно повторил Дрекозиус, скрестив руки на животе.

- Ты не Колдующий Император, тля! – заорал на него Плацента.

- Не завидуй, сын мой. Не завидуй. Зависть – скверное, грешное чувство.

Уразумев, что Властелин Идимов – в каком-то смысле родственник Дрекозиуса, искатели Криабала утратили перед ним всякую робость. Особенно сам Дрекозиус – он перестал заискивать, подпустил в речь капельку фамильярности и даже назвал Властелина Идимов «высокочтимым предком».

Пришло время наконец-то перейти к тому, ради чего они сюда и прибыли. Попросить помощи. Но пока еще искатели Криабала медлили. Переглядывались, не зная, с чего начать.

- Высокочтимый предок, я не мог не заметить, что тебя смутило состояние Рваного Криабала, - все-таки произнес вкрадчиво Дрекозиус. – Уверен, что мало что смогу поведать всемогущему и всезнающему Властелину Идимов...

- Я не всезнающ, - покачал головой тот. – На самом деле я не слишком-то слежу за тем, что происходит в мире живых.

- Ох... но тем не менее, касаемо Криабалов... Наша дражайшая мэтресс Спецеял упомянула, что Рваный Криабал создавался чародеем Валеном... не знаю, известно ли тебе его имя, высокочтимый предок...

Властелин Идимов даже отдаленно не походил на человека. Он выглядел звездным сиянием, облекшимся в двуногий силуэт. Но все равно каким-то образом понималось – ему скучно. Он, возможно, уже жалеет, что явился этим людям, кобольду и полугоблину.

Но он все-таки слушал, как Дрекозиус издали подходит к тому, для чего они здесь. Многословно, по своему обыкновению, зато уж точно ничего не пропустил.

- ...Таким образом, сейчас Криабалы снова пытаются собрать воедино – но не для благих целей. Антикатисто... тебе известно его имя?..

- Да, - ответил Властелин Идимов. – Мне известна история этого существа. Ордор Бецалли призывал меня, надеясь, что я помогу его одолеть.

- Но ты не помог?.. – полуутвердительно спросил Дрекозиус.

- Нет.

Всем стало чуточку зябко. Если даже Властелин Идимов ничего не смог поделать с Антикатисто... на что тут вообще можно надеяться?

- Мое могущество почти абсолютно, - продолжил Властелин Идимов. – Но я не могу применять его по собственному усмотрению. Я... заклинание. Я уже рассказал, как я действую. Желания Бецалли оказалось недостаточно. Он не настолько ненавидел Антикатисто и не сумел заставить меня сработать.

Однако разговор со мной натолкнул Бецалли на ключевую мысль – и через год он создал заклинание, уничтожающее Антикатисто. Оно было чем-то сродни превращению в идима – только не было завязано на желаниях самого заклинателя, и идим получался одноразовый. Среди вас есть такие, кто не может спать, пока Антикатисто жив?.. нет, я чувствую. Никого из вас я не могу превратить в идима.

- Не то чтобы и хотелось, - вполголоса произнесла Джиданна.

- Вместо кого-то из вас я могу превратить в идима Антикатисто, - добавил Властелин Идимов. – Его суть охватывает достаточно сильное желание, я чувствую это даже отсюда. Но вы не обрадуетесь, если я это сделаю. Это будет идим, рожденный из желания покончить с волшебством и волшебниками – и после этого ему уже не потребуется никакой Апофеоз.

- Хе-хе, - издал мерзкий смешок Плацента. – Слышь, тля, а это что, любое желание может вот так в идима превратить?

- Любое. Только не слишком глобальное – потенциал магического начала души не беспределен.

- Хе-хе. Хе-хе. А если кто-то сильно хочет, хе-хе, трахнуться?

- Ты удивишься, сколько идимов такого рода я уже создал, - бесстрастно произнес Властелин Идимов. – Это желание удивительно часто бывает всеохватывающим.

- Хе-хе. Хе-хе. Хе-хе. А если какая-то девка сильно хочет, хе-хе, трахнуться с, хе-хе, Властелином Идимов?

Все уставились на Плаценту с отвращением, и даже Властелин Идимов на секунду оторопел. Но он все же неохотно ответил:

- Ее желание исполнится. И на свет появится идим – Любовница Властелина Идимов.

- А если она будет толстой горбатой гоблиншей? – продолжал мерзко ухмыляться Плацента.

- Не имеет значения. Идимы помнят тех, из чьего желания родились, но мы – не они. Мы иные существа. И выглядим мы не так, как выглядели, а так, как должны выглядеть, дабы исполнять новые функции. Гипотетический идим Любовница Властелина Идимов будет выглядеть воплощением моего представления о женской привлекательности.

- А если это будет мужик?

- Уберите его, - потребовал Властелин Идимов.

- Плацента, свали куда-нибудь, - велела Джиданна.

Плацента никуда не свалил, но по крайней мере заткнулся. А Дрекозиус наконец-то задал тот вопрос, ради которого они и проделали все это путешествие. Ради которого спустились в Шиасс и явились в царство идимов.

- Как попасть в Хиард? – спросил он.

- Вы хотите попасть в Хиард, - с некоторым удивлением повторил Властелин Идимов. – А кто вам сказал, что я знаю туда путь?

- Тот, кто знает больше нас, - уклончиво ответил жрец. – Ты можешь дать нам какую-нибудь подсказку, о высокочтимый предок?

- Могу, - кивнул Властелин Идимов. – И направили вас верно – я, возможно, единственный, кому известен способ проникнуть в Хиард, а потом выйти оттуда.

- Не единственный, - поправила Джиданна. – Как минимум Антикатисто это тоже умеет.

- Способ Антикатисто годен только для Антикатисто, - сказал Властелин Идимов. – Или других первостихийных элементалей. Вам же... вам поможет заклинание, которое я создал, когда еще был Бриаром. И оно у вас уже есть.

Фырдуз часто заморгал и принялся листать Рваный Криабал. Властелин Идимов же вскинул палец – и страницы замерли.

Книга распахнулась на одном из оборванных заклинаний, которое называлось «Третий Ключ». К нему не было комментариев, они остались в каком-то другом Криабале... и Фырдуз, естественно, не мог знать, что оно делает.

- Одно из моих авторских заклинаний, - с легкой ностальгией произнес Властелин Идимов. – Ультимативное. Известно, что к Хиарду существует только два ключа – основной хранится в Сальване, у богов, а запасной разделен на три части, которые спрятаны в разных мирах. Но мало кому известно, что еще до того, как стать Колдующим Императором, я создал третий. Просто чтобы испытать себя.

- Так с помощью Криабала действительно можно открыть Хиард... – ахнул Дрекозиус. – Да есть ли что-нибудь, чего нельзя сделать с его помощью?!

- Только я не советую читать этот криабал как есть, - добавил Властелин Идимов. – Если прочтете заклинание без дополнительных переменных, Хиард просто... откроется.

- Нет-нет, этого мы не сделаем ни в коем случае! – заверил Дрекозиус. – Страшно представить, кто может оттуда вырваться!

- Да и не бесплатно же это делать, - осклабился Плацента.

- Дело даже не в этом, - продолжил Властелин Идимов. – Распахнуть врата Хиарда – это как открыть плотину. Вы все – обычные смертные. Вы погибнете мгновенно. Нужно быть по меньшей мере богом, чтобы сделать такое и остаться в живых.

- Но тут нет комментариев... – растерянно произнес Фырдуз. – Они... я не знаю... они, наверное...

- Они в Черном Криабале, - ответил Властелин Идимов. – Среди других закромочных заклинаний.

- Тогда как же...

- Это заклинание написал я, - укоризненно произнес Властелин Идимов. – Конечно, я не помню все Криабалы наизусть, но авторские заклинания... их я могу цитировать хоть задом наперед. Вам понадобятся переменные «зоак» и «сод». Добавьте первую в самом конце, а вторую – между третьим и четвертым словами второй компоненты. Тогда Хиард не раскроется, а просто позволит вам пройти внутрь. А потом – выйти наружу. Только для выхода вам придется вначале встать на то же место, в котором вошли, запомните.

Фырдуз торопливо записал это на рецепте вафель, который все забывал выкинуть. И, немного подумав, спросил:

- Великий владыка, а вот этот обрывок комментариев разве не от заклинания Третьего Ключа? Вот, «Чтобы выпустить не всех узников, а конкретных, нужно добавить в конце «тагали исок та» и перечислить имена тех, кого следует освободить»... Я подумал, что это и есть заклинание для Хиарда, но...

- Нет, это совсем другое, - ответил Властелин Идимов. – В Белом Криабале есть заклинание для освобождения жертв гхьетшедариев и других демонов-поглотителей. Этот комментарий относится к нему.

Фырдуз почтительно кивнул и робко попросил объяснить тонкости еще одного заклинания, которое он боялся применять. А Дрекозиус принялся расспрашивать Властелина Идимов о каких-то скучных эпизодах из древней истории, которые почему-то вызывали у него интерес.

Первым устал это слушать Плацента. Он больше всех выпил волшебного кофе, и у него булькало в животе. Так что пока остальные чесали языками, он незаметно выскользнул из беседки и порысил искать укромное место.

Оно все никак не находилось. Полугоблин уже хотел опорожниться прямо посреди клумбы, но тут перед ним вырос идим с удивительно добрым лицом. Он улыбнулся Плаценте и сказал:

- Вот то, что ты ищешь.

Полугоблин отступил на шаг, как бы невзначай потянулся к ножу и быстро обернулся. Там стояла знакомых очертаний будка.

И он мог поклясться, что минуту назад ее тут не было. Он бы не проглядел.

- Чудеса, тля, - сплюнул Плацента и пошел ссать.

Глава 35

Империя Зла. Господи. Тут реально целая такая страна.

Конечно, Лахджа уже знала, что она есть на свете. Уже дважды ее посещала. Но каждый раз удивлялась, каждый раз с трудом удерживалась, чтоб не захихикать в кулачок.

Парифатцы как будто играют в большую сложную игру. Выделили отдельную территорию, назвали ее Империей Зла, напихали в нее всяких злыдней и теперь штурмуют, как снежную крепость.

Господи, у них тут даже Темный Властелин есть! Он совершенно официально так называется!

- У меня в голове столько шуток на эту тему... – хрюкнула Лахджа. – Столько шуток... меня сейчас просто порвет!

Орказарок слушал ее в недоумении. Сам он родился за много тысячелетий до Бельзедора и его державы, но не видел в них ничего странного. И никто не видел. Все слишком привыкли, что они просто есть, и они именно такие.

Дракон кружил над Бриарогеном без всякого страха. Кого-кого, а драконов здесь хватает, в том числе и черных. Не таких огромных, как Орказарок, но самые крупные уступают не так уж сильно.

- Слушай, а они на тебя не кинутся? – спросила Лахджа, глядя на плывущие внизу силуэты. Зеленые, красные, иногда даже черные. – Вдруг у них тут уже все углы помечены?

- Мы не собаки, - огрызнулся Орказарок.

- Ну мало ли. Вы же территориальные, друг друга не любите. А ты вон какой здоровенный. Но при этом не в форме. Я опасаюсь за тебя. Вдруг налетят стаей, загрызут?

Орказарок издал сдавленное кряхтение. Он вторые сутки носил на спине эту демоницу, и вполне усвоил, что чувство юмора у нее... отличается от его.

След воров привел сюда, но здесь не закончился. Лахджа уже чувствовала – вехот сделал тут остановку на несколько часов, посетил Цитадель Зла, а потом снова улетел... куда-то туда. На восток.

Но долгая погоня утомила и ее, и Орказарока. Они избороздили все небеса... ну ладно, в основном он. Летать не самой, а на спине дракона оказалось довольно комфортным, и Лахджа усиленно размышляла, как бы это его приручить. Хальтрекарок против не будет, наверное. Он позволяет своим

женам держать питомцев... настолько крупных среди них нет, правда...

- Давай передохнем, - предложила она. – Хочешь с другими драконами потусить? Вы же редко видитесь, наверное. Может, у тебя там родня есть?

- Есть, - неохотно ответил Орказарок. – Предводитель этой колонии – мой племянник. Растаэрок, сын Растазарока и Растазаэль...

- Ух ты! – восхитилась Лахджа. – Ну так давай, навести племяша-то!

- ...Но он меня не очень любит, - добавил Орказарок.

- Почему?

- Его родители со мной не ладят.

- Почему?

- Неважно.

- Чувствую какую-то семейную драму... – пробормотала Лахджа. – Так что, к другим драконам не пойдешь?

- Пойду. Мне там некого бояться. И я слишком давно не общался с себе подобными.

- Особенно с самками? – ухмыльнулась Лахджа. – Ах ты, старый бирюк...

Орказарок ничего не ответил. Выражение его морды, правда, слегка изменилось, но Лахджа не поняла, что оно означает. Драконья мимика отличается от человеческой.

- Ладно, я тогда здесь сойду, - сказала она, соскальзывая с чешуи и распахивая крылья. – Давай встретимся завтра утром... ну... хоть возле во-он того мостика. Видишь?..

Орказарок кивнул и полетел в сторону драконюшен. А Лахджа спустилась прямо посреди улицы – благо тут прохожим безразлично, крылья там у тебя, рога или свиной пятачок.

Ноги сразу утонули в грязи. Ботинки Лахджа давным-давно потеряла, причем даже не могла сказать, где именно. То ли в битве с драконом, то ли еще раньше, во время одного из превращений. Она потому и не носила одежду, что та постоянно или рвалась, или спадала.

Но это ничего. Тут жители с этим не парятся. Одеваются кто во что горазд, носят всякую рванину, а то и голышом разгуливают.

Благо тепло. Не жарко, ветерок свежий, и небо все в тучах, но тепло. Можно спать на открытом воздухе. Лучше не надо, потому что рискуешь проснуться ограбленным, изнасилованным или вообще мертвым... но замерзнуть не замерзнешь, это да.

Ограбить Лахджу попытались почти сразу же. Она не прошла и сотни шагов, как ее обступили гопники. Орки и свинолюды.

Самый жирный сунул ей под нос булаву и хрюкнул:

- Гони монеты и раздвигай ноги!

- Господи, какое клише, - закатила глаза Лахджа. – Ну вот зачем, кому это все надо? Вы же видите, что я демон.

- Видим, - согласился жирный свинолюд. – Но традиционное приветствие никто не отменял. Вы все-таки в Империи Зла, госпожа. Вы наша гостья.

- Так что гони монеты и раздвигай ноги! – рявкнул мелкий орк, тыкая в Лахджу ножом.

Та исказилась, рефлекторно меняя форму – и тут же выбросила вперед руку. Та резко удлинилась, кулак врезался орку в лицо – и тот отлетел.

- Не, ну если традиции – то уж традиции, - вздохнула демоница. – Приветствую вас от лица Паргорона, ушлепки.

Через минуту гопники были повержены. Одни корчились в грязи, другие сбежали, грозя кулаками и выкрикивая угрозы. Самый жирный свинолюд обливался кровью – ему распороло брюхо костяным лезвием.

- Добро пожаловать... в Империю Зла... – прохрипел он.

- Спасибо, - кивнула демоница.

Какие тут все-таки упоротые, но самоотверженные жители. Готовы сдохнуть, чтобы произвести должное впечатление. Лахджа повидала немало стран и миров, но таких преданных делу злодеев не встречала больше нигде.

Новые знакомства. Новые впечатления. Ради чего еще стоит путешествовать?

Интересно, а как тут с магазинами? Лахджа любила ходить по магазинам.

Выбор оказался богатый. В Бриарогене продавалось чуть ли не все. В том числе – такое, чего больше нигде не купишь. Просто потому, что тут нет черного рынка. Нет нелегальных товаров.

Разрешено... все.

Демоницу привлекла лавка женской одежды. Ей всегда были любопытны местные моды, так что она заглянула и около часа разглядывала бронелифчики, черные колдовские мантии, чулки в сеточку и грязные лохмотья. Почти все наряды выглядели набором дырок, соединенных нитками и ленточками.

- Вся история женской моды – это история борьбы климата, морали и гигиены с желанием женщины ходить голой, - задумчиво произнесла Лахджа, примеряя нечто невесомое и переливающееся. – Хорошо, что теперь я демон и можно не париться.

Большую часть времени Лахджа ходила голышом. Конечно, она не гхьетшедарий, и одежда ей не противна... но она просто не

видела в ней смысла. Она не мерзнет, не боится испачкаться, и ей нечего стыдиться. А из-за частых трансформаций никакой ее костюм долго не живет. Она и без того идет на жуткие ухищрения, чтобы не портились вещи в кистах внутри тела.

Так что одежду Лахджа носила только под настроение. И не как одежду, а как украшение. Упаковку. Сексуальный атрибут. Всякие там пеньюары, чулки, кожаные костюмы, костюмы из латекса или тематические костюмы... ну вроде наряда французской горничной.

Хальтрекарок любит разнообразие. Лахджа – тоже.

Костюм ей впарили превосходный. Вообще-то, Лахджа ничего не собиралась покупать, но продавец оказался мастером своего дела. Умело сочетая лесть, обман и угрозы, он таки уговорил ее взять платье из черной паутины. Очень дорогое, но очень хорошее. Мягкое, гибкое, почти невесомое, но при этом прочное, как сталь. Наверняка все боевые шлюхи Бельзедора такие носят.

Кстати о шлюхах. Внимание Лахджи привлекла вывеска борделя. Конечно, ей не стоит терять время, она на задании, она разыскивает украденный ларчик, но... Хальтрекарок не стал бы возражать.

Честно говоря, если бы это задание выполнял он сам, то давно бы уже забыл, зачем сюда пришел. Он очень легко отвлекается.

- Скажите, а у вас тут есть какие-нибудь акции?.. – спросила она, заходя внутрь.

- Конечно, госпожа! – любезно откликнулась темная эльфийка. – Двух берете, третья бесплатно!

- Отлично! – обрадовалась Лахджа, превращаясь в тентаклевого монстра.

Похоже, она нашла подходящее место, чтобы провести остаток дня.

Ночевать демоница отправилась в «Грязную Канаву». Слышала от кого-то, что это лучший постоялый двор Бриарогена. Взяла апартаменты класса люкс – с персональной сауной, винным шкапом и гоблином-рабом.

- Знаете, вот гоблина-раба мне не надо, наверное, - сказала Лахджа.

- Тогда придется доплатить, - лучезарно улыбнулась портье. – Без гоблинов дороже.

- А если я его сожру – доплачивать придется?

- Да, как за бой посуды.

Есть гоблина Лахджа не собиралась, конечно. В них полно заразы и паразитов. Все равно что городского голубя схомячить или крысу.

Но и спать с ним в одном номере не хотела. Так что она все же неохотно доплатила. И заодно отказалась от еще нескольких дополнительных услуг, которые тоже шли комплектом.

- А «Ночной сюрприз» - это что за услуга? – с подозрением спросила она, пробегаясь по списку.

- Сюрприз! – радостно ответила портье.

- Покушение, что ли?..

- А, а, а!.. – игриво погрозила пальчиком эльфийка. – Не портите!..

- Точно покушение, - решила Лахджа. – Не, откажусь. Хочу выспаться.

Выспаться не удалось. Сначала-то было еще ничего, но потом под окнами заиграла музыка. И становилась она все громче.

А потом еще и раздались крики. Будто толпа пьяного быдла орала вразнобой. Демоница какое-то время терпела это прискорбное неудобство, но потом не выдержала. Вылетела на балкон и завопила:

- Сукины дети, всю ночь!.. Всю нооооооочь вы орете!.. Вырубите шарманку!..

Толпа на какой-то миг замолчала... а потом начала голосить с прежней силой.

- Когда я уме-е-е-ер!.. – надрывно завывали они какую-то песню.

Да, их действительно оказалась целая толпа. Словно нарочно собрались именно здесь, именно сейчас, именно чтобы ей досадить.

Лахджа сдавила голову ладонями и застонала. Даже подумала, не отключить ли временно слух. Но это было бы признанием поражения, и она закричала:

- Если не заткнетесь, сдохнете прямо сейчас!!!

- Толпа пьяного быдла неразумна, медам, - раздался скрипучий голосок. – Они не понимают ваших слов. Просто шатаются без цели и смысла, нападая на всех, кого встретят.

Это оказался гоблин в бархатном костюмчике. Стоял рядом с Лахджой, опираясь на нижние поручни.

- Я же отказалась от гоблина-раба, - недоуменно произнесла она.

- Я не раб, медам. Я управляющий этого постоялого двора. Как вам у нас отдыхается?

- Спасибо, плохо. А как ты сюда попал? Я же заперлась.

- Система потайных ходов. По ней мы распространяем анкеты и наемных убийц. Кстати, не хотите заполнить анкету?

- Просто положите ее там где-нибудь. А вот эта толпа... они тут каждый день буянят?..

- Нет-нет, медам! Мы пригласили их специально для вас! Подманили на чекушку. Вам понравилось?

- Нет.

- Рад это слышать! – довольно заулыбался гоблин. – Они будут тут всю ночь!

Демоница закатила глаза и принялась рыться в шкапу. Перед сном она уже опорожнила шкалик гарийского, но сейчас достала бутылку самой дешевой мутной сивухи.

Да, тут и такая была.

- Эй, уроды! – крикнула она, спрыгивая прямо с балкона. – Кыш отсюда! Пошли нахер!

Толпа пьяного быдла уставилась на нее тупыми одинаковыми взглядами. Что-то со всеми ними было не так. И гоблин сказал, что они неразумны... хм... может, это что-то вроде стада зомби?..

Лахджа присмотрелась... принюхалась... и отрастила огромный хвост с брюшком, полным горючей смеси. Тот изогнулся, поднялся над головой – и выплюнул огненную струю. Передние пьяницы отшатнулись, заверещали. У некоторых вспыхнули волосы.

В общем-то, Лахджа всегда была мягкосердечным существом. Для демона. Больше всего на свете она ценила собственный комфорт.

Но прямо сейчас ее этого комфорта лишали.

Однако даже огонь этих тварей не отпугнул. Похоже, и впрямь какая-то нечисть. Лахджа не очень понимала по ауре, она такого раньше не видела.

- Эй, вы же алкаши, да?! – крикнула она, поднимая сивуху на вытянувшейся до второго этажа руке. – Любите такое?! Нате, возьмите!

Она размахнулась и швырнула бутылку подальше. В темный переулок за толпой.

Оттуда донесся звон стекла.

Толпа пьяного быдла одновременно обернулась к бутылке. Потом к Лахдже. И в их глазах загорелось что-то живое. Какое-то человеческое чувство.

Горечь.

- Она разбилась же, - произнес передний, пока остальные беззвучно раскрывали рты. – Теперь мы тебя за это убьем.

- Перкеле, - невольно произнесла Лахджа.

Толпа пьяного быдла бросилась одновременно. С какой-то удивительной, сатанинской яростью. Как живая лавина, они хлынули вперед и набросились на демоницу со всех сторон.

- Господа, господа, подходите к балконам и окнам! – выкрикивал сверху гоблин-управляющий. – Сегодня мы

представляем для вас интересное зрелище! Большая драка!

Из окон уже торчали головы постояльцев. Лахджа оказалась не единственной, кого разбудил шум. В общем-то, почти все завсегдатаи «Грязной Канавы» давно проснулись и с интересом наблюдали за буйством толпы.

А Лахджа оправилась от первого шока и резко... разбухла. Во все стороны выметнулись щупальца-протуберанцы, отшвыривая алкашей. Волна плоти рванулась вдоль улицы, заполняя промежутки между людьми. Повсюду раскрывались клыкастые пасти – и вскоре полилась кровь.

Пьяное быдло не знало страха. Не знало сомнений. Они рвали демоницу голыми руками, колотили в бесчисленные глаза – но сделать могли немногое. Все новые и новые члены этой многотелой нечисти исчезали в чреве Лахджи – и через несколько минут все было кончено.

Некоторые еще были живы. Некоторые еще ползали. Но по отдельности они вели себя, как безголовые курицы. В их глазах уже не было света, они просто бессмысленно дергались, пока не затихали совсем.

Толпа пьяного быдла прекратила свое существование.

- Будем рассматривать это, как освобождение нечестивых душ из оков проклятья, - прочавкала Лахджа, свертываясь в нормальную форму. – Это же было проклятье?..

- Проклятье, проклятье, – приветливо ответил гоблин-управляющий. – Вам подать хлеба к завтраку?

- К завтраку?.. – посмотрела вверх Лахджа. – А сколько времени... о, и правда.

На горизонте и впрямь светало. День Бриарогена не намного светлей ночи, но разница все-таки есть.

- Да, подайте мне хлеба, - попросила демоница. – Поджаренных тостов. С парой яиц. И кофе. Мокачино. У вас тут есть мокачино? Мне надо чем-то запить, а то во рту как насрано.

После того, как она уничтожила толпу пьяного быдла, обычные горожане перестали ее беспокоить. Слухи разнеслись мгновенно, и уличные гопники начали встречать ее почтительными улыбками. Когда она выписывалась из «Грязной Канавы», гоблин-управляющий лично пришел проводить и невзначай спросил, не думает ли она стать приспешницей Темного Властелина. Он может устроить собеседование.

- Эй, я не злодейка! – немного обиделась Лахджа.

- Простите, медам, но на героиню вы тоже не похожи.

- Какое-то поляризованное мышление, - хмыкнула Лахджа. – Либо злодей, либо герой? А простым обывателем-то быть невозможно, что ли?

- Возможно. Но на обывателя вы похожи еще меньше.

Лахджа только фыркнула и вышла.

Она не считала себя злодейкой. Как, впрочем, и остальные демоны. Каждый из них искренне полагает себя прекрасным, непонятым существом, которое страдает от окружающих ублюдков. Они потому и не сомневаются в своем праве творить дичь, что считают всех остальных достойными такого отношения. Четко делят мир на великолепного себя – и никчемный мусор.

Все остальные. Лахджа-то и в самом деле именно такая, по-настоящему. Чуть ли не единственное светлое пятнышко на огромной грязной кляксе, которая называется Паргороном.

Она ведь даже души по-прежнему не поглощает. До сих пор не перешла эту черту. Даже у толпы пьяного быдла ничего не поглотила. И вообще ни у кого пока что, никогда.

Просто потому, что до этого ты демон только биологически, а после – уже во всех отношениях.

Хотя на демонической силе это, конечно, сказывается. С ней у Лахджи очень скудно. Полагаться в основном приходится на Ме – они, к счастью, очень мощные.

Лахджа двинулась к месту встречи с Орказароком. Мосту через огненную пропасть... да, с высоты он казался меньше. Они не условились насчет конкретной точки, но Лахджа была уверена, что дракона уж как-нибудь не проглядит.

Тем более, что городская черта заканчивалась задолго до моста. Бриароген расползся на большую часть этой природной котловины, но к огненной пропасти не приближался. Посреди нее высилась громадная черная цитадель – дворец Темного Властелина.

Лахджа многое о нем слышала, но лично пока не встречалась. Шоу Хальтрекарока он при ней еще не посещал... хотя в списке потенциальных гостей вроде бы числится.

- Ну здорово, - сказала она, подходя к самому мосту. – И где мой дракон?

Дракона не было. То ли дрыхнет, то ли все еще бухает с племяшом, то ли закрутил с какой-нибудь драконихой и решил, что не так уж ему нужна украденная книжка.

Ладно, «утро» – понятие растяжимое. Лахджа решила подождать еще пару часиков, а потом лететь дальше. Или сначала все-таки отправиться на поиски – а то мало ли, вдруг Орказарок попал в беду?

Хотя если это такая беда, с которой не справился дракон в полторы тысячи тонн, Лахджа вряд ли чем сумеет помочь.

По крайней мере, ей не мешали тут стоять. По самому мосту прохаживались туда-сюда орки в доспехах, над ним кружили

свирепого вида гарпии, а на перилах сидел с удочкой лепрекон... интересно, какого черта он надеется поймать в магме?.. неважно. Главное, что не докапывается.

Хотя что орки, что гарпии, что лепрекон временами на нее поглядывали. Странно как-то, с легким нетерпением. Словно ждали чего-то.

Но нет уж, нетушки. Лахджа не собиралась переступать невидимую границу. Прекрасно видела тончайший разрез в земле – наверняка тут включается защитное поле. Волшебники такие часто используют.

И оно наверняка смертельное. Тут же повсюду кости. Скелеты целые. Сквозь некоторые уже трава проросла. Ядовитая черная трава Империи Зла.

- Какой странный скелет, - сказала Лахджа, пихая один ногой. – Интересно, чей он?

- Мой, - сказал скелет, чуть повернув череп. – А что?

- Ясно... – чуть промедлив, ответила демоница. – А что ты такое?

- Скелет, - язвительно ответил скелет, приподнимаясь на локтях.

- А кому ты принадлежал? При жизни?

- Себе, кому же еще. Я не был рабом.

Демоница начала раздражаться. Ей не нравился тон этого костяка.

- И в каком смысле при жизни? – не понял скелет. – Я живой.

Лахджа окинула его пристальным взглядом. Да, аура живого существа. Не нежить. Но выглядит очень странно.

- А какого ты вида-то? – спросила она.

- Я сил-унь.

Лахджа напрягла память. Кажется, она что-то слышала о сил-унях. Вроде бы у них очень тонкая и совершенно прозрачная кожа, а внутренние органы так компактно расположены, что их действительно часто принимают за ходячие скелеты.

Правда, она думала, что их принимают за человеческие скелеты. А в этом два метра с гаком, плечи как ворота, а череп так сильно в них вдавлен, как будто шарахнули кувалдой.

- Сил-унь, значит?.. – переспросила она. – Ну хоть один нормальный ответ. Твое счастье. Еще бы один из тех, которые ты давал, и я бы тебя сожрала.

- Вряд ли, - сказал сил-унь, поднимаясь на ноги. – Ты ж не собака – кости глодать.

- Я и не бур, но могу разгрызть гранит, - с намеком сказала демоница. – А ты что тут валяешься-то, кстати? Тоже кого-то ждешь?

- Да, - ответил сил-унь. – Их.

Демоница обернулась. К мосту и впрямь бежали какие-то разношерстные придурки. Авантюристы, похоже.

И один из них выстрелил в нее из лука.

- Ай, - произнесла Лахджа бесцветным голосом. – Это твои друзья?

- Ага, - равнодушно ответил сил-унь.

- Стрела одного из них в моем плече.

- Ну да. Но если дашь что-нибудь, я скажу, что ты своя.

- Перебьешься.

- Ладно. Тогда сама говори.

Лахджа слегка дернулась – и стрела с хлюпаньем втянулась в тело. Деревянная часть переварится. Любую органику Лахджа могла переваривать любой частью организма.

А наконечник выйдет естественным путем... о, вот уже и вышел. Лахджа сплюнула в ладошку комочек металла и повернулась к подбежавшим авантюристам.

- Кто это сделал? – строго спросила она, показывая бывший наконечник.

Белобрысый детина с луком невольно отвел взгляд. Но тут же гордо вскинул голову и спросил:

- Кто ты, существо?

- Если бы я была твоим занудным другом, то сказала бы, что я – это я, - ответила демоница. – Но ты с темы не съезжай, мы...

- Хорошо, - перебил белобрысый. – Я Алвентус Иссан, лидер Армии Свободы.

- Свободы от чего? – изогнула бровь Лахджа. – Или свободы чего?

- Свободы для всех.

- Если что, то я осуждаю промискуитет и хождение голышом, - лицемерно сказала демоница.

- По тебе этого не скажешь, - смерил ее пристальным взглядом белобрысый. – Но мы не о такой свободе ведем речь. Мы – боевое ядро мирового гайсинизма. Мы хотим свергнуть тиранов.

- И вы начали с меня? – удивилась Лахджа.

- Выстрел в тебя был трагичной случайностью, и мы не будем больше об этом вспоминать, - рубанул воздух ладонью Алвентус. – Мы свергнем всех, кто сидит на тронах и носит короны, но начнем с лорда Бельзедора!

Лепрекон с удочкой при этих словах обернулся и насмешливо хрюкнул. Но Алвентус этого не заметил – продолжал ораторствовать, все сильнее распаляясь:

- Мы избрали первой целью Темного Властелина, потому что он даже не маскируется! Остальные хотя бы имеют достаточно

совести, чтобы прикидываться не тиранами! Но Бельзедор... сегодня он падет! А за ним последуют все остальные!

- Это вы долго будете свергать, - заметила Лахджа. – Одного свергли, пока следующего свергаете - вместо первого уже кто-то другой корону напялил.

- Нет. Так не будет. Как только мы свергнем кого-то, то установим в его владениях власть свободных людей. Один из наших братьев будет управлять этими землями. Или сестер. Во имя свободы. Каждый будет свободен. Не станет тиранов. Присоединяйся же к нам, сестра! – выкинул вперед руку Алвентус.

- Черт, соблазнительно, - задумчиво молвила Лахджа. – Но у меня есть пара вопросов по поводу вашей доктрины.

- Задавай их, - сурово кивнул Алвентус.

- Ну вот предположим, что у вас все получилось, - начала Лахджа. – Все стали свободными. Но ведь потом одни свободные неизбежно получат преимущество перед другими, и, даже будучи хорошими людьми, рано или поздно начнут его использовать, чтобы упрочивать свое положение тем, что начнут притеснять других. Они захотят себе побольше свободы, а, значит, у кого-то ее станет поменьше.

- Нет, - отрезал Алвентус. – Мы проследим, чтобы такого не было.

- Кто проследит? Любая группа людей, которая будет контролировать общество таким образом, неизбежно сама станет орудием тирании.

- Нет. Мы – Армия Свободы. Мы не можем быть оружием тирании. Тот, кто считает нас тиранами, неизбежно ошибается.

- Можете. Хотя бы потому, что у вас, смертных, энтузиасты не вечны, а в любую сильную организацию рано или поздно просочатся личности, преследующие собственные интересы. Запах власти для них – как мята для котика.

- Возможно, в чем-то ты и права, - медленно кивнул Алвентус и повернулся к остальным. – Друзья! С этого момента Армия Свободы распущена! Я пошел домой. Ты таких слов от меня ждала?.. – повернулся он обратно. – Я не изменю своим идеалам только потому, что ты попыталась запудрить мне мозги.

- Да ничего я от тебя не ждала, - пожала плечами Лахджа. – Я просто люблю языком чесать. Ты извини, что я тебя тут отвлекла – вон мост, идите, свергайте Бельзедора. Я не мешаю.

- Но в чем-то ты все-таки права... – насупился Алвентус. – Сейчас Армия Свободы состоит исключительно из твердых проверенных соратников. Каждый мне как брат. За каждого поручусь. Но в будущем... Нужно что-то придумать, чтобы так

было и в будущем. Чтобы так было всегда. Но что?

- Можно поставить во главе кого-то бессмертного, - предложила Лахджа. – И непогрешимого, наверное. Потому что сами смертные и бессмертные имеют свойство портиться от власти.

- В этом есть здравое зерно, - согласился Алвентус. – Сам я, как ты могла заметить, высший эльф, и проживу очень долго, но я не бессмертен. И при всех моих неоспоримых достоинствах я не непогрешим, конечно. Я далек от того, чтобы считать себя таковым. К сожалению, встретить истинно бессмертного и непогрешимого – не так-то просто...

- Попробуй найти такого титана. Чьим жребием будет это ваше... ну, вот цели вашей организации.

- Хм... Я слышал о титане Мастальдаре Освободителе... Его цели отличаются от наших, но некоторое сходство есть... хм... – задумался Алвентус. – Благодарю тебя за совет, существо. Мы обсудим его. Теперь ответь же – присоединишься ли ты к нашему отряду или продолжишь оставаться на обочине жизни?

- Ух, жесткая постановка вопроса... – поежилась Лахджа.

За дискуссией ни демоница, ни Армия Свободы не замечали, что на мосту собралась уже целая толпа прихвостней. Они терпеливо ждали. И Бельзедор тоже терпеливо ждал в своем тронном зале.

Хотя уже не очень терпеливо. Он смотрел во Всевидящее Око, постукивал пальцами о поручень трона, и ему становилось все скучнее.

- Ярыть, я надеялся, что они подерутся, - вздохнул он, глядя на болтающих сида и демоницу. – Ну да ладно. Спустите собак, господин управляющий.

Свора паргоронских псов пронеслась по мосту галопом. Какой-то орк зазевался и превратился в кровавые лохмотья. Огромные чудища подняли такой шум, что у демоницы заложило уши.

Она хорошо знала паргоронских псов. У Хальтрекарока свора не меньше. Почти все гохеррimы держат этих жутких тварей, да и среди других демонов они популярны.

Но раньше они не летели на Лахджу вот так – надрываясь от лая, сверкая глазищами, брызжа слюнями. На секунду ей стало даже страшно. До становления демоном она боялась собак – и довольно сильно.

Но не теперь. Теперь демоница запнулась всего на мгновение – а потом ухмыльнулась.

- Погибнем с честью, - натянул тетиву Алвентус. – В атаку, братья!

- Как-то не задалась мировая революция?.. – насмешливо спросила демоница, резко увеличиваясь и отращивая сразу три головы на длинных шеях.

Но в этот раз она не успела ничего сделать. Свору псов окатило пламенем – с небес спускался Орказарок. Он рухнул между демоницей и мостом – и разинул громадную пасть. И уж на что были чудовищны паргоронские псы, но царь черных драконов погнал их прочь, как волк зайцев.

- Ешь, ешь, милое создание, - с умилением произнесла Лахджа, принимая обычную форму. – Тебе еще расти.

Алвентус снял стрелу с тетивы и протянул демонице руку.

- Добро пожаловать в Армию Свободы, сестра, - торжественно произнес он. – С этого момента ты одна из нас.

- Ну если только не очень надолго, - неохотно пожала руку Лахджа. – И ты только не думай, что делаешь мне одолжение. Я буду скорее цветущей розой на вашей навозной куче.

Глава 36

Когда говорили о вратах Хиарда, искателям Криабала представлялись действительно врата. Привычные – которые со створками, петлями и тому подобным. Каменные или стальные. Может быть, портал.

Но эта штука… она вообще не похожа на врата. Скорее на дыру. Кратер с бушующим черным смерчем. Куда тут идти, где вообще вход – непонятно.

- Нам нужно найти вход, - озвучила общие мысли Джиданна.

- Это вход в кирню, - покосился на нее Плацента. – Я не мотивирован искать вход в кирню.

- Хорошо, мы будем искать вход в кирню, а ты стой здесь, пока не истлеешь, - не стала спорить волшебница.

- Злая ты какая-то, Джи-Джи, - фыркнул полугоблин. – И я знаю, почему.

- И почему? – спросил Фырдуз.

- Не лезь, тля, это наши с ней любовные игрища! – огрызнулся Плацента.

Джиданна его уже не слушала. Она снова раскрыла ларец Миллиона Мошек и старалась не утратить синхронизацию. Очень-очень сложно удерживать себя одновременно в целом рое.

Мектиг смотрел на клубящийся внизу смерч. Тот был странным. Воздух оставался спокойным и безмятежным, но в пропасти все ходило ходуном. Дармаг наклонился к самой поверхности, но был одернут Дрекозиусом.

Тот еще с учебы в семинарии помнил, как ужасен Хиард. В Ктаве о нем говорилось как-то вскользь, мимоходом, но есть же и другие святые книги. Не совсем каноничные. Апокрифы. И в одной из них, откровении святого Рокара, писано, что лишь бессмертный пройдет через врата Хиарда, и то лишь в одну сторону.

Смертному же одного прикосновения к ним довольно, чтобы развеяться прахом.

Раньше Дрекозиус думал, что это преувеличение. Но теперь, воочию видя, каковы эти врата, он перестал сомневаться.

Мошки Джиданны к ним не опускались. Даже у безмозглых наколдованных насекомых хватало разумения не касаться того, чего касаться нельзя. Они рассредоточились по берегам этой черной пропасти и искали что угодно… другое. Выделяющееся на общем фоне хоть как-то.

Фырдуз смотрел на этих мошек и корил себя, что забыл спросить у Властелина Идимов насчет заклинания Уз. Комментариев к нему, которые остались в Сером Криабале. Это как-то совсем вылетело у кобольда из головы. И теперь он продолжает неотвратимо превращаться в Призрака Криабала, а вернуться в царство идимов уже не получится... как же он так опростоволосился?..

Плацента ходил по бережку и кидал в пропасть камешки. Те исчезали, едва коснувшись завихрений, и полугоблина это почему-то смешило. Но потом... один вдруг срикошетил. Отлетел от чего-то твердого и угодил Плаценте точно в бровь.

- А, тля!.. – заорал он, швыряя туда же целую горсть камней.

Зря. Они тоже все срикошетили.

- Сын мой, что же ты творишь?! – возопил Дрекозиус, получив камнем в живот.

- Я ваш вход в кирню нашел, тля, - огрызнулся Плацента, стирая кровь с брови. – Или не вход, но что-то я точно нашел, тля. Где благодарность, рагры?

И он швырнул еще один камень.

Все собрались возле этого места. На первый взгляд оно ничем не отличалось от остальных, но приглядевшись, можно было различить под завихрениями что-то особо темное, плотное... как подводный утес.

- А это точно вход? – задумался Фырдуз. – Может, просто... эм... ненормалия?..

- Ну вот на Плаценте сейчас и проверим, - спокойно сказала Джиданна. – Он нашел, ему и идти первым.

Мектиг подтолкнул полугоблина в спину, и тот гневно заорал.

Но, конечно, никто не собирался действительно его туда бросать. Фырдуз раскрыл Рваный Криабал, остальные положили руки ему на плечи, и кобольд прочел заклинание Третьего Ключа:

- Марак огава титака! Изумерек токира сото сод типара! Аневорк! Ормеда хили! Ираба такена зокепат! Арада зоак!

Сразу стало видно, что это и впрямь вход. Черный вихрь раздвинулся, и в том месте, откуда рикошетили камни, появилось что-то вроде серого зеркала. Тоже клубящегося, пульсирующего, но уже не такого страшного на вид.

- Мы пятеро сможем пройти, - неуверенно сказал Фырдуз. – Если верить Властелину Идимов.

- А мы ему верим? – осведомился Плацента.

- Наверное, верим, сын мой, - вздохнул Дрекозиус. – Ибо если мы ему не верим, то нам остается лишь возвращаться несолоно хлебавши и предстать ни с чем перед лордом Бельзедором...

Такой вариант никому не понравился. И Мектиг, который обычно везде шел первым, шагнул в пропасть. Рухнул в серое зеркало – и исчез.

Крепко удерживая Леди Белку, Джиданна прыгнула сразу за ним. Третьим был Фырдуз, четвертым – не любящий оставаться с краю Плацента, а пятым, приложив персты к переносице, - Дрекозиус.

И все остались живы. Только с целую минуту стояли неподвижно, озирались и все еще не верили, что забрались в самое запретное место во вселенной. Фырдуз торопливо рисовал на земле крест – чтобы не перепутать, вернуться потом на то же место.

Хиард. Тюрьма богов. Здесь не было решеток и камер, как в тюрьмах смертных. Только ледяная пустыня и бесконечный серо-белый туман, что клубится над землей Шиасса. Здесь его было гораздо больше, и за ним проступали какие-то огромные силуэты, очертания... некоторые двигались.

- Тише дети мои, прошу вас, соблюдайте приличествующую этому месту тишину! – зашептал Дрекозиус, хотя все и так хранили молчание. – Нам нужно отыскать только Хиротароса и Дормадоса, и не встречаться более ни с кем!

- На меня не рассчитывайте, - сказала Джиданна, тряся ларцом Миллиона Мошек. – В Хиарде магия не действует. Тут, по-моему, вообще ничто не действует.

- А Криабал?! – ужаснулся Фырдуз.

- Вот это специальное заклинание для Хиарда должно действовать. Оно же именно для этого создано. А все остальное... не знаю, попробуй.

Фырдуз быстро протараторил заклинание Пищи – и ничего не произошло. Он произнес Освещение – и опять ничего. Даже абсолютная мощь Криабала не пересиливала чары Хиарда!

Хотя это неудивительно, если вспомнить, кого здесь держат. Кто ни в коем случае не должен отсюда вырваться.

И кто прямо сейчас бродит совсем неподалеку.

Искатели Криабала шли почти что на цыпочках. Мектиг крепко сжимал секиру, хотя и подозревал, что здешние узники над ней только посмеются. Плацента тыкал вокруг себя двуручным кинжалом. Дрекозиус впервые за долгое время читал молитву. Очень-очень тихо, чтобы боги случайно не услышали.

Он подозревал, что им не понравится его проникновение в Хиард.

- Эй, толстомордый!.. – донесся мелодичный голос. – Зря стараешься, боги глухи к мольбам из Хиарда!.. да и к остальным тоже...

- Кто здесь?.. – почти что взвизгнул Дрекозиус.

Из тумана выступило нечто вроде каменного дерева. Прикованная серебристыми цепями, на нем висела женщина... удивительной красоты, почти обнаженная, с роскошной фигурой, но явно не человеческого роду-племени. Ее кожа отливала алым, а из волос торчали крохотные рожки.

- Привет, - насмешливо сказала она. – Вы что такое натворили, что вас бросили в Хиард?.. вы же смертные, я права или я не ошибаюсь?

- Кто ты, дочь моя? – подступил на шажок Дрекозиус.

- Уж точно не твоя дочь, - ухмыльнулась женщина. – Мог бы и сам догадаться, кто я есть.

- Ты высший демон, - сказала Джиданна. – Это очевидно. Гохеррим?.. нет, кажется, не гохеррим. Гхьетшедарий?.. тоже вряд ли. Аура как будто смешанная.

- Браво-браво-браво! – позвенела цепями демоница. – Почти угадала. Я вайли. Гохеррим и гхьетшедарий в одном лице.

Джиданна напрягла память. Она не очень много знала о вайли – этой редкой разновидности паргоронской аристократии. Полукровках, детях гхьетшедариев и гохерримов или бушуков. Она только и слышала, что в целом вайли похожи на гохерримов с укороченными рогами, но могут превращаться, как гхьетшедарии.

- Насколько она сложная? – пробасил Мектиг, подходя ближе.

- По шкале ПОСС?.. – задумалась Джиданна. – Не знаю. Но у обычных гохерримов и гхьетшедариев двенадцатый класс.

- Я не обычная, - ласково ответила демоница. – Я Ассантея, любимая жена Темного Балаганщика. Слыхали о таком?

- А что ты тогда тут делаешь, если такая любимая? – поинтересовался Плацента, как бы невзначай касаясь лодыжки демоницы. Выше он не дотянулся.

- Вишу, - ответила Ассантея, пиная полугоблина. – Дурацкий вопрос. Что вообще может делать индивид в Хиарде? Пораскинь мозгами – я же явно не бабушку проведать заскочила.

- А что, у тебя тут и бабушка живет? – ухмыльнулся Плацента.

- Не слушай нашего обычно учтивого, но иногда нет друга, - попросил Дрекозиус. – Очаровательное порождение Паргорона, не может ли так статься, что ты укажешь нам путь к...

- Нет, - перебила Ассантея.

- Нет?.. но ты же даже не дослушала, о чем или ком я говорю, откуда тебе знать...

- Толстомордый, я похожа на дорожный указатель? – позвенела цепями Ассантея. – Думаешь, я вишу тут, чтобы указывать дорогу новичкам? Идите, куда шли.

- А можем ли мы чем-либо заслужить твою благосклонность, о великолепнейшая из дочерей нижнего мира?

- В Хиарде-то?.. Ничем. Тут ничто не имеет ценности. Кроме свободы, конечно, но...

- Не шевелись, - угрюмо произнес Мектиг, резко дергая за цепь.

Он подтянулся на одной руке, размахнулся что есть силы – и шарахнул секирой Рузульвета. Цепь зазвенела, но осталась цела. Мектиг ударил снова – и на одном звене появился скол! Дармаг опустил секиру в третий раз – и цепь лопнула.

Ассантея упала на... то, что было внизу. В Хиарде повсюду клубился только серый туман. Демоница несколько секунд стояла на четвереньках, а потом изумленно уставилась на Мектига. Тот уже отпустил цепь и спрыгнул с каменного дерева.

- Ого, - медленно произнесла Ассантея. – Неожиданно. Я... я не знаю, как к этому относиться.

- Как к дару богов, дочь моя, - ласково произнес Дрекозиус. – Наш добрый Мектиг послужил их орудием, даровав тебе свободу...

- Ну-ну, не будем забегать вперед, - перебила Ассантея. – Я по-прежнему в Хиарде. Но по крайней мере я теперь не подвешена на цепях, как бонадисная гусыня. Хороший топорик. Где взял такой?

- Не скажу, - ответил Мектиг довольно грубо и подвесил секиру обратно к поясу.

До него с запозданием дошло, что эта демоница – жена того самого Темного Балаганщика, в сокровищнице которого он нашел свою секиру. Конечно, женщинам обычно нет дела до оружия, они не разбираются в нем и не отличают палаш от клеймора, чекан от клевца... но вдруг именно эта знает толк в клинках? Мектиг был однажды в Лвизании и видел их прославленную королевскую гвардию, в которой служат женщины. Конечно, Мектигу ни одна из них ровней не была, но сражаться они умели и в оружии разбирались.

Остальные искатели Криабала крепко опешили, когда Мектиг освободил Ассантею. Но та пока что ни на кого не нападала, а Джиданна быстро вспомнила, что ни магия, ни Сущности, ни демоническая сила в Хиарде не действуют. Вот артефакты, похоже, действуют... хотя только некоторые, наверное.

А без магии, Сущностей и демонической силы Ассантея – просто рогатая легко одетая женщина. Попытается напасть – от того же Мектига и получит топором в лоб.

К этому же выводу пришел и Дрекозиус. Благостно скрестив руки на животе, он произнес:

- Когда поднимается одна пылинка, в ней содержится вся земля. Когда распускается один цветок, раскрывается целый мир.

- Ты это к чему вообще?.. – не поняла Ассантея.

- К тому, что все к лучшему, дочь моя. Коли уж вышло так, что боги через посредство Мектига даровали тебе хотя бы частичную свободу – соверши и ты благой поступок, указав нам направление к тому, что мы ищем. Уверяю, это не затруднит тебя, ибо твои руки вновь свободны, и ты, как я погляжу, вполне способна одну из них поднять... или даже обе, но столь чрезмерных усилий я от тебя не требую.

Ассантея подняла ладони и уставилась на них так, словно видела впервые в жизни. Потом она хрустнула всем телом, выпятила грудь и так сладко потянулась, что Плацента аж затрясся от вожделения. Он не понял, кто такие эти самые вайли, но для себя решил, что это суккубы.

Плацента всегда хотел познакомиться с суккубом. Познакомиться и подружиться.

Возможно, это как раз его звездный час.

Однако он не успел подкатить к суккубу. Тупой жрец опять начал свою байду и всецело завладел ее вниманием. Несколько минут – и Ассантея уже с интересом его слушает и даже улыбается.

Неужели она не видит, что этот мясопузый мул просто заговаривает ей зубы?!

А жрец, тем временем, убедил демоницу в том, что будет очень хорошо, если она в благодарность за освобождение удружит им и согласится сыграть роль проводника. Провести к Хиротаросу и Дормадосу. Не такая уж это и великая услуга, зато как всем будет приятно!..

- Кстати, тебя за что сюда посадили? – спросила Джиданна.

- Как и всех – несправедливо и по ошибке, - хмыкнула Ассантея. – Я была личным эмиссаром Хальтрекарока. Разыскивала для него новых жен, собирала души, создавала суккубов...

- Суккубов!.. – озарилось лицо Плаценты.

- Ну да. А что?

- И как, успешно? – осведомилась Джиданна.

- Весьма успешно. Я провалилась из-за глупой случайности. Расслабилась буквально на минуту – и меня разоблачил самый обычный ножевой. Мелкая неурядица, которая как-то сама собой выросла в большой скандал. Дело дошло до самого верха, и, чтобы избежать дипломатических осложнений, Паргорон меня сдал. Позволил заключить в Хиард. Такие вот пироги.

- Так ты суккуб... – повторил Плацента, все еще ухмыляясь.

Он не слышал ни слова из того, что было сказано после.

- Я не суккуб, - чуть раздраженно ответила Ассантея. – Я училась в Красном Монастыре, а не в Кубарии. Но я превращаю в суккубов смертных женщин.

- Святой отец, а мы не зря ее освободили? – шепнул Фырдуз, дергая Дрекозиуса за рукав.

- Ничто не деется на белом свете без воли богов, сын мой, - ответил жрец. – Коли уж перерубила секира Мектига цепи сей грешной натуры – знать, подошло к концу ее наказание. Не ропщи.

Фырдуз и не роптал. Просто ему показалось, что они допустили ошибку... впрочем, ничего страшного. Она же не покинула Хиард, она просто получила возможность по нему перемещаться. Невелика беда.

Ассантея и перемещалась. Она несколько лет провисела прикованной к дереву, и теперь скакала вокруг искателей Криабала, как коза на весенней травке. Ее не интересовали имена и цели новых знакомых, и щебетала она в основном о себе.

С интересом всматривалась разве что в Джиданну – словно примерялась к чему-то. Волшебнице такое внимание не нравилось, и она отводила взгляд.

Хиард оказался очень просторной тюрьмой. Ассантею приковали, можно сказать, у самого входа – а дальше открывались затянутые туманом просторы. Бесплодная заледенелая пустошь, подернутая серой дымкой.

А еще здесь были горы. Уходящие в бесконечность скалистые пики. Один слегка напоминал человека... а потом он вдруг шевельнулся!..

Искатели Криабала подались назад, таращась на сверхгромадного великана... хотя какого великана?.. Когда чудовище повернулось, стало видно, что на человека оно похоже только под определенным углом, а вообще-то это именно гора – только живая. Ползущая.

Возможно, голодная.

- Никогда Гороподобных не видели? – насмешливо спросила Ассантея. – Это Мурдурикатгидаста. Или как-то иначе. Честно говоря, я понятия не имею, как ее зовут – просто расслабила язык и проблаблакала чего-то там. Какая разница, верно?..

- Это женщина?.. – сглотнул Фырдуз.

- Это Всерушитель, - ответила демоница. – Из Гороподобных. Тут таких полно.

Дальше искатели Криабала шли еще осторожнее. Да, ни волшебство, ни Сущности, ни способности бессмертных в Хиарде не действовали, но большинство его узников и голыми руками

расправятся с простыми человечками. Иные из них так огромны, что могут по нечаянности их раздавить. Другие так сильны и свирепы, что разорвут в клочья сотню воинов. Третьи источают невыносимый жар или лютый мороз. Четвертые... да разве можно все перечислить?

К тому же оказалось, что Ассантея здесь плохо ориентируется. Оно и понятно – как выучить местность, все время вися на одном месте? Она знала лишь приблизительное направление, а безопасную тропу вновь досталось разведывать Плаценте.

К счастью, большая часть заключенных никем и ничем не интересовалась. В Хиарде они не нуждались в пище и были либо тоже прикованы к одному месту, как Ассантея, либо коченели в тоскливой полудреме.

Искатели Криабала увидели тут дракона вдвое крупнее Орказарока. Увидели озверевшего титана, наполовину вмурованного в камень. Увидели бывшего демолорда Паргорона – кошмарную тварь, похожую на отрубленную кисть руки.

Но страшнее всех оказался еще один Всерушитель. Из Первозданных, какой-то родственник Малигнитатиса. И в отличие от всех предыдущих, он заметил пришельцев – и метнулся их схватить.

Колоссальная серая туша. Сотни голов на длинных шеях. Тысячи щупальцев с острыми когтями. Первозданный был похож на колоссальное дерево с бесчисленными ветками. Он одновременно шипел, лаял, рычал, клекотал и кричал на десятках разных языков. Глаза пылали белым огнем – и казались они звездным небом.

- Бежи-и-и-им!!! – заверещал Плацента, разворачиваясь в прыжке.

К счастью, они не успели подойти непоправимо близко. Первозданный был меньше Гороподобного, но все равно так огромен и шумен, что увидели и услышали его издали. А его щупальца хоть и вытянулись впятеро против обычной длины, хоть и хлестнули воздух в какой-то полусотне шагов – но все же не дотянулись.

Но сообразили это искатели Криабала только через несколько минут. А поначалу они неслись, как ошпаренные, не чуяли землю под ногами, боялись оглянуться... и лишь когда хаотичный шум стал чуть слабее, дерзнули чуть замедлить шаг.

- А почему он за нами не бежит?.. – спросил Фырдуз, кинув быстрый взгляд через плечо.

- Ты что, дурак? – хмыкнула Ассантея. – У него же ног нет.

И правда. Хаос одарил Первозданного Всерушителя таким

количеством голов и рук... щупальцев, что хватило бы на целый город, но ног не дал вовсе. И он волок свое исполинское тулово, как слизняк. Двигался чуть быстрей идущего человека.

- В этом их слабое место! – на бегу крикнула Ассантея. – Они медленные!

Наверное, за пределами Хиарда медлительность Всерушителя не стала бы спасением. Дрекозиус читал Ктаву, а Джиданна посещала лекции ПОСС. Они знали, что Первозданные – это сильнейшие и страшнейшие из древних чудовищ. Не сковывай этого чары Хиарда – он залил бы человечков всеми мыслимыми ужасами, обрушил им на головы скалы, подтянул к себе силой мысли и сделал бы еще бушук знает что.

В Хтониде, одной из первых глав Ктавы, битва богов и Всерушителей описывалась скупо, но все равно от строчек становилось как-то зябко. Читая их, добрые севигисты радовались, что речь идет о далеком прошлом, что Малигнитатис надежно погребен, а остальные Первозданные мертвы или заперты в Хиарде.

- Зачем их всех вообще тут держат? – спросил Фырдуз, когда тысячеглавое чудовище осталось далеко позади. – Почему их просто не... ну... я...

- Почему не перебили? – закончила Ассантея. – А их приговорили к заточению, а не к казни. Однажды могут и выпустить.

- Выпустить?!

- Ну да. Например, когда бог Энзирис восстал против отца, его тоже заточили в Хиард, и он просидел тут почти три тысячи лет. А потом его выпустили – с условием, что он поможет одолеть Малигнитатиса. Может, когда-нибудь и из этих сформируют отряд смертоубийц и отправят сражаться с другими смертоубийцами, которые еще хуже.

- Да кто уж там хуже-то? – хмыкнула Джиданна. – Разве что только сам Малигнитатис. Но эти ему скорее будут помогать.

- Это уж точно, - жизнерадостно согласилась Ассантея. – Особенно вон те двое. Вы же их искали? Вон они.

Впереди из тумана выступала очередная гора. Двуглавый пик – причем одну половину увенчивала огненная шапка. Оттуда стекала расплавленная лава, и было горячо, как на сковородке.

А когда искатели Криабала подошли еще ближе, стали видны и хозяева этой горы. Два великана в десять человеческих ростов. Один, костлявый и багровокожий, заприметил пришельцев еще издали и указывал на них второму, непомерно толстому и совершенно лысому. Этот полулежал у небольшого ущелья, облокотившись локтем о скалу.

По мере того, как великаны становились все ближе, искатели Криабала невольно замедляли шаг. Плацента затаился за спиной Мектига, но и дармаг смотрел на громадин растерянно. На холодных просторах Хорободакха он четырежды встречался с великанами, и одного даже ухитрился убить... но они были меньше. Они были гораздо меньше.

Великаны. Мектиг ненавидел великанов.

Все знают, что великаны делятся на четыре расы. Муспеллы, хримтурсы, йотуны и людогоры. Огненные, ледяные, каменные и обычные. Муспеллы багровокожи и дышат огнем, хримтурсы синекожи и замораживают дыханием, кожа йотунов невероятно толстая и прочная, а у людогоров нет никаких особенностей, зато они всех выше и сильнее. Самые низенькие великаны ростом как четыре человека, самые высокие – как пять.

Но это нынешние. А их далекие предки были бессмертными порождениями самого Хаоса – Всерушителями. Сами Первозданные сотворили их когда-то. Те, древние великаны, были вдвое выше и во много раз могущественнее современных.

Увы, как и у любых хтонических чудовищ, каждое следующее поколение было слабее предыдущего. С течением тысячелетий великаны измельчали и утратили бессмертие.

Но когда-то они были солдатами Всерушителей. Верными слугами Первозданных. И возглавляли их четыре генерала – Таштарагис, Хиротарос, Дормадос и... четвертый. Имя генерала-йотуна история не сохранила – он погиб в незапамятные времена. Таштарагис же предал Всерушителей и помог богам их свергнуть, но потом предал и богов, переметнулся к демонам и сам стал демолордом.

Что же до Хиротароса и Дормадоса, то их низвергли в Хиард, когда пал их господин, Малигнитатис. С тех пор здесь они и прозябают, томимые жаждой мести. Два перворожденных великана исполинской мощи.

- СМЕРТНЫЕ, - гулко ухнул Дормадос, поднимаясь на ноги и ухватывая гигантскую каменную палицу. – ЗДЕСЬ. В ХИАРДЕ. ДЛЯ ЧЕГО?..

- Сейчас узнаем, - удивительно писклявым для своих размеров голосом сказал Хиротарос. – Не убивай их пока что.

Он сделал гигантский шаг – и все отшатнулись. Даже Мектиг и Ассантея. Фырдуз сжал покрепче Криабал и постарался стать как можно незаметнее.

- О великие и владычествующие, умоляю выслушать нас, а уж потом только решать, есть ли нужда нас истреблять! – поспешил крикнуть Дрекозиус.

Хиротарос склонился над крошечными человечками. Вблизи

его лицо оказалось жутким и как будто искривленным во все стороны. Тонкие губы почернели, глубоко запавшие глаза казались парой угольков. Поведя длинным и острым носом, Всерушитель сказал:

- Мне стало любопытно. Говорите.

- В ХИАРДЕ НЕ БЫВАЕТ СМЕРТНЫХ, - произнес Дормадос, недоуменно глядя на искателей Криабала. – ХИАРД – ТЮРЬМА ДЛЯ БЕССМЕРТНЫХ. ОТКУДА ЗДЕСЬ СМЕРТНЫЕ?

- Заткнись! – прикрикнул на него Хиротарос. – Я изобью тебя до полусмерти!

Он сделал странное движение – словно хлестнул невидимым кнутом. Потом уставился на пустую ладонь и скрежетнул зубами. Были те тоже черными и крошащимися, будто проржавевшие насквозь ножи.

- Продолжайте говорить, - повернулся к пришельцам муспелл. – Мы с Дормадосом внимательно слушаем.

Дрекозиус торопливо начал рассказывать. Когда он впервые упомянул Антикатисто, великаны переглянулись, но смолчали. На губах Хиротароса зазмеилась хитрая улыбка... но она сползла с них, как только Дрекозиус поведал, что Антикатисто их обманул. Что он не собирается их освобождать.

Дормадос страшно заревел. Он вырвал из земли валун весом в сотню коров и швырнул, оставив в горе выбоину. Хиротарос скрючил пальцы, изо рта у него вырвался язык пламени.

- Вы не лжете мне?.. – навис над Дрекозиусом Всерушитель. – Не лжете?! Говори правду, или растопчу!

- Умоляю, о величественный, посмотри на меня и реши сам – осмелюсь ли я лгать кому-то вроде тебя! – залебезил Дрекозиус. – Где мне, ничтожному, надеяться провести самого генерала Малигнитатиса? Да и чего ради стал бы я такое делать? Неужели бы мы совершили столь долгое путешествие, спустились на самое дно Шиасса, достигли тюрьмы богов – и все только ради бессмысленного розыгрыша? Право же!..

- Пожалуй, так... – чуть отстранился Хиротарос. – Когда я был на свободе, мало кому удавалось меня обхитрить... Но тысячи лет в Хиарде... я слишком отчаялся... мой разум притупился... я поверил...

- ОН ОБМАНУЛ НАС!!! – взвыл Дормадос, колотя кулачищами по горе. – ОБМАНУ-У-УЛ!!!

- Эй, вы всегда можете выпустить пар, сожрав этих аппетитных смертных! – радушно предложила Ассантея. – Смотрите, какие они жирные!

На ней скрестились сразу пять возмущенных взглядов – и демоница расхохоталась. Сама она старалась держаться от

Всерушителей подальше.

К счастью, те не обратили внимания на шутку Ассантеи. Дормадос ревел так, что закладывало уши. Хиротарос уселся, скрестив ноги, и уставился в одну точку.

Дрекозиус терпеливо ждал. Он был рад уже и тому, что гнев великанов направлен не на них. Всерушители – порождения самого Хаоса, буйство лежит в самой их природе. Недаром же они получили такое название.

Но при этом сами по себе они не злы. Жестоки – да. Безжалостны – да. Радуются, обращая все вокруг себя в руины – безусловно. Но это не злоба, а почти что детское желание все ломать. Безграничную силу им дает первозданный Хаос, и он же делает их свирепыми, как дикие звери.

- Тише-тише, добрые великаны! – как можно проникновеннее произнес он. – Не печальтесь – Антикатисто обманул многих... практически всех, с кем был знаком! И если вы желаете отомстить ему – помогите нам его победить!

- Как? – повернулся Хиротарос. – Вы можете нас освободить?

- Мы всего лишь смертные... – развел руками Дрекозиус. – Мы хотели бы этого всей душой, но не в наших силах такое грандиозное свершение...

- Тогда что мы можем для вас сделать?

- Расскажите нам, как Антикатисто возродился... и вообще расскажите обо всем, что о нем знаете! Быть может, именно эти знания помогут нам с ним справиться!

Дормадос прекратил реветь и разрушать гору. Почесав толстенный носище, он громыхнул:

- ВОТ ОНО ЧТО. ВОТ ЗАЧЕМ ВЫ ЗДЕСЬ.

- Вас привела сюда призрачная надежда найти решение? – добавил Хиротарос. – Люди. Вы такие маленькие и жалкие.

- И ТУПЫЕ. БЕСКОНЕЧНО ТУПЫЕ.

Дрекозиус жалобно всхлипнул, стараясь выглядеть именно таким. Проникновенно глядя в глаза Всерушителям, он часто заморгал.

- Мы помогли ему, - раздраженно сказал Хиротарос. – Поверили ему. Он обещал вытащить нас, когда раздобудет какие-то древние артефакты. Какой у нас был выбор? Мы могли либо отказать ему и сидеть здесь дальше, либо понадеяться на призрачный шанс.

- А как вы его возродили, можно узнать? – спросила Джиданна.

Она старалась держаться за Дрекозиусом. По шкале ПОСС у первого поколения великанов-Всерушителей шестнадцатый класс сложности, а у их генералов – девятнадцатый. В Хиарде он,

конечно, у всех падает пунктов на десять, но все равно любой из них без труда размажет их в кашу.

- Когда этот лживый человечишко явился сюда, он был бессильной тенью, - сказал Хиротарос. – Хватило бы дунуть посильнее, чтобы его уничтожить. Но он все еще был элементалем Тьмы. А вы знаете, что такое Свет и Тьма? Знаете, каковы их элементали?

- Нам рассказывали на метафизике, - ответила Джиданна.

- Тогда ты знаешь, что Тьма – величайший осквернитель. Она являет все виды негативного воздействия, какие только возможны. На всякий предмет и вещество она воздействует наихудшим для него образом. Элементали Тьмы и Света очень редки, особенно высшие, но если они все-таки появляются – они всегда очень могущественны. Высший элементаль Тьмы сильнее почти всего, что вы можете вообразить.

- ОН КАТАСТРОФИЧЕСКИ ОПАСЕН! – прогудел Дормадос.

- Но при этом они не боги. Они даже не бессмертные. При всем их могуществе они... не то чтобы смертны, просто не могут существовать долго. Несколько лет – а потом они утрачивают самость и развоплощаются.

- Это мы знаем, - нетерпеливо сказала Джиданна.

- Бесконечно рад за вас, - недобро произнес Хиротарос. – Я это сказал в качестве преамбулы. А амбула состоит в том, что Антикатисто был развоплощен, когда к нам явился. Для возрождения ему, как любому элементалю, нужен был свой ключевой элемент.

- ТЬМА! – проревел Дормадос. – И МЫ ДАЛИ ЕМУ ЕЕ В ДОСТАТКЕ!

- А откуда вы ее взяли? – спросила Джиданна.

- ХА-ХА-ХА!.. – гулко расхохотался Дормадос.

- Хе-хе-хе!.. – пискляво рассмеялся Хиротарос. – Это Хиард, малявки. Здесь есть существа, полные Тьмы так, что она сочится из пор!

- МЫ УБИЛИ ОДНОГО! – рявкнул Дормадос. – ОДНОГО ОЧЕНЬ ДРЕВНЕГО И МОГУЧЕГО ДЕМОНА! ЗДЕСЬ ОН НЕ БЫЛ ТАКИМ СИЛЬНЫМ, КАК НА СВОБОДЕ, НО ВСЕ РАВНО ОСТАВАЛСЯ БЕССМЕРТНЫМ! УБИТЬ ЕГО БЫЛО ОЧЕНЬ СЛОЖНО!

- Вы скормили Антикатисто какого-то демолорда, - изумленно поняла Джиданна.

- Не просто скормили, - хмыкнул Хиротарос. – Мы выжали его, как грязную тряпку. Выдавили всю его темную эссенцию. Это не так просто – напитать блеклый дух сырой энергией. Мы очень много сделали для этого лживого...

- ОН ОБМАНУЛ НАС!!!

- Заткнись! – снова машинально взмахнул ладонью Хиротарос. – Мы сами виноваты, что поверили! У нас не было никаких гарантий, что он сдержит слово – и быть не могло. Но и других шансов у нас не было...

- НАДЕЖДА ТЕПЛИЛАСЬ!.. – прижал лапищу к вислой груди Дормадос. – ЗДЕСЬ!

- Ни кира се ты поэт, тля, - чуть слышно произнес Плацента.

На несколько секунд искатели Криабала замолчали. Теперь они знали, как именно Антикатисто вернулся к жизни. Но это знание хоть и заполняло лакуну в истории, но не давало ничего полезного.

- Ну... история-то интересная, конечно, - прервал молчание Плацента. – Только не дает она нам ни кира, тля.

Джиданна шикнула на Плаценту. Ей не хотелось оказаться из-за него раздавленной. Всерушители довольно непредсказуемы, их может взбесить что угодно.

Плацента уж точно может.

- Мы очень благодарны вам за рассказ, мудрые великаны, - произнес Дрекозиус. – Но мы были бы стократ благодарней, если бы вы еще и присовокупили к нему пусть малую, пустяковую подсказку насчет того, как обратить процесс вспять. Как уничтожить Антикатисто.

- НИКАК, - прогудел Дормадос.

- Не будь таким радикальным, - оборвал его Хиротарос. – Возможно, способ есть. Мы не знаем его, но мы верим в вас, ничтожные людишки. Свершите месть, отплатите за наши растоптанные надежды. Мы не сможем вас отблагодарить, пока сидим в Хиарде, но если когда-нибудь освободимся – расплатимся по счету щедро.

- МЫ НЕ УБЬЕМ ВАС, КАК ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ!

- Заткнись! – страшно запищал Хиротарос, в третий раз пытаясь хлестнуть воздух. – О Хаос Первозданных, где мой Верберус?! Скажите, смертные, вы много ходили по Парифату?! Не видали ли вы где там мою старую плеть, мой огненный хлыст, мой любимый Протуберанец?!

- Нет, увы... – развел руками Дрекозиус. – Но не теряй надежды, добрый великан – как ты веришь в нас, так и мы верим в тебя! Уверен, что такая реликвия не могла истлеть или потеряться – и ты вернешь ее, когда выйдешь на свободу!

- Да-а-а... верну... верну все, что мне причитается... – мечтательно произнес Хиротарос. – Кстати, а вы точно не знаете способа отсюда выбраться?.. Как вы сами сюда попали?..

Взгляд Всерушителя стал жестким и подозрительным. Стараясь не оборачиваться к Фырдузу и Рваному Криабалу,

Дрекозиус быстро-быстро залопотал о великом заклинании, сконструированном добрым волшебником Медариэном, который провел их сюда, а сам остался ждать у врат Хиарда, чтобы потом тем же путем их вывести, но действует это заклинание только на смертных, к сожалению, потому что даже Медариэну не под силу провести через врата Хиарда бессмертного.

- А ОНА ТОГДА ЧТО ТУТ ДЕЛАЕТ? – указал на Ассантею Дормадос.

- Она тоже несчастная узница, о добрый великан! По доброте душевной эта дщерь Паргорона согласилась проводить нас к вам, за что мы безмерно ей благодарны!

- По доброте душевной, - повторил Хиротарос. – Тварь Паргорона.

- Дщерь, - поправила Ассантея. – Он сказал «дщерь». Ты ослышался. И я не по доброте душевной, это он загнул. Они мне за это одного из своих обещали отдать. На съедение.

- А, - разочарованно сказал Хиротарос. – Ладно. Ну идите тогда, вы мне уже прискучили. И Дормадосу тоже. Дормадос, они тебе прискучили?

- ДА!!!

- Благодарю за доброту и милосердие, о благородные великаны, - согнулся в три погибели Дрекозиус. – Но пока мы не ушли – не будете ли вы так любезны ответить на еще один, самый последний вопрос? Возможно, ваш ответ поможет нам расправиться с Антикатисто и отомстить за все его обманы и злодеяния…

- ГОВОРИ УЖЕ! – рявкнул Дормадос.

- Не знаете ли вы, где искать Апофеоз, древний артефакт Парифатской империи? – торопливо спросил жрец. – Быть может, Антикатисто что-то такое упоминал…

Всерушители переглянулись. Хиротарос пожал плечами, Дормадос нахмурился.

- Смертный, мы сидим здесь очень-очень давно, - снисходительно произнес Хиротарос. – Почти восемнадцать тысяч лет. Когда боги нас сюда упрятали, на Парифате не было… даже людишек еще не было. Вы уже потом расплодились. Эта ваша Парифатская империя для нас – взмах крыла бабочки. Появилась и тут же исчезла. Откуда нам знать об этой вашей возне с какими-то артефактами?.. Нам нет до нее дела.

- А Антикатисто…

- НИЧЕГО НЕ УПОМИНАЛ! – прогремел Дормадос. – МЫ НЕ СПРАШИВАЛИ! НАС НЕ ВОЛНУЕТ!

Всерушители явно начали злиться – так что Дрекозиус поспешил откланяться. Подталкивая остальных в спины, он

торопливо засеменил прочь. Да, от долгого заключения разумы великанов немного заржавели, но они все равно не глупцы, и слишком долго испытывать судьбу не стоит.

Как только Хиротарос и Дормадос достаточно отдалились, Ассантея как бы невзначай сказала:

- Знаете, а вот если бы я каким-нибудь образом освободилась, то уж точно не стала бы ничего разрушать. Я бы просто вернулась домой и жила там спокойно. С мужем и детьми. У меня очень большая семья.

- И это воистину похвально, дочь моя, - кивнул Дрекозиус. – Безмерно сочувствую тебе и несказанно жалею, что не могу ничем тебе помочь.

- А если вы не возьмете меня с собой, то я прямо сейчас окликну Всерушителей и расскажу им про эту книжку, - указала демоница на Фырдуза. – Я, в отличие от них, просидела тут всего три года. Я знаю, что такое Криабал. Мне вы башку Медариэном не задурите.

Мектиг молча снял с пояса секиру. Ассантея резко отпрыгнула и бросилась обратно – к горе Всерушителей.

- Стой, погоди! – крикнула Джиданна. – Мы можем договориться!

Ассантея тут же остановилась и повернулась. На ее губах играла лукавая улыбка.

Искатели Криабала зашептались. Им ведь еще предстояло возвращаться ко входу. И если Ассантея разоблачит их перед Всерушителями… великаны – это не медлительный Первозданный.

Хиротарос и Дормадос с легкостью их настигнут. Растопчут, отнимут Рваный Криабал, откроют врата Хиарда… хотя могут и не открыть. Они же не знают, что нужное заклинание называется «Третий Ключ».

С другой стороны, в запасе у них сколько угодно времени. Разберутся. Догадаются. Они же не идиоты.

С вернувшейся Ассантеей быстро договорились. Очень просто: она хранит молчание – они берут ее с собой. Кроме разве что Фырдуза освобождение демона никого особенно не взволновало.

- Слушайте, а это не приведет к беде? – с беспокойством шептал кобольд, пока они шли к выходу. Ассантея беззаботно насвистывала, шагая впереди всех.

- Да ладно, она просто демон средней руки, - пожала плечами Джиданна. – Одним больше, одним меньше.

- Но ее же в Хиард не просто так упекли! Не за уличное же хулиганство!

- Дурак! – прошипел Плацента. – Она же сказала, за что ее упекли! Она создавала суккубов!

- Но...

- Суккубов, тля!.. Лично я не считаю это преступлением! – облизнулся Плацента, таращась на пышные ягодицы Ассантеи.

Фырдуз опасливо уставился на Плаценту. Он решил не говорить тому, что в Рваном Криабале есть заклинание Призыва Суккуба. Не стоит ему такое знать.

- Сын мой, усмири свои страсти, как я их усмиряю, - чопорно произнес Дрекозиус, утирая висок платочком. – Что же до тебя, любезный Фырдуз, то если ты сочтешь возможным выслушать своего скромного слугу, я заверю тебя, что освобождение сей особы будет делом в каком-то смысле благим. Ибо боги позволяют существовать демонам в том числе чтобы испытывать нас, грешных. И если она продолжит искушать смертных своими соблазнительными чарами, то сим отделит зерна от плевел. Слабые духом отсеются, но сильные же – устоят и станут еще сильнее... тверже... крепче...

- Отче, я понимаю, что вы можете доказать, что снег – это перхоть Космодана, но сейчас вы уже совсем в какую-то ересь ударились, - саркастично произнесла Джиданна. – Я на вас в инквизицию пожалуюсь.

- Ты не сделаешь этого, дочь моя, - спокойно возразил Дрекозиус. – Тебе не позволят принципы товарищества, испытываемая ко мне симпатия и твое глубокое безразличие к севигистской морали.

- Не поспоришь, - пожала плечами Джиданна.

Впереди показалось каменное дерево, с которого они сняли Ассантею. А вскоре за ним – и нарисованный Фырдузом крест. Врата Хиарда... абсолютно незримые с этой стороны. Кобольд вздохнул, все еще с сомнением глядя на демоницу, но все же попросил и ее взяться за его плечо.

В глубине души он волновался. Да, Властелин Идимов заверил, что заклинание Третьего Ключа будет действовать и внутри Хиарда... но не мог ли он ошибиться? Ведь никакие другие чары тут не действуют. Разве что секира Мектига... но она вроде и не волшебная, а просто очень крепкая. Наверное, она разрубила цепи Ассантеи просто потому, что и те тоже не волшебные, а просто очень крепкие.

- Ну, помоги нам Пещерник... – выдохнул Фырдуз, раскрывая Криабал. – Марак огава титака! Изумерек токира сото сод типара! Аневорк! Ормеда хили! Ираба такена зокепат! Арада зоак!

В воздухе раскрылась воронка. Их шестерых подхватило, втянуло – и выплюнуло с другой стороны. Они снова оказались на

краю пропасти, рядом с бушующим черным вихрем.

И тут их уже ждали. Три бесформенных, вытянутых кверху серые сгустка.

Жандармы. Стража Шиасса.

- *вот они*, - бесстрастно сообщил один. – *нарушители.*

- *вы обвиняетесь в незаконном проникновении в Хиард и попрании заветов богов*, - добавил второй.

- *и помощи в побеге одному из заключенных*, - изрек третий. – *теперь вы все отправитесь на суд Хозяина Шиасса*.

- Подождите, мы все можем объяснить! – заторопился Дрекозиус.

- *вот ему и объясните. в наши полномочия не входит выслушивание оправданий.*

В следующую секунду Жандармы засветились – и все вокруг исчезло.

Глава 37

2967 год до Н.Э.

- Золотой век, серебряный, медный!.. А знаете, какой у нас теперь?! Знаете, какой век наступил со смертью императора?!

- Какой?!

- Дерьмовый! Дерьмовый век! Так и запишите в своих летописях! Эй, есть хроникеры в зале?! Позовите монаха Ши, пусть запишет!

- Да угомонись ты! Слезай с трибуны!

- Не слезу!

- Тогда хотя бы надень штаны!

- Да я просто хотел продемонстрировать вам всем, что нас ожидает! Вот, полюбуйтесь!

- Уберите его! Нельзя превращать заседание в балаган!

- В балаган?! В балаган его превратил не я!

Крики становились все громче. Кто-то в кого-то плюнул. В воздухе забурлила магия, конгрессмены принялись осыпать друг друга проклятьями.

Кажется, они опять уничтожат здание. Опять придется создавать его заново.

Первый советник Оопсан хранил молчание. Сегодня он позволил конгрессу вести диспут стихийно, без обычной направляющей линии. И в очередной раз убедился, что если собрать в одном месте тысячу волшебников и позволить свободно обсуждать все, что придет в голову, результатом будет скандал.

Большой и шумный скандал.

- Они не договорятся ни до чего, - мелодично поколебал воздух Мородо. – Это продолжается уже третью луну.

- Знаю, - сумрачно ответил Оопсан. – Но в этот раз мы не можем принять решение внутри Конклава. Нас обвинят в тирании.

- Нас в любом случае обвинят в тирании. Уже обвиняют. Смерть мальчишки случилась удивительно некстати. Тебе следовало его уберечь.

Оопсан окинул Мородо пристальным взглядом. Тот ел. Как обычно. Говорил – и ел. В распахнутый рот отправлялись все новые куски – жареная курица, спелые фрукты, печеная картошка, копченая рыба, сочащиеся медом соты. Уже во рту все это волшебным образом размягчалось и растворялось на языке. Кости, кожура, воск и другие несъедобные части рассыпались

невесомой пылью и выдыхались.

Хотя дышит Мородо тоже волшебством. Лиши его магической силы – у него сразу же остановится сердце. Величайший телекинетик Парифата уже много лет не напрягал ни единую мышцу, и его тело как-то незаметно превратилось в бесформенный мешок жира.

Такое вообще характерно для сильных телекинетиков. Слишком уж легко утратить форму, когда физическая сила становится чем-то излишним. Но Мородо, конечно, побил все рекорды.

Однако под этой неприглядной оболочкой скрывается острый ум и могущественный чародей. И Оопсан не показал, что заметил недовольный тон.

- Да, следовало, - помолчав, сказал он. – Зар был многообещающим юношей. Мне жаль, что с ним так вышло.

Ему и в самом деле было жаль. Оопсан не любил, когда события развивались не так, как запланировано. В день своей гибели Зар повел себя слишком непредсказуемо. И теперь из-за того нелепого инцидента Парифат на грани гражданской войны.

У двадцать девятого Колдующего Императора не было прямых наследников. Он не успел обзавестись детьми, а его старший брат умер от болезни чакр, когда Зару было всего одиннадцать. Отчасти в этом есть вина и Конклава – следовало придерживать про запас каких-то близких родственников.

Конечно, основную ветвь приходилось урезать, чтобы пресекать в зародыше возможные междоусобицы. Когда медный век Парифата только начинался и Турниры Принцев были отменены, обессилевшие потомки Бриара принялись банально грызться за корону.

Именно тогда Конклаву пришлось взять на себя ответственность... за многое.

Но спустя двести лет это аукнулось обрывом основной правящей линии. Теперь остались только побочные ветви, всякие дальние родственники, через пять колен племянники. Среди них даже не получается выделить самого прямого наследника – из-за чего, собственно, так и бурлит конгресс.

Причем за коронацию очередного потомка Бриара стоит едва ли четверть конгрессменов. Так называемая имперская партия.

Другая партия, республиканская, грезит старыми добрыми временами, когда Парифат был республикой. Они больше не хотят видеть над собой Колдующего Императора – особенно теперь, когда почти все принцы не владеют даже простейшими чарами. Они хотят и дальше править сами. Хотят сделать конгресс единственным законодательным органом, а Конклав –

исполнительным, хотя и с сильно урезанными полномочиями.

Но хуже всех третья партия, самая многочисленная. Родовитые аристократы. Богатые землевладельцы. Могущественные волшебники-единоличники. Главы лож ордена Медных Магов. Среди конгрессменов таких очень много – и они сформировали разделительскую партию. Они считают, что единый Парифат изжил себя и нужно разделить его на несколько государств. Десятки, а то и сотни суверенных королевств. Возможно, целую тысячу – по числу нынешних провинций.

А их королями они, естественно, видят себя.

Разделители – это самые алчные и честолюбивые из волшебников. Каждый из них прекрасно понимает, что ему не бывать Колдующим Императором, и потому хочет урвать хотя бы кусок империи. Какой-нибудь из полусотни континентов – или хотя бы часть континента.

А то и остров покрупнее. У островных королевств есть немалые преимущества.

- ...Империя все еще остается империей! – раздавались гневные крики. – Прекратите делить ее на куски!

- Империя изжила себя много лет назад! – отвечали им. – Она распадется либо сама, как попало, либо будет разделена разумно, малой кровью!

- Это что, угроза?! Предатели!.. Сепаратисты!..

- А вы... а вы глупцы!.. Вы что, не отдаете себе отчета, что без единой идеи и управления такая гигантская империя обречена на распад?!

- У нее есть единое управление! Несколько реформ, уладить беспорядки, немного откалибровать работу органов – и все снова будет в порядке!

- И короновать нового императора!

- Ох, ну уж это извините!.. Мы уже прошли через эту стадию! Вы помните Громорокатрана?!

- Почему все вспоминают только Громорокатрана?! У нас был Бриар! У нас был Хоризакул! У нас был Азандр! И Парифату нужен новый император! Хотя бы выборный! Хотя бы символический!

- Должен вам сказать, мэтр, что вы круглый болван!

- Ах ты, сволочь!..

Когда-то конгресс был не более чем совещательным органом. Его создал император Азандр после разгона ордена Серебряных Магов. Просто подачка, небольшая уступка тем, кто считал, что Колдующий Император не должен решать все единолично. И до самого конца серебряного века конгрессмены просто выслушивали волю императора и голосовали, как тот хотел.

Но когда серебряный век сменился медным, когда был создан орден Медных Магов, когда императорский совет превратился в Конклав, а наместники провинций стали больше походить на вице-королей… конгресс забирал все большую силу. Становился все опасней и неуправляемей. Пускал корни. Из ручного парламента превратился в буйную вольницу чародеев-аристократов – и все реже оглядывался и на Конклав, и на Колдующего Императора.

Оопсан поднялся и вышел из ложи. Позади рухнула балка и что-то загорелось. Кого-то ударили стулом. Новое здание конгресса почти на десятую часть состоит из корония, но многие все равно ухитряются колдовать.

- Каждый день одно и то же, - устало произнес Оопсан, смыкая ладони и переносясь в малый дворцовый кабинет. – Я надеялся, что хоть кто-нибудь произнесет что-нибудь разумное.

- С нашим-то конгрессом? – фыркнул сидящий у проекристалла Ильтокелли. – Юноша, вы словно вчера родились.

Оопсан окинул сморщенного старца ровным взглядом. Ему самому перевалило уже за триста пятьдесят, но рядом с тысячелетним Ильтокелли он и впрямь мог показаться мальчишкой.

- Не вижу смысла вообще там присутствовать, - процедил Даскомедаль, ставивший отметки на карте. – Заседания конгресса каждый день повторяются с завидной регулярностью. Есть мнение, что их всех следует отправить вслед за императором.

- Я его не убивал, - сухо произнес Оопсан.

- Мы знаем, - хихикнул Ильтокелли. – Но слухи ходят. На каждый роток не накинешь платок.

Кроме Ильтокелли и Даскомедаля в малом кабинете присутствовала лишь Акк-Ва. Но она даже виду не подала, что заметила Оопсана. Финансовый советник слишком глубоко погрузилась в расчеты. Ее голова исчезла в серебрящемся смерче – там с бешеной скоростью мелькали иллюзии. В глазах старухи тоже рябило – она складывала, умножала, приводила к общему знаменателю.

- Наш бюджет трещит по швам, - меланхолично сказала она, поймав какое-то длиннющее число. – Я больше не уверена, что мы осилим Спектральную Сеть.

Оопсан ничего не ответил. Он прекрасно понимал, что нынешняя экономика Парифата – финансовый пузырь. Но зарубить Спектральную Сеть сейчас, после недвусмысленной воли последнего императора… почти что его предсмертного желания… Оксатти не простит. Ему сейчас дела нет ни до чего другого – весь ушел в свой любимый проект. Уверяет, что в законченном

виде тот решит все их проблемы.

Оопсан в этом сомневался. Но пусть. Оксатти – самый юный член Конклава, но он гениален, этого не отнять. Возможно, он прав, и это впрямь станет решением.

Но завершение и внедрение Спектральной Сети займет не один год. И пока Оксатти с ним возится, остальной Конклав должен удержать Парифат от развала. Не дать конгрессменам поубивать друг друга и как-то утихомиривать орден Медных Магов.

Тот действительно чудовищно разросся, обнаглел и утратил всякую полезность. В этом юный Зар был прав. Но он не понимал, что именно из-за этого его невозможно просто взять и расформировать. Они элементарно… не позволят.

Да, Бриар сумел расформировать Золотых Магов – но он был Бриаром Всемогущим. Да, Азандр сумел расформировать Серебряных Магов – но это вылилось в кошмарный кризис и тридцать тяжелых лет.

Оопсан занимал пост первого советника уже больше века – и все эти годы он занимался латанием дыр. Исправлением ошибок предшественников. Предыдущих первых советников и тогда еще обладавших полнотой власти Колдующих Императоров. Орден Медных Магов вообще не следовало создавать или хотя бы изначально жестко его ограничить, но сделанного не воротишь.

Сейчас Медные Маги – это двести миллионов бездельников. Несметная орда напыщенных дураков, лишь малая часть которой занимается чем-то полезным. Все они содержатся за счет государственного бюджета, у всех непомерные аппетиты, и они крайне ревностно относятся к своим привилегиям. Стоит какому-нибудь конгрессмену обмолвиться о том, что не худо бы им поумерить аппетиты – и на него обрушивается шквал дерьма.

Они ведь и впрямь разорвут Парифат на кусочки. Оопсан почувствовал легкое головокружение и положил под язык облатку антиусталости. Он не помнил, когда в последний раз спал.

Надо поскорее определить наследника. Если будет выявлена конкретная личность, это усилит имперскую партию. Честно говоря, Оопсану были ближе взгляды республиканцев, но что угодно годится, если оно ослабит позиции разделителей.

Но определить наследника пока что не удается. Родовое древо запуталось настолько, что теперь просто невозможно сказать, кто там самый прямой потомок Бриара. А самый надежный способ, Сущность Хранителя Криабалов, сам о себе не кричит. Кто бы ей сейчас ни обладал, к кому бы она ни перешла – претензий на трон он не предъявляет.

Не знать об этой Сущности ее обладатель не может.

Титульный лист Криабала специально несколько раз передавали от хранителя к хранителю. Чтобы наследник увидел вещий сон – и откликнулся. Дал о себе знать.

Но он не дал.

Значит, боится. Опасается за свою жизнь. Два покушения подряд, смерть Аймавида, а потом Зара... это было крайне неудачное стечение обстоятельств. Неудивительно, что потенциальный император сидит тише мыши.

Оопсан предпочел бы просто возвести на трон кого-нибудь покладистого. У него уже была на примете парочка кандидатур. Спокойные тихие принцы без амбиций, которых вполне устроит играть роль на публике, не участвуя ни в чем настоящем.

Но коронационное жюри не позволит. Это собрание престарелых волшебников насчитывает ровно сто членов, все они – заслуженные Медные Маги, и все – глупы до невозможности. На протяжении веков туда направляли тех, кто на любой другой должности приносил бы только вред. Они окружены небывалым почетом, регулярно получают правительственные награды, но занимаются исключительно церемониями. Раз в несколько лет объявляют, что Колдующий Император умер... и провозглашают нового.

И теперь, когда у них появилось какое-то реальное дело, когда от них внезапно стала зависеть судьба империи – они вцепились в это зубами и когтями. Не блещущие интеллектом, но аж лопающиеся от важности, члены коронационного жюри поднимут ор до небес, если престол получит кто-то, кроме законного наследника.

А кто он – неизвестно. Это вообще может оказаться бастард – и тогда найти его почти невозможно. Придется ждать, пока объявится сам.

- Бессмертная Ситардерасс, могу ли я переместиться к вам? – спросил Оопсан, направив голос через астральный канал.

- Я не одета, - ответила природный советник. – Можете.

Оопсан провел рукой, осуществляя обратный призыв, и секундой спустя стоял на берегу океана, рядом с Лунардой Ситардерасс. В глазах эльфийской аристократки стояли смешинки. Она и впрямь не была одета, но по телу струилась вода, пенясь в интимных местах.

Оопсан не обратил на это внимания. Как никто другой, он знал, что вся эта фривольность напускная. Природная советница обожает кружить головы. Она не пропускает ни одного светского мероприятия и со стороны может показаться легкодоступной, но на деле более верной супруги еще поискать. Все слухи насчет сменяющихся каждую луну любовников, которых она потом

закапывает в саду – не более чем слухи.

- Что там в конгрессе? – спросила Лунарда, воспаряя над водной гладью. – Опять передрались? Убийства уже есть?

- Еще не сегодня.

- Ну скоро будут. Сегодня за спикера Мородо?

- Он просто присматривает за порядком. Надеюсь, его там не разорвут.

- Этот жировой шар ничто не возьмет, - усмехнулась Лунарда. – Если его когда-нибудь и разорвет, то изнутри.

Оопсан рассеянно кивнул. Чуть шевельнув пальцами, он коснулся эфирных струн. Ощутил весь океанский простор – отсюда и до самой Мирандии. Бесчисленные острова. Атоллы. Плавучие и подводные города. Режущих водные просторы харгаменстров, Великих Змеев и других морских колоссов.

Пока никаких признаков катастрофы. К счастью.

- Насчет Синего Криабала договориться не получилось, - констатировал Оопсан. – Морская Губерния продолжает настаивать, что передаст его только Колдующему Императору.

- Вы сами все знаете, первый советник, - пожала плечами Лунарда. – Но если Конклав сочтет это за необходимость, я предприму жесткие меры.

- Пока крайней нужды нет. Давайте пока оставим эти книги в покое. В конце концов, это всего лишь книги.

- Как знаете, первый советник, - снова пожала плечами Лунарда.

На следующий день состоялось еще одно бесплодное заседание конгресса. И на следующий. Раньше конгресс созывали дважды в год, на осеннюю и весеннюю сессии, но после смерти Зара он ни единых суток не переставал заседать. Это все назревало слишком давно, и внезапный обрыв династии стал воспламеняющим жестом.

Империя по-прежнему называлась империей, и управлял ей по-прежнему Конклав. В конгрессе постоянно поднимался вопрос о его реорганизации, о возможной замене части или всех советников, но Оопсану пока что удавалось успокаивать волны и не позволять конгрессменам принять решение, о котором они потом пожалеют.

Роль спикера обычно играл он. Иногда его подменяли Мородо или Лунарда. Времени это отнимало очень много, и Оопсан размышлял о том, чтобы ввести постоянную должность председателя конгресса. Прежде, когда сессии занимали всего две луны в год, это не было такой проблемой – их возглавлял либо сам император, либо его первый советник.

Но теперь, когда императора нет, а внеочередная сессия

стала бессрочной… весь Парифат как будто оказался в подвешенном состоянии. Одни волшебники сутками толкали речи, другие боролись за деньги, ману и власть.

Так луна шла за луной. У Оопсана появились круги под глазами. Он ел облатки антиусталости горстями. Остальные советники тоже зашивались – особенно Оксатти, который из кожи вон лез, желая доказать полезность своего проекта. Лишь немногим отставала Акк-Ва – за эти полгода она постарела лет на десять и уже дважды подсовывала Оопсану заявление об отставке. Пока что ее удается уговаривать не уходить, но еще немного – и финансовая советница не выдержит.

Даскомедаль и Ильтокелли, впрочем, тоже без дела не сидели. Военный советник тайно стягивал в столицу элитных боевиков и прощупывал настроения в ордене Медных Магов. Погодный же советник курировал другой государственный проект. Секретный. Не такой красивый и многообещающий, как у Оксатти, но на него Оопсан возлагал куда большие надежды.

Возможно, только это средство и сохранит целостность империи.

Спустя еще полгода Оопсан немного успокоился. Кажется, ему все же удалось провести империю по натянутой проволоке. Конгресс продолжал бурлить, но уже устало, с глухим раздражением. Рано или поздно они придут к какому-то общему решению – пусть даже просто из желания разойтись по домам.

К тому же Лунарда ухитрилась подружить имперскую и республиканскую партии. Они продолжали не соглашаться почти ни в чем, но в ключевом моменте все-таки сошлись – их объединяет желание сохранить державу цельной. Это делает их естественными союзниками против партии разделителей – и будет стратегически верным сначала задавить их, а уж потом продолжать споры о том, нужен ли все еще этой стране император.

Так появилась новая партия – «Единый Парифат». И если раньше разделители чувствовали себя хозяевами положения, составляя почти половину конгресса, то теперь их резко потеснили. Сговорившиеся имперцы и республиканцы пусть и незначительно, но превосходили их числом – да к тому же их поддерживал Конклав.

Неофициально, конечно. Официально советники не могли занимать никакой позиции. Конклав на этом корабле-государстве всего лишь рулевой – держит штурвал, но курса не выбирает. Роль капитана за неимением императора играет конгресс – и иногда кажется, что этот капитан в стельку пьян.

Одна тысяча шестьдесят пятый год Империи прошел в каком-

то болезненном полусне. Парифат лихорадило, но лихорадило скучно, без эксцессов. В конгрессе не прекращалась грызня, а во многих провинциях снова подняли головы сепаратисты, но худшее осталось позади. Наводить порядок придется еще долго, но дела обстоят не так уж плохо. Колдующего Императора нет уже третий год, а держава продолжает жить. Не так уж он и был нужен – Конклав вполне успешно справляется со всем сам.

Именно об этом размышлял Оопсан, когда Мартобраций, наместник Человеческой автономной провинции, объявил об отзыве своего конгрессмена, выходе из состава империи и полном суверенитете королевства Человекия.

Менее десяти минут понадобилось Конклаву, чтобы собраться в малом кабинете. Все понимали, что ситуацию нужно разрешить срочно, иначе зараза начнет расползаться.

- Почему-то я всегда была уверена, что если это с кого и начнется, то с эльфов, - задумчиво произнесла Акк-Ва.

- Я бы попросила, - прищурилась Лунарда. – В отличие от вас, мы не эфемерны и не склонны к сиюминутным решениям. Лично я своими глазами видела живого Бриара и помню, что он сказал об автономии нечеловеческих народов. Нас вполне устраивает самоуправление в составе империи.

- Мы знаем, - сухо произнес Оопсан. – Тем не менее, в эльфийских провинциях тоже не слишком спокойно.

- Пошумят – успокоятся, - отрезала Лунарда. – А вот Человекия бунтует прямо сейчас.

- Тупое высокомерное чванство! – дезинтегрировал стул Даскомедаль. – Простите, не сдержался.

- Можно понять, - грустно сказал Оксатти. – Можно понять.

- Человеческая автономная провинция всегда была проблемной точкой, - провибрировал Мородо. – Еще император Громорокатран пытался расселить ее по другим континентам – и отчасти успешно. Но после его смерти перволюди стали возвращаться в родные земли.

Оопсан бесстрастно кивнул. Все сидящие за столом прекрасно знали, насколько высоко самомнение Человекии. Все-таки самое древнее государство людей, их прародина. Там человек впервые явился в мир Парифата, и оттуда расселился по всем пятидесяти двум континентам.

С тех пор минуло четыре с половиной тысячелетия, да и конкретное место в свое время было выбрано случайно. Но Человекия продолжает помнить. Продолжает гордиться. Продолжает считать себя чем-то особенным, выделяющимся из общего ряда. Продолжает даже носить свое нелепое название – и страшно оскорбляться, когда кто-то называет его нелепым.

В свое время это было последнее королевство людей, вошедшее в состав Парифатской республики – и то под сильным давлением, фактически угрозой войны. Во время движения Крушителей Человекия была в первых рядах, уничтожила свой портал почти сразу же и долго потом противилась его восстановлению.

И сейчас они снова бряцают древними регалиями.

- Проще всего будет их отпустить, - фыркнул Ильтокелли. – Пусть берут столько суверенитета, сколько смогут проглотить.

- Нельзя, - возразил Оопсан. – Дело не в Человекии, дело в прецеденте. Отпустим их – придется отпускать всех, кто захочет.

- Захотят многие, - провибрировал Мородо. – Прямо сейчас декларацию Мартобрация обсуждают в каждом доме. Каждый наместник сейчас думает, не попробовать ли и ему. У нас одна тысяча восемьдесят пять провинций – и по крайней мере в четырехстах пятнадцати уровень лояльности близок к красной отметке.

- Надо пресечь это прямо сейчас, - заявил Даскомедаль. – Произвести точечную ампутацию, пока не стало слишком поздно. Промедлим – и придется обстреливать города звездными катапультами.

- Дело не в Мартобрации, - сумрачно произнес Оопсан. – Он просто первая ласточка. Онгот, дай нам график уровня лояльности за последние пять лет.

Мородо даже не шевельнулся – но падающий в окно свет исказился, стал рисовать узоры. В воздухе проявилась сложная картина – все тысяча восемьдесят пять провинций и господствующие там настроения. Они сливались и расходились, образуя систему – и выглядела та удручающе.

Пять лет назад, когда правил император Зар, лояльность на местах хотя и не была идеальной, но не давала поводов к беспокойству. Три четверти провинций на зеленой отметке, остальные на желтой, но в приемлемом диапазоне.

Сейчас же ситуация критическая. После гибели Колдующего Императора лояльность на местах ушла в штопор – и с тех пор не переставала снижаться. Отдельные всплески и кратковременные подъемы, которых с таким трудом добился Оопсан, погоды не делали.

На зеленой отметке осталось меньше четверти провинций. Все остальные на желтой – и многие уже почти касаются красного. Критическую черту пока пересекла только Человекия, но завтра за ней наверняка последуют другие.

Если не уже сегодня.

- Я надеялся, что до этого не дойдет, - смежил веки Оопсан. –

Что мы успеем короновать нового императора или провозгласить новую республику.

- Не успеем, - провибрировал Мородо. – Конгресс в раздрае. «Единый Парифат» в смятении. Сразу после декламации Мартобрация пятеро конгрессменов переметнулись к разделителям – и еще пятеро явно намереваются последовать за ними.

- Это всего десятеро, кхех-хех, - хихикнул Ильтокелли. – Из тысячи.

- Это дополнительные десятеро, - процедил Даскомедаль. – В придачу к уже желающим поделить все... сколько сейчас их всего на стороне разделителей?..

- Четыреста девять провозглашают себя ими открыто, - ответил Мородо. – Еще сто семь входят в число нейтральных, но явно тоже склоняются к разделителям.

- Итого пятьсот шестнадцать. Это почти половина. Если мы прямо сейчас не схватим Мартобрация и не совершим показательную казнь, конгресс посыплется, как замок из сухого песка.

В качестве иллюстрации Даскомедаль сотворил такой замок посреди стола. Какую-то секунду тот стоял неподвижно, пока реальность осознавала совершенное в ней изменение, а потом его настигли законы природы – и песок посыпался на пол.

Оксатти ударил рукой по столу. Ильтокелли закатил глаза. Акк-Ва скрипучим голосом перечисляла расходы, которых потребует умиротворение целой провинции, но тут же заметила, что умиротворение нескольких провинций обойдется гораздо дороже.

- Может, просто распустим Конклав? – устало спросила Лунарда. – Мне так это все надоело... Давайте просто объявим о самоликвидации и разойдемся по домам. Пусть [цензура] дальше без нас.

- Хе, - осклабился Ильтокелли. – Хе-хе. А не так уж и плохо.

- Мы не можем, - провибрировал Мородо. – В самый разгар кризиса – не можем.

- Это будет предательством, - тихо произнес Оксатти. – На нас надеются.

- Никто на нас не надеется! – поморщилась Лунарда. – Нас ненавидят! Откройте глаза – они все нас терпеть не могут! Давайте просто уйдем – и пусть они грызутся, сколько им влезет! Можно, я подам в отставку?!

- Я уже несколько раз подавала... – пробормотала Акк-Ва.

- Не сметь! – рявкнул Даскомедаль. – Мы клялись императору! Я клялся императору! Я буду служить империи, пока

император меня не отставит!

- Императора больше нет, дурак! – крикнула на него Лунарда.

Оопсан сидел молча, сцепив пальцы замком. Воистину Конклав – это просто конгресс в миниатюре. Их тут всего семеро, а они все равно удручающе часто не могут договориться. Неудивительно, что для целой тысячи конгрессменов это становится почти невозможным.

Возможно, он ошибается, полагая благом для Парифата республику. Возможно, без единоначалия все-таки не обойтись. Возможно, именно так в свое время рассуждал Бриар Всемогущий – и именно поэтому взвалил на себя эту ношу.

- Голосуем, - произнес он негромко.

Споры сразу прекратились. Ильтокелли первым вскинул костлявую, увитую сизыми венами руку и затрясся в визгливом смехе.

Погодный советник иногда уже плоховато соображает. Не будь он одним из величайших волшебников, не перевешивай его колдовские навыки легкое умственное расстройство, Оопсан давно бы поставил вопрос о его отставке. Возможно, и поставит – сразу же после окончания кризиса. Когда все утрясется, и в его нынешних разработках отпадет нужда.

- Кто за немедленное усмирение Человекии и показательную казнь Мартобрация? – спросил Оопсан.

Ильтокелли задумчиво посмотрел на свою вздернутую руку, обдумал вопрос – и медленно опустил ее. Зато руки подняли Даскомедаль, Акк-Ва и Мородо.

- Кто за дипломатические методы решения проблемы?

Руки подняли Оксатти, Лунарда и, с задержкой, Ильтокелли. Три против трех, решение принимать Оопсану.

Помолчав несколько секунд, он сказал:

- Мартобраций – один из сильнейших волшебников на планете.

- Как и почти все наместники, - напомнил Даскомедаль. – Но мне он не ровня.

- Хорошо, что ты в этом уверен. Твое предложение принимается. У тебя час, чтобы собрать оперативную группу, портироваться в Человекию и взять Мартобрация под арест. Возглавишь лично.

- Естественно, - хмыкнул Даскомедаль, резко поднимаясь с места. – Могу я применить душепронзатель, если возникнет необходимость?

- Можешь, - чуть промедлив, ответил Оопсан. – Но живым будет лучше.

Даскомедаль ничего не ответил. Он поправил клинок на

поясе, прищурился, разыскивая нужные координаты, несколько секунд прицеливался, а потом исчез в яркой вспышке. Остальные члены Конклава уставились друг на друга.

- Если он не справится, все станет очень плохо, - сказала Лунарда.

- Возможно, если он справится, все станет еще хуже, - отстраненно произнес Оопсан. – Мэтр Оксатти, насколько близок к завершению ваш проект?

- Начать тестирование можно уже в этом году, - чуть промедлив, ответил астральный советник. – Я собирался выдать членам Конклава ключи спектральных плетельщиков, а потом начать набор проверяющих.

- Проверяющих?.. – не поняла Лунарда.

- У Спектральной Сети не было аналогов. Перед тем, как впустить в нее десять миллиардов разумных индивидов, я хочу годик-другой подержать ее в «закрытой комнате». Раскрою всего несколько узлов и линий и выдам пароли паре сотен пробных участников. Если они смогут нормально пользоваться проектом, если не вскроется никаких скрытых неудобств или проблем... будем двигаться дальше.

- Кто будет проверяющими?

- Примерно половина – мои же подмастерья. Они уже работали над Спектральной Сетью, примерно знают, что их ждет. Но вторую половину я хочу набрать из сторонних индивидов. И желательно самых разных. Чтобы были и немогущие, и малоодаренные, и очень одаренные... Весь диапазон возрастов, профессий, социальных статусов... Возможно, кто-то из ваших родственников захочет поучаствовать, какие-нибудь светские лица... деятели искусства, возможно... жрецы всяких конфессий...

- Ты еще святого Машибухера позови! – задрожал от смеха Ильтокелли. – Ну и чепухой же ты занимаешься, кхе-хе-хе!..

Оксатти чуть заметно сгорбился. Воодушевление с его лица спало. Он встретился с холодным взглядом Оопсана, посмотрел в насмешливые глаза Лунарды и черствые – Акк-Ва, посмотрел на безразлично пожирающего курицу Мородо – и вздохнул. В его проект здесь по-прежнему не верят.

Но по крайней мере не мешают – и на этом уже спасибо.

- Продолжайте работу, мэтр Оксатти, - велел Оопсан. – Теперь вы, мэтр Ильтокелли. Ваш проект?..

- Уже завершен, - осклабился погодный советник. – Превосходная штучка, хе-хе. Как раз собирался позвать вас всех на испытания. Сделаем таких несколько штук – и пусть Даскомедаль даже и не волнуется, кхе-хе, хе-хе-хе...

- Почему ты все время смеешься? – осведомилась Лунарда. –

У тебя на плече сидит невидимый для нас бушук и рассказывает неприличные анекдоты?

- Да! – расплылся в ухмылке Ильтокелли. – Про всех вас! Особенно про тебя!

- Отложим шутки, - потер виски Оопсан. – Подробнее про ваш проект, мэтр Ильтокелли. Насколько велики дальность и радиус поражения? На данный момент.

- Дальность, дальность... не очень пока, - честно признал Ильтокелли. – Но до соседней провинции добьет. Хотя подвижки есть – доработаю, будет бить и через океан, хе-хе. А радиус поражения... город накрыть можно. Не очень большой.

- Ох, - чуть слышно произнес Оксатти.

- И я подумываю о крупной версии, - засверкали глаза Ильтокелли. – Тоже чакровзрыватель, но... представьте себе его большим... очень, очень большим, ке-хе-хе!.. Таким большим, что сумеет облучать целые континенты!..

- Зачем?! – не выдержал Оксатти, вскакивая с кресла.

- Не знаю, - поковырял в ухе Ильтокелли. – Мне пришла идея, я ее осуществил. Хе-хе-хе.

- Мэтр Оксатти, сядьте, - попросил Оопсан.

- Я... я не согласен! – заявил Оксатти. – Мы не имеем права применять такое страшное оружие!

- Мы и не станем его применять, - сухо сказал Оопсан. – Мы создаем его не для применения, а для сдерживания. Если у нас в наличии будет средство гарантированного уничтожения, никто не осмелится начать военные действия. А если они все-таки начнутся – мы сможем прекратить их, просто пригрозив применить... как вы хотите назвать этот гигантский чакровзрыватель, мэтр Ильтокелли?

- Еще не придумал, хе-хе-хе!..

- Это будет настоящий апофеоз смертоубийства... – прошептал Оксатти. – Это уничтожит все, что создал Бриар...

- Это разделители пытаются уничтожить все, что создал Бриар, - отрезал Оопсан. – А мы пытаемся это спасти.

Глава 38

Искатели Криабала даже не пытались сопротивляться. Пока Жандармы влекли их к своему владыке, Фырдуз украдкой прочел Умиротворение Стражи Мертвых, но даже этого оказалось недостаточно. Вехот сказал правду.

В комментариях к заклинанию об этом, впрочем, тоже предупреждалось. Говорилось, что на Жандармов Умиротворение Стражи Мертвых действует только если они не видят в тебе преступника, а просто преследуют, как подозрительное лицо. Если же у них уже есть на тебя ориентировка – хоть весь Криабал прочти, не поможет.

В отличие от того же маридиака, у Жандармов нет ни желаний, ни страстей. Ими становятся духи невообразимой древности – проведшие в Шиассе десятки тысячелетий и истершиеся до полной бесформенности, но все же сберегшие какой-то стержень. Они не помнят своих имен, не помнят, кем были раньше, не испытывают чувств и даже мыслят исключительно о работе, которую выполняют. Жандарма невозможно подкупить, умаслить или напугать – взяв след, они с него уже не сходят.

Горе духу, преступившему законы Шиасса!

- Насколько они сложные? – спросил Мектиг, с подозрением разглядывая быстро сменяющиеся пейзажи. Они шли с вроде бы обычной скоростью, но вокруг все мелькало, будто пролистывали книжные страницы.

- Неустановленный класс, - ответила Джиданна. – Их ни разу не наблюдали вне Шиасса, так что для живых не опасны... наверное. Вот пока мы здесь... мы же сейчас почти что духи...

- Но мы же все-таки не духи, дочь моя? – с беспокойством осведомился Дрекозиус. – Меня не перестает волновать этот вопрос, должен признаться. Нас сейчас окружают безусловные призраки, но они кажутся нам твердыми и настоящими, и сам Шиасс тоже кажется твердым и настоящим, хотя он весь суть дымка, наваждение. Мы тоже призраки?..

- Нет, мы по-прежнему живые, - безразлично сказала Джиданна. – Просто в призрачный мир нельзя войти во плоти, поэтому мы немного... обесплотились. Но это временно, мы не умерли. Волшебники часто так делают – уходят в Тень или Астрал, временно становятся бесплотными. Просто не забывайте, что во время этого нельзя ничего есть... и вообще вводить внутрь

себя. Тогда процесс может стать необратимым.

Этим разговором искатели Криабала отвлекали себя от скверных мыслей. Даже Мектиг слегка осунулся, а на Фырдузе и вовсе лица не было. Один только Плацента хмыкал, фыркал, сплевывал и вообще выглядел так, словно ему море по колено.

Ассантея помалкивала. Жандармы схватили и ее тоже, причем к ней отнеслись особенно строго. Стоило ей чуть податься в сторону, сделать один не совсем стройный шаг – и ее окутывало серым туманом. Один Жандарм постоянно был рядом с ней, пока два других конвоировали остальных пятерых.

Никто не знал, как далеко от Хиарда до Танатополиса, столицы Шиасса. В мире духов расстояния измеряются и воспринимаются совсем иначе. Но если судить по тому, сколько воздаятов успело пронестись мимо – Жандармы протащили арестованных через половину царства мертвых.

Воздаяты. Искатели Криабала вволю навидались их в свое первое посещение Шиасса. Тогда те были пугающими... и ничуть с тех пор не изменились. Сложно привыкнуть к местам, где вечную вечность мучают тех, кто нагрешил при жизни. Тем более, что двух одинаковых воздаятов в Шиассе не найти – для каждой провинности свой, особенный.

- Нас отправят в один из них? – робко спросил Фырдуз. – Для такой провинности вообще есть воздаят?

Ему не ответили. Искатели Криабала и Ассантея сами хотели бы это знать, а Жандармы не издали ни звука с момента ареста.

В небо уже устремились бесконечные черные пики Танатополиса. Здесь Жандармы замедлили ход и стало возможно различать других духов и прочие мелкие детали. Но они по-прежнему не давали остановиться хоть на секунду, заговорить с кем-нибудь, даже просто рассмотреть что-то внимательней.

И так их тащили по черным улицам, пока не довели до огромного здания с двумя стражами-маридиаками. Суд Мертвых, самое страшное место в Шиассе. Здесь вскрывают всю биографию новых духов, отсюда их распределяют по воздаятам или, в редких случаях, выпускают на свободу.

Но как это происходит, пришельцы из мира живых не увидели. Их сразу провели на самую высь, в особый зал, где высший судия Шиасса вершил суд над теми, кто провинился не при жизни, а уже после смерти.

Если бы искателей Криабала раньше спросили, хотят ли они встретиться с кем-то из богов и если да, то с кем, все ответили бы по-разному. Мектигу, например, всегда хотелось посмотреть в глаза Энзирису, богу войны. Фырдуз лелеял мечту однажды увидеть Гушима, бога подземелий. Плацента перед сном иногда

размышлял о Лилейне, богине любви.

Но лично встретиться с Савромортом не хотел никто.

В полутемном пустом зале было холодней, чем на острове Хумугишиш. До этого все думали, что если ты бесплотный, то замерзнуть нельзя... оказалось, что еще как можно! Искатели Криабала невольно сгрудились потеснее, с робостью глядя на владыку Шиасса.

Он не шевелился. На гигантском каменном троне сидел облаченный в черный балахон старик. К плечам ниспадали седые волосы, а вместо лица был голый череп. И что-то подсказывало, что смотреть в эти пустые глазницы нельзя ни в коем случае, но взгляд все равно сам собой пытался их найти...

Здесь не было стражи. Не было прислужников. Зачем это все богу, кроме как для антуража? Если верить Ктаве, верить третьей главе Преданий Мертвых, в Сальване царит вечное празднество, и каждый бог или богиня там окружен пышной свитой.

Но бог смерти не придавал значения этой мишуре. Даже Жандармы были ему скорее инструментами, чем подручными. Духи-руки, духи-очи, они почти не имели собственного разумения, лишь верно исполняя волю Савроморта.

- Я знаю ваши имена, - разомкнул костяные челюсти Седой Мертвец. – Ассантея. Дрекозиус. Фырдуз. Мектиг. Плацента. Джиданна. Вы живые. Но вы нарушили заповеданное богами и природой и пересекли границу мира мертвых.

- Я не пересекала, - осторожно заметила Ассантея.

- Ты совершила проступок куда хуже, и о тебе сейчас речи нет. Остальные же... вы нарушили границу жизни и смерти, причем уже не в первый раз. Вы без разрешения проникли в тюрьму богов. И что самое худшее – вы освободили одну из узниц. Вам есть, чем оправдаться?

Даже Дрекозиус в этот раз не находил, что сказать. У него заплетался язык. Он страшился, что Савроморт заглянет ему в душу и увидит, насколько мало там богобоязненности. Насколько редко он сам делал то, к чему всю жизнь призывал других.

- Вам есть, чем оправдаться? – повторил Савроморт, чуть вскидывая два пальца.

Не голые костяшки. Если не считать содранной с лица кожи, владыка мертвых выглядел как обычный человек. Но на кончиках его пальцев загорелись синие искры – и все сердца как будто забились медленней.

- Д-да, есть... – все-таки набрался смелости Дрекозиус. – Мы... если будет мне позволено молвить, о Череполикий...

- Я уже позволил. Я задал прямой вопрос.

- Д-да, к-конечно, к-конечно... Так вот, у нас все-таки есть

одно оправдание... хотя не то чтобы оправдание, а просто объяснение... причина...

- Не мямли. Я бы удивился, если бы вы туда сунулись без причин.

- Да-да... Просто... дело в том... вы же не хотите, чтобы у вас тут в ближайшее время случилось небольшое перенаселение... ну так... понимаете...

- Грядет конец света, - пробасил Мектиг.

- Конец света? – повернул к нему череп Савроморт. – Я бы знал. Какое локальное бедствие вы опять называете концом света?

- Ну, понимаете... – промямлил Дрекозиус. – Антикатисто... вы о нем слышали, возможно?.. Чтобы уничтожить всех волшебников, он пытается найти Апофеоз... о нем вы ведь тоже слышали?..

- На Парифате немногим более миллиона волшебников, - равнодушно произнес Савроморт. – Это не перенаселение. Шиасс такого даже не заметит.

- А вот мы очень даже заметим! Нам будет их не хватать!

- Да, особенно мне... – пробормотала Джиданна. – Я еще слишком молода, чтобы умирать...

- Это решать мне, а не тебе, - обратил к ней пустые глазницы Савроморт. – Но я понял ваши мотивы. Они не смягчают вашей вины, но я учту ваши благие намерения. Однако это объясняет только ваше прибытие сюда и проникновение в Хиард. Это не объясняет освобождения узницы. Чем вы можете оправдать этот проступок?

- Она нас вынудила, - сказал Мектиг.

- Он врет, они сами согласились, - быстро заявила Ассантея.

- Ты сказала, что...

- Замолчите, - вскинул руку Савроморт. – Я бог мертвых. Я вижу, кто врет, а кто говорит правду.

- Но если бы она рассказала Хиротаросу и Дормадосу, что у нас есть, они бы вырвались... – заискивающе произнес Дрекозиус. – Убили бы нас и освободились... Возможно, освободили бы всех, кто заключен в Хиарде... Мы посчитали, что освобождение одной сравнительно безвинной демоницы – меньшее из зол, о Череполикий... К тому же мы рассчитывали, что в случае беды твоя верная стража сумеет позаботиться о ней... воротить ее обратно в Хиард...

- Я бог мертвых, - бесстрастно повторил Савроморт. – Не лги мне о своих истинных мотивах. После смерти тебя ожидает Яма Червей.

Дрекозиус в ужасе сглотнул. А Плацента довольно гыгыкнул и с удовольствием произнес:

- Да он постоянно звездит, тля. Всю дорогу страдаем от этого жирного глиномеса, ярыть.

- Извините!.. – вдруг стало обидно Дрекозиусу. – Я, конечно, не всегда выражаюсь в абсолютно буквальном смысле, но, кажется, я не давал повода заподозрить себя во лжи вам, мои верные друзья! Если я когда и искажал самую малость действительное положение вещей, то исключительно во благо! На пользу общему делу, во славу богов и на радость каждого из вас!

- Повода он не давал, тля, - фыркнул Плацента. – Ты кому втираешь-то, ямана дезобудала? Чтобы определить, врешь ли ты, достаточно посмотреть на твой рот. Если он раскрыт – ты врешь.

- Ты расстраиваешь меня, сын мой, - вздохнул Дрекозиус. – Ты положительно расстраиваешь меня. Моя душа плачет каждый раз, когда ты что-то говоришь.

- Это потому что ты не можешь слышать звуков правды, тля. Они тебе противны. Возможно, ты демон.

- Он не демон, - сказала Ассантея.

- Знаешь, Плацента, на твоем месте я бы не разбрасывалась такими обвинениями, - покачала головой Джиданна. – Кому-кому, но тебе точно не стоит.

- Замолчите, - повторил Савроморт. – Вы находитесь перед судом. Ведите себя соответствующе.

- А что со мной не так, теребунка толстозадая?! – окрысился Плацента. – Я-то живу по совести, тля!

- У тебя она есть? – изумилась Джиданна. – А почему ты ее нам никогда не показывал?

- Совесть – это то, что таится глубоко внутри, тупорылая шмара!

- Прекрати, - пробасил Мектиг, хватая полугоблина за горло.

Плацента. Мектиг ненавидел Плаценту.

- Дети мои, дети мои, успокойтесь же!.. – захлопотал вокруг них Дрекозиус. – В самом же деле, подумайте о месте, в котором находитесь! Как можно здесь вести себя так недопустимо?! Дети мои, выслушайте же меня!.. Мы же в божьем присутствии!.. Не лучше ли нам преклонить колени и помолиться всем вместе?!

- Зат... кх-х... ни-и-и!.. – прохрипел Плацента, показывая средний палец.

Мектиг слегка разжал ладонь – и полугоблин смачно харкнул ему в лицо. Дармаг выпучил глаза, швырнул Плаценту на пол и выхватил секиру. Джиданна закатила глаза. Фырдуз спрятался за Ассантею, которая заливалась смехом.

- Да, врежь ему как следует! – подначивала она. – Ты ж давно этого хочешь!

Плацента раскрыл рот и противно заверещал на весь зал. В

его ладонях появился двуручный кинжал – он выставил его перед животом и пристально следил за крутящим секиру Мектигом.

- Хватит! – повысил голос Савроморт, вставая на своем троне.

Все резко замолчали и застыли. Их словно обдало ледяным ветром. Мертвенным отрезвляющим хладом.

- Вы достучались до меня, - с отвращением произнес Савроморт. – Радуйтесь. Впервые за много лет я испытал раздражение. А по древнему закону Шиасса тот, кто заставил меня что-то почувствовать, получает свободу.

- Отлично, тля! – осклабился Плацента. – Кому за это спасибо?.. Мне! Я снова всех спас! Спас весь мир!

- Я не хочу жить в мире, который спас Плацента, - сумрачно произнесла Джиданна.

- Тогда можешь остаться в Шиассе, - великодушно предложил Плацента.

- Нет уж! – сверкнул глазницами Савроморт. – Проваливайте отсюда все, пока я не передумал!

- И я тоже? – уточнила Ассантея.

- И ты тоже. Но если вздумаешь снова заниматься, чем занималась, если хотя бы нос снова сунешь на Парифат или иные подвластные мне земли – законопачу тебя в Хиард навечно. Это я тебе обещаю.

Ассантея счастливо улыбнулась и сделала книксен. Савроморт же начал поднимать руку… но вдруг опустил ее.

- Чуть не забыл об одной детали, - произнес он. – То, как вы пролезли в Хиард. Этого не должно повториться.

Фырдуз невольно схватился за Рваный Криабал, а Дрекозиус принялся заверять, что этого не повторится никогда, они ни за что не посмеют сами и не позволят никому другому… но Савроморт их не слушал. Он обратил костяное лицо к Криабалу, к держащему его кобольду – и тот сам зашагал к трону. Поднявшись по каменным ступеням, Фырдуз протянул богу смерти книгу, раскрыв ее на странице Третьего Ключа.

- Сложно поверить, что смертный сумел создать такое, - сказал Савроморт. – Этого заклинания не должно существовать.

Он коснулся строчек пальцем… и слова стали меняться!.. Буквы забегали на бумаге, как муравьи, потом сорвались с нее, всплыли в воздух, померцали там… и рассыпались!.. Послышался как будто болезненный вскрик, а потом все стихло.

И в Криабале стало на одно заклинание меньше.

- А теперь убирайтесь, - сказал бог смерти, снова поднимая руку. – И не возвращайтесь, пока не пробьет ваш час.

Подул ледяной ветер – и всех шестерых вынесло из Суда Мертвых, вынесло из Танатополиса, с невозможной быстротой

протащило через весь Шиасс и плюхнуло рядом с вратами в мир живых. Там уже витали три Жандарма... возможно, те же самые, что арестовали их возле Хиарда.

Там же был и маридиак. При виде чужаков он весь подобрался, уставился четырьмя глазами и рявкнул:

- Всякому подошедшему – смерть!..

- Да мы знаем, - устало произнесла Джиданна.

Жандармы объясняли маридиаку, что этих шестерых нужно пропустить. Сторожевое чудовище умом не отличалось и упрямо мотало рогатыми бошками. В конце концов оно еще кое-как согласилось позволить пройти смертным, но насчет Ассантеи уперлось намертво.

- Ой, да мне и незачем проходить именно здесь, - всплеснула руками демоница. – У вас тут полно трещин в Кромке, я просто найду такую, которая ведет ко мне домой. Прямо в спальню.

- *это невозможно*, - сухо произнес Жандарм. – *инструкции Хозяина Шиасса однозначны*.

- Ну тогда пропустите меня!

- *пропусти ее*.

- Нет!.. – взлаял маридиак. – Она демон!.. Демон!.. Всякому демону – смерть!.. Смерть!..

Пока они так препирались, искатели Криабала бочком-бочком прокрались к арке из человеческих голов и почти что на цыпочках прошли через портал. С несказанным облегчением они вернулись обратно на Парифат.

Вернулись в мир живых.

А двумя часами ранее на другой стороне лежал вехот. В пределах целой вспашки вокруг не было ни единой жертвы, а потому он не превратился ни в какой транспорт. Оставался в облике двенадцатилапого улыбающегося зверя с дверью на боку. Положив морду на переднюю пару лап, он дремал в терпеливом ожидании... и не заметил, как ему в нос уперлось что-то острое и твердое.

- Здравствуй, вехот, - послышался мелодичный голос.

Демон открыл глаза – и вздрогнул. Перед ним стояла паргоронская демоница. Одна из ее рук вытянулась, стала чем-то вроде костяного копья – и тыкалась ему в нос. Другая, еще длиннее и острее, указывала на глаз.

- Как твои дела? – жизнерадостно спросила Лахджа. – Кстати, Хальтрекарок передает тебе привет.

- Мгм... – только и сумел выдавить демон-транспортник.

- Не бойся, вехот, - улыбнулась демоница, резко увеличивая свою нижнюю часть и придавливая вехота ногой. – Я не буду

передавать привет в обратку. Но ты мне расскажешь о своих спутниках. В подробностях.

Глава 39

Ох, каким же было облегчением вернуться в мир живых! Многие ли могут похвастаться тем, что спустились в Шиасс, а потом поднялись обратно к солнцу? Немногие. А тем, что проделали это дважды? Фырдуз сомневался, что на всем Парифате сыщутся еще такие храбрецы, помимо их команды.

- Вернувшись в мир живых, я снова ощутил себя... живым, - задумчиво произнес он.

- О боги, какой слог, - саркастично произнесла Джиданна. – Тебе стоит задуматься о карьере поэта.

- Не надо смеяться, - чуть обиделся Фырдуз. – Я сказал, как сумел, а ты...

Он замер на полуслове. Все замерли. Дрекозиус приложил персты к переносице, Мектиг взялся за секиру, а Плацента дернулся обратно в вратам Шиасса.

Потому что их встречал не только вехот. Кроме него напротив врат лежало еще одно чудовище – колоссальный черный дракон. Цветом он почти совпадал с местностью, и в первые пару секунд его как-то не заметили... но потом он поднял голову.

- Орказарок... – сглотнул Фырдуз, делая шаг назад.

Читать Побег он не стал. Дракон пока что лежал спокойно. Не бросался, огнем не пыхал. А одна из его страшных лапищ крепко удерживала вехота – и хотя тот, конечно, демон и нечистая сила, но он уже дважды спасал Фырдузу жизнь. Кобольд умел платить долги и ни за что бы не бросил того, кому стольким обязан.

И здесь было еще и какое-то третье существо. Женщина. Кажется, тоже демоница. Без рогов, зато с хвостом и крыльями. С серебристой кожей, платиновыми волосами и бесподобной фигурой. В ничего не скрывающем платье из черной паутины и нелепой треугольной шапке с символом, похожим на переплетенные буквы «А» и «С».

- Тля, это же тот шлюхомонстр!.. – осенило вдруг Плаценту. – Ярыть!..

Теперь и остальные вспомнили эту демоницу. О, конечно, видели они ее всего один раз и недолго, но подобные ей обычно врезаются в память. Дрекозиус торопливо осенил ее перстами и срывающимся голосом воскликнул:

- Изыди, гнусный демон, мерзкое порождение Паргорона!

- Э-э-э, что ты сразу начинаешь-то?! – возмутилась Лахджа. – Не моим выбором было родиться такой! Хотя подожди... моим!

Хе-хе-хе.

Она сделала шаг – и искатели Криабала схватились за оружие. Мектиг достал секиру, Плацента – двуручный кинжал, Джиданна перехватила поудобнее белку, а Фырдуз приготовился прочесть Убийство. Правда, он был почти уверен, что на демоне то не сработает, но средств против демонов в Рваном Криабале не было.

Лахджа, поглядев на изготовившихся к бою воров, устало вздохнула – и резко вытянулась кверху. Прекрасное тело покрылось чешуей и раздалось вширь. Ноги сошлись вместе, становясь хвостом – длинным-предлинным хвостом, да еще и с погремушкой. Обернувшись огромной змееподобной тварью, демоница со свистом пронеслась вокруг пятерых смертных. Окружила их кольцом тугой плоти... еще одним кольцом... еще одним... Склонив чешуйчатую голову, Лахджа прошепелявила сквозь клыки:

- Моффет, погофовим?..

- Насколько она сложная? – бросил Мектиг, примериваясь к змеиной шкуре.

- Да мне почем знать? – ответила Джиданна. – Я не знаю, кто она такая.

- Вы про волшебную классификацию чудовищ?.. – убрала мешающие говорить клыки Лахджа. – У меня шестнадцатый класс.

Мектиг попытался прикинуть, сколько раз он успеет рубануть эту бестию, пока не погибнет. По всему получалось, что не очень много, но он все-таки саданул топором на пробу. Рана получилась знатная, из нее брызнула черная змеиная кровь – но демоница даже не вздрогнула.

А уже через пару секунд разрез сомкнулся, зажил. Словно и не было ничего.

- А у этой милой ящерки за моей спиной – восемнадцатый, - добавила Лахджа.

- Это у тебя-то шестнадцатый?.. – прогремел Орказарок. – Пятнадцатый максимум.

- Нет, шестнадцатый! – гневно затрещала погремушкой на хвосте Лахджа. – Я тебя почти завалила, мне совсем немножко не хватило!

- Это в какой момент ты меня почти завалила? – фыркнул дракон.

Искатели Криабала слушали эту перебранку с недоумением. Им, в общем-то, было неважно, пятнадцатый у нее класс или шестнадцатый. Это в любом случае для них недосягаемо.

- Кажется, мы отклонились от темы, - спохватилась Лахджа и

снова нависла над ворами. – Я могу сожрать вас прямо сейчас, вы понимаете?!

- Понимаем, - кисло сказала Джиданна.

- Тогда отдавайтесь на мою милость!

- А много ли будет милости? – подобострастно спросил Дрекозиус.

Лахджа ненадолго задумалась, а потом кивнула:

- Много.

- Тогда отдаемся!

Лахджа довольно улыбнулась. Она любила, когда конфликты разрешались без драки. Распутав часть колец и немного уменьшившись, она все же оставила себе длинный змеиный хвост. Тот по-прежнему окружал воров, чтобы не вздумали метнуться к вратам Шиасса или еще куда-нибудь дать деру.

Но над хвостом теперь возвышалось вполне человеческое туловище – с руками и головой. Как у наги, только без чешуи и с волосами. Великолепная грудь стала теперь обнажена, и Плацента преданно на нее уставился.

- Давайте сразу определимся, - сказала Лахджа. – Мне от вас нужен только ларчик, который вы стянули. Или хотя бы содержимое, если вы его открыли. Отдайте – и я вас отпущу.

Искатели Криабала медленно переглянулись. Они ждали немного другого. Ждали, что Хальтрекарок послал это чудовище убить их, вернуть в свой лабиринт или хотя бы забрать оглавление Криабала. Мектиг опасался за свою секиру.

Но тот злосчастный ларчик?..

- А у нас его нет, - пожала плечами Джиданна.

Лахджа прищурилась. Из ее боков и живота выметнулись сотни нитевидных щупалец. Словно рыболовная сеть, они захлестнули людей, кобольда и полугоблина, пару секунд шарили по их телам, а потом втянулись обратно.

- Допустим, что я вам верю, - сказала демоница. – Тогда говорите, куда вы его дели. И не вздумайте врать, что вы его не брали – я сама вас видела.

- Это все тот рыжий кот! – сразу сдал котофея Плацента. – Это он нас заставил!

Лахджа потребовала подробностей – и подробности ей предоставили. Выслушав всю историю, она тяжко вздохнула.

- Я бы решила, что вы врете... если бы я была тупой, - медленно сказала Лахджа. – Но я сама видела вас в его компании. А сейчас, когда мне поручено разобраться с кражей, он шхерится от меня и явно не хочет побеседовать... М-да... Вопрос теперь в том, что мне со всем этим делать...

Она слегка увеличилась и превратила руки в длинные

костяные серпы. Один рывок, пара взмахов – и все пятеро будут изрублены на куски. А еще можно... она раздалась вширь, отрастила рот-кошель и громадное брюхо... да, можно схватить их и доставить Хальтрекароку, пусть сам разбирается.

Всех, кроме самого маленького, похожего на двуногую крысу. Этого надо отдать Орказароку, он у него книжку стащил. Книжка в наличии, кстати... но это успеется. Сначала надо решить насчет остальных.

- Что же мне с вами делать... – забормотала Лахджа. – Что делать... ой, еще гости?..

Она была уверена, что поймала всех, но из врат Шиасса вышла еще какая-то девушка. Явно тоже с этими пятерыми, потому что если она сама по себе, то здесь сегодня какое-то небывалое столпотворение.

А эта еще и показалась Лахдже знакомой. Она где-то уже видела этот тонкий подбородок и раскосые глаза, эти изящные рожки и вишневого цвета соски...

- Ассантея?! – изумилась демоница.

- Ага! – радостно ответила другая демоница.

Лахджа плавно перешла в свой обычный облик, подлетела к Ассантее и радостно ту обняла. Их губы слились в долгом, крепком поцелуе – и Плацента аж причмокнул от восторга.

- Привет, Ассантея! – повторила Лахджа, отпустив товарку по гарему.

- Привет... а ты кто, кстати? – спросила Ассантея.

- Я Лахджа! Хотя ты меня, наверное, не помнишь... когда ты еще жила у Хальтрекарока, я была жалкой смертной...

- А, ну тогда, конечно, не помню... а как тебя зовут? Ах да, Лахджа, ты сказала. Какой теплый прием. А как там Хальтрекарок? Он вспоминал обо мне?

- Да, вспоминал. Каждый раз, когда нужно было кого-то за чем-то послать.

- Узнаю своего мужа, - заулыбалась Ассантея. – Но теперь он меня так гонять не сможет, мне Савроморт запретил на Парифат соваться.

- Да и не расстраивайся, - стиснула ее ладони Лахджа. – Парифатом миры не исчерпываются. Хальтрекарок уж найдет, куда послать.

Она очень на это надеялась. Ее вообще ужасно обрадовало, что Ассантея вернулась. На нее всяко переложат хоть часть поручений, которые обычно спихивают на Лахджу.

- О, а вы что, все еще здесь? – перевела взгляд на искателей Криабала Ассантея. – Я думала, вы уже улетучились... куда вам там надо было. Меня этот блеваный маридиак целый час

мариновал.

- Всего несколько минут, - поправила Джиданна.

- Они показались мне часом.

- Ассантея, ты этих ворюг знаешь? – уточнила Лахджа.

- Она нам по гроб жизни должна, тля! – заорал Плацента.

- Правда, что ли? – удивилась Лахджа.

- Правда, что ли? – удивилась Ассантея. – Хотя немножко задолжала, ладно. Они меня все-таки из Хиарда освободили. Но я вам тоже помогла, так что квиты.

Лахджа попросила рассказать ей и эту историю. Услышав ее – задумалась. А искатели Криабала с надеждой ожидали ее решения.

- Хм... – стала расхаживать вперед и назад Лахджа. – Хм... хм... хм-хм-хм...

- Не тяни же так!.. – заломил руки Дрекозиус. – Коли будешь убивать – так убей сразу, не заставляй мучиться в тягостном ожидании!..

- А почему вы ее так боитесь? – не поняла Ассантея. – Меня вы так не боялись.

- Да просто у нее такие жуткие глаза... – поежился Фырдуз.

- И еще дракон, - добавила Джиданна.

- Кстати насчет дракона... – подал голос Орказарок, все еще держащий вехота.

- Да не, вы меня не бойтесь! – махнула рукой Лахджа, словно не замечая нарастающего нетерпения дракона. – Вы же мою любимую подруженцию освободили, я вам теперь зла не сделаю!

- Ты... ты нас не убьешь? – уточнил Дрекозиус.

- Нет. Зачем мне вас убивать?

- Ну... ты демон.

- По-твоему, если я демон, то убиваю каждого, с кем встречаюсь? Знаешь, это сильно бы осложнило мою жизнь. Я была бы в черном списке во всех приличных местах. И даже во многих неприличных.

Все немного расслабились. Всегда приятно услышать, что страшное чудовище не собирается тебя убивать.

- То есть нас... не тронут?.. – продолжал уточнять Дрекозиус. – Темный Балаганщик позволит нам жить несмотря на то, что мы его обокрали?..

- Если бы он был здесь, он бы вас сожрал, конечно, - заверила Лахджа. – Но я – не он. И, на ваше счастье, мой муж и повелитель не мстительный. Ему нужны не вы, а тот ларчик. Если у вас его нет – идите на все четыре стороны. Что хотела, я выяснила.

Все расслабились еще сильнее. То есть, конечно, жизнь не стала намного легче, Антикатисто по-прежнему никуда не делся,

но хотя бы этой новой беды можно больше не опасаться.

Плацента вообще расслабился до такой степени, что бочком подвинулся к Лахдже с Ассантеей, сально ухмыльнулся и спросил:

- Слышь, демоница, а можно вопрос?

- Ну можно, - с некоторым подозрением ответила Лахджа. – Чего тебе?

- Вот скажи, а правда ль, что вы, демоницы, страшно до грёбли, тля, охочи? От природы-то.

Лахджа аж подавилась от неожиданности. Окинув Плаценту изумленным взглядом, она медленно спросила:

- А ты... с какой целью интересуешься, полугоблин?..

- Да ты не серчаааааай! – прижал руки к сердцу Плацента. – Я вот что, значит, надумал – ты ж долго путешествовала, пока насто искала. Тяжелая дорога в глуши, встречи с чудищами и татями, лишения и спешка… и я вот подумал, тля... ярыть... тебя если сильно уж припирает, суть там твоя греховная вопиёт – мы люди-то уже не чужие… подружились уже...

Плацента просто смекнул, что похотливые демоницы сейчас свалят, и он их больше никогда не встретит. Другого такого шанса уже не выпадет. И он решил, что раз уж его не убили, то можно попытать удачу.

Так что сейчас он из кожи вон лез, подбирая каждое слово. Изо всех сил старался говорить вежливо и обольстительно. Как на его месте говорил бы жирный жрец.

Лахджа дослушала его тираду с каменным лицом. Ассантея с трудом удерживалась, чтобы не заржать, и пихала товарку локтем в бок.

- У меня такое чувство, что вы настаиваете на своей смерти, - задумчиво произнесла Лахджа. – Что с вами не так?

- Да, что с тобой не так? – с отвращением спросила Джиданна. – Ты только о постели и говоришь!

- Заткнись, тля! – огрызнулся Плацента. – Ты представляешь, сколько я уже никого не жарил?!

- Ну не знаю. Напомни, сколько тебе лет.

- А эти так и манят! – не слушал ее Плацента. – Заманивают! Они же суккубы, тля! Суккубы дают! Это все знают!

Теперь Ассантея в самом деле залилась хохотом. Держа Лахджу за плечо, она с трудом проговорила:

- Ну что, Лахджа, дашь ему?

- Я не суккуб. Это ты суккуб. Вот ты и давай полугоблину.

- Ну нет, у меня все-таки стандарты есть. К тому же я тоже не суккуб.

- Гхрррррм!!! – раздался громогласный рык. – А мне тут долго

еще ждать?!

Все сразу вспомнили, что на сцене присутствует еще и дракон. Искатели Криабала притихли, и даже Плацента угомонился. Лахджа спохватилась, что она-то желаемое получила, а вот Орказарок все еще ни с чем, и торопливо сказала:

- Спокойно, моя радость, сейчас все тебе будет. Что ты там хотел?..

- Вон того кобольда!!! – взревел Орказарок. – Отдайте его мне, или я просто спалю вас всех!!!

- Опять снова-здорово... – пробормотала Джиданна, размышляя, успеет ли она научиться заклинанию Несгораемости. Обычно его учат две-три луны, так что ей придется проходить экстерном.

- Спокойно, спокойно, сейчас все порешаем, - заверила Лахджа. – Кобольд!.. Кыц-кыц-кыц!.. На сыр!.. На-на-на!..

- Я так уже пробовал, он не идет!!! – рявкнул Орказарок.

Фырдузу почему-то стало ужасно обидно. Он же не крыса и даже не крысолюд. Кобольды не слишком-то и похожи на грызунов.

- Не отдавайте меня ему, пожалуйста! – зашептал он, с надеждой глядя на Лахджу. – Он меня сожрет, а Рваный Криабал опять куда-то запрячет – а нам без него никак!..

- Что такое Рваный Криабал? – полюбопытствовала Лахджа.

- Вещь, которая принадлежит мне! – прогремел Орказарок, подвигаясь ближе с зажатым в лапе вехотом.

- Да спокойно ты там лежи, а то этот смоется!.. – отмахнулась Лахджа. – Маленькая крыса, зачем тебе его вещь?

- Дочь моя, разве это сейчас имеет значение? – вмешался Дрекозиус. – Подумай о собственных делах. Конечно, красть – грех. Но сей кобольд уже исповедовался мне во грехе, я наложил на него епитимью, и теперь он чист перед богами и людьми. Ступай, дочь моя, ступай. Я помолюсь за тебя.

- Ты что несешь?.. – прищурилась Лахджа. – Не зли меня.

Она удлинила руку и схватила этот злосчастный Криабал. Дернула на себя – но тот как будто прилип к рукам кобольда. Демоница пожала плечами и подтянула к себе книгу вместе с кобольдом.

- Отпусти его, - пробасил Мектиг, берясь за секиру.

- Ну давайте не будем начинать сначала, - поморщилась Лахджа, листая Криабал. – Один порез я тебе простила, но больше так не делай, а то рассержусь... хм-м, это шпоры из волшебной книги, что ли?.. забавно, забавно... о, рецепт вафель!..

Пробежав рецепт глазами, она решила непременно его приготовить и тут же прикарманила. Остальную же книгу вернула

Фырдузу.

- Ты… не собираешься его отнимать? – удивилась Джиданна.

- Если только вместе с крысенком, - рассеянно ответила Лахджа. – А мне не нужна ни книга, ни… ладно, крысенок прикольный. Но мне не нужен.

О, разумеется, Лахджа поняла ценность Рваного Криабала. Но… к чему он ей? Она демон, а не волшебник. Она и так бессмертная, могущественная и великолепная. Она замужем за демолордом и может получить все, что пожелает. К чему ей вешать себе на шею явные проблемы, которые тянутся за этой книгой?

Пусть сами с ней… разбираются.

- Он зато нужен мне! – громко напомнил Орказарок. – Вы все!.. Верните мой Криабал, пока у меня не лопнуло терпение!..

Фырдуз в отчаянии посмотрел на хрипящего под драконьей лапой вехота. На друзей, которые были слишком далеко, чтобы ухитриться коснуться всех сразу. На рассказывающую Ассантее последние новости Лахджу.

Положение прискорбное. Сам-то он сбежать сумеет, но остальные… на остальных демоница и дракон точно отыграются.

Да и долго ли он пробегает в одиночку? Не Орказарок, так Антикатисто точно с ним расправятся.

А если все-таки отдать Рваный Криабал, то Орказарок отстанет, спору нет. Зато Бельзедор не простит. А он еще хуже, пожалуй.

Да что же это такое?! Куда ни подайся, везде кто-то хочет его убить!

И тогда в ноги Орказароку упал Дрекозиус. Не без труда жрец справился со своим внушительным чревом и преклонил колени. Смиренно опустив голову, он как можно громче произнес:

- О величайший из драконов, дозволь молвить!

- Говори, пампушка, - невольно облизнулся Орказарок. – Только побыстрее, а то я могу не сдержаться.

- Владыка драконов и людей, да будет известно тебе, что сей кобольд свершил грех кражи не ради обогащения и не для причинения тебе обиды! Он похитил Рваный Криабал, чтобы помочь с его помощью остановить величайшее зло из тех, что когда-либо знал наш мир!

- Бельзедора?.. – стало любопытно Орказароку.

- Еще большее! Еще худшее! Ты уже и сам встречался с ним, о мудрейший из древних ящеров! Дважды! Разве не согласишься ты с тем, что сие зло, чудовищный Антикатисто, воистину не должен пятнать лик этого мира?!

- Ты говоришь о том черном дыме, - догадался Орказарок. – Я

не совсем понял, кто или что это такое. Антикатисто?.. Кажется, я слышал это имя. Оно как-то связано с волшебниками, верно?.. Они призвали его... или создали?..

- Почти, о могущественный! Он намеревается собрать все Криабалы, дабы использовать их во зло – и ему остался только один, только Рваный! Заверяю тебя, что покуда он жив, то никогда и ни за что не прекратит попытки их воссоединить – и он всегда будет знать, где каждый из них искать! Если сейчас ты заберешь Криабал у несчастного Фырдуза, Антикатисто придет за ним! Придет за тобой! Нисколько не сомневаюсь, что дракон твоих размеров и силы способен одолеть даже эту тварь, с которой не сумели справиться лорд Бельзедор, вся Мистерия и даже демолорды Паргорона, но сия битва будет много сложнее убийства какого-то жалкого кобольда!..

Орказарок шумно сопел, не произнося ни слова. Он прекрасно помнил обе своих встречи с Антикатисто. В первый раз ему пришлось настолько тяжко, как не приходилось еще никогда в жизни. Во второй раз он и вовсе предпочел избежать столкновения.

А теперь ему говорят, что эта тварь будет охотиться за Рваным Криабалом, пока не заполучит?.. Что ж, тогда это действительно веский аргумент плюнуть на проклятую книгу...

- Одолжи нам ее, - неожиданно пробасил Мектиг.

- Что?.. – не понял Орказарок.

- Добрый Мектиг высказал разумную мысль! – тут же подхватил Дрекозиус. – О благородный дракон, чем нам продолжать эту бессмысленную, никому не полезную ссору, отчего бы тебе не разрешить нам пользоваться Рваным Криабалом заимообразно? Имея его, мы поможем добрым волшебникам прекратить существование злокозненного Антикатисто, а затем немедленно возвратим его тебе!

- Я согласен! – торопливо закивал Фырдуз.

- А что, нормальная идея, - согласилась Джиданна.

- Нет! – сдавленно прорычал Орказарок.

- Да ладно тебе, позволь им, - поморщилась Лахджа. – Это же ненадолго. Составь с ними договор какой-нибудь, если не доверяешь.

- А я могу его нотариально заверить! – оживилась Ассантея. – Я не только мастер суккубата, но и нотариус! Специалист по заключению сделок!

- Нет! – скрипнул зубами дракон. – Он мой!

- Ну ты же добрый, - укорила Лахджа. – Глубоко внутри ты добрый. Прислушайся к своему сердцу.

- К какому из?.. У драконов их три.

- К самому доброму!

- И к самому мудрому! – торопливо добавил Дрекозиус. – Великий и благородный дракон, вдумайся еще и в тот факт, что Антикатисто – высший элементаль Тьмы! Он сам по себе беда для всех нас, а уж если у него будет еще и полностью собранный Криабал... пострадают все, даже величайшие драконы! Страшно вообразить, что он сотворит тогда! Немыслимо даже представить все те ужасы, которые...

- Хорошо! – раздраженно перебил Орказарок. – Хорошо, я согласен, только замолчи! Но вы вернете Рваный Криабал, как только этот Антикатисто исчезнет – и я лично это проконтролирую! Я лично явлюсь забрать свою собственность! И если вы хоть на миг задумаетесь меня обмануть...

Он не сказал, что будет тогда, но выражение морды говорило само за себя. Все еще бешено пялясь на Фырдуза, дракон разжал хватку, и помятый вехот подошел к остальным. Его слегка пошатывало.

- Ну все, тогда я возвращаюсь в Паргорон, - сказала Лахджа. – Мы с Ассантеей. Повидаюсь там с одним зловредным кошаком. А ты куда полетишь, мой черный хлебушек?

- Не знаю еще пока, - ответил Орказарок, хмуря седые брови. – Подумаю. Но не слишком далеко от моего Криабала!

Грузно развернувшись, он затопал прочь. Взяв достаточный разгон – расправил крылья и оторвался от земли. Искатели Криабала, и особенно Фырдуз провожали его облегченными и немного недоверчивыми взглядами.

- Вот гад, - чуть обиженно сказала Лахджа. – Не захотел быть моим драконом. Ну и пес с ним, пожалеет еще.

- А тебе только драконы нужны? – спросил с надеждой Плацента.

- Полугоблины не нужны точно, - заверила его демоница.

- Ну и пес с тобой, пожалеешь еще.

- Всяко пожалеет, - согласилась Ассантея. – Лахджа, ну мы идем, или нет?..

- Сейчас, только сфоткаюсь еще с этими ребятами на память, - вытянула руку с аппаратиком Лахджа. – Ассантея, встань поближе!

- Без меня, - отмахнулась Ассантея. – Я пошла – и ты тоже собирайся, а то тут скоро енот наступит.

Она как-то странно повела плечами – и исчезла. Переместилась в Паргорон. А Лахджа посмотрела, куда ее товарка указала – и аж присвистнула. На горизонте пучилась огромная черная туча, и аура у нее была... жуткая. Очень-очень странная, непохожая ни на что из виденного Лахджой ранее, и при этом

такая зловещая, что даже демолорд уважительно отойдет в сторонку.

- Мне кажется, сейчас будет фекальный дождик, - произнесла Лахджа, выращивая из руки костяной зонтик с куполом-перепонкой. – Это не по ваши ли души?..

Искатели Криабала тоже уставились туда же – и оцепенели. Фырдуз взялся за Рваный Криабал, вехот торопливо распахнул дверь в боку – но все прекрасно видели, что в этот раз сбежать может и не получиться.

Антикатисто, похоже, полностью восстановил силы. Он раздулся до колоссальных размеров, закрыл уже добрую четверть неба и на глазах увеличивался.

Страшно представить, с какой скоростью он сюда мчался.

- Да, у вас проблемы, - хмыкнула Лахджа. – Ну ладно, я пошла.

- Стой, подожди!.. – взмолился Дрекозиус. – Благородный демон, ты же не можешь нас вот так бросить?!

- Почему не могу? Могу. Пара минут у вас еще есть – успеете что-нибудь придумать.

- Да что тут думать, драпать надо! – заверещал Плацента, уже залезший внутрь вехота. – Полетели, полетели, тля!..

- Не, не успеете, - прищурилась Лахджа.

- Не успею, - подтвердил вехот. – Он теперь летит быстрее, чем я смогу.

- Ну так что, сидеть и ждать, тля?! – взвыл Плацента. – Ублюдки кировы, давайте бросим кобольда и сбежим сами!

- Ладно, бросьте меня, - упавшим голосом сказал Фырдуз. – Глупо погибать всем, если можно...

- А ну-ка, дай сюда книжку, - схватила Криабал Лахджа, вырастая вдвое против обычного роста.

Фырдуза снова подтянуло следом. Демоница строго посмотрела на него и остальных, погрозила пальцем и сказала:

- Будете теперь по гроб жизни мне обязаны.

И все ахнули, потому что секундой спустя в руках Лахджи были уже два Фырдуза и два Рваных Криабала. Они были настолько идентичны, что не отличались даже ауры.

Лахджа кинула настоящего обратно и приказала:

- Быстро проваливайте.

Искатели Криабала не заставили себя ждать. Едва не затоптав друг друга, они исчезли в чреве вехота – и тот сразу поднялся в воздух. Побежал по нему, оставляя внизу демоницу с копиями Фырдуза и Рваного Криабала.

Лахджа глянула на занимающего уже половину неба Антикатисто и распахнула крылья. Поддельный кобольд в ее

руках заверещал, и Лахджа слегка его придушила. Жалеть это образование не приходилось – оно возникло через Ме Пятиминутной Копии и через пять... уже четыре минуты исчезнет в никуда.

Но на протяжении своей мимолетной жизни оно практически неотличимо от настоящего. Во всяком случае внешне. Лахджа подождала еще секунд десять, убедилась, что Антикатисто заметил этот лже-Криабал, и ринулась прочь, прихрамывая и громко причитая:

- Ах, какая незадача, теперь нас поймают и убьют, а волшебную книжку заберут!..

Из черной тучи выметнулись копья Тьмы. От одного Лахджа уклонилась, от другого тоже – но это было близко!.. Она едва не упала – но тут же вскочила и понеслась гораздо быстрее.

Антикатисто же, видя ее скорость, просто замерцал и... шарахнул черным излучением. Настоящей пеленой Тьмы.

Уклониться было невозможно. Она накрыла все разом. Редкие на этой пустоши растения мгновенно сгнили и рассыпались, почва истрескалась, и даже воздух стал прогорклым. Копия Фырдуза скорчилась, издохла и начала разлагаться.

Лахджу же только тряхнуло. Все-таки она демон. Демоны живут в Темных мирах, Тьма для них – как естественный фон радиации. В высокой концентрации губительна, но нечто вот такое... ну как рентген сделать.

Сравнительно безопасно.

- Спасибо за загар, мудила, - процедила Лахджа, взметая себя в воздух.

Больше не пытаясь выделываться, она подлетела к вратам Шиасса, со всей силы швырнула туда копии Фырдуза и Криабала – и резко спикировала.

Антикатисто промедлил всего долю секунды. С огромной скоростью он сократился в размерах, сжался до почти человеческой величины – и со свистом исчез в портале.

Лахджа метнулась следом. Подлетела к кристаллической арке, почти дотронулась до переливающейся завесы и применила Ме Закрытия Портала.

Пум!.. И врата Шиасса исчезли. Арка осталась – а портал закрылся.

А с ним закрылся и путь назад.

Конечно, это ненадолго. Через часок-другой врата откроются снова. Это слишком древняя и мощная магия, чтобы прекратить ее вот так запросто, полученным почти случайно Ме. Но на какое-то время Антикатисто теперь изолирован – даже если он умеет перемещаться между мирами самостоятельно.

Ну а дальнейшее уже зависит от этой группы авантюристов. Лахджа помогла им всем, чем могла.

- Интересно, а на пользу это Паргорону или во вред?.. – пробормотала себе под нос демоница. – Может, стоило позволить этой штуке завладеть книгой?.. Спрошу-ка Совнара.

Она напряглась, обратилась к демонической силе и пошла сквозь глубинные измерения. Двинулась обратно в Паргорон.

Глава 40

Имрата стиснула рукоять меча. Тот еще не совсем остыл. Только сегодня утром покинул наковальню Макроденита.

Кузнец Титанов постарался на славу. Имрата попросила клинок, способный рассечь что угодно и сразить кого угодно. И хотя времени это заняло порядочно, Макроденит сотворил оружие, достойное богов.

Теперь юная титанида снова стояла у моста через огненную пропасть, смотрела на Цитадель Зла и думала о подвиге, который собирается совершить. Прикончить эту гнусную мерзкую тварь, от которой страдает весь мир.

Только с именем твари она еще не определилась. Будет ли это Бельзедор или Антикатисто?.. С кого начать?

- Извините, вы не могли бы отойти в сторонку? – дернули ее за край туники. – Мы проехать не можем.

Имрата обернулась и увидела двух толстых гномов, которые катили фургон с лавашами. Титанида на миг задумалась, а потом сообразила, что это ее шанс проникнуть в Цитадель Зла незаметно. Дождавшись, пока гномы проехали мимо, она схватилась за край, подбросила себя кверху... и из-под лавашей сверкнули чьи-то глаза.

- Пошла вон, тут уже занято!.. – прошипели ей. – Найди себе свой фургон с лавашами!

Гномы-прихвостни старательно делали вид, что ничего не слышат. Имрата проводила фургон растерянным взглядом. Она не поняла, что это было.

- О, Имрата, мир тебе! – раздался сверху приветливый, но ужасно противный голос. – Гля, Фырдуз, это Имрата! До тебя она была нашим другом с Криабалом!

Титанида подняла голову и встретилась взглядом с довольным гоблином... а, нет, полугоблином. Многоногий демон стоял на воздухе, как на каменной плите, а из дверцы в его боку свешивался Плацента.

- Опять вы, - с отвращением произнесла Имрата.

- Ага, мы! – ухмыльнулся Плацента. – И мы отправили Антикатисто в Шиасс!

Имрата изумленно распахнула глаза... но тут же вспомнила, что люди лгут всегда, а гоблины – еще чаще. Конечно, эти жалкие создания не могли в самом деле убить Антикатисто. Его не сумел одолеть даже Бельзедор, а Бельзедор... Имрата снова задумалась о

том, кто же он такой. Ответ напрашивался сам, казался до боли очевидным – но она отказывалась в это верить. Гнала прочь неприглядную правду.

- Я вернулась, чтобы помочь вам, - наконец произнесла она. – Я чувствую, что это мой долг. Возможно, жребий.

- Ну тогда пошли быстрее, а то мы не знаем, как скоро Антикатисто выберется из Шиасса, - сказала Джиданна, толкая Мектига в бок.

Тот подал Имрате руку, и она пару секунд промедлила, но потом все же забралась внутрь вехота. Убедившись, что ее отец жив, а вражда между титанами и смертными закончилась давным-давно, Имрата стала менее настороженной.

Хотя быть внутри демона ей по-прежнему не очень нравилось.

Впрочем, длилось это недолго. Вехот мгновенно пролетел над огненной пропастью и приземлился во дворе Цитадели Зла, между донжоном и высоченным черным шпилем. Там стояли и бродили другие летающие звери и разные волшебные кареты. Краем глаза Имрата отметила въезжающий в ворота фургон с лавашами – кажется, из него кто-то выскользнул и юркнул в стойло грифонов.

- Говорите, Антикатисто сейчас в Шиассе? – спросила титанида, шагая за искателями Криабала.

- Ага, - кивнула Джиданна. – Но это не наша заслуга. Нам повезло встретиться с одним демоном.

- Воистину это было ужасное, богопротивное создание Паргорона!.. – покачал головой Дрекозиус. – Но... я помолюсь за ее грешную душу, ибо нам она помогла бескорыстно, и боги за то непременно над ней смилостивятся.

- Да ладно, мы все понимаем, что она просто на меня запала, - ухмыльнулся Плацента. – Так что мне говорите спасибо, что я ее охмурил.

- Спасибо, очаровательный ты наш, - саркастично сказала Джиданна.

- Но-но, Джи-Джи, ты не в моем вкусе, - покачал пальцем полугоблин. – Даже не старайся, тля.

Имрата смотрела на них с недоумением. Она больше не испытывала неприязни к этим существам, но по-прежнему плохо их понимала. Они слишком странно изъясняются, и сложно бывает разобраться, когда они говорят искренне, когда врут, а когда шутят. Что из их слов – оскорбления, а что – беззлобное подтрунивание.

К тому же их стало больше. Добавился еще какой-то крохотный серокожий человечек. Совсем лысый, зато целиком покрытый редкой шерсткой. Руки почти до земли, нос и уши тоже

непомерно длинные.

Имрата таких раньше не встречала.

И у него тоже был Криабал. Только не Белый, а какой-то другой, странный. Вместо обычного твердого переплета просто лист пергамента – сильно потрепанный и даже слегка обгоревший. Имрата и не поняла бы, что это Криабал, если бы это не было на нем написано.

- Я Фырдуз, - робко сказало существо, заметив ее взгляд. – Мир тебе.

- Я Имрата, - чуть промедлив, ответила титанида. – Ты же не гоблин?..

- Я кобольд, - чуть обиженно сказал Фырдуз.

- Прости. Я никогда не встречала кобольдов. И не слышала о них.

- Я знаю, они мне рассказывали, что ты была заморожена. Ты... ты правда жила еще при Парифатской империи?

- Это Парифатская империя жила при мне, - сухо сказала Имрата.

Фырдуз поежился. Какая глубокая старина, подумать только. Время сказок и легенд. Он в детстве слышал от бабушки, что древние-предревние кобольды пришли на Парифат именно во время Парифатской империи, но поздно, когда та уже клонилась к закату. Пришли из какой-то мифической волшебной страны, в которой неба и солнца нет вообще, и Верхних нет, потому что нет ни Верха, ни Низа, а весь мир – это бесконечные подземелья.

Конечно, это просто сказки... думал Фырдуз раньше. Но теперь, когда он побывал в мире мертвых, когда своими глазами повидал Хиард, бога смерти и Властелина Идимов, он уже не был так уверен. Чудеса в темноте бывают такие, что и представить сложно простому кобольду.

А эта высокая Верхняя – живая титанида. Про титанов Фырдуз тоже слышал от бабушки, но та просто рассказывала, что они очень большие, и он представлял их этакими огромными кобольдами. А они, оказывается, похожи на людей – с их коротенькими руками, крошечными носами и ушами, да длинными волосами только на голове.

- Ты тоже служишь лорду Бельзедору? – без задней мысли спросил Фырдуз.

- Нет! – резко ответила Имрата. – Я его враг!.. то есть это он мой враг!..

- Приятно это слышать, - раздался сзади зловещий голос.

Имрата резко развернулась – и встретила спокойный взгляд Бельзедора. Темный Властелин с интересом глянул на ее новый меч, коротко кивнул искателям Криабала и занял свое место на

троне.

- Я рад, что вы почтили меня своим присутствием, - провозгласил он. – Но мне уже известно, что вернулись вы ни с чем.

- Даже более, чем ни с чем, - виновато развел руками Дрекозиус. – С горечью и печалью сообщаю вашему темнейшеству, что Владыка Шиасса стер из Рваного Криабала одно из заклинаний...

- Что?.. – изумилась Имрата.

- Так это все-таки возможно? – удивился и Бельзедор. – Что ж, выходит, даже у Криабала есть свои пределы. Какое именно заклинание он убил... стер?

- Третий Ключ. То самое, что было способно открыть Хиард...

- А, вот как. Господин управляющий, вычеркните план номер сорок восемь из моих заготовок конца света.

- Уже, Властелин! – взмахнул пергаментным свитком управляющий Цитаделью Зла.

Кроме него и прочих вышеперечисленных лиц в тронном зале присутствовали лишь Танзен, Массено и лорд Мерзопак Восемьдесят Восьмой. Этот первым делом подошел к искателям Криабала и расспросил, как поживают в Шиассе его почтенные предки.

- Итак, вы все снова здесь, - заключил Бельзедор. – И путешествие в Хиард окончилось ничем. Вы не узнали, как остановить Антикатисто, и не узнали, где искать Апофеоз.

- Не убивай нас, тля!.. – дернулся убежать Плацента.

Мектиг еле успел схватить его за шиворот. Бельзедор глянул на эту сцену с легким удивлением и усмехнулся.

- К вашему счастью, другие добились успеха там, где вы потерпели неудачу, - произнес он. – Мэтр Танзен, брат Массено?..

Агент Кустодиана пожал плечами. Солнечный монах приложил персты к переносице и с сомнением сказал:

- Мы все еще не уверены, можно ли доверять этому источнику. Тот человек... если это вообще был человек, а не иной индивид, находился в темноте, за ширмой, да еще и закутался в покрывало. Кажется, он был осведомлен об особенностях Солнечного Зрения, и знал, что ни темнота, ни ширма для меня не преграда. Но, увы, увидеть его под покрывалом не удалось даже мне...

- А из-за ширмы я не различил его ауры, - добавил Танзен. – Так что мы понятия не имеем ни о его виде, ни о возрасте. Разве что с полом, кажется, понятно – голос был мужской.

- Даже насчет этого я бы не был уверен на сто процентов, - заметил Массено. – Он звучал искаженно и... странно. Словно

говорили с поврежденной челюстью. К тому же у некоторых народов мужчины и женщины говорят почти одинаково. Например, у цвергов. А судя по росту и телосложению, это вполне мог быть и цверг...

- Ладно, не так уж это и важно, - отмахнулся Танзен. – Самое главное, что это точно не был Антикатисто. Если это и ловушка, то очень уж заковыристая.

- Да, ему незачем заманивать нас куда-то, чтобы заполучить Рваный Криабал, - согласился Массено. – У Антикатисто достаточно могущества, чтобы просто прийти и забрать его. Он уже трижды почти его заполучил, и все срывалось лишь в последний момент благодаря почти исключительно удачливости...

- Какой еще, на кир, удачливости?! – возмутился Плацента. – Да мы ради вас жилы рвали, тля!

- Пусть так, - не стал спорить Массено. – Главное то, что в четвертый раз Антикатисто точно не упустит добычи. Судя по вашему описанию, он вернулся в полное здравие и теперь бороться с ним невозможно, а убежать не выйдет даже путем телепортации. И времени у нас очень мало. Скорее всего, счет идет даже не на дни, а на часы.

- Незаметно он сюда не подберется, - молвил Бельзедор. – Теперь, когда мы знаем, чего ожидать, меня предупредят заблаговременно. Но времени очень мало, это так, поэтому не тратьте его попусту. Что вам сказал этот безымянный доброхот? Где Апофеоз?

- На острове Вечной Ночи, - тихо ответил Массено.

Все замолчали. Остров Вечной Ночи, ну конечно. Где же еще.

Он ведь совсем близко. В самом центре Крюкова моря, через пролив от Империи Зла, всего-то в трех днях пути от Бриарогена. Рядом с ним пролегают оживленные торговые пути, часто ходят корабли.

И однако на сам остров никто не высаживается. Разве что совсем отпетые – и только на берег, набрать воды.

Идти вглубь острова – верная погибель.

- Мы все там умрем! – возопил Плацента.

- Опасности острова Вечной Ночи преувеличены, - спокойно сказал Бельзедор. – Я много раз бывал там – и жив, как видите.

Все мрачно на него уставились. Он-то, конечно, жив. Он храков Темный Властелин.

- Но это большой остров, - добавил Бельзедор. – Двести тысяч пашен. И там не живет никто, кроме нечисти, злых духов и ночных кошмаров. Поэтому я не стану никого из вас принуждать. Вы мне больше не нужны... да и не были нужны, в общем-то.

Джиданна неопределенно пожала плечами. Честно говоря, после Шиасса, Паргорона и Хиарда остров Вечной Ночи не казался таким уж пугающим.

С другой стороны, свою удачу она почти наверняка уже исчерпала до капли.

- Я пойду, - решительно произнесла Имрата.

- Прекрасно, один доброволец у нас уже есть, - кивнул Бельзедор. – Возможно, стоит передать тебе Рваный Криабал, чтобы ты...

- Нет! – обхватил книгу обеими руками Фырдуз. – Я тоже пойду!

- Маленький кобольд, ты и в самом деле становишься Призраком Криабала, раз так не желаешь с ним расстаться, - покачал головой Бельзедор. – Сочувствую тебе. Но если ты тоже вызываешься добровольцем – я не стану тебе отказывать.

Фырдуз отчаянно закивал. Он страстно хотел избавиться от заклинания Уз, избавиться от Рваного Криабала – но без остатка комментариев делать это нельзя, иначе... иначе... честно говоря, Фырдуз не был уверен, что с ним станет, но спрашивать лорда Бельзедора не решался.

Слишком боялся услышать ответ.

- Я тоже пойду, - пробасил Мектиг.

- Мое расследование все еще не завершено, - добавил Танзен. – Я должен разыскать Апофеоз.

- А я – изгнать из этого мира Антикатисто, - сказал Массено.

- Как приятно видеть такой энтузиазм, - чуть усмехнулся Бельзедор. – Мэтресс Джиданна, если вы остаетесь, то верните ларец Миллиона Мошек – он пригодится моим посланцам.

- Да нет, я тоже пойду, - неохотно сказала волшебница, незаметно для себя придвигаясь к Мектигу. – Можно мне потом оставить ларец себе?

- Конечно. Считайте это моей благодарностью за ваш неоценимый вклад в общее дело.

- Все такие: а я, а я!.. – скривился Плацента. – Спелись!.. Как будто вы сраные герои!.. Как будто вы лучше меня!..

- Это не слишком сложно, - заметила Джиданна. – Быть лучше тебя.

- Чо сказала?! – завизжал полугоблин. – Чо сказала, шмара прыщавая?!

- Я не прыщавая. Это ты прыщавый.

- Да!.. И что?! Ты лучше меня, что ли, из-за этого?! Я полугоблин, тля!..

- Превосходный эпичный момент напрочь испорчен полугоблином, - вздохнул Бельзедор. – Господин управляющий,

скормите его собакам.

- Не надо, я тоже пойду! – стиснул кулаки Плацента. – Пойду и продемонстрирую, что без этого полугоблина вы никто и ничто!.. В очередной раз!

- Как благородно, сын мой, - утер сухое веко Дрекозиус. – Я невероятно горжусь всеми вами.

- Отче, вы что, плачете? – спросила Джиданна.

- Не, он жироточит, - хмыкнул Плацента. – Потому что мы все пойдем в смертельно опасную кирню, а он не пойдет. Он тут последний остался. Ссыкло. Наверняка ждал, чтобы кто-нибудь отказался, чтобы тоже вместе с ним отказаться. А вот нет!.. Я, может, именно из-за него и согласился – чтобы он остался последним и выглядел как полное дерьмо, тля!.. Вы вот гляньте на его рожу – он же как этот на сковородке... как его... а!.. Как жир!..

- С... с... сын мой, - с трудом выдавил из себя Дрекозиус. – Воистину напраслину ты возводишь на меня, с... сын мой. Я, кажется, не давал повода...

- Отлично, никто не отказывается, - хлопнул в ладоши Бельзедор. – А я-то уж думал, что придется заменять дезертиров кем попало. Итак, мои бесстрашные прихвостни...

- Мы не твои прихвостни! – гневно воскликнула Имрата. – Как только Антикатисто сгинет, ты станешь следующим!

- Прекрасный настрой, - одобрительно кивнул Бельзедор. – Продолжай в том же духе. Теперь я скажу, что вы должны будете сделать. Вы отправитесь на остров Вечной Ночи, возьмете с собой Рваный Криабал и разыщете Апофеоз.

- В Рваном Криабале нет заклинания, чтобы уничтожить Апофеоз, - робко сказал Фырдуз. – Я... я его три раза прочитал.

- Этого не нужно. Если Апофеоз не отличается принципиально от малых чакровзрывателей, то это просто большой кусок камня с металлической сердцевиной. Сил у вас должно хватить. Что же до Антикатисто... с ним вам пока что встречаться нельзя. Пока не разрушите Апофеоз, держитесь от него подальше.

- Легче сказать, чем сделать, - проворчал Танзен. – Сейчас нам орден Солнца уже не поможет...

- Увы, - вздохнул Массено. – Святая мать Исатэлла мертва, а без архимандрита Солнечную Дорогу не раскрыть...

- На Острове Вечной Ночи вы ее в любом случае не раскроете, - сказал Бельзедор. – Мраком его окутывают настолько древние и мощные чары, что не поможет никакой солнечный камень. И открыть туда портал тоже нельзя – так что полетите своим ходом.

Массено снова вздохнул. Даже если бы возможно было снова

собрать всех солнцеглядов в едином месте, сейчас это уже не поможет. Треть братьев и сестер во Соларе мертвы, зато Антикатисто не только не стал слабее, но и многократно усилился, собрав семь из восьми Криабалов.

Теперь атаковать его в лоб – просто быстрый способ умереть.

Но сам Массено отступать не собирался. В одиночку он сможет сделать немногое, но все, что сможет – сделает.

- А сразу после того, как разрушите Апофеоз – выполните второе задание, - продолжил Бельзедор. – Оно будет еще проще. Вам потребуется только Рваный Криабал и... да, пожалуй, я отправлю с вами кое-кого...

- Мы все сдохнем, - простонал Плацента. – Все. И особенно я.

- В таком случае нет смысла тратить на вас еду, - сказал Бельзедор. – Полетите натощак.

Теперь застонал Дрекозиус.

Когда пять человек, полугоблин, кобольд и титанида погрузились на вехота, внутри стало довольно тесно. А когда туда влез и лорд Мерзопак – еще теснее.

- Я все-таки не понимаю, зачем он нам, – тихо сказала Джиданна.

- Старый конь борозды не испортит, милочка, - услышал ее Мерзопак.

- Но и не вспашет хорошо.

- Ну-ну, - улыбнулся приспешник Бельзедора, как бы невзначай прижимаясь к волшебнице. – Надо же, как тут тесно. Ничего-ничего, я тут в уголочке, вы меня даже не заметите. Зато уж когда мы будем на острове Вечной Ночи, дедушка Мерзопак вам ох как пригодится!.. Я его знаю, как свои пять пальцев... на левой ноге. Не на руке. Не настолько хорошо. Но все-таки знаю – уж точно лучше, чем вы все... и даже лучше, чем Властелин, наверное. Замечательный у нас Властелин, правда же?

Ответом было неловкое молчание. Лорд Мерзопак продрался к окошку, попутно вонзив кому-то в ногу булавку, уселся на самом удобном месте, расставив ноги как можно шире, опер подбородок на трость и счастливо вздохнул.

Он тут единственный был в хорошем настроении – остальные сидели мрачно, осунувшись. Инструкции, что дал им Темный Властелин, были однозначны. Дело предстояло опасней некуда, а шансы на успех – не так уж и велики.

- Как вы думаете, Властелин, у них получится? – спросил управляющий Цитаделью Зла, глядя вслед вехоту.

- Не все вернутся живыми, - произнес Бельзедор, стоя на балконе с котом в руках. – Скорее всего, большинство этих героев погибнет. Возможно, все до единого. Но это жертва, которую я

готов принести.

Глава 41

Над Империей Зла всегда пасмурно. Тучи почти не покидают небосвода, увидеть солнце можно лишь изредка, по какой-то случайности или если кто-то из волшебников вдруг бросит Бельзедору вызов.

Но там все-таки нет круглосуточной ночи. Дни сумрачны и прохладны, но не темны и не холодны. Свет с трудом, но пробивается сквозь облачный покров.

Не то – остров Вечной Ночи. Проклятая пустошь, погруженная в мрак. Ее видно издалека – угрюмый остров средь свинцовых вод, накрытый словно черной шапкой. Вокруг острова постоянно бушуют шторма, но отплыви всего на вспашку-другую – и пенится прозрачная вода, и кувыркаются в волнах дельфины. Остров Вечной Ночи лежит в сердце вечного циклона и аж клокочет черной магией.

Неудивительно, что где-то в его недрах таится самое страшное оружие древних волшебников.

То, что прежде его никто не находил, тоже неудивительно. Это большой остров. Гораздо меньше Мистерии, Астучии или Алмазного Бастиона, не имеющий ни одного города или хотя бы деревеньки, но все равно пешком его не пересечь и за два дня.

Даже если точно знаешь, что тебе нужно, розыски вслепую могут продлиться несколько лун – а это одно из опаснейших мест Парифата. Из тех, кто охотился за сокровищами острова Вечной Ночи, домой вернулись немногие, да и те почти все – с пустыми руками.

Дождь хлестал, как одержимый. Искатели Криабала промокли почти мгновенно. Имрата шагала, вовсе не замечая непогоды, а Мерзопак поднял трость, и на ее конце распахнулся искрящийся зонт.

Остальные же кутались в плащи, которые наколдовал Фырдуз. В Рваном Криабале не было заклинаний против непогоды, зато было – чтобы сотворить одежду.

Джиданна сразу открыла ларец Миллиона Мошек. Дождь прибивал их к земле, но будучи все же не простыми мошками, а чародейными, они каждый раз вспархивали. Волшебница вошла с ними в унисон и велела разлететься как можно шире. На весь остров не хватит даже миллиона, но постепенно перемещаясь, они за несколько часов сумеют его осмотреть.

Остается надеяться, что Апофеоз не замаскирован и... и

вообще опознаваем. Джиданна видела инкарны малых чакровзрывателей, но то малых. Большой может выглядеть совсем иначе. Его инкарны или хотя бы рисунка не существует в природе, а видеть его из ныне живущих если кто и видел, то разве что Антикатисто.

Танзен шагал в форме №93. Огромного сероликого драуга. Оригинал при жизни был опасным магиозом, массовым убийцей, и после смерти какое-то время продолжал в том же духе. Но потом его схватили, угомонили и поместили в отдел нежити матричного зоопарка Клеверного Ансамбля. Он там весьма популярен – по меньшей мере сотня метаморфов держит его в копилке образов.

На острове Вечной Ночи форма №93 – одна из самых полезных. В ней не холодно, ноги не устают, а нежить не трогает, принимая за своего. Танзен не стал ходячим мертвецом по-настоящему, но частичные его свойства приобрел.

Кое в чем даже излишне, пожалуй. Думается труднее, мысли в голове какие-то вязкие, тягучие. И спутники вызывают смешанные чувства, кажутся противоестественно аппетитными. Особенно упитанный жрец и пухленькая волшебница.

Но пока Танзен помнит, что на самом деле он не драуг, кровожадность можно сдерживать. Главное – не слишком погружаться в принятую форму, соблюдать баланс между рефлексами временного тела и памятью настоящей личности.

Рефлексы дернули Танзена в сторону. Ноздрей коснулся запах тлена и разложения, смешанный с колдовской скверной. Невкусный запах, но не отталкивающий. Так для нежити пахнет другая нежить… упырь!..

И довольно свежий. Он выпрыгнул из-за дерева – черного, корявого дерева, как будто расставившего лапы-ветви. На почти не поврежденном еще лице сверкнули удлинившиеся клыки – тварь прыгнула к Дрекозиусу… и была перехвачена когтистой лапищей. Танзену почти пришлось заставить себя это сделать – мертвые мозги драуга бубнили, что в этом нет смысла, упыри несъедобны, лучше схватить его добычу…

Но воля Танзена была сильнее. Он с силой отшвырнул упыря – и того накрыло вспышкой. Массено сорвал повязку, полыхнув светом из пустых глазниц. Не успев коснуться земли, подлетевший мертвяк рассыпался пеплом.

Однако за этим поперли другие. Похоже, где-то там у них было гнездо – и они вылезли на запах живых. Не все такие же свежие и шустрые, как самый первый, по большей части уже старые, полусгнившие и едва ползающие – но их оказалось два с лишним десятка. Глаза горели алым, а зубы часто клацали.

Имрата взмахнула было мечом... но ее вмешательство не понадобилось. Массено просто водил головой – и очищающий свет обращал упырей в пепел. Ни один не подошел и близко.

Непонятно, откуда они вообще взялись здесь в таком количестве. Нежить не появляется из воздуха. Чтобы где-то завелись живые трупы, там сначала должны быть мертвые трупы. А остров Вечной Ночи необитаем – и никто не знает, был ли он вообще когда-то обитаем. Иногда на его берега выбрасывает разбитые бурей корабли или высаживаются охотники за удачей, но даже если бы все они здесь погибали и все потом восставали из мертвых, это все равно была бы капля в море.

Но разгадывать эту загадку нет времени. Да и заинтересовала она по-настоящему только Танзена. Агент Кустодиана взял на заметку по возвращении навести справки, узнать об острове Вечной Ночи побольше.

Вот Массено и дела не было до того, откуда эта нежить взялась. Солнечный монах шествовал, зажав повязку в ладони – и мертвецы сгорали, как мотыльки в костре. Фырдуз, Плацента и Дрекозиус старались не отстать от него ни на шаг, и только Мектиг да Имрата не боялись идти отдельно.

Что же до вехота, то он словно всегда тут и был. Лениво катился, превратившись в карету – черную, жуткую карету, запряженную двумя слепыми лошадьми. Те иногда забывали переступать ногами и просто парили над дорогой.

А еще, конечно, лорд Мерзопак. Этот почти сразу сошел с тропы, протоптанной неизвестно кем и неизвестно когда. Сначала скрылся в чаще, потом там что-то сверкнуло, и он выбежал, преследуемый клубящимся духом и тремя шишковатыми уродами... но тут же бросился обратно, подскочил на своей трости, как кузнечик, и пробил одному уроду голову.

Крохотный лысый старичок двигался с непостижимой скоростью. Он стремительно исчезал, уходил в Тень, тут же снова появлялся – и разил, разил своей тростью. За ним никто не успевал, и очень скоро все просто перестали обращать на него внимание. Главное, что он тоже расчищал путь, убирал с дороги какую-то часть нечисти.

А нечисти стало уже столько, что не сосчитать. Она появлялась словно из ниоткуда, перла волнами и все сильнее множилась. Пока что никто не мог устоять перед взглядом Массено, но он уже не успевал вертеть головой. На левом фланге рубил секирой Мектиг, на правом махала мечом Имрата. Клинок Кузнеца Титанов выпускал вспышку за вспышкой, рассекал тварей десятками, но те не убывали.

- Они возрождаются, - вдруг сказала Джиданна, напряженно

глядя в одну точку. – Это одни и те же.

- Вы тоже заметили, мэтресс? – посмотрел на нее Танзен. – Это не просто гнездо упырей. Здесь поблизости кто-то засел.

- Антикатисто? – предположила Джиданна.

- В некромантии он замечен не был. Да и к чему ему пытаться завалить нас нежитью, когда он может просто накрыть нас и мгновенно уничтожить? Нет, это кто-то сторонний. Какой-нибудь магиоз или демон. Видимо, мы рядом с его логовом, и он старается нас отогнать.

Слушая разговор волшебников, Дрекозиус напряженно размышлял. Солнцегляд все так же полыхал божественным светом, титаны не знают усталости, да и Мектиг казался неутомимым големом, но сколько еще так может продолжаться? Они почти перестали продвигаться вперед – а ведь неизвестно даже, верное ли это направление! Надеяться приходится только на Джиданну и Миллион Мошек – иным способом Апофеоз не сыскать.

Но сколько часов или даже дней понадобится им, чтобы обшарить весь остров?

- Я не настаиваю, но в моем брюхе будет безопаснее, - сказал вехот, распахивая дверцу.

- Соглашусь, тактическое отступление будет мудрым решением! – закивал Дрекозиус, торопливо залезая внутрь.

Следом юркнули Фырдуз и Плацента, за ними последовали Джиданна с Танзеном, Мектиг помог забраться Массено, и только Имрата наотрез отказалась. В одиночку ей стало даже легче. Не боясь больше задеть своих, титанида резко ускорилась и полыхнула мечом так, что рассекла полсотни деревьев. Прыгнув в самую гущу мертвецов, Имрата закружилась в бешеном танце, уничтожая все, чего касалась.

- Сюда!.. – раздался издали противный голос. Там запускал цветные огни лорд Мерзопак.

Вехот поднялся в воздух. Снова ставший двенадцатилапым зверем, он побежал на высоте двухэтажного дома, над головами бесчисленных упырей... боги, какая же тьма их тут собралась!.. Кто бы ни засел на острове Вечной Ночи, в некромантии он толк знает.

И искать этого загадочного колдуна, лича или потустороннюю тварь сейчас нет времени. Антикатисто в любую минуту может явиться за Рваным Криабалом.

Темно было – хоть глаз коли. И радовался этому один только Фырдуз – в кои-то веки он мог ходить Наверху без копченых стекол. Но остальные не видели бы ничего, не витай над головами шарик волшебного света, и не зажги Мерзопак огонек

на кончике трости.

Черный лес сменился холмами. Скрытыми во тьме каменистыми холмами – и на некоторых стояли башни. Древние, полуразрушенные. Похоже, когда-то на этом острове все же жили люди... или другие существа.

Здесь нежить стала редеть, а потом вовсе исчезла. Видимо, незваные гости покинули зону, принадлежащую некроманту. Танзен еще раз мысленно сделал отметку проверить потом, нет ли таких среди опасных магиозов в розыске. Судя по тому, что он увидел, это должен быть чародей лауреатского уровня.

Но, кажется, по соседству с ним обитало нечто не менее опасное. Плоские макушки холмов окутывал зеленый туман, и один взгляд на него заставлял слезиться глаза, вызывал неконтролируемый страх. Фырдуз не выдержал первым – он вскрикнул и мелко задрожал, видя в тумане неописуемо жуткую штуку.

Он сам не смог бы ответить, как она выглядит и чем опасна, но от ужаса его аж трясло.

- Выморочные сопки, - очень буднично сказал лорд Мерзопак, каким-то образом оказавшийся внутри вехота. – Там нам делать нечего, их я хорошо знаю. Там живут Кошмары, которых прогнали из Смаренга. Летим дальше, а то они сейчас из нас всю радость высосут.

- А в нас есть радость? – кисло осведомилась Джиданна.

- Джи-Джи сама из них всю радость высосет, - довольно сказал Плацента.

Меж холмов неслась искрящаяся фигура. Имрата следовала за парящим в небе демоном, не забывая посматривать на предмет врезать кому-нибудь. Ее вело желание сокрушать зло и помогать тем, кто не может помочь себе сам. Она все острее чувствовала, что это ее призвание, что это может стать делом на всю жизнь.

А потом она словно врезалась в стену. Что-то невидимое. Какой-то волшебный заслон. И над ухом кто-то рассмеялся... Имрата резко развернулась, но никого не увидела.

Сидящие в вехоте тоже слышали голоса. Крики. Вопли. Громкий плач. Их становилось все больше, они звучали все громче – и казалось, что источники прямо здесь, у самого плеча.

- Пожалуйста, пусть они замолчат... – простонал Фырдуз, зажимая уши. Кобольду с его чувствительным слухом приходилось тяжелее всех.

Танзен перешел в форму №75 (белый гриб). В ней он не слышал звуков, да и вообще ощущал окружающее только духовидением. Остальные же кривились от боли – крики становились все пронзительней, все надрывнее. Они разрывали

барабанные перепонки.

Вехот стал бежать еще быстрее. Его это тоже затронуло. Но и воздух вокруг как будто сгущался, становился почти что жидким. Вехот тряс головой и тоненько чихал – морочных воплей он почти не слышал, но чужая скверна раздражала носовые пазухи.

- Что там на этот раз?! – простонал Плацента, когда крики стали стихать. – Что им всем надо от нас?! Мы просто проезжаем мимо!

- А они как подзаборные собаки, - задорно ответил лорд Мерзопак. – Брешут на всех, кто проходит мимо. А если подойдешь слишком близко – еще и цапнут.

Он выглянул в окно и увидел, что Имрата все еще не может пробиться через невидимый барьер. Мерзопак вздохнул и взмахнул тростью.

- Помогу ей, - сказал он, растворяясь в воздухе. – А вас оставляю с этим гигантским червем.

- С каким еще червем?! – высунулся из двери Плацента.

Червь и впрямь оказался гигантский. Он поднялся с земли и разматывался, разматывался, как бесконечная катушка ниток. Не такой уж и толстый, зато невероятно длинный – и с круглой пастью, полной уходящих вглубь зубов.

Пожалуй, вехот вполне пролез бы в эту пасть. Может быть, не целиком... но эта тварь явно умеет измельчать своих жертв.

Плацента швырнул нож. Тот угодил точно в цель – но червь этого даже не заметил. Вехот летел со всех ног, но червь вытягивался еще быстрее.

- Как иронично, - произнесла Джиданна. – Мы летели спасти мир от ужасного зла, а теперь нас всех сожрет червяк.

- Однажды нас всех съедят черви, дочь моя, - вздохнул Дрекозиус.

- Это не то же самое, тля! – заорал на него Плацента, швыряя в червя еще один нож.

- Как здорово, - сказала Джиданна, глядя в окно сзади. – Ты скормил ему два ножа. Думаю, еще сотня-другая, и он наестся.

- А у тебя есть идея получше, сука жирная?! – вызверился Плацента.

- Есть. Давайте швырнем ему вонючего полугоблина. Червь отравится и сдохнет.

Мектиг с готовностью схватил Плаценту, и тот заверещал. Пока он вырывался, мимо протиснулся Массено и снял повязку с одного глаза. Второй оставил прикрытым – боялся зацепить вехота. Даже если тот уцелеет, больно будет так, что демон упадет или попытается их всех сожрать.

На самом деле сама идея ехать в чреве демона-возничего

Массено не нравилась. Однажды он уже сталкивался с вехотом, явившимся из Паргорона. Тот успел проглотить почти двадцать человек, прежде чем слухи о проклятой карете привели туда солнцегляда.

Но этот вехот пока что не запятнал себя непозволительным и даже служит благому делу, так что Массено не собирался его убивать. Не прямо сейчас, по крайней мере.

Возможно, позже.

Световая вспышка заставила червя отпрянуть. Он не рассыпался прахом, как живые мертвецы, но его явно обожгло. Значит, в нем есть скверна, есть следы Тьмы. Значит, это демон, овеществленный злой дух или иной образчик нечистой силы.

Чем воистину превосходно Солнечное Зрение – оно не разит невинных. Если кто погиб, им пораженный, о том незачем и сожалеть. Дар Солары не знает ошибок.

- Куда дальше?! – крикнул вехот, опускаясь ниже.

Он поднялся слишком близко к одной из туч, висящих над проклятым островом, и ему стало не по себе. Танзен, вернувшийся в форму №50, тоже дернулся – эта ненормалия не только создавала вечную ночь, но и странно искажала эфирные потоки. Как будто эффект чакровзрывателя, только очень ослабленный и распределенный в пространстве.

- Я все еще ищу, - ответила Джиданна. – Скажу, когда что-то будет.

Миллион Мошек уже не был Миллионом. Почти треть крошечных созданий успела погибнуть. Каждую смерть Джиданна ощущала, как бегущую по коже мурашку – а поскольку мерли они сотнями и тысячами, ее не оставляла мелкая дрожь.

И они плохо успевали за вехотом. Для нормального поиска этим артефактом двигаться нужно медленно – идти пешком или хотя бы неспешно ехать. Паргоронский же демон несся быстрей галопирующей лошади.

- Давайте сядем, - наконец попросила Джиданна. – Контакт слабеет.

Садиться никому не хотелось. Но воздух острова Вечной Ночи оказался не безопаснее земли, так что возражать не стали. Выбрав пустынную лощину, через которую протекала речушка, вехот приземлился, и его ездоки выбрались наружу.

- Полчаса передышки, - попросила Джиданна. – Мне нужно собрать эту мошкару.

Массено поднял повыше точку зрения. Кажется, местечко сравнительно безопасное. Поблизости никого живого, скверной не пахнет, и даже из растений только пожухлая трава.

Странно, что на острове Вечной Ночи вообще что-то растет.

Воды-то здесь вдоволь, но свет сквозь тучи почти не пробивается. Не только солнечный, но и лунный, и звездный. Тучи все же не настолько плотны, чтобы ходить на ощупь, очертания худо-бедно различимы – но неужели растениям достаточно этих скудных лучей?

Хотя здешняя флора… она тоже настораживает. Деревья не похожи на обычные деревья, кустарник не похож на обычный кустарник. И даже трава…

- А-а-а, тля!.. – заорал Плацента, подскакивая от боли. – Трава кусается!..

Запрыгали и остальные. Чахлые, скукоженные травинки, на которые никто не обращал внимания, стали шевелиться и разрастаться. Вдоль них раскрылись разрезы, а в них – блистающие искорки… словно и впрямь крошечные зубы! Там, где они касались плоти, сразу брызгала кровь.

Массено сорвал повязку и повел взглядом по земле. Там, где ее касался свет Солары, трава вспыхивала – но ее тут же тушил все еще идущий дождь. Да и росла она абсолютно повсюду.

К монаху присоединился Танзен. Он перешел в форму №97 (огненный столб) и закружился по земле, выжигая все на своем пути. Вехот превратился в запряженную быками телегу, и остальные забрались в нее, подальше от кусачей травы. Деревянные колеса та не трогала, а быки сами флегматично ее поедали.

Теперь первым двигался Танзен. За ним оставалась выжженная полоса, и по ней медленно, со скрипом, катилась телега-вехот. Кое-где в траве виднелись обглоданные скелеты.

Мектиг проводил пристальным взглядом какого-то латника. Скелет в кольчуге, с топором… очень хорошим топором. Мектиг взвесил на руке свою секиру, сравнил ее с лежащей в траве, немного подумал… и остался сидеть, где сидел. Его оружие лучше.

Кстати, надо все-таки придумать ему имя.

Многие авантюристы пали в этой тихой лощине. Чем ближе было к ее центру, тем больше становилось скелетов. Похоже, кровожадная трава все-таки обладала каким-то разумением – пока жертва не заходила подальше, она ее не трогала, казалась совершенно безобидной. Грызть начинала, когда убежать становилось невозможно.

Медленно скрипящую телегу догнали Имрата и Мерзопак. Титанида шагала, не обращая внимания на захлестывающие ноги травинки. Прокусить кожу прочнее железа тем не удавалось. Мерзопак же изогнул ноги почти под прямым углом и отталкивался от земли тросточкой… это очень странно

выглядело.

- О, вы все еще в полном составе? – удивился Мерзопак, запрыгивая в телегу. – Я-то думал, хотя бы полугоблина вы уж точно потеряете.

- Да почему опять полугоблина-то?! – разозлился Плацента. – Ай, тля, как щипет!..

Как и у других, его ноги были покрыты рваными порезами. Леди Белка перемещалась от одного к другому и стягивала раны, но Плаценту Джиданна, конечно же, оставила под конец.

- Далеко еще? – пробасил Мектиг.

- Не знаю, - отстраненно произнесла Джиданна.

- Остров Вечной Ночи весьма протяженный, дети мои, - сказал Дрекозиус. – Несть числа его тайнам и опасностям. И слишком немногие возвращались с него, чтобы хоть что-то рассказать.

- Не настолько уж тут опасно, - весело фыркнул Мерзопак. – Я тут уже в шестой раз.

- Вы профессор Бакулюмуста, - сказал Танзен, вернувшийся в форму №50 и тоже усевшийся в телегу. Лощина хищной травы почти закончилась. – Вам вообще мало где опасно. Вы наверняка бы получили премию Бриара, если бы не стали магиозом.

- И не одну, мой мальчик! – довольно засверкал глазами Мерзопак. – Если бы захотел! Но кто сейчас мечтает о столь малом? Гораздо важнее семейные традиции!

- Лично я понятия не имею, отчего Клеверный Ансамбль продолжает раз за разом принимать на обучение Мерзопаков, - холодно произнес Танзен. – Насколько я знаю, там прямо сейчас учится ваш внук, тоже Мерзопак.

- Чудесный мальчик, - расплылся в улыбке старый магиоз. – Гордость дедушки. Боги не дали мне сыновей, зато внук у меня очень талантливый. Он еще не так подл и гнусен, как я, но он наверстает, обязательно наверстает. Как помру – сразу же займет мое место подле Властелина.

- И вы так открыто говорите об этом агенту Кустодиана? – прищурился Танзен.

- Так у вас же политика непредвзятости, - ухмыльнулся Мерзопак. – Мой внук еще не приспешник и даже не прихвостень. Он пока что чист перед вашими законами. А в том, что он мой внук, он не виноват, верно ведь? Он отличник учебы, староста и на хорошем счету у преподавателей. Всегда есть шанс, что он вырастет не таким, как его предки, верно ведь?

- Да, такова политика Мистерии, - сумрачно согласился Танзен. – Никакой предвзятости. Мы... наверное, мы примем даже детей Бельзедора, если они захотят поступить.

- Не, они не захотят, - утешил его Мерзопак. – Маленькие негодники, совершенно не хотят учиться. Не знаю даже, что из них вырастет.

- Я думал, лорд Бельзедор пожирает своих детей, - рискнул вставить Фырдуз. – Меня в детстве мама пугала, что если... хотя я теперь думаю, что она меня просто пугала...

- Вздор! – расплылся в улыбке Мерзопак. – Сущий вздор! Такое и было-то всего пару раз!

За лощиной хищной травы снова потянулась каменистая пустошь. Теперь уже все сидели, как на иголках, подозрительно озирались, ждали подвоха откуда угодно – но пока что все было тихо. Кое-где торчали грубо вырезанные идолы, окруженные кирпичными кольцами, но оживать они не оживали, скверну вроде бы не источали. Редкие деревья были усеяны шипами и чуть заметно шевелились, но не более того.

- Я не уверена... – медленно сказала Джиданна. – Кажется... в ту сторону... ох!..

У нее вдруг остекленели глаза. Ларец Миллиона Мошек выпал из рук – а следом завалилась набок и волшебница. Леди Белка вспрыгнула ей на лицо и застрекотала, колотя хвостом куда попало.

Мектиг шумно засопел, оттягивая Джиданне веко. Он поводил ладонью перед ее ноздрями, но не понял, дышит ли она.

Вежливо, но настойчиво дармага оттеснили Дрекозиус и Массено. Жрец и монах служили не Медеору и не владели лекарским ремеслом, но ухаживать за болящими умели. Этому учат во всех севигистских семинариях.

- Обморок, - глубокомысленно произнес Дрекозиус.

- Внезапный, - согласился Массено. – Что могло послужить причиной? Мэтр Танзен, мэтр Мерзопак?..

- Она была в унисоне с псевдофамиллиарным роем, - ответил Танзен. – Такую реакцию могла вызвать мгновенная гибель всех или большинства составляющих. Просто не трогайте ее, сама потом придет в себя.

- Перед тем, как упасть в обморок, она произнесла несколько слов, - напомнил Дрекозиус. – Нечто важное, судя по всему. Если не ошибаюсь, она указывала в том направлении.

Все посмотрели в том направлении. Там не было ничего интересного, если не считать развалин какой-то древней крепости.

- Я разведаю, - сказала Имрата, отталкиваясь от земли и прыгая сразу на сотню шагов. Меч в ее руках закрутился колесом.

Она вернулась уже через минуту. Подняв облако пыли, затормозила пяткой и гортанно воскликнула:

- Там смертные!.. люди!..

- Это весьма необычно для здешних мест, дочь моя! – резко выпрямился Дрекозиус. – Конечно, может оказаться, что это просто охотники за удачей, совершенно случайно оказавшиеся здесь в одно время с нами, но интуиция подсказывает мне, что это не совсем так...

- Давайте убьем их всех, тля! – предложил Плацента. – Давайте их всех перережем!

- А если это добрые люди? – укоризненно спросил Дрекозиус. – Если они станут нашими друзьями?

- Возможно, они и добрые, но нашими друзьями вряд ли станут, - сказал Массено, поднявший точку зрения к самым тучам. – Судя по их одеждам и кориниевым шестам, это антимаги.

Танзен невольно вздрогнул. Антимаги здесь могут быть только по одной причине. И если с ними их нынешний вожак или хотя бы кто-то из гроссмейстеров...

Впрочем, нет. Гроссмейстеры проблемой не станут. Волшебникам, конечно, от них лучше держаться подальше, но хватит и дармага с его топором, чтобы одолеть хоть трех гроссмейстеров.

Вот если с ними Антикатисто...

- Их пятеро, - произнес Массено, меняя угол точки зрения, чтобы заглянуть за стену. – Трое послушников, рыцарь и магистр. У них там что-то вроде лагеря. И дева Имрата застала их врасплох, сейчас они... а, кажется, они пришли к общему решению. Один послушник куда-то побежал, остальные...

- Его надо перехватить! – перебил Танзен. – И быстро!

Имрата кивнула и унеслась быстрее стрелы. Мектиг же с Плацентой двинулись разбираться с теми антимагами, что остались в крепости. Компанию им составил Фырдуз, хотя он держался поодаль, не вполне уверенный, как антимагия повлияет на Криабал.

- Думаю, нам с вами лучше подождать здесь, ваше преподобие, - сказал Массено Дрекозиус.

- Соглашусь, ваше благословение, - кивнул монах, раскрывая Ктаву в случайном месте и касаясь пальцем строк. – Хм, любопытно...

- Что за мудрость ниспослали вам боги? – заинтересовался жрец.

- Это двадцать первая заповедь, от Йокрида: *«Смейся. Всему живому необходимо смеяться, ибо смех – наш нравственный защитник и радость осмысления бытия. Ставшее смешным перестает быть страшным».* Не уверен, правда, как ее возможно применить к нашей ситуации.

- Уверен, что это раскроется в будущем, ваше преподобие, - льстиво сказал Дрекозиус.

Имрата вернулась через минуту, таща за шкирку молодого ямстока. Мектиг и Плацента чуть позже – у дармага на лице были кровавые брызги, а полугоблин подталкивал в спину черноволосую женщину. Танзен приподнял брови – женщины среди антимагов встречаются раз в десять реже мужчин.

- Вы поплатитесь за убийство моих послушников и сэра Анкогната, - произнесла магистр, переводя гневный взгляд с Танзена на Мерзопака. Волшебников среди присутствующих она распознала сразу же.

- Сэр Анкогнат еще жив, - хмыкнул Плацента. – Варвар его не до конца дорубил, тля.

- Он истекает кровью! – воскликнула магистр.

- Я помогу этому несчастному, - сказал Массено, спешно двинувшись к развалинам.

- Да, помоги ему там, тля!.. – крикнул вслед Плацента. – Добей его на кир!

- Нет-нет-нет, не стоит беспокоиться! – поспешил заверить антимагессу Дрекозиус. – Преподобный брат Массено ни в коем случае не причинит вреда болящему, а только утешит его, постарается перевязать раны и, в случае необходимости, прочтет отходную молитву!

- Необходимость будет, - ухмыльнулся Плацента. – Я его тоже в бочину пырнул.

- Говори, - тряхнул антимагессу Мектиг.

- Тише-тише, добрый Мектиг, - схватил его за руку Дрекозиус. – Будь любезен и обходителен с дамой, даже если она враг нам и всему подлунному миру.

- Мы не враги всему подлунному миру, - возмутилась антимагесса. – Мы враги только тем, кто постоянно рвет ткань мироздания.

- Это мы? – уточнил Танзен, не подходя ближе. – Волшебники?

- А кто же еще?

- Дискуссионный вопрос. И сейчас нам не до этого. Я задам несколько вопросов, и в ваших интересах отвечать как можно быстрее, потому что мы торопимся. Малейшее промедление – и Мектиг Свирепый сломает руки и вам, и вашему послушнику, и сэру Анкогнату, если он все еще жив. Против физической силы антимагия бесполезна.

- Я знаю, - поникла антимагесса. – Но мне нечего вам сказать.

- А мне так не кажется, - сказал Танзен. – У нас ведь немало общего. Как минимум, мы все любим гулять по острову Вечной

Ночи. И раз уж мы так удачно встретились – почему бы нам не побеседовать? Я даже пообещаю, что вы останетесь живы. Мы просто привяжем вас где-нибудь...

- На острове Вечной Ночи?! Это смертный приговор!

- Нет, это не приговор, - покачал головой Танзен. – Смертный приговор – это то, что вы назначили Мистерии и остальным волшебникам. А у вас шанс будет. Не очень большой, согласен, но ведь наверняка же где-то тут есть и другие антимаги?.. Вы же не единственная группа здесь?

- Хорошая попытка, - усмехнулась антимагесса. – Но я ничего вам не скажу.

Плацента с мерзкой ухмылкой достал нож и принялся поигрывать им у лица женщины.

- Я полугоблин, тля, - оскалился он. – Мы очень гнусные твари, все знают. Я могу откусить тебе пальцы. Или нос. И сожрать. Хочешь? Хочешь, тля?!

- Не хочу. Но я все равно ничего тебе не скажу, сын шлюхи.

- Ах ты!.. – взорвался от ярости Плацента. – Я тя ща порежу, тля!..

Мектиг едва успел сдавить ему руку. Еще секунда – и они бы лишились ценной пленницы. Полугоблин дернулся вперед, вырвался из хватки, отскочил и заскрипел зубами.

- Успокойся, сын мой, не нужно так гневаться, это всего лишь пустые слова, - вздохнул Дрекозиус. – Разве сам ты не оскорбляешь всех окружающих тебя по любому удобному поводу и даже вовсе без оного? Разве сам ты не сыплешь площадной бранью в том числе на тех немногих, кто способен находиться с тобой в одной комнате и не морщить нос, словно от зловонных испарений? Отчего же тебя так задело это проявление бессильной злобы, это глупое оскорбление? Особенно если учесть, что... только не восприми это как желание тебя унизить, но... это же чистая правда.

- Ну да, тля, - кивнул Плацента. – Чистая правда. Но как она узнала?!

Тем временем вернулся Массено. Ему не хватило сил дотащить рыцаря в кориниевых доспехах, да того и не стоило сейчас перемещать. Но монах заверил, что перевязал тому раны, и теперь тот вне опасности, если только в кровь не проникнут сеющие заразу хомунции.

- Вот как, - чуть улыбнулась антимагесса. – В таком случае я вас не боюсь. Вы ничего мне не сделаете.

- А что насчет твоего послушника? – процедил Плацента, выкручивая ухо дрожащему парнишке. – Эй, носок, будешь говорить?!

- Я... я ничего не знаю!.. – ответил тот.

- Говори, - пробасил Мектиг, хватая его за лицо и чуть приподнимая над землей.

- Бф-ф-ф!.. м-мум!..

- Говори, - тряхнул послушника посильнее дармаг.

- А заклинания Криабала на антимагов действуют? – спросил Фырдуз, ища в книге Подчинение.

- Их учат противостоять чарам, - задумался Танзен. – Но Криабал есть Криабал – ему сложно противостоять. Попробуй. Если не на магистра, то на послушника уж точно подействует.

Но было поздно – не выдержав очередного удара Мектига, юнец закатил глаза и упал без чувств. Он был жив, он дышал, но лежал в глубоком обмороке. Плацента принялся лупить его по щекам, но антимаг не реагировал.

- И вы называете себя служителями богов?.. – с отвращением спросила антимагесса, переводя взгляд с Дрекозиуса на Массено.

Жрец только развел лицемерно руками. А Массено тихо сказал:

- Мне неприятно в таком участвовать, сударыня. И потому я молю вас прекратить это. Я вижу, что у вас есть принципы и убеждения, и не могу не выказать вам свое уважение. Но прошу вас задуматься, верной ли дорогой вы идете. Мы здесь, чтобы спасти миллион жизней и не дать миру погрязнуть в пучине хаоса. А вы здесь для прямо противоположного. Это вы участвуете в массовом убийстве. На ваших руках будет кровь невинных душ.

- Только очень наивный человек может называть так волшебников, - ядовито произнесла антимагесса.

- Мне известны основы учения вашей организации. И я понимаю, насколько слабы будут любые мои аргументы в сравнении с тем, что вы впитывали долгие годы. Но вот великий антимаг Сабрегон, с которым я не так давно имел беседу...

- Вы?! – изумилась антимагесса. – С великим антимагом?!

- У нас мало времени! – повысил голос Танзен. – Нам некогда точить лясы!

- Он прав, дочь моя, - вкрадчиво произнес Дрекозиус, подходя ближе. – Одумайся. Прислушайся к своему сердцу – что говорит оно?..

- Оно...

- Оно говорит тебе, что воистину грехом будет свершить то, что свершенным быть не должно! – резко подался вперед жрец. – Дочь моя, я вижу, что в твоем сердце пылает добро – иначе не избрала бы ты для себя стезю отречения, не вступила бы в орден, несущий по мере своего разумения благо людям! Но также я вижу, что ты заплутала, что горящая перед тобой истина суть

обманный костер, жаркий факел, на котором ты сама сгоришь подобно бабочке! Горе, горе тебе, несчастная!.. Ибо воистину зол тот, за кем ты следуешь! Ты хочешь, чтобы я перечислил все его прегрешения?! Все ужасы, что сотворил тот, кого ты в ослеплении своем именуешь своим вождем, учителем, пастырем?! О, мне и часа не хватит, чтобы хотя бы вскользь упомянуть каждое из его злодеяний!

- Прекратите...

- Нет, не будет тебе прощения ни здесь, ни на том свете! – взвинтил крик к самим небесам Дрекозиус. – Гореть, гореть тебе в воздаяте смрадном, ибо грехи твои вопиют перед богами и смертными, и даже сама себя ты простить не сможешь, поскольку в глубине души понимаешь, насколько ужасны дела твои, насколько отвратительно то, что совершаешь! И один-единственный шанс у тебя остался хоть малостью искупить свои злодеяния, хоть чуть-чуть исправить все, что сотворила – покаяться немедленно, покаяться перед богами... а я выступлю твоим исповедником и слово тебе даю твердое, что грудью встану на твою защиту, когда вместе нам придется стоять перед Волканом и Молканом, бессменными судьями мертвых...

Голос Дрекозиуса из гневного стал очень ласковым – и антимагесса разрыдалась. Остальные тоже невольно поежились – речи жреца буквально ввинчивались в уши.

- Вы не понимаете!.. – всхлипнула антимагесса. – У нас нет пути назад!

- Зря ты так считаешь, дочь моя, - покачал головой Дрекозиус. – Взгляни на сего доброго человека. Когда-то он был великим грешником, творил зло и бесчинства так, что люди бежали в страхе при одном упоминании его имени... но потом он узрел свое отражение в лесном пруду и сам пришел в ужас. Он пришел ко мне за напутствием, и я помог ему раскаяться, вернуться к жизни праведной. С тех пор он делал исключительно доброе, раздавал милостыню бедным и совершал великие подвиги. Сейчас он идет с нами на, возможно, верную смерть – но разве его это тревожит? Нисколько, дочь моя, нисколько. И ты не тревожься – ибо все боги с тобой сейчас. Смотрят, ждут твоего решения. Ответишь ли ты на зов богов? Поспеши!

Антимагесса переводила растерянный взгляд с Мектига на Плаценту, с Плаценты на Фырдуза, с Фырдуза на Танзена... она не поняла, кого имел в виду Дрекозиус, и не решалась переспросить. Имрата тоже недоуменно моргала.

- Может, я все-таки попробую на ней Подчинение? – шепнул Танзену Фырдуз.

- Подожди, - остановил его волшебник. – По-моему, она

спеклась.

Плечи антимагессы опустились. Глядя в землю, она сдавленно произнесла:

- Хорошо, я скажу. Только обещайте отпустить нас живыми. И сэра Анкогната тоже.

Дрекозиус охотно ей это пообещал. И антимагесса, имени которой так никто и не спросил, пролепетала, что ее группа – одна из девяти наблюдательных групп, которые рассредоточились в безопасных точках. Эти точки в самом деле безопасны – милорд лично об этом позаботился. У них нет определенной задачи – они просто ждут, следят в оба и докладывают в случае необходимости десятой группе, старшей. Ее возглавляет гроссмейстер си Торрьеха.

- И чего именно вы ждете? – спросил Танзен.

- Указаний милорда, - неохотно сказала антимагесса. – Мы понадобимся ему... потом... там.

Дрожащей рукой она указала чуть западнее развалин крепости. В сумраке острова Вечной Ночи было видно лишь то, что там лесистый холм... и то ли скала, то ли еще какое-то строение.

- Милорд нашел его уже давно, - призналась антимагесса. – Но мы пока не можем к нему подступиться. Там... там смерть.

Всем сразу стало не по себе. Если туда не может подступиться Антикатисто... кто тогда вообще сможет? Тем более, что это остров Вечной Ночи, так что там вряд ли святое место, от которого шарахается элементаль Тьмы.

- Я там не была, - торопливо добавила антимагесса, видя, что от нее ждут уточнений. – Но туда ходили два десятка наших, и еще волшебники из нанятых милордом, и целый отряд каких-то огромных червенасекомых – и никто не вернулся. Там смерть.

Антимагов связали и оставили в развалинах. Они не казались сколько-нибудь надежной защитой – три наполовину обрушившихся стены, половина дверной арки, да остатки второго этажа. Готовый обед для любого хищного зверя или гуля-людоеда. Но никто не собирался ни выпускать пленных на свободу, ни тащить с собой, так что те отделались все же лучше, чем могли бы.

На лесистый холм взбирались медленно и осторожно, с опаской. Мектиг не выпускал из рук секиру, Плацента поминутно озирался, Массено разглядывал окрестности с высоты. Танзен менял формы каждую минуту, переходя от самых зорких к самым чутким, слушая, нюхая и даже пробуя на вкус воздух. Мелькнули орел, собака, фелин, кобольд, гном, хобий, гияду...

- Значит, Антикатисто все еще не добрался до Апофеоза, -

произнес Массено. – Вероятно, именно для этого ему нужен Криабал.

- И это хорошо, - кивнул Танзен. – Если там что-то, чего боится даже он, мы можем не бояться, что он нас там подстережет.

- Зато нам стоит бояться того, чего боится он, тля! – сплюнул Плацента. – Что это такое, вообще?!

- Дойдем – узнаем, - ответил Танзен.

- Лучше бы все-таки пораньше, - поежился Фырдуз. – А то не очень хочется узнать в самый последний момент… жизни…

- Сын мой, это может быть что угодно, - наставительно произнес Дрекозиус. – Система ловушек, которую не способен преодолеть никто и ничто. Заградительный барьер древнего волшебства. Чудовище, рядом с которым Антикатисто – дым от свечи. А может статься, что и сам Апофеоз по-прежнему работает, только теперь в малую силу, на небольшом расстоянии.

- Гадать можно сколько угодно, тля! – огрызнулся Плацента. – Может, там вообще сортир Космодана, и он кирачит молниями всех, кто его увидит!

Все снова поежились. Джиданне вспомнилась сказка, которую ей в детстве рассказывала мама. Про охотника, который подглядывал за богинями Венатой, Лилейной и Просериной, что купались в ручье. Богини так разгневались, что прокляли беднягу. Просерина предрекла, что никогда в жизни не будет ему ни в чем удачи. Лилейна сказала, что ни одна женщина его не полюбит. А Вената превратила его в кучу навоза.

Уже в Клеверном Ансамбле Джиданна узнала, что эта сказка – скорее всего, просто сказка. О севигистских богах ходит огромное количество неканоничных легенд, плодов народного творчества. Тем не менее, никто точно не знает, какие мифы целиком выдуманы пьяными кобзарями, а какие основаны на реальных событиях. А то, что некоторые истории о богах все же правдивы, искатели Криабала вполне уяснили после встречи с Савромортом.

Но пока что ничего страшного не происходило. Вверх по холму бежала тонкая, почти невидимая тропинка, и в округе не было ни нежити, ни мороков, ни других богатств острова Вечной Ночи. Только кривые, скрюченные деревья, древние каменные столбы… и скелеты. Костей становилось все больше и больше. Плацента то и дело нагибался, нашаривал что-то блестящее и с довольным видом прятал в карман.

Мектиг тоже наклонился. Всего один раз, но зоркий взгляд дармага вычленил среди костей по-настоящему крупную добычу. Тяжелое золотое ожерелье со множеством камней всех цветов

радуги.

- Тля!.. – завистливо фыркнул Плацента.

- Воистину боги ниспослали тебе удачу, сын мой, - покивал Дрекозиус.

Мектиг взвесил ожерелье в руке, немного подумал и протянул его Джиданне.

- Тебе, - угрюмо сказал он.

- Какое аляповатое, - взяла подарок волшебница. – Что мне с ним делать?

- Носи. Или отдай белке. Как захочешь.

Коротко кивнув, Мектиг оттолкнул жреца и полугоблина, быстро уйдя вперед, к возглавляющим отряд Имрате и Мерзопаку.

- Он мне нравится, - сказала Леди Белка, примериваясь к ожерелью.

- Мне тоже... пожалуй... – посмотрела вслед Мектигу Джиданна.

Тем временем передняя часть вереницы почти достигла вершины. Здесь вздымались поросшие мхом стены, земля источала пар, скелеты устилали уже каждый пятачок, а на тропе стояло чудовище.

Жуткий великан. Раза в три выше человека, но очень тощий, с длиннющими конечностями и полупрозрачной, будто струящейся по телу кожей. У него не было ни глаз, ни носа, ни ушей, зато была пасть – полная тонких зубов-игл.

- Кхьи-и-и-и!.. – издала шипящий свист тварь.

Имрата приостановилась. Она не встречала таких раньше. Мектиг бросил взгляд на Джиданну – с некоторых пор он привык вначале узнавать, с кем имеет дело и насколько оно сложное.

- Мортаг, - на секунду задумавшись, сказала волшебница. – Воплощенный дух, охранник гробниц. Девятый класс по шкале ПОСС.

- Соглашусь с вами, мэтресс, - кивнул Танзен. – Довольно опасное существо.

Впрочем, сказал он это без тени волнения. Будь Танзен здесь в одиночку, он бы остерегся связываться с мортагом, но вместе с Массено... У солнечных монахов не очень-то высокий класс по шкале ПОСС, поскольку их силы весьма специфичны, но для нечисти они – тот самый мангуст, что всегда побьет кобру. Из их пустых глазниц смотрит сама Солара, богиня солнца, заклятый враг всякой скверны.

К тому же в этот раз с ними была еще и титанида. Имрата просто молча подлетела к мортагу и всадила кулак ему в живот. Тот согнулся пополам, как циркуль, но тут же взметнулся облаком пара, окутал титаниду... и снова сгустился. Имрата

сдавила его собственной волей, силой заставила принять истинный облик.

- Где Апофеоз? – ласково спросил Мерзопак, опираясь на тросточку.

- Кхха-а... там!.. – указал мортаг, тщетно пытаясь уйти в Тень.

- Это правда? – повернулся к Массено Танзен.

- Я... я не вижу, - промедлив, ответил монах. – Там как будто глухая стена. Потолок.

Для него это было необычно. Массено всегда мог поднять точку зрения как угодно высоко. Сейчас же она в какой-то момент просто во что-то... упиралась.

Такого раньше не происходило.

- Значит, пойдем вслепую! – весело сказал Мерзопак.

- Лорд Мерзопак, тогда вы первый, - предложила Джиданна.

- Не-не-не, дорогая моя, - укоризненно покачал головой Мерзопак. – Герои тут вы. Разве герои станут прикрываться немощным старичком? Идите вы первыми.

И он пихнул в спину Фырдуза.

Мектиг окинул их угрюмым взглядом и молча зашагал дальше. Его тут же догнала Имрата.

Мортага не прикончили. О нем все как-то просто забыли. Он остался стоять, где стоял, и только едущая в телеге Джиданна смотрела на него и думала о том, что чудовище он опасное, конечно, но Антикатисто его бы просто сдул.

А значит, дальше ждет что-то пострашнее.

Идти становилось все труднее. Танзен и Джиданна все сильнее морщили лбы. Вот Мектиг запнулся, растерянно заморгал... и побрел почему-то обратно. Имрата все еще шагала вперед, но тоже как-то неуверенно.

- Воздух... воздух как будто густеет... – простонал Фырдуз.

- Если ты пернул, так прямо и скажи, тля... – пробурчал Плацента, ошалело глядя по сторонам. Его шатало, как пьяного.

- Это рассеивающее внимание поле, - с трудом произнес Танзен. – Очень мощное. Если будем идти дальше, то забудем, зачем мы здесь.

- Что... вы... предлагаете?.. – кое-как выговорил пыхтящий Дрекозиус, тщетно пытаясь остановить топающего назад Мектига. У того из руки выпала секира – а дармаг и не подумал ее поднять.

- Криабал, - повернулся к Фырдузу Танзен. – Если не ошибаюсь, там есть соответствующее заклинание.

Кобольд на секунду задумался, а потом торопливо открыл книгу на странице Снятия Преграды. Одно из заклинаний, представленных в Рваном Криабале во всей полноте, со всеми комментариями – но раньше просто не имевших возможности

пригодиться.

Оно убирало магические экраны. Стены, купола, сферы. Любых свойств и мощности. Настоящее ультимативное заклинание – практически без ограничений.

- Локос цорак тика астартада, - начал читать Фырдуз, сверившись с комментариями. – Зиката ордака зукта. Иневорк. Армеда хили, тарака тика зуката. Иневорк. Араба закаба такта. Истара дикта!

С последним словом стало как будто легче дышать. Мектиг моргнул, удивленно посмотрел на Дрекозиуса, поднял секиру и вернулся к Имрате. Титанида тоже облегченно втянула воздух – слабее, чем на остальных, но поле действовало и на нее.

А Массено сообщил, что снова видит, как прежде.

Верхушка у холма оказалась почти плоская, весьма протяженная. Пожалуй, целая вспашка в диаметре. Когда-то здесь то ли отгремела страшная битва, то ли был массовый могильник на открытом воздухе – столько повсюду валялось скелетов. Костями были усеяны и подступы к вершине, но тут они громоздились в несколько слоев.

А в самом центре вздымался усеченный конус в сотню локтей высотой – и все сразу же догадались, что это такое. Телега-вехот медленно подъехала ближе, по бокам шли искатели Криабала – и все смотрели на величайшее оружие древней империи.

- Это и есть Апофеоз? – осведомилась Джиданна. – Всего-то? Я разочарована.

Танзен раскрыл рот, чтобы ответить – но не успел. Кости, которые у самого Апофеоза лежали уже стеной, вдруг... зашевелились. Тысячи их поднялись в воздух, складываясь в причудливую, кошмарного вида фигуру. У черепов засветились пустые глазницы, несколько челюстей раскрылось, и из них вырвался ледяной глас:

- Вы Увидели Апофеоз. Вы Не Уйдете Живыми.

Глава 42

2953 год до Н.Э.

В штабном шатре царило тяжелое молчание. Члены Конклава избегали смотреть друг на друга. Даже Мородо – удивительное дело! – уже почти полчаса ничего не ел.

- Мы приняли окончательное решение? – несчастным голосом спросил Оксатти.

- Да, - бесстрастно ответил Оопсан. – Мы повторно запустим Апофеоз.

Ильтокелли мелко захихикал и потер морщинистые ладошки. Даскомедаль тяжело вздохнул. Лунарда молча встала и вышла из шатра.

Занималась заря. День обещает быть ясным, солнечным. Вокруг щебечут птицы, распускаются цветы, наливаются соком манго... очередной чудесный день на чудесном острове. Настоящий рай, лучший курорт империи.

Ни за что не скажешь, что в каких-то пятистах вспашках к востоку лежит разрушенный, источающий скверные миазмы Бриароген.

Парифатская империя просуществовала больше тысячи лет. И за десять с половиной веков своей истории она видела лишь четыре большие, полноценные войны. Движение Крушителей в самые первые годы, Третье и Четвертое Вторжения из Паргорона в эпоху Абраксола и война с титанами в эпоху Громорокатрана. После возмездия Аэтернуса в триста двадцатом году империя не знала катастроф и потрясений.

А с тех пор минуло семь с половиной веков. Семь с половиной веков мира и спокойствия.

Но теперь Парифатская империя схлестнулась сама с собой.

Снова гражданская война. Куда более страшная, чем тысячу лет назад. Уже не просто восстания фанатиков-сепаратистов, что желали разломать порталы и жить отдельно. Двенадцать лет назад Мартобраций объявил о независимости своей провинции – и после этого все покатилось кувырком.

Его восстание подавили сразу же. Быстро и решительно. Даскомедаль взял под арест большую часть зачинщиков, но сам Мартобраций живым не дался. Один из величайших волшебников империи, он схлестнулся с военным советником в поединке – и с тех пор лицо Даскомедаля пересечено шрамом. Убийственное проклятие въелось ему в кожу, распахало щеку и переносицу.

Осталось вечным, незаживающим клеймом.

Но победил все же Даскомедаль. Он проткнул Мартобрация душепронзателем. И Конклав очень надеялся, что остальные провинции после этого угомонятся, утихомирятся… однако вышло в точности наоборот.

Гибель Мартобрация сломала плотину. Уже на следующий день независимость провозгласили еще три провинции. На следующий – одиннадцать. А потом пошло десятками. К концу луны четыреста провинций называли себя самостоятельными королевствами – а конгрессмены препирались друг с другом и с Конклавом.

Так началась Первая Волшебная война.

Орден Медных Магов раскололся надвое. Разделители, понимавшие, что поодиночке с ними расправятся так же, как с Мартобрацием, удивительно быстро скооперировались и создали союз независимых держав. Из их рядов выделились лидеры, полководцы, самые великие волшебники – и они организовали штаб в Домурбисе, нерушимом городе-крепости. Творение Громорокатрана предназначалось именно для чего-то подобного – но древний император, конечно, не думал, что использовать его станут враги империи.

«Единый Парифат» же создал новый, временный центр в Мистерионе. Оставаться в столице было слишком опасно – за нее сразу начались бои, улицы каждый день переходили из рук в руки. Эвакуировался и Конклав – хотя не в Мистерион. Семь императорских советников все еще пытались оставаться нейтральными, держаться в стороне от распри.

У них не получалось.

Ильтокелли и его команда бешено работали над глобальным чакровзрывателем. Оружием, способным дать абсолютный контроль над планетой. Даскомедаль лично возглавил корпус боевых чародеев, оставшихся преданными империи. Лунарда летала между «Единым Парифатом» и разделителями, стравливая одних и миря других. Акк-Ва и Мородо из кожи вон лезли, поддерживая нормальную жизнь в провинциях, войной не затронутых. Оксатти тестировал свою Спектральную Сеть, хотя уже видел, что опоздал, что это ничего не изменит.

А Оопсан искал решение, которое всех устроит. Искал – и не находил.

Первые два года война шла с поклонами и экивоками. С соблюдением правил. Честные магические дуэли, благородные поединки. С минимальным использованием душепронзателей, с ненападением на целителей и воскресителей.

Стороны еще не считали друг друга совсем уж заклятыми

врагами. «Единый Парифат» просто хотел сохранить державу в целости, разделители хотели жить отдельно и самостоятельно. Те и другие полагали, что договориться можно.

Договориться не получалось.

А потом в Домурбисе случилась бактериомагическая катастрофа. Поползла зараза, на нижних этажах стали распространяться жуткие твари. Обитатели города-бункера покинули подземные области и переселились в верхние.

Причины выяснены не были. Конгрессмены «Единого Парифата» кричали, что разделители сами себя сгубили, экспериментируя с запрещенным волшебством. Разделители же утверждали, что это диверсия, что их атаковали подло и коварно. Несколько лучших их волшебников навсегда остались где-то в глубинах Домурбиса, в которые больше никто не хотел спускаться.

После этого о честной войне все забыли. В ход пошли звездные катапульты, монстры-погубители и глобальные проклятия. Сначала разделители, а потом и «Единый Парифат» достали из сундуков запрещенные заклинания. Сдули пыль с Криабалов.

Портальная сеть какое-то время оставалась в стороне от войны. Первые года три ее все игнорировали, и каждый по-прежнему мог путешествовать куда захочется. Но в какой-то момент нейтральных провинций на Парифате не осталось – и одна большая портальная сеть поделилась на две маленьких.

После этого вражеские порталы начали уничтожать. Пользоваться ими стало просто опасно – дня не проходило, чтобы ту или иную станцию не размазало метеоритом. Возводились отражающие экраны и ложные порталы, снаряды перехватывали летучие телекинетики, но все равно разумные существа гибли тысячами. За несколько лун гигантская сеть уменьшилась вдвое.

В итоге все уцелевшие порталы исчезли под заклятиями необнаружимости. Превратились в слепые точки, которые невозможно увидеть волшебством. Их местонахождение, конечно, по-прежнему выдавали карты, но прицеливаться стало гораздо сложнее, и уровень терроризма заметно сократился…

…А потом появились чакровзрыватели.

Секретное оружие Мистериона. Созданное по замыслу и под руководством советника Ильтокелли. В одна тысяча шестьдесят восьмом году Империи «Единый Парифат» впервые применил один из этих артефактов – и целый лагерь боевых чародеев был уничтожен за минуту.

Против излучения чакровзрывателей не было защиты. Не помогали ни магические экраны, ни волевые усилия.

Противодействующие заклинания еще только предстояло разработать.

Причем немогущие парифатцы в первое время даже аплодировали этому оружию. На них-то оно практически не действовало. Гибли только волшебники – которых, признаться, немогущие уже крепко невзлюбили. Их обвиняли в том, что из-за своих склок они обрушат в Шиасс всю планету.

И в следующем году что-то такое и случилось. Бриароген, столица, не принадлежащая ни одной провинции, считалась несомненным оплотом «Единого Парифата». Бои на улицах шли почти непрерывно, но это были мелкие стычки между гражданами – зачастую даже немогущими. Малой кровью, малыми жертвами.

А потом градоначальник провозгласил Бриароген свободной экономической зоной, вольным городом, который не будет больше ничьей столицей и односторонне выходит из войны.

Разделители бросали в воздух шапки. «Единый Парифат» едва не лопнул от злости. В Бриарогене по-прежнему располагался императорский дворец, здание конгресса, центральная штаб-квартира Медных Магов, Бирюзовый Холм и множество других знаковых строений. Словно феникс, Бриароген трижды уничтожался и трижды восставал из пепла. Он носит имя Бриара Всемогущего, а до него носил имя Парифата – человека, чье имя носит империя и сама планета.

Уже на следующий день началось сражение за столицу. Тысячи сильнейших магов стекались со всех концов мира. Бои на улицах стали такими кровавыми, что народ побежал в разные стороны. Многие спрятались и здесь, на Утреннем острове.

Спрятались – и стали ждать.

Вернуться в Бриароген жителям не пришлось. После сорока дней битв от города почти ничего не осталось. Разрушенный до основания, сильно загрязненный магией, досуха опустошенный маново, он превратился в мертвые руины. Несколько древних зданий уцелело, в том числе портал второго поколения – но это было уже никому не интересно. Из Бирюзового Холма в какой-то момент освободились заключенные, в том числе поистине страшные преступники – и они тоже подлили масла в огонь.

Так что сейчас столица перенесена в ближайший из крупных городов – Ровен. Туда телепортировали здание конгресса, туда эвакуировалась все еще действующая администрация. Орден Медных Магов, давно утративший единоначалие, раскололся на пять крупных и почти сотню мелких группировок.

А вскоре после этого Ильтокелли закончил Апофеоз. Его возводили в глубокой секретности, и не в Мистерионе, дабы избежать ненужного риска, а здесь – на Утреннем острове. Не

слишком далеко от столицы, но и не близко, не рукой подать.

Ключ от Апофеоза был у Конклава. Его сразу же сделали семидольным. Чтобы никто из советников не мог применить артефакт в одиночку. Даже малые чакровзрыватели опустошали целые города – а на что способен глобальный, страшно и вообразить.

И применили Апофеоз всего один раз. В одна тысяча семидесятом году Империи Конклав собрался вокруг этого каменного конуса и дал единственный залп.

Домурбис. Апофеозу были даны координаты Домурбиса. Даже после бактериомагической катастрофы город-бункер оставался самым защищенным местом на планете – и именно в тот день там собралась на совет верхушка разделителей. Больше двухсот королей-наместников, сто пятьдесят магистров и два великих магистра Медных Магов, а также больше пяти тысяч титулованных волшебников и огромное количество магов помельче.

Как было удобно уничтожить их всех разом. Соблазн оказался слишком велик, и Конклав проголосовал за нанесение удара. Пять голосов против двух.

И облучен был не только Домурбис, но и вся западная половина Шахалии. Половина континента обезлюдела. Половина континента за одну минуту лишилась всех волшебников – даже малоодаренных. Почти трети разумного населения.

Для всего Конклава это стало шоком. Апофеоз не должен был сработать с такой мощностью. Но идти на попятную было поздно – это сделало бы еще хуже. Оопсан взошел на трибуну в конгрессе и объявил, что все погибшие волшебники были преступниками, сторонниками разделителей. Объявил, что они сами готовили предательский теракт, собирались уничтожить Мистерион – и превентивная атака была вынужденной мерой.

Спустя несколько дней Первая Волшебная война закончилась безоговорочной победой «Единого Парифата». На планете наступил мир. Бунты подавили, и империя снова стала едина.

На какое-то время.

Из шатра вышел Оопсан. Он встал рядом с Лунардой и рассеянно сказал:

- Солнце восходит.

- Восходит, - согласилась Лунарда.

- Хороший будет день, бессмертная Ситардерасс.

- Очень хороший. Не для всех, правда.

- Не для всех?..

- Сегодня мы снова применим Апофеоз.

- Дефект калибровки устранен, - сухо ответил Оопсан.

- Хорошо, что вы в это верите. Это была очень дорогая ошибка.

- Вместо тридцати тысяч погибло тридцать миллионов, - кивнул Оопсан. – Я знаю. Но это была всего лишь досадная ошибка. Мы ее не повторим.

- Хорошо, что вы в это верите, - повторила Лунарда. – Это не та ошибка, на которой мы можем позволить себе учиться. Мэтр Ильтокелли абсолютно уверен, что дефект устранен?

- Спросите его сами.

- Спрашивала. Он безумно захихикал. Когда он уйдет в отставку, напомните?..

- Когда закончится война. Сейчас мы не можем позволить себе его заменить.

- Почему? Апофеоз уже построен. И дефект калибровки устранен, - иронично напомнила Лунарда. – Первый советник, по человеческим меркам мэтр Ильтокелли невероятно стар. Он в буквальном смысле видел Бриара. Я не отрицаю его талантов, но крыша у него протекла давным-давно.

- Обидно, бессмертная, - раздался сзади скрипучий голосок. – Очень обидно. Обсуждать кого-то за глаза невежливо.

- Мэтр Ильтокелли, все знают, что вы видите и слышите все на тысячу вспашек вокруг, - даже не повернулась Лунарда. – Если бы я хотела утаить от вас свои слова, то окутала бы нас туманом.

- А, вот как, - хихикнул Ильтокелли. – Справедливо. Тогда продолжайте обсуждать полоумного старика, хе-хе-хе. Часа два у вас на это еще есть.

Лунарда тоскливо посмотрела на горизонт. Часа два. Да. Время повторного запуска Апофеоза уже приближается.

Как вообще дошло до этого? Ведь после первого запуска казалось, что война закончилась. Наступил мир. Казалось, что навсегда.

Очень недолго казалось. Пять лет всего Парифатская империя существовала без сражений. Конклав восстанавливал разрушенное, все еще кишащий заразой и нежитью Домурбис законсервировали и запечатали, город Ровен потихоньку осваивался в качестве новой столицы, а в одна тысяча шестьдесят пятом году Империи были даже проведены очередные Липарадонские игры.

Самые последние. В том же году в конгрессе снова закипели страсти. За пять мирных лет «Единый Парифат» окончательно перестал быть единым, снова раскололся на имперцев и республиканцев. После расправы над разделителями они какое-то время еще шли бок о бок, словно связанные круговой порукой, но у них были слишком разные цели. Они просто не могли

договориться. Не могли прийти к компромиссу.

К тому же орден Медных Магов продолжал существовать. Теперь не единый, не цельный, а расколотый на множество лож, но в каком-то смысле это стало еще хуже. После Первой Волшебной войны всем сторонникам разделителей пришлось дать амнистию – поскольку иначе пришлось бы судить каждого четвертого. Было объявлено, что все главные военные преступники погибли в Домурбисе, а остальные просто слепо за ними следовали. Надо понять и простить.

В то же время что конгресс, что орден Медных Магов утратил всякое доверие к Конклаву. Да и настроения среди простых граждан упали ниже никуда. Убивший половину чародеев Шахалии Апофеоз до смерти всех перепугал. В руках Конклава оказалось почти абсолютное оружие, от которого пока что не существовало защиты. И хотя бросить им вызов за пять лет никто не решился, напряжение не переставало нарастать.

Имперцы все громче кричали, что нужен новый Колдующий Император. Нужен новый Бриар. Бессмертный всемогущий индивид высших моральных качеств, который будет держать в узде этот ужасный Конклав.

Республиканцы все громче кричали, что сосредоточенная в одних и даже семи парах рук абсолютная власть чересчур опасна. Нужно ее распределить. Расформировать Конклав и передать верховное управление конгрессу, а исполнение законов рассредоточить между наместниками и префектами.

И в какой-то момент «Единый Парифат» раскололся. От него осталось… ровным счетом ничего. Снова возникли две враждующие партии – имперцев и республиканцев. Снова волшебники разбились на группировки, снова забряцал оружием орден Медных Магов.

Через пять лет после окончания Первой Волшебной войны началась Вторая.

Она идет пока лишь два года. Но за эти два года Вторая Волшебная война унесла больше жизней, чем Первая – за свои пять. Здесь уже с самого начала никто не лелейничал, не расшаркивался. Что имперцы, что республиканцы почти сразу же обратились к чакровзрывателям и заклинаниям массового поражения.

Ими накрывались целые города. Целые провинции.

Целые континенты.

В прошлом году был уничтожен Реликтаун. Крупнейший город Парифата, финансовая столица. Единственный кроме Бриарогена и Мистериона обладатель портала второго поколения. Реликтаун был настоящим центром республиканцев, а

до того оплотом разделителей – и имперцы его не пощадили. Был проведен ритуал Опустошения – и Реликтаун накрыло глобальным проклятием.

Почти все его жители исчезли в одну ночь. Просто исчезли. Уцелели только самые одаренные волшебники, сумевшие выставить блокаду.

Но таких была горстка. Может быть, один волшебник на три тысячи. Сотня жителей на миллион. Жалкие двенадцать тысяч выживших на весь колоссальный мегаполис.

Теперь Реликтаун – мертвый город. Проклятый. Опустошение убило почти всех его жителей, но здания погрузило в стазис, поле замедленного времени. Никто не берется предположить, сколько оно продержится, и когда энтропия снова коснется крупнейшего города Парифата.

И это только самая страшная из трагедий. Число погибших перевалило уже за миллиард. И еще неизвестно сколько сбежало от ужасов войны за Кромку.

Провинция Ирвия эвакуировалась вообще целиком, со всеми двадцатью миллионами жителей. Еще вчера этот обширный остров лежал на своем месте, с городами и порталом – а сегодня там плещется только океан. Две сотни волшебников устроили заговор, втайне осуществили ритуал – и просто перенесли кусок пространства... куда-то. Попробуй найди их теперь.

Впрочем, в бегстве ищут спасения все же немногие. Парифат давно прекратил сообщение с варварскими мирами. Эльфы еще могут найти приют в блаженном Тир-Нан-Ог, а остальным куда? Беженцев везде ждут либо закрытые двери, либо голодные звери. Большинство предпочитает переждать тяжкие времена на родине, в лучшем из миров... еще совсем недавно он имел полное право так называться.

Почти все члены Конклава тоже понесли потери в этих двух войнах. У Лунарды погибли оба мужа и старший сын. У Акк-Ва – внук со всей семьей. У Мородо – брат и сестра. У Оксатти – престарелые родители. У Оопсана – четверо детей. У Даскомедаля – очень близкий друг.

И только Ильтокелли никого не потерял, ибо терять давно уже было некого.

- Кого будем обезглавливать первыми? – спросил Оксатти, подходя к Оопсану, Лунарде и Ильтокелли. – Имперцев или республиканцев?

- Они усвоили урок, - гортанно произнес Даскомедаль, тоже вышедший из шатра. – У них больше нет единого центра.

Это все и так прекрасно знали. Конклав почти полгода готовил финальное решение. После долгих и безуспешных

попыток примирить рвущий самое себя Парифат, семеро советников пришли к неизбежному выводу – придется снова прибегнуть к ампутации. Вырезать гноящиеся язвы, истребить тех, кто уже точно не угомонится – и взять власть в свои руки.

Всю на этот раз власть, без исключений и ограничений. Без оглядки на конгресс, без умасливания Медных Магов. Без... насчет Колдующего Императора Конклав все еще не пришел к консенсусу. Ильтокелли, Акк-Ва и Оксатти считали, что следует все-таки короновать какого-нибудь достойного юношу. Лунарда, Даскомедаль и Мородо не видели в этом нужды.

Оопсан пока что воздерживался.

Но это все можно будет решить потом. А три дня назад Ильтокелли наконец-то закончил калибровать Апофеоз.

И на этот раз ему помогали все остальные. Оксатти с помощью уже действующей Спектральной Сети вычислил сигнатуры лидеров обеих основных группировок. Лунарда позаботилась о том, чтобы удар был точечным и рассредоточенным. Акк-Ва сотворила для Апофеоза усилитель, чтобы тот накрыл всю планету. Мородо обеспечил безопасность им самим, запечатав холм неразрушимым экраном. Даскомедаль организовал незримую систему охраны.

И теперь они семеро стояли перед Апофеозом и ждали назначенного часа. Они дали конгрессу трое суток, чтобы выполнить ультиматум. Чтобы прекратить боевые действия и вступить в переговоры.

Как же их это взбесило. Что имперцев, что республиканцев. Многие перетрусили и сложили оружие – и их сигнатуры были исключены из задачи для Апофеоза. Но многие другие не пожелали сдаваться.

Они все – великие волшебники, и гордость льется у них из ушей. После двух лет войны они на какое-то время объединились и теперь с пеной на губах разыскивают Конклав, разыскивают Апофеоз. Желают уничтожить их, чтобы потом снова вцепиться в глотки друг другу.

К сожалению, не только члены Конклава знают, где находится Апофеоз. Это стационарный артефакт – и очень крупный. Куда-то его перенести сможет разве что морградант.

А сделать это волшебством невозможно. Эта штука от него полностью экранирована. Необнаружима, как и малые чакровзрыватели, неподвластна прямому мановому воздействию и почти что неуничтожима.

Почти что. У Бриара Всемогущего было ультимативное заклинание Абсолютной Неуничтожимости. Оно сгинуло вместе с ним, он не заносил его даже в Криабалы – но Оопсан сумел его

частично восстановить. Он дополнил идеи Бриара собственными и создал собственный вариант Абсолютной Неуничтожимости.

Вчера Оопсан применил его на Апофеозе.

К сожалению, пока что оно работает только с неодушевленными объектами. Если применить на одушевленном... побочные эффекты довольно неприятные. Требуется доработка. Но этим Оопсан займется уже потом – когда закончится война, когда Парифат успокоится, вернется к нормальной жизни.

Возможно, тогда он наконец-то выйдет в отставку. Честно сказать, он страшно устал нести на плечах ответственность за целый мир. Это невероятно выматывает, а вознаграждается... чем это вознаграждается?.. Только безграничной властью – и для многих это, конечно, великий соблазн. Для многих власть как дурман – испробовав раз, они уже не могут без нее жить.

Но Оопсан не видел в ней ничего привлекательного. Он занял пост первого советника, потому что кто-то должен был его занять. Его предшественник был великим волшебником, но человеком пустым и никчемным – а император Токарин во всем ему потакал. После того, как они оба скоропостижно скончались, Оопсану долго еще пришлось разгребать доставшееся хозяйство. Фактически, тогда империя одной ногой балансировала в пустоте, была на грани гражданской войны.

Возможно, стоило позволить ей начаться. Возможно, сто лет назад она прошла бы более малокровно. Но Оопсан провел некоторые реформы, умаслил самых недовольных в конгрессе, дал новые привилегии Медным Магам, расширил полномочия наместников, обновил состав Конклава, взял под контроль нового императора... и все стихло.

Но теперь Оопсан жалел об этом. Теперь видел, что просто плотнее завинтил крышку на кипящем котле. Да, это дало империи целый век мирной жизни, позволило целым поколениям не увидеть вспышек звездных катапульт... но котел все равно лопнул.

И вот куда это его привело. Он стоит перед Апофеозом. Детище величайших чародеев современности, самая убийственная вещь из того, что изобрела магическая мысль.

Выглядит он совсем не страшно. Просто огромный каменный конус с отсеченной макушкой. Вокруг кольцо синих кристаллических сфер – эфирных счетчиков. Ничего особенного, обычный стационарный артефакт, похожий на мановый накопитель.

Но это только на вид. Принцип Апофеоза и вообще любого чакровзрывателя – короний. Очищенный особым образом, так

называемый «хладный» короний. Он составляет сердцевину, активный стержень.

Обычный короний просто временно блокирует, «запечатывает» чакры. Этот же разрушает их. И не просто разрушает – с разрушенными чакрами можно продолжать жить, хотя и полностью лишенным волшебства. Он «взрывает» их изнутри, уничтожая само астральное тело, а с ним и другие оболочки.

Это приводит к быстрой и мучительной смерти, после которой невозможно не то что воскресить – даже призвать дух покойного. Что-то потом на зов приходит, но это лишь смутная тень, эфирный слепок. Эффект даже более сильный, чем у душепронзателей.

Но как и обычный короний, «хладный» губителен лишь на очень малом расстоянии. Желательно – тактильном контакте. Он потому и заключен в каменную оболочку – чтобы обезопасить оператора.

И оператор чакровзрывателю требуется соответствующий. Прошедший специальное обучение. Владеющий очень сложным боевым искусством – антимагией. На базисном уровне она позволяет защищаться от заклинаний, рассеивать активные мановые потоки. На среднем – стопорить заклинания «на взлете», блокировать сами чакры, парализовывать других чародеев. На высшем… высший уровень относится к запрещенному волшебству, поскольку дает возможность разрушать чужие чакры, безвозвратно лишать волшебной силы.

И полностью собранные чакровзрыватели – это по сути сверхмощные усилители антимагии. Заряд исходит извне.

На малой мощности Апофеоз просто обессиливает чародеев. Парализует, причиняет сильную боль.

На полной – убивает.

Конгресс это знает. Медные Маги это знают. Им известно, что Конклаву достаточно щелкнуть пальцами, чтобы никого из них не стало. И они должны – обязаны! – пойти на мировую. Перед лицом этой угрозы, перед категорическим ультиматумом они обязаны…

- Нас атакуют, - известил Даскомедаль. – Приступаю к отражению.

Не дожидаясь одобрения остального Конклава, темный эльф взметнулся в воздух. Его руки бешено закрутились, испуская тысячи сверкающих полос. Небо засветилось полярным сиянием – Даскомедаль одним ударом сшиб целую эскадрилью микроголемов.

Они появились из ниоткуда, абсолютно внезапно. Кто-то на

той стороне сумел проникнуть сквозь все слои защиты и прорвать телепорт-блокаду. Возможно, они организовали целый ритуал – в конце концов, против Конклава сейчас весь конгресс и весь орден Медных Магов.

Сразу после удара Даскомедаля холм Апофеоза утонул во вспышках. Волшебники появлялись на каждом пятачке – да все сплошь влиятельные, могущественные. За минувшие три дня они сумели скооперироваться и организовать нападение.

- Их здесь сорок одна тысяча двести сорок семь, - хрипло произнесла Акк-Ва, поднимая кристаллический купол. – Среди них Эльзеф, Мастокади, Моо-Кт, Остордерасс и Твердый Ноготь.

- Вижу, - только и ответил Оопсан.

Он уже чувствовал аурические сигнатуры. На Утренний остров явились величайшие волшебники Парифата... из тех, что все еще живы.

- Кажется, я знаю, как они прошли, - виновато произнес Оксатти. – Некоторые из них – пробные участники Спектральной Сети. Кто-то мог подобрать ключ, выяснить точное место и проникнуть через кордоны...

- Неважно, - прервал его Оопсан. – Мэтр Ильтокелли, сколько осталось до запуска Апофеоза?

- Можно хоть сейчас, но мы давали им сроку до третьего рассветного часа, хе-хе, - осклабился старикашка. – Осталось пятнадцать минут.

- Они собираются нас убить, – заметила Лунарда. – Я предлагаю сжечь их Апофеозом. Прямо сейчас.

- Нет, - ответил Оопсан. – У них есть еще пятнадцать минут, чтобы прекратить беспорядки. Мы им это гарантировали, и мы сдержим слово. Мородо, задержи их.

Летающая мясная гора не шевельнула и бровью. Но во все стороны хлынула телекинетическая волна. Кристаллический купол Акк-Ва уже лопнул под натиском сразу тысяч заклинаний – но теперь штурмующих встретил Мородо. Сам воздух сгустился и стал сжиматься вокруг волшебников.

- Уверены, первый советник? – с сомнением произнесла Лунарда, концентрируясь на почве и выращивая гигантских элементалей. – Их сорок тысяч, а нас семеро. Продержаться четверть часа будет непросто.

- Иначе нельзя, - ответил Оопсан. – Мы – Конклав. Мы исполнители закона.

- Но что есть закон в нынешнее время?

- Закон – это наше слово. Останемся ему верны, бессмертная Ситардерасс.

Натиск был бешеным. Волшебники валили со всех сторон,

сплетая тысячи заклинаний. Они прекрасно понимали, что с ними хочет сделать Конклав – и не собирались ему этого позволить. Сама реальность исказилась и закипела от хлещущей отовсюду магии.

Но у каменного конуса стояли семь величайших волшебников Парифата. Воздух светился от молний Даскомедаля. Земля бурлила элементалями Лунарды. Оксатти спутывал умы сотнями, ломал ментальные барьеры. Вокруг Мородо комкалось само пространство. Ильтокелли нагнал ядовитых туч и хлестал метеорным градом. Акк-Ва превращала наступающих в стекло и песок.

А глаза и рот Оопсана светились синим. Самый здесь умелый в антимагическом искусстве, он левой рукой швырял заклинания, а правой – разрушал. Блокировал чары противника и усиливал у членов Конклава.

- Эта территория была объявлена закрытой, - произнес он, отбивая летящий в него душепронзатель. – У вас нет права здесь находиться.

Пальцы правой руки скрючились, ногти посинели – и одна из самых ярких аур погасла. Оопсан сжег чакры Эльзефа, лишил его волшебной силы. Проведя в воздухе левой рукой, он начертал знак Иссечения – и воздух прорезало ломаными линиями. Добрая сотня волшебников осыпалась россыпью кровавых кубиков.

- Сколько времени, мэтр Ильтокелли? – спокойно спросил первый советник.

- Заканчивается! – хихикнул погодный советник. – Еще пять минут!

- У ВАС ОСТАЛОСЬ ПЯТЬ МИНУТ! – прогремел Мородо, заставив свой голос звучать в каждом ухе.

Оопсан начал отступать. Поближе к Апофеозу. Его окружали остальные советники. Даже их могущества уже не хватало – по их души явились волшебники немногим уступающие. Эта чародейная феерия уже выжгла над холмом всю ману – следующие лет десять тут будет сухое пятно.

А личные запасы не безграничны...

Оопсан стал подниматься в воздух – и из тысячи глоток вырвались крики. Все сразу поняли, что это означает. Сотня волшебников попыталась парализовать Оопсана, еще сотня – ударила трансформирующими волнами. Шестнадцать метательных душепронзателей остановились в воздухе. Мысли на секунду замерли – кто-то все-таки пронзил барьеры, сумел достичь его ментальным сверлом.

- ОСТАНОВИТЕ ЕГО!!! – ревели волшебники, тоже взмывая ввысь. – СБЕЙТЕ!!!

Но вокруг Оопсана поднимался остальной Конклав. Их окутывали многослойные защитные поля. Мородо ловил каждый материальный снаряд. Оксатти подавлял разумы. И никто не мог прорваться через энергетическую стену Даскомедаля.

- Дайте нам одну минуту, госпожа Акк-Ва, - попросил Оопсан.

Финансовый советник щелкнула костлявыми пальцами – и Апофеоз накрыло матовой сферой. Абсолютный экран.

- Одна минута, - проскрипела старуха. – Потом они ее проломят.

- Нам больше не нужно, - положил руку на верхушку конуса Оопсан.

К ней присоединились еще шесть. Члены Конклава обратились к своим античакрам, исторгли из них ману. Лишь у Оопсана имелась постоянно действующая, но остальные советники тоже умели временно обращать одну руку в источник антимагии.

- На малую мощность, хе-хе?.. – проскрипел Ильтокелли.

- На полную, - отрезал Оопсан, с неодобрением глядя на беснующуюся вокруг орду. – Иные средства исчерпаны. Ампутируем пораженные органы.

- Мы совершаем ошибку, - вздохнул Оксатти. – Нас проклянут.

- Мы уже прокляты, - усмехнулась Лунарда.

- Хе-хе-хе-хе-е-е-е!.. – залился смехом Ильтокелли.

- Я не хочу в этом участвовать, - попытался отдернуть руку Оксатти.

- Назад дороги нет, - повернулся к нему Оопсан. – Это общее решение, мэтр Оксатти.

- Я голосовал против...

- Моя сфера сейчас лопнет! – раздраженно напомнила Акк-Ва. – Остались секунды!

- Активируем, - распорядился Оопсан.

И в каменный конус хлынуло ненавистное всякому волшебнику излучение. Короииевый стержень загудел... раскалился... и Апофеоз издал беззвучный вой. Сфера Акк-Ва с шипением растворилась, бесчисленные волшебники разом швырнули заклинания... но было уже поздно!

Слишком поздно.

Для всех.

С ужасом Оопсан осознал, что Апофеоз бьет не точечно. Излучение распространяется бесконтрольно и безгранично. Во все стороны. Через несколько секунд оно окутает всю планету – и, возможно, хлынет еще дальше.

Его самого уже охватил этот внутренний огонь.

- ...Кто... ошибся?.. – прохрипел Даскомедаль, теряя равновесие.

Члены Конклава растерянно переглянулись. Кто бы из них ни допустил ошибку – они уже не успевали это выяснить. Вокруг падали волшебники. Их ауры пунцовели и вибрировали, чакры страшно распухали и лопались, безвозвратно разрушая астральные тела.

Из глаз и ртов струился синий свет.

Семеро советников сползали по каменному конусу. Их трясло агонией. Оопсан напряг пальцы, обратил всего себя к античакре, и выдавил:

- ...Руки!.. дайте!..

Даскомедаль схватил его за правую руку, Акк-Ва – за левую. С других сторон за них уцепились Ильтокелли и Оксатти, за Ильтокелли схватилась Лунарда, и уже вместе с Оксатти они сжали толстые пальцы Мородо.

- Зорек топара... ара доке... – просипел Оопсан на последних каплях жизни. – Арумар тараха... исида... оке... Норедано зуафара... иститора ом да... Даруке...

А потом члены Конклава упали замертво. Как и еще сорок тысяч волшебников здесь – и почти три миллиарда в остальных частях Парифата.

- Мы – Конклав... – еще успел прохрипеть Оопсан.

И вокруг Апофеоза воцарилась тишина.

Глава 43

- Это и есть Апофеоз? – осведомилась Джиданна. – Всего-то? Я разочарована.

Танзен раскрыл рот, чтобы ответить – но не успел. Кости, которые у самого Апофеоза лежали уже стеной, вдруг... зашевелились. Тысячи их поднялись в воздух, складываясь в причудливую, кошмарного вида фигуру. У черепов засветились пустые глазницы, несколько челюстей раскрылось, и из них вырвался ледяной глас:

- Вы Увидели Апофеоз. Вы Не Уйдете Живыми.

Искателей Криабала словно обдало мертвенным хладом. Даже Мерзопак смотрел на это изумленно и с опаской – что уж говорить об остальных. Костяной столб со страшной скоростью закружился и приобрел человеческие черты... очень условно человеческие.

Семь сросшихся скелетов. Они торчали из одного стержня, одного скрученного из тысяч костей хребта. В точке «поясницы» они разветвлялись, расходились семью грудными клетками.

Семь смотрящих в разные стороны черепов. Четырнадцать костяных рук.

Четырнадцать пустых глазниц горели синим.

- Кто он? – спросил Мектиг, поднимая секиру.

- Не знаю... – медленно ответила Джиданна. – И насколько он сложный – я тоже не знаю...

- Мы – Конклав, - раздалось из семи черепов сразу. – Мы – Величайшие Волшебники Этого Мира. Мы – Стражи Апофеоза.

Странно они говорили. Чеканили слова так, словно отдельно выделяя каждое. И все в унисон, синхронно.

Но подумать об этом никто не успел. Семь частей Конклава принялись вращаться – и воздух наполнился криками. Фырдуз и Плацента захрипели, держась за горла. Джиданну и Мектига поразили желтые лучи, и они упали кулями.

Танзен успел перейти в форму №70 (железный голем) – его накрыло столбом белого пламени. Он ушел в форму №95 (воздушный сгусток) – его тут же скрутило, сдавило в комок. Он вырвался из кинетического захвата в форме №8 (лепрекон) – его начала поглощать земля. Он освободился в форме №14 (крот) – на мозг обрушился страшный удар. Он стал нечувствителен к ментальному воздействию в форме №88 (мозгоед) – и его снова накрыло пламенем.

Только Массено, Мерзопак и Имрата не сдались сразу же. Солнцегляд сорвал повязку – и в Конклав ударил чистый свет… но тут же расплескался о невидимый щит. Массено продолжал жечь проклятую нежить, но пока не преуспевал.

Мерзопак отбил первое заклинание, что в него швырнули, и теперь боролся с другим. Его охватило синими кольцами, с них тянулись бесконечные нити, и где они касались кожи – та серела, чуть вспыхивала. Ударить сам Мерзопак не успевал – тоже великий волшебник, он сразу понял, что это просто не его уровень.

А Имрата шла сквозь густой раскаленный воздух. Тот уплотнился донельзя, ее волосы развевались, а с меча срывались ливни пламени. Раз за разом они ударяли в Конклав, но тот казался неуязвимым.

Фырдуз тщетно пытался вздохнуть. Он понял, что еще несколько секунд – и все погибнут. У Массено уже ушла земля из-под ног – бесчисленные кости ожили, схватили его, принялись рвать плоть. Имрата споткнулась – и тоже упала, теряя меч. Ее стиснуло незримой хваткой – и даже титановы кости затрещали.

Но тут из-за телеги-вехота высунулся тот, кого Конклав не заметил. Дрекозиус в первый же момент удивительно шустро юркнул в укрытие – и сумел избежать быстрой мучительной смерти.

Теперь же он высунулся и торопливо крикнул:

- О великий и могучий Конклав, в самом ли деле ты – последние советники Парифатской империи?!

- Да, - коротко ответило чудовище, отшвыривая Мерзопака на сотню шагов. Крохотный старичок упал и больше не поднимался. Трость выпала из его руки.

- В таком случае остерегись причинить мне вред, ибо я – законный наследник престола Колдующих Императоров!

Все черепа уставились на Дрекозиуса. Какой-то миг царило молчание, а потом все заклинания разом прекратились. Фырдуз и Плацента снова задышали, Мектиг и Джиданна с трудом подняли головы. Танзен с огромным трудом принял форму №50 и подал руку Массено.

- Объяснись, – издал ледяной глас Конклав. – Ты Обладаешь Сущностью Хранителя Криабалов? Предоставь Подтверждение.

- Уверен, что всемогущие волшебники способны по одному звучанию моего голоса определить, правду ли я говорю или лгу! – льстиво, но твердо сказал Дрекозиус. – Если же тебе нужно материальное подтверждение, то вот, взгляни на предмет в руках нашего храброго кобольда – это не что иное, как Рваный Криабал!

Черепа обернулись к книге. Конклав немного передвинулся к

Фырдузу – и тот испуганно отпрянул. Чудовище необычно перемещалось – оно словно росло из бесчисленных костей, усеивающих почву. Торчало из них, как кошмарное дерево.

- Скрепленные Вместе Листы Из Разных Криабалов, - прокомментировал Конклав, рассмотрев сокровище Фырдуза. – Это Вы Собрали Подобное?

- Не совсем, - уклончиво ответил Дрекозиус. – Позволь нам рассказать о наших целях и достижениях – и ты воистину увидишь, что они возвышенны и благородны!

- Рассказывай, - настороженно произнес Конклав.

Дрекозиус принялся заливаться соловьем. Он поведал о их миссии, об Антикатисто и многом другом.

Остальные же медленно поднимались, с опаской глядя на ужасную нежить. Прихромал опирающийся на трость Мерзопак. Имрата снова вооружилась мечом. Мектиг помог слезть с телеги Джиданне.

Волшебница переглянулась с Танзеном и тихо произнесла:

- Трупомонстр.

- Личеобразный, - кивнул Танзен.

Им не доводилось воочию видеть подобных существ. Воистину это что-то уникальное. Но если применить стандартную классификацию нежити ПОСС, то Конклав действительно относится к трупомонстрам.

Это как крысиный король – сваливают в кучу несколько мертвецов и поднимают как единое целое. При этом они либо слипаются, либо срастаются. Получается или многотелая жуткая тварь или уродливый великан.

Но обычно трупомонстр – это просто гигантский зомби. Мощный, но тупой. А тут... тут что-то вроде лича. Этот трупомонстр сохранил разум... семь разумов. Кажется, они тоже слились и перемешались, но оно по-прежнему мыслит... и даже колдует.

А семь его составляющих – это семь великих древних волшебников. Поэтому колдует оно невероятно сильно.

- В Самом Деле, Теперь Мы Убедились, - произнес Конклав, дослушав Дрекозиуса. – Ты – Прямой Потомок Колдующих Императоров И Обладатель Сущности Хранителя Криабалов. Мы Признаем Это.

Плацента аж позеленел от зависти. Его почему-то смертельно злило, что жирный болтливый святоша в каком-то смысле центральная фигура их отряда. И еще маленький вшивый кобольд, который таскает Криабал. И тупой варвар, который по чистой случайности нашел самую первую страничку и начал всю эту суматоху.

А полугоблин вечно в стороне, вечно считается неказистым дополнением, расходным материалом.

- Вы не убьете нас? – с надеждой спросил Дрекозиус.

Семь черепов с хрустом повернулись на позвонках, обратившись друг к другу. Теперь на незваных гостей смотрели гладкие костяные затылки. Конклав принялся совещаться сам с собой.

Потом черепа с хрустом развернулись, и из светящихся синим ртов донеслось:

- Мы Решили Даровать Вам Жизнь. Парифатской Империи Больше Нет, Но В Тебе Течет Кровь Династии, Которой Мы Служили, И Потому Мы Не Убьем Вас. Однако И Прикоснуться К Апофеозу Не Позволим, Ибо Запущен Повторно Он Быть Не Должен.

- Но ведь и мы хотим именно этого! – торопливо заверил Дрекозиус. – Я же сказал, что мы здесь не для того, чтобы его использовать, но для того, чтобы этого не сделал кое-кто другой!

- Мы Знаем, О Ком Ты, - ответил Конклав. – О Элементале Тьмы, Которому Служат Антимаги. Он Уже Являлся Сюда. Дважды. Мы Не Подпустили Его К Апофеозу, Но Не Смогли Его Убить. Он Сумел Уйти Невредимым.

Даже несмотря на это – все преисполнились уважением к мощи Конклава. В его лице Антикатисто впервые столкнулся с противником, с которым не справился.

- Антикатисто не сдастся, - сказал Танзен. – Он вернется – и на этот раз с Криабалами. Апофеоз нужно уничтожить.

- Не Считай Нас Глупцами, - недовольно произнес Конклав. – Если Бы Апофеоз Было Возможно Уничтожить, Мы Сделали Бы Это Давным-Давно. Апофеоз Неуничтожим.

Это стало для всех неожиданностью. Танзен и Массено беспокойно переглянулись, Дрекозиус растерянно заморгал.

- Он просто неуничтожим или совсем неуничтожим? – въедливо осведомился Плацента.

- А что, есть разница? – посмотрела на него Джиданна.

- Ну так, уточняю. А то, тля, нюансы всякие бывают...

- Ничто Не Неуничтожимо Совсем, - отчеканил Конклав. – Почти Ничто. Но Апофеоз Неуничтожим Силами, Нам Доступными. Мы Сами Его Таким Сотворили.

- Я... я правильно понимаю, что это именно вы построили Апофеоз? – спросил Дрекозиус.

Конклав немного развернулся, устремляя к Дрекозиусу другой череп. Чуть более желтый, чем остальные.

- Мы, - подтвердил он. – В Первую Очередь Наша Составляющая Ильтокелли, Но Остальные Тоже Приложили Руку.

- Составляющая?.. – чуть наклонил голову Дрекозиус. – Не будет ли слишком назойливым с моей стороны поинтересоваться?..

- Мы – Конклав. У Нас Семь Составляющих. Семь Тел. Семь Душ. Первый Советник Оопсан, Погодный Советник Мерезит Ильтокелли, Финансовая Советница То Ли Акк-Ва, Военный Советник Даскомедаль Сиа, Социальный Советник Онгот Мородо, Природная Советница Лунарда Ситардерасс, Астральный Советник Дармаг Оксатти.

- Дармаг?.. – заинтересовался Мектиг. – Ты дармаг?..

- Это Имя. Не Раса. Просто Случайное Звуковое Сходство. Мы Жили Задолго До Того, Как Твой Народ Появился В Этом Мире.

Мектиг немного огорчился. Его почему-то обрадовало, что один из этих сросшихся живых скелетов – его сородич… но тут же оказалось, что это не так. Что он, как и остальные – обычный человек, белокожий и теплолюбивый.

Тем временем Дрекозиус, Джиданна, Фырдуз, Танзен, Массено и Мерзопак торопливо совещались полушепотом.

- Апофеоз неуничтожим, - тихо говорила Джиданна. – По крайней мере мы точно не сможем. Вернемся?..

- А вторая часть плана? – спросил Фырдуз.

- Для нее нам не обязательно быть именно здесь, - напомнил Танзен, косясь на Апофеоз. – Здесь в чем-то даже хуже. Давайте переместимся… куда угодно.

- Но тогда нам придется снова пересечь остров Вечной Ночи, - заметил Массено. – Сюда портала не открыть. А Антикатисто следует за нами по пятам и может настичь в любую минуту.

- К тому же я не соглашусь с тем, что здесь исполнение плана станет затруднительнее, - улыбнулся Дрекозиус, глазами показывая на Конклав. – Вы же слышали это доброе семиглавое существо?.. Оно если не могущественнее Антикатисто, то как минимум не уступает ему. Возможно, именно здесь мы сможем обзавестись дополнительным козырем, способным сыграть решающую роль в нашей, не будем уж скрывать, крайне рискованной авантюре…

- Возможно, - чуть промедлив, кивнул Танзен. – Но это все равно авантюра. Жаль, дальнозеркала тут не работают, я бы предпочел…

- Какая чепуха, мой мальчик! – засверкали глаза Мерзопака. – Истинное злодейство – всегда импровизация! Импровизируем же, друзья!

- Мэтр Мерзопак, напоминаю, что вы сейчас по другую сторону моральной черты, - сухо произнес Танзен. – Это Антикатисто – зло, а мы стремимся его одолеть.

- Да какая разница?! – всплеснул руками крохотный старичок. – Право, что за ерунда!

Джиданна покачала головой, тоже глядя на Апофеоз. Но рядом с ним был Конклав, который сейчас препирался о чем-то с Мектигом, Плацентой и Имратой. И... он действительно невероятно сильный.

Возможно, толстый жрец и прав, конечно...

- Мы Слышим Каждое Ваше Слово, - вдруг напомнил о себе Конклав. – Вы О Чем-То Желаете Попросить Нас? Если Да, То Не Тяните.

- Да, в самом деле... – натянул на лицо улыбку Дрекозиус, с опаской подходя ближе. – Сразу скажу, что это ни к чему вас не обязывает, и я очень прошу не сердиться, буде мои вопросы или просьбы покажутся вам предосудительными...

- Говори, Цесаревич.

- Просто вопрос... гипотетический... Скажите, если бы Апофеоз было возможно уничтожить – вы бы согласились? Предположим, что средство нашлось. Отошли бы вы в сторону, позволив его применить, или ваше творение слишком вам дорого?..

- Мы Ненавидим Его, - равнодушно произнес Конклав. – Мы Совершили Ошибку. Наше Творение Уничтожило Парифатскую Империю. Низвергло Мир В Хаос. Убило Миллиарды. Если Бы Его Было Возможно Уничтожить, Мы Сделали Бы Это. Но Способа Нет – И Потому Мы Его Стережем. Мы Не Можем Покинуть Утренний Остров. Не Можем Отойти Далеко От Апофеоза. Мы Сами Связали Себя С Ним. Навечно.

- Утренний остров?.. – уточнил Дрекозиус. – Это прежнее его название, не так ли? Возможно, я скажу вещь, для вас очевидную, и заранее прошу за это простить, но сейчас это место именуется островом Вечной Ночи... Так оно отмечено на картах.

- Мы Знаем. Мы Не Покидаем Острова, Но Мы Наблюдаем За Тем, Что Происходит В Мире. Раньше Этот Остров Назывался Утренним. Он Был Курортом. Вечную Ночь Над Ним Установили Мы.

- Вы?! – изумился Танзен. – Зачем?!

- Мы Никого Не Пускаем На Остров. Не Пускаем К Апофеозу. Эти Тучи – Не Просто Тучи. Они Скрывают Остров От Чародеев И Ясновидцев. Никто Не Узрит Нас И Апофеоз. А Кроме Того Они Ослабляют Действие Чакровзрывателей. Если Кто-То Все Же Проникнет, Пройдет Мимо Нас И Сумеет Запустить Апофеоз – Он Будет Бить Только С Малой Мощностью. Обессиливать, Но Не Убивать.

А вот это вызвало у всех облегчение. Конечно, Апофеоз от

этого никуда не денется, да и чародейские тучи наверняка можно рассеять... но это все-таки дополнительная препона. Еще одна преграда, которую придется преодолеть Антикатисто.

- Почему Апофеоз вообще так близко к Бриарогену? – спросил Танзен. – Это же бывшая столица империи. Я читал, что его возвели в некоем уединенном, закрытом месте, и мне казалось...

- Где Ты Об Этом Читал? – перебил Конклав.

- «Излучающий артефакт. Проект «Апофеоз». Разработки, испытания, применение», - чуть задумавшись, процитировал название Танзен. – Автор неизвестен.

- Ты Читал Нашу Книгу? По-Своему Это Приятно Слышать.

- Вашу?..

- Мы Написали Ее Уже После Катастрофы. Чтобы Потомки Не Забыли. Надеемся, Что Она Широко Распространилась?..

- Не очень, - уклончиво ответил Танзен. – Но она есть в библиотеках... библиотеке.

Конклав чуть приподнялся над землей. Теперь он стал раза в два выше Мектига. Скелеты снова закрутились, черепа пристально вглядывались в искателей Криабала.

- Вы Хотите Уничтожить Апофеоз, - произнес Конклав. – Но В Этом Нет Необходимости. Чтобы Его Запустить, Нужен Семидольный Ключ. Он У Нас. Никто Не Сможет Повторно Запустить Апофеоз.

- Кроме вас, - сразу уловил Массено.

- Кроме Нас. Но Мы Никогда Больше Этого Не Сделаем. Мы Дали Клятву.

- Но Антикатисто никогда не перестанет пытаться, - сказал Массено. – Пока он жив – он будет искать доступа к Апофеозу.

- И теперь у него есть Криабалы, - добавил Танзен. – Вы уверены, что Криабалы не позволят обойти вашу блокировку?

Конклав ненадолго задумался. Черепа снова повернулись и принялись совещаться. Закончив, они неохотно признали:

- У Нас Нет Такой Уверенности. И Мы Должны Полностью Оградить Мир От Повторного Запуска Апофеоза.

- В таком случае помогите нам убить Антикатисто! – попросил Массено.

- Мы Поможем, - согласился Конклав. – Но Это Не Все. В Криабалах Действительно Может Быть Средство Получить Доступ К Апофеозу. Мы Не Знаем Всех Их Возможностей. После Смерти Антикатисто Мы Заберем Криабалы Себе.

- Но подождите, как же так... – растерянно заговорил Дрекозиус.

- Это Наше Условие. Криабалы Тоже Чрезмерно Опасны. Бриар Всемогущий Передал Их На Хранение Своим Советникам.

Мы – Конклав. Мы – Советники Колдующего Императора. Мы Должны Хранить Криабалы. Решение Окончательно.

- Одну минуточку, с вашего позволения!.. – торопливо попросил жрец, подтягивая к себе Джиданну и Мектига.

К ним присоединились Плацента и Фырдуз, Танзен и Массено, Имрата и Мерзопак. Сунул в круг конскую морду вехот. Десятеро участников великого похода принялись обсуждать требование Конклава.

Дрекозиус напомнил, что он, как прямой потомок Бриара, имеет полное право претендовать на хотя бы один, а лучше два Криабала.

Фырдуз напомнил, что Рваный Криабал уже обещан дракону Орказароку. Тот наверняка очень огорчится, если его обмануть. А мало кто захочет огорчать дракона в десять скал весом.

Вехот напомнил, что ему была обещана пятая часть добычи. И хотя сейчас все прежние договоренности явно ничтожны, он по-прежнему рассчитывает хоть что-то получить за свои услуги. Он все-таки демон, он не работает задаром.

Танзен напомнил, что Бурый Криабал принадлежит Мистерии, и в Мистерию же должен вернуться. Мэтр Мазетти очень на это рассчитывает.

Имрата напомнила, что Белый Криабал – ее законный боевой трофей, который она вырвала из рук одного из прежних императорских советников.

Мерзопак напомнил, что Темный Властелин тоже ожидает возвращения всех Криабалов, и он будет крайне разочарован, если его новые слуги вернутся с пустыми руками.

Массено напомнил, что Криабалы и впрямь очень опасны и будет лучше всего захоронить их в надежном месте, а если Конклав уже стережет одну угрозу всему живому, то будет только логичным поручить ему и другую.

Плацента напомнил, что он имел всех присутствующих во все места.

И только Мектиг и Джиданна ничего не сказали. Они просто держались за руки.

- Что Вы Решили? – нетерпеливо спросил Конклав.

- У Антикатисто оглавление и титульный лист, - сказал Дрекозиус. – Он знает, где находятся все Криабалы. Скажи, о благородный Конклав, защитят ли чары острова Вечной Ночи от чар Криабалов?

- Нет, - ответил Конклав. – Возможно, Затруднят Обнаружение. Но Даже Всей Нашей Силе Не Превзойти Криабалы. Их Создал Сам Бриар.

- В таком случае лишь вопрос времени, когда он нас отыщет.

Если мы останемся здесь с Рваным Криабалом, вам в любом случае придется вскорости иметь дело с Антикатисто – заключим ли мы договор или нет.

- Твои Слова Справедливы.

- В таком случае помогите нам, о мудрый и великий! – горячо произнес Дрекозиус. – Помогите нам справиться с этим богопротивным злом! А уж после этого мы обсудим вопрос Криабалов... на победном пиру, за кубком доброго вина, в уютной дружеской обстановке...

Черепа Конклава с изумлением уставились на Дрекозиуса. Потом чуть наклонились, рассматривая свои костяные руки. Кажется, лич-трупомонстр размышлял, как в них будут смотреться кубки с вином.

А потом из семи черепов раздались странные звуки. Как будто там катался сухой горох. Дрекозиус не сразу понял, что Конклав смеется.

- Когда Одна Из Наших Составляющих Была Советником Оопсаном, То Любила Белое Вино, - с чуть заметной теплотой произнес Конклав. – А Советник Лунарда Предпочитала Розовое...

- Это да или нет, тля?! – нетерпеливо прошипел Плацента.

- Ты Хитрый Человек, Цесаревич Дрекозиус, - молвил Конклав. – Ты Мог Бы Стать Интересным Колдующим Императором. Хорошо. Мы Не Станем Настаивать Прямо Сейчас. Мы Поможем В Любом Случае. Но Наше Требование Не Меняется. И Не Надейтесь, Что Вам Удастся Нас Обмануть.

- В таком случае, мы с радостью и удовольствием приступим к исполнению задания, что поручил нам благородный муж Бельзедор, - поклонился Дрекозиус. – Лорд Мерзопак, не соблаговолите ли вы совершить вам порученное?..

- Уже, молодые люди, уже!.. – ответил старичок, все это время рисовавший огромную пентаграмму. – Маленький кобольд, ты внимательно слушал инструкции?..

- Да, конечно!.. – открыл Криабал Фырдуз.

- Вот и молодец. Читай ту штуку.

- Осороки токара токапа, - послушно стал произносить кобольд. – Агат текара тока ме. Кидорит. Ацарака. Ино ино, теревек такара мадака зи торабо акава да. Иневорк.

Это было заклинание Уз. Все то же самое заклинание, что Фырдуз прочел в тот страшный день, когда хобии захватили Хасму. Заклинание, накрепко связывающее его с Рваным Криабалом. Не позволяющее никому его отнять и даже просто отпустить.

Честно говоря, Фырдуз давно устал постоянно с ним таскаться. Держать либо под мышкой, либо за пазухой, либо в

руках. Быть склеенным с этой книгой, словно мать с ребенком.

Теперь он ее выпустил.

Правда, связь между ними никуда не делась. Полностью разрывать Узы Фырдуз пока не собирался – без остатка комментариев он и не сможет сделать это окончательно. Зато переменные «зи торабо» и «кидорит» позволили их как бы «растянуть». Теперь Фырдуз может отойти от книги на шаг... на два... на десять... на целых триста!..

Правда, каждый следующий шаг давался все тяжелей и тяжелей. Фырдузу понемногу становилось труднее дышать. Отойдя от Криабала на триста шагов, он почувствовал, что сейчас упадет. Между ними словно протянулся невидимый ремень. Растянутый донельзя, но жаждущий сократиться.

- Го... готово!.. – пискнул Фырдуз.

- Превосходно, - улыбнулся Мерзопак, кладя Криабал в центр пентаграммы. – Все готовы?..

Мектиг сумрачно кивнул. Дрекозиус сглотнул. Имрата покрепче сжала рукоять меча.

Все глядели на узор среди древних костей – огромную звезду, вписанную в пятиугольник. С одной ее стороны мерцали синим глазницы Конклава, и за спиной его возвышался громадный Апофеоз. С другой сгрудились они десятеро.

А в самом центре, почти невидный отсюда, лежал раскрытым Рваный Криабал.

- Думаете, появится? – спросила Джиданна.

- Рано или поздно безусловно появится, - ответил Дрекозиус. – Но теперь нам остается только набраться терпения и ждать, дочь моя...

И так они прождали целый час. А потом еще полчаса. Чары острова Вечной Ночи явно создавали проблемы даже для оглавления Криабала.

- Может, он боится Конклава?.. – предположил Фырдуз.

И в этот самый момент воздух хлопнул. В самом центре пентаграммы, в точности над Рваным Криабалом, выплеснулась черная клякса. На мгновение все замерли, оцепенели – все были уверены, что Антикатисто, как обычно, прилетит в облике черной тучи.

Никто не ждал, что он появится... из ниоткуда!

И эта секунда промедления стала роковой.

- Хватай его! – раздался испуганный вскрик.

Массено сорвал повязку – и Антикатисто озарило чистым светом. Фырдуз же потянул на себя, дернул Криабал – и тот рванулся к нему стрелой...

Но тут же замер. Щупальца чистой Тьмы охватили книгу

липкой хваткой. Волна разреженной Тьмы хлынула из пентаграммы – и расплескалась о силовой барьер Мерзопака.

Но были еще и два копья Тьмы густой, плотной. Они пробили магический заслон и поразили Массено и Фырдуза.

Солнцегляд устоял. Он встретил первостихию собственным взглядом – и разрушил большую часть. Но и малой части хватило, чтобы обжечь лицо ядовитой скверной. Массено упал, держась за глазницы, и тяжело задышал.

А Фырдуз просто отлетел в сторону и скрючился на горе костей.

Мертвый.

Рваный Криабал исчез в недрах Антикатисто. Тот выпрямился, глядя на искателей Криабала... но мигом спустя его раздавило невидимыми ладонями. Элементаль Тьмы забился в них, как бабочка.

- Ты В Третий Раз Увидел Апофеоз, - бесстрастно молвил Конклав. – В Этот Раз Ты Точно Не Уйдешь Живым.

И несколько секунд казалось, что с Антикатисто покончено. Что всемогущий Конклав сейчас его уничтожит. Несколько секунд в сердцах жила надежда, что непреодолимый ужас повержен.

А потом она рухнула.

Антикатисто резко расширился во все стороны – и восстал. Вокруг него завертелись мановые клубы – и разноцветные спирали чистой энергии. Они резанули незримые руки Конклава, оттолкнули назад. В чернильно-черной длани выросла серая пика – и пронзила лича-трупомонстра.

Конклав рассыпался на тысячи костей.

Глава 44

Антикатисто снова сократился, приобретая почти человеческие очертания. Искатели Криабала боялись дышать. Они не знали даже, стоит ли элементаль Тьмы к ним лицом или спиной... тот со всех сторон был одинаков.

Но, кажется, ему не было дела до тех, кто не мог ему ничем помешать. Кости, составляющие Конклав, уже снова шевелились. Антикатисто взмахнул руками, издал несколько звуков – и эту кучу пронзили еще две серых пики. А потом на ее месте взметнулся огненный столб – и большая часть костей превратилась в пепел.

Остались только семь черепов.

- Это сила Криабалов?.. – в страхе прошептал Дрекозиус.

- Да, - кивнул Танзен, изучая обожженное лицо Массено. – Вот для чего он их собирал. Чтобы одолеть Конклав.

- Об этом мы не подумали... – поморщилась Джиданна.

Имрата с лязгом выдвинула из ножен меч и шагнула вперед – но за плечи ее дернул Мектиг. Дармаг молча покачал головой – и было в его глазах что-то, отчего даже титанида решила не лезть на рожон.

- Эй, тля, а этот теребун сдох, что ли?.. – склонился над Фырдузом Плацента. – Да тля, ярыть, димидира марджоба... а, нет, тля, он дышит еще!..

Копье Тьмы уничтожило Фырдузу живот до самого хребта, выжгло половину внутренностей... но он в самом деле еще не испустил дух! На губах кобольда пузырилась кровь, он был в шаге от врат Шиасса... но все-таки не переступил черту.

Боли он уже не чувствовал. Не почувствовал и того, как по страшным ранам забегала белка-фамиллиар. Джиданна уселась рядом и сказала:

- Я такое вылечить не могу. Только оттянуть.

- Ну так оттяни, тля! – рявкнул Плацента. – Какого кира, Джи-Джи?!

- А какой смысл?.. – вздохнула Джиданна. – Мы все равно сейчас все умрем... если, конечно, мэтр Мерзопак не...

- Он повредил пентаграмму, - прошептал Мерзопак, растворяясь в воздухе. – Нужно восстановить. Задержите его, пожалуйста.

- Легко сказать... – поморщился Танзен, поворачиваясь к Антикатисто.

Элементаль Тьмы стоял на том же месте, где подобрал Рваный Криабал. Стоял неподвижно. Внутри него происходило что-то непонятное. Из-под колеблющейся черной поверхности вырывались лучи – красный, синий, зеленый, белый, серый, бурый... и какой-то мерцающий, радужный.

Криабалы. Антикатисто изогнулся, заколебался... и исторг их из себя. Восемь книг завертелись вокруг него и обернулись спиралями чистой энергии. Кружась все быстрее, они стали похожи на многоцветный смерч – и Антикатисто играл на них, как на пианино.

- Осороки токара токапа, - раздался шкварчащий голос. – Агат магура текара тока ме. Ацарака. Ино ино, теревек такара мадака акава да. Иневорк дабака дара интекора. Неската зо.

Вспышка! Многоцветный смерч слился воедино, образовал клубящуюся сферу – и она замерла над головой Антикатисто.

Восемь Криабалов снова стали единым целым.

Еще несколько секунд прошли в тягостном молчании. Антикатисто испустил щупальца Тьмы, погрузил их в единый Криабал, слегка вздрогнул... и снова начал читать:

- Ингиба тора ангида зака. Асурама тора иневорк хили. Армата зока а. Иневорк. Армата. Зорек топара зика тоге. Арумар тагаха исида. Норедана озока ташити ма. Зуафара такага иститора ом. Даруке то.

Никто не пытался ему помешать. Даже Имрата видела, насколько нет у нее шансов. Одно движение, один шаг в сторону Антикатисто – и просто умрешь. Он до сих пор не убил их всех только потому, что они ему безразличны, как безразличны человеку ползающие вокруг насекомые.

Антикатисто всегда убивал только тех, кто чем-то ему мешал.

И сейчас он дочитал неизвестное заклинание... и стал меняться. Тьма изошла со всей его поверхности, вспыхнула миллионом звездочек... и осыпалась.

И еще раз. И еще. Раз за разом Антикатисто словно линял, сбрасывал оболочку за оболочкой.

И так до тех пор, пока под бурлящей чернотой не проступила кожа.

Самая обычная кожа. Орехового оттенка, самую чуточку темнее, чем у присутствующих. На лице еще какое-то время плескалась будто черная маска – но вот и из-под нее проступили глаза, нос, рот.

Высокий лоб. Редкие волосы. Антикатисто предстал таким, каким его знали прежде. Самым обычным человеком по имени Радож Токхабаяж.

Только теперь – с полностью собранным Криабалом.

Тот не превратился обратно в книгу. Остался энергетической сферой, сотканной из восьми разноцветных спиралей. Чуть колеблясь, источая какой-то чудовищный магический фон, она висела над головой Антикатисто – а тот медленно осматривался. Как будто изучал окружающий мир новыми... или, скорее, старыми человеческими глазами.

Сначала он был наг, словно новорожденный. Но потом заметил это, дернул плечами – и по телу заструился синий шелк. Дорогая на вид ткань, но бесхитростное одеяние – обычная дорожная хламида, мантия чародея.

- Ярыть... – присвистнул Плацента.

А Имрата бросилась вперед. Решила, что раз Антикатисто перестал быть элементалем Тьмы, то снова стал уязвим – и взмахнула мечом. Сияющая полоса прочертила воздух, вскипятила его паром, оставила глубокий след в земле... но даже не порезала человека в центре пентаграммы. Следом в него с размаху влетел сам клинок – но изделие Кузнеца Титанов не оставило и царапины.

Имрата вложила в удар всю силу. Безграничную титанову силу. Антикатисто даже подался немного назад от такого толчка – но не более того.

А потом он поморщился, дернул бровью – и титаниду отбросило назад. Швырнуло в воздух, как из катапульты.

- Ярыть... – снова произнес Плацента.

Не обращая внимания на остальных, Антикатисто посмотрел на место, где рассыпался Конклав. Тот шевелился. Восстанавливался. Кости медленно сползались, черепа подрагивали и подергивались.

Антикатисто метнул еще одну серую пику.

Конклав разметало снова. Антикатисто изогнул ладонь – и два черепа вспорхнули в воздух. Антикатисто зашвырнул их куда-то... кажется, на макушку Апофеоза.

После этого Конклав перестал шевелиться..

Антикатисто удовлетворенно кивнул – и прищелкнул пальцами. С них сорвался сноп разноцветных искр – он унесся к непроницаемым тучам и рассыпался там белыми буквами. Во все небо высветилась надпись: «КО МНЕ».

- Так это все было ради этого? – подал голос Танзен. – Ради возвращения человеческого тела?

Антикатисто повернулся к нему. Какое-то время казалось, что он не ответит, что ему вовсе нет дела до суетящейся вокруг мелюзги и их ничтожного писка, но потом он все же открыл рот и произнес:

- Нет. Просто так проще.

Голос его звучал хрипло. Неестественно. Он как будто отчасти позабыл, как это делается.

- Проще?.. – переспросил Танзен. – Проще что?..

Антикатисто молча поднял взгляд к сфере-Криабалу. Кивнул в сторону Апофеоза. Пожал плечами – мол, все же очевидно, к чему эти глупые вопросы?

- И что – вот это... все?.. – спросил Танзен. – Теперь вы просто запустите излучающий артефакт... мэтр Токхабаяж? Это в самом деле и есть весь ваш план? Без нюансов, ничего кроме?..

- Ничего, - разомкнул губы Антикатисто. – И я обошелся бы и без Криабала, но эту древнюю тварь не брало ничто другое. Только одно заклинание из Серого... но половина оставалась в Рваном, к сожалению. Впрочем, Абсолютная Неуничтожимость – тоже неплохое заклинание. Полезное. Оно было в Рваном Криабале?..

Танзен медленно покачал головой. Он не совсем понял, о чем речь.

- В остальных его точно не было, я прочел все, - продолжил Антикатисто. – Неважно, впрочем. Вы что-то еще хотите спросить, мэтр? Несколько минут у вас еще есть.

- Один вопрос, - сказал Танзен. – Оно того стоило?

- Что именно? – не понял Антикатисто.

- Бессмертие. Стоило получать его таким способом?

- Бессмертие?.. – удивился Антикатисто. – Почему... а... вы ошибаетесь, мэтр. Я никогда не искал бессмертия. Уж точно не таким способом. Элементали вовсе не бессмертны.

- Я знаю, но... если не ради бессмертия, то ради чего тогда? Зачем вы себя вот в это превратили?

- А вы полагаете, что я целенаправленно это сделал? – искренне изумился Антикатисто. – Не нужно считать меня настолько сумасшедшим. Я не собирался превращаться в элементаля Тьмы. Во всяком случае не сам. Я искал способ Тьму обуздать. Поставить ее на службу обществу.

- Зачем?! – заморгал Танзен.

- А разве вы сами не видели, какая безграничная мощь в ней скрывается? Это настоящая бездна возможностей.

- Возможностей все сжечь, сгноить и разрушить?.. Да в ней же ни кира полезного нет!

- В диком виде – безусловно, - согласился Антикатисто. – Но и огонь в диком виде может только сжигать. Я верил, что если найти способ управлять Тьмой, она станет...

- Пылать в очаге? – ядовито осведомился Танзен. – Варить похлебку? Почему тогда не Свет? С ним-то все понятно.

- Я верил, что у Тьмы возможностей больше. Свет... он

слишком рафинирован. Он благ, да, но... впрочем, это все слишком долго объяснять. Я ошибался тогда – но понял свою ошибку я только после превращения.

- Да что там объяснять – ты просто хотел повыделываться, - фыркнул Плацента, выглядывая из-за Танзена. – Смотрите, какой я кудесный – Тьму обуздал, тля!.. Теперь с ее помощью мы исцелим чуму, победим голод и установим мир во всем мире, тля!.. Никто до меня так не мог – а я смог!.. Ишь, какой важный носок!..

- Это было не так, - нахмурился Антикатисто. – Но здесь нет ни одного индивида, который смог бы понять суть моей работы.

- А вы все-таки попробуйте, мэтр Токхабаяж, - вкрадчиво произнес Дрекозиус. – Мы обещаем внимательно вас выслушать. В конце концов, вы уже одержали победу, и несколько лишних минут ничего не изменят. Отчего бы вам не попробовать донести до нас свою точку зрения? Возможно, в таком случае мы даже встанем на вашу сторону... те из нас, кто не владеет чародейским искусством, конечно.

- Довольно подло с вашей стороны, отче, - спокойно сказала Джиданна.

- Дочь моя, я всего лишь предлагаю мэтру Токхабаяжу высказаться, - укоризненно произнес Дрекозиус. – Конечно, внутренне я не считаю, что какие бы то ни было его слова смогут изменить мои взгляды на его деяния и свершения. Согласитесь сами, мэтр Токхабаяж, что со стороны вы смотрелись и продолжаете смотреться не слишком красиво...

- У меня не было цели радовать чей-то взор, - ответил Антикатисто. – Я знаю, что со стороны я смотрелся монстром. Безумным злодеем. Но я не злодей. Если вам нужно Мировое Зло – обратитесь к Бельзедору.

- А вы не злодей, потому что?.. – подбадривающе покивал Дрекозиус.

Антикатисто вздохнул. Он снова посмотрел на место, где был Конклав, снова посмотрел на Апофеоз. Запустил в небо крошечный светящийся шарик, который озарил все вокруг зеленоватым светом. У подножия холма стали видны движущиеся фигурки – но они были еще далеко.

- Еще немного времени есть, - кивнул Антикатисто. – Это не имеет никакого значения, конечно, но мне все равно нужно дождаться моих подручных. С телепортацией на этом острове трудно. А убивать я вас не собираюсь, заметьте. Я вам не враг.

- Очень, очень радует, - едко улыбнулся Дрекозиус. – Бесконечно приятно слышать, что вы убили только одного из нас.

- Кобольд сам себя приговорил, связав себя Узами с

Криабалом. Вы не понимаете моей цели.

- Понимаем, - сухо сказал Танзен.

- Нет, не понимаете, - чуть поджал губы Антикатисто. – Вам кажется, что я был безумным монстром. Архизлобным комком Тьмы, который уничтожал все, что мог. Но я не Всерушитель.

- Кажется?.. – вскинул брови Танзен. – Был?.. Мэтр Токхабаяж, пока вы были элементалем Тьмы, вашим оправданием было хотя бы безумие. Темные эманации, поглотившие вашу душу. А чем вы собираетесь оправдаться сейчас?..

- Ничем. Я не собираюсь оправдываться. Да, будучи элементалем Тьмы, я плохо себя контролировал. Вы правы. Помимо воли я портил, губил, уничтожал все, чего касался или хотя бы приближался. Вы... не представляете, каково это.

- Да где уж нам, - хмыкнул Танзен.

- Но вы ошибаетесь, если думаете, что я не осознавал себя. В глубинах чистой Тьмы по-прежнему жила моя прежняя личность. И она ужасалась тому, что творила эта новая оболочка.

- Как грустно, - произнес Танзен. – Я вам сочувствую, мэтр Токхабаяж. Очень, очень сочувствую.

- Я был элементалем Тьмы! – с легким гневом в голосе произнес Антикатисто. – Я себя не контролировал! Для Тьмы свойственно губить все вокруг себя – у меня не было выбора!

- Предположу, что со временем выбор у вас все-таки появился?.. – произнес Массено, с кряхтением поднимаясь на ноги. – Вы убивали только волшебников и тех, кто стоял у вас на пути, верно?

- Да. Я стал элементалем Тьмы – но я по-прежнему оставался волшебником. Я изучал Тьму много лет. Я знал, как с ней обращаться. И я изо всех сил боролся с инстинктами новой оболочки. Сопротивлялся. Подавлял их. И в конце концов сумел подчинить.

- После этого вы попытались уничтожить себя, верно? – спросил Массено. – Некоторыми исследователями выдвигалась такая гипотеза...

- Это действительно так. Я повторял попытки раз за разом, и в конце концов понял, что лучший способ – просто изолировать себя от внешнего мира и выждать, пока не иссякнет питающая меня субстанция. Тогда я просто расточусь естественным образом. Я исчез, надежно заперся, ограничил себя – и провел в уединении тридцать лет.

- Но вы не расточились.

- Нет. Я стал на удивление мощным элементалем, а в инертном состоянии субстанция практически не иссякала. Чтобы расточиться, мне нужно было ее тратить. Использовать по

прямому назначению.

- То есть губить все вокруг себя, - заметил Танзен.

- Огонь тоже прежде всего жжет! – повторил Антикатисто уже с явным гневом. – Тьма – носитель энтропии, это ее природа, и глупо ее в этом обвинять! Ее тоже можно применять во благо!

- Например?..

- Я отправился к Бельзедору. Бросил вызов Темному Властелину Парифата. Разумеется, он попытался завербовать меня – но я его просто уничтожил. Наша битва была долгой и трудной, но я вышел победителем. Увы, это не привело ни к чему – спустя некоторое время он вернулся к жизни и стал еще сильнее прежнего. Я сделал только хуже. Я пытался освободить тех, кого он угнетал, но они не желали меня слушать. Одни безрассудно атаковали, другие бежали. Тогда я еще не владел собой до конца и причинил больше разрушений, чем рассчитывал... значительно больше. Я понял, что это тоже не решение, и вернулся к себе. Восставший Бельзедор после этого еще дважды являлся с местью, но оба раза проиграл. Уяснив, что у него ничего не выйдет, он оставил меня в покое. А я... я сравнивал себя с ним, и видел, что я точно такой же. Ненамеренно, но во время наших битв я многих убил и многое погубил. Более того – от этих разрушений я становился только сильнее. Тьмы во мне только прибавлялось. Я понял, что сотворил нечто воистину страшное. И понял, что это больше не должно повториться. Никогда. Ни с кем.

- И ваш воспаленный от Тьмы разум решил, что лучший способ этому помочь – истребить всех волшебников?.. – недоверчиво произнес Танзен.

- Вы не можете и не хотите понять, - совсем уже зло процедил Антикатисто. – Дело было не во мне. Я был всего лишь одним из множества случаев. Ужасный случай, непростительный... но всего лишь один из множества. Пока на свете существуют волшебники, это будет повторяться снова и снова. И рано или поздно волшебники уничтожат весь мир. Они уже почти что сделали это однажды... прямо здесь, на этом острове. И я понял, что мое превращение в элементаля Тьмы – это перст судьбы. Знак свыше. Я понял, что на мне лежит глобальная миссия – позаботиться, чтобы такое не повторялось. Так я заглажу свою вину.

Сидящая возле Фырдуза Джиданна едва не поперхнулась. Танзен часто моргал. Мектиг нахмурился, пытаясь разложить по полочкам услышанное.

Он с трудом воспринимал настолько сложные логические конструкции.

- Мэтр Токхабаяж, не лгите хотя бы самому себе, - спокойно произнес Массено. – Вы совершили ошибку. Трагичную, страшную

– но ошибку. Это случается с любым – владеет он магией или нет. Не нужно обвинять в своей оплошности общество, а уж тем более искать в этом какой-то высший смысл.

- Почему... почему вы даже не пытаетесь меня понять?.. – прохрипел Антикатисто. Криабал над его головой вспыхнул черным. – Все то, что произошло... все то, что случилось... чья в том была вина?!

- Твоя, - сплюнул Плацента. – Глиномес ты.

- Нет! В этом виновата магия! Волшебство! Магия сотворила со мной такое! Магия превратила меня в безумное чудовище! Но даже сквозь поглотившую мой разум Тьму, даже теряя постепенно память... я все это понимал. Я боролся! Не переставал бороться! Сначала я просто пытался уничтожить всех волшебников на планете, но постепенно понял, что это бесполезно, что так у меня ничего не выйдет. И возродившись вновь, я стал искать иной путь. Я пришел к Апофеозу. Я собрал Криабал, а с его помощью получил доступ к Апофеозу. Люди больше не будут совершать... настолько страшных ошибок!

- Да, мертвые обычно не совершают ошибок, - вежливо согласился Массено.

- Великий инквизитор Астучии меня понял, - жалостливо посмотрел на монаха Антикатисто. – Вы тоже поймете, когда мои подручные запустят излучающий артефакт. Я уже могу не скрывать своих планов – остановить меня вы все равно не сможете. Вашей единственной надеждой была та древняя костяная тварь, но к встрече с ней я на этот раз подготовился. Вы просчитались, позволив мне получить последний Криабал, и теперь мне даже нет нужды никого из вас убивать. К чему? Ваши силы слишком ничтожны. На этот раз с вами нет даже Озаряющих Мрак...

- Один есть, - напомнил Массено.

- Всего один. Но ваши световые взгляды мне в любом случае более не страшны. Я наконец-то вернул свой прежний облик. Я снова стал человеком. И не просто человеком – теперь я величайший волшебник в мире.

- Ненадолго, - заметил Массено. – Если я правильно помню, вы заверяли великого инквизитора, что Апофеоз убьет и вас самого, мэтр Токхабаяж.

- Это чистая правда, - кивнул Антикатисто. – Я не надеюсь этого пережить. Кажется, защиты от Апофеоза нет даже в Криабале. Но я пойду на эту жертву. Без магии этот мир сможет найти новый путь. Лучше. Чище. Безопаснее.

- Как же красиво вы выражаетесь, мэтр Токхабаяж, - утер сухое веко Дрекозиус. – Честное слово, я почти что готов

прослезиться – так это прекрасно. Уверен, что все присутствующие меня поддержат. Мэтр Танзен, ваше преподобие, благородная Имрата?.. Вы согласны, что мэтр Токхабаяж очень красиво выражается?.. Ему бы стать проповедником и выступать с кафедры – уверен, в этом случае все волшебники сами признали бы его правоту и отреклись от своих жезлов и чаш.

- Не издевайтесь, - насупился Антикатисто.

- Даже не думал! – замахал руками Дрекозиус. – Что вы, что вы!.. Разве же бы я осмелился! Я же всего лишь скромный служитель богов – где уж мне помыслить о том, чтобы дерзить всесильному Антикатисто, перед которым трепещет все мироздание! Вам же довольно дернуть бровью, чтобы обратить в прах меня, ничтожного! Но должен заметить, что в одной малости вы все-таки ошиблись. Мы с моими друзьями здесь отнюдь не за тем, чтобы пытаться вас остановить. Очевидно же, что нам такое не по плечу.

- Нет?.. – удивился Антикатисто. – А для чего же?

- Наша задача гораздо более скромна. Мы просто отвлекаем вас достаточно долгое время, чтобы вы не заметили...

- Не заметил чего?! – резко повернулся Антикатисто.

Там стоял вышедший из Тени Мерзопак. Он как раз закончил исправлять пентаграмму. Все это время Танзен, Массено, Дрекозиус и даже Плацента стояли в разных местах и вступали в разговор так, чтобы Антикатисто, поворачиваясь к ним, все время оставался спиной к Мерзопаку. Даже полностью незримый, скрытый чарами, старый волшебник вряд ли сумел бы обмануть Антикатисто... взгляни тот прямо на него.

Но глаз на затылке Антикатисто все же не отрастил. Его духовное восприятие Мерзопак обмануть сумел.

Впрочем, выглядел крохотный старичок удивительно безобидно и даже ничего не делал. Опирался себе на тросточку, улыбался хитроватой улыбкой. Морщинистые веки мелко подрагивали.

- Что, еще одна пешка?.. – устало спросил Антикатисто.

- О нет, я не пешка, - ухмыльнулся Мерзопак. – Я по меньшей мере ладья.

- И что же ты собираешься делать, ладья? – посмотрел на пентаграмму Антикатисто. – Изгнать меня, что ли?.. Куда? Я не демон, это не сработает.

- Ну что вы, что вы. На самом деле вам даже не обязательно находиться внутри ловушки – просто это более эффектно, а мой Властелин очень требователен к эффектности!

- Ловушки?.. – присмотрелся Антикатисто. – И в чем же она заключается?

- Ой, боюсь, я неверно выразился, - сжал рукоятку трости Мерзопак. – Это не совсем ловушка. Это, скорее… засада.

И пентаграмма вспыхнула. На пяти ее концах появились пять фигур. Прекрасная женщина в зеленом струящемся одеянии, худой полудракон с искаженным от гнева лицом, сорокалетний мужчина в серой робе и сандалиях, длиннобородый старец в каменном кресле и великан в черных доспехах.

- Не хотите ли исповедаться, мэтр Токхабаяж? – жалостливо спросил Дрекозиус.

Глава 45

2929 год до Н.Э.

Вэтечек рассматривал светящуюся штуковину. Это волшебство. Артефакт. Настоящий действующий артефакт. Сейчас они уже не так часто встречаются. Делать их больше никто не умеет, а прежние понемногу ломаются или ветшают. Сила в них заканчивается, а новую вложить некому.

Многими артефактами уже непонятно, как и пользоваться.

Вэтечек плохо помнил прежний мир. Ему было всего двенадцать лет, когда все волшебники выпустили изо рта и глаз синий свет. Сразу все. Каждый. Никто не устоял. Даже почти все одноклассники Вэтечека умерли. Он сам остался живой только потому, что плохо учился.

Папа потом сказал, что чакры Вэтечека еще не успели развиться. Уже немножко начали, но не успели. Чуть-чуть не хватило, чтобы он тоже выпустил синий свет. Вэтечек оказался одним из тех, кто еще не волшебник, но уже не немоглик.

Большинство таких синий свет не выпускали, но сильно мучились. Вэтечек тоже мучился. Долго болел. А когда выздоровел – ему стали говорить, что он странный. Мама плакала все время. Папа вздыхал и говорил, что Вэтечек теперь окончательно немоглик, что у него чакры сломались и ум тоже немного поломался. Но Вэтечек не расстраивался.

Чего расстраиваться? Сейчас все немоглики. Волшебников больше нету.

Да и времени много прошло. То ли двадцать четыре года, то ли двадцать пять. Вэтечек давно не маленький. Папа умер, мама тоже умерла. Мама первая умерла – почти что в самый первый год. Когда сестра выпустила синий свет, а Вэтечек заболел, мама стала все время плакать. Говорила папе, что ему надо было рассказать, кто он такой, что он дурак, что это все из-за него.

А папа молчал. Вэтечек тогда не понимал, почему мама на папу ругается.

Потом понял. Ум у Вэтечека поломанный, но не до конца. Он на самом деле многое понимает, хотя и не все это видят. Думают, что раз он мало говорит, то и не знает ничего.

А он знает. Вэтечек плохо помнит прежний мир, но помнит, что там было много волшебства. Оно везде было. И летать можно было куда угодно, и картинки повсюду были говорящие, и невидимые слуги во всем помогали, и еда из воздуха появлялась,

и болели редко, а если болели все-таки – то обычно тоже из-за волшебства.

И людей больше было. Много людей было. Вэтечек помнил, как в детстве они гуляли везде – и везде были люди. Волшебники, немоглики и другие дети.

А потом р-р-раз – и все волшебники умерли!.. И сразу все перестало работать. Порталы замерли. Еда появляться перестала. Невидимые слуги исчезли или перестали слушаться. Все вокруг сразу начали болеть и быстро умирать.

На самом деле Вэтечек все очень хорошо понимал. Его разум еще четверть века назад как будто расклеился на две половинки. Одна так и осталась в детстве – да не в двенадцатилетнем возрасте, а как будто даже в совсем лепечущем, пускающем слюнки. Зато другая, ушедшая глубоко внутрь... она смотрела из глаз Вэтечека, взирала на происходящее с ужасом, но прикрывалась первой половиной, взрослым-ребенком.

И эта другая половина осознавала то, чего не мог уразуметь идиот Вэтечек. Осознавала, что в руках у него не просто артефакт, а действующий проекристалл. Причем почти полностью заряженный. В нынешнем мире это действительно редкость, хотя пока еще не что-то уникальное.

Все-таки со дня Апофеоза минула едва ли четверть века. Многие прекрасно помнят славную жизнь при Колдующем Императоре... и две Волшебных войны.

Здравомыслящая половина Вэтечека почти угасала, когда он обращался мыслями к тому дню и первому году новой эпохи, которую сейчас все чаще называют Смутной. Это был страшный год. Кошмарный. На что ужасны были Волшебные войны, но их последствия оказались еще хуже.

Разом погибла треть разумных. Одно уже это было страшной катастрофой, но ведь это была не случайная треть. Погибли все волшебники. До единого. Разом исчез персонал на всех жизненно важных позициях. Разрушилась вся инфраструктура. Портальная сеть, дальняя связь, маноэнергетика, магическое производство, бытовое обеспечение, дома исцеления... все разом перестало работать. Повсюду вспыхивали аварии. Духи-служители вышли из-под контроля. Некому стало перезаряжать артефакты.

Да, другие две трети разумных выжили. Но эти две трети состояли из детей и немогликов... немогущих. На Парифате они занимались в основном торговлей, творчеством и неквалифицированным трудом. Многие вообще ничего не делали, жили на иждивении родных.

В первые пять послевоенных лет умерла половина выживших. В последующие двадцать – половина оставшихся. Парифат стоял

на волшебстве – и с его потерей на него набросились голод, болезни, стихии и нечистая сила.

И войны. Повсюду вспыхивали бунты и мелкие гражданские войны, провинции облетали с умирающей империи, как осенние листья. Правительство почти на сто процентов состояло из волшебников – а их не осталось ни одного.

Потом началось разграничение видов. Первыми пример подали эльфы. У них погибли особенно многие – не треть, как у людей, а четыре пятых. Среди эльфов немогущие встречались гораздо реже, да и детей было во много раз меньше. А уцелевшие почти сразу же ушли из городов и принялись баррикадироваться в своих лесах-слободах, пресекать всякие контакты с людьми.

Другие разумные тоже. В Парифатской империи вперемешку жили десятки видов – теперь они принялись сбиваться в кучки, создавать собственные королевства, общаться только с себе подобными. Так было легче. Да и люди в старой империи все время находились у власти – теперь многие именно их винили за случившееся.

Еще сильнее винили только волшебников. Артефактов стало так мало еще и потому, что многие возненавидели магию в любом ее проявлении.

Звироках, отец Вэтечека, погиб именно из-за этого. Он был абсолютно немогущим, но в теории волшебства кое-что понимал. До катастрофы работал в архиве магической литературы. После нее стал собирать повсюду сирот, пытался учить их тому, чего не умел сам... и его школа проработала почти семь лет.

Пока не явились чароборцы. Фанатики, утверждающие, что любое волшебство – от демонов, и должно быть уничтожено. Удивительно, как быстро они расплодились. Школу сожгли, а ее учеников перебили. Всерьез чему-то научиться успели слишком немногие.

Звирокаха тоже убили. Вэтечек, которому было уже двадцать лет, сам спасся только по случайности – его приняли за безобидного дурачка и не тронули. Его другая половина тогда спряталась глубоко-глубоко и боялась выйти. Вэтечек сидел в уголке, плакал, размазывал слезы – и чароборцы не стали его обижать. Спросили только, кто он, а Вэтечек ответил, что не знает, что он всегда тут был. И метелку показал, которой мел осенние листья, чтобы помогать папе.

Вэтечек очень старался помогать. Когда папа объяснял другим детям, как правильно делать волшебство, Вэтечек всегда внимательно слушал. Чакры у него поломанные, он знал, но все равно слушал. Почти ничего не понимал, но запоминал каждое слово.

И когда папа откуда-то принес старую бумажку и велел беречь ее, как зеницу ока, Вэтечек берег. Не понимал, что это, но делал все, как говорил папа и другой Вэтечек, который сидит глубоко внутри. Он обычно молчал, но иногда велел что-то делать – и Вэтечек слушался, потому что другой Вэтечек никогда не ошибается. И зла он Вэтечеку не желает, потому что он тоже Вэтечек, только другой.

На самом деле раздвоенное сознание в чем-то оказалось для Вэтечека благом. Его внутренняя часть это понимала, и потому не стремилась занять главенствующее положение.

В этом новом мире оказалось много таких, юродивых с поврежденными чакрами, которые в день Апофеоза еще не успели стать волшебниками, но уже перестали быть просто неумелыми детьми. Учащиеся первых-вторых классов школ Искусства. Миллионы повсюду, с разной степенью повреждения рассудка. Сейчас, спустя четверть века, их осталось гораздо меньше, но некоторые все еще бродят по дорогам, лопочут всякое, пытаются колдовать.

Их не трогают даже чароборцы – не принято. Они их, наоборот, показывают всем, демонстрируют. Вот, мол, до чего довело людей волшебство. Вот что оно сделало со всеми нами. С нашими детьми.

После смерти отца Вэтечек почти целый год ходил с чароборцами и послушно гугукал, пускал слюни. Его жалели.

Потом он как-то утром отстал и потерялся. Сам уже не помнил, как это случилось. Вещей у него почти не было – только рваная одежда, кусок хлеба и истрепанный лист бумаги.

Титульный лист Криабала.

Только после смерти отца Вэтечек узнал, что он – прямой потомок Бриара Всемогущего. Когда начали сниться сны о Криабалах. Уже потом он сумел разыскать кое-кого из дальней родни, из отцовских знакомых, и догадался, что отец – бастард кого-то из Династии. Либо самого Колдующего Императора, либо одного из его родственников.

Но об этом никто не знал. Возможно, даже сам отец не знал, пока не умер последний Колдующий Император. Вэтечек родился уже после его смерти, но слышал, что его убили совсем молодым, а после этого советники передрались за власть и начались Волшебные войны. Считается, что их было две, хотя папа всегда говорил, что это была одна огромная война, просто с пятилетней паузой посередке.

Вэтечек немножко помнил ту паузу. Это было лучшее время в его жизни. Первую войну он не помнил, он тогда был еще совсем маленьким, а Вторую помнил, но помнить не хотел.

Зато начальную школу Вэтечек иногда вспоминал и горевал. Когда ему уже было больше пяти, но еще меньше десяти. Когда волшебники ненадолго перестали воевать.

Вэтечеку очень хотелось вернуться в то время.

Но вернуться в прошедшее время не поможет никакое волшебство. Такого даже Бриар Всемогущий не мог. А Вэтечек – не Бриар. Он колдовать вообще не умеет. У него чакры поломаны.

Зато он видит сны про Криабалы. И у него есть титульный лист, который указывает к ним путь. А еще он нашел действующий проекристалл – и это очень хороший проекристалл. Вэтечек умел ими пользоваться, папа его научил.

Вэтечек встал и осмотрелся. Солнце тоже уже встало. Тоже осматривается, наверное, глядит, как там внизу дела у всех.

Хорошо ему, солнцу. Оно высоко, его никто не достанет.

Надо снова идти. Другой Вэтечек велит шагать, даже если сильно устал. Вэтечек старался слушаться другого Вэтечека, потому что без него давно бы уже пропал. Он всегда знает, что делать, что говорить, куда идти.

Сейчас он велел прийти сюда. Вэтечек спустился по склону и вошел в воду. Та была теплой и мутной, ноги задевали крохотные рыбки. Зайдя по грудь, Вэтечек поднял повыше титульный лист, повертел его и шагнул дальше.

Земля ушла из-под ног. Вэтечек на секунду испугался, но потом стал плыть, загребая левой рукой. Он хорошо плавал. Они с сестрой росли в провинции Липарадон, на берегу Медного моря.

Там было очень красиво.

Проплыв так минут десять, он снова посмотрел на титульный лист – и нырнул. Дыхание пришлось задержать надолго – тут уже глубоко, хотя до дна донырнуть можно. Раскрыв глаза пошире, Вэтечек ткнулся в илистый песок и принялся шарить, копать.

Ничего не нашел. Вынырнул. Подышал немного – и нырнул снова.

Должно быть тут. Должно. Титульный лист указывает на ближайший Криабал. Но сейчас экслибрис перестал светиться – это значит, Вэтечек уже совсем рядом. Если Криабал настолько близко, что можно доплюнуть, титульный лист на него уже не указывает. Считает частью себя.

А самый ближайший Криабал должен быть тут. В этой крохотной бухточке Крюкова моря, совсем недалеко от мертвого Бриарогена. Во время Первой Волшебной войны был эпизод, когда волшебники Морской Губернии попытались штурмом взять столицу – но их всех уничтожили. Не помог даже Синий Криабал, с которым они приплыли.

Пальцы коснулись твердого. Переплет. Он поддался не сразу

– увяз в иле. Но схватившись покрепче, Вэтечек рванулся – и всплыл с книгой в руке.

Вернувшись на берег, он долго листал Синий Криабал. Попытался вырвать несколько страниц, но не получилось. Слишком прочные.

Потом Вэтечек поел. Другой Вэтечек часто забывал, что им нужно есть, но здесь Вэтечек и сам хорошо знал, что делать. Когда хотел есть – то ел. Иногда мечтал, вспоминал детство, когда можно было просто подойти к большой разукрашенной чаше, попросить любой еды, какой вздумается – и та давала. Такие чаши были в каждом доме. На каждом шагу.

Теперь Вэтечек ел в основном рыбу. Сырую. За пятнадцать лет бродяжничества он хорошо научился ее ловить. Входил в воду, замирал, ждал... потом хватал прямо руками. На самом деле это несложно, только научиться надо.

Поев рыбы и запив ее водой из лужи, Вэтечек снова уселся перед Синим Криабалом. Удивительно уже то, что это книга. Настоящая. Чароборцы ненавидят книги, потому что в них часто писали про волшебство. Они сжигают их везде, где находят. Да и сами книги обычно не очень прочные, с годами портятся.

А пупыри и кубы знаний теперь годятся только в качестве игрушек. Да и их чароборцы тоже ломают или закапывают поглубже.

Или кидают в море. Вэтечек однажды видел, как они привезли на берег целую телегу пупырей, погрузили в лодку, отвезли подальше и отправили все за борт.

Синий Криабал. Гримуар Океана. Вэтечек пятнадцать лет его разыскивал. Не именно его, конечно, а просто какой-нибудь Криабал. Любой, какой первым встретится.

Искать пришлось очень долго – титульный лист без оглавления не очень помогает. На самом деле он всегда указывает на ближайший Криабал, но если до этого ближайшего сотни вспашек, то экслибрис светится почти невидимо. Только в кромешной темноте можно заметить слабое-слабое мерцание – Вэтечек сам узнал это по чистой случайности.

Теперь Вэтечек понимал, что папа тоже разыскивал Криабалы. Это ведь он рассказал Вэтечеку, что Синий Криабал где-то на дне Крюкова моря, недалеко от берега. Но Крюково море большое, берегов у него много. Поди обыщи их все. Да и жили они не близко, хотя и не так чтобы очень далеко.

Зато папа где-то раздобыл титульный лист. Увидел в одном из своих снов, где тот есть – и раздобыл.

Ну вот Вэтечек и пошел искать Криабалы вместо него.

И нашел. Спустя пятнадцать лет – но нашел.

Десять дней он жил потом тут, на берегу. Каждое утро ходил ловить рыбу, потом возвращался в брошенный кристальный домик, смотрел в проекристалл, читал Синий Криабал. Читать Вэтечек хорошо умел. Те, кто уже после Апофеоза вырос, часто читать не умеют, но Вэтечек ведь даже в школу ходил. И даже немножко в волшебную.

Потому у него и чакры поломанные.

В Синем Криабале оказалось много всяких заклинаний. Вэтечек их все пробовал, одно за другим. Просто чтобы посмотреть, что будет. Просыпался, завтракал, потом читал заклинания по очереди. В один день сделал грозу, в другой – шторм. Сделал на воде огромную льдину. Выстроил маленький остров – почему-то идеально квадратный. Заставил луну повернуться другим боком – море этому сильно обрадовалось и заколыхалось.

На одиннадцатый день Вэтечек от моря ушел. Заклинание Приливной Волны немного затопило берег и Вэтечека. Если бы не другой Вэтечек, который вовремя велел уйти подальше, он бы не спасся, наверное.

Проекристалл Вэтечек с собой не понес. Он тяжелый. И все равно мало что показывает – нужно долго-долго смотреть внутрь, чтобы поймать какую-нибудь картинку. Обычно только небо, море, земля. Поначалу Вэтечеку было весело и на этом, но потом стало скучно.

Еще четыре дня Вэтечек ходил подальше от людей, ел что попадется и читал вслух Синий Криабал. Долго радовался, когда дошел до заклинания Полярного Сияния. Немного померз, прочитав Снег, а сразу после – Буран. А на четвертый день прочел Невидимость и потом много веселился.

Быть невидимым оказалось здорово. Раньше Вэтечек старался поменьше видеть других людей, а если все же встречался – делал, как говорит другой Вэтечек. Пускал слюни и смешно прыгал. Тогда его обычно не трогали, а просто быстрее шли мимо. Только один раз какой-то тролль все-таки захотел поймать Вэтечека, но тот убежал.

А теперь он стал ходить невидимым. И это было так здорово! Вэтечек спокойно заходил в деревни, на хутора, даже в один большой город зашел. И никто его не видел. Он мог просто открыть дверь, прокрасться внутрь, поесть любой еды, какой хотелось, даже посидеть где-нибудь, послушать, о чем люди говорят. Вэтечек всегда любил слушать других людей, но подходить к ним боялся.

Крепко сжимая Синий Криабал, Вэтечек сидел сейчас в уголке и с любопытством слушал. В этом доме жили четыре

человека – старые дед с бабкой, их сноха, и ее маленький сын.

Вэтечек уже знал, что отец малыша пять лет назад погиб на войне. Кто и с кем воевал, Вэтечек не понял. Сейчас все время какие-то войны. Кажется, прямо сейчас тоже идет – то ли на севере, то ли на востоке, то ли везде сразу.

Ребенок прежний мир не видел, конечно. Ему всего семь лет, кажется. Его мама тоже почти ничего не помнила – в день Апофеоза она была младше, чем ее сын сейчас. А вот старики помнили хорошо, особенно дед. Он прежде был скульптором по дереву, делал красивые вещи, а теперь трудился просто столяром. Всякие статуи и поделки больше никому не требовались, а вот табурет или черенок для лопаты – они всегда пригодятся.

И прежний мир дед ругательски ругал. Вчера ругал, сегодня тоже ругал. Особенно Колдующих Императоров. Мол, жилось-то при них сытно, зато страшно. Рот раскрой лишний раз – и все, заколдуют. В угря превратят или вообще в сосиску. Тогда только и делали, что заколдовывали всех подряд, немогущие голов поднять не смели.

- У меня так бабушку заколдовали, - ворчал старик, выстругивая ножку стола. – Потому что прадед мой волшебству учиться не захотел. Большой талант был, в любую школу Искусства мог поступить. Его в Мистерион зазывали, лично ректор проецировался, говорил: иди к нам, мальчик, научим тебя, большим чародеем станешь. А он ему: нет!.. не пойду!.. честно в поле трудиться хочу, как все добрые люди!.. И не сломался, и не поддался. А потом уже дочку его заколдовали. В отместку. Бабушку мою.

- А за что же бабушку, а не его самого? – робко спрашивала сноха. – Как же так?..

- Цыц! – серчал дед. – Что бы понимала, мозгля!.. У меня и деда тоже заколдовали, только уже по отцу! А за что?.. А за то, что анекдот про Бриара рассказал. Нельзя было тогда такого. Сразу заколдовывали, кто его лишний раз без поклона помянет. Кошмарные времена были, злые. Но ели зато все вдоволь, да. От пуза жрали. Руками работать совсем разучились, волшебством все делали. Конечно, боги разгневались и велели: этой злой державе – не быть!..

- Какие боги? – не унималась сноха.

- Какие?.. а, что пристала?! Какие надо, такие и боги!.. – сердито сопел дед. – Вон, книжку почитай, душеспасительную! Там-то, небось, все сказано!

Вэтечек переночевал у этих людей два раза. Снаружи все не прекращался дождь, который Вэтечек сделал очередным заклинанием Криабала. Он не знал, как его прекратить. Другой

Вэтечек знал, прочел в комментариях, но ему хотелось побыть немного среди людей, узнать умонастроения. Слишком уж давно не слышал разумного голоса – только шум волн, да крики чаек.

Но когда дождь прекратился сам, Вэтечек ушел. Он по-прежнему был невидимым. И Синий Криабал тоже был невидимым. Вэтечек попробовал заклинания Тумана, Ветра, Града, Озера...

Озеро построилось маленькое. Такое же, как раньше остров. И тоже квадратное. Но Вэтечеку оно понравилось. Он искупался и немного постирал одежду. Пытался ловить рыбу, но ни одной не увидел.

Ночью Вэтечек накрывал голову рубахой и рассматривал титульный лист. Пытался уловить мерцание. Иногда улавливал, и понемногу все лучше. Запомнив направление – ложился спать, а наутро шел дальше, по дороге читая разные заклинания.

Ел он теперь нерегулярно. Иногда находил какие-то ягоды или орехи. Иногда заходил невидимым в чужие дома. А один раз прочел заклинание Воздушной Тряски, и на землю упало несколько птиц. Вэтечек хотел съесть их сырыми, но они оказались не такими вкусными, как рыба. Тогда Вэтечек сделал еще одно квадратное озеро и заставил воду в нем кипеть заклинанием Кипения.

Там и сварил всех птиц. Потом шел дальше и ел их.

Все стало совсем хорошо, когда Вэтечек прочел заклинание Облаце. Ему очень понравилось это заклинание! Теперь он стал не только невидимым, но и летающим! И дальше стал путешествовать уже так быстро, что воздух в ушах свистел!

На облаце Вэтечек пролетел над преогромными развалинами. Целым лесом кристальных домов, в которых никто не жил. С высоты он заметил там огромную каменную арку... портал?.. Наверное, портал. Брезжило что-то такое из детских воспоминаний.

Бриароген. Другой Вэтечек смотрел из его глаз и сокрушенно думал, что вот она – столица мертвой империи. Безлюдная. Брошенная. Загрязненная черной магией и кишащая нечистью. Кругом только смерть и разложение.

Хотя сама империя отчасти все еще жива. Наверняка именно в ее новую столицу направляется облаце. В город Ровен. Вэтечек не знал, есть ли там какой-нибудь из Криабалов, но если где-то им быть – то уж наверняка там.

Может быть, их там даже несколько.

В Ровен Вэтечек ступил аккурат когда доел последнюю птицу. Та уже не очень хорошо пахла, и он держался за живот, пока шел по улице. Если бы отец не учил его никогда не выкидывать еду,

Вэтечек бы ее выкинул.

Большой город. Очень большой. Кристальные дома, широкие улицы и очень много людей.

В Ровене могло показаться, что ты все еще в Парифатской империи.

Строго говоря, его правитель именно на это и претендует. Здесь считается, что империя по-прежнему существует, и вот он – ее новый император. Сидит на троне. Он больше не называет себя Колдующим, но он император. И он тоже потомок Бриара, хотя и из побочной ветви.

И часть старой империи все еще ему подчиняется. Очень малая часть, но все-таки. У власти теперь чароборцы, они всем заправляют. Парифатская империя уменьшилась почти в десять раз, но в нее по-прежнему входит целых семь континентов. Сурения, Шахалия, Ходжария, Грандания, Лафладжанкия, Арикания и Узареда. И еще много больших островов.

Дальше вот уже нет. Все остальные континенты теперь сами по себе и новому императору не подчиняются. Тяжело их удерживать без порталов и другого волшебства. Теперь по морю можно плавать только на кораблях. Обычных, с парусами.

Кое-где, конечно, еще остались старые артефакты и големы. Волшебные корабли и птицы, диски-летадлы и плащи для путешествий. Но мало. Чароборцы это все не любят. По новому закону все это теперь велено либо уничтожать, либо сдавать в императорскую казну, потому что император и его посвященные рыцари – единственные, кому не страшна чародейная скверна.

Только благодаря артефактному флоту эта новая империя все еще и повелевает аж семью континентами. Еще совсем недавно повелевала восемью, но войну за Пикатораду они в прошлом году проиграли.

Распадается империя, разваливается.

Во дворце нового императора Вэтечек прожил почти три луны. Ходил по коридорам невидимкой, воровал на поварне еду, слушал разговоры придворных. В прежнем мире его бы разоблачили очень быстро, но не в этом.

В конце концов Вэтечек осмелел настолько, что стал ходить по пятам за самим императором. Тот был уже очень стар – отметил при Вэтечеке сто сорок шестой день рождения. Сейчас людей такого возраста почти не встретишь – жизненный эликсир давно перестали делать, другое волшебство тоже пропало. Большинство тех, кто был слишком стар, умерли в первые же годы после Апофеоза.

Но император – это все-таки император. У него жизненного эликсира еще много. И у его придворных – среди них тоже есть

те, кому больше ста лет. Они будут жить, пока не кончатся старые запасы.

Других чудес в императорском дворце тоже хватало. Целые кучи все еще действующих артефактов и даже несколько настоящих волшебников. Научившихся колдовать уже после Апофеоза. Император постоянно ссорился из-за них с чароборцами.

И именно в императорском дворце Вэтечек нашел даже не один, а два Криабала. Серый и Бурый. Они хранились под семью замками, почти что у императора под подушкой, и о них никто не знал.

А потом до них добрался Вэтечек. В Синем Криабале было заклинание Жидкой Формы, и Вэтечек просочился под дверь. А еще там было заклинание Заморозки, и Вэтечек превратил всю охрану в ледяные статуи. Криабалы императора были спрятаны еще и под волшебной защитой, но у Вэтечека было заклинание Снятия Преграды.

А потом он сделал себе новое облаце, и вылетел из окна уже с тремя Криабалами. Полетел дальше, собирать остальные.

Хорошо, что он их нашел. Синий Криабал уже закончился. Вэтечек перепробовал все, что в нем было, и ему стало скучно. Теперь он перешел к Бурому.

Бурый оказался лучше Синего. В нем было много хороших заклинаний. Чтобы поесть, чтобы одеться, чтобы набить карманы монетами. Первое время Вэтечек просто объедался и наколдовал целую гору разного барахла, которое ему не было нужно, но ему нравилось смотреть, как оно появляется из воздуха.

Сытый и разодетый, Вэтечек полетел в Пикатораду. Теперь титульный лист указывал туда. Путешествие заняло целую луну – Вэтечек не торопился. Днем он летел на облаце, вечером приземлялся, ел, спал. Если летел над морем – строил себе квадратный остров. По-прежнему читал все заклинания по очереди – когда закончился и Бурый Криабал, перешел к Серому.

В Пикатораде Вэтечек нашел Красный Криабал. Искал долго, целых две луны, но в конце концов откопал на задворках разрушенного особняка, в древнем склепе. Его крепко сжимал скелет в красной мантии – та почти не истлела. Вэтечек немного подумал и надел ее на себя.

Красивая очень мантия.

Вместе с Красным у Вэтечека оказалось целых четыре Криабала. Их стало уже трудно носить. Целых четыре толстых книги. Но к этому дню он дошел в Сером Криабале до заклинания Уз. Очень хорошего заклинания, чтобы сделать все попроще. Вэтечек прочитал его на себя, а потом стал заново перелистывать

Криабалы и вырывать оттуда странички с теми заклинаниями, которые ему нравились.

Из Синего Криабала он вырвал Облаце, Остров, Озеро, Заморозку, Жидкую Форму, Полярное Сияние, Метеор, Невидимость, Снятие Преграды и еще всякие. Из Бурого – Пищу, Одежду, Обувь, Дом, Освещение, Затемнение, Безопасный Огонь, Письмо и еще всякие. Из Серого – Узы, Незаметность, Подчинение, Замешательство, Притягательность и еще всякие. Из Красного, потаскав его с собой и попробовав его заклинания, оставил себе Убийство, Побег, Разрез, Освобождение и еще всякие.

Теперь вместо четырех толстых книг у Вэтечека осталась стопка листов. Это оказалось гораздо удобнее. Они весили не так уж много, легко помещались в карманах новой мантии и там было мало совсем плохих заклинаний.

А то Вэтечек уже несколько раз читал такие заклинания, которые его пугали. Особенно когда дошел до Красного Криабала. После одного куда-то пропала целая гора, другое сожгло большой лес, третье... после третьего Вэтечек особенно сильно расстроился.

Другой Вэтечек все время повторял, что нужно сначала читать комментарии и узнавать, что заклинание делает, но Вэтечек не мог понять, как это – читать не по порядку. Он старался слушаться другого Вэтечека, но тот иногда просил слишком сложного.

Читать сначала комментарии Вэтечек забывал почти каждый раз.

Вырвав то, что ему нравилось, Вэтечек просто бросал остальной Криабал где придется. Синий выкинул самым первым – прямо с облаца, в океан. Спустя некоторое время, правда, пожалел, что так поспешил, потому что оказалось, что страничку Невидимости он вырвал неправильно. На листке оказалась только первая половина, и невидимым она уже не делала.

Но возвращаться из-за этого Вэтечек уже не стал. Слишком далеко улетел. Да и вместо Невидимости у него была Незаметность – она почти такая же хорошая.

К тому же он как раз добрался до Зеленого Криабала. Тот был далеко, в Гульрании. Его берегли эльфы. Вэтечеку всегда нравились эльфы, поэтому он не стал воровать у них Криабал. Просто унес на несколько дней, прочитал с начала до конца, вырвал несколько хороших страничек, а остальную книгу вернул и положил на том же месте.

Теперь у Вэтечека было уже много заклинаний, которые ему нравились. Правда, с ними остались и такие, которые ему не

нравились. Например, в Зеленом Криабале он взял себе очень хорошие Рост Растений и Грибницу, но на других сторонах листков были очень противные Обличье Саранчи и Распухание Тела. А из предыдущих Криабалов к нему попали Подрыв, Лиловое Безумие, Умиротворение Стражи Мертвых и еще много такого, что Вэтечеку было не нужно, но он не знал, как это убрать.

Другой Вэтечек тоже не знал.

Следующее путешествие оказалось долгим. Все над океаном, да над океаном. Вэтечек создавал все новые и новые квадратные островки, когда хотел отдохнуть.

В одном месте пришлось сделать большой крюк. Там воздух и вода светились фиолетовым, висел густой туман и доносился звенящий смех. Ненормалия. После Волшебных войн таких появилось много. В местах больших сражений и там, где применяли особо страшные заклинания.

Тут, правда, сплошной океан. Даже никаких островов поблизости нет. Но морские и воздушные сражения в Волшебных войнах тоже были, Вэтечек знает. Он читал.

Титульный лист привел его в конце концов на огромный необитаемый остров. Побродив по нему три дня и не встретив никого живого, Вэтечек пришел в большой и тоже абсолютно пустой город. Только тут, по надписям на вывесках и указателях, он узнал, куда попал.

Мистический остров. То самое место, где до Апофеоза находилось больше всего исследовательских башен и школ Искусства – в том числе легендарный Мистерион. Настоящая магическая столица Парифата. Здесь было больше волшебников, чем где-либо еще.

А теперь только ветер свищет между домами.

Но где-то тут должен скрываться еще один или даже два Криабала. Вэтечек не удивился бы, найдя тут сразу два. Где же им еще быть, как не в таком месте?

На Мистическом острове Вэтечек прожил очень долго. Почти пять лун. Здесь искать оказалось очень-очень сложно. Многие старые заклинания работали даже спустя четверть века. Повсюду были действующие артефакты. Живые статуи. Не все слушались Вэтечека. И заклинание Незаметности не всегда помогало.

Но в конце концов он все-таки добрался до предпоследнего Криабала. Тот был заперт даже надежнее, чем Серый и Бурый, но в этот раз у Вэтечека было заклинание Освобождения. Оно стирало всякую магию. Вэтечек копался почти целый день, но вечером раскрыл уже шестой Криабал.

Черный.

Теперь Вэтечек уже не читал все заклинания подряд. За время странствий он стал умнее. Много чему научился. Самый первый Криабал он искал почти пятнадцать лет, потому что тогда еще ничего не знал и даже титульным листом долго не умел пользоваться, но дальше все стало гораздо легче. Почитав Черный Криабал про себя, не произнося слова вслух, Вэтечек залез в самый темный погреб и снова достал титульный лист.

Почему-то тот больше не указывал на те Криабалы, которые Вэтечек уже находил, а потом выкинул. Даже когда они все еще были совсем близко. Наверное, потому, что теперь он знает, где они лежат, ему больше не нужно их искать. Зеленый остался у эльфов, Синий где-то в море, а Бурый, Серый и Красный... Вэтечек не помнил, где их оставил. Но он вспомнит, если это будет нужно. Или снова найдет с титульным листом. Тот наверняка снова все покажет, если Вэтечек захочет. Он умный, титульный лист.

Но сейчас Вэтечек хотел только одного – найти последний Криабал, Белый. Наутро он сделал новое облаце и полетел туда, куда показывал титульный лист.

Очень-очень долго в этот раз летел Вэтечек. Очень-очень долго. Он сбился со счету, сколько дней и ночей прошло. Он летел и летел, и становилось все теплее и теплее. На полдороге Вэтечек встретил удивительную штуку – громадный летающий остров, на котором жили крылатые люди и всякие волшебные существа. Они даже не знали парифатского языка, что Вэтечека особенно сильно удивило.

Черный Криабал за это время он прочел целиком, но почти все заклинания – не вслух. И вырвал из него тоже всего несколько страничек – там оказалось совсем мало хороших. Ему понравились только Полная Тьма и Призыв Суккуба. На обратной стороне у них, правда, был какой-то непонятный Третий Ключ, ненужный Призыв Темного Господина и еще всякие лишние заклинания, но у Вэтечека скопилось уже много таких, лишних.

Черный Криабал он оставил на вершине большой горы. Океан как раз кончился, облаце несло Вэтечека над одним из самых южных континентов – Джарией. Людей тут жило мало, в основном гномы, цверги и еще один очень древний народ – циклопы. Их Вэтечек раньше не встречал, только в книжках читал, что есть и такие на свете.

А потом снова был океан. И с каждым днем становилось все холоднее. Пошел снег. Задул сильный ветер. Внизу все чаще появлялись огромные льдины.

Вэтечек теперь пожалел, что не взял каких-нибудь заклинаний, чтобы было тепло – он родился и прожил всю жизнь

там, где снег и лед видели только на картинках. И все его путешествие до этого было в теплых местах. На Мистическом острове в самом начале было немножко холодно, Вэтечек прилетел туда ранней весной, но потом стало тепло, а потом и вообще наступило лето.

А здесь, кажется, даже летом холодно. Другой Вэтечек почему-то думал, что сейчас здесь зима, но он ошибается, наверное. Вэтечек не знал, сколько дней сюда летел, но точно не так много, чтобы успела наступить зима. Сейчас должно быть или позднее лето или ранняя осень.

Чтобы не замерзнуть, он наколдовал себе много-много одежды, а когда спускался – наколдовывал дом и делал внутри костер. И так потихонечку, полегонечку, долетел до места, где нашел Белый Криабал.

Тот оказался заперт внутри большой ледяной глыбы. И еще там была красивая высокая девушка. Вэтечек подумал, что это сама Снежная Царица, про которую ему в детстве рассказывала мама.

Вэтечек ее немного испугался. Но она не двигалась и ничего не говорила, поэтому он перестал бояться и попытался достать Белый Криабал. Девушку он решил не беспокоить – наверное, она спит. Вэтечеку не нравилось, когда его будили.

Достать Белый Криабал не получилось. Льдина оказалась слишком крепкой. В Безопасном Огне она совсем не таяла, Разрез ее тоже не резал, Снятие Преграды и Освобождение не помогли.

Помог другой Вэтечек. Посоветовал использовать Узы. Только не так, как раньше, а с дополнительными комментариями. Теми, которых на вырванном Вэтечеком листке нету – остались в Сером Криабале.

Вэтечек комментарии почти и не читал, но другой Вэтечек читал их все – и твердо запоминал. И сейчас он подсказал те, которых не хватало. Вэтечек встал совсем близко у ледяной глыбы, протянул руку к Белому Криабалу, произнес нужные слова, держа листок с Узами – и связал себя с Белым Криабалом на расстоянии.

Не полностью. Не до конца. Тот не тянулся к Вэтечеку, не прилипал к нему. Остался там, где был – внутри ледяной глыбы. Но теперь Вэтечек мог видеть все, что в нем написано, как будто в проекристалле.

Только читать заклинания не мог. То есть читать-то мог, но они бы не подействовали, потому что по-настоящему Белый Криабал Вэтечек сейчас не держал.

Зато Вэтечек мог теперь вырывать страницы. Забирать себе заклинания. Вот это вот хорошее. И это. И это тоже. Листки

просто исчезали из Белого Криабала и появлялись у Вэтечека в руках. Заклинания Роста Волос, Лечения Зубов, Лечения Заразы и самое важное, самое главное – Лечение Головы.

Средство от любых головных недугов. От мигреней, от судорог, просто от болей. От всего, из-за чего голова работает плохо или неправильно. Чакры это Вэтечеку не исправит, такого даже в Криабалах не нашлось, зато, может быть, поможет поумнеть.

Он прочел это заклинание сразу же. Пять раз, с разными комментариями.

И стал ждать.

Когда он съел большую порцию рыбы с картошкой, другой Вэтечек вдруг сказал, что зря они разбросали Криабалы где попало. Надо их снова собрать. Там было много других хороших заклинаний.

И Белый Криабал тоже надо забрать. Только сейчас Вэтечек не сможет достать его целиком, а вырывать каждую страничку по отдельности будет глупо. Лучше снова собрать все Криабалы, а потом вместе с ними вернуться и расплавить лед. Так будет умнее.

В Синем Криабале есть заклинание Путешествия. Вэтечек не стал его брать, потому что оно ему не понравилось – слишком сложное. Нужно называть место, куда хочешь попасть, а лучше еще и координаты, но Вэтечек не понимал, как это вообще... а теперь вот начал понимать, что это же просто. Нетрудно совсем разобраться.

Но Синий Криабал сейчас на дне океана. Значит, перед этим нужно снова заглянуть к эльфам. В Зеленом Криабале есть заклинание Жабр, которое сделает Вэтечека наполовину рыбой и позволит вернуть Синий Криабал.

А перед этим можно заглянуть в Джарию и забрать Черный Криабал. Это все равно по пути, и его Вэтечек оставил на видном месте – на самой вершине высокой горы.

Додумывал он это уже на облаце, мчась обратно на север. Другой Вэтечек говорил, что сейчас он, наверное, на острове Хумугишиш, а Джария – самый близкий к нему континент. Если они будут держать курс прямо на север, то уже через пару дней...

Вэтечек не заметил, в какой момент голос другого Вэтечека перестал быть голосом другого Вэтечека и стал просто мыслями Вэтечека. Он все сильнее корил себя за глупость – за то, что так беззаботно разбросал по всему свету Криабалы.

Дурак, болван, идиот! Кем надо было быть, чтобы своими руками сделать такое?! Да со всеми семью Криабалами Вэтечек мог бы стать настоящим Колдующим Императором, не хуже

древних! А теперь у него всего лишь стопка листков, на которых половина заклинаний – в оборванном виде, без комментариев или самих текстов!

Он гнал облаце, пока не уморился. Пока не начал крениться набок. Внизу была уже земля – заснеженные леса южной Джарии. Спустившись, сотворив дом, костер и еду, Вэтечек принялся снова перебирать свою пачку надерганных листков.

Вообще-то, их довольно много. Если сшить все вместе, получится почти что восьмой Криабал – хотя и самый тонкий из всех.

И среди заклинаний есть такие, которые раньше Вэтечеку казались бесполезными, но теперь… теперь он глядел на них иначе. Например, на обратной стороне довольно глупого Роста Волос, которое Вэтечеку захотелось иметь просто потому, что он боялся рано облысеть, как папа, нашлось бесценное Продление Жизни. Действующее совсем как стандартный жизненный эликсир, только в разы мощнее.

- Атирака осихара ското мадара, - произнес Вэтечек. – Осита сара инегат тора доко. Азеворк.

Ничего не произошло. Но ничего и не должно было произойти – это же продление жизни, а не омоложение или что-то в этом роде. Просто весь следующий год Вэтечек не будет стареть, а потом еще несколько лет – будет, но вдвое медленнее.

Просто читай это заклинание раз в год – и не умрешь никогда.

Еще вчера Вэтечек не увидел бы в этом ничего ценного. Сейчас… сейчас он с отвращением взирал на себя прежнего. Рылся в отвергнутых заклинаниях, ища то, что пригодится прямо сейчас, поможет быстрее собрать так легко выкинутые Криабалы…

Призыв Суккуба. Уголок рта Вэтечека чуть изогнулся. Даже идиот, которым он был прежде, заинтересовался этим заклинанием. Или ему намекнул другой Вэтечек, который, как теперь понятно, был запертой в клетку сознания рациональной частью.

И ему хотелось прочесть это заклинание. Нестерпимо хотелось. Но Вэтечек, даже поумневший, оставался Вэтечеком. Ему было двенадцать лет, когда Апофеоз превратил его в слюнявого дурачка с разрушенными чакрами.

И у него не было опыта с женщинами. Откуда ему взяться?

- Сукто отара… – начал было Вэтечек, но тут же остановился. Взгляд зацепился за следующее заклинание.

Призыв Темного Господина. Сильнейшего демона Паргорона. Того ужасного существа, которое Бриар Всемогущий использовал

вместо мутовки, когда пахтал океан.

Почему бы Вэтечеку это не повторить? Это будет очень символичным. Возрождение Парифатской империи начнется с того же, с чего когда-то началось ее основание.

- Секеторон истакара марида! – произнес он, вскочив на ноги. – Зукита эхет агад! Ирпадак огок! Армеда хиара та остора танака! Урзагат аркинт ор га пиат эсетек! Зумирак! Зумирак! Асатак! Истара озикаторо! Эскатара ирминга ирминда астараба но!

В следующий момент Вэтечек повалился, не удержав равновесия. Дом вокруг него разваливался – он едва успел увернуться от падающей балки. Едва успел выбежать за дверь – и обомлело уставился на ложащиеся вокруг деревья и разверзающуюся в земле трещину.

Оттуда перла мясная гора. Громадный скользкий купол с чвакающей пастью на самой вершине и множеством трубчатых глаз вокруг нее.

Все они смотрели на Вэтечека.

- Мир тебе, о Гламмгольдриг!.. – срывающимся голосом крикнул он. – Я Вэтечек, потомок Бриара Всемогущего, новый Колдующий Император! Я приказываю тебе...

Гламмгольдриг издал гулкий рокочущий смех – и Вэтечека обдало раскаленным ветром. Редкие волосы растрепало, рот наполнился горькой слюной.

Ему вдруг стало страшно. Очень-очень страшно.

- ПОТОМОК БРИАРА ВСЕМОГУЩЕГО, ЗНАЧИТ?.. – прогремел Гламмгольдриг. – А ТЫ ЧТО ЖЕ, НЕ ДОБАВИЛ К ЗАКЛИНАНИЮ УСЛОВИЕ НЕПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА?

- Какое условие?.. – пролепетал Вэтечек, комкая лист бумаги.

- ТЫ ГЛУПЕЕ СВОЕГО ПРЕДКА, ПОТОМОК БРИАРА ВСЕМОГУЩЕГО. УМРИ.

И мироздание взорвалось. Ненависть Темного Господина была так сильна, что уничтожила все до самого горизонта. Вернувшись в Паргорон, он оставил после себя громадный выжженный кратер, ядовитую тучу, бушующий смерч – и несколько сотен исписанных листков. Странички из семи разных Криабалов остались невредимы – и разлетались теперь во все стороны.

А Вэтечек исчез бесследно.

Глава 46

- Ничего себе его потрепало, - сказал Мерзопак, тыкая тростью полумертвого Фырдуза.

- Осторожней, тля! – окрысился Плацента.

- Спокойно, без паники! – ухмыльнулся Мерзопак. – В конце концов, кто тут лекарь, вы или я?

От кончика его трости и впрямь уже распространялись теплые волны, заживляющие гораздо лучше, чем белка Джиданны. Фырдуз дышал уже чуть ровнее, хотя по-прежнему выглядел так, что диву даешься – как он еще жив-то, каким чудом?..

Искатели Криабала, а также Имрата, Танзен и Массено постарались отойти подальше от пентаграммы. Не настолько далеко, чтобы не видеть в ней происходящего, но все же достаточно, чтобы не оказаться задетым случайным заклинанием. Мощь, исходящая от фигур внутри, заставляла кожу покрываться мурашками.

Первые несколько секунд все молчали. Антикатисто слегка оторопел, увидев этих пятерых, они же слегка оторопели, увидев вместо элементаля Тьмы обычного человека.

Особенно выбило это из колеи Медариэна. Он потратил немало времени, чтобы овладеть методой покойного Бецалли, и теперь она оказалась бесполезна.

Но Медариэн же первым и взял себя в руки. Он резко втянул воздух, сомкнул ладони – и распахнул энергетический купол. Тот резко расширился, окружая вначале пентаграмму, а потом и весь холм.

Теперь, по крайней мере, Антикатисто не сумеет сбежать.

- Мы на острове Вечной Ночи, - произнесла Галлерия, прислушиваясь к незримым духам. – А этот огромный конус... гм...

- Апофеоз, полагаю, - сказал Бельзедор. – Лорд Мерзопак, вы неточно исполнили мои инструкции.

- Пришлось импровизировать, Властелин, - развел руками Мерзопак. – В ваш план вмешались непредвиденные факторы.

- Прискорбно. И Антикатисто, полагаю, собрал Криабал полностью?

- Не думаю, что это станет проблемой, - усмехнулся Локателли, слегка поднимаясь над землей. – Он сам вырыл себе могилу, перестав быть элементалем Тьмы.

- Вы нынешний председатель ученого совета? – предположил Антикатисто. – Я многое о вас слышал.

- Обо мне многие слышали, - расплылся в улыбке Локателли. – Весь мир. Репутация, что же вы хотите. Я и не хочу, и не стремлюсь вовсе, а вот, каким-то образом известен на всю планету!.. Дела говорят сами за себя, мэтр Токхабаяж!

- В основном я слышал, что вы – хвастливый полоумный старик, - холодно добавил Антикатисто.

- А вот это поклеп и навет! – погрозил пальцем Локателли. – Таких гнусных слов я не стерплю! Я стар и немощен, но я вызываю вас на бой, мэтр Тохкабаяж! Дуэль волшебников! Увидим, увидим, сумеете ли вы одолеть хотя бы бессильного инвалида!.. кха!.. кха-кха!.. давайте-давайте, нападайте, если осмелитесь!..

- Прекрати паясничать, старый дуралей, - процедил Хаштубал. – Ты ведь даже не инвалид.

- Оскорбительны мне слова ваши, мэтр Хаштубал, - спокойно ответил Локателли. – Да будет клетка.

Вокруг Антикатисто резко сгустился воздух. Сверкнула алмазная скорлупа – и заключила волшебника в клетку такую прочную, что не пробить никакой силой.

Но Антикатисто лишь повел пальцем и шевельнул губами. Вспышка!.. и заклинание Локателли рассеялось.

- Вас пятеро, а я один, - меланхолично произнес Антикатисто. – Но мне даже не нужно вас убивать. Вы не сможете причинить мне вреда...

В него ударил слепяще-белый луч. Хаштубал полыхнул таким пламенем, что одежда на Антикатисто даже не сгорела, а просто исчезла. Исчезла еще до того, как огонь его коснулся.

Но сам Антикатисто только пошатнулся. Утер с груди хлопья сажи, вздохнул и прищелкнул пальцами.

На нем появилась новая одежда, а вокруг вырос мерцающий купол. И казался-то он скромен, неказист даже – просто барьер и барьер, одно из любимых заклинаний Ингредиора, да и в других институтах нередко встречается... но волшебники при виде него слегка напряглись. Локателли всмотрелся в спектр ауры, переглянулся с Галлерией и Медариэном – и чуть заметно мотнул головой.

- Это не может быть Барьер Гальвени, - негромко произнес Медариэн. – Гальвени родился после смерти Антикатисто.

- И умер до его возрождения, - добавил Бельзедор.

- Нет-нет, это явно другое заклинание! – замотал головой Локателли. – Ну право же, коллеги!.. Даже по сигнатуре видно, что оно чуть менее мощное, зато и гораздо менее маноемкое!

Ваша личная разработка, мэтр Токхабаяж, или что-то из Криабалов?

- Красный Криабал, - ответил Антикатисто. – Заклинание Нерушимой Стены.

Локателли досадливо цокнул языком. Ох уж эти Криабалы и их ультимативные заклятия. Никакого с ними сладу.

- А что такое Барьер Гальвени? – неохотно спросил Антикатисто. Он все-таки был волшебником и не мог не испытать любопытства.

- Ультимативное заклинание Ингредиора, - ответил Медариэн. – Магическое поле безусловной защиты, дематериализующее все, чего коснется. Создано Драмменом Гальвени как апогей защитного и одновременно уничтожающего экрана. Долгое время считалось, что Барьер Гальвени – это неостановимый абсолют, ограниченный только объемами маны владельца.

- Нерушимая Стена более скромна, - произнес Антикатисто. – Она исключительно защитное заклинание. А одновременно уничтожающее... потрясающе. На самом деле потрясающе. Еще один аргумент в пользу того, что магия должна перестать существовать.

- Глупец! – сверкнула глазами Галлерия. – Какой же ты глупец, Радож! Теперь я вспоминаю, что присутствовала на том фестивале, когда ты получил третью... нет, кажется, вторую степень. Но точно не первую. Да, я вспоминаю. Ты!.. ты тогда принял медальон из рук Данду, произнес благодарственную речь... и в ней точно не было ни слова о том, что ты ненавидишь магию! Что с тобой стало?!

- Я не ненавижу магию, - терпеливо ответил Антикатисто. – И магов я тоже не ненавижу. Просто мы слишком рано овладели этой огромной силой. Оставаясь обычными людьми...

- Я не человек!

- Людьми, эльфами, другими разумными... какая разница?.. Оставаясь обычными смертными существами, мы заполучили мощь, способную менять лицо планеты – и как мы ее используем?..

- Да неплохо мы ее используем, - хмыкнул Локателли. – Да будет бутерброд.

- Волшебство на Парифате словно качалось на качелях, - настойчиво продолжал говорить Антикатисто, стараясь не смотреть на жующего Локателли. – В древности волшебники были правящей кастой. Потом они уничтожили половину мира и почти вымерли, а те немногие, что сумели овладеть магией вновь, стали изгоями, стали ниже плесени. Многие века их ненавидели и

истребляли. Но колесо повернулось, и теперь волшебники снова на вершине. Они больше не правят всем миром, но мир уже снова не может без них жить. И недалек тот день, когда они снова разрушат все, до чего дотянутся.

- Преувеличиваете, мэтр Токхабаяж, - улыбнулся Локателли. – Это уж скорее вы здесь пытаетесь разрушить мир.

- Нет, он прав, - сказал Медариэн.

- Он прав?.. – удивилась Галлерия.

- Я прав?.. – не меньше удивился и Антикатисто.

- Да, ты прав, - кивнул Медариэн. – Когда-то магия действительно сотворила с этим миром немало зла. Древние волшебники уничтожили свою цивилизацию и лишь чудом не уничтожили весь мир.

- Вот видите!..

- Но это было давно, - продолжил Медариэн. – Очень давно. Сейчас совсем другие времена. Сейчас магия служит людям. Никто больше не боится волшебников. Мы просто люди, умеющие то, чего не умеют другие. Но и кузнецы таковы. И лекари. И музыканты. Волшебник теперь – просто профессия. Полезная профессия. И мы не повторим былых ошибок.

- А я ничего и не имею против отдельных волшебников! – начал злиться Антикатисто. – Я не считаю злом магию как таковую! Я согласен, что среди чародеев есть немало таких, что приносят миру пользу – и порой немалую! Я согласен! Гром и молния, да я же сам тоже волшебник!

- Вот как раз ты – хороший аргумент в пользу того, что магии не следует учить кого попало, - заметила Галлерия. – Кто-нибудь знает, во времена Радожа Делектория уже применяла Оракула?.. Просто при мне его еще не было.

- Он появился только пятьсот лет назад, - рассеянно ответил Локателли. – Мэтр Токхабаяж, а о чем мы спорим тогда? Если вы сами согласны...

- Но вреда от магии все же гораздо больше! – перебил Антикатисто. – Жить в волшебном мире – это как жить на вулкане! Да, от него исходит тепло, а из жерла временами даже появляются ценные минералы, но... однажды происходит извержение! И весь мир гибнет! Гибнет просто потому, что кто-то перестал считать волшебство всего лишь полезной профессией!

- Как ты сейчас? – язвительно осведомилась Галлерия. – Слушай, да даже церковь в конце концов перестала сыпать нам отраву под корни, хотя я еще прекрасно помню времена, когда жрецы плевались при нашем виде!

- Не аргумент, - отмахнулся Антикатисто. – Церковь – излишний и даже вредный пережиток диких времен. Но она по

крайней мере не способна уничтожить мир!

- А что насчет меня? – насмешливо осведомился Бельзедор. – Я тоже не вписываюсь в твою картину мироздания?

- Ты – враг безусловный, но ты всего один, - пожал плечами Антикатисто. – Ты, впрочем, тоже будешь уничтожен.

- Надо же, я тоже буду уничтожен, - вздохнул Бельзедор. – Как грустно.

- Радикально, радикально, - покивал Локателли.

- Людям не нужны больше боги! – гневно воскликнул Антикатисто. – Не нужны маги! И не нужен ты, лорд Бельзедор! Люди заслуживают права сами выбирать свою судьбу!

- Я согласен с твоими словами, но не с твоими методами, - негромко сказал Медариэн.

- Слышал? – хмыкнул Бельзедор. – Даже Медариэн с тобой не согласен. А значит, ты здесь никого не убедишь.

- Вы мне надоели, - скрестил руки на груди Антикатисто. – Думайте про меня, что хотите. Я и так знаю, что меня считают последней тварью.

- Считают, представь себе! – прорычал Хаштубал, снова резко выбрасывая руки.

Центр пентаграммы утонул в пламени. Там взметнулся такой столб, что земля растрескалась, а в подбрюшье черной тучи появился просвет. Луч света упал точно на Антикатисто – он по-прежнему стоял со скрещенными на груди руками, защищенный Нерушимой Стеной.

- Я просто подожду здесь, пока... – сказал он.

Взметнулся будто черный ураган. Бельзедор преодолел сотню шагов одним прыжком – и в его руке вспыхнул потрясающей красоты меч с сапфирами в рукояти.

Один удар. Один-единственный удар – и Нерушимая Стена рассыпалась. Легендарный клинок Деправерон прорвал ее, как мыльную пленку.

- Для каждой кобры есть свой мангуст, - сказал Бельзедор, хватая Антикатисто за горло.

Он стиснул пальцы. Но волшебник, невзрачный на вид человек, оказался будто неуязвим. Вырваться из стальной хватки ему не удавалось, раскрыть рот тоже – но над головой у него переливалась сфера Криабала. Как-то устало поглядев на Бельзедора, Антикатисто просто сомкнул веки... и все взорвалось.

Земля. Воздух. Вспышка поглотила все внутри пентаграммы. И не огненная, а желто-пурпурная, чистая энергия, порожденная бесконечной волшебной мощью.

Искатели Криабала смотрели на это с ужасом. Особенно Джиданна и Танзен – они видели спектр ауры и не могли

поверить, что внутри кто-то сумел выжить.

Но через несколько секунд все рассеялось. И снова стали видны шесть фигур – слегка удивленный Антикатисто и прикрытые мерцающими куполами волшебники. Медариэн чуть заметно согнул пальцы, готовясь отразить следующий удар. Его взгляд стал суровым.

А Бельзедор... Бельзедор дымился. Из его доспехов пахло горелой плотью. Совсем неподвижные, они казались пустыми... но потом шевельнулись. В узких прорезях снова сверкнули глаза.

Темный Властелин вернулся к жизни.

- Да, ты силен... – произнес Медариэн, не отрывая взгляда от Антикатисто. – Ты невероятно силен. Пожалуй, сейчас ты не уступишь Бриару Всемогущему...

- ...Но впятером мы грохнули бы даже его!!! – рявкнул Хаштубал, взлетая в огненном шторме.

- Да будет музыка, господа! – воспарил в каменном кресле и Локателли.

Из ниоткуда грянули литавры и застучали барабаны. Раздался рев труб и бешеное пиликанье скрипок. Руки великого волшебника легли будто на невидимые клавиши – и запел рояль.

И с каждым звуком на Антикатисто обрушивались волны чистой магии. Его хлестало, било и толкало со всех сторон. Десятки, сотни заклинаний щупали его на прочность, рвались сквозь слои защиты – а с другой стороны бушевал Хаштубал. Он утопил Антикатисто в белом пламени – и тот уже не без труда отбивался от сразу двух атак.

Медариэн же исчез – и появился среди искателей Криабала. Он бросил быстрый взгляд на уже пришедшего в себя Фырдуза и тихо попросил:

- Переместитесь подальше. Рядом с Апофеозом безопасно – он надежно экранирован.

Мектиг коротко кивнул, и даже Имрата не стала спорить. Она рвалась в бой, но ее смущало, что Антикатисто всего один – а противников у него целых пять.

Это было... неправильно. Вся ее суть протестовала против такого.

Убрав тех, кто мог случайно пострадать, Медариэн вернулся в самую гущу. Там кипела магия и бурлило пламя. Со всех сторон сыпались заклинания. Антикатисто равнодушно поворачивался туда и сюда, отражал атаки – и сам тоже атаковал.

- Абан тук агас, - произнес он, указывая на Локателли.

Старик вздрогнул и схватился за сердце. Даже безграничная воля всесильного волшебника дала сбой перед заклинанием Криабала.

Но его тут же охватила зеленая волна. Взметнулся настоящий смерч духов-нектаритов, и Локателли снова задышал, снова вскинулся с прежней улыбкой.

- Абан тук агас, - повторил Антикатисто. – Зарита ката.

Это заклятие вовсе не достигло цели. Между ним и Локателли вырос Бельзедор. Темный Властелин шагнул вперед – и принял на грудь и Убийство, и шваркнувшую следом Молнию. Его качнуло, его пошатнуло – но он остался жив. Следующую Молнию он принял на ладонь – и отбил высоко в небо.

- Ирата коза дарука...

Все утонуло в огне. Хаштубал разверз паргоронское пламя. Оно и язычком не касалось эльфийской владычицы, старца в каменном кресле, мужчины в легкой тунике и великана в черных доспехах. Зато Антикатисто оно жрало жадно, с рычанием голодного зверя. Лишившись одежды, тот снова поднял Нерушимую Стену – но уже мигом спустя на нее обрушился Деправерон.

- ...Милорд!.. – донесся издали вопль. - ...Милорд!..

- Антимаги!.. – резко сжала кулаки Галлерия. – Медариэн, они прошли твой экран!..

- Я займусь, - хмуро сказал Хаштубал, взмывая в воздух кометой.

Антикатисто гневно выставил челюсть и взлетел следом – но его дернуло назад. Медариэн стиснул его в кинетической схватке – а из земли схватил за ноги элементаль Галлерии.

- Да будет тяжесть! – выкрикнул Локателли – и Антикатисто придавило к земле. – Да будет сила!

Хаштубал тем временем описал круг над отрядом антимагов. Предусмотрительно не приближаясь, он раскрыл ладонь – и с нее сорвался огненный диск. Он расширился мгновенно – и ударил с яростью метеорита. На двести шагов вокруг все исчезло, скрылось в дыму.

Все послушники и рыцари погибли мгновенно. В живых остался только магистр – хрипящий от боли, обожженный, но целый. С трудом, но он сумел оградиться даже от такого волшебства.

Но Хаштубал тут же воздвиг вокруг него огненное кольцо. Оно выросло до неба – и тут же исчезло. Но после него остался круг, глубокая трещина, окружающая земляной столб... и через секунду тот рухнул! Магистр с диким криком полетел в пропасть – и там уж никакая антимагия не смогла его спасти.

А над давно уже стершейся пентаграммой танцевало зеленое марево. Галлерия Лискардерасс призвала всех духов, что только были в доступности, оживила земляных и воздушных

элементалей, подняла сам холм на битву – и от этого рябило в глазах!

Сбросивший путы Антикатисто ринулся в небеса – но следом ринулась эльфийская владычица! Ее одеяние раздувалось от ожившего ветра, она выхватила из воздуха искрящийся меч – и с него сорвалась молния!

Она растворилась в облаке чистой Тьмы. Антикатисто был силен не только собранным Криабалом. Он оставался лауреатом премии Бриара первой степени, одним из величайших волшебников в истории Парифата. Перестав быть элементалем Тьмы, он отнюдь не разучился ею пользоваться – и изрыгнул такое количество, что хватило бы уничтожить армию.

Даже эльфийскую владычицу это могло бы обратить в прах. Но с другой стороны полыхнул белый луч, и старик в каменном кресле крикнул:

- Да будет свет!

Мрак острова Вечной Ночи озарило будто зарей. Все невольно моргнули – таким ярким светом залил все Зодер Локателли. Даже Антикатисто дернулся, вздрогнул, как будто скукожился – но тут же расправил плечи. Реального вреда это ему причинить не могло.

Но исторгнутую им Тьму заклятие Локателли рассеяло. И пока оно действует – новая также будет рассеиваться.

Если только не влить побольше. Остановившись прямо в воздухе, Антикатисто уцепился за эфирную складку и обратился к тому же, с чем столько когда-то экспериментировал. Пронзил рукой саму Кромку, частично нырнул в иное пространство – и сделал прокол. Тут же расширил его и раскрыл трещину в Мамбию – мир бесконечной Тьмы и бесформенных тварей.

И Тьма хлынула. Абсолютная первостихия, всепожирающая и разрушающая. Энтропическое начало мироздания, чистая гибель всего сущего.

- Да будет свет! – повторил Локателли.

Теперь полыхнуло из раскрытых ладоней старца. Узким скрученным лучом. Заклятие встретилось с рвущейся от Антикатисто Тьмой – и расплескалось радужной кляксой. Взметнулся мановый клуб, эфир заколебался, хлынул во все стороны.

И одновременно ударил Медариэн. Шарахнул ментальным импульсом такой мощи, что даже у союзников закружились головы. Антикатисто же повело в сторону, он утратил равновесие, начал падать. Его взгляд на несколько секунд стал мутным.

Но он тут же пришел в себя. И снова полетели во все стороны молнии, ринулась Тьма и прямая, неостановимая смерть.

Волшебство закружилось бешеным вихрем. Заклинания сменялись с невероятной частотой, сама реальность исказилась и заколебалась.

- Абан тук агас медерек тока, - произнес Антикатисто. – Орак тогара дека. Герде.

Синий луч ударил в Хаштубала – и пронзил насквозь. Прорвал все защиты – и остановил сердце. Полудракон захрипел, его охватило пламя, изо рта брызнула кипящая кровь.

- Да будет жизнь! – воскликнул Локателли, проносясь мимо.

Хаштубал резко втянул воздух. Сердце снова застучало. Теперь полудракон стал двигаться осторожней, на своей шкуре прочувствовав, на что способны Криабалы.

Медариэн раскрывал энергетические щиты. Они принимали часть заклинаний Антикатисто, поглощали атаку за атакой, прикрывали остальных. Другие удары брал на себя Бельзедор – он носился черным ураганом, и пока что ни одно заклятие не сумело ему навредить. В одной руке сверкал меч Деправерон, в другой извивался огненный кнут Верберус.

Хлестало пламя. Хаштубал наполнил им все свободное пространство, и не давал Антикатисто продыху. В воздухе давно не осталось чем дышать – пространство над холмом превратилось в какой-то воздаят, страшную паргоронскую пыточную. Вокруг Медариэна и Локателли сверкали воздушные пузыри, Галлерию облегали свистящие стихиали-сильфы, а Бельзедор… кажется, он даже не замечал, каким смертельным стало окружение.

Но и Антикатисто обращал на это не больше внимания, чем на пыльный ветер. Морщился иногда, дергал рукой, дважды прочел заклинание Очищения – но и только-то. Его тоже защищали бессчетные энергетические поля, которые то и дело разрубал Бельзедор, но и под ними он оставался неуязвим, неуничтожим.

Таковы битвы великих волшебников. На истощение. На изнурение. На поиск того самого заклинания, что найдет щелку в броне, доберется до мягкого нутра. На перебор всех средств в надежде, что какое-то окажется тем, от которого противник не приготовил защиты.

И на случайную удачу. Она тоже нередко становится решающим фактором.

Разнообразней всех сражался Локателли. Медариэн, профессор Спектуцерна и Ингредиора, работал в чистую магию. Энергетические поля, телекинез, телепортация, прямое ментальное воздействие. Хаштубал Огнерукий, профессор Элементурия, действовал еще проще и прямее – бил, резал, рубил пламенем всех сортов… но всякий раз только пламенем. Галлерия

Лискардерасс, профессор Нигилиума и Субрегуля, в основном поддерживала остальных – призывала все новых духов и элементалей, оживляла землю и воздух. Бельзедор же вовсе почти не атаковал – он лишь принимал удары Антикатисто на себя, ломал его барьеры и защищал волшебников.

Но Зодер Локателли, профессор Вербалеона и Бакулюмуста… он сыпал заклинаниями, словно из мешка с подарками. Все новые и новые, на любой вкус и цвет, почти без ограничений. На Вербалеоне Локателли заканчивал факультет изустного контроля, на Бакулюмусте – факультет плаща и перстня. Каменное кресло, его личный артефакт, носило хозяина, как продолжение тела, почти неограниченно снабжало маной и так усиливало каждое заклинание, что Локателли даже не трудился произносить их полностью.

Три слова каждый раз – только три слова, из которых два первые всегда одни и те же. Зодер Локателли постиг высшее проявление искусства Вербалеона – умение сокращать заклинания до предела. Оставаясь предельно разнообразным магом, виртуозным почти во всех областях, он в то же время колдовал очень быстро – и был почти непобедим.

- Да будет множество! – выкрикнул он – и стало множество. От одного старца в каменном кресле разлетелась еще тысяча, наполняя пространство будто тучей мошкары. Бесчисленной стаей длиннобородых волшебников – и они завьюжили вокруг Антикатисто!

Тот полыхал во все стороны убийственными проклятиями, сверкал молниями и бил струями Тьмы – и копии Локателли исчезали один за другим. Но их по-прежнему оставалось много, очень-очень много – и где-то среди них был и подлинник, что тоже исподволь колдовал, влиял на Антикатисто одним из самых сложных, но – увы! – и медленных заклинаний.

Но тем временем вокруг Антикатисто сгущала воздух Галлерия, жег протуберанцем Хаштубал и сверлил ментальное начало Медариэн. Неуничтожимый, как сами Криабалы, он все же ощущал эти воздействия – как слабые тычки, но ощущал. И в то же время не мог никого поразить – ибо все заполонили бесчисленные копии Локателли.

- Какой же из нас настоящий? – лукаво вещал старец сотнями глоток. – Это очень сложный вопрос, мэтр Токхабаяж. Боюсь, даже я сам не смогу найти на него ответ… во всяком случае, не быстро.

Не выдержав этой канонады, Антикатисто спустился на землю – и уже здесь произнес несколько слов. Полное Разрушение, из Красного Криабала. Оно хлынуло во все стороны, комкая и ломая каждый гран вещества, каждую крупицу твердого.

Хаштубала едва не снесло, Галлерию опрокинуло и отшвырнуло, и только Медариэн и Бельзедор остались твердо стоять на ногах.

Да еще Локателли. Последний Локателли. Все его копии заклятие уничтожило – остался только оригинал. Его прикрывал лишь тонкий лиловый заслон – но его хватило.

- Мэтр Токхабаяж, ваш стиль слишком груб, - укоризненно произнес старик. – Слишком примитивен. Мы же оба с вами волшебники, оба лауреаты премии Бриара, но согласитесь, что у меня есть стиль, а у вас нет. Да будут лозы.

Из высохшей, потрескавшейся, многократно изуродованной земли выметнулись длиннющие цепкие лозы – и мгновенно опутали Антикатисто. Ровно две секунды тот дергался – а потом со всей его кожи излилась Тьма, и лозы рассыпались. Поток Тьмы же ударил в парящего в кресле Локателли – но тот мгновенно исчез и появился в сотне шагов дальше.

- Я великолепен! – горделиво провозгласил волшебник.

- Ты просто старый самолюбивый бахвал, - холодно произнес Антикатисто.

- Здесь я согласен, - кивнул Хаштубал.

И крутанул кистью. Там, где стоял Антикатисто, взметнулся огненный гриб. От грохота заложило уши, взрыв оставил в многострадальной земле яму и спалил последние остатки кислорода – но Антикатисто остался цел и невредим. Глядя на Хаштубала сквозь дым, он произнес несколько слов – и полудракона отбросило.

Его швырнуло так, что он улетел за горизонт и врезался в развалины какой-то башни. От одежды остались какие-то клочья, тело изломало, как глиняную фигурку, из бесчисленных порезов выступила кровь.

Но по коже тут же пробежал серебристый огонь, и кости стали срастаться, а кровь мгновенно запеклась. Хрустнула шея, голова ровно уселась на плечах, и Хаштубал сплюнул кипящей слюной.

- Не таких бил, - процедил он, резко отталкиваясь ногами и взмывая в небо кометой.

Элементурий многие считают примитивным. Тупым. Один элемент. Одна стихия, вещество или энергия. Многое ли сможешь, имея такой узкий диапазон?

Но адепты Элементурия справляются. Ибо это только говорится – один элемент. А на деле – что есть тот же огонь? Раскаленный газ? Сам процесс горения? Сверхвысокая температура? Быть может, излучение?

Все это – и еще многое другое. Хаштубал Огнерукий, абсолютный властелин пламени, применял свою силу тысячей

разных способов – и были в его арсенале такие заклятия, которым позавидует и старый пердун Локателли. Заживляя остатки повреждений, он с бешеной скоростью возвращался в бой.

Там уже бурлило столпотворение. Галлерия Лискардерасс снова взялась возрождать искалеченный холм – земля оживала, из нее повсюду били ручьи. Повсюду взрастали пышные цветы, воздух становился чистым и свежим. Отовсюду струились природные духи и сотнями поднимались элементали. Галлерия создавала целую армию – и та все плотнее окружала Антикатисто. Зеленая дымка эльфийских чар стала так плотна, что кружились головы.

- Арамет токар дарака, - произнес Антикатисто. – Котура дека тарага зо. Арамет ота арага. Секеторон истакара марида. Иневорк Паргорон.

В воздухе раскрылись трещины. Нитевидные в первый миг – они тут же расширились, и из них посыпались демоны. Бессчетные твари Паргорона – храпоиды, развраги, чрепокожие и другие демоны-солдаты.

- Убейте их, - скомандовал Антикатисто.

Демоны явно не обрадовались приказу. Увидев, против кого их бросают, они без раздумий попытались отступить, сбежать с поля боя. Но их призвали Криабалом – заклятием Демонической Армии. Не в силах сопротивляться, солдаты Паргорона с ревом протеста ринулись вперед.

Естественно, они сразу стали убывать. Один, другой, третий... Все меньше и меньше.

Бельзедор убивал их просто голыми руками, отрывал головы и вырывал сердца. Не отставал и Хаштубал – обычный огонь почти не причинял демонам вреда, и полудракон палил Очищающим Пламенем. Целыми фонтанами белых искр. Для тварей Паргорона они были опасней кипятка для льдышек – и демоны с диким ором горели в нем, не умея даже подойти ближе.

Бельзедор и Хаштубал изничтожали рядовых демонов, как сорняки на грядке. Поэтому большая часть развргов и чрепокожих стремилась к элементалям Галлерии – с ними они могли биться на равных и даже с преимуществом.

Осаждали они и Медариэна. Тот не изменял своему правилу никого не убивать. Развраги разлетались от кинетических толчков, Медариэн глушил их и подвешивал в воздушных пузырях – но никого еще не лишил жизни.

В то же время его хватало и на битву с Антикатисто. Телекинетик колоссальной мощи, Медариэн сгущал воздух до твердого состояния, рвал Антикатисто на куски, растягивал, как кусок резины. Словно миллион невидимых рук плескался вокруг

Медариэна – и каждой находилось свое дело.

Но ему приходилось тяжело. Сотни призванных демонов не могли навредить волшебнику такой силы, но он немало на них отвлекался. Чрепокожие носились повсюду со страшной скоростью, норовили сбить на лету, вцепиться зубами. Огромные храпоиды лупили цельнолитыми палицами – за ними тоже приходилось следить.

Причем делать это приходилось лишь краем восприятия. Основное внимание оставалось за Антикатисто. Сфера Криабала переливалась над головой бывшего элементаля Тьмы – и время от времени из нее исторгался очередной кошмар. У Антикатисто было вдоволь времени, чтобы изучить все Криабалы, запомнить там каждое заклинание – и теперь он одно за другим кидал их в бой. И это не говоря уж о том, что он и сам по себе не уступал никому из присутствующих.

Чуть-чуть следить приходилось даже за союзниками. Медариэн в буквальном смысле видел все вокруг себя, ощущал происходящее внутренним зрением, реагировал на каждое движение, каждый импульс... но события сменялись слишком часто и быстро.

И когда Бельзедор ударил его сзади мечом – Медариэн лишь в последнее мгновение успел сместить себя в сторону.

- Ты что делаешь?! – выкрикнул он.

- Ты спиной повернулся, - дружелюбно ответил Бельзедор.

Медариэн шумно втянул воздух. Он прочувствовал этот удар. Тот был нанесен в полную силу. Чуть-чуть промедли Медариэн, окажись чуть-чуть нерасторопней – и голова отделилась бы от тела.

- Ты можешь хотя бы сейчас забыть, что ты Темный Властелин?! – гневно произнес он.

- Сам знаешь, что не могу, - укоризненно ответил Бельзедор. – Так что не поворачивайся ко мне спиной, если тебе дорога жизнь.

В тот же миг он исчез – и появился между Антикатисто и Галлерией. Вскинув руку, Темный Властелин остановил заклятие Смертной Тени. Оно с хлюпаньем исчезло в поглощающем диске – Бельзедор разрушил мановый поток и пожрал убийственный импульс.

Его собственная ладонь при этом рассыпалась в пепел, но под доспехами этого никто не увидел.

А через несколько секунд она выросла снова.

В ответ Бельзедор не ударил. Он вообще ни разу еще не попытался атаковать Антикатисто. Темный Властелин перемещался по полю с огромной скоростью, истреблял призванных демонов и принимал на себя большинство атак.

Разбивал мечом, вспарывал огненным кнутом, выпивал поглощающим диском или просто брал на грудь. На эту битву он надел свои лучшие доспехи – и пока что они выдерживали все, что обрушил Антикатисто.

Вот шесть синих молний окутали Локателли – и его кресло с гулом пошло к земле. Но рядом хлестнул Верберус – Бельзедор рассек им заклинание, точно гнилую веревку. Председатель ученого совета высвободился – и воздух заполнили миллионы крошечных сфер. Каждое несло в себе только одну искру – но эти искры гремели настоящим фейерверком, заставив Антикатисто на миг зажмуриться.

У Бельзедора в этот момент была отличная позиция – но он снова не ударил. Только крикнул во все горло, отвлекая Антикатисто – и хлестнул кнутом так, что загорелся воздух. Антикатисто обернулся к нему – и его осыпали фейерверки Локателли, а с двух других сторон полыхнули заклятия Медариэна и Хаштубала. Элементали Галлерии тем временем полностью захватили внимание демонов – мешать волшебникам те не могли уже никак.

Но Бельзедор по-прежнему не атаковал.

- Почему он не атакует?! – растерянно выкрикнул Фырдуз, который только сейчас начал приходить в себя.

- Потому что он глиномес! – огрызнулся Плацента. – Наверняка надеется, что колдунцы с Антикатисто перережут друг друга, а он, тля, загребет все себе!..

- Антикатисто всего один. Их пятеро. Это нечестный бой, - сухо сказала Имрата. – Этот мерзавец здесь единственный сохранил достоинство... даже странно.

- Мораль титанов относится к тем временам, когда на свете были только титаны, - хмыкнул Танзен. – Их не пятеро против одного – их пятеро против Антикатисто. И даже среди них у Антикатисто нет равного противника. Просто нет.

- Значит, по справедливости он и должен победить, - ответила Имрата.

- Тогда мы все сдохнем, тля! – прошипел Плацента.

- Значит, смерть предначертана нам судьбой.

- Титаны, - закатила глаза Джиданна. – Антикатисто не один, вообще-то. Он же призвал целую орду демонов.

- Не в счет, - отрубила Имрата. – Они для Бельзедора не противники.

Тем временем пять великих волшебников и Темный Властелин продолжали кружить в бешеном танце. Они двигались уже так быстро, что не различал глаз. Антикатисто ускорил себя все тем же Красным Криабалом, но то же самое с остальными

сделал и Локателли.

Человеку стороннему, не волшебнику, невозможно было даже понять – что происходит в этом многоцветном самуме. Взрывы, вспышки, громадные цветы!.. Сталкивались заклятия, кружились огни, плясали духи и элементали!..

Антикатисто перешел в отчасти энергетическое состояние. Стал живой молнией, сметающим все столпом космической энергии. Его с трудом, но сдерживал Медариэн, Бельзедор принимал самые страшные удары, а Галлерия изливала на союзников зеленый туман, исцеляя каждую рану, ободряя и укрепляя дух.

Хаштубал же и Локателли безостановочно сыпали заклятиями. Хаштубал – молча, просто вливая все больше маны, хлеща все более страшными протуберанцами. Зато Локателли без умолку болтал, перемежал чары насмешками и глубокомыслием.

- Интересный факт, мэтр Токхабаяж, - заметил он, на секунду сковав Антикатисто чарами Оцепенения. – Здесь только мы с вами – люди. Вы и я, два обычных смертных человека. Забавно, не правда ли? Мне кажется, нам стоит держаться вместе, вам не кажется? Остальные – слишком иные, слишком сильно от нас отличаются. Можно превратить вас в кабачок? Да будешь ты кабачком.

Антикатисто вздрогнул. Четыре слова в устах безобидного старикашки ударили страшней метеора. Конечно, он ни во что не превратился, но все его члены на миг одеревенели, а в голове вдруг мелькнула непрошеная мысль – как хорошо было расти на солнечной грядке... проклятье!..

Он тут же разорвал эту волну и швырнул в Локателли надежное и крепкое заклинание Убийства. Короткое, простое, и выбивает жизнь из любого смертного.

Если только он не великий волшебник, которого прикрывают другие великие волшебники. Вокруг Антикатисто вспыхнуло огненное марево, а когда он его рассеял – Локателли был уже в другом месте. Старик вился над Антикатисто и не переставал нести околесицу.

- Смотрите, какая у меня великолепная борода! – насмешливо сказал он. – Почему бы вам не отрастить такую же, мэтр Токхабаяж? Длинная белая борода – это классический волшебный стиль, она придает солидности. Хотите такую же бороду? Да будет борода.

Из подбородка Антикатисто полезли седые волосы. Он тут же смахнул их, испепелил, обратил заклинание старика – но тот мгновенно кинул другое. Теперь на голове Антикатисто выросли рога... нет, бананы!..

- Как вам такое, мэтр Токхабаяж? – осклабился Локателли. – Не правда ли, я очень смешно над вами потешаюсь?

- Старый придурок, просто дерись!.. – прорычал Хаштубал, взметаясь рядом огненным шквалом.

Антикатисто тем временем произнес заклинание из Синего Криабала – Массовую Душу Стихии. Снова создал себе небольшую армию – теперь элементалей. Но не воздушных, не земляных, не огненных даже – он сотворил сотню элементалей Тьмы. Снова раскрыл проход в Мамбию, излил настоящий водопад всеразрушающей первостихии – и повсюду возникли чернильные сгустки.

Это были не высшие элементали, как еще час назад сам Антикатисто. Обыкновенные. Но они были ожившей Тьмой – и намного превосходили тех созданий, что повсюду возникали по воле Галлерии. Убивая все одним прикосновением, губя просто присутствием, они сразу стали проблемой, заметно усложнили и без того очень непростой бой.

Волшебники сразу ушли в глухую защиту. Не так уж много заклинаний действует на ожившую Тьму – слишком редко такие твари встречаются. Хаштубал окутал себя коконом Очищающего Пламени, Галлерия принялась обращать элементалей изнутри, Локателли снова залил все светом.

И только Бельзедор рвал элементалей просто голыми руками. Его они осаждали особенно рьяно – летели со всех сторон, набрасывались тут и там. Черные доспехи стали трескаться, ржаветь, истаивать. Бельзедор уничтожал тварей одну за другой, но их клочья сливались, соединялись... и возрожденные чудовища становились только крупнее!

Под этим штормом Бельзедор совсем исчез из виду, сам походя на гигантского элементаля Тьмы.

Даже самому Антикатисто оказалось непросто их контролировать. Он немного замедлил темп в других заклинаниях. Но сотни элементалей Тьмы и без того хватало вдоволь. Окрестности Апофеоза превратились в безумную клоаку, шабаш самой смерти – и искатели Криабала не собирались туда соваться. Вообще не собирались отходить от древнего артефакта, который действительно оказался защищен почти от всего.

Было ясно, что любого из них в этой мясорубке размелет в пыль. Может быть, Имрата и Мерзопак продержатся какое-то время. Они, кстати, и смотрели с особым вниманием – даже различали отдельные моменты.

Имрата наблюдала молча, плотно сжав челюсти и выставив вперед подбородок. Зато Мерзопак активно комментировал, пояснял остальным непонятные моменты, лопал подкорм и

размахивал флажком. Его, кажется, ни капли не волновало, что от исхода битвы зависит и его собственная жизнь.

А потом из темноты, из клубящегося волшебного тумана вылетели болас. Два железных шара на ремне… нет, не железных! Кориниевых! Они врезались Мерзопаку точно в темя – и старик повалился набок.

Он не потерял сознания. Великий пакостник претерпевал и не такое. Но прежде, чем он успел подняться, его сдавило будто незримыми клещами. Вслед за болас из темноты выметнулся кориниевый шест – и из Мерзопака выбило дух. Страшный удар сломал ребро, а то и два.

Это случилось так быстро, что никто не успел даже повернуться. Раз-два – и Мерзопак лежит бездыханным!.. А через его тело переступил рыцарь-антимаг в глухих кориниевых латах, а за ним – еще два десятка рыцарей, столько же послушников и восемь магистров. В том числе та антимагесса, что осталась привязанной в руинах.

И гроссмейстер. Немолодой уже человек с сильно обожженным лицом, в истрепанной мантии. Жадно глядя мимо людей, он сказал куда-то в воздух:

- Милорд, мы у Апофеоза.

Глава 47

Мектиг Свирепый пронесся, как живой таран. Секира Рузульвета крутанулась в воздухе и с размахом опустилась на чью-то голову. Та раскололась, как спелая тыква – не помог и кориниевый шлем.

Но второй удар столкнулся с кориниевым шестом. Рыцари антимагии – первоклассные бойцы, все без исключения. Они всю жизнь учатся драться со слугами чародеев – обычными и волшебными. Сражать всяких зомби, големов и фамиллиаров, пока магистр антимагии занимается их хозяином.

И хотя секира Мектига гораздо превосходила обычные клинки, а его новая Сущность делала ее воистину нетупящейся, кориний тоже получше обычного железа. Три рыцаря антимагии взяли Мектига в оборот – и хотя им не удавалось достать дармага, но и он не слишком преуспевал.

Еще четыре рыцаря набросились на вехота. Наседали на двенадцатилапого зверя со всех сторон, а тот лишь шипел, отбрехивался, кусал кориниевые шесты. Демон-транспортник не слишком-то хорош был в драке – свою добычу он всегда брал западней, заманивал прямо себе в брюхо.

Тем временем Танзен бессильно сопел, пытаясь хотя бы не вывалиться в форму №0. Взгляд гроссмейстера пригвоздил его к одному месту, а один из послушников захлестнул болас. Джиданна полыхнула белкой – но огонь расплескался о подставленную ладонь магистра.

Остальные рыцари и послушники дрались с лютующей титанидой. Имрата двигалась быстрее молнии, расшвыривала их, как сухие листья. Антимаги превосходили искателей Криабала числом, так что ее ничто не смущало. Шесты и болас не оставляли даже следов на титановой коже, а кошмарная для чародеев антимагия была бесполезна.

И она, пожалуй, в одиночку раскидала бы всех, если бы антимагам не прислали помощь. Несколько элементалей Тьмы отделились от ревущего хаоса и бросились на титаниду.

- Эрванто, возьми их черепа, - произнес один шкварчащим голосом. – Пять здесь, два наверху. В них ключ.

Он обращался к гроссмейстеру. И тот сначала не понял, о чем речь – даже глянул недоуменно на людей, на искателей Криабала. Но элементаль указал частью себя в сторону – и антимаги метнулись к рассыпавшимся останкам Конклава.

Те шевелились. Чуть заметно, но шевелились. В пустых глазницах мерцал синий свет. Даже Криабал не уничтожил окончательно древнего трупомонстра... да, возможно, Антикатисто и не хотел его уничтожать. Узнал откуда-то, что ключ Апофеоза по-прежнему хранят его создатели.

Мектиг толкнул одного рыцаря, резко развернулся – ударил второго. Магистра, что глушил Джиданну, пырнул сзади Плацента. Еле-еле уклонился от черной кляксы, кувыркнулся через голову – и почти что врезался в другую. Они ринулись на полугоблина – зато оставили в покое тупую ведьму.

На сей раз Плацента не дал деру, хотя ему страшно хотелось. Элементали Тьмы пугали до коленной дрожи. Отпугивали одним своим видом. Источали натуральный ужас – липкий, зловонный. Но Плацента видел, что даже мелкий вонючий кобольд не убегает – и только злобно ругался, честя весь мир, что втянул его в такую кирню.

А Имрате на помощь пришел Массено. Слепой монах сорвал повязку – и свет распорол элементаля Тьмы. Черная клякса с шипением истаяла – и Массено перевел взгляд левее.

Еще с десяток элементалей принял на себя вехот. Сделав резкий рывок, он разбросал рыцарей – и кинулся в гущу клокочущей Тьмы. Демонам она вредна гораздо менее, и черные щупальца только жгли вехоту шерсть, больно кололи, точно иглами.

Фырдуз отполз назад, стараясь стать как можно незаметнее. А Дрекозиус сжимал изо всех сил Перстень Дружбы. Он взывал к Медариэну.

- Никогда бы не посмел побеспокоить!.. – торопливо вещал жрец. – Но антимаги!.. Они здесь, ваша мудрость!.. Они!..

- ...не... кхрр... могу... – раздалось из перстня. – Пхррр... прос...

Медариэн и без всякого перстня уже знал обо всем. Профессор Спектуцерна, великий ясновидец, он ощущал сейчас весь остров Вечной Ночи, видел его целиком и каждую деталь в отдельности.

Но о большей части – отвлеченно, на грани сознания. Прямо сейчас Медариэн не мог отвлечься ни на мгновение. С армией элементалей Тьмы Антикатисто начал брать верх. Даже впятером его противники еле-еле удерживали равновесие. Покинь схватку любой из них, оставь ее на несколько секунд – и Антикатисто победит.

Немного пособить смогла только Галлерия. Из земли вырос грозный каменный элементаль – и град ударов обрушился на антимагов. Двух рыцарей раздавило в кашу, еще один отлетел к

Апофеозу и упал бездыханным.

Но элементаль тоже был порождением магии – и два магистра сумели его обессилить. С каждой секундой тот двигался медленней, с него осыпалась почва, земля снова становилась просто землей. Пока они отвлеклись, одного магистра взорвало пылающим клинком Имраты – но сверху на нее рухнула черная клякса. Титанида издала страшный крик. Забилась, срывая ожившую Тьму.

А пока Мектиг дрался с рыцарями, пока Массено сдерживал элементалей Тьмы, пока Имрата билась с теми и другими, гроссмейстер Эрванто и несколько магистров собрали в мешок черепа Конклава. К ним присоединились и еще антимаги – вышли с другой стороны Апофеоза.

Похоже, Антикатисто собрал на острове Вечной Ночи всех, кого сумел привлечь на свою сторону.

Несколько самых молодых и ловких послушников уже карабкались на кристаллы Апофеоза, другие подсаживали менее прытких, а один особо рослый рыцарь расставлял устройство, похожее на вертикальную баллисту. С двойными плечами и толстой тетивой.

Это оказалось хитроумное осадное орудие. Вверх выстрелили сразу две абордажных кошки, и за ними со свистом взметнулись две веревки… нет, одна веревочная лестница! Повесив на спину мешок с черепами, гроссмейстер удивительно ловко полез на вершину – а следом поползли остальные.

Танзен издал сиплый стон. Гроссмейстер давно отвел взгляд, а пытавшегося его задушить послушника заколол сварливый полугоблин. И хотя Апофеоз сам по себе действовал как огромный столб корония, Танзен напряг чакры и перешел в форму №80. Прыжк атакующий, хищная обезьяна из джунглей Шахалии, метнулась по древнему артефакту, уцепилась за почти неощутимые неровности – и схватила веревку.

Над Танзеном оказался гроссмейстер. Под – кто-то из магистров. Агент Кустодиана что есть сил затряс лестницу, одной рукой ухватившись за лодыжку ублюдка-антимага. Гроссмейстер вскрикнул, едва не уронив череп, и попытался пнуть Танзена – но промахнулся.

Копошащийся внизу магистр цеплялся Танзену за ноги… за нижние руки. Ног у прыжка нет. Шерсти тоже нет, а кожа гладкая и скользкая. Продолжая удерживаться верхней правой и нижней левой руками, Танзен схватил нижней правой магистра за лицо – и стиснул челюсти от напряжения.

Страшное напряжение. Повсюду короний, рядом Апофеоз, да теперь еще и блокировка от магистра. Они слабее

гроссмейстеров, они не могут блокировать на расстоянии, но прикосновением делают это еще как!.. В обличье обезьяны-хищника Танзен был силен, ловок и неутомим, но малейшая слабина – и вылетишь в форму №0.

Пожилую, больную, тучную.

Эта возня длилась считаные секунды. Танзену они показались вечностью, но на деле прошло всего ничего. Толчок, удар, пинок... и гроссмейстер наклоняется к Танзену. Он не упал, Танзен не сумел его сбросить.

Волшебник начал переходить в форму №97 (огненный столб), на коже уже вспыхнуло пламя – но тут взгляд встретился со взглядом антимага. Гроссмейстер снова его заблокировал – и накатила слабость. Метаморф боялся теперь дернуться лишний раз... а потом в спину угодили тяжелые болас.

Последняя капля. Удар коронием окончательно лишил Танзена концентрации. Он выпал в форму №0 – и полетел вниз. С размаху ударился спиной о кристалл Апофеоза – и в глазах потемнело. Над ним склонился другой антимаг, с размаху занес шест...

- Нет!.. – вскрикнул Массено.

Он расправился еще не со всеми элементалями. Они с Имратой бились в полном исступлении – титанида обливалась сверкающим ихором, левую ее руку словно обварило кипятком, а правая половина тела покрылась трупными пятнами. От туники остались жалкие клочья.

Несладко приходилось и Массено – а теперь еще и это!..

Солнцегляд резко обернулся. Рыцаря, замахнувшегося пробить волшебнику череп, облило светом... и то был не просто свет. Массено не сдержался. Дал волю гневу. Внутреннюю плотину прорвало, и священный свет обернулся всесжигающим пламенем.

Рыцарь-антимаг осыпался пеплом. Массено перевел взгляд выше, окатил и там все смертью – но гроссмейстер и магистры уже вскарабкались на макушку Апофеоза, уже были недосягаемы для Солнечного Зрения. Веревочную лестницу они за собой обрезали, сбросили вниз даже абордажные крюки.

Неужели не собираются потом спускаться?..

Вехот катался, пытаясь сбросить элементалей Тьмы. Имрата превратилась в ослепительный диск, вращая мечом быстрее молнии. Плацента воткнул двуручный кинжал в горло отставшему магистру...

А потом кристаллы Апофеоза засветились.

Танзен лежал без сознания. Мерзопак тоже. Джиданна единственная увидела незримое излучение, хлынувшее во все

стороны.

И с излучением пришла боль.

Чакры вспыхнули огнем. Каждая словно превратилась в свежую рану, на которую еще и плещут кипятком. Волшебница упала навзничь и забилась в агонии – а рядом сучила лапками белка.

В точности то же случилось и поодаль – там, где еще только что бушевали мановые смерчи. Галлерия, Локателли, Медариэн и Хаштубал – все упали, как подкошенные. Излучение Апофеоза оказалось неостановимым и непреодолимым.

А вот сам Антикатисто к великому своему удивлению, остался на ногах. Его чакры тоже неприятно пульсировали, но это не было болезненным. Всего лишь немного раздражающим.

Он поднял голову – и увидел светящуюся сферу Криабала. Та по-прежнему горела всеми цветами спектра, по-прежнему ожидала команд. И то ли дело было именно в ней, то ли Апофеоз не мог превозмочь заклятие Абсолютной Неуничтожимости – но Антикатисто продолжал отлично себя чувствовать.

Правда, чакры перестали его слушаться. Они словно онемели. Впустую вибрировали при попытке применить магию. Элементали Тьмы, и без того слушавшиеся не идеально, совсем вышли из-под контроля и стали разбредаться. Иные уже рассеивались, не зная больше цели.

Но они больше и не были нужны. Антикатисто посмотрел на словно приросших к Апофеозу антимагов и облегченно вздохнул.

Он наконец-то достиг цели.

Мектиг ударил в последний раз – и убил последнего противника. Распахал надвое секирой Рузульвета. Антимаги частью лежали мертвыми, частью прорвались, вскарабкались на Апофеоз. Искатели Криабала их не интересовали, они были просто помехой на пути к главному.

Элементали Тьмы тоже перестали нападать. Без прямого контроля они стали не опасней диких животных – и в животном страхе бежали от взгляда Массено. Лишь два из них еще терзали катающегося по земле вехота – а ему монах помочь не смел. Демону свет Солары навредит куда сильней, чем способны элементали Тьмы.

Залитый с головы до ног кровью Мектиг подбежал к Дрекозиусу, хлопочущему у Джиданны. Изо рта у той текла голубоватая пена, глаза светились синим.

- Она жива?! – прорычал дармаг.

- Жива пока... сын мой, ты же весь в крови! – ахнул жрец. – Отчего ты говоришь членораздельно?!

- Это не моя кровь, - ответил Мектиг. – Помоги ей!

- Не могу, сын мой, не могу!.. – отчаянно возопил Дрекозиус.

- Тьфу, тля!.. – пихнул ногой Мерзопака Плацента. – Волшебники ярыть бесполезные!..

Фырдуз отчаянно озирался. Выглядело все так, словно они проиграли. Вехота жрали элементали Тьмы. Имрата лежала без движения. Массено тяжело дышал, опустив голову. Мерзопак, Танзен и Джиданна корчились в конвульсиях.

И что хуже всего – точно так же корчились и остальные волшебники! Галлерия Лискардерасс мелко трясла головой, а к небу летели стоны и плач ее духов. Хаштубал Огнерукий лежал будто в костре, непроизвольно изливая ману. Медариэн бессильно полз, скребя ногтями землю. Кресло Зодера Локателли рухнуло, старец выпал из него и лежал ничком.

- И вот так сейчас по всему миру?! – возопил Фырдуз.

- Кхррр!.. – прохрипела Джиданна. – Пхррр!..

А Антикатисто стоял, скрестив руки на груди... и улыбался. Он улыбался – да так довольно, словно ему поднесли сладчайшее на свете угощение.

- Что теперь делать?! – закричал кобольд. – Апофеоз убивает волшебников... а они все волшебники!

- Не все, - коротко ответил Мектиг.

Вдали лопнул элементаль Тьмы. Самый крупный, вобравший десятка полтора обычных. Брызги страшной первостихии растрескали камни и обратили смрадом воздух – но на месте гибели твари остался черноволосый гигант с огромным рубцом на груди.

Лорд Бельзедор.

Его доспехи исчезли, осыпались пеплом. Даже эта несокрушимая броня не устояла перед такой волной Тьмы. Но ее владелец остался жив и невредим.

Он сделал шаг – и земля вздрогнула под его ступней.

- Я... я думал, ты тоже волшебник, - удивленно произнес Антикатисто. – Древний злой колдун.

- Многие совершают эту ошибку, - ответил Бельзедор.

Он сделал еще шаг... и исчез. Переместился вплотную к Антикатисто – и ударил того в лицо. Волшебник отлетел назад... и там его снова встретил Бельзедор. Еще удар, еще, еще!..

Темный Властелин работал кулаками так, что те стали не видны!

Но Антикатисто даже не менялся в лице. Не думая закрывать себя какими-то щитами, не пытаясь уйти в Тень или во что-то превратиться – он бесстрастно сносил натиск, способный дробить скалы!

А потом шевельнул губами – и тоже исчез. Переместился

подальше – и метнул в Бельзедора молнию. Жгущую глаза молнию, на миг обратившую ночь в день!..

Но та лишь расплескалась о Темного Властелина Парифата. Тот издал короткий смешок, указал на свою грудь и сказал:

- Этот шрам мне оставил Космодан. Он бил сильнее.

Бельзедор снова переместился и тоже полыхнул... нет, не молнией, а целым шквалом молний! Обернулся живой грозой – и Антикатисто исчез из виду.

Но тут же вылетел – и хлестнул россыпью смертельных импульсов. Неспособный из-за Апофеоза колдовать сам, он сохранил весь контроль над Криабалом.

А уж там хватало заклинаний!

Но Бельзедора ничто не брало. Он не был полностью неуязвим, как Антикатисто – многие заклятия оставляли на нем следы, рвали и жгли кожу, добирались до костей, уничтожали руки и ноги, однажды обезглавили... но Бельзедор восстанавливался! Раз за разом он собирал себя заново, возрождался из пепла, из праха, из полной пустоты!..

Их бой с Антикатисто шел невероятно быстро. Оба ускорились до предела, оба двигались как живые вспышки. Глаз не успевал за движениями. Смертельные шквалы сыпались с обеих сторон – и любой давно бы погиб, сгинул, обратился в ничто!..

Любой – кроме неуязвимых.

Но Бельзедору приходилось труднее. Антикатисто мог не беспокоиться ни за кого – а Бельзедор как-то ухитрялся не только драться, но еще и защищать гибнущих волшебников. Темный Властелин воспользовался оставшимися еще кое-где костями, оживил несколько скелетов, и те потащили тела прочь, подальше... но Антикатисто это заметил.

- Они все равно умрут! – крикнул он. – Это бессмысленно! Не знаю, почему не умираешь ты, но они все точно уже обречены!

- Сражайся, а не болтай! – расколол землю Бельзедор.

Антикатисто швырнуло в воздух. Там под его ногами выросло белое облаце, а в руке возник клинок-душепронзатель. Когда-то аристократы древней империи носили такие на поясах.

С ним волшебник обрушился на Бельзедора. Искрящееся лезвие вонзилось в кожу... но не сумело ее проткнуть. Это Бельзедор легко выхватил полосу стали и раздробил в пальцах.

Антикатисто отпрянул. Швырнул еще какое-то заклинание и растерянно посмотрел на тех, кого волокли прочь скелеты.

Не слишком бережно волокли. Эльфийская волшебница билась головой о землю.

Они все еще живы. Прошло уже несколько минут с активации

Апофеоза – а они все еще живы. Антимаги на макушке конуса продолжают очищать мир чакровзрывающим излучением... но никто из волшебников до сих пор не погиб.

Это странно. Малые чакровзрыватели убивали подопытных в срок от девяти до двадцати трех секунд. Один выжил, применив экстренную телепортацию, но это другое. Даже если волшебники уровня лауреатов сопротивляются дольше – разница не может быть такой большой.

Тем более, что здесь есть и обычные волшебники.

Значит, что-то не так. Он что-то упустил. Апофеоз почему-то действует не в полную силу... в том числе на него самого.

Антикатисто напряженно размышлял. Процессу мешал Бельзедор. Никак не давал сосредоточиться.

Антикатисто дико раздражало, когда не давали сосредоточиться.

- Прекрати, - со злобой сказал он.

Он прижал пальцы к виску, сканируя эфирные потоки. Антикатисто видел излучение Апофеоза. Отлично видел. Оно заливало сейчас все... весь мир, вероятно, весь Парифат. Немыслимая мощность древней империи.

Но спектр этого излучения... он отличается от спектра малых чакровзрывателей.

В чем отличие?..

Взгляд метнулся к корчащимся волшебникам. Их чакры. Антикатисто психозрил чакры прежних подопытных – при жизни и после смерти. Изучал. Если взглянуть на эти, можно будет понять разницу.

Он вскинул руку, дергая к себе ближайшее тело. Притягивание. Одно из простейших заклинаний. Такие Антикатисто не требовалось даже читать вслух – он прекрасно владел методом стенографической магии. Слова в отдельные звуки, предложения в жесты... все сократить, ускорить, упростить...

Для Криабала это тоже работает. В нем даже есть специальное заклинание Быстрого Чтения. Чрезвычайно полезное – магический речитатив как будто сжимается, паузы исчезают, фразы слетают с губ россыпью искр.

Но любое заклятие – это мановый импульс. Если оно не именное, если эфирный заряд не ищет конкретный объект, то движется кратчайшим путем. По прямой.

Тривиальная геометрия.

И если между заклинателем и заклинаемым возникает преграда в виде сложного астрального тела – процесс прерывается.

Преграда возникла в лице Бельзедора. Тот умудрился опередить мановый импульс, который вообще-то распространяется мгновенно. Оказался на его пути – и высосал поглощающим диском.

А потом исторг обратно. Шарахнул всей накопленной за сегодня маной, обратил в элементарный кинетический разряд. В земле осталась борозда в полсотни локтей шириной, воздух испарился, и до самого горизонта пролегла горящая полоса.

Антикатисто отбросило так далеко, что он не сразу даже понял, где находится. Но тут же моргнул, применил Возвращение и портировался туда, где был минуту назад.

Одежда снова исчезла, конечно, и Антикатисто походя ее восстановил. Это он делал уже просто машинально.

И тут же хлестнул Бельзедора дезинтеграционной волной. Тот уже перемещался к Апофеозу... к антимагам на его вершине!.. Если он туда доберется... но нет, Антикатисто успел преградить ему путь. Рассек мириадами лезвий и тут же испарил... но Бельзедор сразу снова стал появляться!

- Это бессмысленно, - произнес Антикатисто. – Это все бессмысленно. Ты... мне... мешаешь!!!

Антикатисто взяла злость. Он был уверен, что Бельзедор тоже погибнет, когда заработает Апофеоз – но тот жив... и мешает! Не дает спокойно разобраться, что не так, что нужно исправить!

Навредить Бельзедору не получалось ничем. Антикатисто пытался уже и запечатать его, и заключить в энергетическую клетку – тот разрывал их все своим странным мечом. Даже дезинтеграция его не убила – он восстановился из ничего!

Восстановился – и снова рвется к антимагам на Апофеозе!

И тогда Антикатисто снова напал на тех, кого Бельзедор почему-то защищал. На бьющихся в конвульсиях волшебников. Он ударил сразу тремя заклинаниями – Огненным Облаком, Незримыми Лезвиями и Призывом Убийц.

Воздух мгновенно раскалился и наполнился тысячами тончайших крутящихся дисков. А из трещин в Кромке выпрыгнули два десятка маркольмов – демонов-убийц из Паргорона. Уродливые карлики с длиннющими когтями разом метнулись к жертвам...

И Бельзедор тоже туда переместился. Разметал своих же скелетов, вытянулся и окружил волшебников стеной... нет, сам обернулся гигантской змеей! В чешую вонзились сотни лезвий сразу, страшный хвост отшвырнул нескольких маркольмов, а из пасти вырвалось морозное облако. Бельзедор свернулся неуязвимым кольцом и издал мерзкий шипящий смех.

- Ты ничего не добьешься, глупец, - донеслось из клыкастой

пасти. – Тебе никогда не победить.

Антикатисто едва сдержался. Его взяло желание обрушить сюда метеор или отправить на дно весь этот проклятый остров... но тогда Апофеоз тоже сгинет. А даже если уцелеет – на его макушке по-прежнему работают антимаги, их ни в коем случае нельзя потревожить.

По крайней мере до тех пор, пока излучение не станет смертельным!

И сейчас можно снова подумать, в чем загвоздка. Бельзедор занят другим. Продолжая пускать в него убийственные заклятия, волну за волной, Антикатисто одновременно размышлял. Изучал структуру излучения, смотрел, как оно изгибается, какая тусклая на нем рябь... а почему она такая?.. Антикатисто поднял голову – и увидел непроницаемые тучи, что никогда не покидают остров Вечной Ночи.

И он понял.

В Криабале были заклинания на такой случай. Там были заклинания на любой случай. Антикатисто вскинул руку, крутанул пальцем, произнес несколько слов... и небеса свернулись, как книжный свиток. Тучи Вечной Ночи стали бледнеть, расползаться. Вот за ними проступили звезды, луна... неужели уже ночь?..

И чакры... чакры стали пульсировать сильнее. Изо рта Антикатисто брызнуло синим, но он не обратил на это внимание.

Ведь это произошло не только с ним. Остальным волшебникам тоже стремительно становится хуже! И спектр излучения на глазах смещается, становится гуще и насыщенней!

- Прекрати! – гневно произнес Бельзедор, тоже поняв, что происходит.

- Прекратить?! – с насмешливой злобой ответил Антикатисто. – Кто же теперь из нас глупец?! Я равен Бриару Всемогущему, лорд Бельзедор! Моя мощь безгранична!

- Ты крадешь мои реплики, - ответил Темный Властелин, поднимаясь на ноги.

Он снова стал человеком... но теперь огромным. Размером со скалу – и продолжал расти. Сжимая в одной ладони волшебников, другую он протянул к Антикатисто, саданул кулаком – и напоролся на вспыхнувший купол.

Антикатисто закрутил рукой быстрее, торопясь убрать сдерживающие чары. Те оказались старыми, въевшимися, окутывающими весь остров. Поддавались с трудом, распутывались туго... но распутывались! Тучи таяли, выцветали... дождь над Апофеозом почти прекратился, раздвинулся будто в стороны...

- Бриар пахтал океан! – провозгласил Антикатисто, стоя под непрошибаемым экраном. – Я буду пахтать небеса!

Бельзедор развернулся к Апофеозу. Сам теперь вдвое выше его, он резко выбросил руку.

Заклинания не помогли бы. Сам Апофеоз, да еще антимаги на вершине... они погасили бы почти любой мановый импульс. Но Бельзедор просто толкнул воздух – толкнул с такой неописуемой силой, что и гору пробил бы насквозь.

Антикатисто пришлось отвлечься. Он реагировал быстрее молнии – и успел выставить щит. Волна ударила в него – и затухла.

Снова удар. Еще один. Теперь Бельзедор испустил волну слепящего света. Страшный жгущий луч.

Не магия. Не заклинание. Никакой маны – прямой энергетический импульс, берущий начало откуда-то изнутри. Антимаги не устояли бы, Апофеоз не остановил.

Их сожгло бы в пепел.

Но Антикатисто снова прервал импульс. Снова успел среагировать. Теперь он появился на пути луча сам – мгновенно расширившийся, распахнувший еще один щит.

Настоящий парус. Он вобрал эту бездну энергии. Поглотил ее всю – хотя Антикатисто на миг подурнело. Страшная, невообразимая мощь – но он ее остановил.

Тогда Бельзедор шагнул к Апофеозу сам.

Антикатисто едва не зарычал. Ему в третий раз пришлось отвлечься – и теперь всерьез. Он видел уже, что не успеет рассеять тучи раньше, чем Бельзедор убьет антимагов.

И он обрушил на Темного Властелина такую мощь, что Криабал зарябил всеми цветами. Кажется, даже этот бездонный источник маны подступил к своему пределу.

Бельзедора это не прикончило, но остановило. Он до колен ушел в землю и застыл, едва выдерживая безумный натиск.

Антикатисто хлестал теперь чистой Тьмой. Предельно густой, предельно концентрированной. Способной уничтожить все... почти все, хорошо.

Приправить Болью Воздаяния. Прекрасное заклинание, не наносящее ущерба телу, но заставляющее содрогаться в немыслимых муках.

Добавить Звездный Огонь. Пламя, сжигающее целиком скалы.

И Дезинтеграцию. Апогей уничтожения. Не оставить и клочка.

А на десерт – Душепронзатель. Фантомный клинок, имеющий все свойства настоящего. В Криабале есть и такое.

Лучше пять. Пять Душепронзателей в формате копий.

Самонаводящихся. И пусть бьют в самые уязвимые места.

Превосходный получился рецепт. Самое гибельное, что только можно представить.

Но почему даже этого недостаточно?!

- Да сдохнешь ты или нет?! – не выдержав, взвыл Антикатисто.

- Я зло, - спокойно ответил Бельзедор. – Зло бессмертно.

Он не мог сдвинуться с места. Почти двухсот локтей ростом, он стоял между Антикатисто и Апофеозом – и трясся всем телом. Волосы колосса пылали, кожа сгорала, гнила, разлагалась и растворялась одновременно, в тысяче мест сразу.

Но она и восстанавливалась. Так же умопомрачительно быстро. Раз за разом Бельзедор возрождался из мертвых – и Антикатисто не знал, что еще противопоставить. Его коктейль заклинаний снова и снова обнажал прозрачные кости, заставлял обливаться кровью – тоже прозрачной, слегка искрящейся...

Прозрачная кровь?.. Прозрачные кости?..

Глаза Антикатисто расширились.

- Я должен был догадаться сразу, - растерянно произнес он. – Почему я не догадался?.. Аритагада марака абан тук изара ногета! Хапара ме азарет! Загида коста ара! Тугерок! Марита ака! Зороток хеле аргада!

Титанова Погибель. Заклятие Бриара Всемогущего. Ультимативное и непреодолимое.

Оно поразило Темного Властелина – и земля сотряслась от страшного удара.

Титан Бельзедор упал замертво.

Глава 48

- Быстрее! – орал Плацента. – Быстрее, тля!.. Подымайся, блеваный святоша!.. Глаза разинь, урруту дака!..

Массено с трудом повернул голову. Кобольд и полугоблин чуть его развернули – и монах полыхнул Солнечным Зрением. В то же время вехот превратился в тачку – крохотную, почти детскую тачку.

И терзающего его элементаля Тьмы разорвало в клочья.

- Поспеши, чудесное создание! – кинулся к нему Дрекозиус. – Дети мои, поспешите, молю!..

Мектиг отпустил голову Джиданны. С утробным рыком посмотрев на Апофеоз, дармаг стиснул плечо Плаценты и потащил его в чрево демона.

Фырдуз же развернулся и бросился бежать так, что засверкали пятки. Он отчаянно размахивал руками, глядя на скрытую за стеной дождя громаду. Успеть бы!..

Один только раз кобольд обернулся, в страхе посмотрел назад – туда, где высилась исполинская фигура. Принимала на себя все, что швырял Антикатисто.

Бельзедор... Бельзедор пошатнулся.

Он начал падать.

Но вехот уже несся по изрытой заклятиями земле. Ринулся в обход Апофеоза – чтоб не заметил Антикатисто, чтоб не убил его еще на взлете. Осторожно, почти украдкой – потратив лишнее время, но зато избежав лишнего риска.

Там, с другой стороны, он поднялся выше – и распахнул дверь.

Дармаг и полугоблин выскочили молча. Мектиг с размаху саданул секирой по короииевому шлему, Плацента вонзил двуручный кинжал в сосредоточенного магистра.

На макушке Апофеоза было тесно. Пятачок тридцати локтей диаметром. В центре мелко подпрыгивали семь черепов, вокруг прижались к камню ладонями гроссмейстер и шесть магистров... теперь уже пять.

Но здесь были и рыцари, и послушники. Одиннадцать человек... теперь уже десять. Они разом бросились на Мектига, но в такой тесноте больше мешали друг другу. Дармаг со свистом завертел секирой, пока полугоблин мелькал в самой кутерьме. Вот еще один магистр упал замертво... еще один...

У Мектига Свирепого был пятый класс по шкале ПОСС! Он

мог выйти против десятерых!

Выйти – и победить!

Излучение Апофеоза исказилось. В принципе, артефакту хватало одного-единственного антимага, но с семью было надежнее – а теперь их стало всего четыре!

И Антикатисто это сразу же заметил! Едва не закричав от ярости, он взметнулся в воздух, пригляделся – и дернул рукой. К Апофеозу с шипением понеслось облако ядовитого дыма.

Антикатисто дернул рукой еще раз – и прыгающие по трупу Бельзедора маркольмы метнулись туда же. А кроме них из трещин в Кромке вывалились новые развраги, чрепокожие и аргеры – летучие твари, похожие на бугристые мясные комки с пастями и когтями.

- Защищайте антимагов! – скомандовал Антикатисто.

Повинуясь воле их призвавшего, повинуясь силе Криабала, боевые демоны хлынули в атаку, со всех сторон бросились к Апофеозу. Антикатисто тоже подлетел ближе и напряженно уставился на мелькающие фигуры. Сосредоточиться... поймать взглядом горбатого коротышку с дротиком... убить!..

- Абан тук...

Пшшшффффф!!!

Антикатисто обдало пламенем. Огненный шар немыслимых размеров врезался в него – и в очередной раз спалил одежду!.. Секундой спустя его схватила когтистая лапа – и швырнула к земле!

- Верни мой Криабал, двуногая тля!!! – раздался страшный рев.

Орказарок появился из-за туч. Древний царь-дракон рухнул на поле битвы, ударил хвостом так, что земля задрожала – и снова полыхнул пламенем. Сидящий у него на шее Фырдуз чуть не завопил – так раскалилась черная чешуя.

Нескольких аргеров и развргов Орказарок тоже спалил. Он все вокруг превратил в огненный ад. Утонувший в пламени Антикатисто швырнул вслепую несколько заклинаний – но магия и на обычных-то драконов действует слабо, а уж Орказарок был к ней почти неуязвим.

И он продолжал изрыгать пламя. Тоже почти вслепую, не видя толком цель – и не давая ей самой что-то рассмотреть. Вплотную Орказарок не приближался, сожрать Антикатисто не пытался – слишком хорошо знал, чем это грозит. Он просто тянул время, задерживал волшебника столько, сколько мог.

А в облаке ядовитого дыма копошился неуклюжий толстяк. Замотав рот и нос обрывком сутаны, Дрекозиус тащил к Апофеозу Джиданну. Рядом с древним артефактом чары слабели, дым

исчезал почти полностью. Но кожу все равно щипало, глаза слезились, а из глотки рвался безудержный, истеричный смех. Дрекозиус полз, пробирался среди голых костей... они снова устилали землю толстым слоем!..

Тем временем на Апофеозе Мектиг отчаянно рубился с тремя рыцарями сразу, а Плацента убил еще одного магистра. Осталось трое.

Карусель из рук и ног, брызги крови. Антимаги оскальзывались, падали, летели вниз с ором... который заканчивался смачным шлепком. Мектигу приходилось тяжело – но с каждым ударом противников оставалось меньше! Его самого задели уже дважды – но не смогли пробить мифриловой кольчуги.

Добрый подарок сделали дармагу цверги.

Кружащий вокруг артефакта вехот схлестнулся с двумя аргерами – они налетали, рвали его шкуру, грызли лапы. Внизу пришедшая в себя Имрата отбивалась от чрепокожих и маркольмов, а Массено сбивал тех, что прорывались, что лезли вверх по гладкому камню.

- Никчемные, - почти сплюнул Антикатисто, закрывая себя заклятием Нерушимой Стены и гася пламя заклятием Пустоты.

Развраги, чрепокожие, маркольмы, аргеры... они все первоклассные бойцы. От шестого до девятого класса по этой новомодной шкале ПОСС. Обычных людей любой из них может убивать десятками.

Но против дракона, титаниды, солнцегляда... тут нужны уже высшие демоны. Гохерримы, ларитры, гхьетшедарии. А их даже Криабал не заставит повиноваться задаром – призывать бесполезно. Могут на самого призывателя и напасть... у них ничего не выйдет, но к чему тут еще и эта помеха?!

Помехи. Вечные помехи. Антимагов осталось только два – Антикатисто видел это по излучению Апофеоза. Надо прямо сейчас убить дракона и титаниду... хотя хватит и дракона, титанида не умеет летать.

И Антикатисто уже нашел нужное заклинание. Драконова Погибель. Еще одно ультимативное творение Бриара. Мгновенная смерть любого огнедышащего ящера.

Но какое же оно длинное!.. Длиннее Титановой Погибели раза в два! А счет идет на секунды!

Может, быстрее будет разогнать остаток туч?! Чары острова Вечной Ночи уже едва держатся! Хватит одного оборота, одной мощной вспышки!

Мысли Антикатисто метались. Он вплотную подошел к своей цели, он уже несколько раз был уверен, что сейчас все

закончится... и каждый раз что-то в последний раз мешало! Внутри него нарастала злоба, отчаяние, почти что паника.

И это... тоже мешало. Мешало принимать взвешенные решения. Антикатисто... почему он вообще думает о себе, как об Антикатисто?.. Это прозвище дали ему другие, и оно никогда ему не нравилось.

Дрекозиус отволок к Апофеозу корчащуюся Джиданну и снова нырнул в ядовитое облако. Танзен лежал на кристалле Апофеоза, но где-то там оставался еще и лорд Мерзопак. Не обращая внимания на горящую кожу, истошно хохоча от разъедающего сутану дыма, жрец шарил почти вслепую – и не мог никого найти.

Мектиг пропустил удар в голову. Все-таки рыцари-антимаги отлично умели драться. И не с волшебниками, которые обычно бесполезны без своих чар, а с их телохранителями. Кориниевый меч прошел пальцем правее лезвия секиры и едва не раскроил дармагу череп.

Тот рухнул, как подкошенный. В лемминга не превратился – здоровяк-рыцарь ударил с такой силой, что Мектиг вырубился мгновенно.

Антимаг резко повернулся ко второму прислужнику колдунов – и увидел Плаценту, закалывающего последнего магистра. Полугоблин мерзко хихикнул и облизнул кровь с кончика кинжала.

Остался еще гроссмейстер. Мастер Эрванто си Торрьеха, лучший в ордене после раскольника Сабрегона. Остальные погибли – рыцарей и послушников перебил безумный дармаг, магистров заколол гнусный горбун.

Верхушка Апофеоза стала алой.

- Ты не тронешь его, - выставил меч рыцарь.

- В анналы иди, тля, - хмыкнул Плацента, перехватывая поудобней кинжал. – Я и тебя потрогаю.

Это прозвучало как-то глиномесно, и Плацента мгновенно взбесился. Не помня себя от злобы, он пригнулся, ушел от свистнувшего клинка, и пырнул рыцаря в пах, точно под плакарт.

Двуручным кинжалом удобней всего бить туда, особенно если ты ростом с гоблина. Плацента был повыше, почти по плечо человеку... но он справился.

- Ты тоже ведь слышал?! – напрыгнул он на гроссмейстера. – Сдохни, тля!..

Тот отчаянно заверещал. Эрванто си Торрьеха не мог оторвать ладоней от Апофеоза, не мог перестать испускать антимагию – тогда он подведет милорда, тогда провалится миссия!..

Но двуручный кинжал вошел ему в шею – и гроссмейстер свалился замертво.

- Хе-хе, - сказал Плацента. – Хе-хе.

И пнул Мектига. Тот без сознания, так что не узнает.

А кристаллы Апофеоза перестали светиться. Антикатисто втянул в себя воздух и стиснул кулаки.

Чакровзрывающее излучение исчезло.

- Это только отсрочка, - произнес волшебник, с трудом сдерживая ярость. – Арида цека торага сутара гита. Ариток зетара до саренга...

Черный дракон как будто догадался, какое заклинание он читает. Хотя мог и вправду догадаться – драконья мудрость почти волшебна, они нередко знают что-то просто потому, что знают.

Так или иначе, он пронесся мимо Антикатисто, плюнул на бреющем полете пламенем – и резко отвернул. Пошел вверх, изогнув крылья так, что загудел воздух, что едва не вывернулись суставы.

Бежит. Неважно. Антикатисто не стал дочитывать Драконову Погибель. Ему не было дела до летучей твари – даже и лучше, что она струсила.

Сейчас надо срочно исправить то, что загублено. Еще ничего не кончено. Найти и завербовать новых антимагов он уже не успеет, но эти всего лишь мертвы. В Криабале есть заклятие Воскрешения. Не ультимативное – в этом отношении Бриар не был Всемогущим, - но если ткани мозга еще не начали разлагаться, оживит любого.

С антимагами может оказаться труднее, их вывернутые чакры рассеивают заклятия, но у мертвецов они не должны срабатывать. Убрать их от Апофеоза, вернуть к жизни, уничтожить всех, кто может помешать...

Уничтожить – в первую очередь. Излучение прекратилось. Если дать волшебникам прийти в себя – они снова станут серьезными помехами. Апофеоз действовал не в полную мощность, их чакры не повреждены... да, не повреждены. Антикатисто уверился в этом, взглянув на ауру волшебника-метаморфа. Тот лежит без сознания, так что пока не имеет значения... да и вообще он всего лишь магистр.

Другое дело – четверо лауреатов. Они должны быть в руке Бельзедора... подумать только, что он оказался титаном. Сейчас Антикатисто удивляло, что он не догадался раньше, но... это странным образом не приходило в голову.

Он ударил заклятием Разреза. Тот вспорол даже титанову кожу – но слабо. С гибелью та затвердела еще сильнее, стала прочней любого металла.

Время поджимает. Ничего. Даже на сниженной мощности шок от чакровзрывателей страшный, Антикатисто проверял. Подопытные начинали двигаться только через несколько минут, а колдовать – еще позже.

Несколько минут. Ему хватит и одной.

Тем более, что собственные Антикатисто чакры тоже перестали пульсировать. Он чувствовал, что снова может колдовать сам, без всякого Криабала.

Но гигантский труп титана был как будто неуязвим. Не Абсолютная Неуничтожимость Бриара, конечно, но самые мощные заклинания повреждали его еле-еле, чуть заметно.

Пожалуй, если поднять его из могилы – выйдет второй Катимбер.

Титанова сила. Антикатисто не уделял ей пристального внимания, но изучал ее свойства, когда искал способ подчинить Тьму. Титанова сила сродни демонической, но зациклена внутри хозяина и не может быть направлена вовне, разве что опосредованно. Если титан был высший, и в момент гибели находился на пике своих мощностей, его плоть становится... ну... вот такой. Практически непробиваемой.

Антикатисто попытался нашарить тела... нет, уже пришедших в сознание людей внутри ладони. Обратился туда мыслью... почувствовал их... поискал уязвимые точки, чтобы вонзить в них ментальные ножи...

Не вышло. Даже в скверном состоянии эти четверо оставались волшебниками – и волшебниками великими. Подобные воздействия они отражали и бессознательно.

Тогда Антикатисто схватился за пальцы Бельзедора. Взялся кинетическим арканом, надавил, добавил из Криабала заклятие Усиления... и они стали разжиматься!.. В ладони Антикатисто вспыхнул огненный шарик, он изготовился его швырнуть...

А Плацента, обшаривая карманы гроссмейстера, услышал вдруг свистящий шепот:

- ...соедининасскостями...

- Чё, тля?.. – наклонился он над черепами Конклава.

- ...соедининасскостями...

Полугоблин хотел спросить, что ему за это будет и чего ради ему вообще помогать какой-то уродской твари, но потом подумал, что почему бы и нет.

Ему жалко, что ли?

- Валите на кир, рагры! – швырнул он все черепа вниз.

И когда Антикатисто швырнул в раскрывшуюся ладонь Бельзедора огненный шар – тот резко отклонился и рассеялся. А его самого подбросило, швырнуло и обдало волной чего-то

непонятного, но явно смертельного.

Исчезнув, Антикатисто переместился, возник в новом месте, развернулся к этой новой помехе – и увидел семь скелетов, растущих из костяного столба.

Четырнадцать глазниц светились синим.

- Мы – Конклав, - гулко произнесли черепа. – Нас Не Уничтожить Так Просто.

Антикатисто издал усталый стон и снова прочел заклятие Прекращения Некрочар. Ультимативное средство против любого лича, дрaуга, вампира, трупомонстра... то самое, чем Бриар победил когда-то Кровавого Князя.

Просто серый дымок для живого, но мгновенная гибель для мертвеца.

Но в этот раз Конклав был готов. Он метнулся быстрей мысли – и серая пика пронзила пустоту. Черепа недобро уставились на Антикатисто и сказали:

- Во Второй Раз Не Выйдет.

- Выйдет, - повел рукой Антикатисто.

Сразу шесть серых пик!.. Двенадцать!.. Восемнадцать!.. Массовое Прекращение Некрочар – глобальное заклятие, которым можно истреблять армии нежити!

Одной-единственной бы хватило, попади она в цель. Но костяной смерч не давал слабины, не отступал ни на шаг. Конклав продолжал рваться к Антикатисто, продолжал сыпать заклятиями. Серые пики почти касались его, взметались все новые и новые – но Конклав знал, чего ждать, и каждый раз успевал сместиться.

Древние маги погибшей империи. Именно они когда-то уничтожили парифатскую цивилизацию. Не в силах простить себе то, что сотворили, они тысячи лет стерегли Апофеоз, добровольно обратились в его вечных стражей.

Сейчас они шли на смерть, чтобы не дать повториться прежнему ужасу.

А из гигантской ладони, с трудом раздвинув каменные пальцы, вывалился человек. В изодранной тунике, с окровавленными ладонями. Во время конвульсий Медариэн так сильно сжимал кулаки, что ногти прорвали кожу.

На ноги он поднялся с большим трудом. Перед глазами по-прежнему плыли круги.

Но все же поднялся – и подал руку спускающейся следом женщине. Галлерия Лискардерасс уже получала удар чакровзрывателем, уже испытывала однажды эту муку – но в тот раз все продлилось считаные секунды. А теперь... теперь на ее губах пузырилась синяя пена.

И чакры все еще болезненно ныли.

- Этот мерзавец защищал нас до последнего, - произнесла она, глядя на труп Бельзедора. – Кто бы мог подумать.

Антикатисто обернулся на голос – и по земле прошла сверкающая полоса. Галлерия и Медариэн разом вскинули руки, выставляя заслон – и упали на землю. У Медариэна пошла кровь носом, Галлерия издала стонущий крик.

Но заклятие они остановили – а другого Антикатисто послать уже не успел. Этим мигом тут же воспользовался Конклав – и на Антикатисто обрушился град чар. Его одновременно вдавило в землю, окутало сверхплотным туманом и отчасти перемкнуло чакры. На голову обрушился ментальный молот, в мозг ввинтилось пылающее сверло. Само пространство начало сворачиваться – и даже Антикатисто с трудом сломал эту клетку.

- Помогите спуститься, коллеги!.. – раздался недовольный голос. – Я уже не так молод, чтобы скакать козлом!..

Медариэн и Галлерия, сами с трудом поднявшись на ноги, подали руки сползающему по гигантскому пальцу старику. Лицо Локателли посерело, пальцы мелко дрожали, по подбородку стекала синяя слюна. Отчетливо было видно, что ему триста восемьдесят лет – невероятный возраст для смертного человека.

Но он быстро приходил в себя. Вот в глазах появился прежний лучистый блеск, вот уголки губ изогнулись в насмешливой улыбке. Длиннющая борода сама собой шевельнулась, седые волосы распушились и заискрились.

- Как там Хаштубал? – спросила Галлерия.

- Еще не очухался, - отмахнулся Локателли. – А где мое кресло? Никто не видел?

Кресло валялось в паре сотен шагов, наполовину зарывшись в грязь. Локателли повел бровью – и артефакт ожил, перевернулся, почти что прыгнул к хозяину. На то место, где он был, шваркнулся гигантский булыжник – его материализовал то ли Антикатисто, то ли Конклав.

Толчок был таким, что Медариэн и Галлерия снова полетели кубарем.

- Кажется, наш новый союзник пока что справляется? – осведомился Локателли, взбираясь на сиденье. – Давно они уже так отплясывают?

- Не знаю... – с трудом ответила Галлерия. – Медариэн?..

- Пять с половиной минут, - сказал Медариэн, ментально пронизывая недавнее прошлое. – И если мне дадут еще дважды по столько, я тоже вступлю в бой.

Галлерия прикрыла глаза, обращаясь к тонкому телу, и согласно кивнула. Апофеоз бил больнее, чем малый

чакровзрыватель, но эффект оказался слабее. После прошлого раза эльфийская владычица целую луну колдовала вполсилы, теперь же чакры быстро остывали, возвращались в нормальное состояние.

Она обратилась к духам. Обратилась к природе. Почувствовала, как бежит мана по духовным линиям.

Вокруг ее почти не осталось. Во время битвы они опустошили все эти холмы, всю центральную область острова Вечной Ночи. Галлерии пришлось углубиться в горний мир, призвать ману с другого плана, получить ее от стихийных духов.

То же сделал и Медариэн. А Локателли просто поерзал в своем кресле и довольно ухмыльнулся. Его персональный артефакт хранил такой запас маны, что хватит на десять таких сражений.

- Да будет бутерброд... ай!.. – проверил он работу чакр. – Еще несколько минут, с вашего позволения. И задумайтесь пока над тем, что наш мир-то осиротел!

- Что вы имеете в виду? – не поняла Галлерия.

- Мы лишились Темного Властелина, бессмертная Лискардерасс! – хлопнул по каменной твердости пальцу Локателли. – Вас это не огорчает?

- Нисколько, - нахмурилась эльфийская владычица. Ее глаза стали зелеными, как крыжовник. – Почему меня это должно огорчать?

- Потому что он нам нужен, бессмертная.

Рядом полыхнуло. Пытаясь уничтожить Конклав, Антикатисто разверз в земле огромную трещину. Правая нога Бельзедора провалилась, гигантский труп поволокло в сторону, и волшебники едва успели упасть ничком. Локателли снова вылетел из кресла и перемазался в грязи.

Конклав отразил и этот удар. Антикатисто тоже отбросило, он покатился кубарем... но тут же взметнулся в черной туче. Неуязвимый для всего, он швырял все новые заклятия, и повсюду возникали серые пики. Каждая атака может стать решающей – волшебники прекрасно это видели.

- Сейчас нам не до междоусобиц, - сказал Медариэн, выпрямляясь во весь рост. – Бессмертная Лискардерасс, мне понадобится прана. Много.

Эльфийская владычица побледнела от гнева, но протянула волшебнику руку. С другой стороны присоединился Локателли. Волшебники сосредоточились, напряглись, концентрируясь на еще слабых, но уже активных чакрах. Каждое усилие давалось трудом, причиняло боль... но могущество в их пальцах уже трепетало, и мана искрилась на кончиках языков.

Галлерия закрыла глаза – и над ней поднялось зеленое сияние. Из почвы заструился плотный эфир. Он окутал всех троих, окутал парящего в воздухе Локателли. Старец чиркнул ладонью по воздуху и неохотно произнес:

- Да будет жизнь. Да будет... Бельзедор.

Из его свободной руки вырвался радужный луч. Медариэн откинул голову и с силой прикусил губу. Выступила капля крови – и засверкала тысячей огней. Совсем крошечная, она мгновение повисла в воздухе, вобрала в себя зелень Галлерии и радугу Локателли – и впиталась в каменную кожу Бельзедора.

- Кровь заклятого врага, не так ли?.. – вздохнул Медариэн.

Волны жизненной энергии полились с трех сторон сразу. Галлерия пробудила глубинную силу, скрытую в земных недрах. Локателли оформил ее в живительную, преобразовал в бурлящую прану высочайшей очистки. Медариэн усилил и придал вектор, направив в нужные точки.

И Бельзедор открыл глаза.

Глава 49

Земля вздрогнула. Весь остров как будто чуть глубже ушел в море. Наполовину рассеявшиеся тучи поплыли, открывая лунный серп.

Дрекозиус молился.

Рядом упал вехот. Весело ухмыляющийся Плацента выволок из него бездыханного Мектига. Ему на лоб тут же прыгнула белка, а над ней склонилась закусившая губу Джиданна. Она была еще очень слаба, но уже пришла в себя, уже снова могла колдовать.

Имрата и Массено добивали последних демонов. Большая их часть и так уже разбежалась – им ведь был дан приказ защищать антимагов. Он перестал действовать, как только погиб последний. Не заинтересованные и дальше тут оставаться, одни демоны бросились врассыпную, другие вернулись в Паргорон.

Остались только те, кто решил что-то урвать. Несколько аргеров терзали трупы, двое чрепокожих пытались пожрать душу Массено. Один из разврагов узнал вехота и задержался поздороваться.

А какой-то маркольм облюбовал Танзена. Запрыгнул волшебнику на живот, наслал сонный паралич и уже собрался выпотрошить...

Но тут очертания жертвы поплыли. Тучный пожилой смертный распахнул глаза, дернулся – и превратился в огромную обезьяну. В своей форме №81 (корилланг гигантский) Танзен стряхнул паралич, схватил маркольма за шкирку – и отшвырнул подальше.

Ему все еще было больно. Превращение далось непросто, чакры гудели и вибрировали. Спина тоже ныла – при падении на кристалл Танзен повредил позвоночник так, что это отдавалось даже в метаморфозе. Возможно, его форма №0 сейчас опасно близка к смерти.

Но это все же в сравнение не шло с последствиями от малого чакровзрывателя. В этот раз Танзен не боялся за свою жизнь, за свое здоровье... и за магическую силу тоже не боялся.

Белка спрыгнула со лба Мектига, и дармаг приподнялся на локтях. Джиданна стиснула его ладонь.

А вдали поднималась другая фигура. Громадная. Во весь рост распрямлялся титан Бельзедор.

Он вскинул руку. Крутанул ею так, что поднялся ураган. И швырнул огненный шар.

Тот ударил с гулом, с ревом. В Антикатисто как будто врезалась звезда. На секунду все ослепли – вокруг полыхнуло белым пламенем. А когда оно сникло, огненный шар приобрел человеческие очертания – и оказался Хаштубалом Огнеруким.

Распрямившись над ушедшим в землю по шею Антикатисто, он ударил сильнейшим своим заклятием. Ультимативным. Пылающим Душевным Кулаком Справедливости.

И в этот раз проняло даже Антикатисто. Он погрузился еще глубже. На несколько секунд как будто потерял сознание.

Но когда вырвался – то вырвался в огненном столбе. Взметнулся в ложной ауре, пылающим великаном. Очередное заклятие из Криабала окутало его настоящей горой псевдоматерии – раскаленной, источающей жар и скверну...

- Мою косу, господин управляющий! – воскликнул Бельзедор, выбрасывая руку.

И в ней возникла коса. Гигантская черная коса, светящаяся изнутри. Она полыхнула серебром – и Антикатисто разрезало надвое. Великанский псевдооблик рассыпался, он снова стал обычным человеком.

И немедленно исторг новое всеубийственное заклятие. В Криабале их было напичкано, как огурцов в банке. Антикатисто вынимал все новые и новые. Сейчас он хлестнул серой завесой, отгоняя Конклав, отбросил ледяным штормом Хаштубала, заблокировал Медариэна с Галлерией, указал пальцем на Бельзедора и начал читать:

- Аритагада марака абан тук изара ногета! Хапара ме азарет! Загида коста...

- Да будет смерть! – воскликнул Локателли, тоже указывая пальцем.

Антикатисто скрючило, как раздавленного червя. Старец в каменном кресле повис над ним и повторил:

- Да будет смерть!

Теперь Антикатисто пронзило болью. Даже Абсолютная Неуничтожимость дала сбой, когда Зодер Локателли ударил на пределе сил.

- Да будет смерть!!! – вскричал он, сжимая подлокотники.

Бешеный шквал маны. Настоящий эфирный шторм. Антикатисто подмяло, сердце на секунду остановилось. Крик Локателли ввинчивался в самое нутро, обычно веселый и забавный старик стал страшным и смертоносным.

А тут еще и на голову обрушился ментальный молот – то ударил во всю силу Медариэн.

Антикатисто зашатался. Стало казаться, что сейчас... уже вот-вот!.. даже у него должны закончиться силы!..

Но они не закончились. Воистину это бездонный источник – полностью собранный Криабал. Он дал владельцу новый прилив энергии – и Антикатисто вскинул руки. Кипя от ярости, он бешено заревел:

- Я обрушу на вас луну!!!

Его пальцы резко сжались. Губы зашевелились, произнося тяжелые, гулкие слова. Заклятие Лунной Фазы, дающее власть над ночным светилом Парифата.

Повинуясь воле Антикатисто, луна... вздрогнула. Сдвинулась со своего места на небосводе. Сияющий серп покачнулся... и начал расти!..

- Ты что делаешь, неразумный?! – возопила Галлерия.

- Я очищу этот мир так или иначе!.. – прохрипел Антикатисто, таща к Парифату луну. – Любым способом!..

Волшебники в ужасе переглянулись. О, они и прежде понимали, что сражаются с безумцем, с помешавшимся чародеем, чей разум безнадежно поврежден Тьмой... но теперь они загнали этого безумца в угол!

И он обезумел окончательно.

- Блокируем!.. – крикнул Медариэн. – Мэтр Оопсан, помогите!..

Черепа Конклава бешено закрутились. Костяные руки вытянулись к Антикатисто, пустые глазницы испустили синие лучи. Семиглавый лич натянул семь тугих поводков – а с другой стороны взялись величайшие волшебники современности.

И луна остановилась. Продолжила свой обычный ход, обычное вращение. Антикатисто продолжал тащить, безумно хрипя – но его самого теперь держали внахлест, перекрыли заклятие встречной сетью.

- Я... уничтожу... вас всех... – выдавил Антикатисто. – Вы... кто вы такие... что мешаете... мне?.. Кто вы такие?!

- Я Галлерия, дочь Лискарда!

- Я Хаштубал, сын Эстеэрель!

- Я Медариэн, сын Медеора!

- А я Зодер Локателли и... ну... мой папа был приказчиком в бакалейной лавке. Извините, что испортил такой красивый момент.

- Это был ритори...

- БУА-ХА-ХА-ХА-ХА-ХА-А-А!!!

Зловещий хохот Бельзедора перекрыл голос Антикатисто, перекрыл все голоса вообще. Унесся за небесные пределы – и, кажется, оттолкнул луну обратно.

Теперь Антикатисто схватили вшестером. Установился пат. Чары вибрировали, как натянутые струны. От волшебников

протянулись прямые мановые каналы – да такие мощные, что аж пульсировали от напряжения.

Так ловцы с арканами удерживают бешеного тигра. Натянули со всех сторон, не дают сдвинуться... но лопни одна веревка – и тигр вырвется.

Он и пытался. Что есть мочи нащупывал слабину, выплескивал все новые заклинания – но с такой блокадой их каждый раз прерывали на излете.

Антикатисто попытался даже применить Побег, попытался переместиться на другой конец света... проклятье, он знал, когда нужно вовремя отступить! Он много раз отступал, а потом возвращался с новой тактикой, с новым оружием! И он прекрасно умел телепортироваться – что с Криабалом, что без него! Даже на острове Вечной Ночи!

Но его удержали. Не позволили исчезнуть.

Все понимали, что упустить Антикатисто сейчас – это позволить ему начать заново. Он быстро завербует новых антимагов, опять станет подбираться к Апофеозу... или придумает что-то новое, что-то еще худшее.

С полным Криабалом можно совершить много такого, от чего содрогнется весь мир.

Семь фигур замерли в неподвижности. Секунды казались вечностью. Каждый удар сердца отдавался звоном колокола. Все прекрасно понимали, что долго такая ситуация не продержится – рано или поздно кто-нибудь дрогнет или исчерпает ману.

Даже у самых великих волшебников она не бесконечная.

Со стороны Апофеоза на это смотрели остальные. Имрата хрипло дышала, прислонившись к одному из кристаллов. Ее взгляд не отрывался от Бельзедора, по ногам текла искрящаяся кровь. Титанида сражалась сегодня много – и противники ей выпали трудные. Она одолела рыцарей антимагии, одолела элементалей Тьмы, одолела демонов Паргорона – но теперь истекала ихором.

Титанова сила почти иссякла.

По-прежнему без сознания лежал и Мерзопак. Возможно, уже мертвый. Гроссмейстер Эрванто крепко его приложил, а потом старик еще и валялся в ядовитом дыму, пока его не нашел Дрекозиус. У них обоих сильно разъело кожу, жрец подслеповато моргал, едва различая очертания.

Танзен перешел в форму №54 (ибис) и поднялся к облакам – туда, где кружил гигантский черный дракон. Усевшись у него на голове, волшебник почти беззвучно раскрывал клюв, крякающе говорил что-то Фырдузу. Кобольд мелко дрожал, не до конца еще веря, что летит на том самом Орказароке, что так долго его

преследовал.

Массено поднял точку зрения, с высоты наблюдая удивительную картину. Намертво сцепившихся исполинов от волшебства. Эльфийскую владычицу, могучего полудракона, величайшего доброго чародея, председателя ученого совета Мистерии, Темного Властелина, древнего семиглавого лича и самого Антикатисто, живой кромешный ужас.

А ближе всех к ним стояли Мектиг, Джиданна и Плацента. Рядом – вехот в обличье белого рысака.

Мектиг пристально смотрел на Антикатисто, на его искаженное от злобы лицо – и за неподвижным лицом дармага словно вращались зубчатые колесики.

- У нас был план, - негромко сказала Джиданна. – Хороший план. Жалко, что не получилось.

- Еще раз, - пробасил Мектиг. – Снова. Сейчас.

- Сейчас?.. Как?.. Поздно...

- Ты можешь командовать только белками? – спросил вместо ответа Мектиг.

- Ну... другими грызунами тоже могу... – задумалась Джиданна. – Но только если они сотрудничают.

- Я буду.

Они молча посмотрели друг на друга, и волшебница кивнула. Она коснулась лба Мектига, и они оба зажмурились.

Плацента пихнул в бок Дрекозиуса, тот вытащил из остатков сутаны дальнозеркало, подышал на стекло и написал номер Танзена. Где-то в поднебесье ибис превратился в мужчину средних лет и стал внимательно слушать.

Тем временем Мектиг хрустнул шеей, перехватил поудобней секиру... и резанул себя по груди. Размашисто, наискось – от ключицы до центра ребер.

Выступила кровь. И глаза берсерка заволокло туманом. Он с диким ревом бросился... нет, не куда попало. Все еще в ментальной связке с Джиданной, он помчался точно на Антикатисто. Волшебница держала его, не давала свернуть в сторону.

Он бежал быстрее самого быстрого человека. Быстрее самого быстрого коня. Стрелой пронесся между Галлерией и Конклавом, сделал последний рывок...

...Но Антикатисто все равно почуял нарушение в эфире, повернулся, вскинул руку... убить простого смертного он сумел бы даже опутанный миллионом чар...

- Абан тук...

Вспышка!.. Массено сорвал повязку и глянул Антикатисто в глаза. Тот пошатнулся, моргнул... он больше не был созданием

Тьмы, больше не боялся света Солары...

Но на секунду тот его ослепил.

А большего и не требовалось. Охваченный силой вут, в Антикатисто врезался Мектиг. Секира Рузульвета саданула с такой силой, что волшебника отшвырнуло. Ни ранки не осталось, ни царапинки – но Антикатисто упал.

«Поводки» натянулись. Медариэн вскрикнул, Галлерия закусила губу, кресло Локателли покачнулось – такой шквал хлынул из Антикатисто.

Мановые волны хлестнули волшебников, как лопнувшие струны. Они продолжали держать, но теперь уже едва не падая. Кисти рук Антикатисто вспыхнули черным пламенем – он рвал ограничения, как гнилые веревки. Еще максимум полминуты – и освободится, снова ударит в полную силу.

Но Мектиг этого не замечал. Под вутом он ничего не видел, ничего не слышал. Его вел звериный инстинкт, заставлял ломиться через все преграды... а в голове звучал голос, указующий цель. Джиданна управляла им, как управляют фамиллиаром.

И Мектиг с неописуемым пылом рубил секирой.

Несколько секунд. Он продержался всего несколько секунд. Потом Антикатисто уставился на его топор и произнес три коротких слова:

- Оро кати медака.

Треск!.. И секира Рузульвета, оружие древнего титана, раскололась на куски. Разлетелась в руках Мектига, оставив глубокие раны на плечах, на животе... и они были бы еще глубже, не кипи в жилах берсерка божественный вут.

Антикатисто дохнул – и Мектига отшвырнуло. Проволокло по земле, ломая руки и ноги. Обливаясь кровью, он остановился, но все еще дергался, все еще пытался подняться. Антикатисто зло скривился и произнес:

- Абан тук агас.

Ничего не произошло.

Дармаг не погиб. По-прежнему дергался, пытаясь подняться. Что было заклятие Убийства – что не было его.

Антикатисто опешил. Дернулся. Поднял глаза к Криабалу... и увидел гнусную ухмыляющуюся рожу. Горбатого коротышку, подвешенного на веревке, который отчаянно пытался утянуть мерцающую сферу.

У него не получалось. В энергетическом виде Криабал нельзя взять просто руками. Но контакт между книгой и владельцем Плацента прервал – и заклятие не сработало.

Антикатисто не на шутку изумился. Тут решается судьба

мира. Сражаются сильнейшие сущности Парифата. А над его головой вьется какая-то мошкара... на чем он висит, кстати?.. Странный предмет.

Гремлинский летатель. Вехот превратился в гремлинский летатель – закрепленное на рамах сиденье с крутящимися над ними мельничными крыльями. Обычно такая штука не работает без живого гремлина, но не тогда, когда это замаскированный демон. Парил он совершенно бесшумно, и пока Мектиг отвлекал Антикатисто, Плацента сумел подобраться и...

Конечно, он не пытался всерьез украсть Криабал. Прекрасно понимал, что не получится. Он просто изо всех сил тянул его на себя. Держал же такую световую спираль Бельзедор – значит, это возможно.

И это было возможно. Криабал никак не ощущался в руках – просто подавался вслед за ними, словно мелкие гвозди к магниту. Чувствовал другого человека... индивида, который активно претендует на владение... и слегка отставал от нынешнего обладателя.

Плацента ожесточенно тянул, дергал, тащил... и пока он это делал, Криабал не выходило использовать.

Изумление Антикатисто длилось одну секунду. Ровно одна секунда ему понадобилась, чтобы опомниться – и убить полугоблина собственной магией.

Ее-то у него никто украсть не мог.

Но заклинание снова не сработало! Стоящим вокруг Антикатисто волшебникам этой секунды тоже хватило! Пять астральных поводков ярко засветились, а шестой вспыхнул синим!..

И Антикатисто вскрикнул.

Нарушив контакт с Криабалом, Плацента открыл доступ особому оружию Конклава. Ильтокелли, Оксатти, Мородо, Акк-Ва, Даскомедаль, Лунарда – все активировали свои античакры.

А из глазниц Оопсана вырвались синие лучи.

Он был одним из величайших волшебников, бывший первый советник. Обратись он в антимага полностью – не уступил бы великому Сабрегону. Но он исказил так одну-единственную чакру – и теперь наглухо блокировал ею Антикатисто.

Это тоже не продлилось бы долго. С Криабалом Антикатисто по-прежнему связывали чары Уз, а Плаценту не связывало ничто. Без всякой магии враг всего мироздания потянул мерцающую сферу назад... но тут раздался отчаянный вопль:

- Ирата кода, атакар мета!

Плацента резко разжал руки. От Криабала отделилась одна из энергоспиралей – самая маленькая и неряшливая, как будто

опутывающая прочие.

Она ринулась вверх – и поволокла за собой остальные семь.

- Давай, тля, колдуй!.. – прохрипел полугоблин.

Фырдуз подлетел совсем близко. Цепляясь за шею Танзена в форме №66 (хомендарг), кобольд облизнул губы, попытался представить, что все еще держит в руках Рваный Криабал, и снова произнес заученные наизусть слова:

- Ирата кода, атакар мета!

Антикатисто стиснул зубы, потянул на себя. Сам представил, будто держит Криабал в руках, сам активировал Узы...

...Но энергоспираль уже коснулась кобольда, скользнула кончиком в его ладошку. И он скороговоркой протараторил Обращение Уз:

- Зуката атакар нагирата сигад! Ирата кода ородома изида! Гистида мета Радож Токхабаяж!

Раздался чуть слышный хлопок. И мерцающая сфера распалась на восемь книг в разноцветных обложках.

Глава 50

Волшебники медленно сходились к центру. Они по-прежнему держали Антикатисто прямыми мановыми каналами. Тот бился, как бешеный, отчаянно пытался дотянуться до какого-нибудь из Криабалов. Но те попадали хоть и близко, в считаных шагах... но все же дальше вытянутой руки.

И Антикатисто несказанно злился.

- Отпустите!!! – хрипел он. – Я Тьма!!! Я Смерть!!! Я всех вас уничтожу!!!

- Ты снова крадешь мои реплики, - укоризненно произнес Бельзедор. – Прекрати.

Приземлившиеся Фырдуз и Танзен уже подобрали Рваный, Белый, Синий и Красный Криабалы. Плацента тоже схватил один, Зеленый, и теперь жадно его листал, ища что-нибудь ценное. Вехот рванулся к Черному, но между ними встал Массено, и демон замер, искательно ухмыльнувшись.

Когда книги оказались в безопасности, волшебники чуть ослабили хватку. Потом отпустили совсем – все, кроме Конклава. Глазницы семиглавого лича по-прежнему светились синим, и Антикатисто бессильно скрипел зубами.

Перестав быть элементалем Тьмы, лишившись собранного Криабала, он не мог бороться с Конклавом. Тот полностью запер его чакры, заблокировал волшебную силу.

- Вы можете обезвредить его навсегда? – спросила Галлерия, переводя взгляд от черепа к черепу.

- Нет, - ответил Конклав. – Спустя Некоторое Время Он Восстановится.

- Какое именно время?

- Мы Не Можем Сказать Точно. Его Защищает Ультимативное Заклинание Бриара. Оно Превзошло Даже Силу Апофеоза.

- О, я обязательно восстановлюсь! – пообещал Антикатисто. – И как только я стану прежним – я начну все заново! Я закончу то, что начал! Я очищу этот мир от вас всех!.. всех!.. Никто не останется жив – ни единый волшебник! Если я не смогу использовать Апофеоз, я просто снова обращу себя в высшего элементаля Тьмы и вернусь к тому, что делал раньше! Я зачищу Мистерию!.. Я зачищу весь мир!.. Я снова захвачу Криабалы и...

- Я его сейчас убью, - тихо сказал Медариэн, сжимая кулак. – Я убью его.

- Не вздумай, – схватил его за руку Бельзедор.

- Ты Темный Властелин, - гневно посмотрел на него Медариэн. – Не говори мне, что тебе его жаль или что ты вдруг начал ценить человеческую жизнь.

- Я – нет, но это я. А ты до его уровня опускаться не должен. Я убью его сам – а ты отойди в сторону и отвернись.

- Не совсем понимаю твою логику.

- Ты – образцовый добрый волшебник. Таким и оставайся. Не изменяй своим принципам.

- Иначе со мной будет не так интересно сражаться? – вздохнул Медариэн.

- Именно. Ты лучший заклятый враг из тех, что у меня были.

- Лучший?..

- Конечно! Ты же даже вегетарианец!

- Я не собирался его есть... – морщась, пробормотал Медариэн. – Ладно, я не стану его убивать. У меня все равно и не получится – метода Бецалли теперь бесполезна...

Бельзедору, впрочем, тоже не удалось. Да и остальным. Почти две минуты заблокированного Антикатисто поливал пламенем Хаштубал, рубил страшнейшими клинками Бельзедор и осыпал смертельными проклятиями Локателли.

- Да будет смерть!.. да будет смерть!.. Да будет... он не умирает!.. – пожаловался председатель ученого совета. – Вот не умирает – и все тут!

Бельзедор в последний раз ударил мечом Обскотенебром, но и источающий Тьму клинок не сумел пробить Абсолютную Неуничтожимость. Темный Властелин призадумался и спросил Медариэна:

- Слушай, а куда ты дел тот серп?

- Вернул законной владелице, - ответил добрый волшебник.

- Точно не приберег на черный день в каком-нибудь тайном сундучке? Ну знаешь – на случай, если я доведу тебя до ручки и ты решишь окончательно со мной расправиться. Нет?..

- Я – не ты. Я так не поступаю.

- Знаю, знаю... А жаль. Сейчас бы он нам пригодился.

Воцарилось молчание. Усталое, вялое молчание. Еще не до конца верилось, что битва закончилась, что Антикатисто повержен, что угроза миновала.

Ему и самому не до конца верилось. Угрюмо взирая на тех, кто его пленил, он спросил:

- Ну и что дальше? Убить меня вы не сможете. Силенок не хватит.

- А мы вас арестуем, мэтр Токхабаяж, - лучезарно улыбнулся Локателли. – Вы же магиоз. Вот пусть агент Кустодиана вами и займется... мэтр Танзен, не соблаговолите ли его арестовать?..

- У меня недостаточно компетенции, мэтр Локателли, - мотнул головой Танзен. – Согласно уставу, я не имею права арестовывать лауреата премии Бриара без специальной санкции ученого совета.

- Ай-яй-яй, какая жалость, - сокрушенно молвил Локателли. – А личного разрешения председателя ученого совета вам недостаточно?

- Только для предварительного задержания, - сказал Танзен, защелкивая на запястьях Антикатисто кориниевые браслеты. – Это не будет считаться официальным арестом.

- Танзен, не разводите бюрократию, - раздраженно сказал Хаштубал. – Антикатисто был объявлен магиозом сотни лет назад. Хотя это не ваш уровень, согласен. Как поступим, коллеги? Отправим его в Карцерику?

- Карцерика долго его не удержит, - возразил Медариэн. – Даже без Криабалов он могущественней любого из нас. Как только воздействие мэтра Оопсана сойдет на нет, он снова станет чрезвычайно опасен.

- Тогда куда же?

- Есть одно местечко, где заперты чудовища еще пострашней его...

Волшебники переглянулись. Локателли немного промедлил, потом кивнул. Хаштубал тоже.

- На том и порешим, - подытожила Галлерия.

На Антикатисто навесили еще кориниевых кандалов – они в изобилии нашлись при мертвых антимагах. Конклав повторно оглушил его мощнейшим зарядом антимагии.

К сожалению, он по-прежнему не мог сказать, как долго продлится эффект, а ничто другое на Антикатисто не действовало вовсе. Волшебники перепробовали все, что у них было.

Галлерия, Медариэн и Локателли занялись ранеными. Они исцелили покалеченного Мектига, вылечили спину Танзену, помогли Массено, Дрекозиусу и Джиданне. Галлерия неохотно позаботилась о Плаценте, который вышел из суматохи с жалкой парой царапин, но настаивал, что близок к смерти и только прекрасная владычица эльфов может его спасти.

Имрата позаботилась о себе сама, снова заполучив Белый Криабал. Принять помощь от смертных она не пожелала.

Сами себя великие волшебники тоже восстановили. Бой был тяжелым даже для них. Почти все были перемазаны в грязи и крови – в том числе ядовитой демонской. Многим пришлось менять одежду.

Совсем без повреждений вышел только Бельзедор – этот утратил только доспехи. Заметив, что полностью обнажен, он на

миг прикрыл глаза – и оказался облаченным в черный плащ с кровавым подбоем.

Хаштубал Огнерукий пристально смотрел на него, крутя в руках Красный Криабал. Он открыл его на одной конкретной странице.

- Очень мощное заклинание, - кивнул Бельзедор, это заметив. – Однажды меня им уже убивали.

- Кто? – осведомился Хаштубал.

- Мой покойный муж, - холодно сказала Галлерия. – Когда мы бились с Бельзедором, он владел Красным Криабалом, а я – Зеленым.

- В тот раз я пробыл мертвым семнадцать лет, - жизнерадостно добавил Бельзедор. – Но потом меня воскресили.

- Кто?

- О, в мире всегда найдутся желающие вернуть к жизни Темного Властелина. Спасибо, кстати, Медариэн. Я всем расскажу, что ты меня воскресил.

- Пожалуйста, не надо, - отвел взгляд Медариэн.

- Не надо скромничать. Я считаю, что о таких подвигах должны знать все. Кстати, раз уж ты воскресил господина – воскреси заодно и его слугу.

Медариэн посмотрел на лежащего поодаль лорда Мерзопака. Тот лежал без движения, без дыхания. Над ним склонилась Имрата с Белым Криабалом, но даже всесильные заклятия Бриара отчего-то не помогали. Кожа старика полностью восстановилась, но оживать он не оживал.

- Очень странно, - нахмурился Медариэн, вглядываясь в ауру. – Чем таким его сразили?

- О, вначале его оглушил антимаг, а потом он долгое время пролежал в ядовитом дыме, - объяснил Дрекозиус. – Вы можете помочь ему, ваша мудрость?

- Даже не знаю... – задумался Медариэн. – Бельзедор, он же обычный человек?.. Не нежить?.. Не оформленный дух?..

- Самый обычный. Верный приспешник своего Властелина.

- Тогда странно, что не действует Криабал...

Бельзедор наклонился над старческим тельцем и пихнул его ногой. Вроде как мертвый Мерзопак тут же издал слабый стон и прошептал:

- Мой Властелин, это вы?.. Я... я еще жив?..

- Пока да, - кивнул Бельзедор. – Как вы себя чувствуете, дедушка Мерзопак?

- Я... кажется, я умираю...

- Какая трагедия. Не волнуйтесь, я похороню вас в семейном склепе. Произнести надгробную речь?

- О, благодарю вас... и передайте моему внуку... что я благословляю его... и... и скажите мне только одно... мы победили?.. О, скажите, что мы победили!..

- Да, дедушка, победили.

- Слава богам, слава всем богам!.. Теперь я могу спокойно умереть... когда-нибудь потом.

Мерзопак приподнял голову и открыл глаза. Его взгляд не был взглядом умирающего. Крохотные глазки хитро заблестели, он достал из-под живота трость и легко вскочил на ноги.

- Зачем вы прикидывались мертвым? – спросил Медариэн, пристально глядя на Мерзопака.

- На случай, если после победы над Антикатисто вы решите убить и меня с моим Властелином, - лучезарно улыбнулся старик. – Тогда бы я выжил, уполз в какую-нибудь нору, а потом вернулся и жестоко вам всем отомстил.

Медариэн только вздохнул, покачал головой и двинулся дальше к Апофеозу. Волшебник рассматривал тела антимагов, демонов... искал тех, в ком еще теплилась жизнь.

Один развраг еще дышал. Медариэн шагнул к нему – но его опередил Хаштубал. Полудракон тоже бродил среди тел, тоже искал выживших – но исключительно с целью добить.

Белый луч пронзил демону горло. Хаштубал ударил Очищающим Пламенем и с вызовом посмотрел на Медариэна. Тот снова вздохнул и отошел.

- Помочь тебе? – окликнул его Бельзедор. – Я теперь у тебя в долгу – только попроси, и я верну этого демона к жизни. Или вообще их всех. Как ты вернул к жизни меня. Вернул в мир Темного Властелина. Жалкий глупец.

- Прекрати об этом напоминать, - поморщился Медариэн. – И я не собираюсь оживлять мертвых демонов.

- Уж надеюсь, - процедил Хаштубал. – Нам только этого еще не хватало.

Плацента, беспардонно обшаривающий карманы трупов, возмущенно сказал Фырдузу:

- Нет, ты их слышишь, а?! Ты их слышишь?!

- Ну... да... – кивнул кобольд, прижимая к груди Рваный Криабал.

- Вот я знал, я всегда знал, что они нам лгут! – брызнул слюной полугоблин. – Ты их только послушай! Они на самом деле все тут друганы, тля! Все сговорились, тля! Сначала Бельзедора воскресили, потом Мерзопака оживили, а теперь еще и демонов оживляют! Все заодно! Это мировой заговор глиномесов, тля!!!

- Утихомирьте кто-нибудь этого полугоблина, - приказал Хаштубал. – Иначе это сделаю я.

- Я всем расскажу! – завопил Плацента и дал стрекача. – Мир должен узнать правду!

Его никто не остановил. А отбежав на половину вспашки, Плацента вспомнил, что вокруг по-прежнему остров Вечной Ночи, населенный в основном нечистью и жуткими кровожадными тварями. Они и близко не сунутся к этому холму, к Апофеозу и Конклаву, к Бельзедору и великим волшебникам... но с удовольствием отобедают одиноким полугоблином.

И он вернулся как ни в чем не бывало.

Там уже пылал громадный костер. Хаштубал разжег пламя, а ветряные элементали Галлерии стаскивали в него тела. Волшебники обсуждали, что дальше делать с Криабалами, с Апофеозом, с Антикатисто.

- Нет, каков же все-таки негодяй! – возмущалась Галлерия. – Повернись все чуть-чуть иначе – и мир ухнул бы в новую Смутную эпоху!

- А еще он назвал меня самолюбивым бахвалом! – пожаловался Локателли. – Разве я на такого похож?!

- Только похожи, мэтр Локателли, - заверила его Галлерия.

- Обидно это слышать, бессмертная Лискардерасс, - надулся старик. – Особенно от вас. Ну да, среди моих родителей не было эльфийских королей, титанов, драконов и богов! Я сын бакалейщика. Но мое семейство известно мной! Я его сам прославил!

- И все мы бесконечно вас уважаем, - снова заверила Галлерия.

- Не все, - буркнул Хаштубал.

Фырдуз подошел к Бельзедору и робко дернул за полу плаща. Он все не решался обратить на себя внимание, потому что у великих мира сего были свои, великие дела, которые явно не включали в себя одного ничтожного кобольда... но в конце концов Фырдуз все-таки решился. Собрал всю смелость, вложенную в него Пещерником, и сказал:

- Ваше темнейшество, вы обещали избавить меня от проклятия, если я буду помогать... Серый Криабал... можно мне его?..

- Что?.. – не сразу вспомнил Бельзедор. – Ах да, заклинание Уз. Просто обрати его. Как ты сделал с Антикатисто.

- Но... проклятие... – растерялся Фырдуз. – Я же стану Призраком Криабала...

- Да нет никакого проклятия. Просто прочти отмену заклинания, - повторил Бельзедор.

- Что?! Но... вы что, солгали?!

- Конечно. Я же Темный Властелин, ну. Я обманул тебя,

глупый маленький кобольд.

Фырдуз испытал смешанные чувства. С одной стороны – конечно, ужасно обидно. С другой – на душе сразу стало легче. Даже не раскрывая Рваный Криабал, он торопливо произнес:

- Зуката атакар нагирата сигад. Ирата кода ородома изида. Гистида мета Фырдуз Ерке.

И отбросил книгу, как если б та горела пламенем.

Он так долго таскал ее с собой, что смертельно возненавидел.

Земля вздрогнула. На сожженную, исковерканную, иссеченную заклинаниями почву рухнул гигантский дракон. Орказарок жадно уставился на Рваный Криабал и удивительно ловко схватил его передней лапой. Зажал между когтями, как почтовую марку... очень, очень, очень маленькую почтовую марку. Книга почти исчезла, казалась невидимым в громадной лапе.

- Не торопитесь, уважаемый дракон, - ласково попросил сразу оказавшийся рядом Локателли. – Мы понимаем ваши претензии на эту книгу, но вначале мы все как следует обсудим.

- Это мой Криабал! – рявкнул Орказарок. – Нечего тут обсуждать!

- Не-не-не-не!.. – покачал пальцем старый волшебник. – Обсуждать всегда есть что! А если вы попробуете украсть его и улететь – мы дадим вам по ручкам!

- Нельзя украсть свою собственную вещь!

- Совершенно с вами согласен. Но все-таки посидите пока здесь. Не улетайте далеко. Поболтайте пока с мэтром Хаштубалом – у вас, кажется, есть общие родственники?..

Орказарок встретился взглядом с Хаштубалом. Они оба поморщились и отвернулись, словно увидели что-то гадкое.

Тем временем Имрата встала перед Бельзедором и тоже принялась сверлить его взглядом. Растерянным и даже каким-то жалобным.

Темный Властелин не произносил ни слова.

- Ты титан, - наконец произнесла Имрата.

- Я и не скрывал, - спокойно ответил Бельзедор.

- Почему я не поняла этого сразу же? Ты затуманиваешь всем разум какими-то чарами?

- Никаких чар. Просто ты даже на миг не допускала возможности того, что я твой сородич.

- Потому что ты Темный Властелин! – выкрикнула Имрата.

- Это очевидный факт.

Титанида хотела спросить еще что-то, но ее перебил жизнерадостный окрик Локателли. Великий волшебник сотворил посреди изуродованного холма огромный стол, накрытый белой скатертью, уселся во главе и теперь хлопал в ладоши, сзывая всех

присутствующих.

- Что Это? – спросил Конклав, с шуршанием перемещаясь ближе. – Зачем?

- Господа, я предлагаю отметить нашу общую победу! – воскликнул Локателли, доставая из воздуха спелый абрикос. – Да будет угощение. Мы все устали и, уверен, проголодались! Давайте же откупорим бочонок доброго гарийского... да будет вино... отпразднуем наше великое свершение и обсудим наши дальнейшие планы. Тем более, что у меня сегодня день рождения.

- О, в самом деле? – удивился Дрекозиус. – Примите наши искренние поздравления, ваша мудрость!

- Он врет, - мрачно сказал Хаштубал.

- Вру, - легко согласился Локателли. – Но однажды же у меня все равно будет день рождения, и большинство из вас вряд ли его посетит. Так почему бы не отпраздновать его сегодня, заранее? Впрочем, быть может, сегодня день рождения у кого-нибудь еще?.. нет?.. ни у кого?.. Жаль, право. Положительно жаль. Ну в таком случае просто прошу всех за стол, без дополнительных поводов.

При виде ломящегося от яств стола многие невольно облизнулись. О, мэтр Локателли знал толк в таких вещах! Даже Хаштубал Огнерукий не стал в этот раз спорить, а молча уселся и подвинул к себе блюдо с вареными раками.

Расселись и остальные. Медариэн, Галлерия, Бельзедор, Мерзопак, Имрата. Мектиг, Плацента, Джиданна, Дрекозиус. Фырдуз, Массено, Танзен. Уселся прямо на землю вехот, рядом замер семиликий Конклав. Навис над ними громадный Орказарок. И даже Антикатисто привязали к стулу, чтобы оставался на виду.

- Совместную инкарну, если не возражаете! – лучезарно улыбнулся Локателли. – Три... два... один... да будет рисунок!..

На стол упал лист пергамента с точным изображением присутствующих. Локателли тут же провел рукой – и размножил восемнадцать копий.

- Старый дурак, - хмуро сказал Хаштубал, комкая свою.

Плацента сразу начал набивать рот. Да и остальные искатели Криабала последовали его примеру – есть всем хотелось ужасно. Даже Массено в этот раз не ограничился хлебом и водой. И лишь Антикатисто сидел с отсутствующим взглядом и делал вид, что не закован в короний, что его вовсе нет за этим столом.

- Кушайте, кушайте! – хлебосольно произнес Локателли. – Благородная Лискардерасс, отчего вы так мало себе положили?

- Мне довольно, мэтр, благодарю вас, - любезно ответила эльфийская владычица.

На ее тарелке лежала только зелень. Свежие овощи и фрукты,

душистые травы, какие-то грибочки и прочие изыски эльфийской кухни. То же ел и Медариэн. Зато сидящий напротив Хаштубал навалил себе исключительно мяса... и картошку.

Чуть-чуть картошки. Два сиротливых ломтика.

- Приятного всем аппетита, - обвел стол взглядом Локателли. – Господа, если никто не против, я возьму на себя председательство на этом импровизированном заседании. Никто не против?.. Что скажет наш хозяин, мэтр... м-м, не напомните?..

- Это мэтр Оопсан, мэтр Оксатти, мэтр Ильтокелли и еще четверо бывших советников Парифатской империи, - сказал Медариэн, накалывая на вилку кусочек жареной редьки. – Хотя сейчас их личности настолько перемешаны, что мне сложно выделить отдельные составляющие.

- Мы – Конклав, - произнес лич, нависая над столом. – И Нас Не Устраивает, Что Вы Устроили Здесь Застолье. Заберите С Собой Антикатисто И Оставьте Нас Стеречь Апофеоз, Как Мы Стерегли Его Прежде. Но Прежде Принесите Клятву, Что Никому О Нас Не Расскажете.

- Мы непременно так и сделаем, - пообещал Локателли. – Все присутствующие с радостью пообещают хранить в секрете ваше существование и местонахождение. Не так ли?..

Все нестройно закивали. Фырдуз вообще попытался спрятаться под стол.

- Случившееся здесь в тайне не останется, - напомнил Танзен. – Апофеоз работал... сколько?.. Минут десять?.. По крайней мере минут десять. Вполсилы, не смертельно, но на весь мир. Все волшебники всего мира минут десять бились в конвульсиях. Многие наверняка погибли...

- Почему? – не понял Массено.

- По разным причинам. Кто-то мог быть высоко в воздухе или под водой. Кто-то мог находиться посреди ритуала, который опасно прерывать. А некоторые из нас постоянно находятся на чароподдержке – лишение магии для них смертельно.

- Да, вы правы, - согласился Массено. – Скрыть такое не получится. К тому же Антикатисто призывал демонов – и некоторые из них сбежали. Да и некоторые антимаги, возможно, уцелели.

- Принесите Клятву Все Равно, - настойчиво потребовал Конклав. – Иначе Мы Убьем Вас Всех.

Бельзедор издал короткий смешок. Хаштубал гневно нахмурился. Галлерия поджала губы. Плацента грязно выругался.

И однако никто не возразил. Все понимали, что Конклав не шутит. Неизвестно вообще, умеет ли шутить эта древняя нежить.

А насколько она опасна, все тоже прекрасно понимали.

Конклав сражался с Антикатисто в одиночку. А до того, как тот заполучил Криабал – вообще без труда отгонял его от Апофеоза.

И никто все равно не собирался раскрывать секрет Апофеоза. Не ради этого они сегодня чуть не сложили головы. Раз уж уничтожить глобальный чакровзрыватель невозможно – пусть о нем и дальше никто не знает, пусть и дальше его стережет безжалостный лич-трупомонстр.

- Мы даем клятву, - гортанно произнес Хаштубал. – Вратами Шиасса и могилой Бриара я клянусь, что никому не раскрою местонахождение Апофеоза.

- И я... и я... – эхом пошло над столом.

Даже Орказарок крайне неохотно дал свое драконье слово. Но тут же добавил:

- А теперь верните мне мой Криабал! Мне тоже давали клятву!

- Какую клятву? – заинтересовался Бельзедор. – Кто? Если кто-то из моих прихвостней, то они не имели права ее давать. Я одолжил им Криабал на время, и если они что-то тебе пообещали – то с них и спрашивай. Впрочем, если ты хочешь убить моего прихвостня – сначала переступи через меня. Посмеешь бросить мне вызов, дракон?!

- Бельзедор, я тебя умоляю, сделай антракт в своей пьесе, - поморщился Медариэн. – Нам все равно нужно что-то решать с Криабалами. Почему бы не вернуть один из них под присмотр черного дракона?

- Не вижу препятствий, - кивнула Галлерия. – А Зеленый Криабал по праву должен вернуться в рощедрево Тирнаглиаля. Он хранился там веками, и мы пользовались им исключительно мудро и во благо всего мира...

- Во благо эльфов, - перебил Бельзедор. – И ваше рощедрево не слишком-то неприступно, государыня. Вот сокровищница Цитадели Зла и в самом деле неприступна... если я не пожелаю обратного.

- Ты не получишь ни одного Криабала! – рявкнул Хаштубал. – Или уж по крайней мере не Красный! Я вообще думаю, что нам стоит...

- Ну-ну-ну, мэтр Хаштубал, - покачал головой Локателли. – Не стоит так горячиться. Но, конечно, я согласен, что книгам не место в сокровищнице. Книгам место в библиотеке. А волшебным книгам – в волшебной библиотеке. Разве это не справедливо, если они окажутся в крупнейшей волшебной библиотеке Парифата? Мэтр Мазетти будет несказанно счастлив...

- Они все слишком опасны, - сказал Медариэн. – Лично я не возьму на сохранение ни одну. Я бы предложил отправить их в

другое измерение, спрятать там, где никто не понимает парифатского языка... но сейчас я уже и это не считаю надежным...

- Я могу отнести эти книжки в Алмазный Ра... Бастион, - предложила Имрата, поднимаясь со стула. – Это самое надежное место в мире. И если кто-то из вас считает, что мой отец способен применить их во зло – то пусть он скажет об этом вслух, и я...

- Дочь моя, это чудесный совет, и мы все здесь тебе аплодируем! – восхитился Дрекозиус. – Но почтенные господа, если мне будет позволено вставить слово, если позволено будет раскрыть рот в столь величественном собрании, то я бы хотел заметить, что все вы, при всем вашем благородстве и могуществе, не имеете юридических прав на Криабалы.

- А кто их имеет? – брезгливо осведомился Хаштубал. – Может быть, ты?

- Как ни парадоксально – но да, - потупил взор Дрекозиус. – Среди всех присутствующих мое право на эти книги наиболее велико, ибо моя скромная особа – суть законный наследник создателя Криабала, Бриара Всемогущего.

Волшебники переглянулись. Не все тут еще знали, что отец Дрекозиус – потомок Колдующих Императоров. Очень отдаленный, уже давно не имеющий никаких прав на сгинувший во тьме веков престол, но тем не менее.

- Охо-хо, ну и дела... – покачал головой Локателли.

- А доказательства-то у вас есть, святой отец? – осведомился Хаштубал.

- Ах вот откуда у него такая Сущность!.. – догадалась Галлерия.

- Отец Дрекозиус говорит правду, - чуть наморщил лоб Медариэн. – Но это не имеет никакого значения. В мире сейчас... хм... минутку... около шестнадцати миллионов потомков Бриара Всемогущего.

- О, я говорил им то же самое, ваша мудрость! – махнул рукой Дрекозиус. – Но тем не менее, я среди них наиболее прямой наследник, а значит...

- Это ничего не значит, тля! – прошипел Плацента. – Ничего!

Бельзедор издал рокочущий смех. Он от души наслаждался происходящим.

Конечно, никто и на секунду не задумался над тем, чтобы передать Криабалы Дрекозиусу. Хотя его родовую Сущность признали очень полезной, и Локателли даже попросил жреца немедленно зеркалить, если тот снова увидит один из вещих снов.

После долгого обсуждения было решено отправить титульный

лист Криабала в библиотеку Клеверного Ансамбля. А оглавление взял лорд Бельзедор – и пообещал, что запрет его там, куда не доберется ни один авантюрист.

Но вот решить судьбу самих книг оказалось посложнее. И когда спор пошел по второму кругу, в него вмешался Конклав.

- Перед Тем, Как Обещать Помочь Одолеть Антикатисто, Мы Выговорили За Это Плату, - чеканно произнесли семь черепов. – Цесаревич Дрекозиус И Его Спутники Обещали Отдать Нам Криабалы.

- Положим, они не имели права давать таких обещаний... – мягко сказал Локателли.

- Мы Понимаем, - согласился Конклав. – Криабалы Им Не Принадлежали. И Мы Победили Антикатисто Не В Одиночку, Но С Вашей Помощью. Однако Мы Считаем, Что Передать Криабалы Нам На Хранение Будет Самым Мудрым Решением. Это Обосновано И Юридически, Ибо Бриар Всемогущий Вручил Эти Книги Своим Императорским Советникам. Мы – Конклав. Мы – Последние Советники Колдующего Императора.

- И что вы будете делать, если их получите? – настороженно осведомилась Галлерия.

- Мы Будем Стеречь Их Вечно. Как Стережем Апофеоз. Никто Не Пройдет Мимо Нас.

Волшебники переглянулись. Сами Криабалы никому из них не были нужны. Медариэн уже владел одно время Черным, Галлерия много лет хранила Зеленый, а Локателли имел свободный доступ к Бурому.

- Интересное предложение... – медленно произнесла Галлерия. – Отдать Криабалы какой-то сумасшедшей нежити, которую мы видим впервые в жизни...

- Вы против, бессмертная Лискардерасс? – осведомился Локателли.

- Мне нужно подумать.

- Меня устраивает, - швырнул на стол Красный Криабал Хаштубал. – Они и так сидят на Апофеозе, так что опаснее для нас уже не станут.

- Проголосуем? – предложил Локателли. – Кто за предложение многоуважаемого Конклава?

Поднялись четыре руки.

- Кто против?

Две.

- Принято четырьмя голосами против одного. А ваш голос не учитывается, искусник Плацента.

- Это потому что я не великий волшебник, тля?! – брызнул слюной полугоблин. – Мнение простого народа не учитывается,

конечно!.. Тупые утырки, вы еще пожалеете о своем решении!

- В этом я с ним согласен, - сказал Бельзедор. Если не считать Плаценту, он единственный проголосовал против. – Но сегодня я подчинюсь воле большинства.

- Да будет так, - сказал Медариэн. – Мэтр Оопсан, от лица всего волшебного сообщества мы предлагаем вам принять на хранение Криабалы.

- Мы Принимаем Их, - сказал Конклав.

Он начал разрастаться. Вбирая разбросанные повсюду мельчайшие кости, лич-трупомонстр увеличился, навис над столом. Семь грудных клеток с треском раскрылись – и в каждую Конклав вложил по Криабалу.

Потом ребра сомкнулись, и на столе остался один-единственный Криабал – Рваный.

- Этот – Восьмой, - произнес Конклав. – Лишний. Пусть Он Будет Храниться В Ином Месте. Для Большей Безопасности.

- Он мой! – прогремел сверху Орказарок. – И я его забираю!

С этим никто уже спорить не стал. Только Хаштубал с отвращением посмотрел на дракона и процедил:

- Только стереги теперь бдительней.

Орказарок ответил невнятным рычанием. Он явно с трудом сдерживался, чтобы не откусить Хаштубалу голову.

Напряжение снова разрядил Локателли. Он хлопнул в ладоши – и перед каждым появился бокал любимого напитка. Подняв свой, старый волшебник задорно произнес:

- Я хочу рассказать одну историю! Жил-был когда-то на свете один злой мантикор, и был он очень лаком до человечьего мяса. В один день пошел он на охоту – и встретил семерых рыцарей. И убил их всех, и сожрал. В другой день пошел он на охоту – и встретил семерых жрецов. И убил их всех, и сожрал. В третий день пошел он на охоту – и встретил семерых волшебников. И убил их всех, и сожрал. А на четвертый день пошел он на охоту – и встретил всего лишь троих пастухов. И не стало злого мантикора, погиб он бесславно, и высушило солнце его кости. Вы спросите, как так вышло? А дело в том, что эти три пастуха были не просто тремя пастухами. Это были... три лучших друга! Так выпьем же за дружбу, которая делает нас непобедимыми!

Тост охотно поддержали. Бокалы поднять смогли не все – у вехота и дракона возникли понятные затруднения, - но выпить за дружбу никто не отказался.

После этого с места поднялся Медариэн.

- Я тоже хочу сказать, - промолвил он. – Близится рассвет, и пора нам распрощаться с нашим гостеприимным хозяином... хозяевами. Но перед тем, как мы отправимся по домам, я бы

хотел выразить благодарность всем присутствующим. Сегодня вы совершили подвиг. Даже ты, Бельзедор.

Темный Властелин молча поклонился.

- И хотя благородный поступок – сам по себе награда... – продолжал Медариэн, - ...я все же считаю уместным отблагодарить всех за героизм. За самоотверженность. За пролитую кровь. Спасибо вам всем. От меня лично – спасибо.

- О, ваша мудрость, поверьте, мы старались не ради награды! – прижал руки к сердцу Дрекозиус.

- Уж точно не ради такой... – тихо проворчал Плацента. – Спасибо он сказал, тля...

Медариэн внимательно посмотрел на полугоблина, и тот ответил вызывающим взглядом. Чуть помолчав, волшебник добавил:

- Разумеется, я не собираюсь ограничиваться пустыми словами. Награда должна соответствовать подвигу. Мы все принесли клятву, что не расскажем о случившемся здесь миру, поэтому прославлены ваши имена не будут. Однако любые иные желания, буде в моих силах окажется их исполнить...

- Позволь Нам, - перебил Конклав. – Мы Тоже В Долгу Перед Вами. Поэтому Мы Хотим Предложить. В Качестве Награды Пусть Каждый Здесь Возьмет По Одной Странице Из Криабала. На Выбор.

Глаза многих сидящих за столом невольно загорелись. Одна-единственная страница – это не так уж много... но это смотря какая страница. В Криабале много заклинаний, способных стать для кого-то исполнением заветного желания.

- Пусть Змей Орказарок Свяжет Нас Узами С Криабалами, - изрек Конклав. – И Да Будут Все Вознаграждены По Достоинству. Если Кто Не Захочет Страницу Из Криабала – Мы Вознаградим Его Любым Иным Желаемым Способом. А После Вы Оставите Остров Вечной Ночи И Навсегда Забудете О Нашем Существовании.

Фырдуз подумал, что последнее будет очень сложным. По крайней мере, лично для него. Он уж точно никогда не забудет событий этого года, и в особенности – этого дня.

- Ага-ага, я уже все забыл, - нетерпеливо сказал Плацента. – Моя жизнь не крутится вокруг спасения мира. Где моя награда, тля?! Монеты, звенелки, тесто, облепиха!..

- Хорошо, Да Будешь Ты Первым, - устало сказал Конклав. – Что Ты Хочешь В Награду?

Глава 51

- Хорошо, Да Будешь Ты Первым, - устало сказал Конклав. – Что Ты Хочешь В Награду?

- Криабал! – тут же выпалил Плацента. – Все Криабалы! Отдай их мне!

- Сын мой, воистину дерзость твоя не знает границ и пределов, - вздохнул Дрекозиус. – Даже я, законный и полноправный наследник Колдующих Императоров, не претендую на то, чтобы забрать себе все эти книги и даже любую из них в отдельности. А ты-то уж...

- Закройся, рыгрра глиномес! – огрызнулся Плацента. – Эта костяная кыача сказала, что сделает все, что мы захотим! И я хочу Криабалы! Отдавай! Ты обещал!

- Мы Можем Исполнить Такое Требование, - сумрачно ответил Конклав. – Мы Действительно Обещали. Но Сразу После Этого Мы Уничтожим Тебя И Заберем Криабалы Обратно. Предупреждаем.

- Тля... а можно тогда попросить Криабалы и чтобы ты меня не убивал?

- Нет.

- Тля...

Плацента ненадолго задумался. Его наполовину гоблинский, наполовину человеческий разум мыслил удивительно быстро, но странными рывками. Словно одновременно пьяный в стельку и бодрый от слоновьей дозы кофе, он часто-часто дергался из стороны в сторону, и даже сам Плацента не знал, что в следующую секунду выпалит его рот.

- Я хочу гору золота! – выпалил он.

- Насколько Большую? – осведомился Конклав.

- Огромную! Размером с Апофеоз!

- Ты Уверен?

- Да! Я, тля, хочу гору золота!

- Подумай Еще Раз. Пожалуйста. Мы Не Испытываем К Тебе Неприязни, Поэтому Советуем Тебе Как Следует Обдумать Свое Желание.

- А что не так, тля?!

- Уносить отсюда эту гору ты как собираешься? – насмешливо спросила Джиданна. – Мы уже целых три раза находили очень много золота, ты помнишь? Оно тяжелое.

- Тля... Ладно... Тогда я хочу денег. Много. Очень. По крайней

мере пятьдесят тысяч хдарков. И чтобы не наличкой. Пусть это будут расписки менял.

Конклав кивнул. Костяные торсы принялись вращаться, пока перед Плацентой не оказался череп Акк-Ва. Бурый Криабал за ее ребрами раскрылся, страницы замелькали – и одна отделилась.

- Это Заклинание Поиска Утраченного, - сказал Конклав. – Применяя Его, Ты Сможешь Получить Сколько Угодно Расписок Менял. Потерянных. Забытых. Тех, Которые Уже Не Имеют Хозяина И Ими Никто Не Воспользуется.

- Ошибаешься, тля, ошибаешься, - расплылся в улыбке Плацента, забирая листок. – Ими воспользуюсь я.

Предложенный вариант ему очень понравился. Создание или призыв золота волшбой – дело такое, чреватое. На монетах все равно остается отпечаток, Плацента это хорошо знал. Чечпок не заметит, скупщик краденого не возразит, но нарвешься на самого захудалого волшебника или обладателя златопроверника – и вот уже все орут, вот уже кличут стражу, вот уже обвиняют честного полугоблина бушук знает в чем!..

Но совсем другое дело, когда ты честно нашел бумажку, на которой написано, что предъявителю сего нужно выдать столько-то денег.

К тому же на подаренной Конклавом страничке было еще два полных заклинания. Одно ерундовое – Посуда, для создания ложек-чашек-мисок, зато другое тоже очень ничего себе – Клинок. Плацента аж облизнулся, тут же создав себе новехонькие кукри.

- Не Применяй Это Во Зло, - без особой надежды предупредил Конклав.

- Только для самозащиты, тля! – заверил Плацента. – Ярыть, какие острые!..

- Сделай и мне, - попросил Мектиг. – Секиру. Моя сломалась.

Полугоблин осклабился и снисходительно сотворил огромный блестящий топор. Мектиг крутанул им в воздухе, и на его чело набежала тень.

Отличное оружие, высшего класса. Но самое обычное. Просто закаленная сталь.

А Мектиг уже привык к секире Рузульвета, от которой будто исходила глубинная мощь. Но Антикатисто уничтожил ее, и новую взять негде.

Хотя...

- Там есть заклинание для волшебного оружия? – спросил Мектиг у Конклава.

- Нет, - ответил тот. – Даже Бриар Всемогущий Создавал Артефакты Вручную.

- Я подарю тебе новую секиру, хирдманн, - сказал Бельзедор.

– В моей оружейной найдется не хуже.

- Таких – не найдется! – сверкнула на него глазами Имрата. Она подобрала осколок секиры Рузульвета и внимательно его рассматривала. – Это изделие Макроденита, кузнеца титанов! Мектиг!.. Я попрошу его сковать тебе другую! Он не откажет, если я расскажу, что ты совершил!

- Не расскажешь, - скучным голосом сказала Джиданна. – Ты принесла клятву.

- Я не расскажу всего! – гневно обернулась к ней титанида. – Не расскажу ничего важного! Я просто скажу, что этот смертный не посрамит оружие титанов!

Мектиг посмотрел на ее меч. Он видел, какие лучи тот исторгал, как распахивал надвое демонов и элементалей Тьмы. Хороший клинок, добрый.

Немного подумав, дармаг кивнул и повесил на пояс ту секиру, что наколдовал Плацента. Временно. Совсем без оружия он чувствовал себя так, словно утратил руку.

- Пусть Так, - сказал Конклав. – Проси Тогда Себе Другую Страницу. Ты Имеешь На Нее Право.

- Мне просто нужен новый топор, - пробасил Мектиг.

- Ты Уверен?

- Эй, если тебе не нужно, отдай мне! – заявил Плацента.

Ничего отдавать Плаценте Мектиг не собирался. Он еще немного подумал и сказал:

- Я ущербный берсерк. Я одержим духом лемминга. Можно убрать его или сменить на другого?

Конклав кивнул. Костяные торсы снова принялись вращаться, и перед Мектигом оказался череп Мородо. Раскрылся Белый Криабал, замелькали страницы – и в руки дармага лег исписанный листок.

- Это Заклинание Лечения Одержимости, - сказал Конклав. – Оно Избавит Тебя От Любой Сторонней Ментальной Сущности, Обитающей В Твоем Разуме.

Мектиг с сомнением принялся читать. Духи берсерков – это ведь не настоящие духи. Берсерки не в самом деле одержимы, это просто так говорится.

Просто когда берсерк впадает в состояние вут, на него находит... странное. Человек удаляется вглубь, наружу выползает зверь. Сильный, опасный, почти непобедимый... но очень тупой зверь.

Однако оказалось, что это заклинание именно подобных «духов» и убирает. Порожденных собственным разумом.

- Спасибо, - спрятал листок за пазуху Мектиг.

Какие еще заклинания ему достались, он смотреть не стал.

Ему не было интересно.

- Кто Следующий? – спросил Конклав.

- Я, если можно, - заговорила Джиданна. – Я точно знаю, что хочу. Какое-нибудь заклинание, чтобы моя белка всегда была сыта.

Фамиллиар запрыгнул волшебнице на плечо и потерся о щеку. Конклав же с легким удивлением спросил:

- Что-То Вроде Создания Орехов?.. Разве Они Настолько Дороги В Нынешнее Время?..

- Нет-нет-нет, - возразила Джиданна. – Мой фамиллиар – императорская белка. Вы знаете такую породу или мне нужно объяснить?

- Знаем, - сказал Конклав. – Теперь Понимаем. Ты Получишь Средство.

Перед Джиданной оказался череп Лунарды Ситардерасс, страницы замелькали, и через несколько секунд она получила листок из Зеленого Криабала. Заклинание Каменного Древа.

- О, - только и сказала волшебница, изучив комментарии.

Она ожидала получить что-то вроде создания или призыва золота или самоцветов. Такие заклинания не стоит использовать для обогащения, если не хочешь угодить в магиозы, но украшать с их помощью дом или кормить белку – почему бы нет? Это не запрещено.

Но Конклав подарил ей нечто более заковыристое... но и более полезное.

Эльфийская владычица явно была с этим согласна. Когда место Джиданны напротив Конклава занял Дрекозиус, Галлерия Лискардерасс подозвала волшебницу и дала несколько советов насчет этого заклинания. А заодно пояснила пару мест насчет заклинания Съедобной Травы и категорически запретила использовать заклинание Развертывания.

Дрекозиус же, потупив взор, произнес:

- Если будет угодно благородному Конклаву, всем присутствующим и богам нашим, которым служим денно и нощно, я бы хотел попросить средство, чтобы мне служить богам как можно дольше.

- Не Понимаем, - ответил Конклав. – Ты Хочешь Стать Епископом?.. Или Иерофантом?..

- Не смею желать столь многого, - скромно ответил Дрекозиус. – Должность видама вполне удовлетворяет вашего покорного слугу. Но я лишь хотел бы оставаться в ней несколько дольше, чем то доступно простому смертному человеку...

- Насколько Дольше?

- Вечно, - очень тихо сказал Дрекозиус.

- Мы Не Расслышали.

- Вечно! – резко повысил голос жрец.

- А. Ты Желаешь Бессмертия.

- Отче, вы настолько сильно не хотите предстать перед богами? – насмешливо спросила Джиданна. – На сальванские кущи не рассчитываете? Или это вас Савроморт так напугал?

- Дочь моя, я желаю и далее оставаться в сем грешном мире, дабы наставлять, служить, приобщать души севигистские к истинной вере...

- В Криабале Нет Заклинания, Дарующего Полноценное Бессмертие В Виде Человека, - сказал Конклав. – Но Мы Можем Дать Тебе Заклинание Омоложения. Просто Повторяй Его Раз В Десять Лет – И Сможешь Прожить Неограниченно Долго.

- Меня устроит, - быстро сказал Дрекозиус.

Плацента посмотрел на блеваного жреца с завистью. Ему такое в голову не пришло. Теперь гнусный святоша будет вечно пятнать собой мир... хотя Плацента такого все равно не захотел бы.

Он полугоблин. В анналы вечную жизнь в виде полугоблина.

Перед Дрекозиусом предстал череп Мородо, и костяные руки протянули страницу с заклинанием Омоложения. Жрец жадно его схватил и несколько раз поклонился Конклаву. А тут же изучив комментарии, прочел:

- Араватика затара то капана. Аригата ситара закта урага. Инакора такира су инка дороке.

Слово «инка» в заклинании означало «два», а «дороке» - «десять». И Дрекозиус чуть выпрямился, ощущая, как исчезают морщинки и свежеет кожа, а плешь покрывается новыми волосами.

- Но ты по-прежнему жирный, - злорадно сказал Плацента. – Молодой, но жирный.

- Я часто и с усердием прославляю Люгербеца, сын мой, - наставительно сказал Дрекозиус, с удовольствием глядя в зеркальце. – Это не грех.

Другие заклинания на полученном листочке жрец тоже изучил предельно тщательно. Как и у остальных, их было еще два – Лечение Кожных Болезней и Лечение Скверных Болезней. От последнего у Дрекозиуса на миг вспыхнули глаза, и он еще раз поклонился Конклаву.

- Только Не Злоупотребляй, А То Начнешь Истаивать, - предупредил тот. – Ты Немогущий, Твой Лимит Ограничен.

- Я буду предельно осмотрителен, - пообещал Дрекозиус.

После искателей Криабала наступила очередь вехота. Этот демон тоже внес свой вклад, и без него, возможно, Апофеоз не

удалось бы остановить.

Он мягко и ненавязчиво об этом напомнил.

- Мы Согласны, - сказал Конклав. – Какую Страницу Ты Хочешь?

- Там есть средство для исцеления демонов? – спросил вехот.

- Есть. В Черном Криабале.

- Я возьму, спасибо.

Конклав закружился, и перед Вехотом остановился череп Оопсана. Из Черного Криабала вылетел бумажный лист – и вехот осторожно взял его губами.

Он сразу же отступил подальше. Показывать свою страницу не стал, какие еще там есть заклинания – оставил при себе. Джиданне вдруг пришло в голову, что они по сей день не знают имени этого существа.

Удивительно, насколько демоны бывают скрытны на этот счет.

Танзена, Массено, Фырдуза и Имрату награда интересовала не слишком сильно. Но когда вехот с помощью своей страницы вернул себе чудесную гриву и растворился в воздухе, Танзен с надеждой обратился к Конклаву:

- У меня язвенная лихорадка. Уже много лет. В Криабале есть от нее средство?

- Нет, - ответили семь черепов. – Этот Недуг Знали И В Наши Времена, Но Окончательного Средства От Него Не Было И Тогда, Только Купирующие Симптомы Препараты. Язвенная Лихорадка – Не Болезнь. Это Магическая Аллергия. Она – Часть Твоего Таланта. Единственный Способ Исцелить Ее – Лишить Тебя Магии.

Танзен разочарованно хмыкнул. Он подозревал что-то подобное, но все-таки у него была слабая надежда на Криабал или знания волшебников древности.

Ладно, беда не так уж и велика, особенно для метаморфа. Танзен вообще подозревал, что возвращение в форму №0 для него отныне закрыто.

Вполне возможно, что она уже мертва.

- Тогда я попрошу кое-что другое, - сказал он. – Мне не нужны страницы из Криабала, колдовать я и сам умею. Но вот если вы позволите снять с вас матрицу, я буду очень благодарен.

- Матрицу?.. – переспросил Конклав. – Для Метаморфоз?..

- Да.

- Ты Не Обретешь Таким Образом Наших Способностей И Талантов, - предупредил Конклав.

- Знаю. Но даже просто физическое подобие станет уникальной формой. Единственной в своем роде.

- То Есть Тебе Просто Нужна Уникальная Форма?.. Что Ж, Это Возможно. Снимай, Мы Позволяем.

Все с интересом смотрели, как Танзен берет новую матрицу, как переходит в форму №101, и как рядом с пиршественным столом появляется второй Конклав. Он подвигал руками, пощелкал челюстями, покружился кольцом костяным торсом – и вернулся в форму №50.

- Это Точно Все, Чего Ты Хочешь? – уточнил Конклав.

- Вполне. Хотя... от формы дракона я бы тоже не отказался, - внимательно посмотрел на Орказарока Танзен.

- Нет, - громыхнул гигантский ящер. – В моем облике ты разгуливать по этому миру не будешь.

- Понял, не настаиваю, - выставил ладони Танзен. – В таком случае у меня все, и я бы хотел поскорее вернуться домой.

- Мы с мэтром Хаштубалом вас подхватим, мэтр Танзен, - пообещал Локателли. – Уверен, что мэтр Сарразен ждет не дождется вашего доклада.

- Вот, кстати, насчет этого... – задумался Танзен.

- О, я думаю, префекта Кустодиана мы можем посвятить в случившееся, - заявил Локателли. – Он никому не расскажет.

- А я так не думаю, - возразил Бельзедор. – Вы принесли клятву, мэтр Локателли. Как и все мы.

- Удивительно, но сейчас я с ним согласна, Зодер, - кивнула Галлерия.

- Ой, да ладно, он все равно уже знает большую часть! – отмахнулся Локателли.

- Ну вот пусть этой большей частью дело и ограничится, - мягко произнес Бельзедор.

- Хорошо, хорошо! – всплеснул руками Локателли. – Мэтр Танзен, вы слышали этих скрытных типов? Мэтр Сарразен останется в неведении.

- А...

- Если будет настаивать – отсылайте ко мне. А лучше я сам с ним побеседую, ладно. Раз уж все здесь такие... такие...

Локателли не сумел подыскать нужного слова и просто сердито махнул рукой. А Конклав обратился к тем, кто все еще ничего не попросил – Фырдузу, Массено и Имрате.

Остались только они. Всем ведь было ясно, что великие волшебники и Бельзедор в этих подарках от Конклава не нуждаются. Любой из них может получить все желаемое безо всяких Криабалов.

Лорд Мерзопак тоже как-то выпал из перечня – да он и стоял подле своего Властелина скромно, незаметно, нисколько не интересуясь такой чепухой.

Орказароку же и так достался целый Криабал. Рваный, самый тонкий и слабый из восьми, но тем не менее. Опять-таки понятно, что великому дракону он нужен чисто как сокровище, а не для применения.

Зато шаг вперед сделал Фырдуз. Вопросительно посмотрел на монаха и титаниду – нет, они не возражали. Кобольд откашлялся и сказал как можно отчетливей:

- Мне ничего такого не надо. Я и тому рад, что все хорошо закончилось. А хобиев из моей страны уже прогнали цверги и вот, лорд Бельзедор и мэтр Хаштубал... спасибо вам огромное.

Бельзедор приветливо улыбнулся Фырдузу, Хаштубал сухо кивнул.

- Но я все-таки хочу кое-что попросить, если можно, - сказал Фырдуз. – Я бы не стал, но раз уж вы всех одариваете, то...

- Говори, - поощрительно произнес Конклав.

- Так, слушайте, погодите-ка, стоп-стоп-стоп! – вдруг спохватился Плацента. – А в Криабале есть заклинание, чтобы перестать быть полугоблином?! Кем-нибудь другим, тля?! Кем угодно – человеком, эльфом, орком... только не цвергом, цвергом не надо. И троллем не хочу, тля. И гномом. А кем-нибудь еще... есть, нет?!

- Нет, - с явным раздражением ответил Конклав. – Бриар Всемогущий Не Увлекался Метаморфозами. Заклинаний Для Превращений В Криабалах Мало, И Они Либо Имеют Временный Эффект, Либо Превратят Тебя В Нечто Совершенно Нечеловеческое.

- Ярыть, тля... – сжал кулак Плацента.

- Плацента, сын мой... – покачал головой Дрекозиус. – Разве ты все еще не понял, какой удивительный подарок получил за время нашего долгого, но захватывающего путешествия? Верных друзей! Тех, кто принимает тебя таким, каков ты есть! Отчего же ты сам не хочешь принять себя таким, каким тебя сотворили боги, и найти в своей душе светлый покой?

- Ты поэтому решил помолодеть, тля?! – окрысился Плацента.

- Продолжай, Кобольд, - обратился к Фырдузу Конклав, игнорируя жреца и полугоблина.

- Я бы хотел попросить, но... у вас этого заклинания нет, - смущенно сказал Фырдуз. – Оно у... у господина Орказарока.

- Что? – резко повернулся скучающий дракон.

- У нас в Кобольдаланде недавно закончилась война! – торопливо стал объяснять Фырдуз. – А до этого мы еще жили в оккупации! У нас там очень голодно сейчас! Можно мне заклинание Пищи?.. Оно в Рваном Криабале...

- Не отдам, - отрубил Орказарок.

Хаштубал с отвращением дернул щекой. Дальний родич по матери вызывал у него жгучую неприязнь.

- Если ты так волнуешься о своих сородичах, вам поможет эльфийское сообщество, - сказала Галлерия. – Я лично обещаю снабжать вас продовольствием, пока вы не встанете на ноги.

Фырдуз опустил глаза. Он не хотел делать кобольдов обязанными еще и эльфам. И так уже задолжали и цвергам, и Мистерии и, что особенно скверно, лорду Бельзедору.

Этак завязнешь в долгах по уши – и, глядишь, одна оккупация просто сменится другой...

Он не отказался, конечно. Глупо отказываться. Но и на Конклав продолжал смотреть с надеждой – а семиглавый лич напряженно размышлял.

- Кажется, Мы Знаем, Какое Заклинание Поможет Твоей Стране Больше, Чем Банальная Пища, - наконец произнес Конклав. – Съедобная Масса. Это Заклятие Превращает Любую Однородную Субстанцию В Другую Однородную Субстанцию – Но Съедобную. Камень, Глину, Песок – В Хлеб, Сыр, Шоколад. Можно В Очень Больших Количествах.

- Это... наверное... звучит здорово... – заколебался Фырдуз. – Но... все эти субстанции ведь не однородные на самом деле... Камень никогда не бывает просто камнем... Это много разных пород...

- Оно Превратится, Как Будет Нужно, - чуть суховато произнес Конклав. – Волшебство Сработает, Не Сомневайся.

- Хорошо, я возьму, но...

- Если Тебе Что-То Не Нравится, Ты Можешь Получить Другое Заклинание, - терпеливо сказал Конклав. – Черный Свет. Во Времена Парифатской Республики Его Использовали Для Заселения Подземных Территорий. Оно Позволяет Растениям Расти В Темноте. Как Если Бы Они Испытывали Воздействие Солнечных Лучей.

- Но это будет очень долго... – виновато ответил Фырдуз. – Мы можем и сами себя прокормить, просто сейчас у Кобольдаланда трудные времена... Нам бы их пережить, а потом мы и без волшебства как-нибудь справимся...

- Ладно! – внезапно рявкнул Орказарок. – Ладно! Я снова одолжу тебе Рваный Криабал, гнусное мелкое создание! Пользуйся им, пока... пока он не перестанет быть нужным! Но потом вернешь!

Драконья лапа разжалась, и прямо в руки Фырдузу упала так хорошо знакомая ему книга. Тот недоверчиво захлопал глазами.

А потом часто-часто закланялся.

- Как Пожелаете, - чуть уязвленно произнес Конклав. – Проси

Теперь Ты, Юная Титанида.

- Мне не нужны никакие подачки, - бросила Имрата. – Особенно от волшебников Парифатской империи. Все, что я хочу – обрести свой жребий. В Криабале есть такие заклинания?

- Таких Нет. Но Ты Же Уже Его Обрела. Разве Ты Еще Не Поняла Этого?

- Ты ничего не знаешь о титановых жребиях, нелепая куча костей, - фыркнула Имрата. – Не говори о том, о чем ничего не знаешь.

- А Ты Ничего Не Знаешь О Вежливости, - холодно сказал Конклав. – Разве Мы Ошиблись Сейчас?

- Да!.. Нет!.. Может быть!.. Я не знаю!.. Я еще не уверена!.. Не окончательно!..

- В Криабале Есть Заклинание Безмятежности. Не Хочешь Себе Такое?

- Нет. А со своим жребием я сама разберусь. Но... одну страницу я все-таки хочу. Титанова Погибель. Отдай мне ее.

- Это Очень Опасное Заклинание.

- Знаю. Оно убило мою мать.

Конклав на секунду задумался, а потом завертелся. Напротив Имраты оказался череп Даскомедаля, Красный Криабал раскрылся – и желаемая страница легла ей в руки.

- Спасибо, - кивнула титанида. – Я заберу его и спрячу там, где оно больше не навредит ни одному титану. Ну разве что...

- Ты не сделаешь этого, - спокойно сказал Бельзедор, на которого она покосилась.

- Не сделаю, - угрюмо согласилась Имрата. – Титаны не убивают титанов.

- Даже не из-за этого, - возразил Бельзедор. – Прислушайся к своему сердцу – и ты осознаешь то, о чем давно уже догадывалась.

- Это что же?

- Я твой брат, Имрата.

- Что-о-о?.. – не поверила ушам титанида.

- Бельзедор, ты опять начинаешь эту волынку? – устало помассировал переносицу Медариэн. – Ты и меня братом называл при первой встрече.

- И меня, кажется... – вспомнил Локателли. – А, хотя нет, меня он называл сыном.

- Он со всеми героями Парифата в родстве, если ему верить, - хмыкнула Галлерия.

- Да у вас просто такие рожи каждый раз... – широко ухмыльнулся Бельзедор. – Этот прием не устаревает.

- Лживый титан, - хмыкнул Локателли. – Единственный в

своем роде.

У Имраты заходили желваки. Она облила Бельзедора презрением, посмотрела на него с невыразимой яростью и скомкала страницу Криабала. Ей нестерпимо хотелось прочесть написанное там заклинание, но... титаны не убивают титанов.

Даже таких.

- Остался Только Ты, - сказал Конклав Массено. – Чего Хочет Монах Солары?

- Я хотел бы вернуть к жизни мать Исатэллу и других моих собратьев по ордену, - сказал Массено. – Но это, полагаю, невозможно даже для Криабала.

- Заклинание Воскрешения Не Подействует На Старый Труп, - подтвердил Конклав. – А Некромантические Методы Тебя Вряд Ли Удовлетворят.

- Вы правы, - согласился Массено. – Но в таком случае мне ничего не нужно.

- Разве Ты Не Хочешь Награду?

- Не хочу.

- Ты Уверен?

Уголки губ Массено раздвинулись. Солнечный монах раскрыл Кставу в случайном месте, коснулся пальцем строк и прочел, обратив лицо к небу:

- *«Золотая Императрица скрывается под Маской, и очень немногие видели Ее без оной. Ее Маска – это образ с иглами как солнечные лучи, и при Ней улыбка, которая солнце. Когда озаряет тебя свет Лучезарной, то ты понимаешь, что все иное – тщета и тлен, и пока при тебе Ее свет, силы в тебе не убудут, а страх исчезнет навсегда».*

- Мы Не Понимаем, - сказал Конклав. – Но Мы Не Настаиваем. Может Быть, Ты Хочешь Чего-То Другого? Волшебник Попросил Уникальную Метаморфическую Форму. Чего Попросит Монах?

- Кое-чего попросит, - сказал Массено. – Я хочу, чтобы Конклав перестал убивать всех, кто увидел Апофеоз.

- Это Невозможно. Мы – Стражи Апофеоза. Всякий, Кто Увидел Его – Умирает.

- Мы его увидели. Мы все. Мы живы – и останемся живы. Верно ведь?

- Верно.

- В таком случае нет нужды применять это правило и дальше. Хранить тайну можно и другими способами.

- Мы Ничего Не Обещаем, - заявил Конклав. – Не Станем Обещать. Не Можем Обещать. Но... Мы Согласны Впредь Вначале Говорить С Теми, Кто Отыщет Путь В Сердце Острова Вечной

Ночи. Удовлетворит Ли Тебя Такое, Монах?

- Удовлетворит, - кивнул Массено.

- В Таком Случае Мы Удовлетворили Всех, Кто Того Желал. Заберите Антикатисто И Покиньте Это Место Навсегда.

Когда утреннее солнце озарило остров сквозь временно поредевшие тучи, у Апофеоза уже никого не осталось.

И только скелет о семи черепах вновь застыл в своем вечном служении.

Эпилог

Мистерия, Чудовская волость.

Был праздник Бонадис, и весь Парифат праздновал Добрый День. Провожал 1517 год, и встречал 1518. Праздновали его и в Мистерии – накрывали столы, пускали фейерверки, угощали колядующих гоблинов. Дети с нетерпением ждали бабушку Юмплу, что в новогоднюю ночь облетает дома с подарками.

И только агенты Кустодиана работают даже в Бонадис.

Танзен разглядывал ауры домов, ища нужный. Тут их теснилось много – коттеджей, вилл и башен. Небольшие земельные участки, приютившие небогатый люд и незначительных волшебников. В Валестре жизнь для них чересчур дорогая, и они перемещаются в сельскую местность.

Обычно агентов Кустодиана сюда не вызывают. Магиозы и опасные твари в таких местах встречаются редко.

Что им тут делать – сажать репу?

Но Танзен по опыту знал, что порой вот такая пасторальная идиллия как раз и скрывает что-то особо страшное, особо жуткое. Самые опасные преступники прячутся именно в милых домиках с петушками на крышах.

Новую оперативную тройку Танзен все еще не возглавил. Минуло две луны после событий на острове Вечной Ночи, завтра уже первый день осени, но его по-прежнему держат в запасе. Внутренняя работа, мелкие поручения. За пределы Мистерии не выезжать.

Всю луну Краба Танзен вообще провел в принудительном отпуске. Ему выписали внушительную премию, вручили наградной медальон «За особые заслуги» и приказали отдыхать.

Ну он и отдыхал, пока отдых из ушей не полез.

В начале луны Горностая его вернули к полевой службе. Но пока что только к такой – в сельской местности, на окраинах острова. Там, где уж точно не обнаружится чакровзрыватель и не вылезет из-под земли Антикатисто.

- Где живет мэтр Аймег Таасдам? – спросил Танзен, останавливаясь у вычурного домика, сделанного словно... а, нет, это действительно шоколад. В глубинке такое не редкость. – Вы такого знаете, господин дворецкий?

Важного вида домовой с бакенбардами перестал поливать петунии. Подойдя к ажурной карамельной изгороди, он с интересом уставился на Танзена и сказал:

- Знаем такого, мэтр. А вы, что же, по какому вопросу? Не тараканов морить, часом?

- Нет.

- Так, погодите, погодите. Вы ассенизатор?

- Нет.

- Целитель?

- Нет. Я...

- Нет, подождите, подождите!.. Вы из Братства Добрых?

- Что?.. – изумился Танзен. – Нет. Я агент Кустодиана.

- А... – как-то разочарованно протянул домовой. – Опять...

- Опять?..

- А вы новенький, что ли?.. Я вас тут раньше не видел. У нас тут мэтресс Анколатти в волостных агентах... ее перевели?.. Жаль, если так, очень милая дама.

- Я инспектор по специальным поручениям.

- А, тогда другое дело! – обрадовался домовой. – По специальным поручениям, надо же!.. Расскажу потом хозяину. Вы, мэтр, вон туда ступайте, где дом из двух половинок. Там настоящее облако висит, мимо не пройдете.

Танзен кивнул и зашагал в указанном направлении. И да, он уже издалека увидел эту ауру.

Действительно, настоящее облако миазмов. Чтобы такое образовалось, колдовать нужно буквально днем и ночью, при этом не подчищая за собой в принципе. Мановые осадки накапливаются, оседают в почве и воздухе, непроизвольно влияют на предметы, существ и духов, порождают стихийных элементалей и мелкую нечисть...

Неудивительно, что волостной агент Кустодиана ходит сюда, как на работу.

И дом действительно был разделен надвое. Слева – аккуратные обводы фундаментального голема, справа – поросшее бурной растительностью здание-гомункул. Посередине они соединялись тонким шрамом, четко выделяющейся цементной стяжкой.

- Мэтр Аймег Таасдам?.. – окликнул Танзен, подходя к гомункулярию.

Из-за двери высунулась голова – ровно кукушка из часов. Глубокий старик – седобородый, с волосатыми ушами, в махровом халате и почему-то в кокониевой шапочке. Танзен невольно дернулся, но потом понял, что это только покрытие – тончайшее, толком ни на что не влияющее.

- Мэтр Танзен, это вы?.. – прищурился Таасдам. – Заходите.

Внутри оказалось... не прибрано. Типичное жилище старого одинокого волшебника – повсюду хлам, громоздятся книги,

артефакты и разные причудливые вещицы. В общем-то, их было так много, что свободного места почти и не оставалось. Между ветхой мебелью и грудами барахла тянулись тропинки – одна на кухню, другая в спальню, третья в уборную.

Миазмы внутри были еще сильнее. И не только магические, но и самые приземленные – запахи пыли, тряпья, немытого тела, мочи животных... последняя вообще забивала почти все, резко шибала в нос.

Видно было, что Таасдам – адепт Монстрамина. Среди обычных для любого чародея вещей попадалось чисто биомагическое оборудование – скальпели, шприцы, банки с эмбрионами и всякой жижей. Друг на друге стояли клетки с разными тварями. Выглядели они сытыми, но грязными, неухоженными.

Шаркая тапками, Таасдам провел Танзена на кухню, согнал со стола толстого мохнатого гомункула и заботливо спросил:

- Чай пьете?

- Спасибо, воздержусь, - с подозрением посмотрел на грязную посуду Танзен.

- Нет-нет-нет, не смейте отказываться. Вы наверняка устали, в горле пересохло, сейчас я вам налью. Попейте чайку со стариком. Я вот вам специально даже чашку вымою.

И он налил Танзену мутной бурды с кусочком сала и картофельными очистками.

- Превосходный орочий чай, - сказал Таасдам, обнажая кривые желтые клыки. – Я его из Хордарии выписываю. Пейте, мэтр.

В форме №7 этот чай Танзену бы даже понравился, но в форме №50 он такого не пил. Поэтому просто поставил чашку рядом, демонстративно достал блокнотик и предложил изложить суть вызова.

- А вы что же чай-то не пьете, мэтр? – почти сунул нос в его чашку Таасдам. – Таракан упал, что ли? Так вы скажите, я его уберу.

- Все в порядке. У меня просто синдром кошачьего языка – не могу пить кипяток.

- Кошачьего языка, м-дэ?.. У меня тут тоже, знаете, за стенкой один кошак живет – и язык у него такой, что хоть оторви и выбрось!.. – шарахнул кулаком в стену старый орк. – Проклинает меня днями и ночами, падаль такая!..

- Зачем? – спокойно спросил Танзен.

- Хочет, чтоб я сдох поскорее!

- Зачем?

- Чтоб квартирку захапать! Он этого давно хочет!

- Вы его родственник?

- Упаси Кто-То-Там!

- А как же он вашу квартиру получит?

- Да уж получит!

Оказалось, что Аймег Таасдам и его сосед, Уррвау Меорр, старые друзья еще со времен учебы. Окончили, правда, разные институты – один Монстрамин, а другой Ферраменг, - но большую часть жизни были не разлей вода. И под старость, когда оба овдовели, то решили стать соседями и купили в складчину это самое поместье. И подписали договор, что после смерти одного из них второй станет его наследником.

- Странный какой-то договор, - сказал Танзен. – Так и провоцирует стать магиозом.

- Так он и есть магиоз! – стукнул кулаком по столу Таасдам. – Он им всегда был! Пейте чай, мэтр! Он уже остыл!

- Еще нет, - прикрыл чашку ладонью Танзен. – Вот что, мэтр, я сейчас схожу и побеседую с вашим соседом. А вы никуда не уходите. И шапочку не снимайте.

- Ни за что, - заверил его старик, натягивая кориниевый колпак на самые уши.

Уррвау Меорр уже знал, что к соседу пришел агент Кустодиана. Едва Танзен занес кулак, чтобы постучать, дверь открылась сама. Хрупкий фарфоровый голем поклонился и провел его в большую просторную гостиную. На стене висело огромное дальнозеркало, а в мягком кресле восседал угольный фелин с бельмом на правом глазу.

Здесь атмосфера стояла менее душная. И почище, и попросторнее. Собственно, чистота была какая-то даже нездоровая – стерильность операционной, ни единой пылинки нигде. Все вещи в идеальном порядке и накрыты кружевными салфетками.

Один голем попытался снять с Танзена плащ, другой поднес ему блюдо с оладушками, третий всучил тапочки. Похожие на безликих кукол, они двигались так бесшумно, что это слегка пугало.

- Ваше решение, мэтр? – с легким фелинским акцентом спросил хозяин дома.

- Какое именно решение? – уточнил Танзен.

- Соседа моего – куда?.. В Карцерику или Госпитиум?

Вопрос Танзена не слишком удивил. В Карцерику отправляют магиозов, а Госпитиум – это крупнейшая в Мистерии лечебница для умалишенных. Среди волшебников они встречаются куда чаще, чем среди обычных людей.

- Пока что никуда, - ответил Танзен. – Меня ведь вызвал

именно он – и он предъявляет вам серьезные обвинения, мэтр Меорр. Утверждает, что вы его проклинаете. И я честно скажу, что он не произвел на меня впечатление того, кому можно поверить в таких вещах, но я обязан у вас спросить: он говорит правду?

- Да, - спокойно ответил Меорр. – Я его проклинаю. Каждый день.

А вот это оказалось для Танзена неожиданным. Он чуть приподнял брови и спросил:

- Могу я узнать, зачем?

- А что мне прикажете делать? – всплеснул руками старый фелин. – Я защищаюсь! Он же мне каждую ночь на коврик гадит! Намекает на что-то... обидно, знаете ли.

Танзен еще раз осмотрел помещение. Эту идеальную чистоту и порядок, часто характерную для фелинов преклонного возраста. Пригляделся к стене, разделяющей половины совместного дома.

Да, следы есть. Остаточные чары, осевшие в цементе флюиды, характерные для продолжительных множественных проклятий. С другой стороны их видно не было, совершенно терялись на общем фоне.

А вот здесь...

- Изложите вашу версию событий, - попросил Танзен, машинально съедая оладушек.

Уррвау Меорр подтвердил, что раньше они с мэтром Таасдамом были лучшими друзьями. Поэтому и поместье купили на паях. И дом построили один на двоих – решили, что по соседству веселее будет. И поначалу все так и было – в манору вечерами играли, шашлыки на костре жарили, трубки курили под звездным небом. Когда к Таасдаму приезжала дочь с детьми, то маленькие орчата вовсю лопали малину Меорра. Когда к Меорру приезжал сын с детьми, то маленькие фелинчики играли с ручными гомункулами.

Но потом началось. Сначала с мелочей, пустяков. У Меорра сильно разрослась малина – и он чуть-чуть сдвинул изгородь. Буквально на пол-локтя – изогнул пространство и увеличил свой надел за счет соседа. У того там все равно был только пустырь.

Но Таасдам заметил. Ничего не сказал, но обиделся.

А потом уже сам Таасдам напортачил с туалетом. Он у него был во дворе – монстрамический, с Живой Плотью на дне. Но яму он с самого начала выкопал мелковатую, и со временем Плоть слишком разрослась, стала протекать сквозь почву.

А туалет был недалеко от изгороди.

- Вы когда-нибудь видели Живую Плоть, которую годами взращивали на фекалиях? – спросил Меорр. – Знаете, каково, когда она просачивается у вас под ногами?

- Даже не берусь представить, - посочувствовал Танзен. – Что было дальше?

Дальше Меорр отделил заборчиком их общий спуск к реке. Потому что он единственный косил там траву, а Таасдам в жизни косы в руки не брал.

Так что спуск по справедливости был только его.

Потом Таасдам развел каких-то гомункулов-тараканов. На своей половине, конечно. Но тараканам же не объяснишь. Они получились умнее обычных, но все равно тараканы. И они стали распространяться и к Меорру. А тот принял их за самых обычных тараканов и стал травить.

И вот тут-то Таасдам и взвился!..

Ну и вот так, слово за слово, год за годом, они из лучших друзей превратились в заклятых врагов. Теперь Тассдам гадит Меорру под дверь, а Меорр проклинает Таасдама сквозь стену.

Дослушав, Танзен вздохнул. Изумительное дело. Всего две луны назад он спасал мир, а теперь мирит вздорных стариков.

- Не возражаете, если я приглашу сюда вашего соседа? – устало спросил он.

- Только пусть ноги вытрет, - потребовал Меорр.

Идти далеко не потребовалось. Открыв дверь, Танзен встретился взглядом с Таасдамом. Тот как раз перелезал изгородь, держа под мышкой газету.

- А, вы еще не закончили, - с разочарованием произнес старый орк. – Я попозже зайду.

- Ах ты, гнусное гобло!.. – ахнул Меорр. – Да потрескается твой череп, да высохнут твои глазные яблоки, да сгниют...

- Прекратить! – резко сжал кулак Танзен. – Еще одно заклятие, и вы прямиком поедете в Карцерику, мэтр Меорр! А вы, мэтр Таасдам, пойдемте с нами!

Впервые за почти два года эти соседи оказались в одной комнате. Таасдам уплетал оладью с какао и крайне подозрительно следил за Меорром, который с отвращением глядел на его грязные ступни. Обувь старый орк носил только дома.

Битый час Танзен расхаживал по комнате, читая бывшим друзьям нотацию, убеждая не создавать проблемы себе и окружающим. По косточкам разбирал все их ссоры, все конфликты – и тыкал ими в лицо, показывая, что те не стоят не то что вражды, а даже мелкого недовольства.

За окнами успело стемнеть, над крышами заплескались фейерверки, а в светящемся дальнозеркале появился председатель Локателли. Пришло время его ежегодного обращения к мировому волшебному сообществу.

- Это был нелегкий год для нас всех, дорогие мои коллеги, - вещал старец в каменном кресле. – Многое случилось, многое произошло. Многие трагически погибли. Но мы все выдержали, все перенесли. И если снова что-то случится – мы и это выдержим. Потому что мы – Мистерия. Мы – волшебники. Наша профессия – творить чудеса. И если уж с какой-то проблемой не можем справиться мы – кому еще с ней справляться? Кроме нас некому. Вот и мэтр Хаштубал подтвердит.

Стоящий рядом Хаштубал что-то невнятно проворчал. Изображение в дальнозеркале отдалилось, и за плечами Локателли стали видны другие волшебники и волшебницы.

Тридцать ректоров и шесть президентов. Весь ученый совет Мистерии.

- Дорогие мои коллеги, - лучезарно улыбнулся Локателли, поднимая бокал с чем-то искрящимся. – Я предлагаю всем нам сегодня выпить за то, чтобы любые проблемы, какими бы они ни были, мы решали вместе, плечом к плечу! Как вот мы все здесь делаем это уже много лет. Выпьем за Мистерию, выпьем за вечное волшебное единство – и да хранит нас всех Кто-То-Там! С Добрым Днем, дорогие коллеги, с Новым годом!

Ученый совет принялся чокаться бокалами, а изображение в дальнозеркале сменилось красочным многоцветьем. Небо над Валестрой сейчас бушевало огнями – да и по всей Мистерии волшебники запускали фейерверки и иллюзии.

- С Добрым Днем, - вздохнул Меорр, наливая Танзену и Таасдаму вина из старой бутыли.

- С Новым годом, - вздохнул и Таасдам, комкая на груди кориниевую шапочку.

Танзен выпил. Вино оказалось фелинское, мятное. Не наколдованное, к счастью. Танзен терпеть не мог материализованный алкоголь – вкусом-то он не отличается, и ужраться с него можно без труда, но маны там нет ни капли.

А какой смысл бухать, если ты при этом не восполняешь ману?

- Больше прошу неприятностей не создавать, - попросил Танзен, покидая дом. – Мне правда не хочется в следующий раз заковывать вас обоих в кориний.

Таасдам и Меорр кивнули, провожая его к калитке. Друг на друга соседи не смотрели, но хоть не швырялись больше проклятиями.

Танзен уже собирался принять форму №6 (орел) и полететь домой. До конца Доброго Дня еще несколько часов – он еще успеет проводить старый год. С матерью, Укети и Мипшатой, своим маленьким сыном и големической башней.

Но в последний момент Танзен задержался у птичника мэтра Меорра. Там сидели на насестах полтора десятка кур и расхаживал огромный важный петух... удивительно красивая птица. Белый, как снег, с алой бородкой и гребешком...

- Что-то не так, мэтр? – окликнул его Меорр. – Вы что-то ищете?

- Да, - задумчиво кивнул Танзен. – Форму №102.

Грузэния, монастырь Солнца.

- Восславим Солнце, брат Массено.

- Восславим Солнце, братья.

Массено поднялся с колен, ибо закончил молитву. Терпеливо ждавшие этого старцы чуть заметно ерзали – в их годы уже тяжело сидеть на каменных ступенях.

Почти три луны Массено провел здесь, в монастыре, в уединенной келье. Три луны он исполнял наложенную советом приоров епитимью. Три луны старался смыть с себя страшный грех, что совершил на острове Вечной Ночи.

Он спасал жизнь тому, кто не заслуживал смерти. Не поддайся он ярости, не преврати Солнечное Зрение в убийственный пламень, не сожги того рыцаря антимагии – мэтр Танзен бы погиб. И неизвестно, не оказалось ли бы это песчинкой, что утопила перегруженный корабль.

Но смерть остается смертью, убийство – убийством. Свет Солары запрещено использовать против созданий из обычной плоти, как бы греховны те ни были. Сделав это, Массено первым же делом вернулся в монастырь Солнца, где с тех пор и пребывал.

Он не переставал каяться. Молил Лучезарную простить ему сей грех. Она не лишила его зрения, так что чаша ее гнева не переполнилась – но это не уменьшает вины Массено.

А сегодня, в канун Доброго Дня, он предстал перед советом приоров. Шесть древних, как сама гора монахов сидели полукругом, обратив к Массено слепые лица. Под шестью точками зрения находился он сейчас, и сам смотрел на залу из седьмой.

Над головой светило солнце. Массено не мог его увидеть, но палило так, что он чувствовал лучи кожей. Приоры судили грешника в сакральном месте – высшей точке монастыря.

В час полуденный, в час священный они наконец готовы были вынести вердикт.

- Ты исполнил епитимью, брат Массено, - скрипучим голосом произнес Эвлако, старейший из приоров. – Но твой грех не смыт. Он никогда не будет смыт. Он останется с тобой навечно, и ты всегда должен помнить, что однажды нарушил запрет, пусть и из

благих побуждений.

- Я знаю, ваше преподобие, - чуть наклонил голову Массено.

- Это не единственный грех, за который мы тебя осуждаем, - добавила Алия, приоресса лишь чуть младше Эвлако. – Мы слышали, что тебе присуща скверная привычка искать ответы в гадании по Кставе. Известно ли тебе, что церковь не одобряет сей сущеглупости?

- Известно. Но запрета на это нет, если гадание не принимается всерьез.

- Оно не принимается тобой всерьез?

- Нет, ваше преподобие.

- Повтори. Оно не принимается тобой всерьез?

- Нет, ваше преподобие.

- Тогда почему тебе не сделать этого сейчас? Погадай здесь, перед нами.

Массено на секунду запнулся. Но голос приорессы был доброжелателен, и остальные приоры тоже казались не предвзяты, поэтому он осторожно раскрыл Ктаву, ткнул пальцем и прочел:

«У всякого бога или богини есть вахана, сиречь ездовой зверь либо иное средство передвижения, на коем божество пребывает в славе, когда шествует величественно. Известно, что вахана Космодана – запряженная белыми конями колесница, Марекса – дельфин, а Савроморта – огромная неясыть...»

- Это наводит тебя на какие-то мысли, брат Массено? – спросила Алия.

- Нет, - покачал головой монах. – Это просто случайные строки из третьей главы Преданий Мертвых.

- В таком случае выслушай наш приговор тебе, - снова заговорил Эвлако. – По окончании прежней епитимьи ты получаешь новую. Мы налагаем на тебя ношу, которая никогда не будет снята. Мы лишаем тебя монашеской рясы и разрешаем от великой схимы. Ты больше не монах ордена Солнца и никогда не станешь им снова.

Массено покорно склонил голову и преклонил колена.

- Восстань же теперь, архимандрит ордена Солнца, - провозгласил приор. – Служи этому миру, пока не призовет тебя пред свои очи Лучезарная.

- Восславим солнце, братья.

- Восславим солнце, отец Массено.

Когда приоры разошлись, новый архимандрит взошел на балкон без перил, где так часто сиживала мать Исатэлла, а до нее – отец Риссадель. Он опустился в плетеное кресло и поднял точку зрения в заоблачную высь.

Весь Парифат теперь лежал перед ним.

Граница Яминиц, Браата и Усэта, Драконов грот.

Орказарок медленно поднял веки. Его разбудил скребущий звук. Словно… как будто мыши пытаются пробраться в пещеру.

Опять охотники за сокровищами. Будь они прокляты. Пока Орказарок носился за Рваным Криабалом, у него и так украли золота столько, что топорщилась от гнева чешуя. Кое-что он потом отыскал, вернул… о, старый дракон найдет по запаху каждую монету, отыщет пропажу на другом конце Парифата… но с потерей большей части пришлось смириться. Слишком широко успели растащить.

Но уцелело вполне достаточно. Орказарок не бросил сокровищницу совсем без охраны – оставил чары, мороки, да и сам то и дело возвращался, присматривал. Пару раз заставал поганых воров врасплох – и без жалости сожрал всех.

И ему даже казалось, что они угомонились. Начинают наконец-то заканчиваться. Везло ведь все-таки немногим – а смертные хоть и любят золото, но уж не сильнее, чем дышать.

Однако ж нет. Не закончились. Опять кто-то скребется.

Откуда? От того заваленного прохода? Или от того, который Орказарок заплавил, похоронив в нем три десятка ландскнехтов?

Или… может, сверху, из колодца в небеса?..

Нет. Оттуда. От мифриловой двери, которая появилась тут пару лун назад.

Опять он. Как же надоело.

- Что тебе на этот раз?! – рявкнул Орказарок, поднимая голову.

- Ни… ничего!.. – раздался испуганный писк. – Прости, что тревожу, о величайший из драконов!

Орказарок зло посмотрел на жмущегося к полу кобольда. Фырдуз Ерке, конечно. Все тот же Фырдуз Ерке. Раньше Орказарок в принципе не различал кобольдов, они казались ему на одно лицо… но этого он теперь узнавал.

Поневоле уж запомнил.

Орказароку нестерпимо хотелось сжечь Фырдуза. Или сожрать. Никто ведь даже и не заметит – мало разве кобольдов копошится в этих бесконечных туннелях? Миллионы. Ладно бы этот был их королем или хоть каким-нибудь богатым купцом – но ведь нет, он простой мыловар. Ничтожнейший из ничтожных.

- Тебе опять нужен Рваный Криабал? – процедил Орказарок. – Зачем на этот раз?

После того, как Орказарок одолжил кобольду свой Криабал… во второй раз… тот честно его возвратил. Позже, чем Орказароку

хотелось – он уже начинал подумывать снова за ним отправиться, и на этот раз уж точно убить наглую букашку, что не держит слова... но тут кобольд как раз и явился, отдал книгу и быстро-быстро убежал.

А через десять дней вернулся, чтобы снова взять его взаймы.

Какая-то у них там возникла новая проблема. В этой убогой куче мусора, что зовется Кобольдаландом. Орказарок не спрашивал, какая именно. Не желал даже знать.

Но Криабал одолжил.

Сам не понял, почему.

Кобольд вернул его через половину луны. А еще через половину – попросил снова.

И Орказарок снова одолжил.

Снова не поняв, почему.

- Я больше не дам тебе Криабал! – прорычал дракон, кладя голову на золотую гору и смежая веки. – Убирайся, гаденыш! Довольно ты попортил мне крови!

- Но... я больше не собираюсь просить у тебя Криабал! – торопливо сказал Фырдуз. – Меня прислал к тебе совет старейшин Кобольдаланда! Там, за дверью, еще и другие представители... они боятся зайти!..

- Боятся? – хмыкнул дракон, не открывая глаз. – Правильно делают. Раз ты теперь не один – вы собираетесь просить что-то еще большее, чем Криабал. Вам нужны мои сокровища? Ваша страна разорена, и вы хотите поправить дела за мой счет?

- Нет, о величайший, что ты, что ты!.. – замахал руками Фырдуз. – Мы... дело в том... как бы это сказать...

- Да уж скажи как-нибудь, - раздраженно произнес Орказарок.

- Понимаешь, величайший, Кобольдаланд теперь снова свободен, но ты прав, мы разорены... Всю контрибуцию с Подгорного Ханства забрала себе Яминия, а нам... ну... спасибо и на том, что освободили. Голод у нас закончился – спасибо владычице Галлерии и тебе, что одолжил Рваный Криабал... а потом еще раз, когда у нас вспыхнула холера... спасибо тебе огромное!

- Я не нуждаюсь в твоей благодарности, - огрызнулся Орказарок. – Я одалживал тебе Криабал четырежды – в пятый раз не дам.

- Я больше и не прошу! – снова воскликнул Фырдуз. – Просто... хобии убили всю королевскую семью, и у нас теперь как-то все неладно, и города между собой ссорятся, и из Цермостралии еще набеги начались, хотя они вообще Верхние, и не знаю, что у нас забыли...

- Короче!

- Ты же упоминал, что раньше правил всеми подземными народами Джарии?.. – с надеждой спросил Фырдуз. – Совет старейшин целую луну рылся в древних архивах, и мы все прочитали про Подгорное царство, и про его царя-дракона...

- Да, это был я, - неохотно признал Орказарок.

- И вот мы все просим тебя принять корону Кобольдаланда! – поспешно закончил Фырдуз.

Орказарок сначала решил, что ослышался. Кобольды просят его принять корону?.. Его?.. Того, кто на своем веку этих кобольдов сожрал столько, что и не упомнить?..

Конечно, это было не в ту эпоху, когда он правил Подгорным царством. Своих подданных Орказарок не ел. Целых пятьсот лет питался только скотиной и солдатами вражеских армий... а, и еще государственными преступниками. В его царствование других видов казни не существовало.

- Вы там хорошо все обдумали? – уточнил он. – Я с вами цацкаться не стану.

- Я знаю, о величайший! – часто закивал Фырдуз. – Я вообще был против!

- Ты был против?.. – недобро прищурился Орказарок. – Тебя, значит, что-то не устраивало, двуногая тля? Хорошо. Тогда я... м-м-м... я принимаю ваше предложение. Я буду вашим царем. Пока мне снова не надоест.

Фырдуз опасливо поклонился, а дракон стал медленно подниматься на все четыре лапы. Громадный хвост с шумом разметал монеты, а по шкуре осыпался настоящий золотой дождь. Даже частично разворованная сокровищница Орказарока оставалась несметной.

Приди к нему кобольды с таким предложением год назад, древний дракон не согласился бы. Даже, возможно, сожрал бы за то, что разбудили. Но сейчас... сейчас ему не хотелось спать. Он провел в этой пещере почти четыре тысячи лет, лишь изредка вылетая поохотиться.

Пожалуй, достаточно. Тем более, что охотники за сокровищами в покое его больше не оставят, и переезжать рано или поздно придется. Да и события последних лун согнали с Орказарока сон, снова сделали бодрым и деятельным.

- Где моя корона?! – прорычал Орказарок, нависнув над Фырдузом. – Надеюсь, вы ее уже приготовили?!

- Сейчас, о величайший! – крикнул кобольд, бросаясь обратно к двери.

В проход уже просовывались головы. Полтора десятка других кобольдов – в основном пожилых, родовитых. Старейшины и бургомистры, лучшие индивиды Кобольдаланда.

На черного дракона они взирали с жутким страхом – но и с надеждой.

За ними в пещеру вошел грузовой конструкт. Он вез корону – такую же гигантскую, как и новый король. Отлитая из чистого мифрила, она не была украшена ни единым самоцветом. Даже самые большие камни на ней смотрелись бы крохотными, а чего-то вроде огромного алмаза «Кохмен» в разоренном Кобольдаланде не нашлось.

Конструкт сопровождали два цверга. Коренастые бородачи таращились на груды золота с таким вожделением, что Орказарок гневно прищурился.

Он всегда недолюбливал цвергов.

Еще один цверг оставался за дверью. Воевода Брастомгруд. Пока старейшины и бургомистры пели осанну его драконьему величеству Орказароку, Фырдуз выскользнул к нему и утер со лба пот.

- Согласился, - выдохнул он. – Я думал, на этот раз он меня точно сожрет.

- Ты уверен, что нормально все будет? – спросил воевода. – Ох и не завидую я теперь вашему Кобольдаланду... С таким-то королем...

- Да справимся как-нибудь... – с сомнением протянул Фырдуз.

- Ну по крайней мере больше хобии к вам не сунутся, - согласился Брастомгруд. – И казна пустовать не будет. Хорошо заживете!

- Хорошо заживем, - согласился Фырдуз.

- Эй, кобольд! – раздался рев из пещеры.

Орказарок не уточнил, к какому кобольду обращается, но Фырдуз даже на миг не усомнился – зовут его. Спотыкаясь на золотых холмах, он торопливо подбежал к дракону – и поймал брошенную книгу. Та толкнула в грудь так, что Фырдуз задохнулся.

- Держи, - рыкнул Орказарок. – Моим первым королевским указом я назначаю тебя хранителем Рваного Криабала.

- Меня?.. но... может, не надо?! – взмолился Фырдуз. – Я и в руки-то его больше брать не хочу!

- Я знаю, - осклабился Орказарок. – Но именно поэтому им будешь ты. С сегодняшнего дня – и до конца жизни.

Эрдезия, город Пайнк.

За окном шумела рыночная площадь. Славный город Пайнк прощался с жарким летом и встречал урожайную осень. Отмечал Бонадис, Добрый День, что знаменует границу между годами.

Народу отовсюду привалило – и не передать! На ярмарке

собрался люд со всей округи. Чуть не вся северная Эрдезия явилась – от горцев Вачуги до рыбарей с берегов Дармажского моря. Гости из Арбии прибыли – пригнали на продажу оленей, принесли тюленьи шкуры и всякие свои поделки из янтаря. Даже гоблины и тролли видны в толпе – тоже на праздник пришли.

В центре площади выступали бродячие кукольники. Старик, мальчишка и девушка… ох, какая девушка!.. Как она орудовала своей тростевой куклой!.. Та словно и впрямь жила сама по себе, словно и впрямь разговаривала… и даже переругивалась с чревовещательницей!

- Ах, святой отец, вы уверены, что исповедь должна происходить именно так? – лепетала кукольница, откидываясь назад. – Отчего мы вместе лежим в ванне?

- Все правильно, дочь моя, - важным, жирным голосом отвечала кукла, изображающая нелепого толстяка в сутане. – Разве не слышала ты такое выражение «смывать грехи»?

- Так вот как это делается?! – ахала кукольница в изумлении.

- Именно так, дочь моя, именно так! – отвечала кукла, хватаясь за выпуклости под красно-желтым трико.

Зрители взорвались хохотом. Смотрящий на представление Дрекозиус осуждающе цокнул языком, но тоже невольно усмехнулся.

Как вылитый, надо же. И да, он в самом деле однажды исповедовал так одну грешную прихожанку… интересно, от нее ли кукольники о том узнали или другой кто проболтался? Вроде больше некому, а уж сам-то Дрекозиус держал уста на замке, это он знал точно.

Надо будет подробно прихожанку о том расспросить… на следующей исповеди.

Ничего не поделаешь, теперь уличные фигляры будут потешаться над ним. После того, как скончался отец Суйм, и видам Дрекозиус с одобрения иерофанта стал новым епископом Пайнка, про него быстро стали сочинять скабрезные пьески. Он не пытался сие прекратить – любые запреты только подольют масла в огонь. Лишь качал укоризненно головой, но втайне смотрел и сам, спрятавшись на балконе за шторкой.

Не прятаться нельзя – если увидят, то уже не будут так смелы.

К тому же куда больше сейчас Дрекозиуса интересовало не представление, не ярмарка, а запаздывающий обед. Волосы трепал приятный ветерок короткого северного лета, а сутану молодой епископ расстегнул, почти обнажив свое внушительное чрево. Покрыв грудь салфеткой, он с удовольствием рассматривал выстроившееся на столе изобилие.

И чего-то тут только не было!.. Словно солдаты перед воеводой, выстроились перед епископом бутылки – три сорта гарийского вина, чудесный сладкий гипокрас, два вида вкуснейшего залвенского меда, превосходный териак и даже склянка контрабандного эльфийского чая. Вокруг напитков теснилась разная рыба – сельдь в горчичном соусе, кильки под густым соусом, сочный свежий лосось, жареный карп в сметане и превосходная паюсная икра.

Дрекозиус глядел на это и почти что облизывался. Его глаза подернуло поволокой, нутро трепетало от предвкушения.

- Ну можно ли так долго! – взмолился он, не в силах больше ждать. – Скорее, Иля!..

- Иду-иду, любимый!.. – донесся нежный голосок, и в дверях показалась супруга с кипой спелых блинов.

Дрекозиус расплылся в умилении, не зная сам, что вызывает у него более сильное чувство – блины или жена. Ильянна Лутцеял, аппетитная купеческая вдовушка, а ныне епископша, души не чаяла в своем благоверном, и задорно взвизгнула, когда тот ее облапил. Была она точь-в-точь того типа, что Дрекозиус почитал самым образцовым – пышнотела и круглобока, обильна телом сзади и спереди, щедра муженьку на ласку... да и стряпать такая уж мастерица, что не возжелай большего, человече!

Но и блины были не хуже! Поджаристые, ноздреватые, пухлые... а запах!.. о, этот запах!.. воистину не знает наслаждения тот, кто не ощущал аромат свежеиспеченного блина!..

Рискуя обжечься, Дрекозиус схватил сразу два, шлепнул их на тарелку и довольно потер руки. Сверху полилось горячее масло. Плюхнулся шмат сметаны. Нарочито медля, растягивая удовольствие, Дрекозиус вымазал свободные от сметаны места икрой... но и этого показалось ему недостаточно. Он положил сверху самый жирный кусок лосося и пару милых килечек, свернул оба блина в трубку, опрокинул в рот рюмку гипокраса... и застонал от удовольствия.

- Тебе жертвую, о Самый Толстый! – провозгласил Дрекозиус, откусывая от блина.

Ильянна с умилением смотрела на мужа. Какой же он у нее все-таки набожный, какой благочестивый!.. Образцовый божий служитель! Лучший епископ Пайнка за всю его историю!

Никакого сравнения с тем черствым стариком, что заправлял тут всем раньше. Тот только и смотрел, как бы кому еще что-нибудь запретить.

Доев четвертый блин, Дрекозиус масляно заулыбался. Должность епископа в тихом провинциальном городе оказалась верхом его мечтаний. Он совершенно точно не собирался больше

отправляться в какие-то путешествия и влезать в какие-то интриги. Нет уж, довольно с него.

Тем более, что теперь он обязан беречь себя. Его персона слишком важна для этого мира. Имеет почти сакральное значение. Он – подумать только! – подлинный и достоверный потомок Колдующих Императоров, а также консультант сильных мира сего по вопросам, связанным с Криабалом. К этому еще только предстоит привыкнуть.

Подумав об этом, Дрекозиус положил на блины еще килечку.

Хотя снится ему теперь только злополучный Рваный Криабал, который уже несколько раз переходил от дракона к кобольду и обратно... боги, как же Дрекозиуса утомил этот однообразный сон...

Но о каждом из них он обязан докладывать мэтру Локателли. Тот ничего за это не платит, но для председателя ученого совета Мистерии Дрекозиус готов оказывать и не такие услуги. Денно и нощно, исключительно ради блага мироздания и всех добрых севигистов, созданных богами.

Ильянна, ушедшая за сковородкой с картофельным рёшти, вернулась без сковородки, но донельзя напуганная и сопровождаемая двумя эльфами. Чопорные, подтянутые, они нависли над столом, и один осведомился:

- Епископ Дрекозиус?

- Совершенно верно, сын мой, – утер губы салфеткой жрец. – С кем имею честь общаться?

- Это Альвантос Ниа, я Огдед Мальвариарс. Мы уполномоченные эмиссары Эльфийского Содружества.

- Мир вам обоим, - поклонился Дрекозиус. – Буду несказанно счастлив, если вы разделите со мной скромное угощение.

Эльфы переглянулись, с легким отвращением посмотрели на рыбу, но вполне благосклонно – на блины. Ильянна уже поднесла обоим по стулу, и они уселись одновременно, как по команде.

- Ваше преосвященство, - произнес один эльф, пока другой извлекал из кармана сафьяновую коробочку. – От лица Галлерии Лискардерасс, верховной владычицы эльфов, главы Эльфийского Содружества, императрицы Тирнаглиаля, королевы Альварии, Ароса, Гармальина, Джахара и Дымчатых островов, протектора Белого Альянса и почетной предводительницы Оккузана, я уполномочен вручить вам высшую награду Эльфийского Содружества для лиц иностранного подданства – орден Желтой Розы с цепью и лентами.

Вошедшая как раз в эту секунду на балкон Ильянна ахнула и выронила сковородку. Горячее рёшти упало на пол, и Дрекозиус бросил на жену сердитый взгляд.

Но это все-таки не сумело испортить счастливый момент.

Волюпия, Ститаун.

Плацента ни на миг не пожалел, что перебрался в эту страну. Волюпия, мировое средоточие борделей! Царство продажных девок! Столица извращений! Публичных домов здесь больше, чем в Астучии храмов – и толку от них тоже гораздо больше, Плацента готов был присягнуть на Криабале!

Здесь есть ночные феи на любой вкус. Всех возможных типов и народов. Люди светлые, люди темные, люди степные, люди ледяные, люди огненные и даже люди синие. Эльфы светлые, эльфы темные, эльфы высшие, эльфы лесные и даже эльфы тигровые. А еще орчанки, гоблинши, троллихи, огрихи, великанши, циклопихи, симки, фелинки, крысолюдки, ботвинницы, минотаврихи, сатирки, гарпии, кобринки, акрилианки, апиниды, тритониды, болотницы, гартазианки, териантропки, слекатеры... уф-ф, и это еще далеко не все, а только те, кого Плацента успел опробовать!..

Деньги – это все. Деньги открывают врата наслаждений. И теперь, когда денег у Плаценты стало невероятно много, он бросил благородное ремесло карманника и погрузился в чистый гедонизм. Всегда тянущийся всей душой к прекрасному, он получил бесконечное количество прекрасного в Волюпии, стране шлюх. Из всех богов здесь почитается только Лилейна, Хрустальная Блудница.

И Плацента был здесь счастлив, как цверг на прииске.

Как же так вышло, что теперь он стоит на эшафоте? Почему у него петля на шее? Что здесь делает этот мужик в красном колпаке?

Это ведь палач, Плаценте не мерещится?..

Ведь он же машинально. Он просто машинально. Ему давно уж незачем лазить по карманам. У него в своих карманах денег больше, чем у любого чечпока.

Он и не лазил. За последние две луны Плацента ни разу ничего не украл. Вообще ни единого раза. Настоящий рекорд в его долгой, плодотворной жизни.

И оказалось, что для карманника такая долгая пауза вредна. Слишком тонкий навык, слишком филигранное искусство. За две луны Плацента, конечно, не разучился – но его движения стали чуть грубее. Самую чуточку, едва заметно, почти и не различишь – но все же грубее.

Разница стала очевидна, когда его схватили за руку.

Случайность. Абсолютная случайность. Он просто вышел из очередного борделя, пьяный, расслабленный и всем довольный...

и взгляд сам упал на какого-то разодетого чечпока. Он тоже был пьян, расслаблен и всем доволен... так показалось Плаценте.

И он машинально украл у чечпока кошелек. Рука просто сама потянулась. По абсолютной случайности.

Кто же мог знать, что пьяный раззява не был пьян? Кто же мог знать, что это какой-то там троюродный кузен королевы Волюпии, ярыть его граф и глава особого розыска?! Кто же мог знать, что в борделе он не шлюх трахал (хотя это тоже), а вел особое королевское расследование?!

И он схватил Плаценту за руку.

Суд был быстрым, жестким и решительным. Человека, возможно, помиловали бы на первый раз или приговорили к отсечению руки. Но к полугоблинам везде предвзятое отношение. Плаценту судили так, словно он в этой Волюпии обокрал каждого второго!

Он пытался защищаться. Оправдываться. Он объяснял судьям, что они глиномесы и он их всех в рот имел. Но это не помогло. Его приговорили к высшей мере наказания – повешению.

И теперь все эти шлюхи, блудницы и куртизанки, все эти зеваки, ротозеи и чечпоки смотрят на Плаценту и гнусно ржут! Они радуются тому, что еще один ворюга-полугоблин будет повешен, даже не подозревая, что этот ворюга-полугоблин совсем недавно спас мир!

- Есть ли у приговоренного последнее слово? – скучным голосом спросил жрец, удивительно похожий на Бешеного Святошу Суйма.

- Есть, тля, - сказал Плацента. – Поцелуй меня в анналы.

И палач дернул рычаг.

Плацента провалился в люк и закачался в петле. Жилистая шея полугоблина сопротивлялась дольше человеческой, и Плацента несколько секунд еще дергался, еще хрипел – на радость поганой толпе.

А потом свет померк.

Мир стал серым и тусклым. Похожим на Шиасс, в котором Плацента побывал аж дважды. Цвета погасли, звуки стихли, очертания утратили четкость.

Зато Плацента каким-то образом выскользнул из петли. Тут же вскарабкался обратно на помост, харкнул жрецу в лицо – и заморгал, поняв, что тот его не видит.

- А, я сдох, - удивительно спокойно сказал полугоблин. – Ярыть, какая незадача.

Кроме него самого, жреца и палача на помосте появился еще какой-то крысолюд. Тощий, в рваном плаще и с такой хитрющей мордой, что Плацента невольно схватился за карман.

Знавал он таких типов – им только дай волю. Утащат все, что не пришито к коже.

- Это ты тот вор, что сумел украсть Криабал у Антикатисто? – спросил крысолюд.

- Ты откуда знаешь?! – насторожился Плацента, хватаясь за нож... призрак ножа.

- Я все знаю. Следуй за мной, Плацента, сын Жлоба.

- А ты кто еще такой, тля?!

- Я Фуракл, бог воров.

- Пошел ты на кир, бог воров, - сделал неприличный жест Плацента. – Я эготеист, тля.

- В моих чертогах халявное пиво, - ухмыльнулся Фуракл.

- С этого надо было начинать.

Яминия, Беличье ущелье.

Джиданна рассматривала поднимающийся из земли росток. Хотя не из земли, а из камня. Из твердого камня.

И сам росток тоже был каменным.

Каменные деревья. Они все чаще встречаются за пределами ущелья. Этот Джиданна точно здесь не сажала. Она вообще старалась не злоупотреблять заклинанием из Криабала – если ее наниматели о нем узнают, то окиреют от жадности. Либо заставят ее озеленить все города, либо просто отнимут страницу, а ее саму прогонят... и это в лучшем случае.

Работа придворной волшебницей Яминии оказалась непыльной. Джиданна редко показывалась во дворце, да и вообще в столице. В основном она разыскивала новые жилы – Леди Белка чуяла их на огромном расстоянии. Короля и принцев такая ее служба полностью устраивала – прежний их волшебник, кажется, вообще ничего полезного не делал, а только сидел в своих покоях и разводил крыс.

- Левее, - шлепнула Джиданна по ягодице размером с дом.

Индрик послушно повернул левее. Белка застрекотала громче – ее возбуждала близость золота... или, возможно, на этот раз серебра.

В общем-то, она уже давно не голодала, но охотничий азарт никуда не делся.

- Я чувствую впереди пустоты, человек Джиданна! – прогудел Трантарикуририн. – Думаю, там ручей! Почва становится влажнее!

- Да, это ручей, - кивнула волшебница. – Рой туда.

Она примерно помнила направление, но рассчитывала в первую очередь на нюх фамиллиара. И на знакомую ментальную сигнатуру – родную такую, близкую... все более близкую.

Бивни индрика пронзили пустоту. Подземное чудовище вывалилось в обширную полость. Здесь пахло сыростью, стены сверкали искрами коллегата, а впереди мерцало озерцо с голубой водой.

И деревья. Тут повсюду росли каменные деревья. Совсем молодые, с тонкими стволами, но уже плодоносящие. На ветвях висели сапфиры, гранаты, корунды, аметисты – пока еще незрелые, совсем крохотные, но уже настоящие самоцветы. В своего рода скорлупках, каменистой шелухе, скрывающей их истинную ценность.

Это было все-таки скорее ущелье, чем пещера. Стены уходили в бесконечную высь, но где-то там, наверху, едва видное отсюда, было открытое небо. Сейчас там ночь, но в самый полдень Беличье ущелье озаряется мириадами бликов.

Леди Белка спрыгнула с плеча Джиданны, вскочила на ближайшее деревце и быстро-быстро принялась лущить каменный орешек. Из-под скорлупы сверкнул крошечный изумруд.

А мимо пробежали еще две белки. Тоже императорские, только уже обычные, ничьи не фамиллиары.

Очень жирные. Очень довольные.

Джиданна понятия не имела, как те прознали об этом месте. Кажется, появились сразу же, когда она облюбовала эту уединенную расщелину. Тут никто не жил, ничего не росло, и не было ценных минералов. Для жителей поверхности тут было слишком подземно, а для жителей подземелий – слишком поверхностно.

И едва тут начали расти самоцветные деревья, как завелись и императорские белки. Словно сами собой.

Хотя вообще-то зверек это очень редкий – до этого Джиданна за всю жизнь видела одну-единственную.

Сегодня она хотела высадить еще несколько деревьев. Опаловое, рубиновое, александритовое... еще раз попробовать бриллиантовое. Оно почему-то никак не приживалось.

Беличье ущелье Джиданна навещала часто. Она бы поселилась здесь совсем, не будь ей самой нужно что-то есть. Листья с каменных деревьев не поешь... да это и вообще не листья, а шишковатые наросты и нити, как у плакучей ивы.

Интересно, Бриар Всемогущий сам это сконструировал или где-то подглядел? Зачем ему вообще было такое заклинание?.. хотя глупый вопрос. Оно дает сказочное, почти бесконечное богатство.

Пока не обвалится рынок драгоценных камней, конечно.

Именно поэтому Джиданна держала это место в тайне и с деревьями не перебарщивала. Она в основном кормила белку.

Иногда брала горсточку-другую камней и сбывала ювелирам Хасмы. Те знали, что она занимается розыском залежей для королевской семьи, так что вопросами не задавались.

Эти камни отличаются от естественных, что встречаются в породах. Они более чистые, у них необычно правильная форма и немного другая аурная сигнатура.

Но не та, что присуща материализованным веществам. И не та, что сопутствует призванным. Просто немного другая, чуточку нестандартная.

Так что даже самые дотошные специалисты не замечали ничего подозрительного.

Но если Джиданна станет перебарщивать – они это заметят. Обязательно заметят. Даже человеческие ювелиры рано или поздно насторожатся, а уж цверги, с их-то нюхом на самоцветы...

Поэтому она не перебарщивала. Чуть-чуть, изредка. А вообще-то ей более чем хватало и жалованья придворной волшебницы. Король платил щедро, да еще и выдавал премии за каждую найденную жилу.

Индрик с шумом развернулся и уполз обратно в тоннель. Его драгоценности не интересовали, он просто помог Джиданне проложить новую дорогу. Старая была чересчур уж извилиста, приходилось делать большой крюк.

А новую она собиралась как следует замаскировать. Возможно, наложить какие-то чары. Сама Джиданна такого не умела, но став придворной волшебницей, она получила кое-что из хозяйства профессора Меритедака, который занимал эту должность раньше. Там нашлось несколько одноразовых свитков, артефакт-дымовуха, еще кое-что полезное... у Джиданны пока не было времени провести ревизию.

А старую дорогу надо замуровать. Просто завалить, чтобы Беличье ущелье не нашли случайные бродяги. Слишком это сладкий кусочек для любого человека, а уж тем более цверга.

Можно снова попросить индрика. Трантарикуририн – существо надежное и безотказное. Секреты хранить он тоже умеет. Но, впрочем... можно и попроще.

С другого конца ущелья раздался гул. Словно горный обвал. Джиданна подхватила все еще грызущую изумруд белку и чуть ускорила шаг.

Старый туннель. На него только что обрушился кусок скалы, перегородив проход почти полностью. А по камню продолжала бить сверкающая голубым секира – великолепное оружие, сошедшее с наковальни титанов.

Все королевские гвардейцы таращились на него с завистью.

- Придумал ей название? – окликнула Мектига Джиданна.

- Да, - ответил дармаг, не оборачиваясь. – Крушила.

- У тебя же уже была Крушила.

- Да.

Других комментариев Мектиг не дал. Но Джиданна знала, что ему бывает сложно объяснить ход своих мыслей.

К тому же он еще не привык к жизни под землей. Они оба еще не привыкли. Но Джиданне было все же легче, она и раньше не любила выбираться на улицу. А вот дармаг, что иногда целыми лунами не заходил под крышу... его пещеры поначалу сильно подавляли.

Но он терпел.

Рухнул еще обломок скалы. Мектиг посмотрел на дело своих рук, кивнул и сошел по вырезанным в граните ступеням. Их он тоже вырезал сам, своей новой, неподражаемо прекрасной Крушилой.

- Я принесла поесть, - сказала Джиданна, снимая котомку. – Будешь?

Дармаг кивнул. Волшебница расстелила скатерть, разложила сухие цвергские лепешки, ломти зажаренного до хруста мяса, маринованные грибы, соленую подземную рыбу и сладкие пирожки. Разлила по кружкам крепкий темный эль. Уселась сама, подобрав подол – и на колени тут же запрыгнула Леди Белка.

Мектиг и Джиданна сидели в мерцающей тысячей огоньков пещере, смотрели на самоцветные деревья, жевали лепешки и молчали. Они не очень-то любили разговаривать, оба.

А друг друга они понимали уже без слов.

Империя Зла, княжество Бураадми.

Пробить крышу оказалось легко. Имрата иногда удивлялась, насколько хлипки и непрочны постройки смертных. Она просто топнула посильнее – и разворотила черепицу, доски... что там еще было внизу?..

Она упала на какого-то человека. Тот подняться уже не смог – но в зале были еще четверо, и они кинулись на Имрату с оружием. Кривыми кинжалами и странными двузубыми вилами.

Титанида даже не стала браться за меч. Вырубила троих голыми руками – а четвертого подняла за горло.

- Где Лицерез? – спросила она как можно грознее.

У нее еще не очень получался суровый голос. Сильнее большинства смертных и весьма по их меркам преклонного возраста, она по-прежнему выглядела совсем юной девушкой и даже скорее девочкой-подростком. Очень-очень высокой девочкой, выше любого мужчины-человека, но все равно ее часто не принимали всерьез.

Но когда тебя держат на весу одной рукой – тут кого угодно примешь всерьез. Прихвостень Лицереза пару секунд трепыхался, но потом указал вниз и невнятно прохрипел:

- ...фподвле...

Имрата вырубила и его. Она узнала все, что хотела.

Пока она добиралась до подвала, на нее набрасывались еще несколько раз. С удивительным бесстрашием, без тени сомнения – и Имрата не убивала их, отдавая должное храбрости. Простые смертные, иногда даже безоружные, они не могли не понимать, что не сумеют одолеть титаниду, но кидались каждый раз воодушевленно, выкрикивая угрозы и не пытаясь дать деру.

Имрата уважала смелость.

Подвал оказался совсем не таким, как остальной дворец. Наверху – кричащая роскошь, позолота, расписные колонны, цветные фонтаны. Внизу – темные грязные катакомбы, вонь, пятна крови.

Тут рядами стояли столы с цепями, а вдоль стен – шеренги причудливых бочек с плавающими внутри трупами... или они еще живы?.. Имрата поколупала стекло пальцем и отошла.

Волшебники. Иногда она все же сожалела чуточку, что не позволила Антикатисто их всех уничтожить. Она не спорила, что среди волшебников есть и достойные, но слишком уж многие из них творят такое, на что не хочется смотреть.

Она подошла к письменному столу. Там в беспорядке валялись книги, свитки и мерзкого вида инструменты. Одну бумагу титанида развернула, стала читать:

«...всего из одного человека среднего веса можно получить пятьсот яиц мяса, сто двадцать яиц костей, сто яиц кожи, девяносто яиц крови, тридцать пять яиц кишок, тридцать яиц печени, двадцать пять яиц костного мозга, двадцать яиц головного мозга, пятнадцать яиц легких...».

Имрата с отвращением разорвала бумажонку. Развернулась – и встретилась взглядом с Лицерезом. Одним из самых отвратительных приспешников Бельзедора, беглецом из Мистерии, которого по всему миру разыскивали за множественные убийства и глумление над трупами.

Он нашел пристанище здесь. В Империи Зла.

Где же еще?

Лицерез уже замахивался длинным ножом. Имрата выставила ладонь – и лезвие сломалось. Короткий выпад – и Лицерез болтается в воздухе.

Он выглядел жалким. Тощий плюгавый уродец в каких-то обносках.

И маска. Он прятал лицо под маской, сшитой из человеческой

кожи. Десятки лоскутов разных оттенков.

Запрокинув голову, Лицерез визгливо расхохотался. Имрата встряхнула его и сказала:

- Перед тем, как отправиться на тот свет, скажи, где твои пленники.

- Пленники, ха-ха-а-а?.. Какие пленники?..

- Говори!

- Нет у меня... кх-х... никаких... х-х!..

Имрата отшвырнула колдуна. Тот быстро-быстро пополз назад, отталкиваясь локтями, насмешливо ухмыльнулся... и просочился сквозь твердый камень!

- Стой! – вскричала Имрата, бросаясь следом.

Титановы кулаки заходили, как молоты. Не умея проходить сквозь стены, Имрата отлично умела их крушить! Это и всегда давалось ей легко, а в последнее время – даже еще легче обычного.

Она видела Лицереза. Не глазами, но внутренним зрением. Ощущала его. Это умение тоже пришло недавно, словно из ниоткуда, но теперь Имрате казалось, что оно было с ней вечно.

И продлилась погоня недолго. Минута, вторая... и она вываливается наружу, под лунный свет! Позади остался княжеский дворец с его золочеными куполами, впереди журчал фонтан в тени деревьев – и к нему во всю прыть уносился Лицерез!

- Стой! – повторила титанида, бросаясь в погоню.

Она могла убить колдуна одним взмахом меча. Но он нужен был ей живой. Нужно было узнать, что стало с теми, кого он похитил.

И тут раздался оглушительный смех – но не Лицереза. Этот был раскатист, заливист – в нем слышался неподдельный восторг. Имрата метнулась в сторону – а место, где она стояла, взорвалось тучей пыли.

- Солнце восходит, и горы стоят!.. – донеслось оттуда звучное пение. – Дева явилась в гости к радже! Словно цветок – улыбка ее! Смотрят боги с небес, как прекрасный раджа деву сразил красотой – и песню ей спел! Будешь любить ты... раджу-у-у!..

Теперь Имрата выхватила меч. Лорд Бураадми, один из губернаторов Бельзедора. Обычный смертный человек, не волшебник – но при этом поистине страшный противник.

Имрата уже встречалась с ним, когда разыскивала Лицереза – и знала, что его нельзя недооценивать.

- Вернулась ты – и счастлив я!.. – продолжал петь Бураадми, осыпая Имрату ударами. – Солнце восходит, и горы стоят!..

Титанида дралась молча, спокойно – и только по вздувшейся

на виске венке было видно, насколько она в ярости. Воистину мир полон мерзавцев, от которых ему никакой радости, а только горе. Воистину истреблять их – дело достойное. Восстанавливать справедливость. Спасать тех, кто безвинно от них пострадал. Выручать попавших в беду.

Когда Имрата делала это, то чувствовала, что ее жизнь имеет смысл. Чувствовала, как ее наполняет безграничная мощь.

Чувствовала свой жребий.

Нечистые острова, остров Ауфтешвиц.

Волшебник смотрел на стоящую у дороги карету. Запряженный в нее конь выглядел сытым, ухоженным. Сбруя в отличном состоянии. Сама карета тоже новехонькая, без единого пятнышка. Даже колеса смазаны.

При этом дверь распахнута настежь. И внутри никого. Ни пассажиров, ни кучера. Красные плюшевые сиденья, а на них – листок бумаги.

И не просто листок, а из волшебной книги. И не просто книги, а... волшебник невольно вскинул брови, распознав ауру.

Другой тут же влез бы внутрь. Жадно схватил страницу из Криабала. Но этого путника интересовала не она, а сама карета.

И лошадь, конечно. И сбруя.

Они же на самом деле – единое целое.

- Вехот, если не ошибаюсь? – спросил он, подходя ближе.

Лошадиная морда осталась бесстрастной. Волшебник слегка улыбнулся.

- Вехот, вехот, - покивал он, суя руку в карман. – Почти наверняка. Впрочем, можно и проверить...

- Не надо, - сказала лошадь.

Дверца кареты захлопнулась. Вехот тяжко вздохнул. После того, как его почти запечатала какая-то чародейка, он зарекся промышлять в Мистерии и переместился восточнее – на Нечистые острова. Небольшой архипелаг, который волшебники превратили не то в заповедник, не то в свалку.

Здесь демонам-беженцам настоящее раздолье. Мистерия веками сплавляла на Нечистые острова свои неудачные творения, результаты незаконных экспериментов и прочие «живые отходы». Мелкой и даже крупной нечисти тут не меньше, чем на острове Вечной Ночи.

У них даже город свой есть, на острове Ихкергбин.

Вехот не собирался тут задерживаться. Просто немного пересидеть, собраться с мыслями, определиться с тем, как жить дальше. Есть ему пока что не хотелось, добычи он не искал... да ее тут и нет почти что. Смертные на Нечистые острова особо не

суются.

Но вот, один встретился. И вехот не удержался, расставил засаду. Хотя мог бы догадаться, что если смертный идет по Ауфтешвицу, как по своему заднему двору, то он уж верно не простой смертный.

- Какой прелестный экземпляр, - сказал волшебник, обходя вехота по кругу. – На редкость крупный. Породистый. И бродячий... ты бродячий?..

- Хочешь заключить контракт? – догадался вехот. – Апеллиум?..

- Ни в коем случае, - ответил волшебник. – Субрегуль.

Вехот невольно попятился. Субрегуль, как и Апеллиум – институт Провокатониса. Университета волшебников-лентяев, которые не работают сами, а перепоручают это другим. В Унионисе колдуют через фамиллиаров или эмоционалов, Нигилиум поднимает нежить, элементалей и объекталей, Вакуумад творит немтырей, Апеллиум призывает демонов и духов, а Субрегуль... с адептом Субрегуля лучше не встречаться, если ты редкое существо.

Особенно с адептом факультета единства. Эти хуже всех. Таскают с собой всякие кольца, банки, лампы и прочие артефакты-поглотители. Сажают туда ни в чем не повинных демонов, духов, элементалей и даже других смертных.

И заставляют себе служить.

Смертного, конечно, какого попало в банку не посадишь. За такое в магиозы записывают. Но демона... увы, демонов законы Мистерии не защищают. Если у демона не подписан контракт с другим волшебником – его называют бродячим и разрешают делать с ним все, что заблагорассудится.

Если, конечно, сумеешь одолеть.

- Я не навязываю тебе свое общество, любезный демон, - сказал волшебник, еще раз обходя вокруг вехота. – Но если захочешь стать моим другом – я буду польщен.

У вехота отлегло от сердца. Адепты факультета дружбы тоже бывают разные, но в среднем неприятностей от них меньше. Можно даже и обсудить какие-то варианты...

- Какие будут условия? – спросил вехот.

- Исключительно ко взаимной выгоде, - расплылся в улыбке волшебник. – У меня очень много друзей, и все они сами стали моими друзьями, по доброй воле. Ну... большинство. Большинство.

- А меньшинство – это те, кто сначала сказал «нет»? – спросил вехот.

- Нет, в основном это те, кто пытался меня сожрать, -

спокойно ответил волшебник. – Но потом мы с ними помирились и подружились.

Он продолжал улыбаться. Хотя уже и не очень добродушно.

Вехот еще и не мог понять, к какому виду тот принадлежит. Точно смертный, но точно не человек... Эльф?.. орк?.. необычная аура...

- А если я скажу «нет»? – осведомился вехот. – Что ты сделаешь?

- Ничего, - пожал плечами волшебник. – Скажу, что ты многое теряешь, и пойду дальше. Но ты подумай.

- А что конкретно я там теряю? – как бы невзначай спросил вехот, превращаясь в двенадцатилапого зверя.

- Возможность влиться в большую дружную семью, - ухмыльнулся волшебник. – Позволь тебе рассказать...

Вехот внимательно выслушал. Подумал. И протянул волшебнику лапу.

- Ты не пожалеешь! – обрадовался тот. – Теперь мы с тобой друзья... гм... а как тебя зовут, кстати?

- Альматрадак, - сказал вехот, разглядывая появившийся на лапе браслет.

- Руку на дружбу, Альматрадак. Я Вератор.

Паргорон, Мглистые земли, лабиринт Хальтрекарока.

- ...А это бургомистр того захолустного городка... как же?.. черт, забыла... ну как же... да на языке же вертелось... ладно, в общем, это последняя фотка, - закруглилась Лахджа. – Что скажешь?

- А омияге ты мне не привезла, конечно? – недовольно спросила Сидзука.

- Да мне там особо некогда по магазинам-то было ходить. Извини уж.

- Себе-то платье купила.

- Ой, да боже ты мой! – всплеснула руками демоница. – Ну пойдем завтра в Мпораполис, прошвырнемся!..

- Не хочу. А это что за голый бомж, с которым ты обнимаешься?

- Где?! – бросилась перебирать фотографии Лахджа. – А, этот... Я же сказала, это титан. Диагрон. Мы с ним... пикник устроили.

- Лахджа, ты сфоткалась с голым бомжом и выдаешь его за титана, - вздохнула Сидзука. – Знаешь, нам нужно серьезно поговорить о твоей самооценке.

- Чего?! Это титан!

- Бомж.

- Титан!

- Бомж.

- Да титан это! – уже в голос заорала Лахджа. – Ты посмотри, какой он здоровенный!

- Или это ты немного уменьшилась. Ты умеешь, я знаю.

- Да зачем мне такая многоходовочка?! Просто чтобы тебя впечатлить?!

- Я рада, что мы все прояснили, - кивнула Сидзука. – Омияге точно не привезла?

- Нет, - огрызнулась Лахджа.

Честно говоря, в такие минуты она плохо понимала, почему вообще считает Сидзуку своей подругой.

И фотки фотками, истории историями, но она все еще не поговорила с Совнаром. Хитрый кошак по-прежнему где-то шхерится.

Хальтрекарок прямо сейчас занят – Лахджа вернулась домой аккурат под начало очередного шоу, - но рано или поздно оно закончится. Рано или поздно любимая жена попадется ему на глаза. Рано или поздно Темный Балаганщик спросит, где там его треклятая шкатулка, провались она уже пропадом.

- Совнар, нам надо поговорить, – сказала Лахджа, шагая по коридору. – Я знаю, кто взял шкатулку. Не появишься прямо сейчас – все расскажу Хальтрекароку.

- Думаю, это будет лишним, - донесся сзади спокойный голос. – Никто из нас от этого не выиграет.

Лахджа обернулась к Совнару. Тот, как обычно, был в облике рыжего кота. Сидел себе, вылизывал лапку. Как будто бы нисколечко не беспокоился.

- Ничего мне сказать не хочешь? – пристально посмотрела на него демоница.

- А ты мне? – невинно спросил старый бушук.

- Я – хочу. Кое-что.

- Тогда пошли в зеленую ложу. Шоу в самом разгаре.

С тех пор, как Лахджа стала любимой женой, представления Хальтрекарока она обычно смотрела из его личной ложи. Но иногда, под настроение, ей случалось сиживать и в одной из укромных лож для випов. Тех випов, которые не настолько випы, чтобы составлять компанию демолорду, но все же достаточные випы, чтобы не тесниться с обычными быдло-демонами.

Представление сегодня было неинтересным. Просто гонки с препятствиями. Люди на велосипедах ехали через всякие ловушки и шипы, сверху падали камни, стояли великаны с топорами... трибуны орали от восторга, а Лахдже было скучно.

- Мне кажется, у Хальтрекарока заканчиваются идеи, -

сказала Лахджа. – Сколько уже лет он ведет эти шоу?

- Скоро будет десять тысяч, - ответил Совнар. – Почти каждую неделю. Так что ты там хотела мне сказать?

- Сначала – одна несущественная мелочь... Предположим, что некий мир смертных внезапно оказался под смертельной угрозой, а какая-то демоница вдруг вмешалась и немножечко подкорректировала происходящее...

- Ты имеешь в виду твою помощь тем смертным? – спросил Совнар.

- А, ты знаешь, - вздохнула Лахджа. – Конечно. Ты наверняка все время был где-то рядом. Ну ладно, так я о чем – я правильно тогда сделала? Паргорону это на пользу или во вред?

- На пользу, на пользу, - успокоил ее Совнар. – Антикатисто – существо крайне несговорчивое и... проблемное. Мы с ним пытались уже иметь дело раньше, но... ты его видела. Он хуже Бго.

- Хорошо, что Бго тебя не слышит, - чуть высунулась из ложи Лахджа.

Да, сегодня среди особых гостей Хальтрекарока был Бго. Тот, Кто Кричит Во Тьме. И все остальные старались сидеть от него подальше, хотя Хальтрекарок предусмотрительно поставил звуконепроницаемый барьер.

- Хорошо, что я не слышу Бго, - уточнил Совнар. – А Антикатисто лично мне нравится еще меньше. Зачем нам нужно, чтобы он стал в том некоем мире за главного? Сначала волшебники, потом все остальные... Рано или поздно Тьма пожрала бы в нем остатки адекватности, и он перестал бы даже искать поводы для уничтожения всего сущего.

- А нам это не нужно, - согласилась Лахджа.

- Не нужно. Мы бы лишились всех контактов, всех контрактников. Началась бы полная неразбериха. И, что хуже всего, я не был бы к ней готов. Так что ты молодец, Лахджа.

- Спасибо. Награда мне за это будет какая-нибудь?

- О Древнейший, ну что за детский сад?.. – закатил глаза Совнар. – Какую тебе награду – печеньице?

- Хотя бы. Может, задобрю этой печенькой Хальтрекарока, когда он спросит, почему я вернулась с пустыми руками.

- Кхм... да... об этом... – сложил вместе лапки Совнар. – Наверное, стоило сразу же тебе все рассказать, конечно...

- Наверное. Мне было бы намного проще. Не было бы сейчас ощущения, знаешь, бессмысленно убитого времени.

- Оно не было бессмысленным. У меня была надежда, что если ты провозишься достаточно долго, то Хальтрекарок постепенно забудет и о твоем задании, и об этой шкатулке...

- И как – забыл он?

- Нет, - с досадой цокнул языком Совнар. – Хотя обычно забывает.

- Тогда мне нужен этот ларчик, - улыбнулась Лахджа, как бы невзначай кладя Совнару руку на шкирку. – Где он?

- Не трогай меня, - отодвинулся бушук. – У меня его больше нет. И вернуть я его не могу.

- Тогда у нас проблемы, кажется. У нас обоих. Но в основном – у тебя.

- Это не будет проблемой, если ты не станешь ему ничего рассказывать.

- Совнар, в таком случае это будет только моей проблемой. А я не согласна с такой постановкой вопроса. Ты меня понимаешь?

- Очень хорошо понимаю, - заверил Совнар. – И безмерно тебе сочувствую.

- Ты не сочувствовать мне должен, а помочь. И что-то посулить за молчание. Что-то существенное.

- Ты точно не бушучка? – прищурился Совнар.

- Совнар, ты просто привык, что мы тут все отупели от гедонизма, - сказала Лахджа. – И у меня вообще-то тоже не ума палата. Я просто не хочу схлопотать от демолорда. По крайней мере не за спасибо.

- Ладно, ладно. Чего ты хочешь?

- Давай начнем с того, что ты расскажешь мне, что в этой шкатулке было, зачем ты ее украл и кому отдал.

- Чтобы тебе было проще назначить цену, Лахджа? – ухмыльнулся Совнар.

- Именно. Зачем тебе те смертные вообще понадобились? Ты сам не мог?

- Не мог, - развел лапками Совнар. – Ты же видела сокровищницу Хальтрекарока. Там очень мощная система тревоги.

- И что ж она не сработала?

- А вот здесь мы возвращаемся к отупению от гедонизма. Оказалось, что эта система не срабатывает на смертных. Хальтрекарок то ли поленился, то ли недоделал, то ли ему даже в голову не пришло, что у кого-то из смертных хватит наглости. Я, кстати, узнал это чисто случайно и сначала долго не верил, что это не ловушка, что он и вправду пропустил такую дыру.

- Хорошо, с этим разобрались. А почему ты их не убил?

- Лахджа, это только в мире смертных гибель свидетеля закрывает ему рот... и то не всегда, - сказал Совнар. – Мертвецов Хальтрекарок разговорил бы быстро. Даже если бы я поглотил их души – след все равно не исчез бы – и он обличал бы меня

адамантно. А если они сбегают сами – Хальтрекарок отправляет погоню за ними.

- Пока все логично. Но ты что, рассчитывал, что за ними кто-то просто будет долго бегать, а Хальтрекарок за это время обо всем забудет?

- Не совсем. Я рассчитывал, что Хальтрекарок отправит кого-то в погоню, и этот кто-то... сгинет. Исчезнет.

- Э... а в какой момент я должна была сгинуть?.. – уточнила Лахджа, невольно отодвигаясь.

- Именно поэтому я так огорчился, когда он послал тебя, - вздохнул Совнар. – Тебя мне устранять не хотелось.

- Ой, ты ко мне неравнодушен, - умильно улыбнулась Лахджа. – Как приятно. Откуда в вас столько доброты, господин Совнар?

- Таким уж уродился, - спокойно ответил Совнар. – Ничего не могу с собой поделать – люблю делать другим приятное. Возможно, моя матушка согрешила с феем.

- Все феи женского рода и размножаются метагенезом, - отмахнулась Лахджа. – Совнар, старый бушук, либо ты выкладываешь все карты на стол, либо я зову сюда своего мужа. Ему не понравится, что его отрывают от шоу.

- Да большую часть уже выложил, - сказал Совнар. – Лахджа, я ходил вокруг этого ларчика очень долго, но его никак не получалось взять без риска провала. А потом из темницы Хальтрекарока сбежали эти смертные, которые и сами по себе хотели попасть в сокровищницу... ты ведь знаешь, зачем?..

- За страницей из Криабала. Откуда она у Хальтрекарока, кстати?

- От меня. Когда Кхатаркаданн устроил в Бриарогене Великую Казнь, мы с друзьями прибрали к рукам много всяких сувениров. Но я не был против, что те смертные ее стащили – она все равно пылилась без дела. А они оказались со мной повязаны и сами бы точно не побежали никому докладывать.

- Я поняла механику вашей комбинации, господин Совнар Оушен, - издевательски раскланялась Лахджа. – Но что было-то в том ларчике? Что-то сверхважное или просто компромат на моего мужа?

- Купчая, - ответил Совнар.

- Купчая?..

- Купчая, купчая. На самом деле немного другая бумага... точнее, вообще не совсем бумага... ну знаешь, бушукские дела.

- Что-то связанное с Банком Душ?

- Именно. Акт владения небольшим особым счетцем. Видишь ли, после того, как погиб мой прежний хозяин, Аркродарок...

- Мой свекр, что ли?

- Да, отец твоего мужа. Когда он погиб, наследство перешло к его сыновьям... лучшим, скажем так. Хальтрекароку и Фурундароку. Совет демолордов разделил его долю в Банке Душ между ними поровну... почти поровну. Фурундароку, как старшему, полагалось чуть-чуть больше. И разница заключалась как раз в этой купчей – персональном малом счете. Но Хальтрекарок ухитрился его присвоить. Однако воспользоваться не мог – он был выписан на имя Фурундарока. Понимаешь?

- А почему Фурундарок не устроил скандал? Это как-то не в его духе.

- А он не знал о существовании этой купчей. Ее выписал еще его отец – незадолго до гибели. Он не успел рассказать даже мне, своему бухгалтеру. Купчую нашла одна из его любимых жен – случайно! – и почему-то отдала Хальтрекароку, а не Фурундароку...

- Дай угадаю... Это не матушка ли Хальтрекарока была, часом?

- Теперь уж не узнать, с тех пор прошло девяносто пять веков, - уклончиво ответил Совнар.

Лахджа попыталась осмыслить это число. Девяносто пять веков. Девять с половиной тысячелетий. В триста раз больше, чем она сама живет на свете.

Прямо голова кружится, когда пытаешься представить.

- Ладно, неважно, - наконец сказала демоница. – Скажи мне только одно. Если эта купчая бесполезна для всех, кроме Фурундарока... почему Хальтрекарок не заподозрил в первую очередь Фурундарока? Это же элементарная логика.

- Ты серьезно?.. – укоризненно посмотрел Совнар. – Это же Хальтрекарок.

- Ах да. И что, большую разницу дает эта купчая?

- Две сотых процента.

- То есть весь этот сыр-бор... из-за двух сотых процента?! – изумилась Лахджа.

- Ты считаешь, что это мало? – хмыкнул Совнар. – Это не две сотых процента от какой-нибудь ерунды, Лахджа. Это две сотых процента душевого фонда Паргорона. Две сотых процента валютно-энергетического бюджета целого мира. Знаешь, сколько это примерно душ?

- Нет. Сколько?

- Два с половиной миллиона. Все еще считаешь куш слишком мелким?

Брови Лахджи поползли вверх. Она знала, конечно, что демолорды Паргорона владеют несметным множеством душ, но истинное их количество не представляла даже приблизительно.

- К тому же дело даже не в самих душах, - продолжил Совнар. – Просто сейчас Хальтрекарок превосходит Фурундарока. Всего на одну сотую процента, но превосходит. А потом... потом они поменяются местами.

- Хальтрекарок на говно изойдет. Я поняла.

Лахджа облокотилась о перила. В зеленой ложе их с Совнаром видно не было – она специально для тех, кто хочет побыть на шоу инкогнито. Вокруг вопят и орут тысячи демонов, и еще больше их сейчас сидит перед кэ-очами, этими демоническими телевизорами.

Демоница немного подумала. И еще немного подумала. Зачем-то принялась копаться по карманам-кистам, машинально теребя привезенные с Парифата сувениры.

Глядя на прыгающих через лезвия велосипедистов и бьющих молотами великанов, она спросила:

- Купчая уже у Фурундарока, так ведь?

- Конечно, - кивнул Совнар.

- Забрать ее уже не получится?

- А сама-то как думаешь?

- И сделать с этим нельзя ничего вообще?

- Абсолютно.

- Ну тогда нет и смысла трепыхаться.

- Так иначе я бы тебе ничего и не рассказал, - ухмыльнулся Совнар.

- А не боишься, что я тебя сдам Хальтрекароку? – повернулась к нему Лахджа, сузив глаза.

- А это не в твоих интересах. Если ты меня сдашь... как, думаешь, отблагодарит тебя Хальтрекарок? Он ведь даже спасибо не скажет. А вот если промолчишь... тогда я буду у тебя в долгу. Тебе же пригодится друг вроде меня?

- Ах ты хитрый котяра...

- И не только я. Фурундарок тоже будет у тебя в долгу.

- А он этот свой долг хотя бы будет осознавать?

- Ну ладно, сойдемся на мне, - подумав, сказал Совнар. – Мы договорились?

- Договорились, - подумав, сказала Лахджа. – Я тебя прикрою. Но за тобой будет немаленький такой должок.

- Интересно, хватит ли его, чтобы расплатиться за все то, что я уже для тебя сделал?.. – фыркнул Совнар. – Ой, кстати, а это у тебя что?

- Это?.. – посмотрела на скомканную бумажку Лахджа. – Рецепт вафель. А что?

- Ничего... можно взять? – осторожно протянул лапку Совнар.

- Так любишь вафли?.. Ну бери. Только поделись, когда

испечешь.

- Непременно.

Когда представление закончилось и зрители разлетелись, Хальтрекарок устало телепортировался в малую гостиную. Он дал себе зарок больше никогда не приглашать в качестве почетного гостя Бго.

Совершенно не компанейское существо. С ним абсолютно невозможно выпить, поболтать, сыграть в прятки с призами...

Даже с Фурундароком гораздо веселее. Малыш сегодня опять увязался за братом, хотя Хальтрекарок уже дважды ему намекал, что не в настроении, что хочет побыть один.

Но Темный Балаганщик сразу повеселел, когда увидел в малой гостиной Лахджу, свою самую любимую жену!

Та валялась на диване и читала книжку. На коленях у нее сидел рыжий кот, а рядом подпиливала ногти Ассантея.

- Ой, моя любимая жена и бухгалтер так сдружились! – обрадовался Хальтрекарок. – Как это мило!

Лахджа и Совнар переглянулись. Они как раз закончили исподволь расспрашивать Ассантею, не ляпнули ли ей чего те смертные, пока они вместе были в Хиарде.

- Подвиньтесь, я хочу массаж, - распорядился Хальтрекарок. – Кстати, Лахджа, что-то я давно тебя не видел. Где ты шлялась?

- Выполняла твое задание, о мой муж и повелитель, - едко ответила Лахджа. – Разыскивала...

- Ах да, мой ларчик! – спохватился Хальтрекарок. – Где он?! Ты нашла?! Дай мне его сюда скорее!.. только не здесь...

Он опасливо покосился на Фурундарока. А летающий младенец так мерзко улыбался, что неладное заподозрил бы кто угодно... кроме Хальтрекарока.

- Простите, мой господин, - опустила взгляд Лахджа. – Я потерпела неудачу.

- Что?..

- У тех смертных не было ларчика. И его след затерялся.

- Надо же, какая досада, - ухмыльнулся Фурундарок.

- Затерялся?.. – медленно переспросил Хальтрекарок.

Его глаза гневно сузились. Он пристально всмотрелся в Лахджу.

- К сожалению, да, господин, - вздохнула та. – Смертные сообщили, что ларчик заказал и сразу же забрал неизвестный демон. Они не знали ни его имени, ни истинного облика, ни как его найти. Их использовали втемную, мой господин.

Хальтрекарок всмотрелся еще пристальнее. Аура любимой жены оставалась кристально чистой.

Она говорила правду.

Фурундарок глумливо рассмеялся. А Хальтрекарок... у него раздувались ноздри. Нижняя челюсть выдвинулась вперед, кулаки сжались. Демолорд стремительно приходил в ярость.

- Но нет худа без добра! – торопливо сказала заметившая это Лахджа. – По дороге я вернула одну из ваших любимых жен! Вот! Ассантея!

Ассантея оторвалась от ногтей, неохотно привстала и присела в реверансе.

- О-о-о, Ассантея, моя любимая жена!.. – сдавленно произнес Хальтрекарок. - ...И ты серьезно считаешь, что она заменит мой ларчик?!

- Конечно, нет, но...

Свистнул хлыст. Хальтрекарок достал его из воздуха и принялся лупить как Лахджу, так и Ассантею. Демоницы с визгом подскочили, бросились бежать – а Хальтрекарок кинулся в погоню, осыпая их ударами и проклятьями.

Фурундарок летел следом и счастливо хохотал.

Шиасс.

Бельзедор и Медариэн шагали сквозь серый туман, стиснув запястья Антикатисто. Тот давно уже не пытался вырваться. Антимагия Конклава все еще действовала, да и корониевые браслеты сдерживали даже такого великого мага.

- Я еще вернусь, - пообещал он, когда внизу появился бушующий черный смерч. – Даже из Хиарда освобождаются.

- Правильный настрой, - кивнул Бельзедор. – Никогда не сдавайся. Но ты больше не элементаль Тьмы, так что ничего не выйдет.

И швырнул Антикатисто вниз. Тот молча, без единого звука упал в пропасть – и исчез во вратах Хиарда.

- Там есть парочка парней, которые хотят перемолвиться с тобой словом! – крикнул ему вслед Медариэн.

Из пропасти донесся рев Хиротароса и Дормадоса.

Перечень форм Танзена

Кабан. Самая первая форма. Добавлена в 1466 году, на третьем курсе школярства. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля. Выбрана относительно случайно – Танзену было безразлично, с чего начинать.

Конь. Первоклассный верховой рысак лучших кровей. Добавлен в 1468 году, на пятом курсе школярства. Матрица снята на ферме соседей.

Заяц-русак. Добавлен в 1469 году, на первом курсе бакалавриата. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля.

Крыса. Серая крыса, очень крупный экземпляр. Добавлен в 1470 году, на втором курсе бакалавриата. Матрица снята на практическом занятии с мелкими животными.

Мышь. Добавлена в 1470 году, на втором курсе бакалавриата. Матрица снята на практическом занятии с мелкими животными, в тот же день, что и форма №4.

Орел. Добавлена в 1471 году, на третьем курсе бакалавриата. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, когда Танзен решает озаботиться летучей формой.

Гоблин зеленый. Добавлен в 1473 году, на первом году полевой практики. Матрица снята с куратора Танзена, мэтра Амбы, агента Кустодиана, лидера оперативной тройки. Тот, в свою очередь, снимает матрицу с Танзена.

Лепрекон. Добавлен в 1474 году, на втором году полевой практики. Матрица снята с арестованного мэтром Амбой магиоза.

Арахнид глубоководный. Добавлен в 1475 году, на третьем году полевой практики. Матрица снята с арестованного мэтром Амбой магиоза.

Двадцатипятилетний Танзен. Добавлен в 1477 году. Матрица снята с самого Танзена, которому на тот момент было двадцать пять лет. Он решает озаботиться тем, чтобы всегда иметь возможность оставаться молодым.

Кот. Добавлен в 1477 году. Матрица снята с Мэтра Мурлыки, домашнего кота Танзена.

Осел. Добавлен в 1477 году. Матрица снята на ферме соседей.

Волк. Добавлен в 1477 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля.

Крот. Добавлен в 1477 году. Матрица снята в матричном

зверинце Клеверного Ансамбля.

Фелин кистеухий. Добавлен в 1477 году. Матрица снята с бывшего однокашника Танзена, мэтра Суакрро. Тот, в свою очередь, снимает матрицу с Танзена.

Дикобраз. Добавлен в 1478 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля.

Кобрин. Добавлен в 1478 году. Матрица снята с бывшего однокашника Танзена, мэтра Зингаро. Тот, в свою очередь, снимает матрицу с Танзена.

Косатка. Добавлена в 1478 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, в морском отделе.

Рыба-меч. Добавлена в 1478 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, в морском отделе.

Восьмилетний мальчик. Добавлен в 1478 году. Матрица снята с соседского мальчика, который поспорил с Танзеном, что тот не сумеет в него превратиться. Танзен выиграл три лемаса.

Ямсток. Добавлен в 1479 году. Матрица снята с туземного гида, когда Танзен путешествовал в Билему и Акрилл.

Акрилианин. Добавлен в 1479 году. Матрица снята с хозяина мясной харчевни, когда Танзен путешествовал в Билему и Акрилл.

Тролль равнинный. Добавлен в 1479 году. Матрица снята с тролля, который поспорил, что Танзен не сумеет его перепить. Танзен выиграл новую форму.

Бык. Добавлен в 1480 году. Матрица снята на ферме соседей.

Тигр. Добавлен в 1480 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля.

Морж. Добавлен в 1480 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, в морском отделе.

Собака-ищейка. Добавлена в 1480 году. Матрица снята с первоклассной ищейки. Танзен получает должность агента Кустодиана, становится членом розыскной тройки и по просьбе своего лидера добавляет в копилку подобную форму.

Медведь. Добавлен в 1480 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля.

Джейран. Добавлен в 1480 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля.

Красивая молодая девушка. Добавлена в 1481 году. Матрица снята с мэтресс Эшоники, коллеги-метаморфа, с которой Танзен жил вместе около трех лет. По обоюдному согласию они сняли матрицы друг с друга, после чего иногда увлекательно разнообразили семейную жизнь.

Старик семидесяти двух лет (Жотак Паганотти). Добавлен в 1481 году. Матрица снята с мэтра Паганотти, книжника и

естествоиспытателя, дальнего родственника Танзена по материнской линии.

Младенец. Добавлен в 1481 году. Матрица снята с ребенка подруги мэтресс Эшоники, когда та подбивает Танзена сыграть с той шутку.

Крокодил. Добавлен в 1482 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля в процессе обучения практиканта.

Гадюка. Добавлена в 1482 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля. Танзен выбирает самую молодую и ядовитую особь.

Виверна. Добавлена в 1482 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, когда Танзен решает озаботиться летучей формой, способной поднять человека.

Шпароль. Добавлен в 1483 году. Матрица снята с арестованного магиоза.

Таракан. Добавлен в 1484 году. Матрица снята со случайного насекомого, когда Танзен решает пополнить коллекцию малыми формами.

Пчела. Добавлена в 1484 году. Матрица снята со случайного насекомого, когда Танзен решает пополнить коллекцию малыми формами.

Муха. Добавлена в 1484 году. Матрица снята со случайного насекомого, когда Танзен решает пополнить коллекцию малыми формами.

Гном горный. Добавлен в 1485 году. Матрица снята с арестованного магиоза.

Гаошай. Добавлен в 1485 году. Матрица снята с арестованного магиоза.

Невидимая собака. Добавлена в 1486 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля в процессе обучения практиканта.

Огр обыкновенный. Добавлен в 1487 году. Матрица снята с арестованного магиоза.

Великан-людогор. Добавлен в 1487 году. Матрица снята с арестованного магиоза.

Гарпия. Добавлена в 1488 году. Матрица снята с арестованного магиоза.

Цанцер. Добавлен в 1489 году. Матрица снята с арестованного магиоза.

Эльф светлый. Добавлен в 1490 году. Матрица снята с арестованного магиоза.

Полуогр. Добавлен в 1490 году. Матрица снята с арестованного магиоза.

Меч. Добавлен в 1491 году. Матрица снята с клинка,

доставшегося Танзену от деда и много лет висевшего на стене поместья. Танзен впервые пробует снять форму с неодушевленного объекта.

Сорокалетний Танзен. Добавлен в 1492 году. Матрица снята с самого Танзена, которому на тот момент было сорок лет. Будучи уже опытным агентом Кустодиана, он решает запечатлеть в копилке образов более старшую и солидную форму себя, нежели №10.

Гремлин. Добавлен в 1492 году. Матрица снята с гремлина-кондуктора во время рабочей командировки в Вапорарию.

Горная горилла. Добавлена в 1493 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля.

Гусь. Домашний серый гусь. Добавлен в 1494 году. Матрица снята на ферме соседей. Танзен пишет магистерскую диссертацию и обрисовывает впечатления при добавлении новых форм.

Ибис. Добавлен в 1494 году. Матрица снята на ферме соседей, в тот же день, что и №53.

Черепаха. Добавлена в 1494 году. Матрица снята с домашней черепахи, которую Танзен держал в то время.

Скарабей. Добавлен в 1494 году. Матрица снята с жука, найденного во дворе.

Губка. Добавлена в 1494 году. Матрица снята в ванне, когда Танзену вдруг приходит желание поработать с неодушевленным объектом.

Статуя Елегиаста. Добавлена в 1494 году. Матрица снята в крупнейшем храме Мистерии, со статуи божества, освященной понтификом.

Веревка. Добавлена в 1494 году. Матрица снята с бельевой веревки, на которой сушились панталоны Танзена.

Стул. Добавлен в 1494 году. Матрица снята со стула, на котором Танзен сидел во время работы над диссертацией.

Стакан. Добавлен в 1494 году. Матрица снята со стакана, из которого Танзен пил виски.

Метла. Добавлена в 1494 году. Матрица снята с метлы, забытой в кабинете служанкой.

Бабочка. Добавлена в 1495 году, одновременно с №64. Матрица снята с бабочки махаона, запутавшейся в паутине.

Паук. Добавлена в 1495 году, одновременно с №63. Матрица снята с паука, сидящего в паутине.

Слизняк. Добавлен в 1496 году. Матрица снята с увиденного на дороге слизняка.

Хомендарг. Добавлен в 1497 году. Матрица снята с преподавателя Клеверного Ансамбля, мэтра Гробаша.

Кобольд. Добавлен в 1497 году. Матрица снята с напарника

по оперативной тройке, мэтра Кертора.

Шпароль. Добавлен в 1498 году. Матрица снята с арестованного магиоза.

Гяяду. Добавлен в 1498 году. Матрица снята с напарника по оперативной тройке, мэтра/есс Уз'Эллл.

Железный голем. Добавлен в 1499 году. Матрица снята с боевого голема, когда Танзен проводит расследование, связанное с субтермагией.

Колесный конструкт. Добавлен в 1499 году. Матрица снята с конструкта-курьера, когда Танзен проводит расследование, связанное с субтермагией.

Медуза. Добавлена в 1500 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, в морском отделе.

Морская звезда. Добавлена в 1500 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, в морском отделе.

Дуб. Добавлен в 1501 году. Матрица снята с дерева, растущего в саду.

Белый гриб. Добавлен в 1502 году. Матрица снята во время отпуска, в лесу.

Осьминог. Добавлен в 1503 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, в морском отделе.

Удав. Добавлен в 1503 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля.

Сырный элементаль. Добавлен в 1505 году. Матрица снята с редкого элементаля, созданного в качестве эксперимента хорошей подругой Танзена, мэтресс Мариарель.

Сметанный элементаль. Добавлен в 1505 году. Матрица снята с элементаля, в которого превратился сырный элементаль №78 в результате следующей стадии эксперимента, проводимого мэтресс Мариарель.

Прыжк атакующий. Добавлен в 1506 году. Матрица снята в джунглях Шахалии в процессе обучения практиканта.

Корилланг гигантский. Добавлен в 1506 году. Матрица снята с арестованного магиоза.

Мамонт. Добавлен в 1507 году. Матрица снята в ледниках Нивландии, во время рабочей командировки.

Сфинкс. Добавлен в 1507 году. Матрица снята в Озирии, с гигантского сфинкса.

Тысяченог. Добавлен в 1508 году. Матрица снята в пустыне Нбойлеха, во время рабочей командировки.

Кракен. Добавлен в 1508 году. Матрица снята на морском дне, в водах Боулкарии, во время рабочей командировки.

Великая Слизь. Добавлена в 1508 году. Матрица снята в Дикой Пустоши, во время рабочей командировки.

Карташехен. Добавлен в 1509 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, в демоническом отделе.

Мозгоед. Добавлен в 1509 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, в демоническом отделе.

Пигмей. Добавлен в 1510 году. Матрица снята с пигмея, встреченного Танзеном во время одного из расследований.

Храпоид. Добавлен в 1511 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, в демоническом отделе.

Чрепокожий. Добавлен в 1511 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, в демоническом отделе.

Скелет. Добавлен в 1512 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, в отделе нежити.

Драуг. Добавлен в 1512 году. Матрица снята в матричном зверинце Клеверного Ансамбля, в отделе нежити.

Водный поток. Добавлен в 1513 году. Матрица снята с участка реки, когда Танзен начинает осваивать стихийные неодушевленные формы.

Воздушный сгусток. Добавлен в 1513 году. Матрица снята с воздушной массы во время сильного урагана.

Молния. Добавлена в 1514 году. Матрица снята в естественном музее Валестры, с молнии, запечатленной в поле остановленного времени.

Огненный столб. Добавлен в 1514 году. Матрица снята в естественном музее Валестры, с огненного столба, запечатленного в поле остановленного времени.

Ледниковая блоха. Добавлена в 1515 году. Матрица снята в Синих горах Джарии в процессе обучения практиканта.

Шишечник. Добавлен в 1517 году. Матрица снята с шишечника на Синдикате Великой Верфи в процессе обучения практиканта.

Астучианский календарь

Дни в луне
Стеклянный. День Космодана.
Бамбуковый. День Монго.
Бирюзовый. День Якулянга.
Бархатный. День Кобалии.
Медный. День Алемира.
Свинцовый. День Просперины.
Хрустальный. День Лилейны.
Бумажный. День Елегиаста.
Серебряный. День Венаты.
Фарфоровый. День Люгербеца.
Железный. День Энзириса.
Гранитный. День Грандиды.
Мраморный. День Канториллы.
Шелковый. День Часкета.
Малахитовый. День Гушима.
Замшевый. День Фуракла.
Костяной. День Савроморта.
Янтарный. День Марекса.
Оловянный. День Йокрида.
Золотой. День Солары.
Соломенный. День Вентуария.
Деревянный. День Гильфаллерии.
Глиняный. День Херема.
Гипсовый. День Медеора.
Ледяной. День Гласитариды.
Бриллиантовый. День Космодана.

Луны в году
Луна Вепря. Осень на севере, весна на юге.

1.1. 1 число, Стеклянный Вепрь. Примадис или Первый День. Строятся планы на будущий год, загадываются желания. По обычаю сегодня надо хотя бы часик поработать – как бы заложить основу для хорошего года. Праздничный день.

1.2. 8 число, Бумажный Вепрь. Доктадис или Ученый День. Первый учебный день в школах, академиях и университетах. Школьные занятия в этот день чисто номинальные – все отмечают начало нового учебного года. Праздничный день.

1.3. 10 число, Фарфоровый Вепрь. Начало Королевского Кулинарного Конкурса. Проводится в Нгелте раз в год, длится семь дней. Главный праздник Нгелты, отмечается поварами по всему миру.

1.4. 21 число, Соломенный Вепрь. Аэфиридис или Воздушный День. Празднества в честь Вентуария – все запускают змеев и воздушные шары, устраивают соревнования жонглеров и пикники на крышах. Праздничный день.

1.5. 22 число. Деревянный Вепрь. Мундиалидис или Земной День. Праздник плодородия. В этот день все дарят друг другу земные плоды и благодарят мать-природу за ее щедрые дары. Особенно этот праздник популярен у ямстоков – они отмечают его особенно пышно. Праздничный день.

1.6. 25 число. Ледяной Вепрь. Фригудис или Холодный День. В этот день все чествуют приход холодного времени и окончание теплого. Пищу можно употреблять только холодную, на огне ничего готовить нельзя. Праздничный день.

Луна Скорпиона. Осень на севере, весна на юге.

2.1. 11 число, Железный Скорпион. Вирилидис или Мужской День. В этот день женщины делают подарки мужчинам. Праздничный день.

2.2. 15 число, Малахитовый Скорпион. Меркаторидис или Торговый День. В этот день непременно нужно что-нибудь купить и что-нибудь продать – пусть какой-нибудь пустяк, чисто формально. К этому дню приурочиваются самые большие ярмарки, происходят распродажи, заключается особенно много сделок. Праздничный день.

2.3. 19 число, Оловянный Скорпион. Хиларидис или Веселый День. Праздник юмора. В этот день принято обманывать, подшучивать и разыгрывать. Ложь в этот день не считается греховной, поэтому суды не проводятся, а клятвы не приносятся (все-таки принесенные – недействительны). В этот день часто проводятся карнавалы и маскарады. Праздничный день.

2.4. 22 число, Деревянный Скорпион. Сильванидис или Лесной День. В этот день Гильфаллерия проводит перепись населения среди растений. Рубить и портить деревья или иные растения в этот день строго запрещено, а вот сажать новые – приветствуется и восхваляется. Каждый, посадивший в этот день дерево, будет трижды благословлен Гильфаллерией. Лесорубы, плотники и столяры сидят по домам. Праздничный день.

Луна Осьминога. Осень на севере, весна на юге.

3.1. 5 число, Медный Осьминог. День Волшебного Единства.

Государственный праздник в Мистерии. Отмечается день, когда все чародеи мира сплотились против Бельзедора.

3.2. 12 число, Гранитный Осьминог. Пигеридис или Ленивый День. В этот день нельзя работать – даже самые незначительные работы исполнять запрещено. Обычно еду готовят накануне, чтобы в этот день не заниматься даже готовкой. Все сидят дома или гуляют по улицам, ничего не делая. Праздничный день.

3.3. 18 число, Янтарный Осьминог. Аридудис или Сухой День. В этот день запрещено прикасаться к воде – нельзя ее пить (другие жидкости можно), нельзя в ней мыться. Ее можно использовать, не прикасаясь – например, при готовке или мореплавании. Но контакт воды и тела запрещен. Праздничный день.

3.4. 22 число, Деревянный Осьминог. Матернидис или Материнский День. В этот день принято дарить подарки матери. Праздничный день.

Луна Ястреба. Зима на севере, лето на юге.

4.1. 1 число, Стеклянный Ястреб. Открытие Жреческого Конгресса. Проводится в Астучии раз в десять лет (в года, кратные десяти), длится одну луну (иногда продлевается). На этот день в Астучии собираются все понтифики, а также множество других священнослужителей. Главное событие десятилетия для севигистского духовенства.

4.2. 4 число, Бархатный Ястреб. Открытие Шоколадного Фестиваля. Проводится в Соколе раз в год, длится шесть дней.

4.3. 7 число, Хрустальный Ястреб. Аматоридис или Влюбленный День. В этот день влюбленные дарят подарки своим любимым, а количество признаний в любви больше, чем когда-либо. Считается, что ребенок, зачатый в эту ночь, родится счастливым. Праздничный день.

4.4. 10 число, Фарфоровый Ястреб. Эбридис или Пьяный День. Праздник алкоголя. В этот день все пьют и веселятся, провозглашают тосты и дегустируют вино. Все ограничения на алкоголь в этот день снимаются, и даже детям дают пригубить глоточек вина. Праздничный день.

4.5. 17 число, Костяной Ястреб. Мортудис или Мертвый День. Праздник поминовения усопших. В этот день положено навещать покойных на кладбище, а на стол ставятся дополнительные приборы – для покойных. Этот день – единственный в году, когда духам разрешено покидать Шиасс и навещать живых родственников. Праздничный день.

4.6. 19 число, Оловянный Ястреб. Первый день зимних каникул в учебных заведениях.

Луна Медведя. Зима на севере, лето на юге.

5.1. 2 число, Бамбуковый Медведь. Открытие Нивландских Игр. Проводятся в Нивландии раз в пять лет (в года, кратные пяти), продолжаются восемнадцать дней.

5.2. 8 число, Бумажный Медведь. Начало второго семестра в учебных заведениях.

5.3. 9 число, Серебряный Медведь. Бестиалидис или Звериный День. В этот день Вената проводит перепись населения среди зверей – млекопитающих. Убивать или есть зверей в этот день строго запрещено. Праздничный день.

5.4. 10 число, Фарфоровый Медведь. Фамеликудис или Голодный День. Строжайший пост. В этот день запрещено что-либо есть – можно только пить воду. Исключение делается только для маленьких детей. Поскольку тяжело ничего не есть целые сутки, многие пост все же нарушают. Однако делается это за закрытыми дверями и окнами – на виду у других в этот день никто не ест. Все рестораны закрыты, повара не работают. Праздничный день.

5.5. 15 число, Малахитовый Медведь. Аваридис или Жадный День. В этот день все придерживаются строжайшей экономии. Никто не тратит денег, никто ничего не покупает и не продает, не заключаются сделки. Лавки не работают, торговцы отдыхают. Праздничный день.

5.6. 24 число, Гипсовый Медведь. День Цитадели. Главный национальный праздник Империи Зла. Считается, что именно в этот день была построена Цитадель Зла. Праздничный день в Империи Зла.

Луна Скарабея. Зима на севере, лето на юге.

6.1. 13 число, Мраморный Скарабей. Культидис или Культурный День. В этот день воздается хвала различным искусствам. Проводятся творческие фестивали, выставки и ярмарки, в театрах и концертных залах даются специальные выступления, поэты и музыканты читают с помостов свои произведения. Праздничный день.

6.2. 14 число, Шелковый Скарабей. Аранедис или Паучий День. В этот день Часкет проводит перепись населения среди насекомых, паукообразных, ракообразных, многоножек и моллюсков. Убивать или есть его подданных в этот день строго запрещено. Праздничный день.

6.3. 15 число, Малахитовый Скарабей. Ларгудис или Щедрый День. В этот день все делают друг другу подарки, бедным раздается милостыня. Праздничный день.

6.4. 21 число, Соломенный Скарабей. Бибидис или Домашний День. В этот день все воздают должное домашнему очагу, сидя больше под своей крышей. Начинать в этот день путешествия – очень плохая примета. Праздничный день.

Луна Лебедя. Зима на севере, лето на юге.

7.1. 7 число, Хрустальный Лебедь. Гауденис или Счастливый День. В этот день все славят Лилейну, занимаясь любовью с любимыми людьми. Всякий оргазм в этот день особо благословлен Лилейной.

7.2. 12 число, Гранитный Лебедь. Лабориодис или Трудолюбивый День. В этот день устраиваются субботники, проводятся добровольные работы во имя общего блага. Убираются улицы городов и деревень, чинятся и строятся дома для неимущих, производятся благотворительные работы в храмах. Конечно, трудиться в этот день необязательно, однако большинство считает своим долгом хотя бы отметиться на общем субботнике – иначе стыдно. По окончании работ устраивается большое угощение. Праздничный день.

7.3. 21 число, Соломенный Лебедь. Авидис или Птичий День. В этот день Вентуарий проводит перепись населения среди птиц. Убивать или есть птиц в этот день строго запрещено. Праздничный день.

7.4. 24 число, Гипсовый Лебедь. Мизерикордис или Милосердный День. В этот день принято прощать друг другу обиды. В тюрьмах к этому дню приурочивается амнистия. Праздничный день.

7.5. 26 число, Бриллиантовый Лебедь. Официально не праздник, собственного названия не имеет. Тем не менее, в этот день обычно с работы отпускают пораньше, давая возможность немного отдохнуть и подготовиться к завтрашнему Маладису.

Маладис или Злой День. Равноденствие, солнце в зените. Не принадлежит ни одной луне. Считается несчастливым. На этот день по всему миру прекращаются войны, никто не начинает и не заканчивает никаких дел, а наиболее суеверные вообще не выходят из дому. Все храмы в Злой День закрыты, жрецы и монахи непрерывно молятся, дабы отвести беду, нечисть страшно буйствует, ведьмы слетаются в Сабарабат на великий шабаш, а богиня Юмпла облетает Парифат, раздавая несчастья. Никто не работает, но праздничным этот день не считается – это как бы «антипраздник», жалованье за него никогда не платят. Исключение – Империя Зла, там этот день празднуют, как по всему остальному миру – Бонадис. Родиться в Злой День – очень плохая примета.

Луна Тигра. Весна на севере, осень на юге.

1.1. 2 число, Бамбуковый Тигр. Начало Турнира Сильнейших. Проводится на Турлиа ежегодно, длится восемь дней.

1.2. 3 число, Бирюзовый Тигр. Ангуиндис или Змеиный День. В этот день Якулянг проводит перепись населения среди гадов – рептилий и амфибий. Убивать или есть рептилий и амфибий в этот день строго запрещено. Праздничный день.

1.3. 4 число, Бархатный Тигр. Фелидис или Кошачий День. В этот день все радуются существованию кошек, воздают им почести, восхваляя в их лице богиню Кобалию. Кошки в этот день пользуются особенным почетом – бездомных кошек сытно кормят, в храмах проводят специальные службы в их честь, многие стараются в этот день взять домой какого-нибудь котенка. Праздничный день.

1.4. 8 число, Бумажный Тигр. Первый день занятий в магистратуре Клеверного Ансамбля. Поскольку обучение на магистра длится два с половиной года, начинается оно точно в середине учебного года.

1.5. 10 число, Фарфоровый Тигр. Сатурдис или Сытый День. Праздник еды. В этот день все устраивают пиршества, ставят на стол самую лучшую еду, а правители и богачи выставляют беднякам обильное угощение. Праздничный день.

1.6. 18 число, Янтарный Тигр. Ликвидис или Жидкий День. В этот день в честь Марекса полагается употреблять исключительно жидкую пищу. Все едят супы, похлебки, тюри, жидкие каши и прочую еду, которую едят ложкой. Вилку в этот день никто в руки не берет. Праздничный день.

1.7. 19 число, Оловянный Тигр. Начало весенних каникул в учебных заведениях.

1.8. 22 число, Деревянный Тигр. Фрументаридис или Хлебный День. В этот день устраивается великий праздник урожая. На севере, где сейчас весна, проводится торжественный посев, на юге, где сейчас осень – торжественный сбор урожая. Выпекаются специальные фигурки из пшеницы, ржи, риса или иного злака, проводится триумфальное шествие в честь Гильфаллерии, дарующей земле плодородие. Праздничный день.

1.9. 25 число, Ледяной Тигр. Калидис или Горячий День. В этот день все чествуют приход теплого времени и окончание холодного. Пищу положено есть только горячую, неприготовленная и холодная – запрет. Праздничный день.

Луна Волка. Весна на севере, осень на юге.

2.1. 4 число, Бархатный Волк. Ораидис или Нарядный День. В этот день устраиваются большие маскарады, все надевают причудливые костюмы, пляшут, переодеваются, изображают сказочных персонажей. Праздничный день.

2.2. 8 число, Бумажный Волк. Открытие фестиваля Бриара. Проводится в Мистерии раз в год, длится четыре дня, раз в десять лет (по XXX8 годам) – семь дней, раз в сто лет (по XX38 годам) – десять дней. Главный праздник Мистерии, на него съезжается великое множество волшебников, вручаются премии, провозглашаются решения ученого совета. Волшебники по всему миру в эти дни не работают и не учатся. Для остальных людей это обычные дни. Начало третьего семестра в учебных заведениях (кроме Клеверного Ансамбля – там весенние каникулы продлеваются до конца фестиваля Бриара).

2.3. 11 число, Железный Волк. Фортидис или Героический День. В этот день поздравляются профессиональные военные и ветераны различных войн – им дарят подарки, благодарят за службу Отечеству, за доблесть при защите родной страны. Праздничный день.

2.4. 19 число, Оловянный Волк. Людификордис или Дурацкий День. В этот день все переворачивается с ног на голову – все меняются ролями, слуги становятся хозяевами, а хозяева – слугами, все делается наоборот. Устраиваются шутовские процессии, выбирается Король Дураков и Дурацкий Понтифик, всячески высмеивается то, что в остальные дни почитается. Даже жрецы в храмах не проводят служб, а рассказывают анекдоты, поют дурацкие песенки, представляют насмешливые сценки из жизни богов и святых. Никаких серьезных мероприятий в этот день не проводится, все в шутку, все понарошку. Праздничный день.

2.5. 24 число, Гипсовый Волк. Гратидис или Благодарный День. В этот день все благодарят богов и друг друга за все хорошее, что когда-либо было сделано. Праздничный день.

Луна Крокодила. Весна на севере, осень на юге.

3.1. 1 число, Стеклянный Крокодил. Открытие юбилейных празднеств в Астучии. Устраиваются по XXX0, XX25 и XX75 годам, длятся пятнадцать дней. В этот период Панденис объявляется городом святого паломничества – в эти дни молитвы и жертвоприношения в его храмах обретают десятикратную мощь (в годы, кратные 25 – двадцатипятикратную, а в годы, кратные 100 – стократную). Севигисты со всего мира устремляются в юбилейные годы в Астучию, Панденис буквально кипит от паломников.

3.2. 3 число, Бирюзовый Крокодил. Астридис или Звездный

День. В эту ночь все устраивают пикник под открытым небом, выходят полюбоваться звездами и восславить Якулянга. Праздничный день.

3.3. 7 число, Хрустальный Крокодил. День рождения Темного Властелина. Один из главных праздников в Империи Зла.

3.4. 17 число, Костяной Крокодил. Павордис или Кошмарный День. В этот день (точнее, ночь) все пугают друг друга, рассказывают страшные истории, наряжаются нечистью и чудовищами. Считается, что настоящая нечисть в этот день сидит по домам, обиженная, что над ней потешаются. Праздничный день.

3.5. 18 число, Янтарный Крокодил. Аквадис или Водяной День. В этот день вода во всех водоемах обретает чудесные свойства. Окунувшись в воду с головой, смываешь с себя большой грех, три средних или девять мелких. Чем больше окунешься, тем больше смоешь. Все идут к ближайшему водоему и купаются – даже если холодно. На улицах все обрызгивают друг друга водой, обливаются из ведер. Праздничный день.

Луна Ворона. Лето на севере, зима на юге.

4.1. 2 число, Бамбуковый Ворон. Открытие Липарадонских Игр. Проводятся в Липарадоне раз в пять лет (в года, кратные пяти), продолжаются до конца луны.

4.2. 7 число, Хрустальный Ворон. Цестадис или Целомудренный День. В этот день все публичные дома закрываются, а шлюхи берут выходной. Заниматься любовью в этот день – грех и плохая примета. Считается, что ребенок, зачатый в эту ночь в нарушение обычая, родится несчастным. Праздничный день.

4.3. 20 число, Золотой Ворон. Игнедис или Огненный День. В этот день все прославляют Солару, дарующую солнце на небе и огонь в очагах. В ее честь устраиваются факельные шествия, огненные феерии и фейерверки. Праздничный день.

4.4. 26 число, Бриллиантовый Ворон. Регалидис или Царский День. В этот день все особо чествуют короля или иного правителя, воздают ему хвалу, подносят памятные подарки. Правитель же в свою очередь выставляет подданным угощение. Праздничный день.

Луна Дельфина. Лето на севере, зима на юге.

5.1. 1 число, Стеклянный Дельфин. День Священного Брака. Согласно Ктаве, именно в этот день был заключен брак Космодана и Солары. Один из главных религиозных праздников. Праздничный день.

5.2. 2 число, Бамбуковый Дельфин. Открытие Дельфинских Игр. Проводятся в Дельфинии раз в четыре года (в года, кратные четырем), продолжаются двадцать один день.

5.3. 18 число, Янтарный Дельфин. Писцидис или Рыбный День. В этот день Марекс проводит перепись населения среди рыб. Убивать или есть рыб в этот день строго запрещено. Рыбаки сидят дома. Праздничный день.

5.4. 19 число, Оловянный Дельфин. Начало летних каникул в учебных заведениях.

5.5. 26 число, Бриллиантовый Дельфин. Патернидис или Отцовский День. В этот день принято дарить подарки отцу. Праздничный день.

Луна Краба. Лето на севере, зима на юге.

6.1. 7 число, Хрустальный Краб. Феминидис или Женский День. В этот день мужчины делают подарки женщинам. Праздничный день.

6.2. 16 число, Замшевый Краб. Интертриментудис или Мусорный День. В этот день принято избавляться от старого хлама – перебирать вещи, выносить на улицу ветхое и ненужное. Та дребедень, что еще может пригодиться, обычно подбирается бедняками. Праздничный день.

6.3. 23 число, Глиняный Краб. Эквиндис или Лошадиный День. В этот день положено давать отдых рабочим животным – нельзя ездить на них верхом, нельзя на них пахать, заставлять возить грузы. Все лошади, ослы, верблюды, волы, яки, слоны и даже такие экзотические существа, как дельфины, грифоны и бегемоты в этот день остается незаседланными и отдыхают. Праздничный день.

6.4. 24 число, Гипсовый Краб. Субмиссудис или Смиренный День. В этот день каждый должен вспомнить о том, что он лишь смертное существо, и преисполниться смирения перед высшими силами. Обязательно нужно надеть самую скромную одежду и посетить в ней храм. Короли, сановники, богачи и другие сильные мира сего в этот день лично раздают милостыню беднякам и даже омывают им ноги. Праздничный день.

Луна Горностая. Лето на севере, зима на юге.

7.1. 4 число, Бархатный Горностай. Термадис или Банный День. В этот день все моются, стригутся, устраивают торжественное очищение. День чистоты и гигиены. Праздничный день.

7.2. 7 число, Хрустальный Горностай. Авиадис или Бабкин День. Профессиональный праздник акушерок и повитух. В этот

день у каждой повитухи в доме большое угощение – к ней в гости приходят роженицы, которым она помогала, и дети, которых она приняла, причем все непременно с подарками. Именно по этим дням обычно начинают практиковать новые повитухи. Праздничный день.

7.3. 11 число, Железный Горностай. Пацифидис или Мирный День. В этот день запрещено вести военные действия, драться и даже проводить соревнования. Войны на этот день приостанавливаются, враждующие стороны заключают перемирие, все арены и стадионы закрываются. Праздничный день.

7.4. 26 число, Бриллиантовый Горностай. Постремидис или Последний День. Подводятся итоги прошедшего года, вспоминается все плохое и хорошее, что в нем было. Все отдыхают и готовятся к завтрашнему Доброму Дню. Праздничный день.

Бонадис или Добрый День. Равноденствие, солнце в зените. Не принадлежит ни одной луне. Считается счастливым. В Добрый День на Парифате отмечается Новый Год, в этот день все стараются не совершать плохих поступков, быть добрыми к окружающим и делать друг другу подарки. Во всех храмах в Добрый День торжественное богослужение, нечисть прячется по берлогам, черное колдовство не имеет силы, гоблины ходят с колядками, а богиня Юмпла облетает Парифат, даря детям подарки. Отдыхают все без исключения. Родиться в Добрый День – очень хорошая примета. Именно в этот день родился Сакор Дзидоша. Самый главный праздничный день.